

ІЮНЬ. 1916. ПТРГ.

БТОПИСЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ. ♦ А. ЧАПЫГИНЪ. Бѣгунъ. ♦ Л. ПАСЫНКОВЪ. Безъ дѣла. ♦ ИВ. БУНИНЪ. Стихотворенія. ♦ Л. КАТЛЕНЪ. Ихъ малышъ. ♦ ПЬЕРЪ МИЛЛЬ. Монархъ. ♦ В. АРЕНСЪ. Стихотворенія. ♦ Н. НИКОЛБСКІЙ. Основные моменты въ развитіи русской церковной жизни. ♦ Ю. ДЕЛЕВСКІЙ. Новѣйшія космогоническія теории. ♦ С. ЛУРЬЕ. Вопросы войны и мира 2300 лѣтъ тому назадъ. ♦ Н. РОЖКОВЪ. Дороговизна. ♦ А. МАРТЫНОВЪ. Въ тискахъ міровой конкуренціи. ♦ Л. МАРТОВЪ. Гражданинъ Густавъ Эрве. ♦ С. ВОЛБСКІЙ. Лордъ Китченеръ. ♦ РОМЭНЪ РОЛЛАНЪ. Правда въ Шекспировскомъ театрѣ. ♦ А. ПИНКЕВИЧЪ. Къ реформѣ средней школы. ♦ Л. НИКИТСКІЙ. Новые прямые налоги. ♦ ВИЛЬЯМЪ СИМПЛЬТОНЪ. Письма знатнаго иностранца. ♦ БИБЛІОГРАФІЯ.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА, имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ отдѣлъ
„TABACS et CIGARETTES de LUXE“:

Sphinx, Khedive, Classic, — Англійскіе табаки.

CIGARES de la HAVANE — Importation directe.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„САФО“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„DARLING“ $\frac{10 \text{ шт. } 15 \text{ к.}}{10 \text{ шт. } 20 \text{ к.}}$ 30 к.

„АДА“ 10 шт.
10 к.

„ДЯДЯ КОСТЯ“ $\frac{10 \text{ шт.}}{10 \text{ к.}}$

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 24. МОСКВА, Кузнецкій м., д. 1-го Рос. Страх. О-ва.

Т-во Я. Н. Богдановъ и Ко.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПАРУСЪ“

А. Н. ТИХОНОВА.

Петроградъ, Бол. Монетная, 18, кв. 4.

Поступилъ въ продажу

Сборникъ армянской литературы

подъ редакціей **М. Горькаго.**

Цѣна 2 рубля.

Лица, выписывающія книгу непосредственно отъ издательства
«ПАРУСЪ», за пересылку не платятъ.

АВТОИПСЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЬ

№ 6

ИЮНЬ

1916

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ	5
II. А. ЧАПЫГИНЪ. Бѣгунъ	2
III. Л. ПАСЫНКОВЪ. Безъ дѣла	49
IV. Ив. БУНИНЪ. Стих. Райское дерево. Исалтирь . . .	65
V. ЛЕОНЪ КАТЛЕНЪ. Ихъ малышъ. Пер. О. СИ- ДЕРСКОЙ	67
VI. ПЬЕРЪ МИЛЛЬ. Монархъ. Пер. Н. ТАСИНА	106
VII. В. АРЕНСЪ. Стихотворенія.	139
VIII. Н. НИКОЛЬСКІЙ. Основные моменты въ развитіи русской церковной жизни	141
IX. Ю. ДЕЛЕВСКІЙ. Новѣйшія космогоническія теоріи	160
X. С. ЛУРЬЕ. Вопросы войны и мира 2300 лѣтъ тому назадъ	184
XI. Н. РОЖКОВЪ. Дороговизна	203
XII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—А. МАР- ТЫНОВЪ. Въ тискахъ мировой конкуренціи. Л. МАРТОВЪ. Гражданинъ Густавъ Эрве. С. ВОЛЬ- СКІЙ. Лордъ Китченеръ	217
XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—А. ПИНКЕ- ВИЧЪ. Къ реформѣ средней школы. А. НИКИТ- СКІЙ. Новые прямые налоги	247
XIV. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО. РОМАНЪ РОЛЛАНЪ. Правда въ Шекспировскомъ театрѣ. Пер. А. ЛУНАЧАРСКАГО	270
XV. П О Р О С С І И.—ВИЛЬЯМЪ СИМПЛЬТОНЪ. Письма знатнаго иностранца	282

XVI. БИБЛИОГРАФІЯ. А. Л—НЪ. Изъ литературной жизни Франціи. А. К—ВЪ. Новости русской исторіографіи. А. Д. Б. «Земля». Сб. XVІІІ. А. СЕРЕБРОВЪ. Романъ Ролланъ. «Жанъ Кристофъ. Ярмарочная площадь». [МИХ. ЛЕВИДОВЪ. Джекъ Лондонъ. «Желѣзная пята», «Звѣздныя скитанія». Д. ВОЛКОВЪ. Юри Соболевъ. «Антонъ Чеховъ». ЛЕОНИДЪ СТАРКЪ. Горбачевскій. «Записки декабриста». А. К—ВЪ. Л. Н. Пыпинъ. «Религіозныя движенія при Александрѣ І». П. ЮШКЕВИЧЪ. Д. Заславскій. Ст. Ивановичъ. «Кадеты и еврей». А. ПИНКЕВИЧЪ. «Инородческая школа». А. ПИНКЕВИЧЪ. «Календаръ русской природы на 1916 г. НИК. СУХАНОВЪ. «Общество имени Чупрова. Труды Комисси по изученію современной дороговизны. Вып. IV». М. ПЕТРОВЪ. «Трудовое посредничество». М. ПЕТРОВЪ. И. В. Владиславлевъ. «Классификація литературы по вопросамъ земскаго и городского самоуправления»	291
XVII. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. А. Пинкевичъ.	321
XVIII. Книги, поступившія въ редакцію	322
XIX. Объявленія	324

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи переписанными на пишущей машинкѣ, или совершенно четко перомъ.

Редакція оставляетъ за собой право исправлять или сокращать рукописи по своему усмотрѣнію.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Приемъ по днямъ редакціи—по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Приемъ секретаря—по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 2 до 5 час.

Ее постоянно окружали офицеры дивизіи, стоявшей въ городѣ, по вечерамъ у нея играли на пианино и скрипкѣ, на гитарахъ, танцовали и пѣли. Чаше другихъ около нея вертѣлся на коротенькихъ ножкахъ маіоръ Олесовъ, толстый, краснорожій, сѣдой и сальный, точно машинистъ съ парохода. Онъ хорошо игралъ на гитарѣ и велъ себя, какъ почкорный, преданный слуга дамы.

Такъ же счастливо-красива, какъ мать, была и пятилѣтняя дѣвочка, кудрявая, полненькая. Ея огромные, синеватые глаза смотрѣли серьезно, спокойно ожидающимъ взглядомъ и было въ этой дѣвочкѣ что-то не дѣтски вдумчивое.

Бабушка съ утра до вечера занята хозяйствомъ вмѣстѣ съ Тюфяевымъ, угрюмо нѣмымъ, и толстой, косоглазой горничной; няньки у ребенка не было, дѣвочка жила почти безпризорно, цѣлыми днями играя на крыльцѣ или на кучѣ бревенъ противъ него. Я часто по вечерамъ выходилъ играть съ нею и очень полюбилъ дѣвочку, а она быстро привыкла ко мнѣ и засыпала на рукахъ у меня, когда я рассказывалъ ей сказку. Заснетъ, а я ее отнесу въ постель. Скоро дошло до того, что, ложась спать, она непременно требовала, чтобы я пришелъ проститься съ нею. Я приходилъ, она важно протягивала мнѣ пухлую ручку и говорила:

— Прощай до завтра! Бабушка, какъ нужно сказать?

— Храни тебя Господь, — говорила бабушка, выпуская изо рта и остраго носа сизыя струйки дыма.

— Храни тебя Господь до завтра, а я ужъ буду спать, — повторяла дѣвочка, кутаясь въ одѣяло, обшитое кружевомъ.

Бабушка внушала ей:

— Не до завтра, а — всегда!

— А развѣ завтра не всегда бываетъ?

Она любила слово «завтра» и все, что нравилось ей, переносила въ будущее; натываетъ въ землю сорванныхъ цвѣтовъ, сломанныхъ вѣтокъ и говорить:

— Завтра это будетъ садъ...

— Когда-нибудь завтра я тоже куплю себѣ ошадь и поѣду верхомъ, какъ мама...

Она была умненькая, но не очень веселая, часто во время оживленной игры вдругъ задумается и спроситъ неожиданно:

— Зачѣмъ у священниковъ волосы, какъ у женщиновъ?

Обожглась крапивою и, грозя ей пальцемъ, сказала:

— Смотри, я помоюсь Богу, такъ онъ сдѣваетъ тебѣ очень плохо. Богъ всѣмъ можетъ сдѣвать плохо — Онъ даже маму можетъ наказать...

Иногда на нее спускалась тихая, серьезная печаль; прижимаясь ко мнѣ, глядя въ небо синими, ожидающими глазами, она говорила:

— Бабушка бываетъ сердитая, а мама никогда не бываетъ, она тойко смѣется. Ее всѣ юбятъ, потому что ей всегда некогда, все приходятъ гости, гости, и смотрятъ на нее, потому что она красивая. Она — ми'ая, мама. И Оесовъ такъ говоритъ: ми'ая мама!

Мнѣ страшно нравилось слушать дѣвочку, — она рассказывала о мирѣ, незнакомомъ мнѣ. Про мать свою она говорила всегда охотно и много, — предо мною тихонько открывалась новая жизнь, снова я вспоминалъ Королеву Марго, это еще болѣе углубляло довѣріе къ книгамъ, а также интересъ къ жизни.

Однажды вечеромъ, когда я сидѣлъ на крыльцѣ, ожидая хозяевъ, ушедшихъ гулять на Откосъ, а дѣвочка дремала на рукахъ у меня, подѣхала верхомъ ея мать, легко прыгнула на землю, и, вскинувъ голову, спросила:

— Что это она — спитъ?

— Да.

— Вотъ какъ...

Выскочилъ солдатъ Тюфяевъ, принялъ коня, дама сунула хлысть за кушакъ и сказала, протянувъ руки:

— Дай мнѣ ее!

— Я самъ отнесу.

— Но! — крикнула дама на меня, какъ на лошадь, и толкнула ногою о ступень крыльца.

Дѣвочка проснулась, мигая, посмотрѣла на мать и тоже протянула къ ней руки. Онѣ ушли.

Я привыкъ, чтобы на меня кричали, но было неприятно, что эта дама тоже кричитъ, — всякій послушаетъ ее, если она даже и тихо прикажетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ меня позвала косоглазая горничная, — дѣвочка капризничаетъ, не хочетъ идти спать, не простясь со мною.

Я, не безъ гордости передъ матерью, вошелъ въ гостиную, дѣвочка сидѣла на колѣняхъ матери, дама ловкими руками раздѣвала ее.

— Ну, вотъ, — сказала она, — вотъ онъ пришелъ, это чудовище!

— Это не чудовище, а мой майчикъ...

— Вотъ какъ? Очень хорошо. Давай-же, подаримъ что-нибудь твоему мальчику. Хочешь?

— Да, хочу!

— Прекрасно, я это сдѣлаю, а ты иди спать.

— Прощай до завтра, — сказала дѣвочка, протянувъ мнѣ руку, — Храни тебя Господи до завтра...

Дама удивленно воскликнула:

— Кто это тебя научилъ — бабушка?

— Да-а...

Когда она ушла, дама поманила меня пальцемъ.

— Что-же тебѣ подарить?

Я сказалъ, что мнѣ ничего не надо дарить, а—не дастъ-ли она мнѣ какую-нибудь книжку?

Она приподняла мой подбородокъ горячими душистыми пальцами, спрашивая съ пріятной улыбкой:

— Вотъ какъ, ты любишь читать, да? Какія-же книги ты читалъ?

Улыбаясь, она стала еще красивѣе; я смущенно назвалъ ей нѣсколько романовъ.

— Что же въ нихъ нравится тебѣ? — спрашивала она, положивъ руки на столъ и тихонько шевеля пальцами.

Отъ нея исходилъ сладкій, крѣпкій запахъ какихъ-то цвѣтовъ, съ нимъ странно сливался запахъ лошадиного пота. Она смотрѣла на меня сквозь длинныя рѣсницы задумчиво-серьезно, — до этой минуты никто еще не смотрѣлъ на меня такъ.

Отъ множества мягкой и красивой мебели въ комнатѣ было тѣсно, какъ въ птичьемъ гнѣздѣ; окна закрывала густая зелень цвѣтовъ, въ сумракѣ блестяли снѣжно-бѣлые изразцы печи, рядомъ съ нею лоснился черный рояль, а со стѣнъ въ тускломъ золотѣ рамъ смотрѣли какія-то темныя грамоты, криво усѣянныя крупными буквами славянской печати, и подъ каждой грамотой висѣла на шнурѣ темная, большая печать. Всѣ вещи смотрѣли на эту женщину такъ же покорно и робко, какъ я.

Я объяснилъ ей, какъ умѣлъ, что жить очень трудно и скучно, а, читая книги, забываешь объ этомъ.

— Да-а, вотъ какъ? — сказала она, вставая. — Это — не дурно, это, пожалуй, вѣрно... Ну, что жъ? Я стану давать

тебѣ книги, но сейчасъ у меня нѣтъ... А, впрочемъ, возьми вотъ это...

Она взяла съ дивана истрепанную книжку въ желтой обложкѣ.

— Прочитаешь — дамъ вторую часть, ихъ четыре...

Я ушелъ, унося съ собой «Тайны Петербурга» князя Мещерскаго и началъ читать эту книгу съ большимъ вниманіемъ, но съ первыхъ-же страницъ мнѣ стало ясно, что петербургскія «тайны» значительно скучнѣе мадридскихъ, лондонскихъ и парижскихъ. Забавною показалась мнѣ только басня о Свободѣ и Палкѣ.

«Я выше тебя, — сказала Свобода, — потому, что умнѣе».

Но палка отвѣтила ей:

«Нѣтъ, я выше тебя, потому что я — сильнѣй тебя».

Спорили, спорили и подрались; Палка избила Свободу и Свобода — помнится мнѣ — умерла въ больницѣ отъ побоевъ.

Въ книгѣ шла рѣчь о нигилистѣ. Помню, что, по князю Мещерскому, нигилистъ есть человѣкъ настолько ядовитый, что отъ взгляда его издыхаютъ курицы. Слово нигилистъ показалось мнѣ обиднымъ и неприличнымъ, но больше я ничего не понялъ и впалъ въ уныніе; очевидно, я не умѣю понимать хорошія книги! А что книга хорошая, въ этомъ я былъ убѣжденъ: вѣдь не станетъ-же такая важная и красивая дама читать плохія!

— Ну, что-же, понравилось? — спросила она, когда я возвратилъ ей желтый романъ Мещерскаго.

Мнѣ было очень трудно отвѣтить — нѣтъ, я думалъ, что это ее разсердить.

Но она только разсмѣялась, уходя за портьеру, гдѣ была ея спальня, и вынесла оттуда маленькій томикъ въ переплетѣ синяго сафьяна.

— Это тебѣ понравится, только не пачкай!

Это были поэмы Пушкина. Я прочиталъ ихъ всѣ сразу, схваченный тѣмъ жаднымъ чувствомъ, которое испытываешь, попадая въ невиданно красивое мѣсто — всегда стремишься объжать его сразу. Такъ бываетъ послѣ того, когда долго ходишь по моховымъ кочкамъ болотистаго лѣса и неожиданно развернется предъ тобою сухая поляна, вся въ цвѣтахъ и солнцѣ. Минуту смотришь на нее очарованный, а потомъ счастливо объжишь всю и каждое прикосновеніе

ноги къ мягкимъ травамъ плодородной земли тихо радуеть.

Пушкинъ до того удивилъ меня простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мнѣ неестественной и читать ее было неловко. Прологъ къ «Руслану» напоминалъ мнѣ лучшія сказки бабушки, чудесно сжавъ ихъ въ одну, а нѣкоторыя строки изумляли меня своей чеканной правдой.

— Тамъ, на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей —

мысленно повторялъ я чудесныя строки и видѣлъ эти, очень знакомыя мнѣ, едва замѣтныя тропы, видѣлъ таинственные слѣды, которыми примята трава, еще не стряхнувшая капель росы, тяжелыхъ, какъ ртуть. Полнозвучныя строки стиховъ запоминались удивительно легко, украшая празднично все, о чемъ говорили они, это дѣлало меня счастливымъ, жизнь мою — легкой и пріятной, стихи звучали, какъ благовѣсть новой жизни. Какое это счастье — быть грамотнымъ!

Великолѣпныя сказки Пушкина были всего ближе и понятнѣе мнѣ; прочитавъ ихъ нѣсколько разъ, я уже зналъ ихъ на память; лягу спать и шепчу стихи, закрывъ глаза, пока не усну. Нерѣдко я пересказывалъ эти сказки деньщикамъ; они, слушая, хохочутъ, ласково ругаются, Сидоровъ гладитъ меня по головѣ и тихонько говорить:

— Вотъ славно, а? Ахъ, Господи...

Возбужденіе, охватившее меня, было замѣчено хозяевами, старуха ругалась:

— Зачитался, пострѣлъ, а самоваръ четвертый день не чищенъ! Какъ возьму скалку...

Что — скалка? Я оборонялся противъ нея стихами:

— Душою черной зло любя,
Колдунья старая...

Дама еще выше выросла въ моихъ глазахъ, — вотъ какія книги читаетъ она! Это — не фарфоровая закройщица...

Когда я принесъ ей книгу и съ грустью отдалъ, она увѣренно сказала:

— Это тебѣ понравилось? Ты слыхалъ о Пушкинѣ?

Я что-то уже читалъ о поэтѣ въ одномъ изъ журналовъ, но мнѣ хотѣлось, чтобы она сама рассказала о немъ и я сказалъ, что не слыхалъ.

Кратко рассказавъ мнѣ о жизни и смерти Пушкина, она спросила, улыбаясь, точно весенній день:

— Видишь, какъ опасно любить женщинъ?

По всѣмъ книжкамъ, прочитаннымъ мною, я зналъ, что это, дѣйствительно, — опасно, но и — хорошо. Я сказалъ:

— Опасно, а всѣ любятъ! И женщины тоже вѣдь мучаются отъ этого...

Она взглянула на меня, какъ смотрѣла на все, сквозь рѣсницы и сказала серьезно:

— Вотъ какъ? Ты это понимаешь? Тогда я желаю тебѣ — не забывай объ этомъ!

И начала спрашивать, какіе стихи понравились мнѣ?

Я сталъ что-то говорить ей, размахивая руками, читая на память. Она слушала меня молча и серьезно, потомъ встала и прошлась по комнатѣ, задумчиво говоря:

— Тебѣ, милѣйшій звѣрь, нужно бы учиться! Я подумаю объ этомъ... Твои хозяева — родственники тебѣ?

И когда я отвѣтилъ утвердительно, она воскликнула:

— О! — какъ-будто осуждая меня.

Она дала мнѣ «Пѣсни Беранже», превосходное изданіе, съ гравюрами, въ золотомъ обрѣзѣ и красномъ кожаномъ переплетѣ. Эти пѣсни окончательно свели меня съ ума странно-гѣсною связью ѣдкаго горя съ буйнымъ весельемъ.

Съ холодомъ въ груди я читалъ горькія слова «Старога ницаго»:

— Червь бездомный — я васъ безпокою?

Раздавите гадину ногою!

Что жалѣть? Приплюсните скорѣй!

Отчего меня вы не учили,

Не дали исхода моей силѣ?

Вышелъ бы изъ червя — муравей!

Я бы умеръ, братьевъ обнимая.

А, бродягой старымъ умирая,—

Призываю мщенье на людей!

А вслѣдъ за этимъ я до слезъ хохоталъ, читая «Плачущаго мужа». И особенно запомнились мнѣ слова Беранже:

— Жизни веселой наука —

Не тяжела для простыхъ!..

Беранже возбудилъ у меня неоднократное веселье, желаніе озорничать, говорить всѣмъ людямъ какія-то дерзкія,

острыя слова, и я въ краткій срокъ очень преуспѣлъ въ этомъ. Его стихи я тоже заучилъ на память и съ великимъ увлеченіемъ читалъ деньщикамъ, забѣгая въ кухни къ нимъ на нѣсколько минутъ.

Но скоро я долженъ былъ отказаться отъ этого, потому что строки:

А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ —
Какая шапка не пристанетъ! —

вызвали отвратительную бесѣду о дѣвушкахъ, это оскорбило меня до бѣшенства и я ударилъ солдата Ермохина кастрюлей по головѣ. Сидоровъ и другіе деньщики вырвали меня изъ неловкихъ рукъ его, но съ той поры я не рѣшался бѣгать по офицерскимъ кухнямъ.

Гулять на улицу меня не пускали, да и некогда было гулять, работа все росла; теперь, кромѣ обычнаго труда за горничную, дворника и «мальчика на посылкахъ», я долженъ былъ ежедневно набивать гвоздями на широкія доски коленкоръ, наклеивать на него чертежи, переписывать смѣты строительныхъ работъ хозяина, провѣрять счета подрядчиковъ, — хозяинъ работалъ съ утра до ночи, какъ машина.

Въ тѣ года казенныя зданія Ярмарки отходили въ частную собственность торговцевъ; торговые ряды торопливо перестраивались, мой хозяинъ бралъ подряды на ремонтъ лавокъ и на постройку новыхъ. Онъ составлялъ чертежи «на передѣлку перемычекъ, пробить въ крышѣ слуховое окно» и т. п.; я носилъ эти чертежи къ старенькому архитектору, вмѣстѣ съ конвертомъ, куда пряталась двадцатипяти-рублевая бумажка — архитекторъ бралъ деньги и подписывалъ: «Чертежъ съ натурою вѣренъ и надзоръ за работами принялъ Имярекъ». Разумѣется, природы онъ не видалъ, а надзора за работами не могъ принять, ибо по болѣзни вовсе не выходилъ изъ дома.

Я же разносилъ взятки смотрителю Ярмарки и еще какимъ-то нужнымъ людямъ, получая отъ нихъ «разрѣшительныя бумажки на всякое беззаконіе», какъ именовалъ хозяинъ эти документы. За все это я получилъ право дожидаться хозяевъ у двери, на крыльцѣ, когда они вечерами уходили въ гости. Это случалось не часто, но они возвращались домой послѣ полуночи и нѣсколько часовъ я сидѣлъ на площадкѣ крыльца или на кучѣ бревенъ, противъ него,

глядя въ окна квартиры моей дамы, жадно слушая веселый говоръ и музыку.

Окна открыты. Сквозь занавѣси и сѣти цвѣтовъ я видѣлъ, какъ по комнатамъ двигаются стройныя фигуры офицеровъ, катается круглый маіоръ, плаваетъ она, одѣтая удивительно просто, красиво.

Я назвалъ ее про себя — Королева Марго.

«Вотъ та самая веселая жизнь, о которой пишутъ во французскихъ книгахъ,» — думалъ я, глядя въ окна. И всегда мнѣ было немножко печально, — дѣтской ревности моей больно видѣть вокругъ Королевы Марго мужчинъ, — они вились около нея, какъ осы надъ цвѣткомъ.

Рѣже другихъ къ ней приходилъ высокій, невеселый офицеръ, съ разрубленнымъ лбомъ и глубоко спрятанными глазами, онъ всегда приносилъ съ собою скрипку и чудесно игралъ, — такъ игралъ, что подъ окнами останавливались прохожіе, на бревнахъ собирался народъ со всей улицы, даже мои хозяева — если они были дома — открывали окна и, слушая, хвалили музыканта. Не помню, чтобы они хвалили еще кого-нибудь, кромѣ соборнаго протодьякона, и знаю, что пирогъ съ рыбьими жирами нравился имъ, все-таки, больше, чѣмъ музыка.

Иногда офицеръ пѣлъ и читалъ стихи глуховатымъ голосомъ, странно задыхаясь, прижимая ладонь ко лбу. Однажды, когда я игралъ подъ окномъ съ дѣвочкой и Королева Марго просила его пѣть, онъ долго отказывался, потомъ четко сказалъ:

— Только пѣснѣ нужна красота,
Красотѣ-же — и пѣсни не надо...

Мнѣ очень понравились эти стихи и, почему-то, стало жалко офицера.

Мнѣ было пріятнѣе смотрѣть на мою даму, когда она сидѣла у рояля, играя, одна въ комнатѣ. Музыка опьяняла меня, я ничего не видѣлъ, кромѣ окна, и за нимъ, въ желтомъ свѣтѣ лампы, стройную фигуру женщины, гордый профиль ея лица и бѣлыя руки, птицами летавшія по клавиатурѣ.

Смотрѣлъ я на нее, слушалъ грустную музыку и бредилъ: найду гдѣ-то кладъ и весь отдамъ ей — пусть она будетъ богата! Если бъ я былъ Скобелевымъ, я снова объявилъ бы войну туркамъ, взялъ бы выкупъ, построилъ бы на Откосѣ, лучшемъ мѣстѣ города, — домъ и подарилъ бы

ей — пусть только она уйдетъ изъ этой улицы, изъ этого дома, гдѣ всѣ поворять про нее обидно и гадко.

И сосѣди, и вся челядь нашего двора, — а мои хозяева въ особенности, — всѣ говорили о Королевѣ Марго такъ же плохо и злобно, какъ о закройщицѣ, но говорили болѣе осторожно, понижая голоса и оглядываясь.

Боялись ея, можетъ быть, потому, что она была вдовою очень знатнаго человѣка — грамоты на стѣнахъ комнаты ея были жалованы дѣдамъ ея мужа старыми русскими царями: Годуновымъ, Алексѣемъ и Петромъ Великимъ, — это сказалъ мнѣ солдатъ Тюфяевъ, человѣкъ грамотный, всегда читавшій Евангеліе. Можетъ быть, люди боялись, какъ бы она не избилла своимъ хлыстомъ съ лиловымъ камнемъ въ ручкѣ, — говорили, что она уже избилла имъ какого-то важнаго чиновника.

Но слова вполголоса были не лучше громко сказанныхъ словъ; моя дама жила въ облакѣ вражды къ ней, вражды непонятной мнѣ и мучившей меня. Викторушка рассказывала, что, возвращаясь домой послѣ полуночи, онъ посмотрѣлъ въ окно спальни Королевы Марго и увидѣлъ, что она въ одной рубашкѣ сидитъ на кушеткѣ, а маіоръ, стоя на колѣняхъ, стрижетъ ногти на ея ногахъ и вытираетъ ихъ губкой.

Старуха, ругаясь, плевалась, молодая хозяйка визжала, покраснѣвъ:

— Викторъ, фу! Какой безстыжій! Ахъ, какіе пакостники, эти господа!

Хозяинъ молчалъ, улыбался, — я былъ очень благодаренъ ему за то, что онъ молчитъ, но со страхомъ ждалъ, что и онъ вступится сочувственно въ шумъ и вой. Взвизгивая, ахая, женщины подробно спрашивали Викторушку, какъ именно сидѣла дама, какъ стоялъ на колѣняхъ маіоръ — Викторъ прибавлялъ все новыя подробности:

— Рожа красная, языкъ высунулъ...

Я не видѣлъ ничего зазорнаго въ томъ, что маіоръ стрижетъ ногти дамѣ, но я не вѣрилъ, что онъ высунулъ языкъ, это мнѣ показалось обидною ложью и я сказалъ Викторушкѣ:

— Если это — нехорошо, такъ зачѣмъ вы въ окошко-то смотрѣли? Вы — не маленькій...

Меня изругали, конечно, но ругань не обижала меня, мнѣ только одного хотѣлось — сбѣжать внизъ, встать на колѣни передъ дамой, какъ стоялъ маіоръ, и просить ее:

— Пожалуйста, уѣзжайте изъ этого дома!

Теперь, когда я зналъ, что есть другая жизнь, иные люди, чувства, мысли, этотъ домъ, со всѣми его жителями, возбуждалъ во мнѣ отвращеніе все болѣе тяжелое. Весь онъ былъ оплетенъ грязною сѣтью позорныхъ сплетенъ, въ немъ не было ни одного человѣка, о которомъ не говорили бы злостно. Полковой полкъ, больной, жалкій, былъ ославленъ, какъ пьяница и развратникъ; офицеры и жены ихъ жили, по рассказамъ моихъ хозяевъ, въ свальномъ грѣхѣ; мнѣ стали противны однообразныя бесѣды солдатъ о женщинахъ и больше всего опротивѣли мнѣ мои хозяева — я очень хорошо зналъ истинную цѣну излюбленныхъ ими, беспощадныхъ сужденій о людяхъ. Наблюденія за пороками людей — единственная забава, которою можно пользоваться бесплатно. Мои хозяева только забавлялись, словесно истязуя ближнихъ, и какъ-бы мстили всѣмъ за то, что сами живутъ такъ благочестиво, трудно и скучно.

Когда о Королевѣ Марго говорили пакостно, я переживалъ судорожные припадки чувствъ не дѣтскихъ, сердце мое набухало ненавистью къ сплетникамъ, мною овладѣвало неукротимое желаніе злить всѣхъ, озорничать, а иногда я испытывалъ мучительные приливы жалости къ себѣ и ко всѣмъ людямъ, — эта нѣмая жалость была еще тяжелѣе ненависти.

Я зналъ о Королевѣ больше, чѣмъ знали они, и я боялся, чтобы имъ не стало извѣстно то, что я знаю.

По праздникамъ, когда хозяева уходили въ соборъ къ поздней обѣднѣ, я приходилъ къ ней утромъ, она звала меня въ спальню къ себѣ, я садился на маленькое, обитое золотистымъ шелкомъ кресло, дѣвочка влѣзала мнѣ на колѣни, я рассказывалъ матери о прочитанныхъ книгахъ. Она лежала на широкой кровати, положивъ подъ щеку маленькія ладошки, сложенныя вмѣстѣ, тѣло ея спрятано подъ покрываломъ, такимъ-же золотистымъ, какъ и все въ спальнѣ, темные волосы, заплетенные въ косу, перекинувшись черезъ смуглое плечо, лежали впереди ея, иногда свѣшиваясь съ кровати на полъ.

Слушая меня, она смотритъ въ лицо мое мягкими глазами и, улыбаясь чуть замѣтно, говоритъ:

— Вотъ какъ?

Даже благожелательная улыбка ея была, въ моихъ глазахъ, только снисходительной улыбкой королевы. Она гово-

рила густымъ ласкающимъ голосомъ и мнѣ казалось, что она говорить всегда одно:

— Я знаю, что я неизмѣримо лучше, чище всѣхъ людей и никто изъ нихъ не нуженъ мнѣ.

Иногда я заставлялъ ее передъ зеркаломъ, она сидѣла на низенькомъ креслѣ, причесывая волосы, концы ихъ лежали на-колѣняхъ ея, на ручкахъ кресла, спускались черезъ спинку его почти до полу — волосы у нея были такъ-же длинны и густы, какъ у бабушки. Я видѣлъ въ зеркалѣ ея смуглыя, крѣпкія, груди, она надѣвала при мнѣ лифъ, чулки, но ея чистая нагота не будила у меня ощущеніи стыдныхъ, а только радостное чувство гордости за нее. Всегда отъ нея исходилъ запахъ цвѣтовъ, защищавшій ее отъ дурныхъ мыслей о ней.

Я былъ здоровъ, силенъ, хорошо зналъ тайны отношеній мужчины къ женщинѣ, но люди говорили при мнѣ объ этихъ тайнахъ съ такимъ безсердечнымъ злорадствомъ, съ такой жестокостью, такъ грязно, что эту женщину я не могъ представить себѣ въ объятіяхъ мужчины, мнѣ трудно было думать, что кто-то имѣетъ право прикоснуться къ ней дерзко, и безстыдно, рукою хозяина ея тѣла. Я былъ увѣренъ, что любовь кухонь и чулановъ невѣдома Королевѣ Марго, она знаетъ какія-то инныя, высшія радости, иную любовь.

Но однажды, передъ вечеромъ, придя въ гостиную, я услышалъ за портьерой спальни звучный смѣхъ дамы моего сердца и мужской голосъ, просившій:

— Подожди-же... Господи! Не вѣрю.

Мнѣ нужно было уйти, я понималъ это, но не могъ уйти...

— Кто тамъ?—спросила она. — Ты? Войди...

Въ спальнѣ было душно отъ запаха цвѣтовъ; сумрачно, окна были занавѣшены... Королева Марго лежала на постели, до подбородка закрытвись одѣяломъ, а рядомъ съ нею, у стѣны, сидѣлъ въ одной рубахѣ, съ раскрытою грудью, скрипачъ-офицеръ, — на груди у него тоже былъ шрамъ, онъ лежалъ красною полосою отъ праваго плеча къ соску и былъ такъ ярокъ, что даже въ сумракѣ я отчетливо видѣлъ его. Волосы офицера были смѣшно встрепаны, и впервые я видѣлъ улыбку на его печальномъ, изрубленномъ лицѣ, — улыбался онъ странно. А его большіе, женскіе глаза смотрѣли на Королеву такъ, какъ будто онъ только впервые разглядѣлъ красоту ея.

— Это мой другъ, — сказала Королева Марго, не знаю, — мнѣ или ему.

— Чего ты такъ испугался? — услыхаль я, точно издали, ея голосъ. — Поди сюда...

Когда я подошелъ, она обняла меня за шею голой, горячей рукою и сказала:

— Выростешь — и ты будешь счастливъ... Иди!

Я положилъ книгу на полку, взялъ другую и ушелъ, какъ вошелъ.

Что-то хрустнуло въ сердцѣ у меня. Конечно, я ни минуты не думалъ, что моя королева любитъ, какъ всѣ женщины, да и офицеръ не позволялъ думать такъ. Я видѣлъ передъ собою его лицо, улыбку, — улыбался онъ радостно, какъ улыбается ребенокъ, неожиданно удивленный, его печальное лицо чудесно обновилось. Онъ долженъ былъ любить ее — развѣ можно ее не любить? И она тоже могла щедро одарить его любовью своей — онъ такъ чудесно игралъ, такъ задушевно умѣлъ читать стихи...

Но уже потому, что я долженъ былъ найти эти утѣшенія, для меня ясно было, что не все хорошо, не все вѣрно въ моемъ отношеніи къ тому, что я видѣлъ, и къ самой Королевѣ Марго. Я чувствовалъ себя потерявшимъ что-то и прожилъ нѣсколько дней въ глубокой печали.

... Однажды я буйно и слѣпо наозорничалъ и когда пришелъ къ дамѣ за книжкой, она сказала мнѣ очень строго.

— Однако, ты отчаянный шалунъ, какъ я слышала! Не думала я этого...

Я не стерпѣлъ и началъ рассказывать, какъ мнѣ тошно жить, какъ тяжело слушать, когда о ней говорятъ плохо. Стоя противъ меня, положивъ руку на плечо мнѣ, она сначала слушала мою рѣчь внимательно, серьезно, но скоро засмѣялась и оттолкнула меня тихонько.

— Довольно, я все это знаю — понимаешь? Знаю!

Потомъ взяла меня за обѣ руки и сказала очень ласково:

— Чѣмъ меньше ты будешь обращать вниманія на всѣ эти гадости, тѣмъ лучше для тебя... А руки ты плохо моешь...

Ну, этого она могла бы и не говорить; если-бъ она чистила мѣдь, мыла полы и стирала пеленки, и у нея руки были бы не лучше моихъ, я думаю.

— Умѣть жить человекъ — на него злятся, ему завидуютъ; не умѣть — его презираютъ, — задумчиво гово-

рила она, поднявъ меня, привлекая къ себѣ и съ улыбкой глядя въ глаза мои. — Ты меня любишь?

— Да.

— Очень?

— Да.

— А — какъ?

— Не знаю.

— Спасибо, ты — славный! Я люблю, когда меня любить...

Она усмѣхнулась, хотѣла что-то сказать, но, вздохнувъ долго молчала, не выпуская меня изъ рукъ своихъ.

— Ты — чаще приходи ко мнѣ; какъ можешь, такъ и приходи...

Я воспользовался этимъ и много получилъ добраго отъ нея. Послѣ обѣда мои хозяева ложились спать, а я сбѣгалъ внизъ и, если она была дома, сидѣлъ у нея по часу, даже больше.

— Читать нужно русскія книги, нужно знать свою, русскую жизнь, — поучала она меня, втыкая ловкими розовыми пальцами шпильки въ свои душистые волосы.

И, перечисляя имена русскихъ писателей, спрашивала:

— Ты запомнишь?

Она часто говорила задумчиво и съ легкой досадой:

— Тебѣ нужно учиться, учиться, а я все забываю объ этомъ! Ахъ, Боже мой...

Посидѣвъ у нея, я бѣжалъ наверхъ съ новой книгой въ рукахъ и словно вымытый изнутри.

Я уже прочиталъ «Семейную хронику» Аксакова; славную русскую поэму — «Въ лѣсахъ»; удивительныя «Записки Охотника», нѣсколько томиковъ Гребенки и Соллогуба; стихи Веневитинова, Одоевскаго, Тютчева. Эти книги вымыли мнѣ душу, очистивъ ее отъ шелухи впечатлѣній нищей и горькой дѣйствительности, я почувствовалъ, что такое хорошая книга, и понялъ ея необходимость для меня. Отъ этихъ книгъ въ душѣ спокойно сложилась стойкая увѣренность: я не одинъ на землѣ и — не пропаду!

Приходила бабушка, я съ восторгомъ рассказывалъ ей о Королевѣ Марго — бабушка, вкусно понюхивая табачекъ, говорила увѣренно:

— Ну, ну, вотъ и хорошо! Хорошихъ-то людей много вѣдь, только поищи, — найдешь!

И однажды предложила:

— Можетъ, сходить къ ней, сказать спасибо за тебя?

— Нѣтъ, не надо...

— Ну, ино-не надо... Господи, Господи, — хорошо-то все какъ! Жить я согласна — вѣки вѣчные!

Королевъ Марго не удалось позаботиться о томъ, чтобы я учился, — на Троицу разыгралась противная исторія и едва не погубила меня.

Незадолго передъ праздниками у меня страшно вспухли вѣки и совсѣмъ закрылись глаза, хозяева испугались, что я ослѣпну, да и самъ я испугался. Меня отвели къ знакомому доктору-акушеру Генриху Родзевичъ, онъ прорѣзалъ мнѣ вѣки изнутри, нѣсколько дней я лежалъ съ повязкой на глазахъ, въ мучительной, черной скукѣ. Наканунѣ Троицы повязку сняли, и я снова всталъ на ноги, точно поднялся изъ могилы, куда былъ положенъ живымъ. Ничего не можетъ быть страшнѣе, какъ потерять зрѣніе; это невыразимая обида, она отнимаетъ у человѣка девять десятыхъ міра.

Веселый день Троицы я, на положеніи больного, съ полудня былъ освобожденъ отъ всѣхъ моихъ обязанностей и ходилъ по кухнямъ, навѣщая деньщиковъ. Всѣ, кромѣ строгаго Тюфяева, были пьяны; передъ вечеромъ Ермохинъ ударилъ Сидорова полѣномъ по головѣ, Сидоровъ безъ памяти упалъ въ сѣняхъ, а испуганный Ермохинъ убѣжалъ въ оврагъ.

По двору быстро разбѣжался тревожный говоръ, что Сидоровъ убитъ. Около крыльца собрались люди, смотрѣли на солдата, неподвижно растянувшася черезъ порогъ, изъ кухни въ сѣни головой; шептали, что надо позвать полицію, но никто не звалъ и никто не рѣшался дотронуться до солдата.

Явилась прачка Наталья Козловская, въ новомъ сиреновомъ платьѣ, съ бѣлымъ платкомъ на плечахъ, сердито растѣлкала людей, вошла въ сѣни, присѣла на корточки и сказала громко:

— Дураки — онъ живъ! Воды давайте...

Ее стали уговаривать:

— Не совалась бы не въ свое дѣло-то!

— Воды, говорю! — крикнула она, какъ на пожарѣ; дѣловито приподнявъ новое свое платье выше колѣнъ, одернула нижнюю юбку и положила окровавленную голову солдата на колѣно себѣ.

Публика неодобрительно и боязливо разошлась; въ сумракѣ сѣней я видѣлъ, какъ сердито сверкаютъ на кругломъ бѣломъ лицѣ прачки глаза, налитые слезами. Я принесъ ведро воды, она велѣла лить воду на голову Сидорова, на грудь, и предупредила:

— Меня не облей, — мнѣ въ гости идти...

Солдатъ очнулся, открылъ тупые глаза, застоналъ.

— Поднимай, — сказала Наталья, взявъ его подъ мышки и держа на вытянутыхъ рукахъ, на вѣсу, чтобы не запачкать платья. Мы внесли солдата въ кухню, положили на постель, она вытерла его лицо мокрой тряпкой, а сама ушла, сказавъ:

— Смачивай тряпку водой и держи на головѣ, а я пойду, поищу того дурака. Черти, такъ и жди, что до каторги допьются.

Ушла, спустивъ съ ногъ на полъ и швырнувъ въ уголь испачканную нижнюю юбку, заботливо оправивъ шумящее, помятое платье.

Сидоровъ, протягиваясь, икалъ, охалъ, съ головы его на мою босую ступню падала теплыми каплями тяжелая кровь, — это было неприятно, но со страху я не рѣшался отодвинуть ногу изъ-подъ этой капли.

Было горько; на дворѣ сіяетъ праздничный день, крыльцо дома, ворота убраны молодыми березками; къ каждой тумбѣ привязаны свѣжія срубленныя вѣтви клена, рябины; вся улица весело зазеленѣла, все такъ молодо, ново, съ утра мнѣ казалось, что весенній праздникъ пришелъ надолго, и съ этого дня жизнь пойдетъ чище, свѣтлѣе, веселѣе.

Солдата стошнило, душный запахъ теплой водки и зеленого луку наполнилъ кухню, къ стекламъ окна то и дѣло прилипаютъ какія-то мутныя, широкія рожи, съ раздавленными носами, ладони, приложенныя къ щекамъ, дѣлаютъ эти рожи безобразно ушастыми.

Солдатъ бормоталъ, вспоминая:

— Это — какъ-же я? Упалъ? Ермохинъ? Хор-рошъ товарищъ...

Потомъ сталъ кашлять, заплакалъ пьяными слезами и занылъ:

— Сестричка моя... сестренка...

Всталъ на ноги, скользкій, мокрый и вонючій, пошат-

нулся, и, шлепнувшись на койку, сказалъ, странно ворочая глазами:

— Совсѣмъ убили...

Мнѣ стало смѣшно.

— Кто, чортъ, смѣется? — спросилъ солдатъ, тупо глядя на меня. — Какъ ты смѣешься? Меня убили навсегда...

Онъ сталъ отталкивать меня обѣими руками и бормоталь:

— Первый срокъ — Илья пророкъ, второй — Егори на конѣ, а третій — не ходи ко мнѣ! Пошелъ прочь, волкъ...

Я сказалъ:

— Не дури!

Онъ нелѣпо разсердился, заораль, зашаркаль ногами.

— Меня убили, а ты...

И тяжело, вялой, грязной рукою ударилъ меня по глазамъ, я взвыль, ослѣпъ и кое-какъ выскочилъ на дворъ, навстрѣчу Натальѣ; она вела за руку Ермохина и покрывала:

— Иди, лошадь! Ты что? — поймавъ меня, спросила она.

— Дерется...

— Дерется-а?—съ удивленіемъ протянула Наталья, и, дернувъ Ермохина, сказала ему:

— Ну, лѣшій, значитъ — благодари Бога своего!

Я промыль глаза водою, и, глядя изъ сѣней въ дверь, видѣлъ, какъ солдаты мирились, обнимаясь и плача, потомъ оба стали обнимать Наталью, а она колотила ихъ по рукамъ, вскрикивая:

— Прочь лапы, псы! Что я вамъ — потаскушка изъ вашихъ? Валитесь дрыхнуть, пока баръ вашихъ дома нѣтъ — ну, живо! А то бѣда будетъ вамъ!

Она уложила ихъ, какъ малыхъ дѣтей, одного — на полу, другого на койкѣ, и, когда они захрапѣли, вышла въ сѣни.

— Измазалась я вся, а — въ гости одѣта! Ударилъ онъ тебя?.. Ишь, вѣдь дуракъ какой! Вотъ она, водочка-то. Не пей, паренекъ, никогда не пей...

Потомъ я сидѣлъ съ нею у воротъ на лавочкѣ и спрашивалъ, — какъ это она не боится пьяныхъ?

— Я и тверезыхъ не боюсь, они у меня — вотъ гдѣ! Она показала туго сжатый, красный кулакъ. — У меня муженекъ, покойникъ, тоже заливно пьянствовалъ, такъ я

его, бывало, пьяненькаго-то, свяжу по рукамъ, по ногамъ, а проспится, — стяну штаны съ него, да прутьями здоровыми и отхлещу — не пей, не пьянствуй, коли женился — жена тебѣ забава, а не водка! Да. Вспорю до устали, такъ онъ послѣ этого, какъ воскъ у меня...

— Сильная вы, — сказалъ я, вспомнивъ о женщинѣ Евѣ, которая даже Бога обманула.

Наталья сказала, вздохнувъ:

— Бабѣ силы надо больше, чѣмъ мужику, ей на двоихъ силы-то надо бы, а Господь — обдѣлилъ ее! Мужикъ — человекъ неровный.

Она говорила спокойно, беззлобно, сидѣла, сложивъ руки на большой груди, опираясь спиною о заборъ, печально уставивъ глаза на сорную, засыпанную щепнемъ, дамбу. Я заслушался умныхъ рѣчей, забылъ о времени и вдругъ увидалъ на концѣ дамбы хозяйку подъ руку съ хозяиномъ; они шли медленно, важно, какъ индѣйскіе пѣтухи съ курицей и пристально смотрѣли на насъ, что-то говоря другъ другу.

Я побѣждалъ отпереть дверь параднаго крыльца, отперъ; подымаясь по лѣстницѣ, хозяйка ядовито сказала мнѣ:

— Съ прачками любезничаешь? Научился обхожденію у нижней-то барыни?

Это было до того глупо, что даже не задѣло меня; болѣе обиднымъ показалось, что хозяинъ, усмѣхнувшись, молвилъ:

— Что-жъ — пора!..

На другой день утромъ, спустившись въ сарай за дровами, я нашелъ у квадратной прорѣзи для кошекъ, въ двери сарая, пустой кошелекъ, я десятки разъ видѣлъ его въ рукахъ Сидорова и тотчасъ же отнесъ ему.

— А гдѣ же деньги?—спросилъ онъ, изслѣдуя пальцемъ внутренность кошелька. — Рубль тридцать. Давай сюда!

Голова у него была въ чалмѣ изъ полотенца; желтый, похудѣвшій, онъ сердито мигалъ опухшими глазами и не вѣрилъ, что я нашелъ кошелекъ пустымъ.

Пришелъ Ермохинъ и началъ убѣждать его, кивая на меня:

— Это онъ укралъ, онъ, веди его къ хозяевамъ! Солдатъ у солдата не украдетъ!

Эти слова подсказали мнѣ, что укралъ именно онъ, онъ

же и подбросил кошелек въ сарай ко мнѣ, я тотчасъ крикнулъ ему въ глаза:

— Врешь, ты укралъ!

И окончательно убѣдился, что я правъ въ своей догадкѣ, его дубовое лицо исказилось страхомъ и гнѣвомъ, онъ завертѣлся и завылъ тонко:

— Докажи!

Чѣмъ бы я доказалъ? Ермохинъ съ крикомъ вытащилъ меня на дворъ, Сидоровъ шелъ за нами и тоже что-то кричалъ, изъ оконъ высунулись головы разныхъ людей, спокойно покуривая, смотрѣла мать Королевы Марго. Я понималъ, что пропалъ въ глазахъ моей дамы и— ошалѣлъ.

Помню—солдаты держали меня за руки, а хозяева стоятъ противъ нихъ, сочувственно поддакивая другъ другу, слушаютъ жалобы, и хозяйка говоритъ увѣренно:

— Конечно, это его дѣло! То-то онъ вчера съ прачкой у воротъ любезничалъ, значить, были деньги, отъ нея безъ денегъ ничего не возьмешь...

— Такъ точно! — кричалъ Ермохинъ.

Подо мною полъ заходилъ, меня опалила дикая злоба, я заоралъ на хозяйку и былъ усердно избить.

Но не столько побои мучали меня, сколько мысль о томъ, что теперь думаетъ обо мнѣ Королева Марго? Какъ оправдаюсь я передъ ней? Солоно мнѣ было въ эти сквернѣйшіе часы. Я не удавился только потому, что, должно быть, не успѣлъ сдѣлать этого.

На мое счастье, солдаты быстро разнесли эту исторію по всему двору, по всей улицѣ, и вечеромъ, лежа на чердакѣ, я услыхалъ внизу крикъ Натальи Козловской:

— Нѣтъ, зачѣмъ я буду молчать! Нѣтъ, голубчикъ, иди-ко, иди! Я говорю — иди! А то я къ барину пойду, онъ тебя заставитъ...

Я сразу почувствовалъ, что этотъ шумъ касается меня. Кричала она около нашего крыльца, голосъ ея звучалъ все болѣе громко и торжествующе.

— Ты вчера сколько мнѣ показывалъ денегъ? Откуда они у тебя — расскажи.

Задыхаясь отъ радости, я слышалъ, какъ Сидоровъ уныло тянетъ:

— Ай-яй, Ермохинъ...

— А мальчишку ославили, избили, а?

Мнѣ хотѣлось сбѣжать внизъ на дворъ, плясать отъ ра-

дости, благодарно цѣловать прачку, но въ это время, — должно быть, изъ окна, — закричала моя хозяйка:

— Мальчишку за то били, что онъ ругается, а что онъ воръ — никто этого не думалъ, кромѣ тебя, халда!

— Вы сами, сударыня, халда, корова вы эдакая, позвольте вамъ сказать.

Я слушалъ эту брань, какъ музыку, сердце больно жгли горячія слезы обиды и благодарности Натальѣ, я задыхался въ усиліяхъ сдержать ихъ.

Потомъ на чердакъ медленно поднялся по лѣстницѣ хозяинъ, сѣлъ на связь стропиль около меня и сказалъ, оправляя волосы:

— Что, братъ, Пѣшковъ, не везетъ тебѣ?

Я молча отвернулся отъ него.

— А все-таки ругаешься ты безобразно, — продолжалъ онъ, а я тихо объявилъ ему:

— Когда встану—уйду отъ васъ...

Онъ посидѣлъ, помолчалъ, куря папирску, и, внимательно разглядывая конецъ ея, сказалъ негромко:

— Что же? Твое дѣло! Ты ужъ не маленькій, самъ гляди, какъ будетъ лучше для тебя...

И ушелъ. Какъ всегда — было жалко его.

На четвертые сутки послѣ этого — я ушелъ изъ дома. Мнѣ нестерпимо хотѣлось проститься съ Королевой Марго, но у меня не хватило смѣлости пойти къ ней, и признаться — я ждалъ, что она сама позоветъ меня.

Прощаясь съ дѣвочкой, я попросилъ:

— Скажи мамѣ, что я очень благодарю ее, очень! Скажешь?

— Скажу, — общала она, ласково и нѣжно улыбаясь. — Прощай до завтра, да?

Я встрѣтилъ ее лѣтъ черезъ двадцать, замужемъ за офицеромъ жандармомъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Горькій.

Б Ъ Г У Н Ъ.

Въ тишинѣ дикаго Сузема уныло.

Громоздится впереди вѣковой березовый лѣсъ. Подъ нимъ, уходя бѣлымъ клиномъ въ шершавую заросль кустовъ, виднѣется лѣсная рѣчка.

Сзади, въ двухъ шагахъ отъ Кучупатаго, холодный, пропахнувшій старымъ дымомъ, срубъ избы, но лѣсъ и кочковатые наволочки съ бѣлыми шапками зародовъ не пугаютъ парня. Трогая на худощавомъ лицѣ покрытые инеемъ усы, Кучупатый съ безпокойствомъ оглядывалъ небо, начинавшее зеленѣть. За рѣкой, къ горизонту, межъ вершинами березъ, появлялись звѣзды. Мохнатый иней на вѣткахъ все ярче и ярче вспыхивалъ зеленоватымъ огнемъ. Звѣзды загорались совсѣмъ близко и, казалось, ихъ кто-то невидимо подвѣшивалъ на деревья. Изъ лѣса подымался мѣсяць. Его свѣтлый кругъ, въ глубинѣ лѣсной исчерченный вершинникомъ, сучьями, иногда заслоненный кокорьемъ, медленно освобождался, сияя.

«Звѣздить!» — подумалъ Кучупатый, дую на озябшія руки.

Ежась, онъ спряталъ руки въ карманы суконныхъ брюкъ, протертыхъ на колѣняхъ. Отсырѣвшіе сапоги ѣдкимъ холодомъ безпокоили ноги. До живота ноги окоченѣли, и спрятанныя руки не согрѣвались.

— Возьми-тя лѣшій! Къ утру, того гляди, сухаремъ станешь...

Кучупатый ходко повернулся. Задѣвая головой за притолоку маленькой двери, полѣзъ въ непопленную избу. Двери не заперъ. Мѣсяць медленно подымался, широкая полоса свѣта, заслоненная мѣстами тѣнью парня, падала въ избу. Спокойный свѣтъ мѣсяца злилъ Кучупатаго; «пекеть, дьяволь, горить!» Ружье стояло у наръ, противъ двери, отполированный частымъ прикладываніемъ пальца, курокъ поблескивалъ. Кучупатый взялъ ружье, вытащилъ изъ-за па-

зухи большой пукъ кудели, которую, собираясь въ лѣсъ, укралъ у бабъ, обмоталъ куделей конецъ дула, поднялъ ружье и выстрѣлилъ въ стѣну. Зазвенѣло въ ухахъ, дрогнули стѣны холоднаго сруба, въ углу на каменкѣ пошевелился подгорѣвшій камень. Въ глаза Кучупатому посыпался песокъ съ низкаго потолка, но куделя отъ выстрѣла не загорѣлась.

Чтобы не остаться безъ пыжей, Кучупатый, слезывая, протирая глаза, сорвалъ съ ружья куделю, сунулъ за пазуху, нашарилъ у порога небольшой пастуший пестерь, вытащилъ захолонувшій челнашекъ, началъ призть его крѣпкими зубами.

«Понедѣльникъ — день незадачливый, — думалъ онъ, жуя хлѣбъ, — примѣты тоже худыя — перво убилъ ворону, чужую собаку по шкурѣ дробью высѣкъ, завизжала, ладина, завертѣлась, а не пала, утянулась куда-то... у Кунжевца наскочилъ лыжей на кожорину — скопыралъ черезъ голову — проклятое мѣсто! Морозъ, всѣ ручки замерзли, но, поди, знай — этоть чамригъ въ снѣгу, тепло ему... въ воду уронилъ спички... Теперь жди бѣды — вернуть домой — на сорока верстахъ окоченѣешь.

Челпашекъ доѣлъ Кучупатый, стряхнулъ съ рядовки крошки, онѣ зашуршали по дровамъ, разбросаннымъ у каменки. Кучупатый лнулъ дрова — безъ огня на лѣшаго васъ! — тронулъ рукой трядку — лучины много, — схватилъ, раскидалъ по нарамъ и по избѣ, — мнѣ не надо! другимъ, чортъ съ ними.

Разбрасывая лучину, наткнулся на топоръ — давай-ка грѣться! — Взялъ топоръ, вышелъ изъ избы, наглядѣлъ валежину, пошелъ къ ней рубить дрова, идя, подпрыгивая, поплевалъ на руки, а когда занесъ топоръ, что-то прозвенѣло по лѣсу — не то филинъ крикнулъ, не то собака залаяла.

— Стой! — Кучупатый закинулъ поднятый топоръ на плечо, снялъ шапку, закрывавшую уши, сталъ прислушиваться. Звукъ повторился отчетливо.

— Ва-у! ва-а-й! у-у-у!

— Слава Богу! охотники, звонить собака...

Минуту спустя, послышался въ той же сторонѣ стукъ топора и даже показалось ему — трескъ упавшаго дерева — сушину валять!

Заранѣ радуясь, что будетъ спать въ теплѣ, Кучупатый.

беря свои пожитки, плюнулъ за порогъ холодной избы —хвати ты лѣшій, подружка! — нацѣпилъ лыжи и торопливо задвигалъ ногами. Недалеко отойдя, увидалъ, что забѣлѣла необъятная равнина мховъ.

«Турунтаиха за мхами... Мѣсто широко, пока иду, того гляди, перестануть сѣчь...»

Онъ вспотѣлъ, подгоняя лыжи. На мхахъ кругомъ смутно бѣлѣлъ снѣгъ, только пятна бездонныхъ ключей зеленѣли, поблескивая. Косясь на эти пятна, Кучупатый думалъ — «насажалъ васъ нечистый духъ вездѣ... Недоглядишь, какъ въ щемиху * уловятъ!»

Стукъ топора дѣлался все значительнѣе.

«Вѣрно! Сушину свалили... лосятники пришли...» — соображалъ Кучупатый. Отъ радости у него прибавилось силы и при каждомъ шагѣ онъ подгонялъ лыжи, согнувъ впередъ поджарое тѣло.

Турунтаиха изба большая, въ жидкихъ березовыхъ малагахъ — старый лѣсъ кругомъ бурей выломило. Въ Турунтаиху собрались охотники. Сваленную сушину, которой отъ стараго лѣса уцѣлѣло немного, рубили въ нѣсколько топоровъ. Чураки тутъ же кололи, таскали къ избѣ. Куча собакъ грызлась у избы, и потому видно было, что охотники недавно пришли. Двое разгоняли собакъ. Запыхавшійся Кучупатый, веселый отъ удачи, что на большомъ переходѣ не далъ промаха, разбѣжался на рубку дерева и крикнулъ звонко:

— Здорово, пріятство! Богъ помощь.

— Спасибо! пробѣгай, грѣйся, тепла хватить.

— Ладно,хвати-тя лѣшій! а я чуть не захолонулъ на верхотинѣ въ избѣ — спички разсыпалъ.

— Безъ спичекъ да хлѣба не житье!

— Безъ табаку въ лѣсу скушно! — прибавилъ еще одинъ.

Кучупатый влѣзъ въ избу и растянулся на широкихъ нарахъ. Оглядывая избу, думалъ:

«Первый разъ вижу избу... хорошая — экіе народы были въ старость лѣтъ! въ каменку приворотили камни пудовъ на двадцать... теперь нѣтъ такихъ... спаси Богъ — звѣри были...»

Думая, задремалъ. Лосятники пили чай. Въ оба жерла большой каменки было набито до верха смолливыхъ дровъ.

* Щемиха — капканъ изъ бревень для медвѣдей.

Когда Кучупатый захрапѣлъ въ теплѣ, кто-то изъ охотниковъ тронулъ его за плечо:

— Ухлопался, братикъ! ты не спи, стащи рядовку, не захолонешь, пей чай.

Кучупатый снялъ сапоги, рядовку бросилъ на нары. Сапоги хотѣлъ посушить, повѣсить на жерди — ему не дали.

— Не знаешь, что ли? створожить кожу — жарко!

— У меня, пріятство, нѣтъ ни чаю, ни сахару, — сказалъ Кучупатый, протирая сонные глаза.

— Чай заварень, сахару дадимъ!

— У тебя, бѣгунъ, ничего нѣтъ! пестерь не лѣсной, съ такимъ кошелемъ только по заполюкамъ въ кустахъ бѣгать, — сказалъ одинъ высокій охотникъ, вынимая изъ пестера мѣшокъ сухарей и кладя на полку къ дверямъ.

— Перестань, Шагаръ! — не наше дѣло.

— А мнѣ что? Я такъ, къ слову, — отвѣтилъ Шагаръ и, грызя сухари, залѣзъ на нары за каменку. Кучупатый пилъ чай и вѣлъ предпоследній челпашекъ. Охотники между собой говорили, припоминали — кто всего скорѣе лося загонить.

— Не о чемъ судить, — сказалъ Шагаръ, — хоть ноги на аршинъ наставь, а скорѣе Ромахи заброды не настичь...

Кучупатый, считая себя хорошимъ бѣгуномъ на лыжахъ, спросилъ:

— Что за Ромаха?

— Нѣшто не знаешь?

— Ромахи не знаешь?

— Нѣтъ!

— Да ты, полѣсовщикъ, откель?

— Я коній пастухъ съ Краснаго...

— Па-а-стухъ? Оттого у тебя и пестеришко робячій, оттого и хлѣба нѣтъ!

Шагаръ засмѣялся и крикнулъ Кучупатому:

— Да не водяная ли сила занесла тебя, дурака, въ Суземь? За смертью, что ли?

— Теперь вашъ братъ, пастухъ, отпасъ, да по міру ходитъ, а ты, видно, изъ гордыхъ?

Кучупатый обидѣлся, выплеснулъ на каменку остатки чая, чай зашипѣлъ.

— Эй, не поддавай! не въ банѣ.

Кучупатый залѣзъ на нары и заспорилъ:

— Не всѣ пастухи по миру ходятъ! Есть такіе, что за пахоту держатся.

— Бобыли не пахотники — знаемъ!

— Забѣглые не охотники. Охота любить плотнаго человѣка.

— Кого еще?

— Плотнаго! чтобъ плотно доходилъ и птицу и звѣря — не плотный промышленникъ лѣнивый, боязливый, собака откинулась, лаетъ далеко, а онъ къ ней идти боится.

— У меня нѣтъ собаки! Я на рябовъ да съ подхода за лосемъ.

— Съ подхода? Хлѣба взялъ только пососать — для подхода надо мягкій снѣгъ, мягкаго снѣга иной разъ мѣсяцъ нѣтъ; на мѣсяцъ не мало хлѣба надо!

Кучупатый злился и молчалъ, хотя зналъ, что охотники правы — хлѣба нѣтъ.

Заговорили о другомъ — кто-то сказалъ:

— Мало избѣ, гдѣ не чудитъ лѣшій! То дверь отворить, то каменку разроетъ... Въ Ромахиной избѣ раньше чудилъ, отъ того пересталъ, что изъ этой избы старинный образъ унесъ.

— Знаемъ! Съ той иконой вездѣ спокойно — силу большую имѣетъ нечисть отгонять...

— Ромаха бережетъ икону, зато въ избу никого не пускаетъ!

Кучупатый открылъ глаза.

— А гдѣ его изба?

— Не хочь ли идти-ть?

— А отчего же?

— Слышите? Въ Ильмы хочеть наладиться!

— Пойду! — упрямо сказалъ Кучупатый.

— Ха, ха, ха! ай, да бѣгунъ!

Одинъ охотникъ, молчаливый и смиренный, лежа съ рядомъ на нары, сказалъ Кучупатому:

— Не ходи, братъ! мѣста гиблыя, пропастанья...

— Отчего?

— Такъ, отъ Бога... выломки, да озера... изъ нашихъ только Ромаха тамъ ходить знаетъ!

Шагаръ крикнулъ:

— Да что ты толкуешь?! Вишь, шалый человѣкъ въ Суземъ забѣжалъ — ему все нипочемъ...

Погасили огонь и заснули. Кучупатый раньше, чѣмъ заснуть, подумалъ:

«Удержусь въ лѣсу, если куницу спромышляю, али лося убью — тогда у меня все будетъ...»

Онъ проснулся отъ вѣтра. Поглядѣлъ: въ квадратѣ распахнутой дверей бѣлѣетъ снѣгъ, слѣзъ съ наръ, заперъ избу, почесалъ въ затылкѣ, потрогалъ усы, соображая, гдѣ находится полка, куда Шагаръ положилъ сухари, но, коснувшись рукой мѣшка, отдернулъ руку, передумалъ, присѣлъ на корточки и, щупая у стѣны чужой пестеръ, впотъмахъ вытащилъ ржаную мякучу, переложилъ въ свой. Покрестилъ носъ, залѣзъ на нары.

* * *

Утромъ старательному охотнику мѣшкать некогда: еще заря худо брезжила, ужъ всѣ справились и двинулись искать лосей. На перегонѣ въ пять верстъ попалась поперечная просѣлка. Повернули по ней. По слѣду лайкнула собака.. Кромѣ Кучупатаго, всѣ оставили свои пожитки у избы, одинъ пастухъ тащилъ за спиной пестеръ, боялся, что могутъ заглянуть и найти краденый хлѣбъ. Кучупатый, впрочемъ, на пастбищѣ привыкъ таскать съ собой хлѣбъ — пестеръ не мѣшалъ ему. На ногу онъ былъ легокъ, бѣжалъ впереди всѣхъ. По лосю залились всѣ собаки. Въ одномъ мѣстѣ огибая заломленную, кочковатую низину, лосятники разбѣжались на большого неуклюжаго человѣка. Человѣкъ сидѣлъ на пнѣ въ полушубкѣ, шапка торчала за пазухой. Косматые волосы и бороду трепалъ вѣтеръ. Неуклюжій, покуривая, крѣпилъ ремни у лыжъ. Охотники, пробѣгая, кричали:

— Ромахѣ почетъ!

— Видно, ночь не спалъ, что сюда притянулся?!

Не отвѣчая на вопросъ, неуклюжій ткнулъ большой лапой въ сторону отъ просѣлки и крикнулъ:

— Куда побѣжали?! Вонъ туда пошелъ лось.

Всѣ повернули въ сторону, куда показывалъ сидѣвшій на пнѣ. Кучупатый тоже, но подумалъ:

«Отводить!.. вретъ...» — и, налегая на лыжи, вновь опередилъ всѣхъ. Оглянувшись, онъ замѣтилъ, что Ромаха догналъ. «Большой зародъ, гдѣ такому за лосями бѣгать...»

Ромаха, грузно наваливаясь на широкія лыжи, обитыя лосиной шкурой, брелъ сзади; курилъ, свертывая на ходу цыгарки.

— Чего тянешься, Романъ?

— Наши собаки нашли-и!

Кричали охотники. Ромаха сплюнулъ цыгарку въ снѣгъ и отвѣтилъ.

— Пригналъ такъ и нашли собаки! Теперь кто первый загонитъ — того звѣрь.

Кучупатый оскалилъ зубы.

— Заброда для него слово правильное... вишь бредеть, какъ не живой... спорять — чего тутъ...

На бѣгу приходилось нехотя задѣвать лыжей за деревья, съ деревьевъ падали грузные комья снѣга. Колючій, бѣлый туманъ крутился передъ глазами, холодилъ и жегъ яспотѣвшее лицо. Иногда тонко свистѣла лыжа, задѣвъ мерзлую коккорину. Въ бѣлыхъ и зеленоватыхъ блесткахъ холоднаго тумана вставало расплывчатое солнце. Чѣмъ выше подымалось оно, тѣмъ мутнѣе желтѣли бѣлыя шапки сосенъ, сѣдыя лапы елей. Лишь отчетливо сверкали кое-гдѣ на вытянутыхъ лапахъ елей ледяныя подвѣски, отъ удара лыжи по дереву срывались съ вышины, разбивались о валежникъ, стуча и сверкая.

Собаки звонили все ближе, голоса слились въ одинъ сплошной гулъ, и отъ предчувствія близкой добычи, сердце Кучупатаго пріятно замирало, ноги слегка слабѣли. Въ промежуткахъ, когда прерывался собачій лай, ему слышался короткій храпъ тяжелаго звѣря и грузный хрясть валежника подъ копытами—мой лось!

Кучупатый налегъ на лыжи, уперся въ снѣгъ березовымъ шомпакомъ, далеко опередивъ другихъ скользилъ все быстрее; «мой... уговоръ, отъ своихъ словъ не отступятся — думалъ онъ, завидѣвъ длинную, темную спину лоса на бѣломъ снѣгу — такъ вамъ, хо, хо! Некогда было подумать, — такъ вамъ и надо, — не смѣйтесь, что я не плотный охотникъ, — еще и конецъ!» — мелькнуло въ головѣ, а рука привычно налегла на шомпакъ. Въ тотъ же мигъ кто-то сзади него толкнулъ толстую наклоненную ель, съ дерева оборвался на голову Кучупатому шудовый комъ снѣга. Охваченный снѣжной тяжестью, Кучупатый задохнулся и пріостановился, выплевывая снѣгъ. Снѣгъ на немъ быстро таялъ и холодными струйками потекъ за шиворотъ. Онъ открылъ ротъ, чтобъ ругнуться, но его задѣло чѣмъ то тяжелымъ, какъ камень, и Кучупатый, словно соломинка на вѣтрѣ, завертѣлся, метнулся въ сторону, ударился головой о мерзлое дерево, уда-

ромъ обожгло щеку. Кучупатый упаль на бокъ, ноги освободились отъ лыжъ, — лопнули у лыжъ ремни, сорвалася одна лямка у пестера, пестерь перегнулся, раскрылся, и краденая мякуха хлѣба покатила по насту.

Пастухъ коротко выругался, проваливаясь, торопливо поползъ, спряталъ хлѣбъ въ пестерь. Найдя воткнувшися въ снѣгъ лыжи, сѣлъ на пень, сталъ подвязывать ремни. Наладилъ пестерь, укрѣпилъ ремни. Не стирая съ лица пота и крови, побѣжалъ впередъ. Шумъ голосовъ слышался въ одномъ мѣстѣ. Собаки молчали. Набѣжавъ, Кучупатый увидалъ, что все кончено: лося загнали. Лось стоялъ между высокимъ кокорьемъ въ снѣгу по брюхо, отъ него шель густой, теплый паръ. Онъ моталъ тяжелыми рогами, стряхивая съ заправка собакъ. Собаки урча висѣли на немъ, иные копошились въ снѣгу, харкая выплевывали комья лосиной шерсти. Охотники, сбросивъ лыжи, потные и красные, махая ружьями, спорили съ Ромахой. Ромаха стоялъ, увязнувъ въ снѣгу по-колѣни, противъ морды лося не далеко, и спокойно, медленно поворачивать.

— Чего кричатъ-то, шальные?

— Собаки лося задержали!

— Шавите! Гоняль, а вы еще спали... Оттого я указаль слѣдъ...

— Не дадимъ бить!

— Живьемъ въ мѣшокъ не складешь!

Кучупатый, тая обиду, не зная на комъ ее вымѣстить, на лыжахъ подскочилъ къ лосю и, вытянувъ руки съ ружьемъ, въ упоръ выстрѣлилъ звѣрю въ голову. Изъ головы лося пошелъ дымъ, закапала темная кровь. Лось вытянувъ языкъ, съ котораго на снѣгъ текли слюна и кровь, рванулся впередъ, высвободилъ ноги и упаль на бокъ. Затрещало отъ тяжелой туши сломанное кокорье, закрутилась бѣлая пыль. Черные комки собакъ, какъ камни, покатались на мигъ въ сторону, а когда плотно осѣлъ лось, накинудись на него еще смѣлье.

— Ладно рѣшилъ споръ! — сказалъ Ромаха.

Сунулъ черную лапу за голенище сапога, вынулъ большой ножъ, замотанный въ тряпку, отмоталъ тряпку и, засучивъ рукава полушубка, шагнулъ къ лосю, сталъ сдирать шкуру.

— Уговоръ забыли? Кто дойдетъ, того звѣрь! — сказалъ онъ и прибавилъ, — голова, ноги ваши, рубите да бѣгите за другимъ.

Засверкали топоры; въ минуту лось лежалъ на снѣгу безъ головы и ногъ. Споръ затихъ. Попрощавшись съ Ромахой, лосятники разсыпались по лѣсу. Ромаха быстро обдиралъ лося, копошась около него, какъ медвѣдь, онъ ворочалъ тяжелую тушу, словно тушу теленка. Распоролъ животъ, вытащивъ парныя кишки, отмоталъ и бросилъ собакамъ. Собаки, вырывая кишки одна у другой, потащили, куда попало. Только одна не бросилась къ тому, что дано — выгнувъ мохнатый хвостъ, обручемъ, залѣзла въ разверстую тушу, схватила зубами печень.

— Ты самая умная! — сказалъ Ромаха добродушно, взявъ собаку за хвостъ и, поднявъ, бросилъ въ снѣгъ съ кускомъ кроваваго мяса въ зубахъ. Въ сторонѣ на разные голоса кричали охотники, называли собакъ по именамъ. Ромаха, дѣлая свое дѣло, громко сказалъ въ сторону:

— Чего надрываетесь? Пообѣдаютъ — придутъ, любятъ мяско, твари.

Кучупатый сидѣлъ на пнѣ недалеко, заряжалъ ружье. Онъ былъ спокоенъ, только руки дрожали и нѣмѣли, словно отмороженные. Ромаха вскинулъ на него глаза.

— Эй, шальной! ты тутъ чему учишься? Не видалъ, што-ли, какъ лосей сдираютъ?..

Кучупатый вынулъ изъ губъ зажатый пистонъ, отвѣтилъ лосятнику:

— Пошто меня сшибъ? лось-отъ мой!

— Бѣгалъ — былъ твой! теперь мой.

— Я бы первый догналъ!

— Видно не судьба — не попадайся на дорогъ!

— Ты не шави! на четыре вари, давай мяса.

Поглаживая окровавленной лапой бороду, Ромаха разогнулся и внимательно поглядѣлъ на Кучупатаго.

— Не въ чемъ варить! тоже шавишь, тебѣ шкуру взять охота.

Кучупатый заерзалъ на пнѣ и сказалъ:

— Шкуру дашь, еще лучше! лось-отъ мой.

Ромаха нагнулся къ лосю, продолжая свѣжить. Онъ отобралъ кости, потяжелѣе выбросилъ, гдѣ можно выбросилъ собакамъ сухожилия, разрубилъ тушу топоромъ, сложилъ все мясо въ шкуру, завязалъ веревкой.

— Слышишь?!.. — крикнулъ Кучупатый.

— Ничего не дамъ! — отвѣтилъ Ромаха, связывая лыжи какъ сани, и взваливая тяжелую добычу на лыжи.

Кучупатый видѣлъ, какъ неуклюжій человѣкъ поволокъ лося въ глубь лѣса. Пастухъ дернулъ себя за усы, надѣлъ на шпильку пистонъ, взвелъ курокъ, но, подумавъ коротко, опустилъ курокъ, закинулъ ружье за спину. Когда Ромаха скрылся изъ глазъ, Кучупатый прошелъ за лосятникомъ лѣсомъ, внимательно разглядывая глубокую борозду слѣда, подумалъ — «найду!» — и повернулъ къ избѣ, гдѣ ночевалъ. Подходя, осторожно оглядывался, не снимая ружья, высвободивъ только ноги изъ лыжъ, отворилъ дверь избы, сѣлъ на порогъ. Запустивъ руку за дверь на полку, стащилъ оттуда мѣшокъ сухарей. Уходя внимательно и долго, какъ бы изучая, оглядывалъ небо. Небо было ясное, свѣтло-зеленое, мѣстами запятнанное розовыми нѣжными крапинками.

«Мѣсяць на полнѣ — ночь свѣтлая! — подумалъ онъ, идя обратно туда, гдѣ убили лося. — Не ворую, свое у васъ беру! хороши пріятства... лося убили, уха не дали, не то мяса, и завсегда такъ! Лѣтомъ пасешь, со скотомъ маешься — всякъ тебя ругаетъ... расчетъ придетъ — каждый недодать, да обсчитать норовить... иной новину засѣть, овесь худой — згорода пала, загородить лѣнь, а кони вездѣ ходятъ — потравятъ часокъ, глядишь въ осенщину поляну въ счетъ, будто бы неурожай отъ меня — не отъ Бога! Не красть — ѣсть нечего!»

Темнѣло, но Кучупатый не ошибся — по свѣтлымъ ледянымъ верхушкамъ елей — видно было, что всходитъ мѣсяць — «дойду! лыжня хорошая... По такой дорогѣ слѣпой берега толкнется». Кучупатый боялся только голода. Ему давно казалось, что пастушество дѣло не почетное. Рѣшилъ попытать счастья въ лѣсу. Забѣжавъ далеко въ Суземъ, парень понялъ, что безъ хлѣба въ лѣсу хуже, чѣмъ въ деревнѣ, и тутъ же придумалъ:

«Набѣгомъ прокормлюсь! У избъ всегда запасы, надо только узнать въ лѣсу всѣ избы. Поймаютъ — не убьютъ... ни што!»

По Ромахиному слѣду всю ночь шелъ Кучупатый, на ходу дремалъ. Хорошо разсвѣло, когда пришелъ въ Ильмовскіе пѣнуса. Изба у Ромахи не старая, большая. Кругомъ избы приставлены верхними концами къ крышѣ толстыя сушины.

«Все на мою лапу! на охотѣ... потесалъ топоромъ одну изъ сушинъ — смоливая! годъ жить съ дровами можно, а некогда, хвати-тя лѣшій, надо безъ него дѣло справить, да

уволочки ноги».

Отворилъ избу, въ избѣ тепло, приятно съ холода. Пошарилъ въ пазахъ бревенъ у каменки, нашелъ запасныя спички — съ огнемъ! Нашупалъ лучину, зажегъ, воровски оглядѣлся: толстый обрубокъ сушины, одинъ изъ тѣхъ, что приставлены къ стѣнамъ избы, лежалъ вдоль между нарами и каменкой. Конецъ обрубка не доходилъ до стѣны на аршинъ — подъ нары была дыра. Кучупатый подумалъ, заглядывая въ дыру: «здѣсь онъ харчъ да котлы прячетъ!» Пошарилъ рукой, нашупалъ мѣдный котель. Вытащилъ и сѣлъ на нары. Ему дремалось, закинулъ ноги, но раньше, чѣмъ лечь спать, вынулъ изъ-за пазухи краденые сухари въ мѣшкѣ, бросилъ на нары. Сухари, когда онъ грызъ ихъ, царапали десна, отъ хлѣба долила икота. Кучупатый сходилъ за избу къ лягѣ, проколотилъ котломъ ледъ и почерпнулъ воды, повѣсилъ на таганъ, сталъ кипятить. Каменку развелъ сухими дровами, оставленными въ избѣ Ромахой. Дымъ пошелъ въ открытую дверь. Вспомнилъ, что не открылъ ставня. Полѣзъ на нары, открывая окно, зацѣпилъ что-то рукавомъ, по нарамъ упала и загремѣла деревянная доска. Кучупатый поднялъ доску, поглядѣлъ: на доскѣ, черной, лоснящейся, виденъ былъ рѣзной ликъ Спасителя. Покрестивъ носъ, Кучупатый приладилъ икону на прежнее мѣсто — «хитро рѣзано: съ собой возьму...»

Онъ по своему понималъ рѣзбу — на пастбищѣ отъ скуки часто рѣзаетъ изъ дерева коньковъ съ человѣчками, оттого никогда не разставался съ острымъ, тонкимъ ножомъ, таскалъ за голенищемъ. Кучупатый намочилъ сухарей въ котель, поѣлъ, закусывая кускомъ сахара, найденнымъ на нарахъ. Переждавъ дымъ, уснулъ. Спалъ недолго, проснулся съ мыслью, что дѣло не справлено. Подрыгалъ ногами въ теплому воздуху, просушивая сапоги, и вытянулся, выгибая длинную шею — «хорошо-о! Страховито малость» — подумалъ онъ и пошелъ отыскивать нужную ему лосиную шкуру, — «продамъ, будетъ тогда съ чѣмъ въ лѣсу прожить... всего мяса не надо... избу спалю — пускай знаетъ, не обижаютъ иной разъ! Навѣрно не безъ хлѣба живетъ въ такой бѣдѣ лѣсной? Хлѣбъ гдѣ-нибудь спрятанъ... возьму.»

Къ каждой валежинѣ, лежавшей у избы, Кучупатый приглядывался, за каждый кустъ залѣзалъ. Въ одномъ мѣстѣ, снагахъ въ пятнадцати противъ дверей избы, Кучупатый замѣтилъ подъ склоненнымъ ельникомъ углубленіе, загоро-

женное толстой, длинной валежиной — онъ перелѣзъ черезъ валежину и чуть не упалъ. Валежина была такая, что, когда онъ соскочилъ за нее, толщиной равнялась съ его плечами.

— Чертъ какой, вѣкомъ палъ! — проворчалъ Кучупатый, счищая съ рядовки кору и ледъ.

За валежиной онъ наглядѣлъ, то что искалъ: узелъ мяса въ шкурѣ смерзся, но былъ опромень, и Кучупатый удивился — «чудо-юдо! Силища, чтобъ-тѣ подохнуть! Приволокъ лося, да еще за валежину бросилъ — чертъ. Ходятъ же такіе медвѣди по людямъ, лишній хлѣбъ ѣдятъ, одѣтъ такого въ тулупъ — надо полъ хлѣва овецъ зарѣзать...»

Кучупатый попробовалъ узелъ, но не могъ его и пошевелить — «огня накладу, оттаю... сперва веревку срубить.»

Онъ вылѣзъ изъ-подъ навѣса, выбралъ сухой еловый чуракъ, сталъ готовить дрова. Ель топалась суковатая и толстая, тонкихъ чураковъ у избы не было. Колотъ приходилось черезъ голову. Обухомъ топора Кучупатый прилаживалъ по валежинѣ, лежавшей у порога. Гулъ пошелъ по лѣсу. Кучупатый, подымая чуракъ, вспотѣлъ, разсердился, колотилъ изо всей силы, топоръ завязъ по обухъ, а чуракъ и трещины не далъ — хватитъ-ля лѣшій! Согнувшись онъ отдышалъ, кусая усь.

— Брось-жо, младень! — спокойно сказалъ знакомый голосъ, и на спину Кучупатому тихонько опустилась трехпудовая лапа. — Чего злишься? Топоръ сдать, безъ топора зимой въ Суземѣ смерть!

Кучупатый вздрогнулъ. Коротко мелькнулъ мыслью о томъ, что не сдѣлалъ-ли худого въ избѣ, и живо скроивъ веселое лицо, повернулся къ Ромахѣ.

— Здорово, чудо!

Ромаха, какъ и вчера, былъ безъ шапки. Онъ дышалъ тяжело и, видимо, отъ того, что скоро шель. Взглянувъ сверху внизъ на Кучупатаго, отстранилъ его, повернулъ чуракъ другимъ концомъ, положилъ на валежину и короткимъ рѣзкимъ ударомъ, крякнувъ, распласталъ суковатое дерево. Топоръ Кучупатаго поднялъ, отбросилъ въ сторону. Наколотъ дровъ, отворилъ избу. Нагнулся было въ отверстие подъ нары за котломъ, но увидавъ его на шесткѣ каменки сказалъ.

— Неси воды! Богъ гостя далъ, надо чай пить.

— Давай, пріятство разводить!

Кучупатый быстро принёсъ воды и котелокъ старательно привѣсилъ на таганъ.

Ромаха заварилъ чай. Пили долго изъ маленькихъ, деревянныхъ чашекъ. Попивъ чаю, неуклюжій человѣкъ спросилъ заботливо:

— А ты всяко — ѣлъ-ли?

— Грызъ сухари — худо ѣлъ-то!

— На, закуси!

Ромаха вынулъ изъ пестера рыбникъ, снялъ срѣзанную корку, придвинулъ Кучупатому, тотъ съ жадностью поѣлъ рыбы съ чужимъ мягкимъ хлѣбомъ.

Ромаха заперъ избу и зажегъ лучину.

Онъ докурилъ цыгарку, свернулъ другую, а Кучупатый весело, насмѣшливо подумалъ:

«Конца не будетъ твоему куреву!»

Ромаха сплюнулъ окурокъ цыгарки на каменку и тихо сказалъ Кучупатому.

— Полѣзай-ко, гостюшко, подъ нары!

Кучупатый отъ неожиданности подвинулся на нарахъ.

— Ты что? тамъ собакамъ мѣсто!

— Земли вынута много, тебѣ тоже хватить!

Кучупатый не хотѣлъ лѣзть. Ромаха, стоя на колѣняхъ, толкнулъ локтемъ дверь избы, поймалъ Кучупатаго въ охапку, а когда тотъ сталъ барахтаться, прижалъ къ себѣ такъ, что у Кучупатаго что-то хрустнуло въ костяхъ и глаза полѣзли на лобъ.

— Будешь?

— Не буду!

— Полѣзай, коли говорю!

Кучупатый покорно уползъ въ дыру подъ нары. Ромаха зацѣпилъ топоромъ валежину, придвинулъ плотнѣе къ стѣнѣ, оставивъ подъ нары только щель, заперъ избу, поправилъ въ стѣнѣ лучину, сѣлъ и закурилъ. Молчалъ подъ нарами Кучупатый, только зубами скрипѣлъ. Ромаха сказалъ ему:

— Злой ты! Зубами какъ волкъ скыркаешь.

Кучупатый не отвѣтилъ, пыхтя уперся ногами въ стѣну, а головой въ валежину, такъ что защекали волосы на головѣ и заболѣла шея, но валежина не подалась — темное помѣщеніе подъ нарами было прочно, какъ могила. Спустя нѣкоторое время Кучупатый приложилъ лицо къ щели и ласковымъ голосомъ сказалъ:

— Романъ!

Изъ щели было видно обросшее лицо Ромаха, бокъ и большое согнутое колѣно. Ромаха курилъ молча. Лучина догорѣла. Кучупатый видѣлъ, какъ Ромаха всталъ на колѣни — видны были ступни большихъ ногъ, онъ перемѣнилъ лучину, сѣлъ на прежнее мѣсто, прислонясь спиной и затылкомъ къ черной стѣнѣ.

— Романъ! хвати-тя лѣшій... Романушко.

— Чего тебѣ? — спросилъ Ромаха прежнимъ, безстрастнымъ голосомъ.

— Выпусти! уйду, ей Богу — закаюсь приходить.

— Не выпущу!

— Да, что ты, чертъ! Солить меня будешь? Духъ нехорошій поидеть.

— Отъ всѣхъ людей медвѣжьимъ духомъ пахнетъ — нущай...

— Страшно мнѣ здѣсь!

Ромаха, покуривая, не отвѣтилъ. Кучупатый опять скрипнулъ зубами.

— Чего скыркаешь? Ты заплачь.

Кучупатый разозлился и крикнулъ:

— Убью я тебя — чертъ!

— Не убьешь, — спокойно отвѣтилъ Ромаха и, бросивъ скурокъ, прибавилъ: — чего испугался? Я не душегубъ, худа тебѣ не сдѣлаю... Поживемъ такъ денька четыре, не бойсь, кормить буду, а я охоту налажу, поидемъ съ тобой на Мостища, — тамъ мои домашніе за лосемъ выгдуть и тебя подвезутъ до деревни.

— Выпусти, чертъ!

— Не выпущу безъ своего глаза... я не знаю, что ты надѣлать можешь... Не охотникъ — по всему вижу... вонъ сухари и тѣ не свои — мѣшокъ Шагаровъ, у Шагара ты сухари украдь...

Неторопливо говорилъ Ромаха, вертя цыгарку.

— Я ночеваль... Шагаръ самъ даль!

— Ночеваль — правда... Сухари даль — шавишь...

— Ко мнѣ забѣжалъ, какъ домой — спички, котель сыскалъ... того гляди избу бы спалилъ, сушины много! На проходныхъ дорогахъ, гдѣ пришлый челоуѣкъ хозяинъ, избы завсегда горять. Проходящій не жалобный къ чужому добру... Охотникъ, тотъ въ Суземѣ на перечеть, онъ бережный — уйдетъ, въ избѣ огня не оставитъ...

— Убью я тебя ужо!

— Шальной! убьешь, самъ здѣсь загинешь... Я сробѣлъ, учуялъ, какъ стали сѣчь дрова у моей избы — не близко было, побѣжалъ...

Кучупатый слазалъ рукой за голенище, досталъ ножъ, попробовалъ просунуть его между досками наръ. Доски толстыя, изъ горбылей, плотно притесаны одна къ другой и вдѣланы концами въ пазы бревенъ.

«Убить развѣ ночью? сквозь доски... ножъ коротокъ... — и тутъ же Кучупатый передумалъ. — А ежели ткнешь худо? Нѣтъ! все равно безъ чужой помощи не вылѣзешь...»

Ромаха сходилъ за избу, принесъ тяжелый камень, приворотилъ къ валежинѣ такъ, что затрещали нары. Кучупатый взвылъ, заливаясь злымъ смѣхомъ.

— Ты чего?

— Хвати-тя лѣший! Мнѣ валежины не пошевелить, а ты камни воротишь — чертъ.

Ромаха, устанавливая, глядя ладонью камень, отвѣтилъ:

— Я твоей силы не знаю... упрямый, нахрапистый... вишь, не зная лѣсу, изъ Турунтаихи въ Ильмы пришелъ... не всякому сюда путь.

Камень стоялъ, какъ надо было — Ромаха плотно приперъ дверь избы; ушелъ на охоту.

Спустя много времени Кучупатый вздрогнулъ отъ стука. Къ избѣ приставили, что-то тяжелое.

— Топоръ втюкнулъ... ружье ставить.

Ромаха отворилъ дверь, взялъ въ охапку камень и выбросилъ, чтобъ не мѣшалъ хозяйничать у каменки. Лосятникъ напился чаю, поѣлъ. Остатки чая въ котлѣ подставилъ къ щели подъ нары и сказалъ Кучупатому:

— Эй, подпольный! пей-ка чай... Ёсть хошь, скажи...

Не дожидаясь просьбы порылся въ пестерѣ, далъ пастуху остатокъ рыбника. Кучупатый ёсть не сталъ, спряталъ рыбникъ въ свою нору.

— Кусковъ не кидай, гнуса привадишь.

Кучупатый не отвѣтилъ. Выпилъ изъ котла весь чай.

Послѣ ёды Ромаха, почистивъ ружье, сѣлъ на прежнее мѣсто курить. Кучупатый сказалъ:

— Слушай, чудо! ты накидай мнѣ растопы, ночью отъ земли знобигъ...

Ромаха убралъ котель, зажегъ лучину, а такъ какъ онъ молчалъ, пастухъ, высунувъ руку, тронулъ его за колѣно:

— Слышь, жалко тебѣ растопы?

— Надо было тебя голяшомъ туда загнать — у тебя нѣтъ ли спичекъ?

— Запасъ оставляешь малый, три штуки, свои разсыпалъ — на верхотинѣ чуть не замерзъ въ избѣ...

— Чую, не шавишь! Холодно? Если-бъ я откинулся далеко, хлѣба беру мало, а ты бы мой хлѣбъ унесъ — мнѣ-то, какъ думаешь, тепло было?

— Не украдь я, чертъ!

«Говори, я посплю...» — подумалъ Кучупатый.

ся, что родить васъ та-же деревня... сами себя не жалѣете, другому васъ жалѣть, только даромъ сердце надзоять. Чужое портить мастаки, а къ работѣ надо за волосы тянуть... во, правда!

«Говори, я посплю...» подумалъ Кучупатый.

Минуты три спустя во всю дверь показалась большая спина и за избой застучалъ топоръ, потомъ затрещала растопа, брошенная въ избу. Воткнувъ топоръ, Ромаха одной рукой приподнялъ бревно, другой торчкомъ подставилъ полѣно и крикнулъ Кучупатому:

— Бери!

Началъ рыть подъ нары растопу. Кучупатый хваталъ и откидывалъ растопу въ глубину. После уборки просунулъ подъ бревно руки и голову. Ромаха приперъ дверь.

— Не запирай, дай подышать!

— Аль душно?

— Живой вѣдь я! Нехорошаго духу много.

— Ты не хитри, не выпущу!

— А куда я уйду?

— Не играй!

— Съ тобой играть, что съ лѣшимъ въ прятки... Мнѣ тебя, пріятство, силой не взять, надо хитростью.

— Какой?

Ромаха сѣлъ на свое мѣсто къ стѣнѣ.

— Знай! не прощу обиды... Явольный человекъ... Меня бивали, съ лѣстницы кидали пьянаго, но такъ, какъ ты, никто по курицы не ималъ.

Ромаха улыбнулся.

— Смѣшно?

— Смѣшно — нечего тебѣ со мной дѣлать!

— Найду что!

— Ты шальной! Кабы хотѣлъ я тебѣ зла, то взялъ бы

пнуть полѣно и задавить бы тебя, какъ цыпленка, бревномъ-то.

Кучупатый быстро втянулъ голову и убралъ руки подъ нары.

— Опускай!

Ромаха выползнулъ полѣно, и бревно грузно сѣло на свое мѣсто.

Кучупатый подъ нарами ощупалъ каждую растопину. Двѣ толстыхъ отложилъ въ сторону; остальные, возясь и задѣвая спиной за доски наръ, разбросалъ по землѣ.

Ромаха погасилъ лучину, пошепталъ молитву, легъ спать. Кучупатому не спалось. Онъ нащупалъ одну изъ отобранныхъ растопинъ, сталъ стругать. Ножъ умѣло и осторожно ходилъ въ его рукахъ. Къ полуночи Кучупатый сдѣлалъ двѣ короткихъ лопатки.

Уснулъ со злой мыслью въ головѣ. Съ утра, по уходѣ Ромахи въ лѣсъ, Кучупатый внимательно ощупалъ бревна. Гдѣ мельче были врыты въ землю бревна началъ копать.

На четвертые сутки подземной жизни Кучупатый, допивая чай, спросилъ Ромаху.

— Ты когда меня выпустишь?

— Когда время придетъ... снѣгъ мягкій, лоси къ избѣ подходятъ ночью... пожди, не окривѣешь въ потемкахъ...

«Я-тѣ уже пожду — лѣшій!» — подумалъ Кучупатый. Оба уснули...

Утромъ, справляясь на охоту, Ромаха слышалъ подъ нарами громкій храпъ и подумалъ...

«Обыкъ, небойсь... скоро выпущу».

Лишь затихли шаги Ромахи, храпъ смолкъ. Кучупатый повернулся на животъ въ своей норѣ и быстро принялся за работу. Скоро обрушился подъ нары комъ земли со снѣгомъ. Кучупатый вылѣзъ, вздохнулъ глубоко и отряхнувъ съ клочковатыхъ, жесткихъ волосъ прязь, обошелъ кругомъ избу, разминая отекашія ноги. Шагнулъ къ дверямъ избушки, взялъ оружье, запорошенное снѣгомъ. Недалеко въ снѣгу отыскалъ топоръ, брошенный Ромахой. Въ избѣ въ знакомомъ мѣстѣ нашарилъ пестерь и шалку. Торопливо нацѣпилъ лыжи, въ торопяхъ забылъ даже Шагаровъ мѣшокъ съ сухарями. Разминая на ходу мерзлые ремни лыжъ, побѣжалъ отъ избы, а въ головѣ мелькало — «ушелъ! Что? ушелъ, вотъ! — потомъ подумалъ съ угрозой — я-тѣ выпущу, чертъ! жди тебя...»

Верста разстоянія отъ избы была глубоко затесана на толстой соснѣ, отъ сосны начиналась низина, заваленная корьемъ и обледенѣвшими пнями. Въ глубинѣ низины булькала незамерзшій ручей. Подъ гору лыжи пошли все быстрѣе. Шомпака, чтобъ задержать ходъ, у Кучупатаго не было. Пастухъ присѣлъ и, внимательно глядя въ тугой снѣгъ, направлялъ лыжи, боясь задѣть за кокорину, но всетаки опаснаго мѣста проскочить не могъ: правая лыжа была со сбитымъ концомъ и уперлась съ хода въ жидкіи, встрѣчный берегъ ручья, воткнулась. Одной ногой Кучупатый соскользнулъ въ воду, почерпнулъ въ голенище. «А, не лѣшій ли тебя несетъ?!» со злобой подумалось ему. Кучупатый выбрался за ручей, скинулъ лыжи; вылилъ ледяную воду изъ сапога; выжалъ мокрую портянку; обулся и, обтеревъ мокрую лыжу портянкой, чтобъ не обледенѣла, запрыгавъ съ лыжами на плечъ по снѣгу, спряталъ ихъ въ сторонѣ въ густой ельникъ. Безъ лыжъ вернулся къ избѣ — «надо посушиться, поѣсть да спичекъ поискать... успѣю, не рубить только дровъ, не придетъ до ночи...» Шелъ къ избѣ осторожно, самъ еще не зная, почему не клалъ замѣтно обратныхъ слѣдовъ.

Въ избѣ Ромахой дровъ запасено много. Кучупатый нашелъ запасныя спички, развелъ каменку. Стащилъ сапоги, рядовку — повѣсилъ сушить. Лежа на нарахъ, грѣя вверхъ поднятыя ноги, подумалъ:

«Въ яму посадилъ, чертъ!»

Хотѣлось пить и ѣсть. Онъ обулся, принесъ воды. Пошарилъ на нарахъ, зная, гдѣ у Ромахи положены чай и сахаръ, нашелъ. Тамъ же нашелъ табакъ и бумагу. Пока закипала вода, свернулъ цыгарку, закурилъ. Отъ куренья, къ которому не привыкъ — чихалъ, кашлялъ и плевалъ на каменку.

Послѣ куренья въ горячемъ дыму избы сталъ какъ пьяный. Обжигаясь, спѣша пилъ чай, ѣлъ горстями моченые сухари. Еще закурилъ и мысленно потѣшался надъ собой — «ходкой чортъ. Куда побѣжалъ? Здѣсь тебѣ не кони — ну-ко вырысни! дорогъ нѣтъ, покружишь, того гляди къ избѣ прилешь... али нагонить, вернуть, что ему стоитъ — лѣшій... въ избѣ напакостилъ, табакъ искурилъ, сахаръ подмочилъ, онъ-тѣ щемиху сдѣлаеть похуже ямы... за ноги къ соснѣ привлечеть, совы глаза выключють... никто не ходить, онъ тутъ матерой хозяинъ. Что захочетъ — сдѣлаеть, а кто о тебѣ спо-

хватится? Тьфу, лѣшій возьми! Ноги мозолилъ — зачѣмъ ты шелъ? вѣдь къ харчу шелъ да за шкурой... Кучупата шальная — видно, хозяиномъ быть не хошь? Нѣтъ, хвати-тя лѣшій! издохнешь, а не побѣжишь дарма». Отворилъ дверь, принесъ на нары ружье, поднялъ курокъ. Пистонъ позеленѣлъ, надѣлъ новый. Пробуя, не застыло ли на винтѣ масло — нѣсколько разъ поднялъ и опустилъ курокъ. — «Вышелъ, заперъ избу — я тебѣ, чудо, не курица!» — Тронулъ усы, мотнулъ упрямо головой. Держа ружье въ рукахъ, мотаясь, шагая къ валежинѣ, налаживалъ ноги въ старые, протоптанные слѣды. Злыя мысли окрѣпли, когда за валежиной увидаль узелъ лосинаго мяса. Подъ навѣсомъ онъ сѣлъ на узелъ.

Порылся за пазухой, досталъ мѣшочекъ, среди пистоновъ выбралъ жеребій... раньше, чѣмъ забить въ дуло крупный кусокъ свинца, Кучупатый шомполомъ вывинтилъ куделяный пыжъ, подсыпалъ на старый зарядъ еще полъмѣрки пороху. Измѣряя шомполомъ глубину дула и осторожно забивая жеребій, подумалъ — «надо безъ осѣчки»...

Положилъ ружье на валежину, сломалъ еловую лапу, наклонилъ къ себѣ и загородился. Кучупатаго знобило. Ноги стали зябнуть. Руки онъ держалъ за пазухой. День былъ мутно солнечный, но къ вечеру выяснило. У избы стояла большая сосна въ два объхвата — на ея рыжій стволъ Кучупатый поглядывалъ, какъ на часы. Когда солнце перешло съ нижнихъ вѣтокъ дерева, на бѣлую шапку и на самомъ верху сосны оцетинились отъ краснаго огня ледяныя колючки, Кучупатый задрожалъ, а шаги, которые слышалъ онъ, остановились за избой... Потомъ заслоненная елями обратно отъ избы, по лыжкѣ Кучупатаго, скрипя сапогами, прошла большая фигура Ромахи.

Кучупатый крѣпко сжалъ зубы, прищурилъ глазъ, взялъ на мушку лосятника, но стрѣлять медлилъ — Ромаха двигался, разсматривалъ слѣды. Послышался его спокойный, неторопливый голосъ:

— Ушелъ изъ кляпей, волкъ! вотъ шальной... придешь...

Онъ весь темный, четкій крупно шагнулъ къ дверямъ избы и, держась одной рукой за кромку крыши, поставилъ къ стѣнѣ ружье, не успѣвъ выпрямиться, какъ гулко съ отзвуками въ лѣсу бухнулъ выстрѣлъ. Ромаха, ловя рукой стѣну, закричалъ:

— О-охъ, гну-усь!

(Кучупатому слышно было, какъ стуча головой по бревнамъ избы, Ромаха скользнула въ снѣгъ. Отзвуки выстрѣла давно затихли. Шапка сосны потемнѣла. Сталь между деревьями синѣть снѣгъ, а Кучупатый не подходилъ къ Ромахѣ; сидѣлъ, не шевелясь, и не сводилъ съ лежавшаго на снѣгу глазъ.

«Надо зарядить...» подумалъ Кучупатый, но руки дрожали, стучали зубы. Пастухъ, не заряжая ружья, съ трудомъ перелѣзъ валежину, осторожно подошелъ къ убитому, крѣпко зажимая въ рукахъ незаряженное ружье. Прикладомъ ружья потрогалъ Ромахиноу голову, голова не шевелилась. Кучупатый бросилъ ружье, съ трудомъ повернулъ на бокъ мертвую голову и заглянулъ въ глаза. Показалось, что глаза широко открыты и мутны, а большой ротъ покрытъ чѣмъ-то чернымъ. Кучупатый тронулъ, поглядѣвъ на руку — кровь. Онъ отшатнулся, опустилъ руки и пробормоталъ: — что, чудо? будешь! — и прибавилъ — убилъ вѣдь человекъ-то!

Успокаивая себя, подумалъ, какъ будто-бы все еще исправить можно — «ничего... ей Богу, ничего.» И вдругъ заторопился — надо оттащить въ сторону, нельзя... полушубокъ дай-кось...—Ромахинымъ топоромъ разрѣзалъ ремень и съ трудомъ съ тяжелаго тѣла содралъ полушубокъ, торопливо надѣлъ на себя, путаясь. Руки тонули въ рукавахъ, полы волочились по снѣгу. Не то злясь, не то пугаясь, снятъ, потащилъ къ пню, обрубилъ полы и рукава полушубка — бросилъ. Поташилъ, отворачивая лицо мертваго къ валежинѣ, передумалъ, потащилъ въ другое мѣсто. Привычно поглядѣвъ на небо, началъ рубить молодой ельникъ. Не помня, что дѣлать надо, — голыми, скрюченными пальцами сталь снѣгомъ зарывать тѣло Ромахи... не зарытъ, отступился, а кучу нарубленнаго ельника оставилъ лежать на мѣстѣ. Спѣшно идя къ избѣ, поднялъ полушубокъ, ему почудилось, что полушубокъ пахнетъ кровью, подскочилъ и на прежнемъ пнѣ изрубилъ овчины въ куски. Стеннѣло. Въ потымахъ рубя, Кучупатый топоромъ порѣзалъ палець, — юдо-чудо, говорилъ я! — бормоча залѣзъ въ избу. Разжегъ каменку. Снова кипятилъ воду. Высыпалъ на нары сухари, но ѣсть не хотѣлось, отъ табаку съ непривычки тошнило, голова была, какъ тукая...

Подбодряя себя, Кучупатый громко приказывалъ самъ себѣ, — эй, хозяинъ, лѣшій-тя возьми! давай-ко чай пить... — Только что хотѣлъ сказать — нечего бояться, не придется...

какъ вдругъ почудилось, что идутъ къ избѣ. Онъ забрался на нарѣ вглубь, дрожалъ и ждалъ... Прошло мимо. Порѣзанный палецъ подтекъ кровью, Кучупатый сунулъ его въ теплый пепель каменки. Чай заваривая, высыпалъ весь — незамѣчая трясъ надъ котломъ бумагу. Чай заварился черный и отъ него во рту стало еще горше. Насильно погрызъ сухихъ сухарей и, покрестивъ носъ, легъ спать, но лучины не гасилъ, а къ образу наломалъ короткихъ лучининъ, воткнулъ въ стѣну—какъ-то спокойнѣе! Задремалъ, вздрогнувъ, взмахнулъ руками — ему показалось, что надъ головой шумя проплыла льдина, стало холодно. Открылъ глаза и застылъ, не шевелясь — изба отворена, на своемъ обычномъ мѣстѣ сидитъ Ромаха у стѣны на полу, помотритъ на него мутными глазами, а изъ рта течетъ кровь и дымится. Кучупатый застоналъ. Ромаха, не двигаясь, взялъ его на руки, всунулъ въ дыру подъ нарѣ. Кучупатый покорно влѣзъ. вмѣсто нарѣ надъ нимъ были грузныя льдины, онъ сдавили его, а за шиворотъ хлынула вода. Кучупатый забилъ руками, ногами, задергалъ шеей — и проснулся рядомъ съ валежиной на холодномъ полу, головой къ камenkѣ.

Онъ влѣзъ на нарѣ. Огонь у образа потухъ, тлѣли только огарки.

— Освѣтитъ ликъ! Спаси Богъ...

Кучупатый сѣлъ, наломалъ лучины, освѣтилъ образъ, но заснуть не могъ. На разсвѣтѣ задремалъ, а когда открылъ глаза, увидалъ, что опять лежитъ на полу, головой къ камenkѣ.

— Приходить... на полъ кидаетъ, замучить — бѣжать, бѣжать!..

* * *

Не оглядываясь въ сторону, гдѣ лежалъ запорошенный снѣгомъ Ромаха, Кучупатый сходилъ въ низину за лыжами.

Идти низиной ему показалось страшнымъ: вездѣ булькали, клокотали теплыя ручьи, — «утолнешь», — подумалъ онъ и вернулся къ избѣ. Вспомнилъ, что надо взять сухари, топоръ, схватилъ вещи, пошелъ въ ельникъ. Съ первыхъ шаговъ пришлось продираться въ цѣпкомъ буреломѣ, силы падали, хотѣлось спать. Мѣстами, гдѣ ельникъ былъ непролазныи, путь прорубалъ топоромъ. Иногда на лыжахъ идти нельзя было, тащилъ ихъ на себѣ — увязалъ, глубоко, падалъ въ снѣгъ, вставалъ не сразу, лежалъ и думалъ — «скорѣе»

бы уволочки ноги!» Отлежавшись, вскакивалъ, рубилъ буреломъ. Срывая съ себя цѣпкія вѣтки, скрипѣлъ зубами, билъ ружьемъ. У ружья расколочъ ложу, оборвалъ рукава рядовки, ругаясь ворчалъ, — долго ли буду воевать съ еловымъ чертомъ? Аль не выбраться?..

Путь шелъ кверху — ельникъ, казалось, лѣзъ на него и наваливался... Долго сидѣлъ, выбившись изъ силъ, шапка лежала въ снѣгу, ють клочковатыхъ волосъ шелъ паръ, а съ остраго носа капалъ потъ. Неба не видно — о времени не заботился, — вспомнилъ ночью. Невидимый въ чащѣ мѣсяцъ разсыпалъ по ледянымъ вѣткамъ крупный, сверкающій жемчугъ.

Вскочилъ на ноги.

— Слава-Тѣ! все на мою лапу... ночь звѣздить... иди знай.

Пошелъ и, не далеко отойдя, усталъ — залогу сдѣлать... пожевать...

Пнулъ лыжи, сбросилъ ружье и вдругъ радостно загоготалъ: недалеко, сквозь запутанный выломокъ, сверкнула бѣлая равнина.

— Вотъ и дома! Эй, охотнички плотные, берегитесь — верну въ лѣсъ, всѣхъ выживу... Заторопился, не чувствовалъ, какъ въ кровь сухими вѣтками драло лицо, берегъ только глаза. Вышелъ. Холмъ съ бѣлымъ гребнемъ. На снѣжный гребень холма Кучупатый съ трудомъ тащилъ ноги — по тупому снѣгу лыжи обѣзжали назадъ.

— Шомпакъ кинулъ! Ништо Кучупата... Малъ грѣхъ — ни што-о! — утѣшалъ онъ себя, — огонь, подушка, сухарики...

Подымаясь на гребень, думалъ — только-бы не понесло... на косогорахъ безъ томпака... На гребнѣ холма успокоился: косогоръ плоскій. Оглянулся кругомъ и страшно стало — безъ конца справа, слѣва и сзади разстилался сѣдой поваленный бурей, ельникъ — выломокъ. — Лѣшій-тя посѣялъ! и тутъ же подумалъ: — не ругайся...

Протирая инеемъ залѣпленные глаза, поглядѣлъ впередъ. Въ низинѣ, подъ холмомъ, широко расплзался густой туманъ. — Ништо и здѣсь ручьи?..

Снялъ лыжи, присѣлъ въ снѣгъ: далеко гдѣ-то сквозь перемежающійся вѣтеръ услышалъ, какъ будто бы шумитъ вода.

— Проскочу, дастъ Богъ!.. надо шибче махнуть...

Пронизывало вѣтромъ, знобило, но раньше, чѣмъ нала-

дить лыжи съ косогора, глянуть поверхъ осѣвшаго въ низинѣ тумана: далеко и выше тумана синѣло сосновое рѣдколѣсье. На мутномъ небѣ, бѣлесомъ отъ яркаго мѣсяца, сверкали шапки матерыхъ сосенъ. — «Только бы туда попасть, побѣгу въ ухахъ запоетъ — эхъ, голубчикъ! сосновый лѣсскъ...» и безъ связи мелькнуло въ головѣ — «дремлется... знобить отъ того». Кучупатый наладился, наддалъ съ гребня. «Унеси только, Богъ! Пропаду лучше... къ страшному не пойду... здорово залѣзъ кверху, зато идтить тяжко»... Найдя равновѣсіе, успокоился и зажмурилъ глаза. Ноги привычно дѣлали свое дѣло. На мигъ отрываясь отъ дремоты, открывалъ глаза и взглядывалъ въ сторону: навстрѣчу съ боковъ равнины неслись на него сѣдые чащи выломковъ. Иногда казалось, что поваленная бурей чаща кланяется земно смѣлому бѣгуну, неразбиравшему дороги...

— Къ лѣшему! день съ вами воевалъ...

Глаза почти нельзя было открыть, вѣтеръ свистѣлъ въ уши, рѣзалъ морозомъ лицо, каменѣла отъ холода грудь. Кучупатый скрюченными пальцами теръ щеки и носъ — дремота одолѣвала сильнѣе. Откуда-то зеленоватый отблескъ билъ въ зажмуренные глаза. Не открывая глазъ, пастухъ подумалъ: «звѣздить морозъ, наддай!» и сильнѣе налегъ на лыжи. Явственно, какъ и не въ дремотѣ, выросъ недалеко страшный Ромаха—зеленоватый весь, онъ властно протянулъ къ Кучупатому тяжелыя руки, страшно оскалилось передъ глазами бородатое лицо.

— Шемиха-а! — вскрикнулъ Кучупатый. Открылъ широко глаза и выдернулъ ноги изъ ремней лыжъ. Лыжи наскочили на ледяной сверкающей обручъ, далеко огибавшій туманную пропасть. Пастухъ мотнулъ надъ пропастью. Вѣтеръ сорвалъ шапку, и вслѣдъ за шапкой съ крикомъ скользнулъ въ пропасть Кучупатый.

— Шемиха-а!

— Ха-а-а-а! — запремѣлъ надъ озеромъ отзвукъ.

Въ глубинѣ изъ-подъ берега высилась сломанная бурей толстая сушина съ острыми расщепинами, — пролетая мимо, Кучупатый щелкнулъ по сушинѣ головой и по обледенѣвшему, мертвому дереву, дымясь, поползла кровь... Въ далекомъ низу шлепнулось глухо, а по льду озера, смутно блестящаго въ туманѣ, пошелъ, все сильнѣе разростаясь, хрустящій трескъ.

Съ обледенѣвшаго обрыва противоположнаго берега,

съ одной изъ высокихъ сосенъ, спархивая снѣгъ, сорвалась безшумно сова, и вся серебристая проплыла въ туманѣ, съѣла на окровавленную сушину. Ледяной трескъ затихъ, только было слышно, какъ тонко и неустанно звенѣли гдѣ-то въ глубинѣ сверкавшей льдами пропасти ключевые ручьи...

Какъ будто желая возстановить полную тишину — изъ чащи косматыхъ выломковъ, нагнувшихся къ обрыву, властно шикнулъ филинъ:

— У—у! шш—шъ...

А. Чапыгинъ.

БЕЗЪ ДѢЛА.

Монтеръ Старовѣркинъ, большой черноголовый мужчина, занялъ номерокъ въ «Торговомъ Дворѣ». Въ столицу онъ былъ вызванъ срочной телеграммой акціонерной словолитни «Кранхъ и Ком.» Поплескавъ теплой, кислой номерной водой на красную шею, руки и большое усатое лицо, съ эспаньолкой, какъ у знаменитаго французскаго писателя, Старовѣркинъ вышелъ изъ гостиницы и пѣшкомъ пошелъ разыскивать «Кранха и Ком.». Онъ перешелъ нѣсколько чугунныхъ мостовъ, бульваровъ съ желтыми дѣтьми и зобастыми нянями, длинный проспектъ, пахнущій бензиномъ и навозомъ, за которымъ ловко юхотились съ жестяными совками въ рукахъ подручные дворниковъ въ кожаныхъ фуражкахъ. У гранитнаго подъѣзда, межъ вишнево-розовыхъ пятнистыхъ камней дубовые грифы на дверяхъ и швейцаръ въ зеленомъ балахонѣ немного смутили Старовѣркина. Онъ снялъ шляпу и выправилъ примятый клокъ волосъ. Вывѣска говорила, что за этими дверями сидятъ люди, вызвавшіе его, но домъ былъ очень красивъ, высокъ, и Старовѣркинъ, смутившись, немного помедлилъ. Онъ придалъ своимъ движеніямъ ухарство и походкой, какой ходятъ рабочіе, желающіе показаться развязными, вошелъ въ каменный, холодный, дышащій гробницей, вестибюль.

— Старовѣркинъ! — сказалъ онъ хрипло. — Мнѣ бы къ хозяину...

Мальчикъ въ мелкихъ золоченныхъ пуговкахъ, раскинувшись по узкой нездоровой груди хвостомъ павлина, поднялъ монтера въ лифтѣ, съ занавѣсками, зеркалами и небольшою люстрой, въ пятый этажъ. Наверху, по звонку, вышелъ служитель и провелъ къ управляющему. Большой, яркій отъ пристальнаго весенняго солнца кабинетъ съ лаковыми проспектами машинъ и шрифтовъ былъ пустъ. Старовѣркинъ кашлянулъ въ два пальца, еще пахнушіе краской. Тогда вышелъ другой служитель изъ другихъ маленькихъ

дверей и ввелъ его въ маленькую комнату, гдѣ не было ни проспектовъ, ни лимоннаго цвѣта тумбочекъ съ частыми ящиками. Съ узенькаго кресла поднялся рыжій человѣкъ, бритый, съ узкой челюстью, что дѣлало его похожимъ на молодую цѣломудренную лошадь. Губы у него были очень красивы. Но носъ, изогнутый и раздавленный, съ золотой пылью, рыжей, утромъ выбритой щетины надъ верхней губой, дѣлалъ его лицо непріятнымъ и интереснымъ.

У Старовѣркина замерло внутри и сладко зануло въ затылкѣ. Онъ сѣлъ, повинувшись протянутой рукѣ, и взялъ сигаретку, повинувшись другому движенію руки. Рыжій положилъ ногу на острое колѣно, и гость увидѣлъ, что на ногѣ рыжаго былъ длинный бабій чулокъ. Рыжій сказалъ:

— Мы разсмотрѣли ваши чертежи. Кое-что можно упростить. Тѣмъ болѣе, что вы, мосье Старовѣркинъ, не взяли въ расчетъ искусственнаго каучука. Это упростить втрое и, пожалуй, вчетверо наборныя машины съ коробкой, отливающей полосы матрицы; комбинація легкихъ полосъ даетъ газетамъ три часа экономіи. Вы понимаете меня?

— Да, — зычно сказалъ Старовѣркинъ, отъ робости не понимая.

Рыжій курилъ, красиво складывая цѣломудренныя хищныя губы.

— Газеты, выходящія тремя часами раньше, могутъ грузиться на поѣздъ «6-бисъ» и быть въ провинціи на 24 часа раньше. Вы поняли?

— Нѣтъ, — сказалъ, отходя отъ страха, простодушно монтеръ, — у васъ же нѣтъ своихъ газетъ?

Желтые, съ кофейными крапинками глаза управляющаго скользнули по лицу гостя и поплыли въ потолокъ. Онъ тихо произнесъ:

— Мы откроемъ нѣсколько газетъ. Разъ... черезъ десять лѣтъ, задавивъ конкурента здѣсь въ столицахъ, мы распространяемъ вашу комбинированную машину въ провинціи, и черезъ полгода за границей — два... Нуу!

— Теперь понялъ, — вздохнулъ Старовѣркинъ, вытирая шею въ красныхъ, рѣзкихъ складкахъ, новымъ, еще невымытымъ платкомъ.

— Но для этого нужно терпѣніе. Контрактъ мы теперь же подпишемъ, а къ дѣлу приступимъ позже.

— Почему?

— Скажу прямо, — склонился управляющій, дыша изъ

узкого рта теплымъ сигарнымъ дымомъ, — у насъ въ складахъ сотни наборныхъ машинъ обычнаго устройства. Должны мы ихъ продать? Должны! Кому мы ихъ можемъ продать? Конторамъ газетъ! Сможемъ ли ихъ продать, когда начнемъ конкуренцію съ газетами? Нѣтъ, не сможемъ, и по двумъ причинамъ, мосье Старовѣркинъ, — первая очень проста и такъ сказать общечеловѣчна: злоба, озлобленность на насъ, какъ конкурентовъ, а вторая: надежда, что, авось, мы изъ жадности и вопреки логикѣ... вы поняли меня, мосье? Вопреки, говорю я, логикѣ — начнемъ распространять вашу машину...

У Старовѣркина занѣмѣли большія ноги. Твердый лучъ солнца, висѣвшій въ комнатѣ, нагрѣлъ ему спину. Онъ ощутилъ внезапную скуку.

— Вамъ улыбается? — спросилъ управляющій и поправился: — Вы согласны?

— Согласенъ, — тихо сказалъ Старовѣркинъ, — но когда же это будетъ?

— Что это? Ахъ, постройка вашихъ машинъ. Ну... черезъ годъ, два, а, впрочемъ, черезъ три года...

Старовѣркинъ пробормоталъ, блѣднѣя:

— Я такъ не могу...

— Но вы получите сейчасъ, завтра, что ли, деньги.

— Все равно, не могу...

— Много денегъ.

— Три года?

— Вы молоды, сильны. Вамъ сколько?

— Тридцать семь.

— Вотъ видите, сорока лѣтъ вы... Да что говорить, предъ вами столько соблазнительнаго, мосье! Деньги, уваженіе, жизнь въ столицѣ! Въ наше время, когда...

Монтеръ вытеръ каляннымъ платкомъ свербящую влажность на воловьемъ подбородкѣ и подъ толстой колючей эспаньолкой. Онъ тупо глядѣлъ черными жирноватыми глазами на радужный дымъ табака, за которымъ лицо рыжаго казалось еще худѣй. Помолчавъ, онъ спросилъ:

— Я долженъ здѣсь остаться?

— Да, понятно, талантливымъ людямъ здѣсь мѣсто.

— Но я... знаете... я привыкъ къ своимъ мѣстамъ. У меня отпускъ. Я могу, знаете, потерять мѣсто!

Управляющій неожиданно мелодично засмѣялся:

— Это вы съ непривычки. Мы васъ приучимъ къ созна-

нию полной свободы. Ресторанъ, чай въ обществѣ, хорошая квартирка... Вы женаты?...

Черные глаза замигали и монтеръ еще ожесточеннѣй сталъ затирать платкомъ на шеѣ лужицы пота.

— Мы не привычны... Весь вѣкъ горбъ тремъ!

— Предразсудки. Эдиссонъ, напимѣрь. Сколько примѣровъ...

— Это дѣйствительно, безъ дѣла скучновато!

Управляющій съ сожалѣніемъ взглянулъ на розоваго быка, одѣтаго въ сѣрую клѣтчатую тройку.

— Сколько вы получаете, мосье, въ своей газетѣ?

— Сто двадцать.

— Чѣмъ заняты?

— Слѣжу за ротаціонкой и электричествомъ. У насъ своя маленькая станція.

— Хорошо, — смѣливо взглянулъ рыжій, — мы будемъ вамъ тоже платить сто двадцать. Помимо капитала, тантемъ, призовъ. Вы, мосье, уже богатый человекъ. Понимаете? Рантѣ. Очень, очень богатый.

— Что же мнѣ... сложа руки? Почему вы меня не хотите отпустить къ себѣ?

— О-о, зачѣмъ такъ? Вы не въ плѣну, понятно... Но если вы уѣдете, то съ вами, простите, поѣдетъ нашъ человекъ. Веселый, неглупый... Настоящій другъ. Вы пьете?

— Нѣтъ.

— Это похвально. Водка, конечно, гадость. Отъ нея не весело. Но есть настоящіе напитки. Словомъ вамъ, мосье, надо развлекаться и развлекаться.

— За что же вы будете мнѣ платить жалованье, если я уѣду? — не понималъ Старовѣркинъ.

— Да ни за что. За что васъ Богъ наградила талантомъ? За ваши заслуги? О, нѣтъ. Такъ отъ Бога пошло. Богъ вамъ — презентъ и наша акціонерная компанія вамъ — презентъ. Подарокъ за подаркомъ. Наша фирма, — снова мелодично засмѣялся онъ, — не можетъ отстать отъ Бога. Но я васъ прошу, — вновь серьезно и хмурясь, сказалъ онъ, — останьтесь здѣсь, при насъ. Я вамъ открою: антръ-ну... Вы понимаете... языкъ?... Я вамъ открою: мы богаты. Но мы не талантливы. Это отъ Бога. И въ этомъ мы отстали отъ Него. Мы купили вашу выдумку. Но должны три года ждать, а можетъ и пять лѣтъ, пока разгрузится рынокъ... При ва-

шемъ талантѣ вы можете новое выдумать, что убѣтъ купленное нами.

— Я могу подписаться... Ей Богу, никогда ничего.

— О, нѣтъ, нѣтъ, вы не поняли. Мы не преграждаемъ пути творчеству. Напротивъ, мы будемъ у васъ все покупать. Но, согласитесь, мы не можемъ хотѣть, что бы ваше новое попало въ руки конкурентовъ.

Монтеръ отодвинулъ кресло, чтобы пропустить лучъ солнца, распарившій мясистое плечо. Теперь теплая висячая пелена загорѣлаго свѣта лежало между нимъ и управляющимъ. Дымокъ сигары, душистый, какъ свѣже размолотыя зерна сухого перца, разматывалъ радужныя нитки. Въ карманѣ у хозяина свѣжо и звонко выкликали часы.

Монтеръ тупо думалъ: «Что же это, Господи... Затѣйки-то вѣдь какіе. Поди, разберись. И такъ говорить, и этакъ... Загляни въ него. И насчетъ выпивки. «Не пьете ли?» Такъ, такъ... Рады бы, если-бъ я опился. Хуже плѣна, право. «Чай, — говорить, — въ обществѣ». Еще почнуть показывать, какъ изъ блюдечка хлебать...»

— Мы вамъ выпишемъ чекъ, — пристально повелъ глазами управляющій. — Да будетъ думать. Васъ ждетъ жизнь. Оперетку любите? Лекокъ, Одранъ.... Тра-ра-рра... Вотъ... Въ вашемъ положеніи главное — веселье.

Лицо управляющаго стало на минуту грустнымъ. Онъ сторбился и устало глядѣлъ себѣ на ногти. Потомъ свѣтло, какъ ребенокъ, улыбнулся и быстро заговорилъ:

— Автомобиль... Легкій, гоночный. Какъ вы на это смотрите? Это полируетъ кровь. Синія тучи, прохлада. Поѣдемъ, выберу для васъ хорошую штучку. Я такъ усталъ, такъ усталъ... Вы меня на острова будете... Вѣтромъ. Урраганъ, а? А вы сильный? Покажите ваши руки. О-о-о-о, есть немного...

Въ складѣ моторовъ, странно блестя крышами, стояли ряды машинъ. Старовѣркинъ теръ платкомъ между замкнувшими пальцами и съ удивленіемъ глядѣлъ на залъ, полный машинъ, которыя могли бы разнести его стѣны. Выбрали лимоннаго цвѣта узкую машину, похожую на челнокъ швейной машинки, съ острымъ задомъ и тупымъ носомъ.

— Не моторъ, а сладострастіе, — хвалилъ продававшій солидный старикъ.

Управляющій, попыхивая дымомъ, расплатился, дѣлая вкусныя движенія, обычныя для людей, привычныхъ къ

большимъ и постояннымъ деньгамъ. Дружески, вполголоса, онъ спросилъ:

— Когда вы его возьмете, мосье?

Старовѣркинъ растерянно глядѣлъ на экипажъ:

— Когда-нибудь... Такъ... Конечно, потомъ!

— Нуженъ гаражъ при квартирѣ. Поѣдемъ искать квартиру!

Старовѣркинъ, прожившій суровую, равнодушную, лишнюю мечтаній жизнь, правильно понялъ: «Поймали. Посадятъ теперь въ домъ, запрутъ. Конецъ мнѣ».

Какъ грузное животное, загнанное со свѣжаго луга въ кирпичное логово, онъ тяжело вздохнулъ. Квартиру наняли около острововъ, съ балкономъ, съ полосатыми козырьками надъ окнами, съ садикомъ, въ которомъ, умирая, тихо тлѣли въ безцвѣтномъ зябкомъ воздухѣ черныя тучи.

И здѣсь расплатился управляющій. Онъ обнялъ костлявой рукой потный суконный пиджакъ гостя и, дѣланно беззаботно напѣвая, произнесъ:

— Итакъ, завтра переѣзжайте. Какую мебель вы любите? Завтра пришлемъ. Итакъ, итакъ, во-путь, во-дорогу... Въ какой русской оперѣ такъ поютъ?..

II.

Прошла недѣля. Старовѣркинъ сидѣлъ у себя въ номеркѣ и пилъ чай. На желтой бумагѣ разорваннаго картуза, съ клеймомъ бакалейной лавки, лежала нѣжно окрашенная въ розовое мокрая чайная колбаса и рядомъ папиросы, сахаръ грудкой и плетеный калачъ. На вдавленномъ креслѣ, съ котораго свисали красныя нити, сидѣлъ одинъ изъ швейцаровъ красиво-лысый, рослый старикъ. Онъ только что смѣнился и усталъ. Отъ безсонной гостиничной ночи глаза запухли и отъ мѣшковъ казались дико глядящими и хитрыми. Онъ съѣлъ всѣ сардины изъ коробочки и теперь быстро, по-кроличьи, жевалъ хлѣбный мякишъ и торопливо, заслезившись дикими глазками, заглатывалъ жидкимъ чаемъ.

Бѣлый чайникъ стучалъ крышкой и пускалъ паръ. Диванъ, зеленое зеркало, кровать въ плоскихъ солдатскихъ подушкахъ и умывальникъ дышали пережеваннымъ и усталымъ воздухомъ, какой обычно бываетъ въ циркуляхъ и въ номерахъ, расположенныхъ подлѣ вокзаловъ.

— А, главное, какая причина: отпустить меня не хотятъ, — жаловался Старовѣркинъ.

— Хитрѣющіи народъ, между прочимъ, — сказалъ, сочувственно глядя, швейцаръ, — зачѣмъ вамъ у насъ проживаться. Вы платите рупъ семьдесятъ пять у ту время, когда спокойная, безъ дѣтей, приличная комната, съ кипячкомъ на Пескахъ — пятнадцать въ мѣсяць.

Швейцаръ сдѣлалъ испуганные глаза и, надавивъ деснами, раздробилъ кусокъ сахару. Скучно и долго хлюпалъ въ швейцарскомъ горлѣ чай. Онъ напряженно молчалъ и глоталъ.

— Скучно мнѣ, — съ невыразительной тоской протянулъ Старовѣркинъ.

— Привычка нужна и для хорошей жизни. Что и толковать!

— Дѣла нѣтъ. Выглядываю: нѣтъ дѣла...

— Еще бы. А вы, какъ сказать, не турбуйтесь, какъ говорятъ по-маларассейски.

Швейцаръ закивалъ рѣдкимъ, какъ бахрома на стиральной салфеткѣ, но отличнымъ пробормомъ:

— Вы бы въ баньку сходили. Етто есть такое грязь или прямо спросите грязевое мыло. Натритесь передъ этимъ желткомъ.

Онъ вздохнулъ и въ другомъ, углубленномъ, тонѣ неожиданно прибавилъ:

— Ешшо бы, трудиться всякій долженъ. Какъ мы Харьковской губернии, Язюмскаго вѣзду, такъ предварительно занимались полевой дѣятельностью. Скажемъ, камень на мотыбѣ катали, у вѣялокъ, али у коровъ... Тоже трудъ. А теперь однихъ чимодановъ сколько перетаскаешь. Всправди сказать, подлая у насъ гостильница... У другихъ грузовые для чимодановъ лифты подѣланы... А у насъ на загробкѣ представъ и ешшо не кажнѣй догадается наградить на чай...

Постоялецъ поскребъ толстыми матовыми пальцами грудь и зазѣвалъ. Потомъ, утеревъ мокрое на глазу, спросилъ:

— Скажите, землякъ, у васъ пѣтухи по дворамъ водятся?

— А что?

— Очень привыченъ я. Эту ночь съ половины не спалъ, дожидался ихъ голосу.

— Бываютъ, отчего же, и пѣтухи. Отъ нихъ, всправди, весело. Только, гдѣ центръ, имъ вязки голосовые рѣжутъ.

— Рѣжутъ? — расширилъ кремовые бѣлки монтеръ.

— Рѣжутъ-съ...

— Вязки, говорите?

— А то что же... Подъ фостъ имъ, что ли заглядывать. И рѣжутъ. При гостильницахъ это въ первый чередъ. Есть такіе мастера. Пальцемъ подъ сережки, разъ, стеклянную трубку въ горло два, и франецъ хархаузъ... У насъ пѣтухъ тихій, нѣмой. Это, землякъ по-деревенскому глупому обычаю: «кукареку»... А у насъ не то что пѣтухъ, а слуга обязанъ нѣмой и тихій...

Старикъ разговорился... Его дикіе глаза восторженно заслезилась. Онъ налилъ себѣ кипятку, и безъ заварки, мокрая хлѣбъ, сталъ высасывать. Горячая вода дѣйствовала на него, какъ водка. Щеки налились краснымъ, витыя жилки посинѣли на нихъ и заблестѣли глянцеваымъ отливомъ.

— Да что тутa рушить, — восторженно выкрикалъ онъ между глотками, — тутa всѣ нѣмые и тихіе. Посмотришь, иной баринъ у желтыхъ штиблетахъ, хрюпаетъ, брызжетъ... и все ему не такъ. И номеръ не такъ, и шаги беспокоютъ... И почему у умывальнику чьи-то волоса... А вѣдь, разберися, нѣмой... Тутa у насъ, у столицѣ, живо стеклянную палку въ горло. Жизнь у лучшемъ видѣ обмотаетъ...

Старовѣркинъ вспомнилъ ласковаго управляющаго и усмѣхнулся.

«У этого, поди, палка уже побывала въ горлѣ, такой онъ тихій, ласковый».

Швейцаръ допилъ, поднялся и долго крестился на зеленую дощечку, подъ которой раскачивались въ парномъ воздухѣ мухи на жемчужныхъ паутинкахъ.

Постоялецъ снялъ пиджакъ и ботинки и, когда швейцаръ вышелъ, залегъ въ кровать, пахнущую терпко и дурно, какъ высохшая плевательница. Въ головѣ отъ бездѣлья стучала кровь и подрагивали какія-то жилки, отзывалось въ носу. Большое, пышное тѣло въ тоскливомъ поту разметалось, и вскорѣ, подъ грохотъ дрожекъ на улицѣ, постоялецъ зарычалъ густымъ храпомъ. Зеленое зеркало подглядывало за нимъ и печатало большой, открытый ротъ, мясистый носъ и веселую эспаньолку.

Въ дверь постучали. Храпъ переливался, какъ вино въ мѣхахъ. Когда черезъ нѣкоторое время Старовѣркинъ про-

снулся, предъ нимъ въ креслѣ, упираясь узкимъ подбородкомъ о палку, сидѣлъ, улыбаясь, рыжий.

Монтеръ быстро спустилъ ноги съ кровати и вспомнилъ, что носки у него заколенѣлые и коричневые подъ каждымъ пальцемъ и пятками.

— Отличный, сильный сонъ, — произнесъ, грустно улыбаясь, управляющій. — Только напрасно вы спите на спинѣ, это нездорово. Извиняюсь, стучалъ, но вы не слышали. Я съ вопросомъ: почему васъ не видно и почему вы еще не переѣхали къ себѣ?..

Вихрастый, разомлѣвшій со сна и потому не умѣющій скрывать своихъ мыслей, Старовѣркинъ сказалъ:

— Да вѣдь, что мнѣ, посудите сами, дѣлать въ этой квартирѣ. Я привыкъ вотъ такъ, какъ сейчасъ. Я самъ себѣ и чай завариваю, и ботинки чищу.

— У васъ слуги будутъ...

Натягивая штиблетъ, монтеръ согнулся и захрипѣлъ:

— На кой лядъ они мнѣ. Безъ нихъ жилъ...

— Все-таки...

— Я умоюсь, позвольте?

— Пожалуйста, — вѣжливо отвернулся гость и потихоньку приложилъ къ раздавленному носу флакончикъ.

Стуча педалью, Старовѣркинъ фыркалъ, сопѣлъ, вздыхалъ со вкусомъ, съ какимъ всегда умываются простые люди послѣ горячаго, ладнаго сна, наливающаго всѣ жилы счастьемъ и довѣрчивостью къ жизни.

Внезапно онъ засмѣялся и, почувствовавъ нѣжность къ рыжему, спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, правда ли брешутъ, что пѣтухамъ здѣсь вязки рѣжутъ? Тутъ у меня землякъ толковалъ.

— Это правда, — кивнулъ управляющій. — Рѣжутъ связки. Въ Берлинѣ 30 лѣтъ рѣжутъ, въ Парижѣ тоже.

Монтеръ захохоталъ въ полотенце, пахнущее въ складкахъ мыломъ:

— А людямъ, поди не рѣжутъ...

Управляющій холодно поглядѣлъ:

— Объяснитесь...

— Да что тамъ... Я, разумѣется, шутейно... Какъ можно. Человѣкъ — это существо, а птица вродѣ твари...

— Да, да, — успокоился управляющій, — а я къ вамъ съ цѣлью. Сегодня въ лѣтнемъ саду одномъ играютъ и

поють веселое, мы поѣдемъ на пароходикъ, а потомъ поужинаемъ тамъ, — идетъ?

Старовѣркинъ мягко улыбнулся. Онъ понималъ, что управляющій не прочь съ нимъ водиться.

— Идетъ, — сказалъ онъ пробовато и ударилъ гостя по ладони такъ, что тотъ вздрогнулъ.

* * *

Съ завистью глядѣлъ онъ на бѣлоусаго финна, медленно жарившагося у багрянаго устоя толки. Онъ ворочалъ желѣзнымъ пропнутымъ ломомъ и свѣтлыя огненные руки, равнодушныя къ огню, медленно давили на уголь...

Въ театрѣ, подъ навѣсомъ, сидѣла молчаливая толпа. Небо зазмуглилось легкими потемками, но вскорѣ вырѣзалась на востокъ чистая зелень и черныя деревья, шумѣвшія отъ ночного вѣтра, грустно качались, плоскія и неживыя.

У Старовѣркина сжалось сердце. На сценѣ, среди бумажныхъ фонарей и вѣровъ танцовали и пѣли. Морозныя мячики пара бѣжали изъ ртовъ розовыхъ и съ виду счастливыхъ пѣвицъ. Толстый китаецъ на войлочныхъ стелькахъ поддерживалъ себя вверхъ за косу и танцовалъ, икая русскими словами. А небо, зеленѣя, лежало плоско и огромно среди бѣлыхъ столбиковъ навѣса.

Деревья плескали листьями. Потомъ падалъ снѣжокъ, но скоро пересталъ и отъ него дорожки посвѣжѣли, и отъ лакеевъ, перебѣгавшихъ съ аллюминіевыми судками садъ, пахло сентябремъ, полемъ, чистыми ометами или, какъ безсознательно мечталъ гость, снѣгомъ, тающимъ на антрацитѣ въ черномъ дворикѣ, при печатной.

— Хорошо? — ласково спрашивалъ управляющій.

— Чего лучше, — безразлично отвѣчалъ Старовѣркинъ.

— Кусочекъ шатобриану, — говорилъ управляющій за ужиномъ. — Къ нему красное вино. Возьмите тамъ изъ бутылочки.

— Я не уважаю горчицу...

— Соя!.. Это очень вкусно. А женщины. А? Вотъ та, на васъ смотритъ. Вы можете легко побѣждать сердца.

— Это какъ? — спросилъ Старовѣркинъ, дую на мясо.

— Влюбятся за васъ. Вы сильный.

— Ничего, — словно снисходя къ себѣ сказалъ монтеръ, — съ насъ хватитъ. Сила есть, а къ чему теперь она, къ

чему, спрашиваю я, — съ внезапной тоской продолжалъ онъ, заглядывая въ глаза управляющему.

Управляющій немедленно убралъ глаза и потупился.

— Сила... вотъ... — показали Старовѣркинъ побѣлѣвшія въ складкахъ жесткія ладони. — Сила, это вѣрно, — есть сила. Какъ это нашъ хлѣбъ, такъ мы имѣемъ силу. А къ чему она мнѣ теперь, сила?

— На это есть спортъ. У васъ есть автомобиль, — гонки на чашу...

— Пустое. Гоняться, какъ скаженному... Спасибо, не хочу. А чашка мнѣ не нужна!

Вина онъ не пилъ, и посоловилъ отъ краснаго мяса, съ котораго кровь падала вишневымъ загустѣвшимъ ликеромъ.

Обрубленные плечи, вздутыя у плечъ руки, спина, какъ грудь, а прудъ, какъ горбушка большого ржаного каравая, опустились въ немъ и онъ сидѣлъ, горбясь и часто вздыхая съ животнымъ шумомъ, означавшимъ тоску.

— Пойти мнѣ стать на работу — глупо. Я себѣ не хочу смѣшнымъ быть. Дѣлать пустое — дрова пилятъ для полировки кровей, тоже не къ чему. А, какъ подумаю, такъ, ей Богу, лучше мнѣ, какъ былъ, такъ остаться...

Управляющій съ ласковымъ сожалѣніемъ протянулъ:

— Привыкнете... При-вы-кне-те...

— Дай, Боже. А жизнь ваша, конечно, хорошая и сладкая...

III.

Монтеръ работалъ чутунными штукаами, а швейцаръ, тараща глаза, одичавшіе отъ табаку и горячаго чая, говорилъ:

— У насъ такой ятлетъ всанавливался. Такъ онъ заголимшись, противъ себя, не совратъ, десять пудовъ выжималъ. И ѣлъ много... Куру и гарнецъ картошки, пива съ полдюжины, борща двѣ поварскихъ порціи, котлетъ не считая, а хлѣба самъ покупалъ, вѣсовой...

Монтеръ опустилъ чугунъ, хлопалъ себя по груди и свистнулъ носомъ, выбрасывая воздухъ изъ ноздрей.

— У меня нѣтъ аппетита, я чисто ребенокъ теперь.

Онъ сѣлъ и тяжело, деревянно задумался. Отъ его тѣла стлался маслянисто-уксусный запахъ здоровой испарины. Лобъ взмокъ, а веселая эспаньолка отъ влаги залоснилась чернотой.

— Пойтите за городъ, что-ли, — бормоталъ онъ, двигая ухомъ, чтобы согнать муху.

— Куда же вы пойдете? — смѣялся швейцаръ. — Городу округъ двадцать верстъ. Вы бѣ вотъ въ лавру, на кладбищу, это хорошо.

Монтеръ поглядѣлъ въ окно, на которомъ отъ дождей остались муаровыя полосы грязи, — синѣло небо, исчерканное фабричнымъ дымомъ, ревѣли паровозы, а за ними поднимали жалобный собачій вой далекіе заводы.

— Эхъ, жизнь—жестянка, — со скорбнымъ шутовствомъ сказалъ швейцаръ, поддѣлываясь подъ мысли богатаго постояльца, — пойтите заступите у дверей... Спасибо за угощенье...

Монтеръ подошелъ къ стѣнкѣ и громко, ехидно подчеркивая, прочиталъ: — «За полотенце и постельное бѣлье отдѣльно. Свѣчи, ванная, телефонъ адреснаго стола — за отдѣльную плату».

— За все словомъ деруть... Такъ. Развѣ справку вытребовать?

Онъ сошелъ въ кабинку, оклеенную клеенкой, отъ которой пахло трупомъ. Уплативъ полтинникъ барышнѣ, онъ заказалъ по телефону, ехидно упирая въ каждое слово и думая себя развеселить:

— Дайте адресъ Александра Сергѣевича Пушкина, писателя!..

Барышня, сонно дудя, отвѣчала съ другого конца города:

— Подождите, согласно инструкции, полчаса.

— Для васъ хоть часъ! — развеселился монтеръ.

Онъ оперся на ящикъ телефона тяжелымъ локтемъ, на которомъ мясо вздувалось резиновымъ холмомъ и тяжело заскучалъ, зѣвая и топорщась при зѣвкахъ эспаньолкой. На звонокъ онъ приложился и спросилъ:

— Ну?

— Вы Пушкина заказывали?

— Его самага.

— Александра?

— Александра.

— Сергѣевича?

— А то, какъ же, Сергѣевича.

Голосъ барышни разсерженно заскрипѣлъ:

— Однако, вы шутите... Странно, право. Прахомъ поэта...

— Позвольте, — обиженно взревѣлъ Старовѣркинъ, — я однофамильца.. Я не хуже васъ понимаю, умныя какія вы звались.

Онъ положилъ трубку и промолвилъ: «чертовка» и, скрипнувъ зубами, добавилъ тихое нехорошее ругательство...

Со шляпой въ рукѣ онъ вышелъ на улицу. Постоялъ, позѣвалъ и медленно пошелъ, но скоро вошелъ во вкусъ, сильно работая ногами, приваливаясь впередъ на каждомъ шагу. Съ блестящихъ улицъ онъ вышелъ на пыльный широкій проспектъ.

Прошелъ съ версту. Въ воротахъ заѣзжаго двора, подъ палкой съ синей болотной травой, извозчикъ у своей лаковой теплой отъ солнца пролетки закрылъ ногу армякомъ и дѣлалъ межъ колесъ свое дѣло. И съ тоской большого животнаго, монтеръ позавидовалъ этому красному твердому мужику, уподобившемуся своимъ спокойствіемъ нестыдливымъ животнымъ.

Шли батраки съ хлѣбомъ подъ локтемъ. Они устало ступали разбитыми сапогами и послѣ нихъ оставался духъ махорки. Въ чайной стучала и бормотала мягкими губами машина, ломовики съ блестящими зеркальными отъ выпитаго чаю лбами играли подъ окномъ въ шашки. Всѣ работали, а кто не работалъ, тотъ отдыхалъ послѣ трудового утра. Здѣсь были живые, плотные, усталые и веселые люди, катили, ломовики, шорники, мальцы изъ лавокъ, не такіе, какъ въ саду, плоскіе и нѣмые.

Улица галдѣла. Надъ вонючими многоярусными домами пылилъ столбами мусоръ, поднимающійся съ дворовъ въ воздухъ. У однихъ воротъ коза съ порочными женскими глазами нюхала съ удовольствіемъ смердящую нитку помоевъ, выползшихъ попрѣться на солнцѣ изъ-за подворотни, обгрызанной собаками.

И эти пыльные запахи ѣды, отбросовъ, хлѣба изъ пекарни, соломы и пота, оставшагося за тысячами тѣлъ немывала крикливаго рабочаго народа глубоко и бурно радовали монтера, взмокшаго отъ прогулки.

— Парко, ужарился, — сказалъ онъ себѣ громко.

Подошелъ къ дорожному переѣзду. Между рельсъ, рассудительно кряхтя и вскрикивая куринымъ голосомъ, расхаживалъ и поднималъ восковыя шпоры старый пѣтухъ. Онъ клевалъ между галекъ перышки травы.

Будочникъ въ овчинѣ, бѣлой внутри, щурился на солнце и открывалъ отъ нѣги мокрый ротъ.

Старовѣркинъ спросилъ:

— Тамъ что будетъ: огороды?

— Никакъ нѣтъ. Ишшо улицы.

— А огороды будутъ?

— Это дальше. Гуляете?

— Да...

— Съ нами покурить.

— Это можно. Закуривайте, — протянулъ Старовѣркинъ кожаный затертый портпалирось съ единорогомъ на одной изъ крышекъ.

— А парко, небось, въ шубѣ.

— И то парко. А если дождь... Мы отъ дождя, главное дѣло, берегаемся. Того гляди и снѣгъ завернетъ...

Они разговорились съ той простотой близости, которая дается только людямъ, трудящимся въ натугѣ, въ поту.

Пѣтухъ распустилъ тугія перья вокругъ горла, что есть мочи заоралъ, и отъ крика глаза у него посвѣтлѣли.

— Къ дождю, видно, — съ удовольствіемъ сказалъ будочникъ.

— А пѣтухъ у васъ хорошъ, — любовался монтеръ. — Хорошъ бестья... Отличень. Сигналъ у него не вырѣзанъ?.. Вязки поворю?

— Сохрани Богъ. Это въ городѣ. Тамъ, вѣрно, такая мода пошла. А у насъ не заведено. Пѣтуху безъ голоса, что намъ безъ рукъ...

— Безъ рукъ, — задумался монтеръ и отупѣло-долго глядѣлъ предъ собой. — Погоди и до твоего доберутся. Полегчать ему горло. Безпремѣнно.

Будочникъ сердито сказалъ:

— А кто ешшо дастъ животную мучить? Не дамъ! Только и дѣловъ. Схороню.

— Чудакъ. Куда же ты съ нимъ? Или голосъ рѣжь съ корнемъ, или самого рѣжь.

— Въ деревню пошлю. Пускай въ деревнѣ, значить.

— Всѣхъ, братъ, въ деревню не спрячешь, — мрачно сказалъ Старовѣркинъ. — Должны быть и пѣтухи безъ голосу. Должны... Вѣрно тебѣ говорю — должны... Не безъ того...

Положивъ въ руку будочника двѣ папироски, монтеръ пошелъ полотномъ и спустился горбатымъ переѣздомъ къ

деревянными домами. Опять пыль, запах мочи и первой сѣверной травки, кротко благоухающей дождемъ и слабымъ, словно далекимъ, далекимъ дымомъ. Соннымъ мелемъ гудѣлъ за десятками щелистыхъ заборовъ станокъ точильщика, захлебывающійся лезвиями нагрѣтыхъ ножей. Жалобно надсѣдаясь, вылъ и тянулъ продавецъ волосяныхъ щетокъ.

Выйдя изъ переулка, гдѣ летали желтыя пленки кузнечной окалины, на широкую улицу, монтеръ увидѣлъ край покраснѣвшаго неба. Прозвенѣлъ колокольчикъ, прогрохотало.

«Не пожаръ ли?» — подумалъ онъ, шагая быстро.

Горѣлъ низковатый домъ. Въ нижнемъ этажѣ выгрѣвались на солнцѣ флоксы, а верхъ пылалъ, коробился, и дымъ, золотистый отъ древесной тробовой пыли, бѣжалъ по огню, какъ вода по лѣнивому маслу.

«Эхъ», — съ восторгомъ подумалъ монтеръ и сердце съ ликованиемъ подпрыгнуло въ немъ.

«Горимъ, — подумалъ онъ черезъ нѣсколько шаговъ.— Отлично горимъ»...

Работая локтями, онъ забился въ толпу. Дикія рыданія съ вонючаго двора всколыхнули толпу.

— Вишь, убивается матка.

— А чего? Съ дуру. Говорю, дѣвчонка-дрянь, за перездомъ у лавочки съ котомъ заигралась.

— Да, ты ей скажи. Убивается, вить.

Полосъ неспѣша и убѣдительно сказалъ:

— Учи. Безъ тебя, думаешь, не сказано. Говорилъ.

— А она что?

— Пополовѣла. Слезы льетъ, головой трясеть. Вредная женщина.

«Отлично горимъ, — весело думалъ монтеръ, — съ жертвами». И ему захотѣлось жертвы, человѣка въ обгорѣлыхъ волосахъ и пляшущаго на его тѣлѣ золотого огня.

— Дѣвочка, говорите?—весело крикнулъ онъ. — Можно и дѣвочку... Отлично. Спасемъ! Несите драбинку.

Вспомнивъ, что тутъ не понимаютъ, онъ повторилъ:

— Лѣсенку тащите. Полѣзу за ней.

— Куда тебѣ лѣзть. Откель выискался. Говорятъ вамъ: дѣвка у дальней, у лавочки заигралась.

Старовѣркинъ бросилъ шляпу на руки стоявшаго рядомъ и окрысился:

— А мать плачетъ, — это что за знакъ? Понялъ? Ты, чѣмъ говорить, привелъ бы дѣвчонку. А я пока успокою мать и слазаю. Пускай на меня смотритъ!

— Сгоришь, чортъ.

— Нну... Это положимъ. Скорѣй ты отъ своего носа сгоришь.

Движенія Старовѣркина были радостны, отчетливы и быстры. Онъ сбросилъ воротничекъ, пѣгій галстукъ, — запонки съ трескомъ брызнули въ толпу.

— Полейте меня изъ ведра. Благодарствуйте!

Журча водой и блестя на солнцѣ, какъ плавающая жукъ, онъ поднялся по гнувшейся лѣстницѣ къ окнамъ. Его вздутое, резиновое, налитое тоской по работѣ тѣло нырнуло въ черный зѣвъ. Мать внизу билась въ терпѣливыхъ рукахъ бабъ съ соннымъ воемъ, пока запыхавшійся сосѣдъ не принесъ на рукахъ дѣвчонку.

— А я съ киськой играла, — тоненькимъ голоскомъ заявила она подъ смѣхъ толпы.

Засмолившагося отъ гари монтера вынести и посадили на землю подоспѣвшие пожарные.

Онъ упирался въ травку руками золотистыми, какъ кость копченнаго окорока, и пытался сплюнуть слюну, которой не было въ запекшемся сухомъ ртѣ. Онъ качался, хлоппалъ и вмѣсто великолѣпной, веселой эспаньолки краснѣло мясо.

Его лицо было разомъ измученнымъ, ужаснымъ и веселымъ. Докторъ помазалъ его изъ баночки и кивнулъ головой.

— Отойдетъ! — прошумѣло по толпѣ, какъ вѣтеръ предъ дождемъ.

— Отойдетъ! — громко и увѣренно крикнулъ топорникъ, бросаясь къ дому.

— Что съ вами? — спросилъ докторъ, наклоняясь и приподнимая голову за подбородокъ, какъ у ребенка. — Вы себя лучше...

Монтеръ плюнулъ кровью и зашипѣлъ:

— Ешшо бы... шетвертый мѣсячь... бежь дѣла!

— Отчаянная голова, — закивали въ толпѣ.

— Безработный значитъ, — сочувственно загалдѣли: —

Четвертый мѣсяць, — это надо понимать!

Монтеръ легъ и докторъ сѣлъ предъ нимъ на карячки

и размазывалъ двумя пальцами по лицу вязкое, отъ котораго относило въ сторону камфарой.

Изрѣдка лежавшій раскрывалъ глаза. Они блестяли и были спокойны и задумчивы. Онъ раскрывалъ красную дыру и шепелявилъ:

— Четвертый мѣсячь!..

— Помолчите, — прикрикнулъ мазававшій.

Подъѣхала небольшая пожарная каретка.

Л. Пасынковъ.

РАЙСКОЕ ДРЕВО.

*Въ старой книгѣ картинка: свивается зыбко по Древу
Водить, тянется въ воздухъ плоской головкой своей,
Ищетъ жаломъ дрожащимъ нагую прекрасную Еву
Искушающую Змѣй.*

*А какіе на Древъ цвѣты и плоды наливные!
А какіе кусты, кипарисы и пальмы вдали!
Спитъ Адамъ у ручья. Носороги, медвѣди ручные,
Лани, тигры и барсы въ тѣни полегли.*

*И стройна, высока волосами прикрытая Ева,
И къ ногъ ея круглой склоняется гривой левъ,
И въ коронѣ павлинь громко кличетъ съ цвѣтущаго Древа
О блаженномъ стыдѣ искушаемыхъ дѣвъ.*

Ив. Бунинъ.

ПСАЛТИРЬ.

*Блѣдносиній загадочный ликъ
На увядшія розы поникъ,*

*И свѣтильники гробъ золотятъ,
И прозрачно струится ихъ чадъ...*

*— Дни мои отошли, отцвѣли,
Я бездомный и чуждый земли:*

*Да возрадуется духъ мой Господь,
Въ свѣтъ и жизнь облечетъ мою плоть!*

*Если крылья, какъ птица, возьму
И низринусь въ подземную тьму,*

*Если горнихъ достигну глубинъ,
Всюду Ты, и всегда, и Единъ:*

*Укажи мнѣ прямые пути
И въ какую мнѣ тварь низойти.*

Ив. Буинъ

ИХЪ МАЛЫШЪ.

Леонъ Катленъ.

Окончаніе.*

Оставшись съ дѣтьми, Екатерина какъ-то вечеромъ очаровываетъ ихъ разсказомъ не столь нравственнымъ, сколь страннымъ.

Вечерами дѣти собираются въ залѣ у топящейся печки и при мягкомъ свѣтѣ лампы коротаютъ время до отхода ко сну. Съ ними лишь одна Екатерина. Не переставая работать иглой, она разсказываетъ исторію о привидѣніяхъ, дѣти слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

На дворѣ свиститъ, завываетъ и заунывно скулить вѣтеръ. Въ трубѣ чьи-то голоса то и дѣло заглушаютъ трескъ огня: можно подумать, что это блуждающія души умершихъ хотятъ ворваться въ комнату. Приятно ощущать себя живымъ существомъ, а не мертвецомъ. Бѣдные мертвецы, имъ приходится такъ плохо! Они не могутъ примириться съ необходимостью всегда лежать на холодномъ кладбищѣ и прогуливаться лишь по ночамъ подъ плачъ вѣтра. Они блуждаютъ тогда въ большихъ лѣсахъ или вблизи домовъ, гдѣ жили. Есть за что пожалѣть ихъ.

— Екатерина, правда, что вы умрете?

— Ну, а какъ же иначе, разъ я сотворена изъ Адамова бедра... И вашъ папа тоже умретъ, и ваша мама, и вы, г. Жакъ.

— А Морисъ тоже!?

— Я, я умирать не хочу! — протестуетъ Морисъ.

— О! о! о! смотрите-ка на него: помрешь, дорогой мой, помрешь! и маленькая Берта также помретъ! — прибавляетъ Жакъ. — Послѣднимъ умру я!

— Вовсе нѣтъ, послѣдними, должно быть, умрутъ Берта или Морисъ, они, вѣдь, моложе всѣхъ.

— Да, но я всѣхъ сильнѣе. Умираютъ больные. Я никогда не болѣлъ; Берта всегда болѣетъ.

— А я теперь больше не буду, — утверждаетъ Берта. До сихъ поръ возможность сказаться больной доста-

* См. «Лѣтопись» № 5 за 1916 г.

вляла ей удовольствіе, потому что мама баловала ее въ этихъ случаяхъ.

Жакъ не унимается:

— Кому же достанутся всѣ наши деньги, когда мы умремъ?

— Вашимъ дѣтямъ, г. Жакъ, и вашимъ внукамъ, — поясняетъ Екатерина.

Жакъ рассказываетъ все, что знаетъ о мертвецахъ.

— Однажды, послѣ уроковъ въ школѣ, я пошелъ на кладбище и видѣлъ тамъ мертваго старика въ сгнившемъ ящикѣ. Онъ былъ весь пыль и кости и не двигался. Старый Жозефъ вытащилъ его изъ ямы. Кругомъ собралось много мальчишекъ и смотрѣли, а Жозефъ отгонялъ насъ прочь.

— А что, Екатерина, очень грѣшно смотрѣть на покойника?

— Ничуть не бывало! Вотъ выдумали!

— Екатерина, миленькая, Екатериночка, расскажите еще что-нибудь страшное.

— Охъ, нѣтъ, — вмѣшивается Берта, — только не страшное.

— Ты — женщина; иди спать, если боишься страшнаго.

— Это послѣднее, больше не расскажу, — говоритъ Екатерина, — вамъ уже давно слѣдовало бы быть въ постели. Эта исторія не выдуманная, настоящая. Моя покойная матушка (царство ей небесное!) слышала ее много разъ отъ своего дѣдушки, когда засиживались поздно вечеромъ. Онъ же видѣлъ все это собственными глазами.

Случалось-ли вамъ проѣзжать по Холму четырехъ Мертвецовъ? Тамъ, между большимъ лѣсомъ и прудомъ, стоитъ полуразвалившаяся ферма. Передъ нею, на заросшемъ кустарникомъ лугу, виднѣются четыре одинаковыхъ креста.

— О, да, я знаю, мы проѣзжали это мѣсто, когда ѣздили съ папой и мамой въ городъ къ m-lle Мартѣ.

— Лѣтъ сто тому назадъ тамъ жила одна женщина, вдова Франсуаза, она имѣла кое-какую скотинку и держала корчму. У нея всегда бывало много народу, вѣдь, дорога тамъ очень крутая, а до деревни далеко. У Франсуазы была дочь и два сына, оба, ей-ей, ребята хоть куда: старшій, Феликсъ, которому надо было идти въ солдаты, торговалъ на ярмаркахъ скотомъ, младшій, Баптистъ, — у него еще только начинали пробиваться усики, — помогалъ матери по хозяйству. Мой дѣдушка, тогда еще молокососъ, дружилъ съ ними, особенно съ барышникомъ,

котораго встрѣчалъ на дорогахъ. Дочери, Туанеттѣ, шель пятнадцатый годъ; изъ нея должна была выйти красивая женщина. И, конечно, въ женихахъ у нея недостатка не было бы. Дѣдушка имѣлъ на нее виды, ибо она была дѣвка благодѣтельная и охочая до работы. Къ тому же говорили, что у ея матери водятся деньги. Въ тѣ времена деньги встрѣчались куда рѣже, чѣмъ теперь, и трудъ бѣдняка оплачивался гораздо хуже.

Однажды утромъ, послѣ такой же пакостной зимней ночи, какъ вотъ эта...

Екатерина прерываетъ рассказъ и прислушивается.

— Слышите, — снова начинаетъ она, — какъ въ трубѣ завываетъ вѣтеръ? Жаль мнѣ теперь всѣхъ странниковъ въ пути. Такъ вотъ, однажды утромъ, послѣ такой же пакостной зимней ночи, какъ нынѣшняя, на самомъ разсвѣтѣ, дѣдушка подвѣзжалъ къ фермѣ; у него пересохло въ горлѣ отъ крика на лошадку, которой изъ-за снѣга тяжело было втащить повозку на гору. И рѣшилъ онъ зайти къ Франсуазѣ выпить стаканъ пива.

Но не успѣлъ онъ сдѣлать по маленькой дорожкѣ къ фермѣ шага три, какъ видитъ: Феликсъ и вдова лежатъ на спинѣ въ красномъ снѣгу. У Феликса въ рукахъ заступъ, которымъ онъ, вѣрно, защищался, пока его не уложили на смерть. И какъ только смогли одолѣть такого сильнаго парня? Онъ уже весь похолодѣлъ и лежалъ, вытянувшись, какъ кусокъ бука.

Лицо вдовы было покрыто ея же передникомъ: ударомъ топора ей раскроили голову до самаго подбородка; топоръ валялся тутъ же, наполовину скрытый въ снѣгу. Ноги Франсуазы были подогнуты подъ туловище; видно, ее ударили по колѣнямъ въ то время, какъ она молила убійцу о пощадѣ.

Дѣдушка обернулся въ сторону дома, — дверь наполовину была раскрыта. Онъ испугался: а вдругъ разбойники еще здѣсь? — подошелъ тихонько къ двери; и что же видитъ по ту сторону навозной кучи? — Младшаго сына и дочку Франсуазы, точно такъ же растянутыхъ на красномъ снѣгу. Раньше всего, вы понимаете, конечно, подходитъ онъ къ Туанеттѣ. У нея весь животъ изрубленъ ударами ножа. Ахъ, мои родненькіе, вы ничего подобнаго еще не видали!

Услышавъ дѣдушкины вопли, Баптистъ зашевелился. Дѣдушка подбѣжалъ къ нему. Баптистъ, потерявшій всякій человѣческій обликъ, посмотрѣлъ на него и открылъ свой окровавленный ротъ, какъ бы для того, чтобы что-то сказать, но онъ испустилъ лишь хрипъ.

— Говори! Говори! Баптистъ, скажи мнѣ, кто злодѣи? — умолялъ его дѣдушка. — Скажи, кто злодѣи?.. Баптистъ!

Баптистъ же не шевелился. Ротъ у него оставался открытымъ; онъ смотрѣлъ на дѣдушку неподвижными стеклянными глазами. Дѣдушкѣ даже жутко стало. Понявъ, что Баптистъ испустилъ духъ въ ту минуту, какъ хотѣлъ назвать имена убійць, дѣдушка пустился бѣгомъ въ деревню, чтобы предупредить господина мэра. Господинъ мэръ явился на мѣсто убійства въ сопровожденіи господина священника, церковнаго сторожа, пономаря и могильщика Зебедее Крикамбуа, запомните хорошенько это имя... Дѣдушка, конечно, позабылъ о своей лошади, которая ушла безъ него и одна добралась до города; тамъ же ее задержали со всей поклажей.

Франсуазѣ и ея тремъ дѣтямъ устроили великолѣпныя похороны.

Зебедее Крикамбуа отказался отъ платы за рытье этихъ четырехъ могилъ. Онъ вырылъ ихъ, сказалъ онъ, изъ любви къ Франсуазѣ; и никто этому не удивился, — когда то онъ сватался къ ней, хотя она была старше его лѣтъ на двадцать.

Стали разыскивать убійць, но все не находили. Бѣдная вдова осталась не отомщенной. Все, что могли сдѣлать, это поставить четыре кресла на томъ мѣстѣ, гдѣ дѣдушка нашель трупы, чтобы, проходя мимо, добрые люди осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ.

И всея все шло да шло; тѣ, кто во время преступленія были молоды, состарились; и, проживъ долгіе годы, умирали. Остался только дѣдушка да могильщикъ, вспоминавшіе иногда о Франсуазѣ, какъ о человѣкѣ, котораго они знали. Зебедее Крикамбуа обѣщался, когда наступитъ время, раскрыть интересныя вещи.

Своимъ ремесломъ онъ не занимался больше. Онъ сталъ съ годами похожъ на скелета, вѣчно кашлялъ, въ носу и ушахъ торчали клочья волосъ. Онъ не вставалъ съ кресла у печки, просиживая такъ цѣлыми часами, о чемъ-то думая и смотря на три черепа, лежавшіе тутъ же, на краю камина: три прекрасныхъ черепа съ ровными рядами бѣлыхъ зубовъ.

Глядя на нихъ, Зебедее Крикамбуа вдругъ начиналъ смѣяться, и никто не зналъ, почему: говорили, что онъ впадаетъ въ дѣтство.

Это не мѣшало ему жить бариномъ, и даже очень тре-

бовательнымъ бариномъ; держалъ въ услуженіи женщину, только для ухода за своей особой.

Увидѣла она какъ-то, что онъ перекладываетъ сложенные въ горшкѣ червонцы и, конечно, поспѣшила рассказать объ этомъ.

Стали думать, какъ могъ онъ собрать такую уйму денегъ. Не отъ рытья же могилъ. Подождите, не спѣшите, и вы узнаете, какъ раздобылъ онъ эти чудесные червонцы.

Старая развалина, онъ не долго протянулъ. Однажды утромъ Филомена, такъ звали женщину, ходившую за нимъ, пошла за батюшкой: ея хозяинъ потерялъ сознание и уже хрипѣлъ.

Къ приходу батюшки умирающій пришелъ въ себя. Увидѣвъ зажженные свѣчи и всѣ другія приготовления для причастія, онъ приказалъ впустить въ избу всѣхъ, кто пожелаетъ.

И тутъ онъ рассказалъ, что это онъ да церковный сторожъ и пѣвчій, съ цѣлью грабежа, сначала напоили обоихъ сыновей Франсуазы, а потомъ зарѣзали всю семью; что онъ нашелъ много денегъ, пригодившихся ему на склонѣ лѣтъ; что между соумышленниками было такъ условлено: кто послѣднимъ умретъ, тотъ на смертномъ одрѣ все и расскажетъ; что хранящіеся у него на каминѣ три черепа и есть черепа двухъ сыновей Франсуазы и дочери ея Туанетты.

Вырвыши ихъ изъ могилъ, онъ, чтобы очистить, прокипятить ихъ. Черепа Франсуазы онъ не взялъ, потому что онъ былъ разбитъ.

Очевидно, ему не хотѣлось портить свою, правду сказать, великолѣпную коллекцію.

Онъ рассказалъ, наконецъ, что бѣдная Франсуаза, когда онъ гнался за нею съ топоромъ, крикнула ему:

«Вамъ отомстятъ за насъ: вы умрете на эшафотѣ; и милосердный Богъ изжаритъ васъ въ аду».

«Коли вы вѣрите въ Бога, тетка Франсуаза, — отвѣтилъ онъ ей, — я даю вамъ двѣ минуты на молитву».

И затѣмъ онъ раскроилъ ей голову.

Исповѣдавшись во всѣхъ этихъ ужасахъ, Зебедее Крикамбуа разсмѣялся. Тогда поняли, почему, оставаясь одинъ, онъ всегда смѣялся, этотъ старый лѣшій. Онъ глумился надъ бѣдной Франсуазой, надъ честными людьми и надъ милосерднымъ Богомъ.

Похоронили Зебедее Крикамбуа, какъ собаку. Но представьте себѣ, онъ вѣдь ошибся, думая, что его не постигнетъ наказаніе. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его зарыли, и надъ прудомъ, у Холма Четырехъ Мертвецовъ, по ночамъ

часто блуждаютъ огоньки; да, миленькіе мои, вода на этомъ пруду горить, ну, точь въ точь, какъ горѣла водка, когда вашъ папа зажегъ ее вмѣстѣ съ кускомъ сахара въ ночь подъ Рождество; вы помните?!

— О, да! припоминаю; тогда еще папа потушилъ сгонь въ лампѣ.

— Мы тоже, — поворить Екатерина, — мы тоже сейчасъ потушимъ лампу: давно пора уже отправиться намъ на покой.

Она оторвала зубами нитку и сложила работу. Затѣмъ взяла спички, чтобы зажечь свѣчу; но вдругъ остановилась неподвижно съ подсвѣчникомъ въ рукѣ.

— Только послушайте, — говоритъ она, — какъ жалобно стонетъ вѣтеръ сегодня: можно подумать, что это стонутъ души покойниковъ.

Жакъ на минутку задумался; затѣмъ задаетъ такой вопросъ:

— Скажите, Екатерина, это Зебедее пускаетъ огни, чтобы пугать людей?

И заявляетъ:

— Я послѣ смерти тоже буду приходиться пугать людей.

Какъ тетка Изабелла въ слѣдующую за своей смертью ночь вернулась въ домъ и оставалась до разсвѣта въ дѣтской.

— Ну, теперь, — говоритъ Екатерина, — идемте наверхъ.

— Еще немножко, Екатерина! Еще немножко!

— Идемъ, бездѣльники!

— Однимъ наверху намъ будетъ страшно...

— Вы не будете одни: я останусь съ вами. Барыня велѣла поставить мою кровать въ альковъ вашей комнаты.

Дѣти не привыкли такъ поздно ложиться; они раздражены, не хотятъ слушаться. Поднимаясь по лѣстницѣ, Морисъ и Берта охаютъ.

И тутъ еще нужно рздѣваться. Вотъ, наконецъ, они въ постели; но слишкомъ взволнованы и не могутъ заснуть. Они прислушиваются къ непрекращающемуся завыванію вѣтра и вспоминаютъ только что рассказанное.

Вдругъ (Екатерина сидитъ на стулѣ, отстегиваетъ подвязки, стягиваетъ чулки) кто-то громко застучалъ въ наружную дверь прихожей. Дѣти вскакиваютъ; Екатерина тоже. Она оцѣпенѣла отъ изумленія. Но черезъ минутку ее осѣняетъ какая-то мысль. И она вскрикиваетъ:

— Я такъ и знала, такъ и знала, что это привидѣніе.

Господи Боже! Охъ, боюсь я, что это ваша умершая тетка Изабелла.

Она надѣваетъ на ноги хорошенькія, вышитыя барыней, бариновы туфли.

Удары не прекращаются.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! Что-то будетъ съ нами?— стонетъ Екатерина.

Затѣмъ она храбро уходитъ въ прихожую, старательно закрывая за собою дверь.

— Боже мой! Боже мой!

И она стучитъ въ дверь, въ ту самую, въ которую стучали снаружи. Ей отвѣчаютъ еще большимъ стукомъ. И дѣти слышатъ, какъ тихимъ, черезъ перегородку еле слышнымъ голосомъ Екатерина говоритъ:

— Иду! Иду!.. Такъ это ты?.. Подожди же минутку! Не стучи такъ!.. Подожди, я еще не нашла ключа.

Екатерина разговариваетъ съ привидѣніемъ, говорить ему ты. У привидѣнія грубый мужской голосъ. Вотъ она идетъ открывать дверь, чтобы впустить его... — Не открывайте, Екатерина! Не открывайте! — Но она не внимлетъ этой тихой молебѣ трехъ сердець. Дѣло сдѣлано. Привидѣніе проникаетъ въ прихожую; какіе на немъ, однако, тяжелые, подбитые гвоздями, салоги!

Въ теченіе нѣсколькихъ, длившихся цѣлую вѣчность минутъ, Екатерина оживленно шушукается съ привидѣніемъ тутъ же, рядомъ, за тонкой перегородкой. Пoслушаемъ:

— Катенька... Милая...

— Нѣтъ, нѣтъ, не сегодня...

— Я хочу!..

— Господи, какъ отъ тебя несетъ водкой...

Долетаютъ лишь обрывки фразъ. Право, трудно понять, о чемъ говоритъ Екатерина съ привидѣніемъ.

То, что они говорятъ громко, слишкомъ понятно:

— Прошу васъ, привидѣніе, не уводите дѣтей.

— А я хочу ихъ увести.

— Ихъ нѣту: они уѣхали съ матерью на ваши похороны.

— Они тутъ.

— Нѣтъ, говорятъ вамъ.

— Да, говорятъ вамъ.

— Вы, значитъ, не вѣрите мнѣ?

— А вотъ я посмотрю, съ вашего позволенія.

И храбрая же, однако, эта Екатерина, если осмѣливается такъ спорить съ привидѣніемъ!

Она входитъ въ дѣтскую и просто, безъ особеннаго волненія, говоритъ:

— Такъ и есть, тетушка Изабелла.

Она беретъ что-то въ бѣльевомъ шкафу и прячетъ подъ передникъ. Затѣмъ подходитъ къ кроваткамъ и обращается къ дѣтямъ со слѣдующимъ наставленіемъ

— Спрячьтесь хорошенько подъ одѣялами, мои бѣдняжечки: покойники очень злые; а тетка Изабелла и при жизни не была, Богъ вѣсть, какой доброй, а теперь способна будетъ умертвить васъ. Вы откроетесь лишь, когда я вамъ это скажу.

Стѣнные часы въ прихожей стали пронзительно выбивать разъ, два, три — одиннадцать часовъ.

Морисъ и Берта зарываются съ головою подъ пуховикомъ; отъ страха у нихъ выступаетъ потъ. Жаку тоже не совсѣмъ по себѣ. Когда-то онъ не боялся тетушки Изабеллы. Но съ тѣхъ поръ, какъ она умерла, настроеніе измѣнилось. Тѣмъ не менѣе онъ рискуетъ посмотрѣть однимъ глазкомъ.

— Спрячьтесь, Жакъ, говорятъ вамъ, — нервно приказываетъ Екатерина. — Васъ вѣдь тетушка Изабелла особенно не долюбивала!

Екатерина выходитъ изъ комнаты. Скоро кто-то, тяжело шагая, вошелъ въ комнату. И грубымъ голосомъ произнесъ:

— Я тетка Изабелла.

Какъ, однако, измѣнился у нея голосъ послѣ смерти!

Жакъ приподнимаетъ краешекъ одѣяла. Онъ видитъ здоровенное привидѣніе, которое Екатерина старается спрятать за собою. Но это не удастся, оно слишкомъ большое, выше ея цѣлой головой. Какъ выросла тетка Изабелла послѣ смерти! Она куда больше и страшнѣе, чѣмъ была при жизни. Какъ жаль, что нельзя посмотрѣть, такое же ли у нея старое, какъ раньше лицо; на головѣ у нея длинная бѣлая простыня, которая ниспадаетъ до полу.

— Я—тетка Изабелла.

Кто же этого не знаетъ? А все-таки она говоритъ это точь въ точь, какъ пономарь Клодъ, когда по воскресеніямъ обходить съ г-жой Ропо церковь и выкрикиваетъ: «На нужды богослуженія, пожалуйста».

Къ кроватямъ привидѣніе не подходитъ. Ему трудно двигаться, — простыня мѣшаетъ. Екатерина водитъ его, какъ слѣпого. Они направляются прямо къ алькову, и входятъ туда. Привидѣніе облегченно вздыхаетъ:

— Уфъ!

Затѣмъ Екатерина возвращается и говоритъ дѣтямъ, что они могутъ открыть одѣяла.

Т-съ! Кажется, привидѣніе раздѣвается въ альковѣ; вотъ, какъ будто, стаскиваетъ сапоги: падая, они производятъ большой шумъ.

— Тише! — тихо вскрикиваетъ Екатерина.

Дѣти въ своихъ кроваткахъ не могутъ уgomониться; Бертѣ страшно, она начинаетъ плакать, звать маму. Изъ глубины алькова доносится глухой голосъ:

— Я—тетка Изабелла.

Берта умолкаетъ. Дѣти стараются не дышать.

На дворѣ, вѣтеръ попрежнему стонетъ и мечется, заставляя дрожать окна; то кажется, что кто-то кричитъ, то, что кто-то неутѣшно плачетъ, то, что кто-то раздражается внезапно страшнымъ гнѣвомъ.

А въ то же время и въ альковѣ не совсѣмъ спокойно.

Въ вопросъ о привидѣніи мнѣнія Жака и Екатерины расходятся.

На слѣдующее утро, одѣвая дѣтей, Екатерина говоритъ Жаку:

— Вы будете, надѣюсь, умницей. А? Слышали этой ночью привидѣніе?

— О, да! И даже видѣлъ.

— Какъ! Вы имѣли неосторожность выглянуть изъ-подъ одѣяла?

— Да!

— Къ счастью, оно скоро ушло.

— Вовсе не скоро. Оно зашло съ вами въ альковъ и все хотѣло разговаривать съ вами. Вы же отвѣчали: «Замолчишь-ты, старый пьянчуга!»...

— Вамъ, вѣрно, все это приснилось!

— И оно все порывалось поцѣловать васъ... Потомъ оно уснуло, и очень громко храпѣло...

— Быть можетъ, то было не привидѣніе, а людоѣдъ?

— А потомъ вы тоже захрапѣли...

— Вы никакъ хотите сказать, что оно спало со мною?

— А потомъ оно сошло съ вашей кровати, чтобы до свѣта одѣться. Вы зажгли свѣчку.

— Да, что вы рассказываете!?

— И оно не носило даже простыни, а было въ одной сорочкѣ. У него на ногахъ и ляжкахъ ужасно много гладкихъ волосиковъ...

— И вамъ не стыдно говорить такія вещи? Вы гадкій мальчишка!

— А потомъ вы подавали ему одежду и все ходили на цыпочкахъ, чтобы не шумѣть...

— Вы извѣстный выдумщикъ. Вамъ все бы досаждаютъ бѣднымъ людямъ. Поэтому то никто вамъ и не вѣритъ.

— А потомъ, вы причесали его папинымъ гребешкомъ...

— Вотъ нахальство! Если вы повторите это барынѣ, я принуждена буду сказать ей, что это сущая ложь. Бѣдная барыня! Когда она узнаетъ, что въ домѣ водятся привидѣнія, она лишится сна. И изъ-за васъ стрясется бѣда: привидѣніе вамъ отплатитъ.

— А потомъ, когда оно уходило, вы расцѣловались...

— Замолчите, лгунишка! Замолчите!

— Я видѣлъ! видѣлъ!

— Еще одно слово, и вы горько раскаетесь. Вотъ тоже! Отъ земли не видать и туда же—сочинять исторіи, чтобы опозорить честную дѣвушку!

— Оно было похоже на пономаря Клода.

— Что? что?

— Оно походило...

— Только этого не доставало!.. Отъ васъ съ ума сойдешь!.. Молчать!.. Вы за это дорого заплатите!.. Когда сломали папину бутылку съ водкой, вы сказали, что это сдѣлала я, помните, васъ тогда чуть-чуть не высѣкли!..

— Что же изъ того, что меня не высѣкли?

— Какъ вамъ не стыдно такъ нагло лгать. Что говоритъ вамъ безпрестанно папа, который такъ хорошо воспитываетъ васъ? — Нужно всегда говорить правду.

— О! — отвѣчаетъ Жакъ, — всѣ дѣлаютъ видъ, будто говорятъ правду, а, на самомъ дѣлѣ, лгутъ: и вы тоже.

Берта самымъ чистосердечнымъ образомъ говоритъ неправду.

Какая собачья погода для распуска! (а распустили ихъ въ честь какого-то политическаго дѣятеля, которому въ Парижѣ ставили памятникъ). Снѣгъ растаялъ. Съ самага утра идетъ дождь. Невозможно выйти изъ дому. Но Жаку, Морису и Бертѣ не скучно. Они играютъ въ жмурки въ комнатахъ. Ищетъ Жакъ. Онъ никакъ не можетъ поймать братишку и сестренку.

Проходя мимо темной комнатки, гдѣ мама вѣшаетъ платья, онъ хочетъ войти туда; дверь закрыта на ключъ, а ключа нѣту. А онъ внутри; кончикъ его выступаетъ въ скважинѣ замка. Жакъ начинаетъ барабанить въ дверь; никто не отвѣчаетъ.

За дверью, въ темнотѣ, крѣпко прижавшись другъ къ другу, стоятъ Морисъ и Берта. Они чувствуютъ себя въ без-

опасности, но въ то же время имъ страшно, они еле дышатъ.

Но Жакъ кричитъ изо всей силы:

— Берта, ты тутъ?

— Нѣтъ, — глухо отвѣчаетъ нѣжный голосокъ.

— Лгунья! лгунья! открывай же, открывай!

Возвращеніе папы и мамы. Соболъзнованіе 2-жи Ропо.

Съ похоронъ тетки Изабеллы папа и мама вернулись большими друзьями.

Онъ зоветъ ее «курочкой», а она его «душенькой».

— Это второй медовый мѣсяцъ, — говоритъ мама.

Изрѣдка они вспоминаютъ покойницу; смѣются надъ ея чудачествами, въ частности, надъ ея скупостью.

— Ея дома въ скверномъ состояніи; но кто въ этомъ виноватъ? — говоритъ папа. — Она систематически отказывала въ ремонтѣ квартирантамъ, которыхъ опутала контрактами. Они поневолѣ должны были дѣлать самое необходимое на свой счетъ, потому что судиться имъ стоило бы еще дороже.

— Но почему же они не съѣзжали по истечении срока?

— Ну, это было не такъ легко! Вздумаетъ квартирантъ съѣхать, а тетка пошлетъ Анжель, свою служанку, ко всѣмъ хозяйевамъ свободныхъ квартиръ, и та такихъ вещей наговоритъ имъ про жильца (она сумѣла подобрать себѣ прислугу съ ядовитымъ на рѣдкость язычкомъ. Ты вѣдь знаешь Анжель!). Если же квартирантъ все-таки съѣзжалъ, тетка Изабелла, обходя квартиру, вопила:

— Это же—руины! Богъ ты мой, какъ я раскаиваюсь, что впустила этихъ вандаловъ!

И тогда лишь она приступала къ ремонту, и то наудачу. На это шли штрафныя деньги, поступавшія отъ жильцовъ за мнимыя поврежденія.

Мама говоритъ:

— Да и постройки ея тоже дѣло случая. Позади самага красиваго изъ ея домовъ, того, что на улицѣ Сень-Феррель, она выстроила цѣлый сарай и прачешную изъ досокъ отъ ящиковъ изъ-подъ макаронъ, а сверху прикрыла еще досками отъ коробокъ изъ-подъ ваксы. Все это она окрасила въ яркій зеленый цвѣтъ.

Папа прибавляетъ:

— Сколько она за свою жизнь брани наслушалась! Но ей все было нипочемъ, лишь бы набивать карманы. Но надо отдать ей справедливость: она умѣла отказывать себѣ во многомъ. Я думаю, что сама она никогда не покупала себѣ

конфектъ, и если бы другіе не посылали ей, она никогда бы ихъ не ѣла... Теперь и этого у нея не будетъ. Теперь ей придется уже довольствоваться корнями сорной травы.

— Какой ты злюка, мой милый!

И папа съ мамой заливаются смѣхомъ, какъ будто имъ по пятнадцати лѣтъ.

Они легко смѣются; они счастливы.

— Ты вѣдь отремонтируешь наши дома? — спрашиваетъ мама. — Жильцамъ не придется платить за это?

— Все, что удастся содрать съ нихъ, я сдеру! ты что думаешь, что я никогда не былъ домовладѣльцемъ?

— А что будетъ съ Анжелъ?

— У нея есть какой-какія деньжата. Чтобы ей не было скучно, я поручилъ ей вѣзять съ жильцовъ квартирную плату. Она будетъ дѣлать это, удовольствія ради, только чтобы притѣснять бѣдняковъ.

* * *

Г-жа Ропо является къ мамѣ съ визитомъ, чтобы выразить ей свое соболѣзнованіе. Мама принимаетъ подругу въ салонѣ.

Онѣ усаживаются, опускаютъ головы и складываютъ руки, какъ это дѣлается въ такихъ случаяхъ, и затѣмъ бесѣдуютъ съ сокрушеннымъ видомъ:

— Ваша тетя, при ея возрастѣ, вѣрно, умерла покойно?

— Ничуть не бывало! дорогая моя, бѣдняжка страдала, какъ настоящая мученица, цѣлый мѣсяць. Она кричала, не переставая, цѣлые дни и ночи...

Жакъ думаетъ, какъ хорошо было бы послушать ея крики.

— ...Умерла она, — заканчиваетъ рассказъ мама, — отъ старческой гангрены.

— Какъ же это вышло, что вы не были у нея во время болѣзни?

— Она не писала намъ: мало, что можетъ больному вбрести въ голову! Какъ знать—быть можетъ, она боялась беспокоить насъ. Вы вѣдь знаете насъ, мы всегда такъ заботились о ней, а тутъ, конечно, сочли бы за долгъ поѣхать къ ней и ободрить ее своимъ присутствіемъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія съ супомъ и аладьями.

Сегодня мама обѣдаетъ одна съ своими «дорогими крошками». Она сама стряпаетъ. Екатерина въ повозкѣ пономаря Клода уѣхала на свадьбу кузена; такъ она сказала.

Супъ пригорѣлъ; и мама считаетъ нужнымъ предупредить:

— Кто къ моему приходу не съѣстъ супа, не получить яблочныхъ аладій.

И уходитъ на кухню.

Чтобы получить аладьи, Морисъ съ увлеченіемъ съѣдаетъ свою тарелку супа. Жакъ исподлобья смотритъ на него. Вдругъ онъ переливаетъ содержимое своей тарелки въ тарелку Мориса, и шопотомъ говорить:

— Если скажешь, берегись!

Мама приноситъ первую сковородку съ пышными, чудно запеченными аладьями; она спрашиваетъ:

— Всѣ скушали супъ?

— Я свой съѣлъ! — съ торжествомъ отвѣчаетъ Жакъ. Онъ стремительно подставляетъ свою тарелку, а въ это время толстякъ Морисъ потѣетъ надъ супомъ и, чтобы поскорѣе окончить, хлебаетъ ложку за ложкой.

Онъ весь вспотѣлъ. Онъ торопится и дышитъ тяжело и громко. Онъ кончаетъ какъ разъ во время, чтобы получить три аладьи.

Мама ушла за свѣжими. Жакъ говоритъ Морису:

— Какія чудныя аладьи! ты, навѣрно, уже не голодень?

— Нѣтъ, я еще хочу! — отвѣчаетъ Морисъ, который попрежнему торопится, чтобы доказать на этотъ разъ, что онъ помираетъ съ голоду.

Тогда Жакъ, — онъ тоже давится ѣдой, — съ набитымъ ртомъ говорить:

— А все-таки ты не сумѣешь съѣсть столько, сколько я!

Папа высказываетъ нѣсколько соображеній по поводу прочитаннаго въ газетѣ извѣстія.

Полдень. Папа только-что всталъ изъ-за стола и отдыхаетъ въ креслѣ тутъ же, въ столовой. Удобно растянувшись, онъ пробѣгаетъ газету, но больше занятъ своей сигарой, которую куритъ, какъ знатокъ. У него превосходныя сигары, добытыя контрабанднымъ путемъ.

Вдругъ глаза у него засверкали, — лицо оживилось; онъ топаетъ ногой; пепель сигары падаетъ.

— Опять бѣгство биржевого дѣльца съ кліентскими деньгами! — восклицаетъ онъ.

Затѣмъ онъ погружается въ чтеніе; по его лицу видно, что онъ необычайно заинтересованъ, до того, что начинаетъ машинально выпускать клубы дыма превосходной сигары.

Наконецъ, его восторгъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ.

— Чортъ возьми! Чортъ возьми! вотъ дьявольскій умъ! Ты должна это прочесть, моя милая. Полное ничтожество, бывший лакей, влюбляетъ въ себя красавицу-кококту, основываетъ банкъ, втирается въ довѣрiе къ денежнымъ мѣшкамъ-простофилямъ, добивается того, что золото само притекаетъ въ его кассы. Затѣмъ, въ одно прекрасное утро, съ туго набитымъ бумажникомъ, онъ исчезаетъ, покидая кококту, которая ему больше не нужна, да и полиняла. Ну, его ужъ не поймаютъ. Да и не слѣдуетъ осуждать людей подобной силы. Какая голова! Ты непременно прочти это; это называется:

«Новый пѣнокосниматель и мелкіе вкладчики».

— Конечно, мелкіе вкладчики еще разъ заплатились. Тѣмъ хуже для нихъ! Смотрѣли бы въ оба!

* * *

Жакъ резюмируетъ про себя:

— Дураки тѣ, кто ссужаютъ свои деньги и никогда не сбманываютъ другихъ. У нихъ все отнимаютъ. Они нищие, и надъ ними смѣются.

— Хитрые тѣ, кто достаютъ много денегъ и дѣль. Когда они не могутъ добиться больше, они занимаютъ деньги у другихъ, и никогда не отдають. Такъ они богатѣють. Ими восторгаются; и ихъ не слѣдуетъ сажать въ тюрьму.

— Жакъ не желаетъ быть дуракомъ.

Жакъ узнаетъ, что священникамъ доставляетъ большое удовольствіе исповѣдывать людей.

— Жакъ, — говоритъ бабушка, — ты пойдешь на исповѣдь?

— Жаку на исповѣдь! Зачѣмъ? — недовольнымъ голосомъ спрашиваетъ папа.

— А потому что всѣ его сверстники идутъ сегодня въ первый разъ.

— Если мой сосѣдъ бросается въ воду, то это еще не значитъ, что я долженъ сдѣлать то же самое.

И папа разгорячается. Онъ находитъ, что исповѣдь — «безнравственный» обрядъ.

— Священники выдумали исповѣдь, чтобы разнюхивать грѣшки людей, — говоритъ онъ. — Ихъ хлѣбомъ не корми. И къ тому же они задають женщинамъ грязные вопросы. Я хорошо зналъ одну молодую дѣвушку, которую развратилъ священникъ на исповѣди.

— И поэтому ребенокъ не долженъ пойти на конфирмацію? Всѣ благовоспитанныя дѣти идутъ на конфирмацію. Этотъ аргументъ кажется неотразимымъ.

— Ну, что-жь, — соглашается папа, — пускай идетъ! Въ концѣ концовъ, мнѣ на это въ высокой степени наплевать! Но если онъ свихнется, мы будемъ знать, по чьей винѣ.

Когда въ церкви очередь дошла до Жака, онъ заупрямился:

— Я не хочу лѣзть въ эту дыру! — громко заявляетъ онъ бабушкѣ.

Священникъ показывается изъ исповѣдальни.

— Ну же, дружочекъ, идемте, — мягко уговариваетъ онъ.

— Нѣтъ; мнѣ нечего вамъ сказать; я не войду въ эту конуру.

Бабушкѣ съ трудомъ удается уломать его.

* * *

По возвращеніи домой, Жакъ такъ изображаетъ дѣло Морису и Бергѣ:

— Насъ было много; мы сидѣли рядами на церковныхъ скамьяхъ, и одинъ за другимъ входили мы въ какой-то шкафъ. Вдругъ, скрипъ въ стѣнѣ, и открывается маленькая дверца. За рѣшеткой показывается голова священника, который въ темнотѣ что-то шепчетъ.

Жакъ устраиваетъ исповѣдальню, чтобы привести къ исповѣди Мориса и Берту. Они должны открыть ему всѣ, всѣ свои грѣхи, особенно самые тяжкіе. Но ни Берта, ни Морисъ не знаютъ, что такое грѣхъ.

— Грѣхъ, — объясняетъ Жакъ, — это вотъ что: вы скажете мнѣ, воровали-ли вы конфеты у бабушки или бисквиты у мамы, фискалили-ли вы на меня мамѣ. Вы скажете мнѣ тоже про все, что сдѣлали украдкой и о чемъ не хотѣли бы рассказывать. Это ничего, что вы мнѣ расскажете, вѣдь я буду стоять въ самомъ углу, и вы не будете меня видѣть.

Жаку хотѣлось бы исповѣдать и Екатерину. Со времени исторіи съ привидѣніемъ, она очень мила съ нимъ; но исповѣдываться она ни за что не соглашается. А Жаку интересно было бы знать грѣхи Екатерины.

Она вретъ, это не подлежитъ сомнѣнію; но бабушку она не бѣситъ и маму слушается. Какіе же другіе грѣхи могутъ быть у Екатерины?

По размышленіи.

— Ей, — рѣшаетъ про себя Жакъ, — я задалъ бы «грязные вопросы».

Красивый поступокъ.

— Одинъ изъ васъ, — говоритъ г. Ланстриукъ своимъ ученикамъ, — передалъ мнѣ найденное имъ на улицѣ портмонэ, въ которомъ было много денегъ. Это честный, красивый поступокъ, тѣмъ болѣе красивый, — я долженъ это сказать, — что нашедшій далеко не баловень судьбы. Поэтому я считаю своимъ долгомъ назвать вамъ и публично поздравить этого добродѣтельного мальчика; это никто другой, какъ Пьеръ Рафаръ.

Маленькій Пьеръ краснѣетъ до корней волосъ.

На слѣдующей перемиѣнѣ Жакъ, вмѣсто того, чтобы играть, собралъ вокругъ себя нѣсколько товарищей и съ таинственнымъ видомъ что-то говоритъ имъ. Затѣмъ, когда послѣ уроковъ школьники разсыпались по улицѣ, онъ рѣшительно подходитъ къ Пьеру Рафару и въ присутствіи всѣхъ бросаетъ ему въ лицо:

— Ты укралъ его; я самъ видѣлъ.

— Что я укралъ?

— Портмонэ.

— Я укралъ его! У кого? У кого?

— Я знаю, будь спокоенъ.

— Когда такъ, то скажи!

— И скажу.

Школьники окружаютъ ихъ и въ то время, какъ Жакъ Грожанъ и Пьеръ Рафаръ, какъ два молодыхъ пѣтушка, крича, вытягиваютъ шеи, остальные съ гоготаньемъ стараются подлить масла къ огню:

— Бей его! Ну же, Жакъ! Что же ты, Жареный Карпъ! Жакъ отступаетъ назадъ шага на два.

— Смотри, Жареный Карпъ! — говоритъ онъ, — не воображай только, что разобьешь мнѣ, какъ въ тотъ разъ, носъ въ кровь и мой отецъ ничего не сдѣлаетъ.

— Не я началъ. Чего же ты говоришь, что я укралъ?

Крупныя слезы навертываются на глазахъ маленькаго Пьера; это еще больше разжигаетъ злобу Жака.

Но гдѣ-то вдали заигралъ нищій старикъ на аккордеонѣ. Жака тянетъ туда. Гарцуя и потрясая въ сторону врага своей линейкой, точно саблей, онъ убѣгаетъ съ поля сраженія.

Будучи уже далеко, онъ поворачивается, чтобы крикнуть:

— Воръ! воръ!

И обращаетъ вниманіе на нищаго. Онъ бросаетъ ему въ карманъ камешки.

— Вотъ тебѣ, Матюренъ, два су на чай.

Матюренъ инвалидъ, въ кампаніи 70 года отморожившій себѣ ноги. По этой причинѣ и еще потому, что всегда наполовину пьянъ, онъ не совсѣмъ твердо держится на ногахъ.

— Вотъ, выпей, Матюренъ, — говоритъ опять Жакъ, подавая ему воды, почерпнутой изъ лужи старой коробкой изъ-подъ сардинъ.

Матюренъ молчитъ, судорожно прижимаетъ къ груди свой инструментъ; устремивъ взоръ къ небу, подергивающимся отъ тика губами, онъ извлекаетъ изъ него звуки и кажется, что у него отрыжка.

Клоунскія штуки.

Стоя на садовой скамейкѣ, Морисъ старается удержать на носу обручъ, чѣмъ приводитъ въ изумленіе Берту. Является Жакъ.

— Ого! — восклицаетъ онъ, — толстякъ Морисъ корчить изъ себя знаменитость! А я куда хитрѣе его!

Онъ вскакиваетъ на скамейку и вырываетъ обручъ изъ рукъ Мориса, который переходитъ на роль простого зрителя.

Придавъ лицу соответственное самодовольное выраженіе, Жакъ вертитъ вокругъ руки деревянный обручъ. Затѣмъ онъ схватываетъ его то одной, то обѣими руками, вытягивая руки, отодвигаетъ его, или держитъ его неподвижно.

Екатерина смотритъ въ окно кухни.

— Вы всѣ хорошенько смотрите на меня! — кричитъ онъ.

Онъ собираетъ съ духомъ.

— Разъ, два, три! — намѣреваясь проскочить черезъ обручъ, какъ клоунъ, онъ дѣлаетъ скачокъ и, трахъ-тарахъ, съ трескомъ летитъ кубаремъ внизъ.

Нѣкоторое время онъ остается лежать на землѣ. Потомъ поднимается и съ выраженіемъ нѣмого страданія сжимаетъ колѣни. На лбу его красуется шишка.

Морисъ робко подходитъ.

— Ты ушибся? — спрашиваетъ онъ.

— И не думалъ, — отвѣчаетъ Жакъ, силясь разсмѣяться и быстро встать, — я вовсе не ушибся: это я нарочно упалъ.

Встрѣча.

Мартъ подходитъ къ концу. Въ чащѣ лѣса, въ тепломъ перегонѣ увядшихъ листьевъ торопятся расти и

цвѣсти анемоны, бѣлая буквица, дикая фіалка и другіе скромныя цвѣточки, которые только теперь и видятъ солнце, не заслоненное гущей другихъ растеній. У ландыша пока видны лишь одни листочки.

Дѣвочки пошли въ лѣсъ собирать одуванчики. Вотъ онѣ возвращаются съ букетами въ корзинкахъ. Идутъ по опушкѣ Клергутской рощицы. Большинству изъ нихъ, отъ шести до девяти лѣтъ, но многіе уже съ чисто материнской важностью гашать за собой малыхъ ребятъ, своихъ братишекъ.

Неподалеку отъ нихъ, по эту сторону деревенскихъ огородовъ, идетъ Жакъ и со всего размаху бьетъ палкой по кустамъ боярышника, съ которыхъ сыплется цѣлый дождь лепестковъ.

Замѣтивъ дѣвочекъ, Жакъ прячется за деревомъ, чтобы захватить ихъ врасплохъ.

— Спасайтесь! — вскрикиваетъ вдругъ одна изъ дѣвочекъ: — видите вонъ того? Онъ бросаетъ дѣвочекъ на землю и поднимаетъ имъ юбки!

И маленькія женщины пускаются бѣжать, за исключеніемъ Розы Дюпюи, которая захромала.

Жакъ съ страшнымъ видомъ бросается за ней.

Не переставая улепетывать и держа за руку не поспѣвающихъ за ними ребятъ, дѣвочки бросаютъ назадъ любопытныя взгляды. Затѣмъ онѣ останавливаются, чтобы посмотрѣть, что сдѣлаетъ Жакъ съ ихъ подругой.

Онъ настигъ ее у двухъ карликовыхъ вишенъ, на бѣлыхъ верхушкахъ которыхъ жужжать большіе рои пчелъ. Но у поворота живой изгороди появляется человѣкъ, къ которому Жакъ уже давно питаетъ глубокое отвращеніе: добродушный толстякъ священникъ. Къ счастью, онъ близорукъ. Онъ ничего не видѣлъ и ничего не слышалъ. Его душевный покой не нарушенъ. И величественно, словно онъ не одинъ, а во главѣ цѣлой процессіи, проходитъ онъ по усѣянной лепестками дорожкѣ.

Если бы..

Будь Жакъ на мѣстѣ папы, онъ выгналъ бы всѣхъ жителей деревни изъ ихъ жилищъ, а оставилъ бы однѣхъ маленькихъ дѣвочекъ, для того, чтобы бросать ихъ на землю и тузить.

Какъ Жакъ хотѣлъ строго наказать Мориса и Бертю за то, что они съѣли его долю пирога со сливками.

Четвергъ. Стоитъ великолѣпная погода. Бабушка съ мамой уѣхали встрѣчать папу, который долженъ вернуться

съ поѣздки. Жакъ, Морисъ и Берта остались на попеченіи Екатерины. Она же выслала ихъ въ садъ поиграть, въ то время, какъ занимается дома своимъ дѣломъ.

Они ушли вглубь сада, за бесѣдку. Жаку удается открыть калитку, выходящую на старую дорогу и поле. Онъ выходитъ, держа Берту за одну руку и Мориса за другую.

Вдругъ онъ увидѣлъ свою маленькую подругу Люю Ропо. Она собираетъ на лугу цвѣты. Съ нею ея бонна.

— Здравствуйте, Мlle Лія.

— Здравствуйте, г. Жакъ. Куда это вы?

— Веду дѣтей на прогулку, Мlle Лія.

И онъ удаляется по дорогѣ, заросшей травой и вымощенной камешками, которые тамъ и сямъ выворочены изъ своихъ гнѣздъ. Старенькая дорога: дождевая вода всю ее сморщила. По ея краямъ въ безпорядкѣ растутъ кусты живой изгороди; дорога поднимается, опускается, поворачиваетъ направо и налево. Меньше всего похожа она на ту новую красивую дорогу, ровную и прямую, какъ линейка, что тянется вонъ тамъ среди двухъ рядовъ правильно разсаженныхъ тополей.

Вотъ уже позади не видно ни одного деревенскаго дома: ферма дяди Феликса — и та скрылась изъ виду. Морисъ и Берта находятся здѣсь впервые. Имъ попадаются на глаза восхитительныя вещи. На зеленыхъ, усѣянныхъ цвѣтами лугахъ, въ разныхъ направленіяхъ бѣгутъ журчащія ручьи, унося съ собою лучи свѣта. Берта и Морисъ забавляются вволю, бѣгая по травѣ; и, подобно Мlle Лія, собираютъ лютики, сердечники и наивныя бѣльцы.

Жакъ настроенъ серьезно; онъ не сходитъ съ дороги, шествуя съ заложенными за спину руками и поругивая ребятъ за то, что тѣ подвигаются впередъ не такъ шибко, какъ бы ему хотѣлось.

Вотъ они подходятъ къ лѣсу; входятъ туда. Подъ сводомъ молодыхъ буковъ тянется тропинка — по ней они и направляются.

Тропинка обрывается въ пустынномъ мѣстѣ, у сырой, угрюмой, отвѣсно падающей скалы.

Жакъ громко командуетъ:

— Остановитесь!

Послѣ чего онъ приступаетъ къ бѣглому вопросу:

— Во время завтрака мама раздѣлила между вами мою часть вкуснаго сливочнаго пирога. Отдайте ее мнѣ; я требую.

Дѣти опускаютъ голову и ничего не отвѣчаютъ.

— Вы не хотите вернуть ее мнѣ? Что вы съ нею сдѣлали?

Морись смущенно признается:

— Я съѣлъ ее.

— Не слѣдовало ее ѣсть. Вы заплатите мнѣ за это. Я сейчасъ убью васъ тутъ.

Малыши завопили изо всей мочи. Жакъ протягиваетъ руку, чтобы схватить кого-нибудь изъ нихъ, но тѣ обращаются въ бѣгство.

Берта растягивается на землѣ. А Жакъ догоняетъ Мориса, деретъ его за уши, встряхиваетъ и, подталкивая сзади колѣномъ, приводитъ обратно.

Поставивъ обоихъ преступниковъ на колѣни, онъ усаживается самъ на пнѣ лицомъ къ нимъ.

Онъ смотритъ на ихъ широко раскрытыя глотки и на струящіяся по щекамъ слезы. Безучастно прислушивается онъ къ ихъ горькому плачу. Тутъ же, на землѣ, валяются бѣдные букетики цвѣтовъ, собранныхъ ими.

Дѣти уже охрипли отъ крика. Жакъ объявляетъ имъ:

— Помолитесь Богу, а затѣмъ я убью васъ.

Дѣти снова заголосили. Они бросаются къ ногамъ своего судьи и палача, но онъ остается непреклоненъ.

— Ну, пора, — заявляетъ онъ: — смѣлѣе! Я-то на вашемъ мѣстѣ не горланилъ бы. Вы что предпочитаете: чтобы я большущимъ камнемъ разможжилъ вамъ черепъ, — у меня нѣтъ топора, какъ у Зебедее Крикамбуа, — или же, чтобы я распоролъ вамъ животъ вотъ этимъ кухоннымъ ножомъ, который я захватилъ съ собою? Выбирайте.

Берта и Морись не рѣшаются выбирать; только орутъ пуще прежняго.

— Разъ вы такіе трусы, я убью кого-нибудь одного. Кого-же?

Берта и Морись хоромъ и съ одинаковымъ жаромъ молятъ:

— Не меня, Жакъ! О, только не меня! Не меня!

Жакъ рѣшаетъ:

— Морись — мужчина: онъ и умретъ.

Морись удваиваетъ крики; Берта успокаивается и утираетъ слезы.

— Морись — трусъ: умретъ Берта!

Берта снова полосить и голосить за двоихъ, а въ это время Морись осушаетъ слезы.

— Ну, Берта, покажи свое мужество; посрами Мориса!

Но Бертъ не до того теперь, чтобы срамить Мориса.

— Одна минутка и готово: ножомъ въ животъ разъ, два! Морись поддержи тебя.

Морись качаетъ головой въ знакъ согласія. Берта неистовствуетъ. Жертва заранѣ отбивается.

— Когда Берта будетъ мертва, я отрѣжу ей голову и брошу вотъ въ этотъ муравейникъ. Муравьи съѣдятъ щеки, глаза и все мясо. Учитель тоже бросилъ въ муравейникъ своего ученаго попугая, когда тотъ издохъ. Онъ показывалъ намъ потомъ его кости, онѣ были совсѣмъ чистенькія. Муравьи вычистятъ и кости Берточки.

Онъ на минутку умолкаетъ, чтобы насладиться эффектомъ, произведеннымъ его словами.

— А мертвую голову бѣдной Берточки я прибью вотъ къ этому дереву.

Услышавъ, что ее жалѣютъ, словно ея голова уже на самомъ дѣлѣ пригвождена къ дереву, Берта испускаетъ душу раздирающіе крики.

— Вотъ и гвозди, — говоритъ Жакъ, вынимая ихъ изъ кармана. — Посмотрите только, какіе хорошіе и большіе! Помолчавъ минуту, палачъ продолжаетъ:

— Оба вы трусы: я не стану убивать васъ, хоть вы это и заслужили. Поблагодарите же меня, цѣлуйте мнѣ ноги!

Дѣти съ восторгомъ исполняютъ его приказаніе.

— Благодарите и цѣлуйте мнѣ ноги, пока я не скажу довольно.

Пресытившись поцѣлуями, Жакъ требуетъ:

— Обѣщайте мнѣ, что вы исполните все, что я скажу вамъ, и отдадите мнѣ ваши вещи.

Тѣ обѣщаютъ все, чего бы онъ ни потребовалъ: вѣдь такъ пріятно, когда вамъ не разрубаютъ черепа и не распарываютъ живота.

— А теперь встаньте и маршъ домой!

Молчаливо шагаютъ они всѣ трое по аллеѣ бѣлыхъ буковъ. Послѣ только что пережитыхъ сильныхъ ощущеній, Жакъ находитъ такое возвращеніе мало интереснымъ. Онъ выдумываетъ маленькія развлечения. Напримѣръ, пробуетъ силу своего авторитета надъ Морисомъ.

— Морись, — приказываетъ онъ, — шлепни ногой въ эту лужу!

Морись съ увлеченіемъ шлепаетъ по водѣ одной ногой, а потомъ и другой, поднимаетъ великолѣпный столбъ воды и обрызгиваетъ блузу Жака и платье Берты.

Это развлекло Жака, но не надолго. У него снова позрительный, сумрачный видъ тирана.

Вотъ и конецъ лѣсной аллеи; еще нѣсколько шаговъ, и

предъ ними широкой горизонтъ съ теплымъ солнышкомъ и голубымъ небомъ, старая дорога среди холмистыхъ, покрытыхъ цвѣтами, зеленыхъ луговъ. Какая хорошая штука — жизнь, Морисъ чувствуетъ это; онъ скачетъ, какъ козленокъ старухи Бенуа.

Завидѣвъ родительскій домъ, онъ опроретью бросается бѣжать. Жакъ приказываетъ ему вернуться, но не тутъ-то было. Морисъ какъ-будто и не слышитъ голоса своего повелителя. Чѣмъ сильнѣе кричитъ Жакъ, тѣмъ быстрѣе работаетъ Морисъ ногами.

Жакъ не потерпитъ такой насмѣшки надъ своей властью. Онъ преслѣдуетъ бѣглеца и хватаетъ его за шиворотъ какъ разъ у калитки сада.

— Морисъ, ты будешь наказанъ! Ступай въ крапиву, къ стѣнѣ!

Морисъ входитъ въ кусты крапивы, но тотчасъ же отскакиваетъ. Онъ чешетъ голыя икры, тихонько охаетъ, но видно, что ему очень больно.

— Ступай второй разъ, — невозмутимо приказываетъ Жакъ: — ты слишкомъ скоро выскочилъ.

— Нѣтъ, Жакъ, нѣтъ, прошу тебя! — молить несчастный.

— Такъ и быть, Морисъ, я прощаю тебя. Но когда будутъ пирожки за обѣдомъ, ты отдашь ихъ мнѣ. Я разрѣшаю тебѣ съѣсть только одну штуку.

— Двѣ! — вымаливаетъ Морисъ.

— Одну. И не забудь, — остальное мое. А я, потихоньку отъ мамы, отдамъ тебѣ свою тарелку супа.

— Это не такъ вкусно, — говоритъ Морисъ.

З: помнитъ правило:

Жака нужно слушаться, потому что онъ злой.

Учитель Ланстриокъ жалуется на Жака.

Пять часовъ пополудни. Жакъ давно уже вернулся изъ училища. Въ самомъ концѣ двора онъ возится у грядки свѣже-разрытой земли; въ ней посажены анютины глазки; но ихъ ростки почему-то чахнутъ.

Какъ спокойно, какъ невинно онъ играетъ; посмотрѣть со стороны: превосходнѣйшій мальчуганъ, да и только! Въ чемъ же дѣло?

Во дворъ входитъ учитель. Онъ сразу замѣтилъ Жака; и Жакъ его тоже. Но оба притворяются, будто не видятъ другъ друга. Г. Ланстриокъ высокаго роста, худой; некрасивъ собой; ходитъ сгорбившись; его ботинки всегда старательно вычищены, а волосы острижены подъ гребенку.

За его длинную худую шею, уличные мальчишки прозвали его Стр а ус ом ъ. А сынъ мэра (Анатолий, онъ готовится къ аттестату зрѣлости), зоветъ его «г о с п о д и н ъ П р о с в ѣ щ е н і е» за то, что онъ кстати и некстати, точь-въ-точь, какъ покойникъ Попугай, повторяетъ:

— Просвѣщеніе — это великое дѣло.

Г. Ланстриюкъ изъ тѣхъ, кто — все знаютъ. Съ нимъ можно говорить рѣшительно обо всемъ. Стоитъ послушать его, когда дѣло коснется «невѣжественныхъ» священниковъ.

Въ ожиданіи г. Грожана, — Екатерина пошла доложить ему, — г. Ланстриюкъ прогуливается по двору; онъ смотритъ въ книгу, съ которой никогда не расстается.

Онъ попрежнему избѣгаетъ смотрѣть на Жака; и Жакъ точно такъ же избѣгаетъ смотрѣть на своего учителя; развѣ лишь украдкой. Что-то слишкомъ торжественный видъ у г. Ланстриюка: Жаку не по себѣ. Онъ знаетъ, впрочемъ, за чѣмъ учитель явился къ папѣ.

А вотъ и г. Грожанъ; идетъ быстро; весь онъ выпуклый; рука протянута впередъ, лицо сіяетъ, поворитъ громко. Г. Ланстриюкъ бросается къ нему навстрѣчу. Папа горячо пожимаетъ ему руку.

— Какая собачья жара, — говоритъ папа.

— Температура шелковичнаго червя, — утверждаетъ г. Ланстриюкъ. Затѣмъ прибавляетъ:

— Вашъ сынъ Жакъ...

— Вотъ какъ! Опять онъ! Я такъ и зналъ, право. — И смѣющимися глазами папа ищетъ Жака.

— Ну, расскажите, какую еще скверную штуку онъ выкинулъ? — говоритъ папа; а самъ думаетъ: «вотъ-то смѣхъ будетъ!»

Но г. Ланстриюкъ какъ-будто не расположенъ смѣяться, и папа сдерживаетъ свое веселое расположение.

Изъ своего угла Жакъ наблюдаетъ за игрой физиономій, слѣдитъ за ходомъ разговора. Теперь онъ слышитъ одного папу. Г. Ланстриюкъ повернулся къ нему спиной и говоритъ черезчуръ низкимъ, глухимъ голосомъ.

— Онъ избилъ, говорите вы, г. Ланстриюкъ, своего товарища; кого же?

— Маленькаго Рафара? И здорово избилъ его?

— Однако!.. Надѣюсь, у мальчика ничего не поломано.

— Только ушибы. Ну, что же, тѣмъ лучше!

— Онъ, бѣдняжка, калѣка, да, да, знаю.

— Вотъ, вотъ, атрофированная рука. Дѣйствительно, очень досадно, что Жакъ побилъ его.

— Мать пришла жаловаться? Вотъ какъ! — говоритъ папа; — у него очень удивленный голосъ.

— И вамъ пришлось выдержать натискъ этой женщины? Ну, не завидую я вамъ. Вотъ пивка!

— Она больна, говорите вы? Бѣдная женщина!

— Нельзя оставить такъ. Ну, безусловно. Вы хотите, г. Ланстриюкъ, чтобы я сдѣлалъ Жаку замѣчаніе? Хорошо.

— Строгий выговоръ? Можно.

— Вы требуете, чтобы онъ былъ наказанъ? Я васъ понимаю.

Словно маску, папа мѣняетъ свой добродушный видъ на серьезный. Онъ кличетъ Жака.

— Вы хотите еще что-то сказать мнѣ. Я слушаю васъ, г. Ланстриюкъ.

— Жакъ плохо занимается? Это вотъ, на мой взглядъ, куда серьезнѣе. Впрочемъ, бѣда, быть можетъ, не такъ ужъ велика, какъ по вашему, г. Ланстриюкъ?

— Вы не совсѣмъ понимаете, что я хочу сказать. Такой умный ребенокъ! Я всегда боялся...

— Вы думаете, г. Ланстриюкъ, что этого нечего бояться?

— На этой недѣлѣ, говорите вы, онъ былъ послѣдній? А!

Онъ очень плохо успѣваетъ по сочиненіямъ съ тѣхъ поръ, какъ вы пересадили его на другое мѣсто. Это удивляетъ меня, право; а маленькій Рафаръ?

— На этотъ разъ онъ первый? Вотъ какъ!

— Онъ всегда первый?.. А! Но я увѣренъ, что захоти Жакъ, онъ сразу его опередилъ бы.

— Бы въ этомъ не такъ увѣрены, — очевидно, потому, что маленький Рафаръ очень усерденъ. Вы находите его интереснымъ мальчикомъ?

— У него доброе сердце: что вы хотите этимъ сказать?

— Такъ, такъ, понимаю: онъ трудится, чтобы быть въ состояннн въ послѣдствнн зарабатывать много денегъ. Онъ отдастъ ихъ матери. Бѣдняжка! Очень, очень похвально...

— Онъ уменъ тоже, — вотъ какъ!

Папа, помимо своей воли, сжимаетъ досадливо губы. Взглядъ его устремленъ на приближающагося Жака. Послѣднн двигается съ прелестной застѣнчивостью, очень медленно и съ остановками. У него усталыя манеры и томный видъ. Папа дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ. Жакъ понимаетъ, что теперь лучше слушаться. Мигъ, и онъ передъ отцомъ, на нѣкоторомъ, однако, отъ него разстояннн; онъ стоитъ, нѣжно поникнувъ головой, точно томимый жаждой цвѣтокъ. Но видя, что папа не собирается схватить его за уши, онъ снова принимаетъ самоувѣренный видъ.

Г. Грожанъ обращается къ сыну съ слѣдующей рѣчью:

— Жакъ, твой учитель тобой недоволенъ. Ты тяжело провинился и притомъ въ разныхъ отношенннхъ...

Г. Ланстрискъ одобрительно качаетъ головой.

— Во-первыхъ, ты колотишь своихъ товарищей до того, что, попросту говоря, кладешь ихъ на мѣстѣ. Пойми меня какъ слѣдуетъ, Жакъ. Я вовсе не порицаю твоего воинственнаго духа. Въ наше время, когда войны не желаютъ исключительно по трусости характера, мнѣ прнятно видѣть, что ты любишь драться. Развивай въ себѣ это чувство храбрости, но для того, чтобы въ послѣдствнн проявить его по отношеннн къ врагамъ отечества.

Папа оборачивается къ г. Ланстриюку. Послѣднн, хотя пасифистъ, не можетъ не одобрить столь гордо и благородно звучащаго краснорѣчнн.

— Итакъ, тебѣ не слѣдовало бить маленькаго Рафара. Почему же ты это сдѣлалъ?

— Онъ вшивый и плохо пахнетъ!

— Это ложь. — осмѣливается отвѣтнть г. Ланстриюкъ. (Жакъ и про него самого когда-то говорилъ, что отъ его

ногъ воняеть); это слухъ, который распространяють плохіе товарищи. Пьеръ Рафаръ бѣдно одѣтъ, но всегда чисто.

— А потомъ онъ кланчить у меня денегъ.

На этотъ разъ папа поворачивается къ г. Ланстриюку съ видомъ, требующимъ объясненій.

— Меня крайне удивило бы, если бы это была правда, — говоритъ учитель. — Маленькій Рафаръ недавно принесъ мнѣ портмонэ съ немалыми деньгами, который онъ нашель на улицѣ. Я самъ имѣлъ удовольствіе вернуть его г-жѣ Ропо, собственницѣ кошелька. Она дала для ребенка пятьдесятъ сантимовъ.

— Да, но Пьеръ Рафаръ солгалъ вамъ: онъ вовсе не нашель пертмонэ, онъ укралъ его; а принесъ онъ его вамъ потому, что его видѣли.

— О, какой испорченный мальчикъ, если такъ.

— Какъ бы тамъ ни было, но въ отношеніяхъ Жака съ этимъ мальчишкой есть что-то, что надо еще выяснить; но объ этомъ потомъ.

— Жакъ, къ несчастью, это не все, въ чемъ можно упрекнуть тебя. Ты послѣдній въ классѣ, послѣдній, ты слышишь; а маленький Рафаръ, сынъ нищенки, онъ первый. Какъ ты не сгоришь со стыда. И нельзя же, чортъ возьми, сказать, чтобы тебѣ не хватало ума! Значить, у тебя нѣтъ самолюбія, самолюбія, этой основы чувства чести. Нѣтъ, его не можетъ быть у тебя, разъ ты допускаешь, чтобы какой-то вшивый маленький Рафаръ, ты, вѣдь, самъ это говоришь, былъ впереди тебя.

— Поэтому я и избилъ его, что онъ впереди меня, — защищается Жакъ.

— А! Теперь все становится ясно! Сынъ мой, этотъ отвѣтъ до нѣкоторой степени доставляетъ мнѣ удовольствіе. Ты не лишень самолюбія, что было бы непоправимо. Но ты плохо направляешь свое самолюбіе. Причиной тому, вѣроятно, лѣность. Смотри! Лѣность мать всѣхъ пороковъ, говоритъ пословица; а пословицы, — ты долженъ это помнить, — это мудрость народовъ. Обѣщай же, что впредь будешь прилеженъ.

— Да, папа.

— Но ты все-таки заслужилъ наказаніе, и ты его получишь.

— Если меня накажутъ, я ничего не стану дѣлать.

Въ третій разъ г. Грожанъ поворачивается къ г. Ланстриюку.

— Что вы подѣлаете съ ребенкомъ, который на все на-

ходить отвѣтъ, и какой отвѣтъ! Согласны вы освободить его отъ наказанія?

— Какъ вамъ угодно будетъ, — отвѣчаетъ г. Ланстриюкъ, — я больше этимъ не интересуюсь.

— Жакъ, поблагодари своего учителя; докажи ему, что ты заслужилъ такое къ себѣ отношеніе: обѣщай ему въ будущемъ же мѣсяцѣ быть первымъ въ классѣ.

— Я удовольствовался бы и средними успѣхами, — говоритъ г. Ланстриюкъ.

— А я, его отецъ, этимъ не удовольствовался бы. Жакъ, значить, это рѣшено, ты будешь первымъ!

— Да, папа.

— Можешь идти играть.

Жакъ упархиваетъ, какъ беззаботная птичка. По пути онъ встрѣчаетъ Мориса и увлекаетъ его съ собою; затѣмъ онъ приказываетъ ему играть въ лошадки и скакать впереди.

— Г. Ланстриюкъ, я не хотѣлъ бы давать вамъ совѣта, позволю себѣ, однако, замѣтить, что я знаю, чѣмъ можно взять Жака; въ сущности, онъ ребенокъ не трудный. Вы сами видите, — онъ дѣлаетъ все, что я хочу; мнѣ даже не приходится наказывать его.

За обѣдомъ. Нѣкое открытіе касательно Екатерины. Удѣленіе г. Ланстриюка; возмущеніе бабушки. Жакъ—маленький феноменъ. Г. Грожанъ пророчески предсказываетъ, что его сынъ далеко поидетъ. Внезапный уходъ г. Ланстриюка.

Семья сборщика податей сидитъ за вечерней трапезой. Приглашенный къ столу г. Ланстриюкъ занимаетъ мѣсто по правую руку г-жи Грожанъ; ѣсть онъ методически, хорошо прожевывая.

Екатерина подала на подносѣ телячью голову и соусникъ съ вкуснымъ соусомъ. Она очень громко и прерывисто сопить, такъ что г. Ланстриюкъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

Снимая со стола закуски, она все время обтираетъ носъ и щеки ладонью своей большой руки.

— Что съ вашей служанкой? — спрашиваетъ г. Ланстриюкъ. — У нея красные глаза, она все время плачетъ.

— А вы ничего особеннаго въ ней не замѣтили? Быть не можетъ! — съ легкомысленной улыбкой восклицаетъ сборщикъ податей, — вы просто не хотите сказать; но, навѣрное, поняли, что съ нею.

— Несомнѣнно...

Вмѣшивается мама:

— Г. Ланстрыкъ, не обращайте вниманія на эту дѣвушку: она этого, право, не заслуживаетъ.

— А мнѣ казалось, что она преданная и...

— Ахъ, не говорите мнѣ о ней, г. Ланстрыкъ, — прерываетъ мама: — это безстыдная дѣвка!

— Это самое подходящее для нея названіе, — поддерживаетъ бабушка, — и пускай она скорѣе убирается, чтобы не позорить нашего дома!

— Да, надо, чтобы она скорѣе ушла, а то еще родить здѣсь.

— Вотъ какъ! Такъ она на послѣднемъ мѣсяцѣ? — удивился г. Ланстрыкъ.

— Почему же, чортъ возьми, вы думали, она плачетъ? — весело спрашиваетъ его сборщикъ податей.

— Я думалъ, что у нея просто воспаленіе глазъ.

— Какъ бы не такъ! Она — въ положеніи!

— Жюль, ты забываешь, что тутъ дѣти.

— Пустое! — отвѣчаетъ папа, — Жака нѣтъ, онъ пошелъ по своимъ дѣламъ; а толстякъ Морисъ весь ушелъ въ свою тарелку и думаетъ лишь о своей ѣдѣ: да этотъ-то и не пойметъ ничего.

— И давно, г. Грожанъ, вы обратили вниманіе на состояніе Екатерины?

— И да и нѣтъ: мы, конечно, замѣчали, что талія у нея портится; но окончательно открылъ намъ глаза случай. Жена сегодня утромъ нашла у нея въ постели кавалера.

Одно упоминаніе о томъ, что у Екатерины въ постели былъ мужчина, приводитъ бабушку въ страшное негодованіе.

А толстякъ Морисъ думаетъ про себя:

«Значитъ, это очень нехорошо, когда женщина спитъ съ мужчиной. А вотъ мама всегда спитъ съ папой; и Берта уже спала со мною... О!»

— Что скажутъ люди, — говоритъ озабоченно мама, — когда узнаютъ, что въ нашемъ домѣ творились такіа мерзости? Могутъ еще подумать, что мы смотримъ на это сквозь пальцы, что мы сами не слишкомъ строгихъ правиль.

Жакъ справилъ свое маленькое неотложное дѣло и вернулся въ столовую. Но вначалѣ никто не замѣтилъ его присутствія. Одновременно съ нимъ въ комнату вошла Екатерина, выпячивая свой животъ, привлекшій всеобщее вниманіе. И скоро вышла.

— Несчастливая! — въ порывѣ негодованія вскричала бабушка, — видѣли вы, какъ она беременна!?

— Если бы хоть онъ согласился жениться на ней, но онъ не хочетъ, — говоритъ мама.

— Онъ по своему правъ, — замѣчаетъ сборщикъ подаей, — можно-ли требовать отъ человѣка, чтобы онъ женился на женщинѣ, у которой ни копѣйки за душой.

— А что этотъ господинъ живетъ здѣсь? — осведомляется г. Ланстриукъ.

— Разумѣется, — отвѣчаетъ папа.

— Будетъ-ли нескромностью спросить, кто это?

— Нисколько. Вы очень удивитесь: это никто иной, какъ...

Но мама толкаетъ папу ногой и, приложивъ палецъ ко рту, указываетъ глазами на Жака. Жакъ, дѣйствительно, ловилъ каждое слово.

— При немъ ни о чемъ нельзя говорить, — замѣчаетъ мама: — такой малышъ, а все, рѣшительно все, понимаетъ.

Она наклоняется къ уху г. Ланстриука и шопотомъ называетъ пономаря Клода.

— Вотъ они, наши духовные пастыри! — отзывается папа. — Не говорите мнѣ объ ихъ нравственности. Въ поповскую добродѣтельность я давно уже пересталъ вѣрить!

— А я знаю, о комъ вы говорите, — вскрикиваетъ Жакъ. — о Привидѣннѣ, которое спало съ Екатериной.

— Это неподобно! — восторгается сборщикъ подаей. — Угадайте, г. Ланстриукъ, почему Жакъ называетъ Клода Привидѣннѣмъ. Это самое привидѣннѣ годъ тому назадъ чуть не сломило себѣ тутъ шею и, можно сказать, едва избѣгло довольно крупной неприятности. Вотъ потѣха! право, потѣха! Этотъ Жакъ прямо неподобенъ! Теперь я припоминаю, что онъ мнѣ какъ-то рассказывалъ объ этой исторіи; но тогда я ничего не понималъ. Ахъ! Ахъ! Ахъ!.. Вамъ не смѣшно? Я думаю, такія дѣти встрѣчаются не часто... Какъ этотъ малышъ уменъ!

— Онъ даже слишкомъ уменъ, — инсинуируетъ мама.

— Вотъ глупости! Нѣтъ дѣтей слишкомъ умныхъ; ума никогда не бываетъ слишкомъ много. Взять для примѣра меня: развѣ я могъ бы добиться своего теперешняго положенія?.. Пейте же, г. Ланстриукъ; прошу васъ, дорогой мой. Не отставайте отъ меня. Еще одну бутылочку бордо, а?

Мама, съ своей стороны, уговариваетъ г. Ланстриука взять вторую порцію рисоваго пудинга. Учитель отказывается; чтобы мотивировать отказъ, онъ читаетъ хозяйкѣ дома лекцію о рациональномъ питаніи:

— Сударыня, — говоритъ онъ, — для взрослога че-

ловѣка моего образа жизни, вѣсящаго приблизительно пятьдесятъ восемь кило, требуется меньше тысячи девяти сотъ калорій въ день. А я сегодня превысилъ эту порцію; судите сами: 100 граммовъ хлѣба даютъ 260 калорій; 3 ложки картофеля, рису или макаронъ съ 10 граммами масла — это 200 калорій; 1 порція салата съ 8 граммами прованскаго масла — 90 калорій; 6 орѣховъ, вѣсящихъ вмѣстѣ съ шелухой 50 граммовъ...

Папа ласкаетъ Жака и не перестаетъ повторять:

— Ахъ, ты моя умница! Ахъ ты моя умница! Сколько ума въ этой головѣ. Ахъ, ты моя умница!

И гладить Жака по головѣ, а Жакъ горделиво смотритъ на всѣхъ.

Тѣмъ временемъ г. Ланстриукъ продолжаетъ:

— 6 черносливовъ — 18 кал. Большой стаканъ обыкновеннаго вина...

Папа перебиваетъ его:

— Г. Ланстриукъ, вы, надѣюсь, выпьете рюмку прервосходной вишневки, что я налилъ вамъ.

Отпивши изъ рюмочки, г. Ланстриукъ снова начинаетъ:

— Рюмка водки, скажемъ, граммовъ 20—60 калорій...

Но его голосъ заглушается басомъ папы, выкрикивающаго съ все возрастающимъ восхищеніемъ:

— Ахъ, ты моя умница!

Папа рѣшается налить вишневки одному себѣ; но онъ опять освѣдомляется у г. Ланстриука:

— Умная бестія, а?

— Жакъ малый не глупый, что и говорить; жаль только, полѣнивается въ школѣ.

— Пустое! Чтобы пробить дорогу въ жизни, знаній у него хватить.

— Просвѣщеніе — это дѣло великое.

— Умъ также.

— Смышленность еще не все въ жизни...

— Вы правы, г. Ланстриукъ, говоря, что Жакъ смышленный. Знаете его послѣднее bon mot? Я какъ-то спрашиваю его: Жакъ, чѣмъ хочешь ты быть. А онъ, не моргнувъ глазомъ: «разбойникомъ»... Ваша рюмка опять пуста; вотъ бутылка: налейте себѣ сами, слѣдуйте моему примѣру... За ваше здоровье! За наше общее здоровье! За здоровье Жака! Ахъ, ты моя умница!

— Пожелаемъ ему, чтобы впредь онъ не билъ своихъ товарищей.

— Я предпочитаю, чтобы онъ билъ, чѣмъ чтобы его били... Бить надо; иначе не пробьешься въ жизни.

Такъ въ разгоряченной атмосферѣ трапезы открываетъ свое сердце г. Грожанъ. Въ пророческомъ тонѣ онъ продолжаетъ:

— Да, онъ-то пробьется въ жизни, въ этомъ я увѣренъ, и посмотримъ, кто ему въ этомъ помѣшаетъ. Онъ-то въ обиду себя не дастъ; дудки!.. Но вы ничего не пьете, г. Ланстриюкъ. Не отставайте же отъ меня: эта вишневка — одинъ восторгъ...

— Но это не мѣшаетъ ей дѣйствовать на голову, — замогильнымъ голосомъ предостерегаетъ учитель.

— Это вѣрно, — подтверждаетъ мама, — а мой мужъ еще такъ много говорить...

— Оставь, пожалуйста, меня въ покоѣ... Достань-ка лучше изъ буфета еще одну рюмку.

— Не для Жака, надѣюсь?

— У-у, ты, умница! Не потому, что это мой сынъ, но я увѣренъ, что такихъ, какъ онъ, немного въ вашей школѣ, г. Ланстриюкъ.

Г. Ланстриюкъ отвѣчаетъ съ улыбкой:

— Несомнѣнно, Жакъ много общается.

— А! Вы это находите! Ну, еще бы! Конечно, онъ много общается. Сколько ума въ этой головѣ! У-у, ты умница! Всѣ о немъ такого мнѣнія. На-дняхъ, мой другъ Ропо...

— Г. Ропо! Какой любезный человѣкъ! Въ особенности съ дамами.

— Что? — трубитъ басомъ папа, нахмутивъ брови.

— Его лицо, манеры, да онъ весь воплощенная учти-вость. Онъ, кажется, часто бываетъ у васъ.

— Г. Ланстриюкъ, будьте любезны объяснить. Вы сказали, что г. Ропо дамскій любезникъ.

— Я сказалъ, что онъ обходительный человѣкъ.

— И прибавили, что именно у насъ, въ домѣ, онъ такой. Вы оскорбляете моего друга, вы оскорбляете мою жену, вы оскорбляете меня!

Папа бушуетъ, не взирая на протесты г. Ланстриюка. Мама дѣлаетъ видъ, что очень обижена.

Г. Ланстриюкъ встаетъ.

— Мнѣ лучше уйти, кажется? — говоритъ онъ.

Мама съ большимъ достоинствомъ провожаетъ его до двери. У самой двери онъ оборачивается:

— Сударыня, слово «любезный» не имѣло здѣсь того смысла, какой вы ему приписываете.

— Значеніе словъ мы понимаемъ.

— Увѣрю васъ, сударыня, что я не имѣлъ никакого

намѣренія покушаться на то уваженіе, на которое вы имѣете право, и что...

— Г. Ланстриукъ, мое мнѣніе уже составлено. Приглашаешь людей въ порядочный домъ, принимаешь ихъ честь-честью, а они, Богъ знаетъ, что себѣ позволяютъ. Такъ не поступаютъ.

Г. Ланстриукъ отвѣшиваетъ низкій поклонъ и выходитъ.

* * *

Жакъ внѣ себя отъ радости.

«Вотъ здорово, — думаетъ онъ, — папа разсердился на г. Ланстриюка. Теперь г. Ланстриукъ не сможетъ наказывать меня, — папа не дастъ.»

Г. Ропо даетъ Жаку подарки и, сверхъ того, нѣсколько добрыхъ совѣтовъ.

Однажды пополудни, Жакъ внезапно появляется въ залѣ, гдѣ его вовсе не ждали.

Въ полумракѣ комнаты (большіе занавѣсы наполовину спущены) онъ видитъ маму съ г. Ропо, которые вскакиваютъ при его появленіи. Мама приходитъ въ негодование. Она бросается даже къ Жаку и заноситъ руку; но г. Ропо лучше владѣетъ собою. Съ большой непринужденностью подходитъ онъ къ Жаку и въ дружескомъ тонѣ заговариваетъ съ нимъ.

— А какъ онъ велъ себя на этой недѣлѣ? — обращается онъ съ вопросомъ къ мамѣ. — Довольны вы имъ? Довольны, правда? Ну, такъ я награжу его за это. Вотъ тебѣ, дружокъ.

И онъ кладетъ ему на руку монету въ пятьдесятъ сантимовъ.

— Жакъ, что надо отвѣтить г. Ропо?

— Мерси, г. Ропо.

— До свиданія, г-жа Грожанъ, — говоритъ милый гость, — постарайтесь, пожалуйста, найти то, что мы искали.

— А вы, дружокъ, — обращается онъ къ Жаку, — ведите себя всегда такъ же хорошо, какъ сегодня; а я съ большимъ удовольствіемъ буду награждать васъ.

— Вы слишкомъ къ нему добры, г. Ропо, — его балуетъ отецъ, а теперь и вы начнете то же.

— Что вы, сударыня, наградить ребенка, когда онъ хорошо ведетъ себя, это не значитъ баловать его.

Жакъ ласково трется около друга дома, но въ душѣ даетъ себѣ слово мѣшать мамѣ и этому господину при

каждомъ удобномъ случаѣ, чтобы почаще получать монетки въ пятьдесятъ сантимовъ.

Жакъ на похоронахъ.

Урокъ въ школѣ еще не начался, но г. Ланстриукъ уже на каѳедрѣ. Онъ вытянулся впередъ, широко развелъ свои длинныя руки и объявляетъ дѣтямъ:

— Друзья мои, вамъ извѣстно, что прошлой ночью одинъ изъ вашихъ товарищей имѣлъ несчастье потерять свою мать. Мы не преминемъ выразить наше сочувствіе этому мальчику, который остался теперь круглымъ сиротой. Сейчасъ состоятся похороны; мы будемъ присутствовать на нихъ.

«Это кстати, — думаетъ Жакъ, — я не выучилъ басни, а меня, навѣрное, вызвали бы.»

Впрочемъ, предложеніе охотно принимается большинствомъ учениковъ. Погода отвратительная, и на похоронахъ далеко не весело; а все-таки всѣмъ улыбается мысль однимъ часомъ меньше просидѣть въ школѣ.

Ученики проходятъ по деревнѣ маршируя, какъ солдаты, подъ командой г. Ланстриука. Послѣ десятиминутной ходьбы подъ дождемъ, по плохой проселочной дорогѣ, маленькій батальонъ приходитъ въ поле Горлицъ и останавливается тамъ у одиноко расположенной фермы. На площадкѣ передъ домомъ стоитъ старая телѣга, а вокругъ нея толпятся женщины съ молитвенниками въ рукахъ. Какъ бы изъ уваженія къ кому-то онѣ разговариваютъ между собою медленно и вполголоса. Немного подалеже стоитъ группа мужчинъ. Изъ конюшни доносится глухое мычаніе коровы.

Единственное окно фермы выходитъ на улицу; въ воротахъ сдѣлано маленькое отверстіе въ видѣ сердца. Чердакъ образуетъ какъ бы навѣсъ надъ входною дверью; съ плохо сколоченныхъ досокъ свисаютъ, точно длинныя бороды, огромныя паутины съ застрявшими въ нихъ пучками сѣна. Тутъ же, у окна, почти въ уровень съ нимъ, лежитъ куча рыжаго навоза. Куры съ кудахтаньемъ разгребаютъ ее. Въ дому горятъ двѣ свѣчи, производящія при дневномъ свѣтѣ очень жуткое впечатлѣніе; и это несмотря на то, что день такой сѣрый и пасмурный. Кухонная вода просачивается подъ вязанками сложеннаго у боковой двери хвоста.

Жакъ смотритъ на все и прислушивается къ разговорамъ женщинъ.

— Вотъ и Жозефины нѣту.

— Смерть досталась ей не даромъ: она достаточно настрадалась.

— Ну, еще бы! Сколько проболѣла! Но еще больше мучило ее то, что приходилось оставлять на произволь судьбы троихъ ребятъ, — сынишку-калѣку и двухъ дѣвочекъ.

— Да теперь въ деревнѣ только и видишь среди ребятъ, что однѣхъ дѣвочекъ. Взять у Люсьена, у Жанруа, у насъ.

— Что подѣлаешь, такъ ужъ рождаются.

— Мальчики или дѣвочки, — лишь бы работали — прокъ будетъ; какъ свихнутся, тогда бѣда.

— Да, но только, чтобы имѣли здоровыя руки и ноги.

Жаку надоѣло слушать женщинъ; онъ оглядываетъ мѣстность. Нѣсколькими метрами дальше дорога раздвигается: одна идетъ въ сторону Монастырскихъ Луговъ, другая по направленію къ Клергутскому лѣсу. У перекрестка возвышается дубовый крестъ до того старый, что давно свалился бы, не окружай его кустъ боярышника.

Вдругъ среди мальчиковъ происходитъ движеніе. Жакъ оборачивается. Это пришелъ облаченный въ стихарь священникъ, и съ нимъ трое пѣвчихъ. Затѣмъ четверо чело­вѣкъ приносятъ носилки. Куры у навозной кучи испуганно бросаются по сторонамъ, пѣтухъ сердится.

Четверо чело­вѣкъ входятъ въ домъ и скоро выходятъ оттуда, сопровождаемые криками ребенка, зовущаго мать. Они выносятъ длинный ящикъ. Ставятъ его на носилки и покрываютъ сукномъ черного и краснаго цвѣтовъ. Затѣмъ поднимаютъ носилки и собираются идти. Крестьянки поспѣшно раздвигаются, чтобы дать имъ дорогу. Слѣдомъ за ними выходитъ Пьеро Рафаръ; его крики, его растерянный и убитый видъ привлекаютъ всеобщее вниманіе. Жакъ смотритъ на своего товарища широко раскрытыми отъ удивленія глазами.

Процессію открываетъ мальчикъ-пѣвчій съ деревяннымъ крестомъ въ рукахъ.

Дождь пересталъ. Дуетъ вѣтеръ. Всѣ шлепаютъ по грязи, или же шагаютъ по острому щебню; деревенскій сторожъ недавно посыпалъ имъ всю дорогу на горе деревяннымъ башмакамъ бѣднаго люда.

Маленькій Рафаръ еле держится на ногахъ; онъ рыдаетъ, утирая слезы носовымъ платкомъ; сухая рука его не­ловко качается.

Носильщики на минутку останавливаются, чтобы помѣняться мѣстами. На большой дорогѣ Жакъ уже отпра-

вился, старается имѣть приличный видъ и итти, какъ другіе, размѣреннымъ шагомъ. Вотъ папа присоединяется къ процессіи, и это развлекаетъ Жака. Г. Роло тоже здѣсь; папа обмѣнивается съ нимъ улыбкой и рукопожатіемъ, и идетъ съ нимъ рядомъ. Они бесѣдуютъ.

Вотъ на колокольнѣ ударили въ колокола; ихъ суровый, оглушительный звонъ потрясъ всѣхъ какъ неожиданно обрушившееся несчастье. Но мучительной болью отзывается онъ въ душѣ одного маленькаго Рафара; его бѣдное сердечко и безъ того разрывается на части.

Процессія входитъ въ церковь. Не обращая вниманія на окружающее, папа и Роло остаются на улицѣ разговаривать. Тамъ же остается и Ланстриукъ; онъ читаетъ свою книгу, прохаживаясь взадъ и впередъ.

Въ то время, какъ священникъ поднимается наверхъ, зловѣщимъ голосомъ распѣвая какія-то непонятныя слова, а прихожане съ шумомъ разсаживаются по скамьямъ, раздаются крики сиротки; отчаянные, они сотрясаютъ своды; они, навѣрное, заставили бы вскочить на ноги покойницу, если бы она ихъ слышала.

Жакъ смотритъ на Пьера Рафара, раскрывая ротъ и не сводя съ него глазъ.

Гробъ стоитъ въ проходѣ между скамьями, среди четырехъ свѣчей. Священникъ и дьяконъ, усѣвшись, быстро поютъ что-то одинъ за другимъ; кажется, что они между собою ссорятся. Изрѣдка они поднимаются съ своихъ мѣстъ и поютъ громче.

Затѣмъ священникъ облачается въ твердо накрахмаленную черную мантию съ бѣлой каймой. Онъ становится у гроба и начинаетъ медленно пѣть молитвы, болѣе печальныя, чѣмъ раньше.

Всѣ проходятъ передъ гробомъ, бросая монеты на подносъ и окропляя святой водой черное покрывало гроба.

Изъ церкви всѣ отправляются на кладбище, гдѣ уже вырыта могила. Священникъ опять бормочетъ какія-то жуткія слова, на которыя отвѣчаетъ дьяконъ; а порывы вѣтра разносятъ подъ небеснымъ сводомъ печальный звонъ колоколовъ.

Невдалекѣ отъ свѣжей могилы возвышается крохотный надгробный памятникъ: фаянсовый ангелъ съ раскрытыми крыльями, съ обращеннымъ къ небу взглядомъ. И золотая надпись на немъ гласитъ, что здѣсь погребена Генриетта Роло, «умершая въ возрастѣ 13 дней». А ниже:

«Да будетъ тебѣ легка земля!»

«Вѣчная тебѣ память».

Священникъ уходитъ. Публика разсыпается по кладбищу. Женщины съ плачемъ склоняютъ колѣни у могилъ. Подруги усопшей хотѣли бы увести маленькаго Пьера; но онъ отбивается изо всѣхъ силъ. Жакъ видитъ, какъ подъ гробъ пропускаютъ веревку, какъ затѣмъ спускаютъ гробъ въ яму, наполненную грязной водой. Старый Жозефъ командуетъ: «Осторожно!»

— Мама! мама! — кричитъ маленькій Рафаръ.

Онъ вырвался изъ рукъ державшихъ его людей, и устремился къ ямѣ. Его схватываютъ. Онъ лишается чувствъ.

Тяжелый отъ сырости песокъ застучалъ по крышкѣ гроба.

Маленькаго Пьера Рафара уносятъ въ лавку Гроборна, гдѣ его приводятъ въ чувство. Придя въ себя, онъ хочетъ вернуться на кладбище. Его не пускаютъ, и онъ кричитъ, плачетъ.

Жакъ, — онъ не упускаетъ изъ виду Пьера, — пораженъ при видѣ такого горя, — онъ этого не понимаетъ.

Размышленія въ семейномъ кругу.

Вечеромъ, за столомъ, мама доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія:

— Маленькій Пьеръ Рафаръ тяжело заболѣлъ. У него сильный жаръ и бредъ. Опасаются за его жизнь.

— Неудивительно, они всѣ въ этой семьѣ слабаго здоровья, — замѣчаетъ папа съ отѣнкомъ презрѣнія, какъ бы думая:

«Даже здоровья у нихъ нѣтъ!»

— Бѣдняжка прямо безутѣшенъ, — продолжаетъ мама, — онъ жаждетъ смерти, чтобы встрѣтиться съ матерью на небѣ. Какъ это хорошо съ его стороны!

— Калѣвка, безъ отца, матери, безъ здоровья, безъ состоянія — что онъ можетъ ждать отъ жизни? — ставитъ вопросъ сборщикъ податей, проглатывая ложку шоколаднаго крема. — Что же, для него, пожалуй, самое лучшее — умереть.

Они играютъ въ папу и маму.

Къ папѣ и мамѣ пріѣхали изъ города гости — мужчины и дамы. Они привезли съ собою дѣтей — дѣвочекъ и мальчиковъ. Скоро пришли, въ сопровожденіи маленькой Ли, разодртые въ пухъ и прахъ, г. и г-жа Ропо.

Гости въ салонѣ. Мужчины хохочутъ и громко разговариваютъ басистыми голосами. Они курятъ сигары и ловко выпускаютъ дымъ изо-рта.

— Посмотрите мою коллекцію, — говоритъ папа.

Всѣ поднимаются, чтобы осмотрѣть блестящее оружіе, благодаря которому — такъ думаетъ Жакъ — обыватели деревни дарятъ папу своимъ уваженіемъ и деньгами.

Дамы, тоненькими голосками, болтаютъ скоро. Онѣ манерничаютъ и стараются перещеголять одна другую въ знаніи хорошаго тона.

Дѣти оглядываютъ другъ друга, обмѣниваются улыбками, ласково берутся за руки. Имъ немного скучно, они вынуждены прилично вести себя, не слишкомъ шумѣть.

Съ своей стороны, родители въ присутствіи дѣтей не рѣшаются обо всемъ говорить.

— Ступайте въ садъ играть, — говоритъ мама.

И съ необычайно любезной улыбкой добавляетъ:

— Надѣюсь, что вы будете вести себя какъ слѣдуетъ.

Ребята мигомъ фразсыпаются по усыпаннымъ пескомъ аллеямъ; язычки развязались, ножки запрыгали! Слишкомъ уже засидѣлись. Играть! Скакать! Бѣгать! Косички и локонны трепещутъ, юбочки развѣваются, смѣхъ весело звучитъ.

Чтобы заинтересовать собою дѣвочекъ, Морисъ ходитъ отъ одной къ другой и съ важностью сообщаетъ:

— А у меня экзема, — онъ думаетъ, что это дѣлаетъ его очень интереснымъ.

— Вотъ видите? — спрашиваетъ онъ, показывая свое лѣвое ухо; тамъ, на задней сторонѣ, у него болячка. Лія скользитъ по ней взглядомъ, корчитъ гримаску и поворачивается спиной.

Жакъ предлагаетъ играть въ папу-маму.

Сейчасъ же образуются пары; онѣ группируются соборазно взаимнымъ симпатіямъ.

Жакъ не хочетъ въ жены Лію. Она ему надоѣла. Онъ останавливаетъ свой выборъ на Цециліи Морисо; онъ только сегодня ее увидѣлъ, и ея лицо приводитъ его въ восхищеніе. Рыжіе волосы Цециліи коротко острижены. Разговаривая, она наклоняетъ голову; держитъ себя какъ дама съ претензіями. Жакъ и Цецилія будутъ называть другъ друга г. и г-жа Грожанъ. Можно ли выбрать болѣе красивое имя?

Берта тоже выходитъ замужъ; она беретъ въ мужья Жюля Ферваля, розовенькаго, хорошенькаго мальчика съ бѣлымъ кружевнымъ воротникомъ поверхъ бархатнаго костюмчика. Онъ похожъ на великолѣпнаго вельможу, какимъ ихъ изображаютъ въ учебникахъ французской исторіи. И такъ, Берта стала г-жей Ферваль; Морисъ ея ребе-

нокъ; какъ она учить его ходить! Какъ она обнимаетъ своего восхитительнаго супруга!

Остальные тоже женятся.

Жакъ, т. е. г. Грожанъ, поселяется съ Цецилей въ бесѣдкѣ. Это ихъ брачная комната.

— Ляжемъ, — говоритъ онъ.

Затѣмъ они собираются съ визитомъ къ «господамъ Ферваль»; Жакъ присутствуетъ при туалетѣ жены.

— Нарви травы, — приказываетъ онъ, — и засунь ее подъ платье, чтобы сдѣлать себѣ высокую грудь, какъ у нашихъ мамъ.

Онъ вытаскиваетъ изъ кармана флаконъ духовъ, который стащилъ съ туалетнаго столика матери.

— Дай, я вылью тебѣ немного за рубашку и въ твои бѣлые панталончики. Еще немножко, чтобы ты хорошо пахла, когда станешь раздѣваться.

Наконецъ, онъ выражаетъ сожалѣнiе:

— Жаль, что нѣтъ муки, чтобы посыпать лицо. Хочешь, я принесу?

Въ это же время, нѣсколькими шагами поодаль, Берта приказываетъ Морису:

— Испачкай себѣ руки и башмаки, и носъ тоже!

«Г. и г-жа Грожанъ» явились; Берта, она же г-жа Ферваль, съ серьезнымъ видомъ и сжавши губы говоритъ сыну:

— Морись, иди поздоровайся; ну же, скорѣе! Что я вижу, несчастный! Ты опять рылся въ грязи? Я въ этомъ увѣрена, увѣрена.

И, обращаясь къ «г. Грожану», она прибавляетъ:

— Ну, развѣ возможно услѣдить за его чистотой?

Морись открываетъ ротъ, чтобы просить прощенiя, но она его обрываетъ:

— Ты уже лучше молчи, Морись: дѣти должны молчать.

«Г. Грожанъ» спрашиваетъ «г-жу Ферваль» о ея сынѣ. У Берты не слишкомъ богатое воображенiе, и она рассказываетъ о Морисѣ все, что мама говоритъ обыкновенно о Жакѣ. У нея есть что поразсказать.

— Сударыня, — говоритъ Жакъ или вѣрнѣе г. Грожанъ, — предоставьте мнѣ позаботиться о вашемъ мальчикѣ: я берусь его вышколить. Онъ умный ребенокъ, но съ массой недостатковъ. Его слѣдуетъ почаще сѣчь.

— Къ несчастью, отецъ на его сторонѣ, — вздыхаетъ «г-жа Ферваль», указывая на своего очаровательнаго мужа.

— Напрасно, напрасно; но скажите, вашъ сынъ, на-

вѣрно, и изрядный задира: держу пари, что его младшему братишкѣ и сестренкѣ не мало отъ него достается?

— Ахъ, и не говорите! Ужъ столько съ нимъ заботъ! Я вотъ сейчасъ дамъ ему розогъ.

Она начинаетъ стаскивать съ Мориса штанишки.

Морисъ протестуетъ.

— Если такъ, я больше не играю, — заявляетъ онъ.

— Хорошо, не играй, — отвѣчаетъ Жакъ.

Тѣмъ временемъ, приходятъ новые гости: «Г. и г-жа Пріамъ» и «г. и г-жа Трюфе» (Лія). У всѣхъ торжественный видъ, «г-жа Пріамъ» необычайно мила; «г-жа Пріамъ» — кукла съ розовыми щечками — сестра «г. Ферваля» и такъ же свѣжа, какъ онъ. Волосы у нея вьются, и она часто, кокетливымъ движеніемъ, встряхиваетъ своими пышными локонами. По выраженію ея лица видно, что она уже знаетъ, что хороша собою.

«Г-жа Трюфе» обмахивается вѣеромъ, который смастерила себѣ изъ листа піона.

Новыхъ гостей просятъ садиться; для нихъ осoboждаются мѣста; это—салонъ «г-жи Ферваль». Мужчины разговариваютъ громко, съ важнымъ видомъ; дамы тоненькими голосами пищаютъ быстро. Внезапно, одна изъ дамъ испускаетъ крикъ:

— Ахъ! фи, посмотрите, какой онъ грязный!

Она показываетъ пальцемъ на Мориса. Сидя на землѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ общества, онъ проводитъ время одинъ въ довольно странномъ занятіи: сосетъ кусокъ старой промокательной бумаги, которой предварительно почесалъ свою экзему.

Но Морисъ, какъ всякій мудрецъ, мало смущается поднятým шумомъ; Лія морщитъ носъ и съ гримаской говорить:

— Уйдемте, я не въ состояніи больше смотрѣть на это.

Всѣ встаютъ, чтобъ пойти гулять.

Жакъ скучно съ Цециліей Морисо съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ «г-жу Пріамъ» и ея красивое коротенькое платьице изъ синяго бархата.

Онъ спѣшитъ подать ей руку и начинаетъ рассказывать о своемъ флаконѣ съ духами. Онъ хочетъ увести ее въ свою бесѣдку. «Г. Пріамъ» протестуетъ. «Г. Грожанъ» говоритъ ему на ухо:

— Ты иди съ Цециліей, а мнѣ дай идти съ Мартой. Мы будемъ гулять, а потомъ заблудимся. Давай дѣлать, какъ наши папы, — потихоньку мѣняться женами.

Перев. О. Сидерской.

МОНАРХЪ.

Пьера Милля.

I.

Какъ я встрѣтился съ Монархомъ.

Эспелункъ — небольшая деревушка, лежащая въ долинѣ, недалеко отъ слиянія двухъ Гардонъ, въ близкомъ со-сѣдствѣ съ Нимомъ. Стратегическое положеніе его таково, что его невозможно было бы бомбардировать съ фортовъ Авиньона, если-бъ кому-нибудь и пришла въ голову такая фантазія, — такъ хорошо онъ со всѣхъ сторонъ защищенъ природой. Окружающіе его склоны покрыты виноградни-ками и булыжникомъ и совершенно лишены растительно-сти, если не считать нѣсколькихъ дикихъ фиговыхъ де-реьевъ и разсѣяннаго тамъ и сямъ карликоваго дубняка.

Эспелункъ такъ со всѣхъ сторонъ обдуваемъ вѣтрами, какъ если-бъ въ немъ непрерывно работали какіе-то невидимые, поистинѣ дьявольскіе кузнечные мѣхи; круглый почти годъ въ немъ свирѣпствуетъ такая засуха, что ослу негдѣ напиться; за то, если ужъ пойдутъ дожди, все кру-гомъ напоминаетъ неутѣшную вдову, только-что опустив-шую въ могилу своего мужа.

Въ Эспелункѣ много жителей, но еще больше овецъ, барановъ, особенно козъ. Четвероногіе обитатели очень лю-бятъ пастись по окружающимъ склонамъ, бугристымъ, какъ черепъ стараго судьи, и въ то же время благоуханнымъ, какъ тѣло молодой дѣвушки, благодаря множеству ароматныхъ травъ, которыя, по великой милости Господней, растутъ даже на известнякѣ.

Въ общемъ, Эспелункъ — благословенный уголокъ, одинъ изъ лучшихъ уголковъ подъ солнцемъ юга. Люди здѣсь здоровые, рослые, съ прекрасными зубами, крѣпкими ногами, зоркими глазами. Складъ ума у нихъ чуть-чуть юмо-ристическій и въ то же время холодный; чтобы понять эспе-лунка, нужно родиться въ Эспелункѣ; и надо сознаться, что тѣхъ, кого судьба лишила этой высокой чести, обыватели Эспелунка частенько таки надуваютъ.

Однажды, передъ самой Пасхой, я гостилъ въ Эспелункѣ у своего стараго пріятеля Казвейля. Стояла великолѣпная

погода, и солнце съ царской щедростью разливало кругомъ свѣтъ и тепло; дѣлать мнѣ рѣшительно нечего было, а въ перспективѣ праздники. Праздникъ въ деревнѣ — вещь очень серьезная, — особенно такой, какъ Пасха. Всякій по мѣрѣ силъ и умѣнья старается достойно отпраздновать ее. Въ Страстную Пятницу и католики, и протестанты соблюдаютъ строгую постъ, а люди состоятельные и почтенные на другой день непременно рѣжутъ свинью. Тѣ, которые не могутъ себѣ позволить такой роскоши, приходятъ смотрѣть, какъ другіе рѣжутъ свиней, — это все же развлечение! Конечно, есть и другія развлечения. Въ воскресенье, напримѣръ, идутъ въ церковь, причемъ одѣваются во все лучшее. Это, впрочемъ, занимаетъ по преимуществу женщинъ, — мужчины къ туалету относятся холодно. Зато иногда случается, что какъ разъ на Пасху выпадаютъ муниципальные выборы. Тогда ужъ всѣ кругомъ ликуютъ. На площади мэри, которая въ то же время служитъ и площадью обѣихъ церквей, католической и протестантской, появляется барабанщикъ и, протрещавъ на барабанѣ какую-то воинственную арію, зычнымъ голосомъ провозглашаетъ: «Граждане, которые желаютъ подать свой голосъ за нашего мэра, г. Казвейля (какъ я уже имѣлъ честь упомянуть, Казвейль — мой другъ), и другихъ членовъ муниципалитета, доставятъ имъ большое удовольствіе!»

Разумѣется, граждане тотчасъ-же отправляются вотировать, чтобы доставить удовольствіе членамъ муниципалитета, а потомъ одни изъ нихъ идутъ въ республиканскій клубъ, въ которомъ собираются мѣстные реакціонеры, или въ социалистическій, который объединяетъ мѣстныхъ республиканцевъ.

Къ сожалѣнію, такіа развлечения, какъ муниципальные выборы, выпадаютъ на долю эспелунжцевъ сравнительно рѣдко.

Пріятель мой Казвейль, какъ гостепримный хозяинъ, все боялся, что мнѣ скучно.

— Если-бъ хоть удалось угостить тебя какой-нибудь дичью! — говорилъ онъ. — Къ сожалѣнію, теперь запрещено охотиться.

Я слишкомъ уважалъ законы своей страны и прекрасно понималъ, что въ это время года, когда птицы сидятъ на яйцахъ, о какой-бы то ни было охотѣ не можетъ быть и рѣчи. Это было грустно, но я, скрѣпя сердце, примирился съ невозможностью поразвлечься охотой. Чтобы успокоить своего пріятеля, я сказалъ ему, что собираюсь выкупаться въ Гардонѣ. Это было вполне осуществимо. Долину обвѣ-

валъ теплый, совсѣмъ почти лѣтній, юго-восточный вѣтеръ, приносившій съ собой ароматы, которые онъ заимствовалъ по пути у миндальныхъ деревьевъ и виноградниковъ, бывшихъ уже въ цвѣту. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на большой глубинѣ, вода была еще холодная, почти ледяная, но я зналъ, что теченіе ея измѣнчиво и капризно, какъ сами обитатели Эспелунка; я былъ увѣренъ, что можно найти мелкія мѣста, настоящія дужи, насквозь прогрѣтыя добрымъ весеннимъ солнцемъ.

Какъ бы то ни было, я выкупался на славу. Освѣжившійся, помолодѣвшій, бодрый, я перебрался черезъ мостъ и направился въ Эспелункъ, до котораго отсюда было не больше мили. Черезъ нѣсколько минутъ я встрѣтилъ человѣка съ корзиной, въ которой билась и трепетала мелкая, повидимому, только-что пойманная рыбешка; ея было очень немного, — фунта два, не больше. Человѣка этого звали Тулумесь, — читателю еще не разъ придется встрѣтить это имя въ моемъ разсказѣ. Я, не долго думая, купилъ у него почти за гроши весь его уловъ и пошелъ своей дорогой.

Казвейль встрѣтилъ меня какъ героя. Я былъ увѣренъ, что онъ скажетъ мнѣ: «Меня, братъ, не надуешь! Я знаю, что ты не купался. Нужно быть сумасшедшимъ, чтобъ купаться въ такое время года. Ты просто-на-просто хорошенько прогулялся — и я могу только похвалить тебя за это: хорошая прогулка стоитъ купанья, — потъ тоже очищаетъ тѣло».

Но я плохо зналъ своего пріятеля: онъ оказался гораздо великодушнѣе, чѣмъ я думалъ, и ни на одну минуту не усумнился въ моей храбрости. Наоборотъ, онъ гордился мной и былъ такъ доволенъ, точно блескъ моего подвига отражался и на немъ: вѣдь, онъ первый узналъ о немъ и первый можетъ повѣдать о немъ всему Эспелунку.

Вниманіе его привлекла принесенная мною рыбешка.

— Это что такое? Откуда взялъ ты эту рыбу?

Въ воздухѣ прекраснаго юга есть, должно быть, что-то заразительное; по крайней мѣрѣ, я безъ колебанія отвѣтилъ:

— Я поймалъ ее!

— Въ самомъ дѣлѣ? Но какимъ образомъ? Ты досталъ гдѣ-нибудь удочку? Или сачекъ?

— Нѣтъ, — не моргнувъ бровью, возразилъ я: — я поймалъ ее руками, купаясь. Это, въ сущности, очень просто: ты видишь рыбу, ныряешь за ней въ воду, она, конечно, убѣгаетъ, ты за ней, пока, наконецъ, не загонишь ее куда-нибудь между двумя камнями; тутъ-то ужъ ее взять легко!

Я, разумѣется, хотѣлъ только пошутить, хотѣлъ показать пріятелю, что мы, уроженцы сѣвера, при желаніи можемъ придумывать всякій вздоръ не хуже южанъ. Мнѣ и въ голову не приходило, что онъ приметъ мою шутку въ серьезъ. А, между тѣмъ, онъ дѣйствительно слушалъ меня безъ улыбки и, повидимому, принималъ все за чистую монету.

— Тутъ нужна особая сноровка! — просто сказалъ онъ. — Я знаю такихъ, которые ловятъ рыбу руками, — Монархъ вотъ, напримѣръ. Онъ ловитъ ее рано утромъ, когда она еще сонная. Но среди бѣла дня, плавая... это гораздо болѣе достойно удивленія!

Онъ, казалось, гордился моей ловкостью и не питалъ на ея счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Весь день потомъ онъ заставлялъ меня краснѣть, рассказывая всѣмъ и каждому о моихъ подвигахъ.

— Знаете, — говорилъ онъ, — парижанинъ, что у меня гостить... просто удивительно! Купается въ Гардонѣ чуть не зимой и тутъ-же, плавая, ловитъ руками рыбу.

Когда мое смущеніе и безъ того дошло уже до крайней степени, я вдругъ увидѣлъ, что къ намъ приближается Тулумесъ. Я, собственно, долженъ былъ предусмотрѣть возможность встрѣчи съ нимъ; но горожане привыкли думать, что люди, съ которыми они встрѣчаются на дорогѣ, никогда больше не попадутся имъ на глаза. Не то въ деревнѣ: въ деревнѣ нѣтъ прохожихъ, — здѣсь всѣ другъ друга знаютъ и постоянно другъ съ другомъ встрѣчаются.

— Это удивительный человекъ! — указалъ на меня Казвейль Тулумесу. — Рекомендую: твой собратъ! Только онъ ловитъ рыбу руками.

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ Тулумесъ. — Что-жъ, это возможно. Вашъ гость, повидимому, большой любитель рыбы, — по крайней мѣрѣ, онъ у меня скупилъ сегодня весь уловъ.

У меня было сильное желаніе провалиться сквозь землю: оба они, повидимому, просто-на-просто смѣялись надо мной. Конечно, Казвейлю было-бы очень пріятно, если-бъ его гость и въ самомъ дѣлѣ ловилъ рыбу руками; но такъ какъ это было невозможно, то онъ довольствовался хотъ тѣмъ, что я сочинилъ забавную исторію: во всякомъ случаѣ, онъ, повидимому, нисколько не досадовалъ на меня за эту выдумку, — это казалось ему очень забавнымъ.

— Такъ какъ ты любишь рыбную ловлю, — сказалъ онъ мнѣ, — мы тебя завтра угостимъ ею. Пойдемъ съ Тулумесомъ и Монархомъ. Останешься доволенъ.

На другой день мы, дѣйствительно, пошли ловить рыбу. Ловили мы ее неводомъ. Казвейль краснорѣчиво и съ увлеченіемъ говорилъ объ Эспелункѣ и, вообще, о югѣ.

— Да, мой дорогой, — говорилъ онъ, — здѣсь, именно здѣсь, родина героизма и рыцарства. Это считается вполне установленнымъ еще со временъ Кавалье, Эстеля и Неморена.

Кавелье, Эстель и Неморенъ составляютъ гордость побережья обѣихъ Гардонъ. Если-бъ вы вздумали сказать кому-либо изъ обывателей Нера, Лединьяна, Масана или Савиньярга, что Кавалье, Эстель и Неморенъ никогда не существовали и представляютъ плодъ ихъ фантазіи, они бы не только не повѣрили вамъ, но еще отнеслись бы къ вамъ очень подозрительно.

Я тѣмъ менѣе склоненъ былъ спорить съ пріятелемъ, что, стоя, въ чемъ мать родила, по плечи въ водѣ, занятъ былъ тѣмъ, что усердно, съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помогаль Тулумесу тащить конецъ невода; другой конецъ былъ въ рукахъ человѣка, который находился на противоположномъ берегу и съ которымъ меня только-что познакомили. Его имя и внѣшній видъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе.

Это былъ Монархъ.

Онъ былъ въ веревочныхъ туфляхъ на босу ногу, въ старыхъ штанахъ, перепоясанныхъ краснымъ шнуркомъ, въ порядкомъ поношенной фланелевой фуфайкѣ, на которой не доставало пуговицъ. Лицо его было свѣже выбрито. Маленькій, живой и въ то же время дышавшій безпечностью, онъ напоминалъ отдыхающую послѣ охоты лягавую.

— Осторожнѣе! — кричалъ онъ съ берега, поворачиваясь ко мнѣ и показывая прекрасные, бѣлые зубы. — Тамъ, посрединѣ, есть яма.

Желая блеснуть талантомъ пловца, я нырнулъ въ воду и менѣе, чѣмъ черезъ минуту, снова показался на поверхности ея, по-прежнему держа въ рукахъ конецъ невода. Я съ гордостью взглянулъ на стоявшаго на берегу пріятеля своего, Казвейля.

— А ты, повидимому, особеннаго влеченія къ водѣ не питаешь? — насмѣшливо спросилъ я.

— Нѣтъ, водную стихію я предоставляю тебѣ, — спокойно отвѣтилъ онъ. — Ты, кажется, чувствуешь себя въ ней, какъ рыба.

Я, дѣйствительно, прекрасно чувствовалъ себя въ этой свѣжей, удивительно чистой и прозрачной водѣ. Мнѣ говорили, что въ ней водятся щуки величиной съ мою ногу, окуни съ мою руку и еще какія-то рыбы, «названія которыхъ ни-

кто въ мѣрѣ не зналъ». Но лучше всего все-таки была вода: она была свѣжѣе окружающаго воздуха, но достаточно тепла, чтобъ отъ нея не синѣло тѣло; постоянная свѣжесть ея поддерживалась бившими со дна ключами. Ноги часто попадали на гладко отшлифованные водой камни, которые, быть можетъ, недавно еще лежали на берегу, подъ жгучими лучами южнаго солнца. Иногда я попадалъ на перепутавшіеся корни ивы; у меня было тогда такое ощущение, какъ если бы у ногъ моихъ были свернувшіяся змѣи, и по тѣлу моему пробѣгала пріятная дрожь. Крошечныя рыбки, которымъ не страшны были широкія ячейки нашего невода и которыхъ, повидимому, забавляла поднятая нами въ рѣкѣ возня, то и дѣло щекотали меня своими острыми мордочками, и я былъ счастливъ, какъ дикарь.

Я со снисходительнымъ презрѣніемъ относился къ лѣни Казвейля, который, небрежно переваливаясь, шелъ по берегу. Самъ я съ наслажденіемъ, не спѣша, исполнялъ возложенную на меня обязанность. Скоро мы съ Тулумесомъ дотащили неводъ до берега и осторожно разложили его на землѣ.

Съ противоположнаго берега доносилось громкое пѣніе Монарха.

...Говори, рыбакъ, потише,
Иль спугнешь ты короля морей!

Увы, король морей и безъ того оставилъ насъ и, должно быть, осматривалъ другіе пункты своего обширнаго воднаго царства. По крайней мѣрѣ, намъ не везло: всего-на-всего мы поймали семь или восемь пискарей, дюжины полторы плотичекъ и трехъ небольшихъ окуней. Въ общемъ набралось немногимъ* больше фунта мелкой рыбешки. А, вѣдь, мы добрый часъ возились съ тяжелымъ неводомъ въ водѣ! Блестящимъ уловомъ мы похвастать не могли.

— А гдѣ ваши пятифунтовыя щуки? Гдѣ ваши полуаршинныя жарпы? — съ негодованіемъ спрашивалъ я Тулумеса.

— Развѣ ты не видалъ, какъ они удирали отъ насъ? — съ обезоруживающимъ простодупіемъ возразилъ Тулумесь. — Такія каналы! У меня передъ самымъ носомъ проскользнула щука по меньшей мѣрѣ въ восемь фунтовъ вѣсомъ. Это, собственно, твоя вина: ты плохо управлялся съ неводомъ...

Я только плечами пожалъ.

* * *

Пораженіе, которое мы потерпѣли на водѣ, отнюдь не помѣшало намъ съ аппетитомъ позавтракать на сушѣ. Мы усѣлись тутъ-же, на берегу, въ тѣнистомъ уголкѣ, и оказали должную честь и колбасѣ съ чеснокомъ, и парѣ жареныхъ цыплятъ (причемъ Казвейль не преминулъ посѣтовать, что теперь запрещено охотиться). Хлѣбъ, по провансальскому обычаю, былъ такъ круто запеченъ, что я чуть не сломалъ себѣ зубы. Зато бѣлое вино изъ эспелункскихъ виноградниковъ было выше всякихъ похвалъ.

Вокругъ возвышались мѣловыя скалы, до того пустынные, точно мы находились не во Франціи, а гдѣ-нибудь въ безлюдной странѣ. Можно было бы подумать, что здѣсь никогда человѣческая рука не сѣяла хлѣбнаго зерна и не сажала виноградной лозы. Только кое-гдѣ росъ дикій кустарникъ, да изрѣдка попадалось дикое фиговое дерево, плоды котораго ѣли только козы и дѣти. Гардона вольно текла по своему руслу, ширина котораго достигала здѣсь чуть не полумили. Берега ея ничѣмъ не скованы. Зимой, которая въ этихъ мѣстахъ скорѣе напоминаетъ весну, въ рѣку текутъ съ горъ многочисленныя ручьи отъ тающаго снѣга, и она тогда почти такъ же многоводна, какъ Рона; лѣтомъ она становится значительно уже, вода отступаетъ отъ береговъ и на ея мѣстѣ показываются камни, трава и даже мелкій кустарникъ.

Прибрежное население умѣетъ извлекать выгоды изъ капризнаго поведенія Гардоны: когда мѣстный гидрографическій отдѣлъ возвѣщаетъ близость разлива рѣки, жители спѣшатъ выгнать на берега ея стада овецъ и барановъ. Бѣдныя животныя скоро погибаютъ въ водѣ, — остальное уже возлагается на депутата или сенатора округа: имъ представляется выхлопотать субсидіи для пострадавшихъ отъ наводненія. Если Господь Богъ пошлетъ хорошее наводненіе накануне выборовъ, многіе мѣстные жители частенько основательно наживаются.

— Посмотри на Монарха, — сказалъ мнѣ Казвейль, когда голодъ нашъ былъ уже въ достаточной степени утоленъ. — Это настоящій герой! Если-бъ ты зналъ, какой истиннѣ рыцарскій подвигъ совершилъ онъ въ прошломъ году!

— Прежде всего, почему васъ называютъ Монархомъ? — спросилъ я, обращаясь непосредственно къ герою.

Онъ поднялъ на меня удивленные глаза.

— Вы не знаете? Въ самомъ дѣлѣ, не знаете? Да очень

просто: я — живу,
какъ король. Потому меня и зовутъ Монархомъ.

.
.
.
Я кивнулъ головой въ знакъ того, что начинаю понимать.

— Мы вдвоемъ, — продолжалъ Монархъ, — взялись за дѣло истребленія моихъ виноградниковъ: я и филоксера. Я съ своей стороны дѣлалъ все возможное, чтобы обогнать филоксера, — и мнѣ это удалось. Когда отъ моихъ виноградниковъ ничего ужъ не осталось, я началъ постигать, что такое дѣйствительное счастье. Теперь я помогаю однимъ на охотѣ, другимъ во время сбора винограда, всѣмъ безъ исключенія — на свадьбахъ, крестинахъ и т. п. семейныхъ торжествахъ. Такъ какъ работы у меня немного, у меня всегда достаточно досуга, чтобъ поговорить съ хорошимъ человекомъ. Безъ меня люди умирали-бъ отъ тоски. Я перехожу изъ одной деревни въ другую, рассказываю новости, смѣюсь, пою отрывки изъ разныхъ оперъ. Къ тому-же, не тутъ, такъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то и дѣло происходятъ выборы, — ну, а выборы ужъ безъ меня совсѣмъ невозможны! Стою я публикѣ очень недорого: обѣдъ и стаканъ вина. И за это я даю ей самого себя!

— Плата хорошая! — серьезно вставилъ Казвейль.

— Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ! — такъ же серьезно отвѣтилъ Монархъ. — Укажите мнѣ кого-нибудь, кто былъ бы такъ же необходимъ, какъ я! Мужчинамъ безъ меня и радость не радость, а женщины — тѣ просто томятся безъ меня, — такъ онѣ меня любятъ! Я всегда даю имъ добрые совѣты, и къ тому-же неизмѣнно весель.

— А о какомъ-же это геройскомъ подвигѣ говорилъ мой пріятель?

— О, пустяки! — скромно сказалъ Монархъ. — Какъ-то разъ госпожа Бовуазень изъ Савиньярга пригласила меня къ себѣ пообѣдать. Случилось такъ, что мужа ея въ это время не было дома. Надо вамъ сказать, что я питаю къ этой дамѣ глубочайшее уваженіе и ни за что не допустилъ бы, чтобъ на ея доброе имя пала хоть малѣйшая тѣнь. Ну, и вотъ, когда г. Бовуазень, т.-е. супругъ этой дамы, совершенно неожиданно вернулся, я забрался въ большой платяной шкафъ, въ которомъ эта почтенная дама и заперла меня, а ключъ положила себѣ въ карманъ.

— Ты сейчас увидишь! — съ гордостью сказала Казвейль.

— Дѣло было ночью, и я сталъ устраиваться въ шкафу на ночлегъ. Въ концѣ концовъ, переспать въ такомъ положеніи одну только ночь не такъ ужъ страшно. Но представьте себѣ, милостивый государь, что этакъ около часу на мое несчастье въ домѣ вдругъ вспыхиваетъ пожаръ! Понимаете, самый настоящій пожаръ! Г-жа Бовуазенъ въ страшной тревогѣ убѣгаетъ, совершенно забывъ обо мнѣ, что, разумѣется, вполнѣ извиняется ея разстроеннымъ состояніемъ. Огонь, между тѣмъ, добрался уже до кухни, находившейся внизу, и я явственно слышалъ его трескъ. Дальше — больше. Огонь поднимался по лѣстницѣ, забираясь въ корридоръ, въ гостиную... Надо было спастись, но какъ это сдѣлать? Дверь шкафа заперта на ключъ. Начинаю колотить въ нее кулаками и ногами, налегаю на нее всѣмъ тѣломъ, — ничего не помогаетъ: шкафъ солидный, сработанъ на совесть... Такихъ теперъ ужъ и дѣлать не умѣютъ.

— И вы не звали на помощь?

— Какъ же я могъ это сдѣлать? Это наложило бы пятно на репутацію г-жи Бовуазенъ. Нѣтъ, я лучше согласился бы заживо сгорѣть. По счастью, Господь не забылъ обо мнѣ, и меня освѣтила счастливая мысль. Собравъ всѣ свои силы, я сталъ во всю глотку реветъ: «Спасайте мебель! Спасайте мебель!» И я докричался: г. Бовуазенъ и друзья его услышали мои крики и поспѣшно вынесли шкафъ на улицу.

— Ну, что ты на это скажешь? — торжествующимъ тономъ спросилъ меня Казвейль. — Вамъ, сѣверянамъ, такая штука и въ голову бы не пришла!

— Еще бы! — отвѣтилъ я. — Жаль только, что это сплошная выдумка, да къ тому же еще и не ваша: я этотъ анекдотъ уже не разъ слышалъ и наизусть его знаю.

На это Казвейль, принявъ видъ строгаго, но справедливаго судьи, сказалъ:

— Когда ты рассказывалъ намъ о томъ, какъ ловилъ руками рыбу, мы вѣдь не оспаривали истину твоихъ словъ. Лучше вѣрить всему, что красиво, — это дѣлаетъ жизнь гораздо интереснѣе.

* * *

Слова Казвейля были для меня урокомъ. Они освѣтили мнѣ душу моихъ друзей: эти дѣти юга признавали жизнь только такой, какой имъ рисовала ее ихъ пылкая фантазія. Подлинная дѣйствительность казалась имъ слишкомъ сѣрой, тусклой — и они старались скрасить ее вымысломъ.

Казвейль, впрочемъ, не распространялся на эту тему. Что касается нашей сегодняшней рыбной ловли, онъ и самъ великодушно призналъ, что она удовлетворительныхъ результатовъ не дала, и еще разъ поѣтовалъ, что нельзя охотиться.

— Такая досада! Хоть-бы дичи пострѣлять можно было! — сказалъ онъ, обращаясь къ Монарху.

— Это дѣло надо обмозговать! — отвѣтилъ тотъ.

Больше онъ ничего не сказалъ, но на другое утро у него произошелъ конфиденціальный разговоръ съ Тьенну, мѣстнымъ юродивымъ, который добывалъ себѣ хлѣбъ тѣмъ, что носилъ на вокзалъ и съ вокзала тяжелые ящики и чемоданы. Правда, такіе заработки выпадали не часто, всего какихъ-нибудь два раза въ мѣсяцъ, такъ какъ пріѣзжихъ здѣсь было очень мало; но Тьенну все-же не голодалъ.

О чемъ Монархъ говорилъ съ Тьенну — покрыто мракомъ неизвѣстности; но черезъ нѣсколько дней одинъ изъ эспелункскихъ гражданъ, Пейрасъ, зайдя утромъ въ свой птичникъ, увидѣлъ, что всѣ его куры передушены. И не однѣ только куры: гуси, утки, индюки и всѣ прочіе пернатые обитатели птичьяго двора.

Событіе возбудило много толковъ. Въ тотъ же день въ Эспелункѣ появились специально вызванные изъ сосѣдняго городка жандармы. Прежде всего, они допросили Тьенну. Съ него они привыкли начинать разслѣдованіе всѣхъ загадочныхъ преступленій. Какъ только случится въ Эспелункѣ что-либо темное, не поддающееся раскрытію, они добиваются признанія юродиваго Тьенну, а потомъ составляютъ протоколъ, въ которомъ пишутъ, что «правонарушеніе совершено человѣкомъ невмѣняемымъ», и слѣдствіе на этомъ заканчивается. Тьенну въ этомъ отношеніи положительно является кладомъ для своего округа.

Но на этотъ разъ онъ упорно не хотѣлъ сознаваться. На вопросъ, кто передушилъ птицу у Пейраса, онъ отвѣтилъ:

— Волкъ!

Жандармы строго сдвинули брови и спросили:

— Какой волкъ?

— Эспелункскій! — твердо отвѣтилъ Тьенну.

Надо сказать, что поблизости отъ Эспелунка находится довольно глубокая пещера съ круглымъ отверстіемъ. Въ ней нѣтъ рѣшительно ничего интереснаго. Пастухи ежедневно пасли вокругъ нея овецъ, и никогда никакая опасность не угрожала ни имъ самимъ, ни животнымъ. Но теперь Тьенну

заявилъ, что эта пещера служить логовомъ волка, который передошилъ куръ у Пейраса.

Я сталъ доказывать своему пріятелю нелѣпость такого утверждения, но Казвейль, состоящій мэромъ Эспелунка, отнесся къ моимъ доводамъ болѣе, чѣмъ холодно.

— Это вполне возможно! — сказалъ онъ.

Жандармы сочувственно, въ знакъ согласія съ нимъ, кивали головами.

Черезъ часъ весь Эспелункъ уже повторялъ слова мэра, что «это вполне возможно»: куры, утки, гуси и индюки Пейраса дѣйствительно могли быть передошены волкомъ. На другой день объ этомъ говорили уже не какъ о чемъ-то возможномъ, а какъ о непреложномъ фактѣ; на третій день оказалось, что пастухи и пастушки собственными глазами видѣли около пещеры волка; на четвертый—префекту была послана телеграмма съ просьбой, въ виду исключительно важнаго случая, разрѣшить охоту на волка. На шестой день разрѣшеніе было получено.

Я горячо доказывалъ Казвейлю, что эта исторія съ волкомъ — нелѣпость, испоконъ вѣковъ на всемъ югѣ Франціи никогда никто не видалъ волковъ, что эспелункскія карликовыя деревья и чахлый кустарникъ врядъ ли могутъ служить для нихъ надежнымъ убѣжищемъ, что, наконецъ, катастрофу на птичникѣ Пейраса можно объяснить гораздо естественнѣе: птицу могла передошить просто-на-просто ласка.

Но Казвейль рѣшительно, почти съ негодованіемъ, отвергалъ всѣ мои убѣжденія.

— Знаешь ты Масанскій фонтанъ, — тотъ самый, который нѣкогда принадлежалъ Эстелю и Неморену?

Фонтанъ этотъ я зналъ.

— Ну, такъ вотъ. Во времена Эстеля и Неморена вокругъ этого фонтана водились волки. Ты можешь найти объ этомъ свидѣтельство у самого Флоріана. А разъ тогда въ этихъ мѣстахъ могли водиться волки, почему бы имъ не водиться и теперь?

Если-бъ я сказалъ ему, что ни Эстеля, ни Неморена никогда и на свѣтѣ не было, онъ бы, вѣроятно, выцарапалъ мнѣ глаза. И я предпочелъ промолчать.

На другой же день всѣ способные носить оружіе отправились на охоту. Жители Эспелунка, Салинеля, Вальфона, Гаррига, Комба, Монпеза, Фонтана, Савиньярга — всѣ вступили въ походъ на волка. Явились даже охотники изъ далекихъ Квиссака и Сомьера. Рать получилась очень внушительная.

Прежде всего охотники, оглашая воздухъ дикими, воинственными криками, пошли приступомъ на пещеру. Она служила резиденціей цѣлаго полчища воронъ. Выстрѣлы, которыми охотники хотѣли спугнуть изъ пещеры волка, перебили не мало этихъ ни въ чемъ неповинныхъ птицъ. Какъ только дымъ отъ первыхъ выстрѣловъ разсѣялся, въ рядахъ наступающей арміи раздались крики, что волкъ выбѣжалъ изъ пещеры и побѣжалъ впередъ. Нѣкоторые видѣли его собственными глазами. Тогда охотники бросились въ указанномъ направленіи. Двѣсти человѣкъ вооруженныхъ до зубовъ, съ биткомъ набитыми патронташами, возбужденныхъ и опьяненныхъ страстью охоты, мчались по мирнымъ въ обычное время полямъ, холмамъ и долинамъ, топтали виноградники, въ лоскъ укладывали бобы, царапали себѣ въ кровь лицо и руки о колючій кустарникъ. Въ воздухѣ то и дѣло гремѣли выстрѣлы, точно ружья сами по себѣ стрѣляли. Тамъ и сямъ скакали на лошадахъ тоже порядкомъ возбужденные, жандармы.

— Видѣли вы волка? — спрашивали они то одного, то другого охотника. — Куда онъ побѣжалъ?

— Кажется, направо!

— Нѣтъ, я самъ видѣлъ, онъ побѣжалъ налѣво!

— Не налѣво, а прямо впередъ. Онъ чуть не у ногъ моихъ пробѣжалъ.

Я тоже словно сошелъ съ ума. Какъ одержимый, бѣжалъ я вприпрыжку за конными жандармами, разспрашивалъ на бѣгу охотниковъ, метался во всѣ стороны, стремглавъ бросался по направленію выстрѣловъ.

Скоро я поравнялся съ Монархомъ. Онъ старательно прицѣливался въ невидимую цѣль и на лицѣ у него было хитроватое выраженіе.

— Попали? — спросилъ я его, когда онъ, произведя выстрѣлъ, наклонился надъ чѣмъ-то.

— Попалъ! — спокойно отвѣтилъ онъ — Если-бъ ему дали подрости, онъ, быть можетъ, и сталъ бы волкомъ.

Пока-что это былъ не волкъ, а здоровый, матерой заяцъ, фунтовъ въ восемь вѣсу. Монархъ спокойно положилъ его въ широкій, болтавшійся у него съ боку ягдташъ, и отправился дальше.

Выстрѣлы становились все чаще. Они гремѣли непрерывно отъ Видурля до Брестау. Зашло уже солнце, на землю спустилась ночь, а кругомъ все еще мелькали дымки отъ выстрѣловъ. Надо было удивляться, что не разразилась гроза: говорятъ же, что послѣ большихъ артиллерійскихъ боевъ часто идутъ ливни.

Наконецъ, мы вернулись въ Эспелункъ.

У всѣхъ, кромѣ жандармовъ, были сіяющія лица. Монархъ опорожнилъ свой биткомъ набитый ягдташъ; въ немъ оказались: вышеупомянутый уже заяцъ, пара куропатокъ и съ дюжину воробьевъ, которыхъ онъ, для большей важности, называлъ тетеревами.

— А другіе охотники? — спросилъ я.

— Другіе? — отвѣтилъ Монархъ. — Они тоже не съ пустыми руками вернулись: кто настрѣлялъ вяхирей, кто кроликовъ или зайцевъ. Будетъ чѣмъ разговѣться на Пасху! Праздникъ серьезный — надо его честь-честью встрѣтить.

— Значить, волка никакого не было? — спросилъ я, пораженный.

Монархъ сталъ серьезенъ.

— Волкъ, можетъ быть, и былъ, — сказалъ онъ, — ничѣмъ не доказано, что волка не было. Разъ волки существовали во времена Флоріана, почему бы имъ не быть и теперь? Правда, его на этотъ разъ не совсѣмъ ясно видѣли; еще болѣе вѣрно то, что его не убили, но патріотическій долгъ повелѣвалъ намъ искать его... особенно въ виду того, что въ это время года охота запрещена.

* * *

Таково было мое первое знакомство съ Монархомъ.

Скромность Монарха.

Монархъ — настоящее имя его Юстинъ-Клодъ Бонафу — при первомъ же разговорѣ со мной счелъ нужнымъ подчеркнуть, что онъ другъ женщинъ въ такой же степени, какъ и мужчинъ. Хотя я нисколько не сомнѣвался въ правдивости этого утвержденія, но я все же боюсь, что небольшая доза хвастовства тутъ имѣлась на-лицо. Я считаю нужнымъ объяснить по этому поводу съ читателемъ.

Монархъ дѣйствительно другъ женщинъ, но онѣ далеко не часто дарили его высшими проявленіями своей благосклонности. Въ этомъ, чрезчуръ открытомъ всѣмъ взорамъ, уголкѣ Прованса, какъ и вообще въ сельскихъ мѣстностяхъ, всѣ живутъ до того на виду другъ у друга, что женщины поневолѣ обречены на добродѣтельную жизнь: добродѣтель ихъ въ значительной мѣрѣ застрахована именно благодаря невозможности скрыть свои маленькіе грѣхи. Зная, что малѣйшее уклоненіе ихъ отъ супружеской вѣрности тотчасъ же станетъ извѣстнымъ, онѣ предпочитаютъ оставаться примѣрными супругами. Вотъ почему въ Эспелункѣ почти нѣтъ случаевъ измѣны. Много, правда, толковали о несчастномъ Бекуньянѣ, которому жена наста-

вила рога, но это былъ исключительный въ мѣстной хроникѣ случай; къ тому же Бекуньянъ теперь овдовѣлъ, и о его злключеніяхъ уже не говорятъ больше. Вообще же, если какая-нибудь женщина разъ согрѣшитъ противъ супружеской вѣрности, она такъ низко падаетъ въ общественномъ мнѣніи, что силою вещей вынуждена грѣшить дальше и ужъ не въ правѣ никому изъ мужчинъ отказывать въ своей благосклонности; ее тогда просто-на-просто вычеркиваютъ изъ списка порядочныхъ женщинъ — и съ нею перестаютъ считаться.

Помимо замужнихъ женщинъ есть еще, конечно, и дѣвушки, которыхъ нерѣдко искушаетъ дьяволъ; но надо сказать, что въ этихъ мѣстахъ, у подножія Севеннъ, гдѣ католики и протестанты ревниво слѣдятъ другъ за другомъ, въ семьяхъ поддерживается строгая чистота нравовъ, хотя и позволяютъ себѣ нѣкоторую вольность на словахъ.

Этой-то строгостью нравовъ и объясняется то, что Монархъ, какъ вы это сейчасъ увидите, вынужденъ былъ сочетаться законнымъ бракомъ. Надо сказать правду: вплоть до своей свадьбы онъ не могъ хвастать частыми побѣдами надъ женщинами. Извѣстно было только, что онъ пользовался расположеніемъ госпожи Фюмадь, но къ этому общественное мнѣніе Эспелунка относилось довольно спокойно: госпожа Фюмадь представляла въ этихъ мѣстахъ пришлый элементъ, а по отношенію къ пришельцамъ многое дозволено.

Названная дама пріѣхала на мѣсяцъ погостить къ своимъ друзьямъ Фабренузамъ и была родомъ откуда-то издалека, еще дальше Нима. Ее считали сѣверянкой, уроженкой Валянса, чуть ли даже не Ліона. Во всякомъ случаѣ, и по манерамъ, и по костюму она рѣзко отличалась отъ мѣстныхъ женщинъ. Не только во время своихъ выходовъ въ церковь, но и просто на прогулкѣ она носила большую шляпу изъ тонкой соломы, украшенную розами, и жакетъ такого цвѣта и покроя, что все женское населеніе Эспелунка было сильно взбудоражено. Но этого мало: у госпожи Фюмадь былъ еще въ рукахъ зонтикъ кричащаго цвѣта, а на рукахъ щегольскія фильдекосовыя перчатки. Всего этого было вполне достаточно, чтобы гласъ эспелункскаго народа провозгласилъ ее особой легкаго поведенія.

На этотъ разъ, что очень рѣдко случается, общественное мнѣніе не ошиблось. Госпожа Фюмадь принадлежала къ той категоріи женщинъ, которыя, посвятивъ первые сорокъ лѣтъ своей жизни семейному очагу, подаривъ отечеству нѣсколькихъ защитниковъ, совершенно резонно полагаютъ,

что теперь онъ вправѣ пожить для самихъ себя, и начинаютъ вести, если можно такъ выразиться, холостой образъ жизни. Онъ предаются ему съ чувствомъ, съ толкомъ—и никогда почти не теряютъ головы: онъ предпочитаютъ избѣгать пылкихъ страстей, которыя въ большинствѣ случаевъ ничего, кромѣ крупныхъ неприятностей, съ собой не приносятъ. Когда волосы ихъ начинаютъ сѣдѣть, онъ превращаются въ добрыхъ, благоразумныхъ особъ, которыя не прочь подѣлиться своимъ опытомъ съ идущимъ имъ на смѣну поколѣніемъ. Часто онъ на всю жизнь остаются друзьями и совѣтницами мужчинъ, съ которыми въ болѣе молодые годы были связаны узами страсти нѣжной.

Во время одной изъ своихъ одинокихъ прогулокъ госпожа Фюмадь встрѣтилась съ Монархомъ. Онъ сразу очаровалъ ее. Въ такъ высоко подобранныхъ штанахъ, что виднѣлись его голыя икры, въ открытой на загорѣлой груди фланелевой фуфайкѣ, онъ руками ловилъ рыбу въ холодной, какъ ледъ, водѣ Гардоны. Онъ, дѣйствительно, ловилъ руками рыбу, — не то что я, несчастный уроженецъ сѣвера; Казвейль не лгаль, когда говорилъ мнѣ о ловкости Монарха. Онъ запускалъ свои гибкіе, длинные пальцы подъ подводные камни, обшаривалъ корни деревьевъ и тину, толстымъ слоємъ устилающую дно рѣки, и часто, нащупавъ прятавшуюся рыбку, съ торжествомъ вытаскивалъ ее, прямо за жабры, на свѣтъ Божій.

Монархъ дѣйствительно былъ хорошъ въ эти минуты со своей кожей цвѣта апельсинной корки, съ черными глазами, съ небольшою, увѣренно сидѣвшимъ на широкихъ усахъ носомъ, и торсомъ лягавой, которая каждую минуту готова броситься на добычу, хотя всему на свѣтѣ предпочитаетъ лѣниво нѣжиться на солнцѣ.

Видя, что онъ составляетъ предметъ усиленнаго вниманія интересной дамы, Монархъ растянулся на сосѣднихъ камняхъ, принявъ самую живописную позу, какую только могъ. Это, впрочемъ, казалось вполне естественнымъ: надо-жь было ему погрѣться послѣ холодной ванны! Потомъ онъ заплѣлъ, — частью для собственнаго удовольствія, частью для того, чтобъ еще болѣе очаровать госпожу Фюмадь.

Сначала онъ спѣлъ свою любимую пѣсенку «Если-бъ я былъ королемъ», потомъ арію Винцента изъ «Мирейль», затѣмъ «Гимнъ любви», наконецъ, самый выигрышный свой номеръ, который начинался словами: «Плыви, плыви, моя гондола!».

Пѣлъ онъ съ большимъ чувствомъ, пріятнымъ, слегка

дрожащимъ отъ волненія голосомъ, самъ наслаждаясь своимъ пѣніемъ и чувствуя, что его съ удовольствіемъ слушаютъ. Больше всего на свѣтѣ любилъ онъ, чтобъ на него смотрѣли и слушали, — это придавало особую прелесть лучшимъ минутамъ его жизни. А названная встрѣча съ госпожей Фюмадь безусловно принадлежала къ лучшимъ минутамъ его жизни: голова его слегка кружилась, точно онъ выпилъ хорошаго шампанскаго, и сердце сладко замирало. Госпожа Фюмадь, сама, быть можетъ, не отдавая себѣ въ этомъ отчета, тоже была пріятно взволнована и очарованными глазами смотрѣла на Монарха.

Эта первая встрѣча съ нимъ имѣла для ея чувствительнаго сердца рѣшающее значеніе. И она позаботилась о томъ, чтобы за этой встрѣчей послѣдовали другія.

Было бы неестественно, если-бъ Монархъ не гордился такой блестящей побѣдой. Но когда въ клубѣ или въ кабачкѣ у Мюратона кто-нибудь намекалъ на эту побѣду, Монархъ дѣлалъ видъ, что эти намеки къ нему не имѣютъ никакого отношенія: какъ истый джентльменъ, онъ слишкомъ высоко ставилъ репутацію женщины, чтобы позволить себѣ легкомысленное къ ней отношеніе. Разумѣется, такое его поведеніе еще больше поднимало его въ глазахъ эспелунцевъ.

Бекуньянь, въ сердцѣ котораго измѣна жены навсегда поселила горечь и который съ тѣхъ поръ огуломъ презиралъ всю женскую половину рода человѣческаго, не безъ злорадства слѣдилъ за тѣмъ, какъ растутъ пятна на репутаціи госпожи Фюмадь. Онъ самъ съ большой охотой распространялъ о ней слухи, которые врядъ ли можно было назвать лестными. Это дало Монарху лишній поводъ проявить свои рыцарскія наклонности.

— Бекуньянь! — съ достоинствомъ обратился онъ однажды къ этому озлобленному на женщинъ рогоносцу. — Женщины, являющіяся въ Эспелункѣ съ сѣвера, — наши гости и, какъ таковыя, должны находиться подъ покровительствомъ всѣхъ честныхъ гражданъ Эспелунка.

Всѣ знали, какого рода покровительство оказывалъ госпожѣ Фюмадь самъ Монархъ; но тирада эта, произнесенная публично, понравилась: въ ней было много благородства, а эспелункцы питаютъ слабость ко всему благородному. Къ тому-же за нимъ охотно признавали право скрывать истинный характеръ его отношеній къ госпожѣ Фюмадь.

Впрочемъ, если любовь ревниво прячется отъ постороннихъ взоровъ, то влюбленные въ то же время иногда испытываютъ желаніе довѣрить кому-нибудь сладкую тайну сво-

его сердца. Вотъ почему Монархъ посвящалъ своего пріятеля Тулумеса въ ходъ своего романа «съ одной дамой изъ общества», какъ онъ выражался; Тулумесь-же, съ своей стороны, считалъ нужнымъ дѣлиться своими свѣдѣніями съ тѣми, кого это могло интересовать, т. е. чуть не со всѣми обитателями Эспелунка и окрестныхъ деревень.

Тулумесь не скрывалъ отъ своего друга, что общественное мнѣніе нѣсколько смущено черезчуръ медленнымъ ходомъ его романа: было извѣстно, что до сихъ поръ у него съ госпожей Фюмадъ дѣло дальше разговоровъ не пошло.

Монарху было совѣстно, и онъ печально поникалъ головой.

— Не сегодня—завтра ты сможешь поздравить меня съ полной побѣдой! — говорилъ онъ. — Да, я завершу начатую побѣду и добыю все, чего только можетъ желать смертный. Клянусь тебѣ! Но и ты, мой другъ, долженъ мнѣ поклясться, что будешь нѣмъ, какъ могила. Никто — понимаешь, никто! — ничего не долженъ знать. Малѣйшая нескромность съ твоей стороны, Тулумесь, — и я убью тебя или себя!

— Все это очень хорошо, — возразилъ Тулумесь. — Но дѣйствительно ли ты, увѣренъ въ побѣдѣ? Могутъ подумать, что ты только зря хвастаешь.

— Никто не посмѣетъ такъ думать! — отвѣтилъ Монархъ. — Завтра въ это время смотри въ сторону Торнака. Больше я тебѣ не скажу ни слова, и никто въ мірѣ больше ничего отъ меня не узнаетъ. Завтра, въ четыре часа, смотри въ сторону Торнака, — это все, что я могу тебѣ сказать...

* * *

На другой день Тулумесь и нѣсколько сотъ эспелунскихъ обывателей смотрѣли въ условленный часъ въ сторону Торнака.

Въ разстояніи полумили возвышается надъ Гардоной сухой скелетъ старинной крѣпости, остроконечныя башни которой живописно вырѣзываются на синемъ небѣ. Основаніе крѣпости скрыто поднимающимся вдоль стѣнъ ея молодымъ дубнякомъ, а на самыхъ стѣнахъ, почти совершенно недоступныхъ, тамъ и сямъ тоже растетъ какимъ-то чудомъ молодая свѣжая зелень. Въ эти руины никто, кромѣ изрѣдка наѣзжающихъ сюда весной или осенью туристовъ, не заглядываетъ. Только Гардона во время разливовъ оставляетъ у лодножія ихъ груды камней, возвышающихся передъ стѣнами, изъ которыхъ мѣстами выпираютъ худосочныя оливковыя деревья, видныя далеко на горизонтѣ.

Послѣ долгаго, напряженнаго ожиданія показался, наконецъ, Монархъ. Едва только онъ вышелъ изъ дому, Тулумесь и его пріатели бросились къ нему, обнаруживъ явное поползновеніе слѣдовать за нимъ.

— Господа! — сказалъ онъ съ укоромъ. — Нельзя-же такъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, — поддержалъ его Тулумесь, — ради Бога, побольше скромности. Мы должны войти въ положеніе нашего друга.

Черезъ нѣсколько минутъ Монархъ исчезъ, точно сквозь землю провалился или нырнулъ въ Гардону. Но скоро со стороны моста показался ярко-желтый зонтикъ г-жи Фюмадь.

Зонтикъ нѣкоторое время желтымъ пятномъ мелькалъ на мосту, потомъ онъ исчезъ за мраморнымъ рогомъ, позади каменоломень, чтобъ тотчасъ-же снова показаться уже по дорогѣ къ Торнаку. Всѣ это ясно видѣли. Зонтикъ то показывался, то исчезалъ на извилинахъ поднимавшейся въ гору тропинки... Наконецъ, онъ окончательно исчезъ за группой молодыхъ дубковъ — и, какъ эспелункцы ни напругали зрѣніе, разглядѣть они ужъ ничего не могли.

— Что-жъ это доказываетъ? — роптали, обращаясь къ Тулумесу, восемьсотъ эспелункскихъ гражданъ, все еще вперяя взоры въ интриговавшій ихъ зеленый островокъ. — Ровно ничего! Госпожа Фюмадь дѣйствительно тамъ, но гдѣ-же Монархъ? Монарха-то и не видно!

— Потерпите немного! — успокаивалъ ихъ Тулумесь. Но и самъ онъ беспокоился не меньше другихъ.

Вдругъ на самой вершинѣ одной изъ крѣпостныхъ башенъ взвился, точно самъ собой, небольшой бѣлый флагъ. Это было дѣло рукъ Монарха.

— Я вамъ дамъ знакъ, — предупредилъ онъ наканунѣ госпожу Фюмадь. — Если вы увидите на башнѣ флагъ, значить я тамъ — и вы смѣло можете подниматься. Вы можете быть совершенно спокойны: кромѣ васъ, никто этого сигнала не пойметъ.

Эспелункскіе граждане тоже поняли этотъ сигналъ и были очень довольны.

Осталась довольна и г-жа Фюмадь.

Эта авантюра окружила Монарха новымъ ореоломъ и окончательно укрѣпила за нимъ репутацію человѣка скромнаго, ревниво оберегающаго честь женщины.

III.

Женитьба Монарха.

Въ тотъ день, когда Монархъ узналъ, что г-жа Эмма Видулянъ, съ которой онъ познакомился въ Нимѣ, получаетъ стѣ своего живущаго въ Марселѣ брата каждые три мѣсяца по сто франковъ, онъ крѣпко задумался.

Сто франковъ въ три мѣсяца, — это составляло кругленькую сумму въ 400 франковъ ежегодной ренты! Монархъ далеко не былъ жаденъ, но эта новость все-же импонировала ему и преисполнила его почтениемъ къ счастливой обладательницѣ ренты. И если госпожа Видулянъ сочла нужнымъ посвятить его въ свое имущественное положеніе, то она сдѣлала это только потому, что сама была поражена въ самое сердце внѣшнимъ лоскомъ Монарха; по крайней мѣрѣ, она съ грустью призналась самой себѣ, что ея собственный туалетъ, по сравненію съ туалетомъ Монарха, производитъ впечатлѣніе чуть не нищенскаго.

И дѣйствительно Монархъ въ Нимѣ ходилъ совсѣмъ франтомъ. Онъ купилъ себѣ готовый костюмъ, сшитый изъ пестраго шевіота, съ желтыми и фіолетовыми клѣтками, невольно обращающій на себя вниманіе своими яркими красками. Ботинки у него тоже были свѣтло-желтые, и онъ каждое утро подставлялъ ихъ чистильщику сапогъ на одной изъ главныхъ площадей Нима, у самой почти статуи императора Адриана; чистильщикъ работалъ такъ усердно, что ботинки блестѣли, какъ зеркало, и если-бъ Монархъ наклонился немного, онъ могъ-бы увидѣть въ нихъ отраженіе своей великолѣпной мягкой итальянской шляпы цвѣта пригорѣвшаго хлѣба. Бѣлая, съ красными цвѣтами, манишка и мягкій отложной воротничекъ, изъ-подъ котораго кокетливо свѣшивался мастерски завязанный красный шнурокъ, дополняли его туалетъ. Освѣщенный лучами заката — а въ этотъ часъ впервые увидѣла его г-жа Видулянъ, — онъ представлялъ собой настоящую симфонію изъ золота и пурпура. Радовалъ онъ глазъ не однимъ только туалетомъ: производила пріятное впечатлѣніе и вся его маленькая, подвижная, въ то же время исполненная сознанія собственного достоинства фигура.

Надо сказать, что великолѣпный костюмъ былъ единственнымъ достоинствомъ Монарха: больше у него рѣшительно ничего не было. Какъ вы уже знаете, онъ въ доброе старое время былъ владѣльцемъ виноградниковъ, но ихъ уничтожила филлоксера, которой онъ помогалъ по мѣрѣ силъ и способности. А силы и способности были у него изумитель-

няя, — этого не сталъ бы оспаривать никто изъ знавшихъ его.

Въ настоящее время Монархъ бѣденъ, какъ церковная мышь. Единственное прочное достояніе его составляетъ крошечный садикъ, прилегающій къ его жалкой хатенкѣ. Если нужда очень ужъ припретъ его къ стѣнѣ, онъ нанимается на работу къ кому-либо изъ мѣстныхъ богачей. Въ общемъ же онъ, поскольку это возможно, ровно ничего не дѣлаетъ, чѣмъ, какъ онъ самъ съ гордостью заявляетъ, и объясняется его прозвище. Онъ гордится своимъ бездѣльемъ и чуть не возводитъ его въ добродѣтель. Это нисколько не мѣшаетъ ему наслаждаться жизнью: то и дѣло, не тутъ, такъ тамъ, въ Эспелункѣ или сосѣднихъ деревняхъ, бываютъ свадьбы, крестины, похороны. Мало-ли, наконецъ, поводовъ побывать у добрыхъ людей? Въ дождь они сидятъ дома, скучаютъ и очень рады свѣжему человѣку; въ хорошую погоду они такъ весело настроены, что охотно слушаютъ пѣніе. Къ тому же здѣсь часто устраивается охота, на которую съѣзжается много народу, — и тутъ тоже безъ Монарха не обойтись. Хорошая штука и сборъ винограда. Любитъ также Монархъ, когда лѣонскіе шелководы приѣзжаютъ за коконами. Въ Эспелункѣ ихъ въ оперу не поведешь — и ихъ угощаютъ Монархомъ. Поистинѣ можно сказать, что онъ составляетъ душу Эспелунка, источникъ радости и веселья.

Соціальное положеніе его таково, что ему волей-неволей приходится обуздывать свое влеченіе къ женщинамъ: въ противномъ случаѣ двери многихъ домовъ были-бы для него закрыты. Онъ не разъ думалъ о томъ, какъ было-бы хорошо, если-бъ въ Эспелункѣ жила какая нибудь молодая, независимая вдовушка. — Увы, таковой здѣсь не было съ самаго отъѣзда госпожи Фюмадь. И Монархъ принялъ героическое рѣшеніе: на послѣдніе гроши онъ купилъ себѣ костюмъ и поѣхалъ въ Нимъ въ чаяннѣ побѣдъ надъ женскими сердцами.

Тутъ-то онъ и встрѣтилъ госпожу Видулянъ. Она была вдова, и добродѣтельность ея съ первой-же встрѣчи импонировала Монарху. Онъ совершенно не былъ искушенъ въ искусствѣ ухаживанія за городскими женщинами: тутъ, казалось ему, нужны совсѣмъ другіе приемы, чѣмъ при атакахъ на деревенскихъ Дульциней. Правда, когда онъ въ разговорѣ съ госпожей Видулянъ, въ простотѣ своей деревенской души, позволялъ себѣ черезчуръ вольное слово, онъ видѣлъ, что ноздри ея слегка вздрагивали, а губы она складывала такъ, точно собиралась отправить въ ротъ спѣлую клубнику. Но въ общемъ она была недоступна и позволяла

только обнимать себя за талию, — всякія другія попытки его она рѣшительно отклоняла.

И вдругъ онъ узнаетъ, что эта добродѣтельная женщина имѣетъ ежегодную ренту въ четыреста франковъ! Между нимъ и ею точно разверзлась вдругъ пропасть, и ему казалось, что онъ никогда не въ силахъ будетъ перешагнуть ее. Госпожа Видулянъ стала для него недосыгаемымъ идеаломъ; но, быть можетъ, именно поэтому онъ рѣшилъ усилить наступленіе: Монархъ былъ не изъ тѣхъ, которые отступаютъ передъ препятствіями.

Въ карманѣ его еще болталось нѣсколько серебряныхъ монетъ, и онъ повелъ госпожу Видулянъ въ одно изъ приличнѣйшихъ кафэ Нима. Кругомъ сидѣли все богатые, праздные люди, повсюду была атмосфера довольства и сытости, и Монарху почти начало казаться, что онъ и самъ богатъ, что онъ и самъ можетъ жить припѣваючи, не ударяя палець-о-палець. Живутъ-же всѣ эти люди въ свое удовольствіе, не задумываясь тратить деньги, проводятъ цѣлые часы на террасахъ богатыхъ кафэ, ѣдятъ, пьютъ...

Какой-то господинъ, очень прилично одѣтый, не хуже самого Монарха, продавалъ лотерейные билеты: разыгрывалась красная куропатка. Глубоко убѣжденный, что въ этихъ лотереяхъ никогда не выигрываютъ, Монархъ уклонился отъ покупки билетовъ. Въ то время, какъ онъ разсматривалъ разыгрываемую куропатку, онъ совершенно неожиданно для себя сказалъ:

— Я у себя столько убиваю ихъ, этихъ куропатокъ!

Въ этомъ была доля правды: онъ частенько таки занимался браконьерствомъ. Но госпожа Видулянъ, которой Монархъ все больше нравился, спросила:

— Вы убиваете ихъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ?

— Ну да, въ моихъ владѣніяхъ! — почти невольно подтвердилъ онъ: ему было-бы неприятно сознаться, что онъ нищъ, какъ Іовъ. — Иногда у себя, иногда на земляхъ сосѣдей. У насъ часто устраиваются охоты, — то у меня, то у другихъ.

Госпожа Видулянъ на минуту задумалась.

— У васъ, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ виноградники?

Онъ постарался облечь свой отвѣтъ въ туманную форму.

— Въ нашихъ мѣстахъ, — сказалъ онъ, — все больше виноградники. Попадаются кое-гдѣ, если почва жирная и много воды, и туовыя деревья, а на горахъ пасутся стада.

— У васъ и стада есть?

Она мечтательно коснулась губами рюмки съ мадерой. Онъ пилъ абсентъ, предательскіе пары котораго слегка кружили ему голову.

— Да, и стада... большей частью овцы.

Онъ съ такимъ же правомъ могъ говорить о собственныхъ стадахъ дикихъ антилопъ или бизоновъ. Если ему все же пришли въ голову именно овцы, то только потому, что къ этимъ животнымъ онъ привыкъ съ дѣства; къ тому-же у него была коза, которая не такъ ужъ далека отъ овцы.

Въ глубинѣ души онъ чувствовалъ уколы совѣсти. Чтобъ хоть чѣмъ нибудь вознаградить себя за неприятное сознание своей нищеты, онъ заговорилъ о тысячахъ неприятностей, которымъ подвергаются богатые люди, имѣющие несчастье владѣть землями, виноградниками или стадами: филлоксера, свойства которой ему были извѣстны лучше, чѣмъ кому либо другому, низкія цѣны, болѣзни, нападающія на скотъ, наконецъ, наводненія, которыя иногда производятъ страшныя опустошенія, губя посѣвъ и скотъ.

Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ онъ пилъ, меланхолію его какъ рукой снимало — и въ рѣчахъ его стали звучать болѣе веселыя нотки.

— Надо оговориться, что наводненія не всегда разорительны для нашего брата: если они случаются въ годы парламентскихъ выборовъ, наши депутаты добиваются для насъ хорошихъ субсидій въ видѣ возмѣщенія убытковъ. Иногда наводненіе превращается для насъ въ очень доходную статью.

Онъ говорилъ «для насъ» — отчасти потому, что слишкомъ увлекся нарисованной имъ картиной, отчасти потому, что въ Провансѣ все безъ исключенія населеніе ликуетъ, когда нѣкоторымъ счастливымъ удается, послѣ наводненія, добиться правительственныхъ субсидій: это разсматривается, какъ побѣда юга надъ сѣверомъ, которая преисполняетъ патріотической гордостью сердца южанъ. Къ тому-же, такія субсидіи доказываютъ, что мѣстные депутаты не дремлютъ въ Парижѣ и умѣютъ, гдѣ это нужно, проявить достаточно энергіи.

— Да, — задумчиво тротянула госпожа Видулянь. — Въ общемъ дѣло очень хлопотливое.

— Ну, на то есть управляющіе!

Онъ вспомнилъ нѣкоторыхъ управляющихъ, состоящихъ на службѣ у богатыхъ помѣщиковъ, которые сами ничего не дѣлаютъ, вспомнилъ, какъ они надуваютъ своихъ хозяевъ и какъ безсердечно относятся къ мѣстнымъ крестьянамъ.

— У васъ тоже есть управляющій?

— А то какъ-же! — уже болѣе увѣренно воскликнулъ Монархъ, котораго окончательно увлекла картина его собственнаго богатства. — И еще какой! Бывшій офицеръ. Такой ловкачъ!

Голова его все больше кружилась. Ему вдругъ пришла новая мысль, и онъ, не долго думая, подозвалъ дежурившаго въ кафэ посыльнаго.

— Эй, послушайте! Сбѣгайте-ка на телеграфъ: мнѣ надо телеграмму отправить.

Передъ его мысленнымъ взоромъ проходили стада принадлежащихъ ему барановъ; тяжело переваливаясь, дефилировали тысячи куръ, гусей, утокъ — и безъ конца тянулись прекрасные виноградники. Онъ рѣшительнымъ жестомъ взялъ перо и бумагу и сталъ писать телеграмму несуществующему подъ солнцемъ управляющему. Госпожа Видулянь заглядывала черезъ его плечо въ бумажку.

«Дорогой капитанъ!» — писалъ онъ и тутъ-же, повернувшись къ своей дамѣ, пояснилъ:

— Хоть онъ и мой служащій, но я его всегда такъ называю: онъ уроженецъ сѣвера, а вы знаете, эти сѣверяне ужасно тщеславный народъ!

Когда телеграмма была написана, онъ сдалъ ее посыльному и успокоился: адресована она была какому-то миѳическому Пульбо въ Эспелункѣ. Эспелункъ еще можно было найти, но Пульбо, какъ съ усмѣшкой подумалъ Монархъ, такъ и останется неразысканнымъ. И пусть его: онъ, Монархъ, меньше всего будетъ объ этомъ сокрушаться!

Онъ былъ доволенъ собой и счастливъ, такъ какъ госпожа Видулянь окончательно завладѣла его сердцемъ. Для полноты счастья этого, конечно, недостаточно, но онъ прекрасно сознавалъ, что чары его дѣйствуютъ и что онъ можетъ уже поздравить себя съ побѣдой: слишкомъ очевидно было, что дама его сердца покидаетъ одну позицію за другой и готова сдать на милость побѣдителя.

Монархъ выжидалъ.

— Господинъ Боннафу (потому что, какъ уже было сказано, его настоящее имя было Боннафу), скажите правду: я вамъ дѣйствительно нравлюсь? Вы дѣйствительно, хотите, чтобъ я стала вашей женой?

Побѣда была полная.

Это была одна изъ лучшихъ минутъ въ жизни Монарха. Заходящее солнце съ золотыми лучами освѣщало террасу, на которой они сидѣли, окружало побѣдителя свѣтозарнымъ ореоломъ. Это былъ апогеозъ.

— Я честная женщина, — говорила госпожа Видулянь, — и если у васъ серьезныя намѣренія... Братъ мой, что живеть въ Марселѣ, будетъ очень радъ, когда узнаеть, что я дѣлаю такую хорошую партію...

* * *

Такъ Монархъ сталъ женихомъ.

Все время, пока онъ былъ женихомъ, онъ утопалъ въ волнахъ блаженства. Онъ вдохновенно присочинялъ къ выдуманному имъ роману все новыя главы, лгалъ артистически, съ увлеченіемъ, почти самъ вѣря своей лжи. Градъ, ливни, засуха, изсушающіе вѣтры, падежъ скота, неурожай, гибельныя для виноградниковъ болѣзни, — все то, что въ дѣйствительности имѣло мѣсто въ Эспелункѣ, — всѣ эти испытанія, по рассказамъ Монарха, выпадали и на его долю. Это была интенсивная жизнь человѣка, которому много дано и которому приходится развивать колоссальную энергію, чтобы защищать свои несмѣтныя богатства отъ всякихъ напастей. Эспелункъ, весь Эспелункъ съ его виноградниками и стадами, принадлежалъ ему, былъ его вотчиной. Онъ говорилъ о немъ какъ владѣтельный князь говорить о своихъ владѣніяхъ. Онъ понемногу самъ поникался сознаниемъ своего воображаемаго могущества — и былъ счастливъ.

Когда первый любовный угаръ разсѣялся немного, онъ почувствовалъ легкую тревогу: приближалось время свадьбы. Она должна была произойти тутъ-же, въ Нимѣ. Здѣсь его никто не зналъ — и все могло сойти благополучно.

Правда, свадьба требовала расходовъ — и порядочныхъ: не могъ же онъ отпраздновать ее какъ нищій!

И Монархъ, съ помощью своихъ эспелункскихъ друзей, устроилъ заемъ. Для этой цѣли онъ посвятилъ въ истинное положеніе вещей Тулумеса и Бекуньяна. Они-же были имъ приглашены въ шафера.

Разумѣется, они охотно предложили ему содѣйствіе: во всей этой исторіи было много пикантнаго, и ихъ интриговало, чѣмъ все это кончится.

Невѣстѣ, которую онъ теперь называлъ уже по имени — Эммой, онъ объяснилъ, что у него на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ ни одного родственника и что онъ одинъ, какъ перстъ. Она даже прослезилась отъ жалости.

Когда изъ Марселя пріѣхали его будущій шуринъ съ женой, чтобъ почтить своимъ присутствіемъ свадьбу, Монархъ произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе своимъ чер-

нымъ сюртукомъ, который онъ взялъ напрокатъ, и совсѣмъ приличнымъ бѣлымъ галстукомъ.

Когда всѣ брачныя формальности были закончены, Монархъ угостилъ гостей великолѣпнымъ обѣдомъ въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ города.

Все сошло очень хорошо.

Потомъ молодожены и оба шафера, Тулумесь и Бекуньянъ, отправились къ поѣзду, чтобъ поѣхать въ Эспелункъ. Монархъ, все еще продолжая играть роль богача, взялъ для себя и жены билеты перваго класса. Тулумесь и Бекуньянъ взяли билеты второго.

— Бѣдные! — со вздохомъ сожалѣнія сказалъ Монархъ. — Первый классъ для нихъ — недоступная роскошь.

Онъ великодушно доплатилъ за нихъ за первый классъ и усадилъ ихъ рядомъ съ собой. Имъ руководило, впрочемъ, не одно только великодушіе: онъ боялся оставаться съ глазу на глазъ со своей Эммой. Мысль о томъ, что катастрофа близка и что очень скоро жена его узнаетъ ужасную правду, начала не на шутку тревожить его и сильно понизила его настроеніе.

Марсельскій братъ нѣжно поцѣловалъ передъ отходомъ поѣзда сестру.

— Мы такъ рады за тебя! — сказалъ онъ. — Если-бъ наши марсельскіе друзья видѣли, какую блестящую партію ты сдѣлала...

Тутъ же стояла жена его, желтая отъ зависти. Но и она, скрѣпя сердце, поцѣловала на прощанье Эмму, которая уже называлась теперь госпожей Боннафу: она вполне резонно рѣшила, что можно ненавидѣть богатыхъ родственниковъ, но что портить съ ними отношенія невыгодно.

Въ вагонѣ Монархъ былъ мраченъ. Изъ денегъ, которыя онъ занялъ, у него ничего не осталось; онъ думалъ о жалкой хатенкѣ, въ которую ему придется ввести сегодня жену, о своей нищенской обстановкѣ, объ ожидающей ихъ бѣдности. Больше всего мучило его предстоящее признаніе, что онъ безсовѣстно обманулъ ее.

Когда они вышли на вокзалъ въ Жерфъ, отъ котораго Эспелункъ находится въ двухъ миляхъ, Монархъ все же не могъ отказать себѣ въ послѣдній разъ въ удовольствіи разыграть богатаго землевладѣльца.

— Что-же это моего экипажа нѣтъ? Я вѣдь сегодня утромъ телеграфировалъ, что мы выѣзжаемъ!

— Твой управляющій, навѣрное, поѣхалъ въ Бляндузъ

на ярмарку, овецъ продавать! — не моргнувъ бровью, серьезно сказалъ Тулумесь. — Лошадей-то дома и не оказалось.

Имъ пришлось сдѣлать путь до Эспелунка пѣшкомъ.

Ночь была теплая и тихая. Въ кустарникѣ, вдоль почти совершенно высохшей теперъ Гардоны, мелькали тысячи свѣтляковъ. Нѣжно журчали по камнямъ ручьи и маленькіе водопады. Въ далекомъ небѣ, съ котораго спускался на землю безмятежный покой, тихо дрожали большія лучистыя звѣзды.

Когда они подходили къ Эспелунку, деревня была погружена въ глубокій сонъ. Эмма была совершенно обезсилена — частью отъ усталости, частью отъ предвкушенія ожидающаго ее счастья.

Тулумесь и Бекуньянъ скоро исчезли во мракѣ ночи.

Монархъ отвалилъ камень, которымъ была приперта дверь его хижины, и отворилъ ее.

— Это здѣсь! — сказалъ онъ упавшимъ голосомъ, нерѣшаясь взглянуть на жену.

Въ этой конурѣ ничего не было и вмѣстѣ съ тѣмъ было все, — весь тотъ нищенскій скарбъ, которымъ обыкновенно бываютъ завалены жилища бѣдняковъ: кровать, слишкомъ узкая даже для одного, глиняный, самодѣльный очагъ съ висѣвшимъ надъ нимъ закоптѣлымъ котломъ, столъ, пара деревянныхъ стульевъ, квашня, висящіе по стѣнамъ лохмотья; въ одномъ изъ угловъ были свалены въ кучу дрова и виноградныя лозы.

— Что это! — въ изумленіи воскликнула Эмма. — Куда ты меня завелъ?

Монархъ низко склонилъ голову, какъ бы въ ожиданіи удара. Отъ недавняго его великолѣпія и слѣда не осталось.

— Это мой домъ! — чуть слышно сказалъ онъ. — И это все, что у меня есть... Я обманулъ тебя, Эмма.

Она поняла. Къ горлу ея подступили рыданія, и она горько заплакала. Потомъ она подбѣжала къ мужу и ногтями обѣихъ рукъ впила въ его уши. Монархъ не чувствовалъ боли, но стекавшая по шеѣ кровь раздражала кожу, какъ если-бъ по ней ползли мухи.

Когда онъ черезъ минуту зажегъ свѣчу, слабый свѣтъ ея освѣтилъ его вымазанное кровью, жалкое, растерянное лицо.

Онъ поставилъ на полъ чемоданъ Эммы. Она сдѣлала движеніе, какъ будто желая забрать чемоданъ.

— Ты вправѣ бросить меня! — сказалъ онъ. — Я тебя обманулъ и никакихъ правъ предъявлять не смѣю.

Подумавъ немного, онъ прибавилъ:

— Фактически нашъ бракъ еще не вошелъ въ силу. Онъ можетъ считаться несостоявшимся.

Но она сердито воскликнула:

— Э, что тамъ! Вошелъ или не вошелъ въ силу—бракъ всегда остается бракомъ. Такова ужъ видно судьба моя! Нужды-то я не боюсь — привыкла, слава Богу. Но съ бракомъ какъ мнѣ быть? Это самое ужасное!

— Я, собственно, не понимаю...

— Да вѣдь онъ убѣжденъ, что я сдѣлала блестящую партію. А жена его? Мнѣ такъ пріятно было смотрѣть, какъ она зеленѣетъ и желтѣетъ отъ зависти! Что я имъ теперъ скажу?

Она опять заплакала горькими слезами боли и обиды. И Монархъ прекрасно понималъ ее: она была вполне достойна его. Для нея, точно такъ же, какъ и для него — гораздо важнѣе было казаться, чѣмъ быть.

— Ну, если только это тебя смущаетъ, — повеселѣвшимъ тономъ сказалъ онъ, — то можешь успокоиться. Я, слава Богу, могу кому угодно втереть очки: ты имѣла прекрасный случай убѣдиться въ этомъ. Увидишь, Эмма, все будетъ хорошо!

И онъ заключилъ ее въ свои объятія.

Долго въ эту ночь оба они не могли заснуть: они соображали обдумывали предстоящій планъ кампаніи.

* * *

Даже въ обычное время, когда Гардона течетъ своимъ нормальнымъ ходомъ по каменистому руслу, слегка волнуясь и спѣша, особенно тамъ, гдѣ камней навалено больше, чѣмъ слѣдуетъ, — даже тогда рѣка наполняетъ окрестности пріятнымъ, волнующимъ слухъ шумомъ. Точно слышишь дыханіе милой дѣвушки.

Монархъ спустился къ рѣкѣ. Нѣсколько минутъ онъ простоялъ на берегу, на желтой песчаной косѣ, до того узкой, что ундины могутъ выходить на нее по ночамъ плясать только въ томъ случаѣ, если эти прелестныя обитательницы вѣдь сильно похудѣли съ тѣхъ поръ, какъ намъ о нихъ рассказали поэты.

Это былъ любимый уголокъ Монарха. Росшія здѣсь ивы образовали надъ головой сводъ, причемъ вѣтви ихъ пышными кудрями спадали почти до самой воды. Здѣсь можно было сидѣть цѣлые часы незамѣченнымъ.

Монархъ рѣшительно вошелъ въ воду, которая, даже въ нѣсколькихъ метрахъ отъ берега, едва доходила ему до ко-

лѣтъ. Сдѣлавъ шаговъ десять, онъ нагнулся и своими загорѣвшими, не очень, правда, натруженными, но все же сильными руками, сталъ тащить лежавшее подъ водой красное шерстяное одѣяло, которое придавлено было камнями, чтобъ его не унесло течениемъ. Съ необыкновенными предосторожностями, такъ тихо переступая по водѣ ногами, точно онъ не шелъ, а скользилъ по ея поверхности, онъ подтащилъ одѣяло къ берегу. Здѣсь, онъ все съ тѣми предосторожностями растянулъ его на песокъ, потомъ вынулъ изъ кармана ножъ, который тутъ же отточилъ на оселкѣ, и тщательно сталъ срѣзывать ворсинки съ одѣяла, — такъ тщательно, какъ если-бъ онъ брилъ кого-нибудь. Окончивъ эту странную работу, онъ разложилъ на землѣ кусокъ чернаго люстрину и бережно собралъ въ него всѣ срѣзанныя ворсинки. Потомъ онъ снова прошелся ножомъ по одѣялу и новыя ворсинки присоединилъ къ прежнимъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ взялъ принесенную имъ собою деревянную миску, наполнилъ ее на три четверти водой, высыпалъ въ нее всѣ собранныя ворсинки и взболтнулъ. На днѣ миски засверкали крохотныя, какъ кончики иглы, блески.

Монархъ тихо вздохнулъ и снова бросилъ одѣяло въ рѣку, накрывъ его нѣсколькими камнями. По близости слышались шаги. Скоро у песчаной косы показалась человѣческая фигура: это былъ Тулумесъ.

— А, это ты, Монархъ! — сказалъ онъ. — Все золота ищешь? Брось, ничего изъ этого не выйдетъ!

Монархъ не удостоилъ его отвѣтомъ. Онъ и самъ прекрасно знаетъ, что толку изъ этого выходитъ мало, но Гардона все-же иногда даетъ нѣсколько крупицъ золота, которыя застреваютъ въ ворсинкахъ его одѣяла. Если терпѣливо стричь его, потомъ опять погружать въ воду и снова стричь, можетъ случиться, что и наскребешь на пару франковъ драгоценнаго металла; конечно, не всегда такъ везетъ, но все-же изрѣдка выпадаютъ счастливые дни. Ремесло было горькое, и Монарху было это извѣстно лучше, чѣмъ кому бы то ни было, но, когда нѣтъ другого ремесла, волей неволей хватаешься за все, что попадаетъ подъ руку. Къ тому-же это какъ-ни-какъ было золото, самое настоящее золото, которое своимъ блескомъ возбуждало мечты о быстромъ, сказочномъ обогащеніи. Онъ искалъ золота, думалъ о золотѣ — и это само по себѣ ужъ тѣшило его.

Теперь онъ особенно энергично взялся за свое золотоискательство: чтобъ поддержать свой престижъ, ему необходимо было пригласить къ себѣ въ гости брата Эммы и его жену. Надо было не ударить лицомъ въ грязь: они, вѣдь,

считали его богачемъ, владѣльцемъ обширныхъ земель, виноградниковъ и стадъ. Ему, кромѣ того, необходимо было расплатиться съ долгами, въ которые онъ влѣзъ по случаю своей свадьбы. И онъ цѣлыми недѣлями работалъ какъ каторжникъ, — то въ качествѣ добровольца-золотоискателя, то батракомъ на молотѣбъ хлѣба, то погонщикомъ быковъ или лошадей, которыхъ отправляли на ярмарку въ Блендузъ. Дошло даже до того, что онъ за деньги пѣлъ на одной свадьбѣ, — онъ, Монархъ, который всегда считалъ для себя униженіемъ размѣнивать свои таланты на звонкую монету. Странное чувство испыталъ онъ, когда ему положили на открытую ладонь серебряную монету за пѣніе: это было непривычно!

— Ну, нечего, нечего, Монархъ, бери! — сказали ему. — Мы знаемъ, что ты во что бы то ни стало рѣшилъ стать миллионеромъ. Намъ Тулумекъ все разказалъ. Смотри, не осрамишься! Поддержи честь своего имени.

Гости вокругъ добродушно смѣялись. Его понимали, ему сочувствовали. Онъ это прекрасно видѣлъ, и ему стало легко на душѣ, почти весело. Эспелункъ, несомнѣнно, восторгался его ловкостью и находчивостью во всей этой исторіи; тѣ, кого онъ обманулъ и еще собирается обманывать, — чужіе, пришельцы, и по отношенію къ нимъ многое дозволено. И добрые эспелункцы готовы были принять участіе въ заговорѣ, — хотя бы просто изъ любви къ искусству, лжи и веселью, — этимъ тремъ столь родственнымъ понятіямъ. Къ тому же тутъ дѣло шло о чести Эспелунка — и сыны его, какъ истые патриоты, были всѣмъ сердцемъ на сторонѣ Монарха.

Его со всѣхъ сторонъ весело осыпали вопросами.

— Когда же, Монархъ, состоится торжественный пріемъ гостей?

Долгое время онъ не въ состояніи былъ дать точный отвѣтъ. Наконецъ, въ одно прекрасное утро онъ весело объявилъ:

— Завтра они пріѣзжаютъ!

Дѣло въ томъ, что онъ собралъ уже необходимую сумму.

Госпожа Боннафу была счастлива. На ней было очень приличное, сшитое въ Нимѣ, платье. Всю послѣднюю недѣлю она тщательно ухаживала за своими руками, по возможности избѣгала черной работы и прягала ихъ отъ солнца, чтобы согнать съ нихъ загаръ. Руки ея дѣйствительно поблѣзли — и она часто подолгу сама любовалась ими, даже втихомолку цѣловала ихъ. Съ мужемъ она окончатльно при-

мирилась, преклонялась передъ его гениемъ и смотрѣла на него нѣжными влюбленными глазами.

Въ Жеръ, встрѣчать марсельскихъ гостей, они выѣхали въ прекрасномъ ландо, которое наняли въ Бляндузѣ. Сѣрья, въ яблокахъ, высокія лошади, гривы которыхъ были украшены розами, важно мотали головами, словно размахивая кадиломъ. На дверцахъ ландо сверкали графскія короны, выведенныя золотомъ по черному блестящему фону. Въ этой же каляскѣ ѣздилъ самъ префектъ, когда ему случилось быть въ Эспелункѣ или Бляндузѣ.

Когда поѣздъ подошелъ къ перрону, Монархъ съ букетомъ цвѣтовъ поспѣшилъ навстрѣчу гостямъ. Онъ съ достоинствомъ поцѣловалъ руку дамъ и подалъ ей цвѣты. Эмма, тоже съ достоинствомъ, поцѣловала въ обѣ щеки невѣстку.

— Добро пожаловать! — сказали оба въ одинъ голосъ.

Встрѣча вышла хоть куда, — ни дать, ни звать, встрѣча какой-нибудь владѣтельной княжеской четы. какъ ее обыкновенно изображаютъ въ иллюстрированныхъ журналахъ. Стоявшая въ почтительномъ отдаленіи публика, большей частью изъ добрыхъ пріятелей Монарха, осталась очень довольна: все вышло тонко, изысканно, въ высшей степени прилично.

Опять усѣлись въ ландо, на этотъ разъ вчетверомъ, и сѣрья, въ яблокахъ, лошади снова затопали по дорогѣ, по той самой дорогѣ, по которой нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Монархъ шелъ пѣшкомъ со своей женой, съ тяжелымъ сердцемъ думая о предстоящемъ скандалѣ. Какъ много съ тѣхъ поръ измѣнилось! Все кругомъ дышало довольствомъ, богатствомъ. Такъ хорошо было сидѣть въ этомъ великолѣпномъ ландо, которое, навѣрное, возбуждало зависть въ марсельскихъ гостяхъ.

Стояли первые осенніе дни. Тополи подъ напоромъ легкаго упреннаго вѣтерка роняли на землю золото своихъ листьевъ, которые яркимъ багрянцемъ ложились на придорожную траву и порой осыпали сидящихъ въ ландо.

Не успѣли они отѣхать и полумили, какъ по дорогѣ послышался конскій топотъ. Монархъ сталъ всматриваться, и лицо его просіяло: этого онъ не ожидалъ! Это было внѣ программы. Оказалось, что эспелункская молодежь выѣхала имъ навстрѣчу, чтобы составить почетный эскортъ гостямъ. Они сидѣли верхами на здоровыхъ, широкопрудыхъ рабочихъ лошадахъ, разукрашенныхъ ради такою торжественнаго случая гирляндами бумажныхъ цвѣтовъ и то по одиночкѣ, то залпами стрѣляли въ честь гостей изъ своихъ старыхъ кремневыхъ ружей.

— Да здравствуетъ графъ Боннафу! — кричали они при этомъ.

— Развѣ вы графъ? — взволнованно спросила его золовка.

— Знаете, они ужасно любятъ преувеличивать! — скромно отвѣтилъ онъ. — Такъ, польстить хотятъ. Развѣ имъ это доставляетъ удовольствіе, пусть...

Такого ликования въ Эспелункѣ не было съ того памятнаго дня, когда здѣсь получено было извѣстіе о помилованіи капитана Дрейфуса.

Подъ тѣмъ предлогомъ, что въ домѣ его идетъ теперь капитальный ремонтъ, Монархъ повелѣлъ гостей прямо въ гостиницу при кафэ его пріятеля Мюратона.

— Это фантазія жены, — извинялся онъ. — Она во что бы то ни стало, хотѣла, чтобы все въ домѣ было отдѣлано заново.

Мюратонъ принялъ гостей по царски и накормилъ ихъ великолѣпнымъ обѣдомъ.

— Рекомендую вамъ это вино, — говорилъ онъ, ухаживая за гостями. — Оно изъ погребовъ г-на Боннафу. А какъ вы нашли этого зайца? Не правда ли, недурень? Его подстрѣлили на землѣ г-на Боннафу: эти длинноухіе тамъ здорово откармливаются!

Монархъ сіялъ отъ счастья. Ни одинъ богачъ не могъ бы ждать лучшаго, болѣе сердечнаго пріема. Чувствовалось, что все это отъ чистаго сердца, изъ одной только любви и симпатіи къ нему. Быть можетъ, именно потому, что ему не въ чемъ было завидовать, его искренно любили.

На душѣ у него былъ настоящій праздникъ. Онъ самъ глубоко уважалъ себя: вѣдь никто другой, а именно онъ былъ авторомъ этой великолѣпной сказки. Онъ чувствовалъ себя юбиляромъ, трибуномъ, на котораго съ восторгомъ смотрѣла толпа, театральнымъ королемъ, который срываетъ аплодисменты райка, наконецъ, миллионеромъ, правда, призрачнымъ, но зато, совершенно свободнымъ отъ заботъ, которыя всегда связаны съ богатствомъ.

Какъ это всегда случалось съ Монархомъ, вымыселъ увлекъ его и еще сильнѣе возбудилъ его воображеніе. Ему пришла въ голову новая идея, осуществленіе которой должно было увѣнчать такъ искусно построенное имъ зданіе.

Оставивъ гостей съ женой, онъ отправился къ первому богачу Эспелунка, дѣйствительно богачу, какимъ онъ, Монархъ, былъ только фиктивно.

— Господинъ Ракамонъ, — обратился онъ къ нему, — не согласитесь ли вы дать мнѣ на сегодняшній только день ключи отъ вашей дачи?

Настоящій миллионеръ понялъ своего фиктивного собрата и охотно принялъ участие въ заговорѣ: онъ тоже любилъ красные вымыслы, составляющіе единственную реальную радость нашей печальной юдоли плача. И онъ далъ Монарху ключи.

Тотъ тотчасъ-же вернулся къ гостямъ.

— Если угодно, мы можемъ прогуляться къ моей дачѣ, — предложилъ онъ. — Она находится въ самомъ центрѣ моихъ виноградниковъ.

Свѣже выкрашенный въ свѣтлую краску, съ черепичной крышей, домикъ красиво выдѣлялся на фонѣ виноградныхъ лозъ. У крыльца, съ бѣлыми, веселыми колонками, стояли двѣ высокія пальмы съ огромными лапами-листьями.

Гости Монарха вошли внутрь. Все, что они видѣли, приводило ихъ въ восторгъ. Мебель была покрыта бѣлыми чехлами; въ гостиной стояло дорогое пианино; надъ нимъ висѣли двѣ гравюры: на одной изображенъ былъ охотникъ, помогающій молодой красавицѣ перебраться черезъ ровъ, на другой — парочка, любующаяся полугаемою въ клеткѣ. Въ спальнѣ подъ величественнымъ балдахиномъ стояла монументальная кровать.

Вокругъ дома происходилъ сборъ винограда. Дѣти, дѣвушки, женщины, молодые люди — всѣ съ улыбкой смотрѣли на интриговавшую ихъ группу, ловко собирая въ большія корзины спѣлый, сочный виноградъ. Воздухъ, казалось, пропитанъ былъ запахомъ свѣжаго, только-что взятаго изъ улья, меда.

— И всѣ эти виноградники принадлежатъ вамъ? — спросилъ Монарха пораженный шуринъ.

— На прошлой недѣлѣ выпалъ славный дождикъ, — сказалъ Монархъ, какъ бы не разслышавъ вопроса. — Вино, надо надѣяться, въ этомъ году будетъ хорошее.

* * *

Когда марсельскіе гости, слегка опьянѣвшіе отъ выпитаго вина, солнца и всего видѣннаго ими блеска, снѣдаемые завистью и тому подобными не совсѣмъ христіанскими чувствами, попрощавшись на Жерскомъ вокзалѣ, уѣхали, — Эмма нѣжно обвила руками шею Монарха.

Онъ съ минуту задумчиво смотрѣлъ на западъ, который пышно расцвѣченъ былъ лучами восходящаго солнца. Казалось, онъ хотѣлъ взять у дневнаго свѣтила его аметисты, рубины и топазы, чтобы сдѣлать себѣ изъ нихъ діадему.

— Только въ этомъ и есть настоящая жизнь! — серьезно сказалъ онъ, какъ бы отвѣчая на собственные мечты.

На другое утро, когда онъ и жена его были въ постели, раздакъ стукъ въ дверь. Это былъ почтальонъ.

— Письмо для госпожи Боннафу! — сказалъ онъ.

Онъ ушелъ, а Эмма торопливо разорвала конвертъ и стала читать.

Письмо было отъ брата:

«Мы очень рады, — писалъ онъ, — что ты такъ счастлива, милая сестра моя. Ты теперь ужъ такъ богата, что, конечно, не нуждаешься въ этихъ жалкихъ четырехстахъ франкахъ, которые ты до сихъ поръ ежегодно получала отъ меня; мнѣ же они очень и очень пригодятся. Поэтому я рѣшилъ больше не высылать тебѣ деньги...»

Бѣдная женщина разразилась слезами.

Пьеръ Миль.

Авторизованный переводъ **Н. Тафина.**

Безъ меня растаютъ льдины
На озеръ,
Безъ меня расцвѣтетъ въ паркѣ
Черемуха,
Безъ меня прорвется лазурь
Сквозь облако,
Заблѣютъ звѣзды вътреницѣ
Подъ деревьями,
Безъ меня повѣетъ весною
На родинѣ,
Безъ меня прорастутъ дремавшія
Травы
И набухшія сочныя распустятся
Почки.
Я ужъ годъ ушла изъ дому
Въ утро осеннее.
Безъ меня защебечутъ
Пташки малыя.
Закадятъ въ знойномъ воздухѣ
Липы медвяныя
И стрекозы съ прозрачными крыльями
Синими
Станутъ виться надъ омутомъ
Тинистымъ.
Безъ меня откроются двери
Балконныя
Въ красномъ домѣ высокомъ
И зубчатомъ,
Наводнитъ его солнце слѣпящее
Щедрое,
Но за вѣткой сирени
Протянется
Ужъ чужая рука, а не
Матушки.

В. Аренсъ.

Я — тетива натянутого лука,
Но почему же не летит стрѣла?
Гнететъ меня подавленность и скука
И славы я не поражу орла.

Я — крыльевъ ширь, раскинутыхъ напрасно,
Не полечу, какъ пламенный Икаръ.
Увы! На перьяхъ воскъ, паденіе ужасно,
Безжалостенъ палящій солнца жаръ.

Я — нераскрывшіяся цвѣтокъ лилеи,
Завядшіи раньше, чѣмъ расцвѣсть успѣлъ,
И лепестки лежатъ въ песокъ аллеи,
Но кто оплачетъ грустный мой удѣлъ?
Огонь въ душѣ, а взоръ угрюмый, вялый,
Мечты томятъ и нѣтъ исхода имъ.
На урнѣ мраморной печать—мой ротъ усталый,
И камень стережетъ печальный херувимъ.

Я — все томлюсь, горю и не сгораю.
Какъ кустъ въ огнѣ, что видѣлъ Моисей,
И степь въ душѣ отъ края и до края,
Но для чего, когда я плѣнникъ въ ней?

Я — лишь порывъ застывшаго движенья,
Натянутого лука тетива,
Въ душѣ сокровища. Но гдѣ же достиженья?
Печатью крѣпкою задержаны слова.

В. Аренсъ.

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ВЪ РАЗ- ВИТИИ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Одно изъ наиболѣе прочно укоренившихся возрѣній на черты различія Россіи и Запада заключается въ уничтожающей оцѣнкѣ русскаго церковно-религіознаго быта. Съ одной стороны, указываютъ на тѣсный союзъ церкви и государства въ Россіи и на свободную, якобы, организацію протестантскихъ церквей или на «отдѣленіе церкви отъ государства» на Западѣ; съ другой стороны, западному «евангелизму» противопоставляется господствующее въ Россіи значеніе обряда и связанныхъ съ послѣднимъ вещественныхъ предметовъ культа. На самомъ дѣлѣ, это противопоставленіе является въ корнѣ ошибочнымъ. «Свободныя» протестантскія общины въ Германіи съ самыхъ первыхъ шаговъ являются вѣрными союзниками командующихъ классовъ общества. Съ самаго начала князья присвоили себѣ право назначать пасторовъ; это право сохраняется во многихъ нѣмецкихъ государствахъ и понынѣ, а тамъ, гдѣ допущено избраніе пасторовъ, послѣдніе все же утверждаются правительственной властью. Въ соотвѣтствіи съ этимъ церковная каѳедра въ протестантскихъ общинахъ также съ самаго начала превращена въ политическую каѳедру. Еще Лютеръ громилъ съ нея крестьянъ и рабочихъ во время возстанія 1525 г.; въ новѣйшее время съ церковной каѳедры изобличается социализмъ, а въ богословской литературѣ никто иной, какъ Гарнакъ, доказываетъ, что Иисусъ былъ врагомъ социализма и защитникомъ частной собственности. Таково же положеніе дѣлъ и въ протестантской Англіи: тамъ главою церкви является король, а въ католическихъ странахъ, если и проведено формально отдѣленіе церкви отъ государства, существуютъ чрезвычайно вліятельныя клерикальныя партіи, принадлежащія къ командующимъ классамъ общества и умѣющія обходить неудобный законъ. Различіе между Россіей и Западомъ тутъ не въ существѣ явленія, а въ его формѣ, соотвѣтственно съ тѣмъ, что Россіи еще только предстоитъ пройти черезъ нѣкоторые этапы, уже пройденные странами Западной Европы.

Если въ вопросѣ о подчиненіи церкви государству врядъ ли

могутъ быть большіе споры, то далеко не такъ ясно обстоитъ дѣло съ вопросомъ о различномъ характерѣ русскаго и западнаго религіознаго быта. Но не трудно показать, что и здѣсь не можетъ идти рѣчи о различіи по существу явленія. Тѣ, кто выставляетъ указанную выше противоположность, судятъ либо по очень поверхностнымъ наблюденіямъ, либо приписываютъ возрѣнія интеллигентныхъ верховъ западнаго общества его средней и низшей массѣ. Правда, они оговариваются, что имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, протестантскія страны, и что въ Италіи, въ Испаніи, во Франціи католическое духовенство всемѣрно поддерживаетъ всякаго рода средневѣковыя суевѣрія. Но это послѣднее словечко «суевѣрія» выдаетъ обличителей русской обрядности головой, ибо опять-таки оно показываетъ, что судящій не можетъ вникнуть въ существо явленія, сойти со своего уровня и приблизиться къ уровню народнаго религіознаго міросозерцанія. Съ точки зрѣнія протестантскаго пастора католическая месса, культъ реликвій, поклоненіе Мадоннѣ и сердцу Иисуса являются суевѣріями, какъ съ точки зрѣнія христіанства IV—V вѣка суевѣріемъ былъ «паганизмъ» деревенскихъ медвѣжьихъ угловъ. Но значить ли это, что и протестантскій пасторъ и христіанскій епископъ IV и V вѣка отвергаютъ всякую обрядность? Конечно, нѣтъ. Христіанство на мѣсто старой античной обрядности поставило свою, не менѣе пышную и многообразную; и Лютеръ изгонялъ католическую обрядность и католическія реликвіи только потому, что отдавалъ предпочтеніе обрядности эпохи апостоловъ, въ томъ видѣ, какъ онъ ее себѣ представлялъ. Протестантская конфирмація, протестантская обѣдня суть такіе же обряды, какъ и обряды католической или русской церкви, только ритуаль въ иной, болѣе упрощенный, менѣе дѣйствующій на воображеніе и болѣе разсчитанный на созданіе извѣстнаго настроенія. И существо дѣла совершенно не мѣняется отъ того, что у православнаго въ домѣ виситъ икона, у католика—распятіе, а у протестанта—въ золоченой рамкѣ надпись «Gott, segne mein Haus», съ изображеніями традиціонныхъ ангеловъ.

Съ этой обрядностью мы встрѣчаемся во всѣ критическіе моменты жизни: съ ней мы родимся, вступаемъ въ бракъ, рождаемъ дѣтей и умираемъ. Если многіе исполняютъ эту обрядность лишь въ силу необходимости, то сколько элементовъ ея сохраняется въ интеллигентномъ быту по традиціи? Поминальные и свадебные обѣды, спеціальныя рождественскія, пасхальныя и масленичныя блюда, рождественская елка и троицкая березка—развѣ все это не остатки обрядности, для однихъ только привычныя, а для другихъ и милые, связанныя съ самыми лучшими воспоминаніями о дѣтствѣ и юношествѣ, о близкихъ и друзьяхъ?

Безъ предметовъ культа и обрядности нѣтъ религии; если то и другое выкинуть изъ любой религіозной системы, то дѣло сведется къ личной философской системѣ, ибо *массы* на теоретическихъ умозаключеніяхъ объединить нельзя. А между тѣмъ, одно изъ самыхъ основныхъ признаковъ понятія религіи заключается именно въ томъ, что она есть явленіе *соціальное*. Адепты одного и того же культа связаны другъ съ другомъ: въ культѣ предковъ связана семья или родъ, въ культѣ національныхъ героевъ связано племя, въ культѣ государственнаго божества связаны жители государства. Такова же религія и по своимъ *цѣлямъ*. Ея задачи чисто практическія, говоря узко, даже хозяйственныя. Боги—помощники или враги человѣку, «на всѣхъ путяхъ его»: на охотѣ, на пастбищѣ, на пашнѣ, на полѣ битвы. Всего рѣзче и яснѣе эта черта, конечно, у такъ называемыхъ «первобытныхъ» народовъ; но при всѣхъ модификаціяхъ, которымъ подвергается первоначальный анимизмъ во время дальнѣйшаго развитія, практическій характеръ всякаго культа на всякой ступени развитія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Люди перестали бы призывать боговъ, если бы не ждали отъ нихъ помощи; и если теперь они просятъ послѣдней другими способами, чѣмъ ихъ предки каменнаго или бронзоваго вѣка, то отъ такого измѣненія средствъ цѣль не мѣняется. Вѣдь и у древняго германца съ его мечомъ и горячей смолой и современнаго пруссака съ его 42-сантиметровой мортирой и удушливымъ газомъ цѣль одна и та же: побѣдить своихъ враговъ. Техника мѣняется, задачи остаются прежними. И если въ одной религіи обрядность сохраняетъ много пережитковъ первобытной религіи, а въ другой, сообразно съ требованіями вѣка, она упрощена и болѣе или менѣе рационализована, то и здѣсь сказывается только вліяніе общихъ условій развитія и вѣка. Но и въ культѣ такихъ наиболѣе рационализованныхъ религій мы всегда найдемъ пережитки старой обрядности, быть можетъ, стершіеся, измѣненные и переродившіеся, но тѣмъ не менѣе нпкакимъ рациональнымъ способомъ не объяснимые.

Если обрядность для массы имѣетъ значеніе практическаго средства, средства при этомъ специфически могущественнаго, то для руководителей, для командующихъ слоевъ обрядность, сохраняя при извѣстныхъ условіяхъ все то значеніе, какое она имѣетъ и для массы, пріобрѣтаетъ еще значеніе, какъ орудіе господства, поскольку совершеніе культа или жреческія функціи оказываются въ исключительномъ обладаніи верховъ общества. Церковная община на первыхъ порахъ нерѣдко прямо сливается съ государственной общиной, въ особенности въ эпоху феодализма или городскаго хозяйства. Историческія церкви всѣ являются организаціями господства; онѣ заявляютъ, что

только вѣра и культъ данной церкви суть единныя истинныя средства спасенія. Но бываютъ моменты, когда въ силу глубокихъ соціально-политическихъ измѣненій старое содержаніе вѣры и старыя формы культа должны замѣняться новыми: происходитъ такъ называемая реформація. Она можетъ происходить и сверху, и снизу. Послѣдніе случаи въ особенности часты и полны драматизма. Въ процессѣ классовой борьбы угнетенные встаютъ не только противъ власти, но и противъ вѣры угнетателей; появляются секты—организаціи борьбы, не признаваемые государствомъ и подвергающіяся преслѣдованію. Только по мѣрѣ завоеванія соціальныхъ и политическихъ правъ получаютъ признаніе и такія гонимыя религіозныя организаціи; но тогда онѣ или быстро блѣднѣютъ, сыгравъ свою боевую роль, или постепенно трансформируются также въ организаціи господства.

Эти общія нормы церковно-религіознаго развитія, какъ и общія черты религіознаго быта, совершенно одинаковы и для Россіи, и для Запада, и для всего міра. Всѣ индивидуальныя черты, которыми отличается русская религія и церковь отъ другихъ подобныхъ явленій, зависятъ только отъ индивидуальныхъ особенностей общихъ условій русскаго историческаго процесса. И для Россіи, и для другихъ странъ путь былъ одинъ; но мы шли по нему медленно, съ развальцою въ то время, какъ другіе проходили его, волнуясь и спѣша. Притиснутые къ морю на западѣ, стѣсняемые съ востока Литвою и славянствомъ, западные народы рано начали жить въ тѣснотѣ и рано начали къ ней приспособляться. Интенсификація хозяйства внутри, трудныя, многолѣтнія исканія новыхъ земель во-внѣ—всѣ эти крестовыя походы, океанскія путешествія, колонизаціонныя предпріятія въ экзотическихъ странахъ—вотъ что настойчиво и энергично двигало западную жизнь, выработало организаціонныя и техническія навыки, развило предпримчивость и смѣлость въ исканіи новыхъ путей. А у насъ обширность нетронутыхъ и пустынныхъ колонизаціонныхъ пространствъ на востокѣ, которыя почти не приходилось завоевывать, вліяла задерживающимъ образомъ на развитіе хозяйственной жизни, предпримчивости и техники; едва намѣчалось несоотвѣтствіе между потребностями населенія и средствами, добываемыми при господствѣ данныхъ пріемовъ хозяйства, какъ сейчасъ же оно и выравнивалось посредствомъ простого ухода излишка на востокъ или на югъ, гдѣ переселенцы начинали свою хозяйственную эволюцію чуть ли не съ самаго первобытнаго «начала».

Этотъ процессъ, конечно, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе слабѣетъ, но онъ не завершился еще и понынѣ, и до сихъ поръ есть въ Россіи мѣста, гдѣ мы увидимъ самыя экстенсивныя системы хозяйства, пользующіяся самыми примитивными тех-

ническими средствами. А если даже и в центральной, сравнительно густо-населенной области, соха все еще не оставила поля за плугомъ, то не приходится удивляться, что крестьянинъ хотя бы Рязанской губернии по своей религиозной практикѣ все еще живетъ средневѣковыми попятіями и обрядами. Съ другой стороны, эта незаконченность хозяйственнаго развитія, status nascendi капитализма, обостряя до небывалыхъ размѣровъ классовую борьбу, создаетъ почву для появленія многочисленныхъ сектъ, организацій борьбы. Иностранецъ, изучая русское сектантство, изумляется русскому религиозному духу и его крайностямъ; но аналогичныя эпохи на западѣ XV, XVI и отчасти XVII вѣка, были не менѣе, если не болѣе, богаты сектантскими новообразованиями, иной разъ какъ двѣ капли воды похожими на русскія секты. Теперь западно-европейское сектантство стало мирнымъ явленіемъ, удѣломъ мѣщанства и, отчасти, крестьянства; рабочи пошелъ другою дорогою. Но и у насъ уже отцвѣли многія секты, и придетъ время, когда и у насъ секты вообще, какъ боевыя организаціи, стануть достояніемъ исторіи.

Вліяніе указанныхъ характерныхъ особенностей общаго русскаго историческаго развитія въ процессѣ развитія народной религіи и церкви въ Россіи совершенно не учитывается въ такъ называемой специальной литературѣ. И это вполне понятно: не только богословъ, но и либеральный историкъ стоятъ въ вопросахъ исторіи религіи на чисто идеалистической позиціи, провозглашаютъ, что тутъ идетъ дѣло объ исторіи духа, величинѣ ирраціональной, не укладывающейся въ обычныя нормы научнаго историческаго изслѣдованія. Между тѣмъ, уже самъ по себѣ матеріаль, привлекаемый при историко-религиозныхъ изслѣдованіяхъ, громко воніетъ противъ такой оцѣнки. Рассказы Кіево-Печерскаго Патерика,—это цѣлая эпопея борьбы съ бѣсами; житія святыхъ XIII и XIV вѣковъ — лѣтопись колонизаціи; полемическая монастырская литература XV—XVI вѣковъ трактуетъ вопросы о церковномъ и монастырскомъ землевладѣніи и другіе соціально-политическіе вопросы этой эпохи; великій расколъ XVII вѣка есть споръ не о догмѣ, а объ обрядѣ, наконецъ, Духовный Регламентъ есть актъ государственнаго управленія. Мы не говоримъ уже о церковно-юридическихъ документахъ, жалованныхъ грамотахъ, порядныхъ записяхъ и прочихъ памятникахъ церковнаго быта русскаго средневѣковья. Изъ всѣхъ этихъ документовъ можно, конечно, искусственно вырвать одну идеологію и поставить ее на трансцендентное основаніе—вѣдь для всякой идеологіи, какъ согласится и всякій «историкъ духа», какое-нибудь основаніе необходимо. Но въ результатѣ такого приѣма получится только логическое построеніе, но не историческое изслѣдованіе.

Поскольку послѣднее можетъ претендовать по отношенію

къ исторіи русской религіи и церкви на болѣе или менѣе прочные выводы, оно даетъ намъ такую картину. Первобытная религія русскихъ славянъ, до объявленія христіанства господствующей официальной религіей, ничѣмъ не отличалась по существу отъ первобытныхъ вѣрованій всякаго другого народа. Вещественные памятники могильниковъ и цѣлый рядъ прочно сохраняющихся пережитковъ въ народной обрядности свидѣтельствуютъ объ обычномъ для такой ступени развитія представленіи о загробной жизни, какъ прямомъ продолженіи земной, о культѣ предковъ и духовъ, о заговорахъ и заклинаніяхъ, какъ главныхъ средствахъ ладить съ духами или бороться съ ними. Наши поминки, связанныя въ крестьянскомъ быту съ основными моментами хозяйственной жизни (Масленица, Красная Горка, осенняя родительская суббота и т. д.), есть живой остатокъ этой анимистической старины; а въ глухихъ углахъ Бѣлоруссіи еще какихъ-нибудь 40—50 лѣтъ тому назадъ этнографы нашли похоронные и поминальные обряды, почти не подвергшіеся дѣйствию всеизмѣняющаго времени. Въ связи съ культомъ духовъ и предковъ мы наблюдаемъ у древнихъ славянъ и фетишизмъ и тотемизмъ—культъ деревьевъ и животныхъ; послѣдній, впрочемъ, рано поблѣднѣлъ и стушевался въ переживаніяхъ и въ народной словесности. На древнеславянскую религію нельзя смотрѣть, какъ на религію силъ природы, что до сихъ поръ перѣдко позволяютъ себѣ даже крупные русскіе историки.

Культы Перуна, Дажьбога, Стрибога, Сварога, Велеса, насколько можно судить по отрывочнымъ даннымъ лѣтописи, не были народными культурами; повидимому, это были городскіе культы, которые должны были еще укрѣпиться, прежде чѣмъ стать обязательными для подчиненныхъ городамъ народныхъ массъ. Но раньше, чѣмъ такое укрѣпленіе произошло, въ рукахъ городскихъ князей оказалось лучшее и болѣе сильное орудіе: византійское христіанство. Оно дало готовую законченную организацію культа и клира, передъ которой городскіе культы почти повсюду отступили безъ боя; только въ древнѣйшемъ городскомъ центрѣ, въ Новгородѣ, пришлось вводить новую вѣру силой. Утвердившись въ городахъ, христіанство быстро и безъ труда одолѣло деревню. Оно не вступало въ борьбу съ анимизмомъ, но попросту признало его, какъ раньше принуждено было признать его и на своей родинѣ; оно только замѣнило прежнихъ «волхвей» христіанскимъ клиромъ, преимущественно, монашескимъ, который взялъ на себя борьбу съ «бѣсами». Что эта послѣдняя была задачей сельскаго клира (да и не одного сельскаго), еще въ XVII вѣкѣ объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ автобіографія Аввакума, который всю жизнь «бился съ бѣсами, что съ собаками». Правда, подальше отъ Кіева, гдѣ-нибудь въ Залѣсѣ, населеніе не сразу оказало довѣріе новому клиру

и вступалось иной разъ за своихъ прежнихъ волхвовой. Но въ качествѣ официального учрежденія мы не встрѣтимъ волхвовой уже нигдѣ въ XII вѣкѣ; непрофессиональныхъ же борцовъ съ бѣсами, вродѣ безчисленныхъ колдуновъ, колдуній и юродивыхъ, перковь не можетъ искоренить до сего дня. Надо, впрочемъ, сказать, что она и не такъ усердно боролась съ ними, какъ католическая церковь на Западѣ, и бывали случаи, что юродивые признавались особыми сосудами благодати не только въ народной массѣ, но и на верхахъ, напр., юродивыхъ весьма уважалъ самъ патріархъ Никонъ, нѣкоторые князья и цари.

Изъ такого отношенія христіанскаго клира къ народной религіи и родилось пресловутое русское «двоевѣріе». Оно, въ сущности, не вполне заслуживаетъ такого громкаго названія: дѣло тутъ вовсе не въ *теоріи вѣроученія*, а въ *практикѣ культа*. Христіанскій клиръ отнесся къ необходимости «научить вѣрѣ», т.-е. Никейско-Александрійскому символу и его богословскому истолкованію, чисто формально, даже, можетъ быть, невнимательно, и всю заботу перенесъ на область культа. Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно характеристичны нѣкоторыя черточки сказаній объ обращеніи Владиміра, занесенныя въ лѣтопись заботливою и любовною рукою монаха-лѣтописца. Послы Владиміра поѣхали, по его порученію, узнать, каковы другія вѣры; но вмѣсто того, чтобы погрузиться въ богословскія изысканія, они прежде всего смотрятъ, какъ кто *молится богу*: будучи у св. Софіи, они не знали, на небѣ они или на землѣ, и отдали пальму первенства византійскому православію.

«Вѣра» настолько сливалась (и до сихъ поръ сливается) съ обрядностью, что Стоглавый Соборъ въ половинѣ XVI вѣка, говоря о «догматахъ премудрыхъ», называетъ этимъ именемъ обряды троеперстія, чина литургіи и др., а невѣжество въ области теоретическаго богословія еще въ XVII вѣкѣ простиралось настолько, что одинъ монахъ считалъ четвертымъ (!) лицомъ Троицы Николучудотворца. Такимъ образомъ, вѣра, понимая подъ нею опредѣленную систему религіознаго міросозерцанія, и послѣ принятія христіанства въ народной массѣ осталась прежнею, только перемѣнила терминологию и номенклатуру. Культъ измѣнился, или, лучше сказать, расширился: христіанское богослуженіе, христіанскіе предметы культа были новымъ богатымъ источникомъ практики культа, и съ этимъ потокомъ слились, но не растворились въ немъ, старые приемы и моменты культа. «Двоевѣріе» есть смѣшеніе культовъ, но не теоретическихъ системъ; послѣднее, конечно, изрѣдка встрѣчалось, но не въ народѣ, а среди ученыхъ клириковъ.

Занявъ прочную позицію среди народной массы, христіанскія церковныя организациі въ то же время неразрывно связали себя съ верхами тогдашняго общества, а чрезъ нихъ со

всей тогдашней социально-политической жизнью. Для города Кіевской Руси жизненнымъ нервомъ была торговля съ Византіей; по отношенію къ этой послѣдней новая церковная организація заняла совершенно опредѣленное положеніе. Русскіи князь той эпохи и его дружина до извѣстной степени были торговыми агентами для Византіи и, главнымъ образомъ, для ея придворныхъ и церковныхъ круговъ, тѣсно соприкасавшихся и даже сливавшихся другъ съ другомъ: потребителями восковыхъ свѣчей, приготовлявшихся изъ русскаго воска, мѣховыхъ одеждъ, медовыхъ напитковъ были почти исключительно дворъ и церковь. Византійское духовенство, явившееся на Днѣпрѣ вслѣдъ за крещеніемъ Владиміра, сейчасъ же примѣнило церковную организацію для хозяйственной эксплуатаціи населенія и занятыхъ имъ мѣстностей. Монастыри, основанные византійцами, были пожалованы большими землями; управление этими землями и сидѣвшими на нихъ людьми, строилось по греческому Номоканону, который и пересадилъ на Днѣпрѣ формы зависимаго труда, господствовавшего въ Византіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ духовенство не забывало тѣхъ, кто былъ и оставался господами въ Кіевской Руси. Въ монашескую братію охотно принимались бояре и князья; богослужебныя формулы и проповѣди напоминали постоянно о богоустановленности всяческой власти и о заповѣди послушанія. Можно сказать, что при посредствѣ византійской миссіи X—XI вѣковъ готовилось превращеніе Днѣпровской Руси въ такую же византійскую колонію, какими для Европы становятся на нашихъ глазахъ, также при усиленномъ содѣйствіи европейскихъ миссіонеровъ, отсталыя азіатскія и африканскія страны. Если это превращеніе не произошло на самомъ дѣлѣ, то тутъ виною оказались обстоятельства, лежавшія внѣ воли византійцевъ и приведшія въ XIII вѣкѣ къ разоренію Кіевской Руси.

Съ XIII вѣка на мѣсто разоренныхъ днѣпровскихъ княжествъ выдвигаются княжества средневожскаго и окскаго районовъ, возникшія путемъ колонизаціи съ Днѣпра и, отчасти, изъ Новгорода. Въ Залѣсѣ, какъ звали указанный районъ кіевляне въ XII вѣкѣ, условія были въ значительной степени иныя. Строй жизни и отношеній пріобрѣлъ феодальный характеръ, быть можетъ, не такой классическій, какъ на французской почвѣ, но достаточно ясно выраженный даже въ деталяхъ. Всѣ особенности феодальнаго строя сейчасъ же нашли себѣ отраженіе въ религіи и въ церковномъ устройствѣ. Хозяйственныя условія жизни низовъ остались безъ измѣненія, а потому не измѣнился нисколько и анимистическій тонъ народнаго міровоззрѣнія. Но вмѣстѣ съ образованіемъ и упроченіемъ отдѣльныхъ хозяйственно-политическихъ единицъ, на которыя дробится всякій феодальный міръ, въ междурѣчьи Оки и Волги

завершился тотъ процессъ созданія мѣстныхъ культовъ, который былъ оборванъ въ Днѣпровской Руси насажденіемъ христіанства. XII—XIV вѣка—эпоха господства мѣстныхъ культовъ и раздробленности церковной организаци.

Въ области народной религии достаточно указать нѣсколько штриховъ. Изъ христіанскихъ новшествъ лучше всего привилось поклоненіе иконамъ и ношеніе натѣльныхъ крестовъ и наузовъ (навязей). У каждаго въ домѣ своя икона, въ церкви каждый молится передъ своей иконой, и если случается какое-либо несчастье, то къ иконѣ обращаются съ упреками: «я тебѣ молюсь, а ты меня отъ воровъ не оберегаешь». Натѣльные кресты и наузы употреблялись не въ качествѣ символовъ принадлежности къ христіанской религии, а въ качествѣ амулетовъ, отгоняющихъ бѣса: «боится бѣсъ креста Господня», говорилъ еще Аввакумъ. Наузы, теперь почти вышедшіе изъ употребленія, представляли изъ себя маленькіе складни, или иконки съ ушкомъ, въ которое продѣвалась нитка; на ихъ лицевой сторонѣ изображались святыя и ангелы, специально помогавшіе отъ болѣзней: Богородица, архангелъ Михаилъ, Ѳеодоръ Тиронъ, а на обратной—фантастическіе образы бѣсовъ болѣзней. Рядомъ съ примѣненіемъ новыхъ святынь къ старымъ воззрѣніямъ живутъ и старыя святыни: мы слышимъ жалобы изъ XIII и XIV вѣковъ на то, что народъ «творитъ требы» «камню да березѣ», «студенцамъ» (родникамъ) и рѣкамъ варить кашу «на собраніе рожаницамъ», что сохраняется «лесть идольская и празднованіе кумирное» и «святая (sic!) Купальская ночь» съ ея вакхическими обрядами. И мы впали бы въ очень большую ошибку, если бы предположили, что описанный кругъ вѣрованій былъ исключительно принадлежностью крестьянства. Конечно, монахи, бояре и князья «лести идольской» не предавались и ея служителей звали «мужиками и бабами богомерзкими-идоломолицами»; но сила иконъ, крестовъ, наузовъ и магическое дѣйствіе обрядовъ были и для командующихъ классовъ центромъ религии, а въ крайнихъ случаяхъ даже князья не брезговали помощью и «бабъ-богомерзкихъ». И въ то же время въ самомъ центрѣ политической жизни въ Москвѣ, на Ивановской площади, еще въ XVII вѣкѣ была церковь во имя св. Христофора, въ которой была икона этого святого съ песьей головой...

Феодальные господа выдвинули, однако, и нѣчто новое, именно, указанные выше мѣстные культы. Каждый отдѣльный феодальный міръ имѣлъ своего патрона, въ лицѣ святого, или, точнѣе, его мощей, или чудотворной иконы. По признанію даже профессиональныхъ богослововъ, число святынь, одинаково почитавшихся во всей русской церкви, до XIV вѣка было крайне незначительно; мы бы сказали, что такими были только Богородица, архангелъ Михаилъ, да Николай-чудотворецъ,—да и то по-

читавшіеся въ каждой мѣстности въ лицѣ ихъ особыхъ мѣстныхъ иконъ или рѣзныхъ изображеній. Въ XII—XIV вѣкѣ «каждо страна и градъ блажить и славить и похваляетъ своихъ чудотворцевъ», которые «сохраняють» свою «отчизну». Святой чужого города или области не только не почитался у сосѣдей, но нерѣдко ставился на одну доску съ бѣсами; и сообразно съ этимъ, мы находимъ вѣрованіе, что мѣстный святой помогаетъ только своимъ, а чужимъ чинить «досажденія».

Эти вѣрованія вырастали пышнымъ цвѣтомъ на почвѣ феодальной раздробленности. Въ соотвѣтствіи съ этой послѣдней мы не найдемъ въ описываемую эпоху и *единой церкви* на Руси, въ смыслѣ единой церковной организаціи. Правда, есть русскій митрополитъ, живущій сначала во Владимірѣ, а потомъ въ Москвѣ; но до установленія гегемоніи московскаго князя его власть въ церкви—простая фикція. Монастыри и церкви находятся прежде всего «подъ державой» того или другого князя, подобно боярамъ могутъ мѣнять «державу», получаютъ иммунитеты (жалованныя грамоты), всячески стараются набрать побольше крестьянъ и вотчинъ. Ихъ зависимость отъ архіереевъ выражается прежде всего и почти исключительно въ обязанности уплачивать архіерею условенныя пошлины; въ свою очередь, «управленіе» какъ всею церковью, такъ и отдѣльными церковными мірами, сводится къ эксплуатаціи крестьянскаго труда и къ собирацію всякаго рода доходовъ. До середины XVI вѣка мы рѣдко встрѣчаемъ документы, касающіеся церкви и въ то же время говорящіе о «духовныхъ» дѣлахъ, какія по идеѣ должны бы составлять главную функцію церковнаго управленія. Порядныя грамоты съ крестьянами, жалованныя грамоты князей, завѣщанія и вкладныя записи бояръ, синодики, въ которые записываются «по ряду» имена покойниковъ для поминанія за церковными службами—вотъ что осталось, главнымъ образомъ, отъ церковныхъ и монастырскихъ дѣлъ XIII—XV вѣковъ. Церковь волновалась не столько спорами объ ересяхъ или о вѣрѣ, сколько спорами о «стяжаніи» или «нестяжаніи» монахами земельныхъ имуществъ, о привилегіяхъ монастырскихъ слобожанъ и т. д. Картина была бы не полна, если бы мы не указали и на крупнаго духовнаго сеньора, какимъ былъ новгородскій архіепископъ. Подъ его властью находились обширныя земли и другія доходныя статьи, управленіе которыми было построено на бенефициальной системѣ и осуществлялось черезъ «софіяны» или «владычныхъ дворянъ», раздѣлявшихся на ряды и получавшихъ соотвѣтственно разряду то или иное кормленіе или придворную должность; со своихъ земель новгородскій архіепископъ обязанъ былъ выставлять особый полкъ—«владычній стягъ», подъ начальствомъ особаго воеводы, подчинявша-

гося даже во время военных дѣйствій не новгородскому князю, а владыкѣ. Такимъ образомъ, въ социальномъ отношеніи этотъ укладъ русскаго церковно-юридическаго и хозяйственнаго быта представляетъ полную параллель западно-европейскимъ феодальнымъ формамъ церковнаго быта. То же самое мы увидимъ и въ области вѣрованій: средневѣковыя лѣтописи и житія полны анимистическихъ пережитковъ, борьбы съ бѣсами, прославленіемъ мѣстныхъ культовъ.

Параллельно съ процессомъ сліянія отдѣльныхъ феодальныхъ хозяйствъ въ одинъ народно-хозяйственный организмъ (что обычно называется уничтоженіемъ удѣловъ и образованіемъ Московскаго государства) шла централизація церковнаго управления и культа. Въ процессѣ этой централизаціи можно отмѣтить два теченія. Съ одной стороны, разрушая самую основу удѣльнаго феодализма, вотчинное землевладѣніе, московское правительство конца XV вѣка пробовало провести секуляризацію церковныхъ имуществъ; споръ осифлянъ и заволжскихъ старцевъ по поводу этого проекта широко извѣстенъ, хотя, главнымъ образомъ, со стороны идейныхъ позицій спорящихъ сторонъ. Эта радикальная попытка не увѣнчалась успѣхомъ, въ противоположность нѣкоторымъ странамъ западной Европы, гдѣ секуляризація была облегчена тѣмъ обстоятельствомъ, что національную церковь приходилось отрывать отъ итальянской папской куріи; тѣмъ не менѣе московскимъ церковнымъ учрежденіямъ пришлось поступиться цѣлымъ рядомъ своихъ имуществъ и согласиться на значительныя ограниченія прироста своихъ владѣній въ будущемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ борьбѣ съ удѣльнымъ феодализмомъ церковь стала на сторону сильнѣйшаго и сдѣлалась усерднымъ помощникомъ и вѣрнымъ слугою московскаго князя. Отдѣльные церковные міры замѣнились постепенно національной русской церковью, глава которой, сначала московскій митрополитъ, а потомъ московскій патріархъ, назначался московскимъ княземъ. Съ половины XV до половины XVI вѣка идетъ эпоха церковныхъ соборовъ; на этихъ соборахъ объединяющаяся церковь опредѣляетъ себя, свою вѣру и свой культъ. Еще ранѣе, по мѣрѣ подчиненія подъ державу московскаго князя отдѣльныхъ княжествъ и городовъ, процессъ этотъ неизмѣнно сопровождался перенесеніемъ мѣстныхъ святынь въ московскій Успенскій соборъ, который сталъ въ это время чѣмъ-то подобнымъ римскому Пантеону. Въ Успенскій соборъ перешла и главная святыня Владиміра—икона Владимірской Богоматери, икона Спаса Нерукотворнаго изъ Новгорода, икона Одигитріи изъ Смоленска и т. д. На соборахъ 1547 и 1549 г.г. произошло другое знаменательное событіе: были канонизованы всѣ наиболѣе крупныя мѣстные святыя, покровители отдѣльныхъ областей. Соборъ

1550 г., такъ наз. Стоглавый Соборъ, положилъ начало официальной идеологии московской церкви, установивъ ея догматы. Послѣ всего сказаннаго мы не удивимся, когда узнаемъ, что въ постановленіяхъ Стоглава нѣтъ и помину о Никейскомъ символѣ, но что въ рангъ «премудрыхъ догматовъ» возведены обряды, которымъ придавалась особенно магическая сила: пѣніе «аллилуи» дважды, двуперстное крестное знаменіе, хожденіе крестныхъ ходовъ посолонь, пошеніе бороды, какъ признака образа Божія. Определенный чинъ каждаго «премудраго» обряда устанавливался строго и неизмѣнно съ угрозами отступникамъ церковнымъ проклятіемъ («иже не знаменуется двѣма персти, якоже и Христось, да есть проклятъ»): соборъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что всякое дѣйствіе культа достигаетъ цѣли только тогда, когда будетъ совершено не какъ-нибудь, а по богоустановленному ритуалу. Смута начала XVII вѣка, послѣдняя судорожная попытка феодальной реакціи, на время прервала этотъ ходъ преобразования культа и церкви. Но что процессъ безповоротно направился въ сторону огосударствленія церкви, объ этомъ свидѣтельствуетъ сейчасъ же послѣ смуты хотя бы такое явленіе, какъ фактическое совмѣщеніе сана царя и патріарха въ лицѣ Филарета, отца официального царя Михаила.

Завершеніе процесса, однако, не прошло безболѣзненно, но привело къ такъ называемому расколу. Это—событіе чрезвычайно многогранное, достаточно извѣстное всякому и по наслышкѣ, и по школьному преподаванію. Но, къ сожалѣнію, «извѣстность» здѣсь такого рода, что смыслъ и перспектива всего явленія совершенно извращены, и при томъ окутаны всякаго рода привходящими элементами. Какъ всегда бываетъ при изслѣдованіи критическихъ моментовъ въ исторіи, къ спокойной оцѣнкѣ примѣшивается публицистическій задоръ: побѣдители и побѣжденные выискиваютъ аргументы и изъ дѣйствительно происшедшихъ событій, и изъ событій сомнительныхъ, вырываютъ изъ контекста отдѣльныя фразы и даютъ имъ произвольныя истолкованія; и такъ какъ борьба, начавшись въ серединѣ XVII вѣка, не закончилась и до сихъ поръ, то въ произведеніяхъ той и другой стороны само собою скрадывается все то, что было до XVII вѣка, и выдвигается то, что было создано впослѣдствіи, условіями и событіями XVIII и XIX вв. «Окружное посланіе» 1862 года и челобитныя пятидесятихъ годовъ XVII вѣка были написаны представителями формально одной и той же вѣры; но какая глубокая пропасть между установленіемъ основной причины раскола здѣсь и тамъ!

Между тѣмъ, расколъ невозможно понять, не учитываяъ самыхъ основъ старой вѣры, какъ она сложилась, и не принимая во вниманіе классовой борьбы XVII вѣка. Вопросъ о реформѣ церковнаго чина, послужившій внѣшнимъ поводомъ

для раскола, даль, поэтому, совершенно неожиданныя послѣдствія. Онъ поставилъ подъ знамя «старой вѣры» всѣ оппозиціонные элементы московскаго общества XVII вѣка, но каждая оппозиціонная среда преломляла этотъ лозунгъ по своему, влагала въ него свое содержаніе, съ преобладаніемъ тѣхъ или иныхъ элементовъ старой вѣры. Боярство хваталось за это знамя, какъ за средство еще разъ поднять низы противъ дворянскаго государства; купечество использовало старую вѣру для созданія могучей организациі первоначальнаго капиталистическаго накопленія; крестьянство подъ флагомъ старой вѣры вело стихійную колонизацію сѣвера и востока. Столь же различна была и идеологія. Боярство ею интересовалось мало, какъ мало интересовалось ранѣе дѣйствительнымъ происхожденіемъ названнаго Димитрія—не все ли равно, какого завода орудіе, лишь бы мѣтко било въ цѣль. Посадскіе люди твердо держались національной вѣры, какъ она была установлена Стоглавымъ соборомъ и примѣромъ «чудотворцевъ», а крестьянство, расплываясь и возвращаясь въ бѣгахъ къ примитивной хозяйственной организациі, возвращалось почти къ чистому анимизму IX—X вѣковъ.

Но, конечно, прежде всего расколъ коснулся клириковъ; въ ихъ же средѣ зародилась впервые и мысль о церковной реформѣ, которая повела къ такому глубокому потрясенію. Тутъ мы находимъ нѣкоторые сходные моменты съ западными реформаціонными теченіями, и именно въ ихъ социальной основѣ. Какъ на Западѣ, такъ и у насъ реформаціонное теченіе зарождается прежде всего въ городскихъ кругахъ, въ средѣ городского приходскаго клира, поддерживаемаго своими прихожанами; какъ на Западѣ, такъ и у насъ исходнымъ пунктомъ является протестъ противъ епископата, который прежде всего и почти исключительно заботится о своихъ доходахъ, ничего не дѣлаетъ для той высокой мисси, къ которой онъ призванъ, и развращаетъ своимъ примѣромъ низшій клиръ: «радуются архіереи, одѣющіеся въ брачныя пѣтныя одѣянія, яко женихи, рясами разнополыми, рукавы широкими, клобуки рогатыми... скипетры въ рукахъ позлащени имуще, воцаритися надъ людьми хотяще... Таковіи суть нынѣ законоучители: блазнители и прелестницы». Поборы епископовъ и патріарха были настолько тяжки, что ихъ, не обинуясь, назвали «волками насытыми»; новый окладъ, введенный Никономъ въ его области, былъ такой огромный, что «татарскимъ абызамъ жить гораздо лучше».

Пастыри церкви характеризуются, какъ «именемъ пастыри, а дѣломъ волцы, только нареченіемъ и образомъ учителя, а произволеніемъ тяжцы мучители»; не только бѣлое духовенство, но и монахи «любятъ серебро и злато и украшеніе келейное, имѣютъ влагалища исполнена лишнихъ одеждъ, тщатся

притяжати большая стяжанія, и тѣмъ желаютъ мірскія любве достигнуть». Такіе іерархи «къ подвластнымъ звѣрообразни являются сурови и мстиви томители, и святыхъ обителей ограбители». Примѣромъ высшихъ развращенъ и низній клиръ: священники совершаютъ службы «омраченные пѣанствомъ», не читаютъ поученіи, поютъ и читаютъ заразъ въ пять-шесть голосовъ, чтобы скорѣе отбыть службы. Требования реформы начались еще при Михаилѣ Федоровичѣ, когда въ 1636 г. патріарху Іоасафу была подана челобитная девяти нижегородскихъ поповъ. «Учини государь,—писали челобитчики,—свои святительскіи указъ, чтобы по преданію св. апостолъ и святыхъ истинно славился Богъ, и до конца бы церкви божіи въ лѣности и въ небреженіи не разорились, и намъ бы въ неисправленіи и въ скудости вѣры до конца не погибнути; и вели, государь, на тѣ дѣла о церковномъ исправленіи какъ пѣти часы и вечерни въ постъ великій и о мятежѣ церковномъ... дати свои государевы святительскія грамоты». Реформа церкви представлялась по обычному для реформаціонныхъ движеній образцу: церковью должны управлять не духовные феодалы, но соборъ: «быти собору истинному», состоящему не только изъ духовныхъ лицъ, но и мірянъ, и не по назначенію царя, но по выбору.

Реформа церковнаго быта должна была сопровождаться нравственнымъ подъемомъ. Священники и діаконъ должны сдѣлаться «непорочными, трезвыми, цѣломудренными, благоговѣйными, честными, страннолюбивыми, учительными, не пьяницами, не убійцами, не сварливыми» и тому же должны учить своихъ духовныхъ дѣтей, памятуя, что съ грѣшниками, виновными въ блудѣ, пьянствѣ, хулѣ, убійствѣ «не повелѣно ни пити, ни ясти».

Сходство съ западными движеніями разительное, даже въ мелкихъ отклоненіяхъ отъ этого общаго типа: какъ Лютеръ, думая, что церковь не можетъ сама себя исправить, призывалъ къ ея исправленію князей, такъ и нижегородскіе попы въ 1636 году подають челобитную объ исправленіи церкви царю Михаилу. Но какимъ же образомъ, при всѣхъ одинаковыхъ предпосылкахъ, на Западѣ реформація привела къ установленію новой вѣры, а у насъ превратилась въ защиту старой вѣры? Почему, напримѣръ, англійское пуританство, также боровшееся съ официальной королевской церковью, какъ можно рѣзче хотѣло отмежеваться отъ стараго католическаго быта и боролось противъ всѣхъ его остатковъ въ англиканствѣ, а русское старообрядчество, напротивъ, всѣми силами цѣплялось за старый обрядъ и отвергало новыя исправленія? Какъ разрѣшить это противорѣчіе? Тутъ мы подходимъ какъ будто къ неприступной позиціи нашихъ самобытниковъ. Наперекоръ всѣмъ «законамъ исторіи» одинаковыя причины дали у насъ и на Западѣ какъ

будто совершенно различныя послѣдствія. На самомъ дѣлѣ, противорѣчіе тутъ только кажущееся; это вскроется сейчасъ же, какъ только мы сдѣлаемъ хотя бы краткій обзоръ эпохи.

Реформаціонное движеніе снизу встрѣтилось съ реформацией сверху. Московскій кружокъ ревнителей, состоявшій подъ руководствомъ царскаго духовника, Степана Вонифатьева, думалъ, что царь стоитъ всецѣло за реформу въ томъ духѣ, въ какомъ она была намѣчена городскимъ клиромъ. Но царь, ничего не имѣвшій противъ исправленія церковнаго чина, думалъ и объ этомъ послѣднемъ, и тѣмъ болѣе о реформѣ церковной организациі совершенно иначе, чѣмъ кружокъ ревнителей.

Для приказно-бюрократическаго государства, какимъ неминуемо становилось московское государство, реформа церкви могла идти только въ одномъ направленіи: въ закрѣпленіи за царемъ, а не за соборомъ, руководящаго вліянія въ церкви, въ проведеніи и въ церковномъ управленіи того же начала іерархическаго назначенія и единоличнаго управленія, какое постепенно утверждалось въ приказахъ и воеводствахъ. Выражаясь иначе, по плану ревнителей, церковь должна была стать въ государственствѣ особой автономной корпораціей, а по тенденціямъ правительства—частью общей государственной машины. Такое же разногласіе оказалось и по вопросу о реформѣ культа. Ревнители не посягали нисколько на установившуюся традицію культа, болѣе того, русская традиція казалась имъ единой истинной и спасительной, въ особенности послѣ постановленій Стоглаваго собора. Они хотѣли исправить только техническіе недочеты: многогласіе, спѣшку въ богослуженіи, нелѣпыя ошибки въ богослужебныхъ книгахъ, но все лишь для того, чтобы очистить и сдѣлать еще болѣе дѣйствительной существующую практику культа. Правительство отчасти безсознательно, отчасти сознательно, было въ этомъ вопросѣ гораздо смѣлѣе, но не потому, чтобы оно *принципіально* стояло на другой точкѣ зрѣнія. Нѣтъ, и для него обрядъ, а не евангельская или патристическая теорія былъ краеугольнымъ камнемъ религіи, и для него угодить Богу казалось возможнымъ только путемъ *благочестія*. Но оно, въ лицѣ царя, а потомъ и его креатуры, Никона, находило, что истинный богоугодный обрядъ надо искать тамъ же, откуда пришло на Русь православіе—у грековъ. Трудно сказать, почему въ данномъ случаѣ правительство оказалось такимъ «ненаціональнымъ»—быть можетъ, въ силу установившейся уже съ XV вѣка традиціи перенимать всѣ дворцовыя новшества изъ Византіи, быть можетъ, въ силу безсознательнаго чутья, что, преобразовывая въ своихъ видахъ церковную организацию, нельзя оставить сросшуюся со старой организацией обрядность. Ученые доводы, которые приводились въ пользу приоритета греческой обрядности, были очень много-

исленны, но они насъ здѣсь мало интересуютъ: какъ всякая ученая аргументація соціальной перемѣны, они набирались и подбирались по ходу событія, повинуваясь имъ, но не повелѣвая ими. Когда, послѣ назначенія патріархомъ Никона, сразу обнаружилось, что, вмѣсто соборнаго начала, церковь попала подъ грозное начало «папы», вздумавшаго тягаться даже съ царемъ, а вмѣсто исправленія и очищенія русскаго обряда «старой вѣры», вводится «новая незнамая вѣра» въ видѣ греческаго чина, успѣвшаго послѣ 988 г. измѣниться во многомъ до неузнаваемости, прежніе союзники сейчасъ же стали врагами. Обоюдная ошибка обнаружилась, и закипѣла борьба. На сторонѣ ревнителей оказалось посадское купечество, за сельскимъ полубезграмотнымъ клиромъ, который фактически не могъ переучиться, пошло крестьянство, въ мутной водѣ подняли голову бояре.

Купечество вмѣстѣ съ клиромъ стало не просто за старую, но за русскую вѣру. Въ тяжелой борьбѣ съ иностраннымъ торговымъ капиталомъ, которому протянуло свою дружескую руку московское правительство, купечество выкинуло знамя націонализма и въ вѣрѣ, искренне повѣривъ, что подружившееся съ «нѣмцами» правительство совратилось и въ религіи съ истиннаго пути и требуетъ теперь отъ всѣхъ принятія «новой незнамой вѣры», пропитанной насквозь «лютерскою», кальвинскою, латинскою и чуть ли не махмуткиной ересью. Национальный лозунгъ нашель себѣ откликъ и въ средѣ реакціоннаго боярства; но если для купечества знамя старой вѣры было орудіемъ утвержденія русскаго торговаго капитала въ противоположность иностранному, то для боярства старая вѣра была рычагомъ, которымъ оно мечтало повернуть вспять колесо исторіи къ удѣльному феодализму.

Однако на сторонѣ правительства оказался епископатъ и матеріальная сила. Никонъ, проводившій царскую реформу, но вздумавшій было играть въ «папу», былъ смѣщенъ—царь одержалъ побѣду надъ главою церкви, и епископатъ поспѣшилъ подчиниться. Ревнители и остальные клирики, не хотѣвшіе принять греческаго «единообразія», были смѣщены и замѣнены новыми, ставленниками дворянскаго правительства. Старообрядцы были прокляты, вожаки ихъ казнены. Въ отвѣтъ, они провозгласили царя и патріарха антихристомъ, а себя—гонимымъ «Новымъ Израилемъ»; съ никоніанами они порвали всякое общеніе, дабы не оскверняться, но соблюсти *чистоту* своей вѣры.

И вотъ, передъ нами чисто пуританская терминологія! Все противорѣчіе сводится только къ тому, что въ средневѣковой Европѣ повсюду была одна общая обрядность, регламентированная изъ Рима; и когда противъ феодальной *римской* церкви начался протестъ, то, разрушая римскую церковную организа-

цію, протестанты, конечно, не могли оставаться при римской обрядности. Для нихъ, начиная съ Лютера, папа былъ антихристомъ; въ Англии къ антихристовой рати причислили и короля; на мѣсто антихристовой вѣры приходилось ставить *новую* вѣру. Тамъ, гдѣ не успѣлъ еще образоваться абсолютизмъ, какъ въ Германіи, дѣло кончилось образованіемъ національных нѣмецкихъ церковныхъ общинъ. Къ русскому образцу ближе стоятъ французская и англійская параллели. Французскіе гугеноты по своему соціальному положенію раздѣлялись на двѣ группы: на фрондирующее провинціальное дворянство, требовавшее восстановленія старыхъ феодальныхъ правъ въ видѣ права содержать войско и вести войны даже съ королемъ, имѣть свои штаты и т. д., и на бюргерство, требовавшее восстановленія стараго коммунальнаго строя, замѣненнаго съ XIV в. эксплуатаціей городовъ королевскими прево. Королевская власть, опиравшаяся на новое дворянство, составившееся изъ *итальянскихъ* выходцевъ и потому тѣсно связанное съ Римомъ, была въ глазахъ гугенотовъ орудіемъ діавола, такъ же, какъ и католическая вѣра.

Сходныя черты мы видимъ и въ Англии. Тамъ, какъ и въ Московскомъ государствѣ, абсолютизмъ Тюдоровъ строился также на созданіи церковно-государственнаго аппарата; но такъ какъ для оппозиціи старая римская вѣра исключалась не только потому, что она была объектомъ всего реформаціоннаго движенія, но и потому, что первоначальное англиканство было, въ сущности, католичествомъ безъ папы, то пуритане въ Англии искали и находили образцы новой вѣры въ Женевѣ, гдѣ рѣшительнѣе всего были уничтожены всѣ антихристовы обычаи. Но если бы англійскій король цѣликомъ принялъ лютеранскій и кальвинистскій чинъ и догму, настаивая, однако, на монархической организаціи церкви, то неизбѣжно и такой чинъ, и такая догма были бы объявлены еретическими. Другими словами, дѣло здѣсь не въ существѣ даннаго чина и вѣры, но въ ихъ знамени, въ томъ, чью позицію они прикрываютъ. А позиція королевской власти была безусловно враждебна тѣмъ общественнымъ кругамъ, среди которыхъ распространялся кальвинизмъ. Буржуазія, ставившая себѣ въ XVI в. уже империалистическія задачи, на каждомъ шагѣ сталкивалась съ вотчинными вождельніями правительства: оно охотно устанавливало монополіи на колониальные продукты, но спустя рукава вело войны и съ Испаніей, и съ Франціей—главными соперниками Англии на міровомъ рынкѣ.

Сверхъ того, и въ лютеранствѣ, и въ кальвинизмѣ XVI вѣка только въ силу традиціонной односторонней презумпціи видятъ болѣе или менѣе чистое евангельское христіанство. Если пуритане и крайніе послѣдователи Лютера выбрасывали

изъ церквей, рубили и сжигали католическіе «идолы», то отъ этого общее ихъ міровоззрѣніе мѣнялось такъ же мало, какъ и у киевлянъ, утопившихъ въ Днѣпрѣ Перуна, или послѣдователей Магомета, выбросившихъ изъ Каабы идоловъ. И вмѣсто заповѣди «любите враговъ вашихъ» протестанты соблюдали и считали лучшимъ служеніемъ вѣрѣ другую—истребляйте враговъ вашихъ. Женевскіе инквизиторы были не лучше доминиканцевъ; «желѣзно-бокіе» Кромвеля шли въ бой не хуже полковъ халифовъ.

Въ условіяхъ русской жизни нашимъ пуританамъ пришлось вести войну не наступательную, но оборонительную, упрочить себѣ право на существованіе. Старая вѣра дала посадскому старообрядчеству, наиболѣе вѣрному ея стороннику, почву для *организации*, сначала обороны, а потомъ и наступленія. Старообрядческія общины поддерживали другъ съ другомъ связь, основывали филиалы и всюду со старой вѣрой проводили и свою торговую политику. Оборонительныя задачи были разрѣшены скоро: какъ только въ половинѣ XVIII вѣка удѣльный вѣсь третьяго сословія поднялся настолько, что и оно, наряду съ дворянствомъ, получило жалованную грамоту, буржуазное старообрядчество изъ-за рубежа и съ сѣвера, куда оно скрылось послѣ перваго пораженія, вернулось назадъ и постаралось приспособить свою организацію къ достиженію новыхъ торговыхъ и промышленныхъ задачъ.

Торговыя задачи сконцентрировались на хлѣбной торговлѣ. Старообрядческія общины расположились по главной хлѣбной артеріи, волжско-петербургской, начиная отъ Саратовскаго края и кончая петербургской Громовской общиной; постепенно сложился центръ этихъ общинъ въ Москвѣ, вокругъ Рогожскаго кладбища. Торгово-промышленной эксплуатаціей сѣвера занялись другія общины, поморскаго согласія, тоже, къ концу XVIII вѣка, базировавшіяся на Москву (Монинская часовня). Съ начала XIX вѣка миллионныя капиталы старообрядцевъ, образовавшіеся на торговыхъ оборотахъ, направляются въ текстильную промышленность и создаютъ первыя огромныя мануфактуры московскаго района. Тутъ мы встрѣчаемъ Рябушинскихъ, Морозовыхъ, Гучковыхъ и многихъ другихъ; старая вѣра еще разъ оказывала буржуазіи незамѣнимую организаціонную услугу.

Судьба буржуазныхъ старообрядческихъ организацій въ дальнѣйшемъ была неодинакова. Изъ одной группы, организовавшейся въ концѣ XVIII в. вокругъ Рогожскаго кладбища, выросла современная старообрядческая церковь руководимая королями московской буржуазіи. Другія группы, такъ называемыя безпоповщинскія, оказались слабѣе и постепенно деформировались, или пойдя на компромиссъ съ государственной церковью, или соединяясь съ рогож-

цами; только нѣкоторыя общины живутъ до настоящаго времени. Крестьянскій расколъ пошелъ совсѣмъ другой дорогой и сливается съ сектантскимъ движеніемъ; поэтому о немъ надо говорить особо. Здѣсь упомянемъ только объ его огромномъ *колониационномъ* значеніи. Убѣгая отъ «антихротова» государства, крестьяне-старовѣры заселили цѣлый рядъ пустынныхъ дотолѣ областей: сѣверное поморье, юго-западный Черниговскій край, пустыя мѣста на Дону и, въ особенности, Приуралье и Зауралье—рѣка Тоболь стала новымъ Ерданомъ.

И въ ходѣ описаннаго развитія мы видимъ параллелизмъ съ западными явленіями. Для французскихъ гугенотовъ и англійскихъ пуританъ кальвинизмъ имѣлъ прежде всего огромное организационное значеніе. Реставрація феодализма во Франціи по Нантскому эдикту Генриха IV прошла подъ знакомъ торжества кальвинизма; революція въ Англии недаромъ зовется пуританскою. Но на Западѣ все шло быстрѣе, быстрѣе была сыграна и организационная роль религіозныхъ лозунговъ, замѣнившись черезъ 100—150 лѣтъ уже политическими лозунгами и соединеніями. У насъ организационная роль старообрядчества еще не сыграна, но уже и ей виденъ конецъ, съ тѣхъ поръ, какъ г.г. Рябушинскіе стали выступать съ чисто политическими задачами и перенесли организационное движеніе въ иную, чисто социальную, плоскость. Въ колониационномъ движеніи англійское пуританство сыграло колоссальную роль, заселивъ сѣверо-американскія англійскія колоніи, изъ которыхъ въ концѣ XVIII вѣка образовались независимые Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

Остается судьба государственной церкви; судьба ея рѣшилась скоро послѣ великой борьбы XVII вѣка. Никонъ палъ; соборъ, осудивъ его, правда, въ то же время постановилъ, что патріархъ и царь независимы одинъ отъ другого, но это постановленіе трудно было провести въ жизни, такъ какъ силы были слишкомъ неравны. «Духовный Регламентъ» Петра уничтожилъ патріаршество и на его мѣсто поставилъ «Духовное Коллегіумъ»—или Синодъ—такую же коллегію и также подчиненную императору, какъ и всѣ прочія. Политическое значеніе реформы было при этомъ выражено безъ всякихъ обиняковъ: въ присягѣ епископы, назначаемые членами Духовнаго Коллегіума, говорятъ: «исповѣдую же съ клятвою крайняго судію Духовныя сея Коллегіи быти самого всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго». Такъ остается и до нашихъ дней.

НОВѢЙШАЯ КОСМОГОНИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ.

Въ исторіи науки извѣстны конфликты гипотезъ, которые могутъ казаться парадоксальными. Въ нѣкоторой области знанія множатся открытія, накапливаются факты, и является потребность въ объединительной теоріи. Тогда оказывается, что, повидимому, возможны *только* два *противоположныхъ* объясненія. И въ то же время *ни одно* изъ этихъ объясненій не можетъ быть принято. Такое положеніе создано нынѣ въ научной космогоніи.

Вопросы космогоніи—излюбленный предметъ изслѣдованія ученыхъ разныхъ специальностей. Ими занимаются и математики, и астрономы, и физики, и геологи. Здѣсь, какъ и всюду, наука ищетъ единства и простоты. Изслѣдователи находятъ искомый синтезъ либо въ законѣ *повторяющихся цикловъ развитія* міровъ, либо въ законѣ *неповторяющагося прямолинейнаго развитія* вселенной. Третья гипотеза, повидимому, немыслима. А между тѣмъ ни та, ни другая изъ данныхъ двухъ гипотезъ не можетъ быть приемлема.

Антиномія эта заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться.

I.

Начнемъ съ изложенія *фактовъ*, свидѣтельствующихъ о физическихъ измѣненіяхъ, происходящихъ въ *космосъ*. Факты эти извлекаются изъ сравнительнаго изученія небесныхъ тѣлъ—*туманностей* и *звѣздъ*.

Изслѣдованіе *туманностей* представляетъ особенный интересъ для космогоніи, ибо, со времени *В. Гершеля*, считается какъ бы установленнымъ въ астрономіи, что изъ туманностей зарождаются звѣздные міры. Основаніемъ для этого заключенія послужило видимое различіе въ степени сгущенія туманностей, представляющихъ всевозможныя переходныя состоянія отъ аморфныхъ туманностей до *туманныхъ звѣздъ*, т. е. звѣздъ, окруженныхъ туманностью и составляющихъ, согласно предположенію, продуктъ ея постепеннаго уплотненія. Идея развитія міровъ изъ туманностей характеризуетъ сущность *небулярныхъ гипотезъ*.

Подъ туманностями мы разумѣемъ здѣсь *туманности не разложимыя*, т.-е. такія, которыя не разлагаются на звѣзды и сохраняютъ свой туманный обликъ, даже если смотрѣть на нихъ черезъ самыя могучіе телескопы. Онѣ различаются между собою по *составу* и по *формѣ*.

Составъ туманностей, какъ вообще небесныхъ свѣтилъ, опредѣляется *спектральнымъ анализомъ*. Однѣ туманности даютъ непрерывный спектръ, другія—спектръ, составленный изъ отдѣльныхъ свѣтлыхъ линій, третьи—спектръ смѣшанный. Отсюда заключаютъ, что есть туманности, представляющія скопление космической пыли и метеоритовъ, но есть и туманности газообразныя, и туманности смѣшаннаго состава.

Спектральный анализъ обнаружилъ въ газообразныхъ туманностяхъ присутствіе во всякомъ случаѣ двухъ тѣлъ—*водорода* и *гелія*. Нѣкоторыя особенныя линіи ихъ спектра большинство изслѣдователей приписываетъ существованію еще одного неизвѣстнаго газа, названнаго *небулемъ*. Водородъ и гелій—самыя легкіе изъ извѣстныхъ газовъ.

Какова температура туманностей? Въ противоположность прежнему взгляду на туманности, какъ на раскаленные массы газа, нынѣ преобладаетъ мнѣніе о сравнительно низкой ихъ температурѣ. *Августъ Риттеръ* придерживается этого взгляда, исходя изъ термодинамическихъ соображеній, а *Локьеръ* обосновываетъ его на отсутствіи болѣе интенсивныхъ полосъ въ спектрѣ туманностей (независимо отъ «холодныхъ металлическихъ линій» тамъ, гдѣ онѣ есть). Свѣту туманностей приписываютъ скорѣе электрическое происхожденіе. Температура туманностей, какъ полагаютъ, увеличивается лишь въ послѣдующія фазы ихъ эволюціи, по мѣрѣ ихъ сгущенія, перехода въ звѣздное состояніе и дальнѣйшаго развитія звѣзды.

Итальянскій астрономъ *Скиапарелли* доказалъ существованіе связи между *кометами* и *падающими звѣздами*, т.-е. *потомками метеоритовъ*. Еще *Рейхенбахъ* въ 1858 году, а потомъ *Локьеръ* и *Тэтъ* въ 70-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія доказывали, что кометы состоятъ изъ метеоритовъ и космической пыли: свѣтъ кометъ происходитъ отъ столкновенія мелкихъ тѣлъ, подобныхъ падающимъ звѣздамъ. Послѣднее возвращеніе кометы Галлея въ 1910 году, по мнѣнію нѣкоторыхъ, подтвердило гипотезу метеоритистическаго состава кометъ¹. Сравнительное изученіе спектровъ туманностей и кометъ убѣдило *Локьера* въ полной ихъ аналогіи. Отсюда знаменитый англійскій физико-астрономъ заключилъ, что и туманности представляютъ собою скопленія метеоритовъ и метеоритической пыли; столкновенія метеоритовъ производятъ повышеніе температуры, до-

¹ Julius Franz, Die Natur der Kometen, Himmel und Erde, 1911, стр. 434-442.

статочное для того, чтобы главные ихъ элементы стали свѣтящимися, или же для того, чтобы образовались газы, свѣтящіеся при низкой температурѣ¹.

По формѣ своей, туманности дѣлятся на *правильныя* и *неправильныя*. Въ отношеніи возраста, правильныя туманности представляютъ, какъ полагаютъ, болѣе позднюю стадію развитія, чѣмъ неправильныя туманности, чуждыя отличительной формы дифференціаціи. Это мнѣніе находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ томъ фактѣ, что правильныя туманности (за исключеніемъ спиральныхъ) видимы главнымъ образомъ по близости Млечнаго Пути, тогда какъ неправильныя, или *аморфныя* туманности, сосредоточены по преимуществу у его полюсовъ: согласно гипотезѣ, вся система Млечнаго Пути образовалась на счетъ космическаго вещества, наполнявшаго соотвѣтственное пространство міра.

Къ числу правильныхъ туманностей относятся планетныя, или круглыя, эллиптическія, веретенообразныя, кольцеобразныя и спиральныя. Особенный интересъ для научной космогоніи представляютъ *спиральныя туманности*, въ которыхъ свѣтлыя полосы расходятся спиралевидно, съ узломъ въ центрѣ и часто съ узлами въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ. Онѣ даютъ спектръ непрерывный. Онѣ разсѣяны по всему небу и не имѣютъ определенной оріентаціи, свойственной другимъ туманностямъ. Число спиральныхъ туманностей огромно: по мнѣнію *Килера*, онѣ всюду на небѣ являются преобладающею формою туманностей. Согласно воззрѣнію нашего соотечественника *Стратонова* и голландскаго астронома *Еастон'а*, даже весь Млечный Путь и вся наша звѣздная система имѣютъ въ общемъ форму спиральной туманности—изъ которой они, быть можетъ, и развились.

Происхожденіе спиральныхъ туманностей объясняютъ разное: изверженіемъ клочьевъ вещества въ результатѣ столкновенія двухъ тѣлъ, приливными изверженіями изъ свѣтила, вслѣдствіе приближенія его къ другому свѣтилу, соединеніемъ движущихся туманностей въ одну систему подъ вліяніемъ взаимнаго притяженія, вращеніемъ свѣтила вокругъ оси, соединеннымъ съ выбрасываніемъ матеріи, различіемъ угловой скорости различныхъ частей космическаго облака, вслѣдствіе неодинаковой величины притяженія къ центру². Нѣкоторыя изъ гипотезъ образованія спиральныхъ туманностей будутъ подробнѣе изложены ниже.

Сравнительное изученіе *звѣздъ* выясняетъ значительныя различія въ ихъ *цвѣтѣ*, *температурѣ* и *химическомъ составѣ*. На различія звѣздъ по цвѣту и спектру основаны классификаціи

¹ J. Norman Lockyer, The Meteoric Hypothesis, London 1890, стр. 322-324 и 369.—L'Evolution inorganique, Paris 1905, стр. 69-70.

² E. v. d. Pahlen, Ueber die Gestalten einiger Spiralnebel, Astronomische Nachrichten, B. 188, April-Juli 1911, с. 256-258.

звѣздъ, предложенныя *Геггинсомъ* и *Секки*. Послѣдній различалъ бѣлыя, желтыя и красныя звѣзды. На основаніи изученія спектра звѣздъ, *Секки* пришелъ къ заключенію, что химическій составъ ихъ усложняется при переходѣ отъ бѣлыхъ черезъ желтыя къ краснымъ звѣздамъ: первыя характеризуются развитіемъ водорода; въ послѣднихъ же, рядомъ съ простыми тѣлами, являются и химическія соединенія, причемъ количество водорода уменьшается. *Секки* вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ предположеніе, что температура звѣздъ послѣдней группы ниже температуры другихъ. Солнце онъ отнесъ къ типу желтыхъ звѣздъ.

Целльнеръ связалъ классификацію звѣздъ по *цвѣту* и *спектру*, съ распредѣленіемъ ихъ по *возрасту*. Каждая звѣзда въ своемъ развитіи проходитъ послѣдовательно черезъ опредѣленный рядъ фазъ: раскаленный газъ; огненно-жидкое состояніе; охлажденіе и плакообразование (наше Солнце въ его настоящемъ состояніи); отвердѣніе и превращеніе въ темное тѣло (состояніе планетъ).—Теорія эволюціи звѣздъ съ измѣненіемъ ихъ температуры и химическаго состава вмѣстѣ съ ихъ возрастомъ была потомъ развита *Ангстремомъ*, *Локьеромъ*, *Фогелемъ*, *Авг. Риттеромъ*, *Винчеллемъ*, *Кэмбелемъ* и цѣлымъ рядомъ другихъ изслѣдователей.

Особенно замѣчательны результаты, добытыя *Локьеромъ* въ теченіе долголѣтняго изученія спектровъ небесныхъ свѣтилъ. Методъ его заключается въ сравненіи этихъ спектровъ съ спектрами земныхъ тѣлъ, подверженныхъ различнымъ высокимъ температурамъ. Извѣстно, что спектръ накаленного тѣла тѣмъ болѣе развитъ въ направленіи къ фіолетовой части, чѣмъ выше температура тѣла, и что максимумъ блеска спектра перемѣщается въ томъ же направленіи съ увеличеніемъ температуры источника свѣта (законъ *Вина*). Сообразно съ этимъ, *Локьеръ* различаетъ между спектрами звѣздъ три типа: спектръ пламени, или спектръ полосъ; спектръ вольтовой дуги, состоящей изъ тонкихъ линій; спектръ искры, соответствующій, какъ полагаютъ, еще болѣе высокой температурѣ и характеризующійся нѣкоторыми *усиленными линіями*, совокупность которыхъ составляетъ «свидѣтельскій спектръ».

Этимъ путемъ *Локьеръ* устанавливаетъ относительныя температуры звѣздъ. Различію температуръ, звѣздъ соответствуетъ и различіе ихъ химическаго состоянія. Въ звѣздахъ съ наивысшею температурою, по *Локьеру*, преобладаютъ водородъ, гелій и нѣкоторые другіе газы. Съ пониженіемъ температуры являются металлы въ особо легкомъ состояніи, квалифицируемые *Локьеромъ*, какъ *протометаллы*. По мѣрѣ дальнѣйшаго охлажденія, являются металлоиды и металлы въ обычномъ ихъ состояніи, причемъ водородъ и гелій постепенно исчезаютъ. Такимъ образомъ, согласно *Локьеру*, съ эволюціею

звѣзды связано не только *измѣненіе ея температуры*—повышеніе ея въ первой и пониженіе во второй фазѣ развитія,—но и *эволюція вещества*. Полный ходъ развитія звѣзды представляется въ видѣ слѣдующей схемы: туманность, красная звѣзда, желтая звѣзда, бѣлая звѣзда (максимумъ температуры), желтая звѣзда, красная звѣзда, потухшая звѣзда. Каждая звѣзда проходитъ, стало быть, черезъ *восходящую* и *нисходящую* фазу.

Всѣ звѣзды располагаются въ два ряда: *восходящій рядъ*, съ повышающеюся температурою и съ развитіемъ вещества въ одномъ направленіи (типъ, напр., Арктура), и *нисходящій рядъ* охлаждающихся звѣздъ, въ которыхъ вещество эволюционируетъ въ противоположномъ направленіи (напр., типъ Альдебарана). Двѣ звѣзды, имѣющія одинаковую температуру, но принадлежащія одна къ восходящему, а другая къ нисходящему ряду, имѣютъ спектры сходные; но *Локьеръ* различаетъ ихъ по линіямъ, которыя въ восходящемъ рядѣ болѣе расширены для металловъ съ менѣе значительнымъ атомнымъ вѣсомъ.

«Неорганическую эволюцію» міровъ *Локьеръ* уподобляетъ не только эволюціи нашей Земли при переходѣ ея черезъ различные геологическіе эры и періоды, но и эволюціи организмовъ—растений и животныхъ. Всюду,—говоритъ онъ,—«мы встрѣчаемъ то же развитіе отъ простаго къ сложному»¹.

Вполнѣ ли разрѣшаетъ нарисованная *Локьеромъ* картина развитія звѣздъ основную проблему космогоніи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ та самая параллель, которую англійскій астрофизикъ провелъ между жизнью звѣздъ и жизнью организмовъ.

Организмы рождаются, растутъ, достигаютъ зрѣлости, старѣютъ и потомъ умираютъ; звѣзды порождаются туманностями, переходятъ черезъ опредѣленный рядъ стадій развитія, эволюционируютъ съ измѣненіемъ температуры и химическаго состава, достигаютъ максимума температуры, потомъ начинаютъ охлаждаться и, наконецъ, превращаются въ темныя безжизненные тѣла. До сихъ поръ параллель, повидимому, вѣрна. Но организмы, умирая, уступаютъ мѣсто другимъ организмамъ, которые они сами породили; здѣсь непрерывность жизни поддерживается самою жизнью, и циклъ развитія вѣчно воспроизводится. Для развитія же звѣздъ теорія *Локьера* оставляетъ въ этомъ отношеніи огромный пробѣлъ. Звѣзды порождаются туманностями; но чѣмъ порождаются сами туманности, состоящія, по *Локьеру*, изъ метеоритовъ?

Съ другой стороны, если туманности не воспроизводятся путемъ какого-нибудь дополнительнаго процесса, то онѣ, въ концѣ концовъ, должны всѣ, пройдя черезъ фазу звѣзднаго раз-

¹ L o c k y e r, L'Evolution inorganique, стр. 242-243, 252-253, 258-260.

витія, превратиться въ темныя тѣла, и міровая эволюція тогда прекращается, міръ останавливается въ своемъ развитіи. Допустимъ, что туманности нѣкогда возникли неизвѣстнымъ намъ путемъ. Тогда, если онѣ существуютъ достаточно продолжительное время, это состояніе міра должно было бы уже наступить. Вселенная, какъ кладбище огромнаго множества мертвыхъ потухшихъ свѣтилъ,—вотъ безнадежная перспектива подобнаго космическаго процесса!

Теорія *Локьера* не отвѣчаетъ на вопросъ о происхожденіи самихъ туманностей и составляющихъ ихъ метеоритовъ. Но туманности могутъ считаться абсолютнымъ началомъ процесса міроваго развитія столь же мало, какъ *хаосъ* въ старой космогонической теоріи *Канта* и позднѣйшихъ теоріяхъ *Фая* и *дю-Лигондеса*, ее напоминающихъ. Туманности *Локьера* представляютъ физически аналогію съ хаосомъ *Канта*; нѣкоторые изслѣдователи, какъ *Ратцель*, *Шварцшильдъ*, *Аррениусъ*, видятъ въ теоріи *Канта* разновидность метеоритистической теоріи. Туманность-хаосъ или туманность метеоритистическая могутъ во всякомъ случаѣ быть приняты лишь за *относительное*, а не за *абсолютное* начало. Если теорія *Локьера* заключаетъ въ себѣ пробѣлъ, то естественно возникаетъ вопросъ о заполненіи его новымъ звеномъ, связующимъ послѣднюю ступень развитія съ первою въ одинъ *безконечный циклъ*. Не порождаются ли туманности потухшими звѣздами?

Многіе изслѣдователи видятъ серьезное основаніе для этой новой гипотезы въ фактахъ, относящихся къ появленію *временныхъ*, или *новыхъ звѣздъ* (Novae).

Отъ времени до времени на небесномъ сводѣ вспыхиваетъ новая звѣзда, увеличивается въ яркости до нѣкотораго максимума, потомъ тускнѣетъ и въ концѣ концовъ становится невидимою. Подобная звѣзда была наблюдаема въ 134 году до нашей эры *Гиппархомъ*, и это навело его на мысль о необходимости составить звѣздный каталогъ. Къ новымъ звѣздамъ относится знаменитая звѣзда *Тихо-де-Браге* 1572 года. Въ новѣйшее время были хорошо изучены новая звѣзда въ Возничемъ 1891 года и новая звѣзда въ созвѣздіи Персея 1901 года. Блескъ первой то увеличивался, то ослабѣвалъ до полнаго ея исчезновенія. Что же касается новой звѣзды въ созвѣздіи Персея, то она загорѣлась совершенно внезапно. Яркость ея непрерывно и быстро возростала, покамѣстъ она не превзошла яркостью все звѣзды на небѣ, кромѣ Сиріуса. Съ этого момента она стала меркнуть, съ чередованіемъ періодовъ усиленія и ослабленія яркости. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія этой звѣзды, были вокругъ нея замѣчены туманности, которыя обволакивали ее кругомъ, постепенно расширяясь съ необыкновенною быстротою.

Замѣчательны были спектры обѣихъ звѣздъ. Сложность спектра новой звѣзды 1891 года, который состоялъ изъ нѣсколькихъ спектровъ, наложенныхъ другъ на друга какъ съ темными, такъ и со свѣтлыми линиями газовъ, обнаруживала присутствіе не одного, а двухъ или нѣсколькихъ тѣлъ. Позднѣе, напротивъ того, спектръ этотъ получилъ характеръ спектра газовой туманности. Съ другой стороны, изученіе смѣщенія линий въ спектрѣ, на основаніи принципа *Доплера*, указывало на противоположныя движенія тѣлъ. Изученіе же спектра новой звѣзды 1901 года показывало, что свѣтъ ея исходилъ также отъ двухъ тѣлъ, двигавшихся въ противоположныхъ направленіяхъ съ различными скоростями: одно изъ нихъ имѣло скорость, довольно обычную въ звѣздномъ мірѣ, а именно 20 километровъ въ секунду; другое же тѣло летѣло съ чудовищною быстротою, достигавшею приблизительно 1000 километровъ въ секунду.

Какъ объяснить фактъ появленія новыхъ звѣздъ? Гипотезы *Целльнера* (изверженіе огненно-жидкой массы черезъ разорвавшуюся кору темнаго небснаго тѣла) и *Лозе* (огромное развитіе теплоты и свѣта на охлаждающейся звѣздѣ въ моментъ достиженія температуры, при которой возможно образованіе химическихъ соединеній) не объясняютъ ни особенностей спектра новыхъ звѣздъ, ни появленія туманности вокругъ звѣзды Персея.

Естественно искать объясненія въ *катастрофѣ*, вызванной *столкновеніемъ* двухъ небсныхъ тѣлъ, движущихся въ различныхъ направленіяхъ. Но какого рода тѣ космическія тѣла, столкновеніе которыхъ вызываетъ катастрофу? Можно допустить, съ *Локьеромъ*, столкновеніе потока метеоритовъ и космическаго облака, или, съ *Зелигеромъ* и *Эбертомъ*, столкновеніе темной звѣзды съ космическимъ облакомъ. Но какъ тогда объяснить образованіе туманныхъ эманаций, удалявшихся отъ новой звѣзды Персея со скоростью, приближающейся къ скорости свѣта? *Каттейнъ* видѣлъ въ нихъ движеніе не матеріи, а свѣтовой волны, исходившей отъ новой звѣзды и постепенно освѣщавшей различныя части огромной туманности, существовавшей уже раньше. Противъ послѣдняго объясненія *Бело* выставилъ, впрочемъ, нѣсколько серьезныхъ возраженій: туманности обволакивали новую звѣзду въ видѣ нѣсколькихъ концентрическихъ зонъ, отдѣленныхъ одна отъ другой темными промежутками; скорость перемѣщенія туманныхъ полосъ была не постоянная, а перемѣнная; свѣтъ ихъ не былъ поляризованъ и потому не могъ быть отраженнымъ свѣтомъ.

Наконецъ, цѣлымъ рядомъ изслѣдователей выдвинута гипотеза о новыхъ звѣздахъ, какъ продуктѣ столкновенія двухъ потухшихъ звѣздъ. Путемъ подобной катастрофы изъ матеріала отжившихъ свой вѣкъ свѣтилъ возрождаются новые міры. Образуются новыя туманности, молодыя свѣтила занимаютъ мѣсто,

оставленное сошедшими со сцены родителями, и циклъ міровой жизни возобновляется вѣчно.

Килеръ и Кэмпбелъ обратили вниманіе на тотъ фактъ, что радіальныя скорости планетныхъ туманностей въ полтора раза больше средней скорости собственнаго движенія звѣздъ. Не образуются ли въ такомъ случаѣ туманности изъ столкновенія звѣздъ, обладающихъ уже значительными скоростями? Не согласуется ли съ этою гипотезою и тотъ фактъ, что горячія гелиевы звѣзды движутся въ среднемъ медленнѣе, чѣмъ красныя металлическія звѣзды, какъ это замѣтилъ *Кэмпбелъ*? Газовыя звѣзды больше всего сгущены вблизи Млечнаго Пути. Новыя звѣзды вспыхиваютъ по преимуществу вблизи Млечнаго Пути. Не объясняется ли это двойное обстоятельство тѣмъ, что въ области Млечнаго Пути, вслѣдствіе большей сгущенности небесныхъ тѣлъ, столкновенія звѣздъ болѣе вѣроятны, а потому и болѣе часты?

II.

Идея безконечнаго возрожденія міровъ не была чужда философской мысли Востока и древности. Она сплеталась также съ религиозною традиціею. *Демокритъ* училъ, что міры гибнутъ и возрождаются. Стоикъ *Зенонъ* вѣрилъ въ обновленіе міровъ посредствомъ огня. Среди скандинавскихъ сагъ сохранилось сказаніе объ оживленіи мертвыхъ міровъ путемъ столкновенія между ними. Какъ часто научная теорія воспроизводитъ, лишь въ болѣе зрѣлой формѣ, гениальныя догадки юнаго творчества прежнихъ поколѣній!

Гипотеза *космическихъ цикловъ* большею частью ассоціируется съ гипотезою *столкновенія* небесныхъ тѣлъ, какъ акта, призывающаго къ новой жизни мертвые міры. Впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи базируютъ свои космогоническія теоріи на фактъ столкновенія небесныхъ тѣлъ, не связывая ихъ съ теоріею цикловъ (*Бюффонъ, Ферд. Керцъ, Карлъ Браунъ*).

Кантъ соединилъ свою космогоническую гипотезу образованія міра изъ *первоначальнаго* хаоса съ гипотезою смерти и разрушенія вселенной путемъ столкновенія свѣтилъ, новаго образованія хаоса и новаго развитія міровъ изъ этого хаоса ¹. Какое странное противорѣчіе: допустить, что міръ имѣлъ абсолютное начало во времени, и считать возможнымъ, что, разъ возникши, онъ развивается до *безконечности* по закону вѣчно повторяющихся цикловъ!—Та же идея заимствована у *Канта* весьма извѣстнымъ ученымъ 18-го вѣка *Ламбертомъ*. Аналогичную теорію впоследствии развивалъ *Джемсъ Кролль*.

Вильямъ Гершель, въ результатѣ изученія туманностей

¹ K a n t. Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, Sammtliche Werke, Theil VI, Leipzig 1839, стр. 168-169.

и звѣздъ, пришелъ къ мысли о циклахъ разрушенія и возрожденія міровъ.

Теорія космическихъ цикловъ начинаетъ становиться весьма популярною со второй половины 19-го вѣка. Въ числѣ ея приверженцевъ мы находимъ многихъ знаменитыхъ ученыхъ и философовъ, какъ *Гербертъ Спенсеръ*, *Дж. Кролль*, *Дю-Прель*, *Томсонъ-Кельвинъ*, *Стойей*, *Фламмаріонъ*, *Вильг. Мейеръ*, *Роб. Болль*, *Ал. Винчелль* и *Айзекъ Робертсъ*.

Извѣстный физикъ и астрофизикъ *Августъ Риттеръ* предложилъ космогоническую теорію, основанную на изученіи эволюціи туманности съ точки зрѣнія законовъ термодинамики. Огромное количество теплоты, выдѣляемой при столкновеніи двухъ или нѣсколькихъ свѣтилъ, производитъ крайнее разрѣженіе матеріи, распространяющейся на громадномъ пространствѣ въ видѣ газовой туманности. Затѣмъ начинается дѣйствіе двухъ *антагонистическихъ* силъ — *тяготѣнія*, собирающаго и сгущающаго матерію, и *теплоты*, отталкивающей частицы вещества другъ отъ друга и разсѣивающей его. Борьба двухъ противоположныхъ факторовъ производитъ пульсацію туманной матеріи: то ея сгущеніе и приближеніе къ центру, то отталкиваніе и разсѣиваніе, притомъ съ измѣняющимися амплитудами. Это и есть Лапласова небулярность, изъ которой развивается вращающееся солнце. Покамѣстъ продолжается періодъ пульсацій, газовая масса можетъ представляться намъ *переменною звѣздою*, т.-е. звѣздою, яркость которой подвержена періодическимъ измѣненіямъ. *Новыя звѣзды* — не что иное, какъ видъ переменныхъ звѣздъ, съ огромнымъ періодомъ пульсаціи, продолжающимся сотни и, быть можетъ, тысячи лѣтъ; этимъ объясняется ихъ кажущееся исчезаніе. Соединеніе центростремительнаго и центробѣжнаго движенія матеріи объясняетъ образованіе *спиральныхъ туманностей* со сгущеніемъ въ центрѣ¹.

Другая интересная гипотеза принадлежитъ ново-зеландскому профессору *Виккертону*. Сущность ея заключается въ томъ, что, при столкновеніи двухъ солнцъ, они не теряютъ своей индивидуальности. Они претерпѣваютъ лишь боковые разрывы, благодаря которымъ вращающіяся солнца получаютъ, для нашего зрѣнія, характеръ звѣздъ переменныхъ. Изъ оторвавшихся же частей образуется третье тѣло, которое и есть *новая звѣзда*. Вслѣдствіе отдѣленія громаднаго количества теплоты, происходитъ разсѣянiе вещества, и новая звѣзда быстро обращается въ *туманность*. Этимъ объясняются особенности спектра новыхъ звѣздъ.

Двѣ «раненныя» звѣзды могутъ образовать постоянную двойную звѣзду. Многія газовыя частицы, приобрѣтающія отъ

¹ Aug. Ritter, Anwendungen der Mechanischen Wärmethorie auf cosmologische Probleme, Hannover, 1879, стр. 65-66 и 71-74.

силы удара огромную скорость, становящуюся *параболическою* при высокой температурѣ, улечиваются въ пространство, образуя и питая туманности. Столкновения возможны не только между звѣздами, но и между системами звѣздъ, а также системами системъ; этимъ путемъ образуются *спиральныя* туманности, этимъ путемъ, вѣроятно, образовался Млечный Путь. Естественная эволюція туманностей и столкновения между свѣтилами объясняютъ законъ безконечныхъ цикловъ, которымъ подчинено развитіе космоса, и настоящее есть лишь фаза этого вѣчнаго ритма¹.

Гипотеза *Аррениуса* заключаетъ въ себѣ синтезъ элементовъ теории *Кролля*, *Дю Преля*, *Авг. Риттера* и *Биккертона* съ надлежащими измѣненіями и дополненіями.

Въ циклахъ, наполняющихъ исторію вселенной, по *Аррениусу*, одновременно дѣйствуютъ антагонистическіе факторы концентрации матеріи и ея разсѣянія, уравнивающе другъ друга. Въ образованіи міровъ играетъ существенную роль *лучевое давленіе*, которое отталкиваетъ космическую пыль отъ солнць, перенося ее не только на планеты, но и на отдаленныя туманности. Отталкивательное дѣйствіе лучевого давленія является такимъ образомъ противовѣсомъ стремленію силы тяготѣнія все больше и больше собирать вещество. Космическая пыль, частью слившаяся въ метеориты и кометы, проникаетъ въ газовыя туманности и образуетъ тамъ, вмѣстѣ съ продуктами конденсаціи, планеты со спутниками. Потухшія солнца возрождаются въ столкновенияхъ. Охлаждающіяся солнца въ концѣ концовъ покрываются твердою корою, подобно Землѣ. Но потомъ потеря солнечнаго тепла становится почти незамѣтна, внутри солнць продолжаетъ господствовать температура въ нѣсколько милліоновъ градусовъ, и эндотермическія соединенія, образовавшіяся при огромныхъ температурахъ и давленіяхъ, представляются чрезвычайно сильными взрывчатыми веществами. «Темное солнце будетъ носиться въ пространствѣ, какъ какой-то необъятный складъ динамита, не теряя въ теченіе билліона лѣтъ сколько-нибудь замѣтнаго количества тепла».

Когда два подобныхъ солнца сталкиваются, происходитъ страшный взрывъ, и, такъ какъ ударъ бываетъ вообще боковой, то развивается и скорость вращенія въ сотни километровъ въ секунду. Изъ обоихъ небесныхъ тѣлъ перпендикулярно къ направленію ихъ относительнаго движенія выбрасывается матерія въ видѣ двухъ большихъ пучковъ, лежащихъ въ плоскости движенія обоихъ тѣлъ. Выброшенные газы несутся въ могучемъ полетѣ вокругъ быстро движущейся центральной части, и вся картина напоминаетъ быстро вращающееся колесо,

¹ A. W. Bickerton, *Cosmic Evolution*, *Philosophical Magazine*, 1900, 50 стр. 216-223.

которое на концах діаметра имѣетъ двѣ трубки, выбрасывающія въ направленіи радіуса пучки искръ (фейерверкъ), причемъ скорость углового перемѣщенія огненныхъ пучковъ уменьшается съ увеличеніемъ разстоянія отъ центра. Пучки при сильномъ расширеніи газовъ быстро остываютъ и содержатъ мелкую пыль, отталкиваемую, вмѣстѣ съ окружающими ее газами, лучевымъ давленіемъ звѣзды, которая затѣняется все больше и больше облаками этой пыли, растягивающимися съ перемѣнною силою отталкиванія.

Бѣлый свѣтъ новой звѣзды будетъ поглощаться въ большей или меньшей степени газовымъ слоемъ двухъ спиральныхъ пучковъ, смотря по ихъ положенію относительно наблюдателя. Вращеніемъ будетъ производиться попеременно то поглощеніе, то не-поглощеніе лучей, и новая звѣзда будетъ давать перемѣнный спектръ. Этимъ объясняются, напримѣръ, всѣ особенности измѣненій новой звѣзды Персея: и ея сложный спектръ, и періодическія измѣненія въ ея свѣтѣ, и образование вокругъ нея туманностей, передвигающихся съ огромною и притомъ перемѣнною скоростью, и неполяризованность ихъ свѣта. Что наружныя части газовъ туманностей состоятъ главнымъ образомъ изъ водорода и гелія, объясняется тѣмъ, что они—наиболѣе легкіе газы, не сгущающіеся и при низкой температурѣ периферіи туманностей. Развѣтвіемъ въ наружныхъ частяхъ чрезвычайно большой центробѣжной силы, которая сплюсчиваетъ всю массу въ огромный вращающійся дискъ, съ остатками двухъ спиральныхъ пучковъ, объясняется происхожденіе *спиральныхъ туманностей*. Основная проблема космогоніи разрѣшается гипотезою цикловъ: развѣтвіемъ туманностей въ звѣзды и возникновеніемъ туманностей изъ столкновенія звѣздъ. «Развѣтвіе вселенной будетъ постоянно идти круговоротомъ, при которомъ мы не будемъ въ состояніи намѣтить ни начала, ни конца, и при которомъ открывается перспектива, что жизнь будетъ продолжаться постоянно и не уменьшаясь»¹.

Съ теоріею *космическихъ* цикловъ соединяютъ также теорію цикловъ эволюціи *матеріи* и превращенія *энергіи*.

Факты астрофизики привели *Локьера*, какъ мы видѣли, къ идеѣ *эволюціи вещества*. На этихъ фактахъ имъ обоснована была теорія *диссоціаціи*, или *распада атомовъ* подъ вліяніемъ теплоты. При весьма высокихъ температурахъ разлагаются не только химическія соединенія элементовъ, но и простые элементы, давая все болѣе тонкое вещество, первичными формами котораго являются *водородъ* и *геліи*. Но и эти болѣе разрѣженныя формы

¹ *Аррениусъ*, Образование міровъ, Одесса 1908, стр. 177-180, ср. стр. III, 97 и гл. VI (стр. 126-162).—*Arhénius*, Die Vorstellung vom Weltgebäude, Leipzig 1911, стр. 178-180, 189-190 и 198.

вещества развились изъ нѣкотораго основнаго элемента, первичной субстанции для всѣхъ формъ преобразующейся матеріи. Мысль о диссоціаціи химическихъ элементовъ и развитіи ихъ изъ основнаго вещества высказывалась, еще задолго до *Локьера*, цѣлымъ рядомъ изслѣдователей, какъ *Прутъ*, *Бен. Броди*, *Стерри Гентъ*, *Кларкъ*. Ту же идею, ужъ послѣ *Локьера*, разработалъ знаменитый англійскій физико-химикъ *Круксъ*. Исходя изъ періодической системы *Менделѣева* и ассоціируя гипотезу эволюціи химическихъ элементовъ изъ безформеннаго первичнаго вещества съ идеею «борьбы за существованіе» элементовъ, *Круксъ* сформулировалъ слѣдующее заключеніе: сначала образуются элементы съ наименьшимъ атомнымъ вѣсомъ, потомъ со средними величинами атомнаго вѣса и, наконецъ, съ максимумомъ этихъ величинъ. Отсюда слѣдовало, что диссоціація элементовъ съ очень высокимъ атомнымъ вѣсомъ, напр., урана, должна давать, какъ продуктъ разложенія, элементы съ менѣе высокимъ атомнымъ вѣсомъ. Мысль эта оказалась пророческою.

Открытіе *радиоактивныхъ* веществъ дало, повидимому, блестящее подтвержденіе гипотезы эволюціи матеріи и распада атомовъ. Оказалось, что элементы могутъ превращаться въ другіе элементы съ болѣе низкимъ атомнымъ вѣсомъ. Распаденіе атомовъ *радія* сопровождается превращеніемъ частицъ его эманациі въ *гемий*. Самъ радій, какъ полагаютъ, есть продуктъ распада урана, элемента съ наивысшимъ атомнымъ вѣсомъ. *Элементы живутъ*, и продолжительность жизни разныхъ элементовъ различна. Далѣе, выяснилось, что распаденіе атомовъ сопровождается выдѣленіемъ теплоты. Для радія количество выдѣляемой теплоты огромно. Несомнѣнно, что теплота эта была поглощена атомами радія при ихъ образованіи. Съ *эволюцією матеріи* связаны, стало быть, процессы *концентраціи и разсѣянія энергии*.

Согласно электронной теоріи, атомъ вѣсмага вещества есть комплексъ *электроновъ*, или простѣйшихъ электрическихъ зарядовъ. Атомы различныхъ элементовъ отличаются по числу и расположенію электроновъ. Распаденіе атомовъ и превращеніе элементовъ имѣетъ мѣсто, когда въ неустойчивомъ атомѣ часть электроновъ обособляется въ отдѣльную группу. Лучи «*δ*», испускаемые радіемъ, несутъ отрицательный зарядъ электричества со скоростью, приближающеюся къ скорости свѣта. Отсюда видно, съ какою скоростью могутъ двигаться электроны.

Съ точки зрѣнія электронной теоріи, синтезъ и диссоціація элементовъ въ космическихъ процессахъ есть не что иное, какъ интеграція и дезинтеграція комплексовъ электроновъ съ поглощеніемъ энергіи въ первомъ случаѣ и освобожденіемъ ея во второмъ случаѣ.—Моменту гибели міра и возрожденія новаго міра соотвѣтствуетъ распаденіе матеріи на ея тончайшія и мель-

чайшія частицы, изъ которыхъ составлены атомы, съ освобожденіемъ всей внутри-атомной энергіи. Съ развитіемъ міра, развивается и вещество, путемъ сгущенія мельчайшихъ частицъ, соединяющихся въ атомы, съ поглощеніемъ необходимой для этого энергіи. Постепенно образуются элементы съ все болѣе и болѣе растущимъ атомнымъ вѣсомъ, а потомъ и химическія соединения. Согласно *Гильому* и *Перрэнну*, радиоактивныя вещества съ наибольшимъ атомнымъ вѣсомъ образуются подъ огромнымъ давленіемъ внутри Земли и вообще небесныхъ тѣлъ. Что касается возвращенія матеріи къ исходному пункту ея развитія, то оно совершается или постепенно, въ теченіе фазъ обратнаго полуперіода развитія, или путемъ катастрофы, напр., столкновенія міровъ.

Еще до открытія явленій радиоактивности, въ 1889 году, *Кроллъ* высказалъ предположеніе, что, при столкновеніи двухъ солнцъ, вещество ихъ разлагается на частицы первичной матеріи. То же мнѣніе, ужъ послѣ открытія радія, было выражено *Вильг. Мейеромъ*: при столкновеніи двухъ міровъ, матерія обоихъ свѣтиль, отъ силы удара, распадается на электроны, и вещество изливается въ пространство со скоростью свѣта. Этимъ путемъ *Мейеръ* объясняетъ чудовищную скорость, съ которою туманныя кольца распространялись вокругъ новой звѣзды въ созвѣздіи Персея¹. По мысли *Гюст. Лебона*, напротивъ, новыя звѣзды являются въ результатѣ *взрыва* какого-нибудь міра, взрыва, наступающаго тогда, когда атомы, старѣя, лишаются своей устойчивости, и разложеніе ихъ становится быстрымъ и общимъ. Сходная съ этимъ гипотеза была высказана и *де-Гееномъ*.

Извѣстный французскій физикъ *Жанъ Беккерель* формулируетъ слѣдующимъ образомъ законъ тройнаго цикла развитія міровъ, матеріи и энергіи: «Конденсація звѣздъ сопровождается явленіемъ, обратнымъ радиоактивности, процессомъ, противоположнымъ деградации, и образованіе элементовъ продолжается внутри планетъ подъ дѣйствіемъ чудовищныхъ давленій, которыя тамъ имѣютъ мѣсто. Міры старѣютъ, и элементы деградируютъ. Но Вселенная, подобно легендарному фениксу, возрождается изъ своего пепла. Соединяющіеся въ космическіе обломки всякаго рода отбросы процесса деградации образуютъ туманности и даютъ начало новымъ мірамъ. Звѣзды постепенно охлаждаются, возникаютъ элементы и затѣмъ возникаетъ новая деградация. Въ полномъ согласіи съ нашей гипотезой, образованіе атомовъ поглощеніемъ части энергіи тяготѣнія задерживаетъ превращеніе этой энергіи въ теплоту. Накопляющаяся же впоследствии

¹ James Croll, Stellar Evolution and its Relations to geological Time, London 1889, стр. 104.— В. Мейеръ, Гибель міра, Москва 1907, стр. 55.

энергія медленно освобождается въ процессѣ радиоактивной эволюціи. Такимъ образомъ, матерія играетъ роль маховаго колеса, регулирующаго превращенія энергии».

III.

Гипотеза вѣчно повторяющагося процесса смерти и возрожденія міровъ проста, изящна и привлекательна. Но она подвержена критикѣ какъ съ точки зрѣнія возможности столкновенія солнць, такъ и съ точки зрѣнія возможности безконечнаго повторенія цикловъ.

Возможны ли столкновенія между звѣздами? Столкновенія какой-нибудь одной яркой звѣзды съ другою еще никогда не наблюдалось. Двѣ звѣзды, приближающіяся одна къ другой, должны были бы намъ представляться нѣкоторое время двойною звѣздою, съ эксцентрицитетомъ эллиптическаго движенія равнымъ почти единицѣ. Есть спектроскопическія двойныя звѣзды, не разлагаемыя на два свѣтила даже самыми могучими телескопами; только по спектру ихъ узнаютъ, что онѣ состоятъ изъ двухъ звѣздъ. Взаимное приближеніе двухъ звѣздъ могло бы, такимъ образомъ, быть распознано по спектру, независимо отъ другихъ физическихъ признаковъ, но наука не знаетъ подобныхъ фактовъ приближенія или столкновенія свѣтлыхъ звѣздъ. Англійскій астрономъ *Айзекъ Робертсъ*, впрочемъ, сомнѣвается въ томъ, чтобы астрономическіе приборы могли ихъ зарегистрировать замѣтнымъ образомъ¹.

Съ другой стороны, если новыя звѣзды — продуктъ коллизіи двухъ темныхъ звѣздъ, то какъ объяснить эту преимущественную тенденцію столкновеній именно у потухшихъ свѣтилъ? Если допустить гипотезу—принимаемую нѣкоторыми учеными, какъ *Кроллъ*, *Болль* и *Аррениусъ*,—что темныхъ тѣлъ въ пространствѣ гораздо больше, чѣмъ свѣтящихся, то чѣмъ объяснить это различіе пропорціи въ безконечномъ циклѣ? Достойно вниманія, что *Томсонъ-Кельвинъ* и *Пуанкаре* сомнѣваются въ томъ, чтобы число темныхъ тѣлъ въ небесномъ пространствѣ было значительно.

Возможны ли физически столкновенія между звѣздами? Огромныя разстоянія между звѣздами, незначительность ихъ диаметровъ сравнительно съ этими разстояніями и различіе въ направленіяхъ ихъ скоростей таковы, что шансы столкновеній между ними весьма незначительны. *Си* опредѣлилъ, при нѣкоторыхъ допущеніяхъ, вѣроятность столкновенія между двумя звѣздами типа нашего Солнца, какъ 1 благоприятный шансъ на 22 триллиона всѣхъ шансовъ. Но, какъ ни мала эта вѣроятность, она все же не равна нулю. Законъ большихъ чиселъ гово-

¹ J s a a c R o b e r t s, Photographs of Stars, Star-Clusters and Nebulae, vol. II, London 1899, стр. 178.

рить, что даже при малой вѣроятности событіе должно случиться, разъ оно можетъ случиться, если только число испытаній достаточно велико. Въ данномъ случаѣ число испытаній можетъ быть увеличено до безконечности, такъ какъ *исторія неба длится неопредѣленно долгое время.*

Какъ замѣтила г-жа *Клемансъ Роје*, если даже «вѣроятность подобныхъ столкновеній между двумя тѣлами безконечно мала, то вѣроятность эта, однако, существуетъ въ безконечномъ теченіи времени и въ безконечномъ числѣ міровъ». И потому заключение *Си*, что «вѣроятность эта достаточно мала, чтобы позволительно было ею пренебречь», чуждо научно-философской глубины¹.

Возможны ли *безконечные* циклы? Въ основѣ ихъ предполагается періодическая повторяемость столкновеній звѣздъ. Все дѣло, стало быть, въ величинѣ вѣроятности столкновеній. Отъ нея будетъ зависѣть, какъ часто коллизіи будутъ происходить, и въ какой мѣрѣ онѣ отразятся на естественной исторіи космоса. Такъ, населеніе какой-нибудь страны остается стационарнымъ, если число рожденій равно числу смертей; оно, напротивъ того, увеличивается или уменьшается, смотря по перевѣсу той или другой цифры.

Допустимъ, что каждое столкновение между двумя потухшими солнцами даетъ два новыхъ свѣтила, развивающихся въ двѣ яркія звѣзды; допустимъ также, что столкновения въ среднемъ повторяются черезъ промежутки времени, приблизительно равные продолжительности жизни звѣзды отъ ея зарожденія до полного потускнѣнія. При этомъ предположеніи, циклы смертей и возрожденій свѣтилъ будутъ повторяться постоянно, не измѣняя пропорціи между числомъ свѣтлыхъ и темныхъ небесныхъ тѣлъ. Если же столкновения происходятъ чаще или рѣже, чѣмъ это соотвѣтствуетъ средней продолжительности жизни звѣзды, то число свѣтлыхъ тѣлъ увеличивается или уменьшается до момента установленія такой пропорціи между ними, при которой каждая потухшая звѣзда замѣняется другою, вновь призванною къ жизни. Покамѣстъ равновѣсіе не установилось, повтореніе цикловъ развитія отдѣльныхъ звѣздъ соединяется съ *эволюціею космоса въ опредѣленномъ направленіи.*

Что будетъ въ томъ случаѣ, если столкновение двухъ небесныхъ тѣлъ даетъ, какъ продуктъ, лишь одно новое тѣло? Тогда масса каждаго новаго тѣла будетъ по величинѣ больше каждаго изъ тѣлъ, его породившихъ, а число небесныхъ тѣлъ будетъ

¹ T. J. J. See, *Researches of the Evolution of the Stellar Systems*, vol. II, Lynn 1910, стр. 123.—C l é m e n s e R o y e r, *La Constitution du Monde*, Paris 1900, стр. 762.—Ср. рецензію на книгу *Кролля* въ *Philosophical Magazine*, 5 Ser., vol. 28, July 1889, стр. 67.

уменьшаться. Процессъ концентраціи міровой матеріи въ немногихъ массахъ будетъ безостановочно продолжаться. *Космическіе циклы* соединяются здѣсь съ *прямолинейною эволюціею въ цѣломъ*. Если величина вселенной конечна, то въ концѣ концовъ останутся лишь два свѣтила, и, послѣ послѣдняго столкновенія, вся матерія вселенной будетъ сосредоточена въ одномъ громадномъ свѣтилѣ, съ массою въ сотни милліоновъ или въ милліарды разъ болѣе массы нашего Солнца. Такъ, именно, и представляютъ себѣ эволюцію вселенной нѣкоторые изслѣдователи, какъ *Цендеръ* и *Кам. Дрейфузъ*¹. Но, когда осталось только одно тѣло, дальнѣйшія столкновенія невозможны, и дальнѣйшая эволюція должна, повидимому, прекратиться. Съ прекращеніемъ цикловъ, устанавливается равновѣсіе неподвижности. Циклы развитія имѣютъ свой *конецъ*, а, слѣдовательно, они имѣли и свое *начало*. Объясненіе развитія помощью цикловъ ведетъ къ *необъяснимому*.

Что будетъ въ томъ случаѣ, если столкновеніе двухъ звѣздъ даетъ *каждый разъ* три тѣла, какъ это допускается въ гипотезѣ *Биккертона*? Тогда число свѣтилъ будетъ расти, и процессъ разсѣянія матеріи долженъ идти безостановочно и до безконечности. Циклы здѣсь ведутъ къ одностороннему развитію міра въ направленіи его дезинтеграціи.

Напротивъ того, гипотеза *Аррениуса* страдаетъ гипертрофіею концентраціи вещества. Уменьшеніе числа свѣтилъ, вслѣдствіе соединенія въ одну звѣзду двухъ столкнувшихся солнць, должно, при постоянномъ возобновленіи этого процесса, чувствительно измѣнить звѣздный инвентарь въ каждой области неба, ведя, въ концѣ концовъ, къ уменьшенію числа столкновеній и къ остановкѣ въ повтореніи цикловъ. Лучевое давленіе, отбрасывая космическую пыль отъ звѣздъ въ туманности, лишь содѣйствуетъ сгущенію послѣднихъ, согласно гипотезѣ *Аррениуса*, но не препятствуетъ концентраціи матеріи во все увеличивающихся солнцахъ. Затрудненіе уменьшилось бы, если бы *Аррениусъ* допустилъ, подобно *Си*, что космическая пыль, отталкиваемая отъ звѣздъ давленіемъ лучей и дѣйствіемъ электрическихъ силъ, образуетъ самостоятельный источникъ зарожденія туманностей, независимо отъ тѣхъ, которыя возникаютъ въ процессѣ столкновенія звѣздъ.

IV.

Въ непримиримомъ противорѣчьи съ теоріею цикловъ находится, повидимому, знаменитый *принципъ Карно* (или *Карно-Клаузиуса*). Согласно выводамъ изъ этого принципа, составляющаго второй основной законъ Термодинамики, развитіе міра

¹ L. Z e h n d e r, Die Mechanik des Weltalls, Freiburg in B. 1897, стр. 140-176.—C a m. D r e y f u s, L' Evolution des mondes et des sociétés, Paris 1889, стр. 110-111.

идеть въ опредѣленномъ направленіи *прямолинейной, неповторяющейся эволюции*, ведущей къ «смерти тепла» и неподвижности вселенной. Когда это конечное состояніе достигнуто, возрожденіе міра невозможно, и развитіе его останавливается безвозвратно и навсегда.

Первый законъ Термодинамики, это—законъ постоянства энергіи и эквивалентности ея превращеній. Но міровая энергія представляется намъ то въ высшихъ, то въ низшихъ ея формахъ: первыя могутъ всецѣло быть обращены во вторыя, тогда какъ обратное превращеніе достижимо лишь при опредѣленныхъ условіяхъ, и всегда съ нѣкоторою потерей, вслѣдствіе разсѣянія энергіи. Къ числу высшихъ формъ энергіи относится кинетическая энергія, или живая сила движенія; къ числу низшихъ формъ энергіи относится энергія тепловая. Тепло можетъ переходить только отъ источниковъ, обладающихъ болѣе высокою температурою, къ источникамъ менѣе высокой температуры. Тепловая энергія можетъ давать работу и движеніе лишь подъ условіемъ существованія *разности* температуръ, какъ, напр., въ паровой машинѣ между котломъ и холодильникомъ. Самыя высокія температуры мертвы въ смыслѣ доставленія энергіи движенія, если только нѣтъ разности температуръ. Самая лучшая калорическая машина можетъ дать лишь то полезное дѣйствіе, которое соотвѣтствуетъ разности температуръ на начальномъ и конечномъ пунктѣ процесса. Высшія формы энергіи стремятся переходить въ низшія и при этомъ *деградируютъ*. Тепло, въ свою очередь, стремится къ равномерному распредѣленію во всякой системѣ. Но равномерное распредѣленіе температуры означаетъ смерть тепла и конецъ движенія. Къ этому состоянію и стремится міръ.

Клаузиусъ характеризовалъ калорическую эволюцію міра, какъ направленную къ максимуму «энтропіи» (необратимость тепла въ другую форму энергіи). Міръ погрузится въ сонъ, отъ котораго ничто его не пробудитъ.

Примѣнимъ ли принципъ Карно къ эволюціи вселенной въ ея цѣломъ? Многіе физики думаютъ, что принципъ Карно, который съ полнымъ правомъ можетъ быть распространенъ на *изолированныя* системы, теряетъ свою силу по отношенію къ міру, если мыслить таковой, какъ систему *безконечную* и, стало быть, *не изолированную* въ пространствѣ. Но нельзя ли мыслить вселенную, какъ безконечную систему безконечнаго числа изолированныхъ другъ отъ друга конечныхъ міровъ, вродѣ нашей системы Млечнаго Пути? Съ другой стороны, есть астрономы, которые, на основаніи изученія архитетоники Млечнаго Пути и расположенія относительно него звѣздъ и туманностей, заключаютъ, что матеріальный міръ, какъ комплексъ небесныхъ тѣлъ, конеченъ, хотя и въ безконечномъ пространствѣ. Наконецъ,

следующим идеям Римана и теории четырех измерений, можно мыслить и самое мировое пространство как конечное, хотя и неограниченное. Тогда распространение принципа Карно на эволюцию вселенной представляется законным.

Но тут мы наталкиваемся на следующие парадоксы. Одно из двух: или эволюция вселенной началась в определенный момент времени, или же она продолжалась вечно. Если она имела начало во времени, то как это согласовать с законом сохранения энергии? В самом деле, что делалось тогда, до начала мира, с энергией, которая, конечно, не могла находиться в состоянии «максимума энтропии»?

Некоторые авторы (Виччелл, Браун, Кирсан, Римз) обращаются подобно тому как это некогда сделал Кант — к «деус эх машина», объясняя актом божественного вмешательства начальный толчок, обусловивший развитие мира или возобновление циклов, когда достигнута мертвая точка. Наука здесь «деградирует» до теологии... Если же эволюция мира и его энергии продолжалась бесконечное время, то непонятно, почему наконец она должна вообще наступить; непонятно, почему она должна наступить в определенный момент вечноности, а не в другой, и почему она не наступила уже (Фр. Морз). По мнению некоторых философов, все возможное действительно наступает в течение бесконечного времени, и притом не один раз, а бесконечное число раз (Густ. Ганзманн, Ог. Вланки). Правда, бесконечные величины бывают разных порядков, и обращаться с ними надо осторожно.

Как бы то ни было, но критики, исходя из принципа Карно, отрицают возможность бесконечного повторения космических циклов. При каждом столкновении миров, часть кинетической энергии переходит в теплоту и, стало быть, претерпевает деградацию. Теплота расходуется, и смерть мира должна наступить, независимо от того, будет ли вселенная состоять из одного или многих небесных тел.

Существуют, впрочем, попытки полного или частичного примирения теории бесконечных циклов с принципом Карно, как законом физики, а не космической эволюции. Таковы гипотезы Дендера и Экольма, которые основаны на отрицании идеи деградации энергии: в них допускается возможность перехода, без потери, низших форм энергии в высшие. Напротив того, гипотеза Арренуса признает закон деградации энергии, но выход из затруднения находит в том, что «энергия становится «суше» (т. е. деградирует) в телах, находящихся в солнечной стадии развития, и, наоборот, делается «лучше» в телах, находящихся в стадии туманностей». Газовые частицы имеют собственную живую силу, и скорости их растут с температурой. Они не улетучиваются в небесное

пространство только тогда, когда ихъ удерживаетъ сила притяженія небесныхъ тѣлъ. Отъ отношенія двухъ величинъ—собственной скорости газовыхъ частицъ и силы притяженія свѣтила—зависитъ достиженіе предѣла, при которомъ частицы газа начинаютъ покидать свѣтило. Для Земли эта скорость составляетъ 11 километровъ въ секунду. Такимъ именно образомъ, по мнѣнію *Стона*, луна потеряла свою первоначальную атмосферу. Въ холодныхъ туманностяхъ тяготѣніе незначительно вслѣдствіе слабой степени сгущенія. Поглощеніе частицами теплоты, приносимой черезъ міровое пространство, не сопровождается повышеніемъ температуры этихъ туманностей, такъ какъ наиболѣе теплыя частицы, въ силу пріобрѣтенной живой силы, уносятся въ атмосферу образующихся звѣздъ, гдѣ сила притяженія больше, вслѣдствіе большей степени сгущенія. Въшніе слои туманностей охлаждаются, тогда какъ въ образующихся солнцахъ одновременно увеличивается масса и температура. Здѣсь холодныя туманности играютъ роль постоянныхъ холодильниковъ въ экономіи вселенной.

Гипотеза *Аррениуса* остроумна, но не рѣшаетъ цѣликомъ затрудненій. Туманности-холодильники постоянно теряютъ матерію, которая притягивается возрождающимися солнцами. Послѣднія предполагаются холоднѣе туманностей, ибо иначе переходъ къ нимъ теплыхъ частицъ противорѣчилъ бы принципу Карно. Но какъ объяснить тогда соотвѣтствіе въ обмѣнѣ веществъ между холодными туманностями, массы которыхъ постоянно уменьшаются, и еще болѣе холодными образующимися солнцами, массы которыхъ постоянно увеличиваются? Для того, чтобы процессъ шелъ безостановочно, необходимо, чтобы какимъ-то непонятнымъ для насъ чудеснымъ способомъ исчезающія холодныя туманности замѣнялись новыми въ той же пропорціи, съ тою же степенью сгущенія, тѣми же распредѣленіями массъ и силъ притяженія. Объясненіе ведетъ снова къ необъяснимому. *Анри Пуанкаре*, критикуя гипотезу *Аррениуса* съ другой точки зрѣнія, приходитъ къ выводу, что намѣченнымъ въ ней процессомъ калорифическая смерть вселенной будетъ лишь замедлена: данное рѣшеніе вопроса еще недостаточно¹.

Теорія космическихъ цикловъ и теорія неповторяющагося развитія вселенной противорѣчатъ другъ другу. Обѣ теоріи ведутъ къ противорѣчіямъ, парадоксамъ и необъяснимому. Обѣ теоріи претендуютъ на *всю* истину. И въ этомъ ихъ слабая сторона. Какъ *всеисчерпывающія* формулы, обѣ теоріи заключаютъ въ себѣ внутреннія противорѣчія или непреодолимыя трудности. Въ дѣйствительности, каждая изъ двухъ теорій можетъ заключать

¹ H. Poincaré, Leçons sur les hypothèses cosmogoniques, Paris 1911, стр. XXIII и 256.

въ себѣ лишь *дому* истины. Каждая изъ нихъ даетъ намъ, быть можетъ, правильную идею о *части* исторіи нѣкоторой *части* или нѣкоторыхъ частей космоса.

V.

Изложимъ еще нѣкоторыя космогоническія гипотезы, не входящія въ разсмотрѣнныя до сихъ поръ категоріи.

«Планетезимальная» гипотеза *Чемберлина* и *Мульттона* относится къ типу тѣхъ *метеоритистическихъ теорій*, которыя, въ отличіе отъ *небулярной* гипотезы, основаны на предположеніи, что небесныя тѣла не пережили ни газового, ни огненножидкаго состоянія, но что они образовались изъ соединенія твердыхъ метеоритовъ. Возрѣніе это поддерживалось въ первой трети прошлаго столѣтія *фонъ-Цахомъ*, *Биберштейномъ* и *Грутгуизеномъ*. Ту же идею защищаль *Норденшельдъ* послѣ возвращенія изъ своей знаменитой полярной экспедиціи.

Согласно «планетезимальной» гипотезѣ, туманность, изъ которой развилась солнечная система, состояла изъ огромнаго множества малыхъ тѣлецъ, или *планетезимальовъ*, вращающихся вокругъ центральной газовой массы. Планеты образовались изъ скопленія этихъ планетезимальовъ, и газы въ ихъ эволюціи играли лишь подчиненную роль. Изъ подобныхъ метеоритовъ состоятъ, вѣроятно, спиральныя туманности, чѣмъ объясняется ихъ непрерывный (а не газовый) спектръ. Спиральныя туманности образуются въ результатѣ приближенія звѣздъ другъ къ другу.

Эдуардъ Роизъ нѣкогда доказаль, что, при уменьшеніи расстоянія между двумя жидкими тѣлами, тяготѣніе производитъ приливную волну, въ результатѣ которой наступаетъ разрывъ и расщепленіе меньшаго тѣла на мелкія части. Если звѣзда подвержена дифференціальному притяженію приближающейся къ ней большей звѣзды, то, подѣ влияніемъ разности тяготѣнія въ центрѣ звѣзды и на ея поверхности, съ двухъ противоположныхъ сторонъ подымается два протуберанца, и выбрасываемая матерія постепенно располагается въ видѣ двухъ симметричныхъ относительно центра вѣтвей: съ узлами, вслѣдствіе неправильнаго распредѣленія матеріи. Получается спиральная туманность. Изверженная матерія, хотя и газообразная вначалѣ (такъ какъ она извлечена изъ газообразнаго тѣла), быстро охлаждается, вслѣдствіе сильнаго разсѣянія и огромной поверхности. Она принимаетъ форму массы изолированныхъ жидкихъ или твердыхъ тѣлецъ, планетезимальовъ. Изъ центральной массы туманности образуется солнце, а изъ узловъ—планеты. Вращеніе этихъ свѣтилъ—результатъ столкновеній планетезимальовъ.

Замѣтимъ, что космогоническая гипотеза влияния приливныхъ волнъ была развиваема еще въ 60-хъ и 70-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія *Филиппомъ Шиллеромъ*.

Примѣняя свою гипотезу къ нашей солнечной системѣ, *Чемберлинъ* и *Мультонъ* объясняютъ меньшую плотность внѣшнихъ планетъ тѣмъ, что онѣ образовались изъ массъ, выброшенныхъ изъ поверхностныхъ частей первичной звѣзды, тогда какъ внутреннія планеты сформировались изъ матеріала, выброшеннаго изъ болѣе глубокихъ слоевъ. Увеличеніе массъ планетъ посредствомъ нарастанія отъ падающихъ планетезималовъ могло повліять на приближеніе къ нимъ нѣкоторыхъ спутниковъ; по этой причинѣ Фобосъ, спутникъ Марса, и внутреннее кольцо Сатурна получили періоды обращенія вокругъ планеты болѣе короткіе, чѣмъ продолжительность вращенія самой планеты. Направленіе вращенія планетъ должно было въ общемъ совпадать съ направлениемъ ихъ обращенія вокругъ Солнца; но для внѣшнихъ планетъ, Нептуна и Урана, вращеніе сдѣлалось обратнымъ, вслѣдствіе комбинаціи ударовъ планетезималовъ, давшихъ соотвѣтственный моментъ вращенія ядрамъ этихъ планетъ.

Земля никогда не находилась въ огненно-жидкомъ состояніи. Только плотныя центральныя части Земли, подъ вліяніемъ огромныхъ давленій, могли подняться до температуры плавленія. Отсюда именно поднимаются газы и пары вулканическихъ изверженій. Атмосфера образовалась изъ газовъ, заключавшихся въ планетезималахъ. На Землѣ она явилась лишь тогда, когда масса ея увеличилась настолько, что могла притяженіемъ удерживать выдѣляемые газы. Съ точки зрѣнія теоріи огненно-жидкаго состоянія Земли, по *Чемберлину*, необъяснимы: отсутствіе во многихъ мѣстахъ «первоначальной коры»; несовмѣстимость растительности палеозойской эры и насѣкомыхъ съ очень теплою атмосферою, богатою углекислымъ газомъ и водяными парами; ледниковые періоды въ тропическихъ зонахъ Индіи, Африки и Австраліи; калорифическій эффектъ радія, въ смыслѣ вліянія его массъ на возможное возрастаніе температуры Земли. Всѣ эти затрудненія, полагаетъ *Чемберлинъ*, устраняются планетезимальною теоріею.¹

Гипотеза *Чемберлина-Мультона* оставляетъ открытымъ вопросъ о происхожденіи звѣздъ и другихъ туманностей, кромѣ спиральныхъ. Она вызываетъ много серьезныхъ возраженій съ точки зрѣнія и астрономіи, и геологіи. Изверженія отъ приливной волны на такихъ огромныхъ разстояніяхъ, какъ поперечники спиральныхъ туманностей, врядъ ли возможны. Спиральныя туманности не встрѣчаются парами. Онѣ отнюдь не болѣе много-

¹ Chamberlin and Salisbury, *Geology*, vol. 11, London 1906, стр. 1-38.— *Journal of Geology*, October-November 1897, January 1900, July-August 1901 и vol. 19, 1911, стр. 673-695 (статьи Chamberlin'a).— *Contributions to Cosmogony*, Carnegie Institution, № 107, Washington 1909 (статьи Chamberlin'a, и Moulton'a).

численны вблизи Млечнаго Пути, гдѣ имѣются скопленія звѣздъ (*Си*). Далѣе, количество метеоритовъ, падающихъ на Землю, утверждаетъ геологъ *Лаппаранъ*, ничтожно, увеличеніе массы Земли производило бы страшный безпорядокъ въ механикѣ солнечной системы; происхожденіе гранитовъ, порфировъ, кристаллическихъ сланцевъ было-бы необъяснимо, и т. д. ¹

Согласно гипотезѣ *Си*, образованіе міровъ происходитъ путемъ параллельной эволюціи—развитія туманностей изъ пыли, отбрасываемой звѣздами подѣ влияніемъ высокой температуры, лучевого давленія и электрическихъ силъ, и конденсаціи солнць, планетъ, лунъ и кометъ изъ туманностей. Въ своемъ движеніи туманности, приближаясь, притягиваются. Если стягиваются оба края двухъ туманностей, то образуется туманность кольцеобразная, какъ въ созвѣздіи Лиры. Если же каждая изъ двухъ туманностей притягивается только однимъ концомъ, то образуется спиральная туманность, и въ узлѣ, соединяющемъ обѣ части, происходитъ сгущеніе, которое и есть центръ туманности. Это ядро все болѣе и болѣе растетъ на счетъ вещества обѣихъ вѣтвей, притягиваемаго къ центру. Вращеніе системы производится ударами сталкивающихся частей. Образующіяся путемъ сгущенія планеты и луны подвержены столкновеніямъ, чѣмъ можетъ быть объяснено появленіе новыхъ звѣздъ. Изъ планетъ и спутниковъ «выживаютъ» только приспособленныя къ механикѣ среды. Изъ раздѣленія туманностей образуются двойныя, тройныя и вообще сложныя звѣзды. Наша солнечная система развилась изъ большой спиральной туманности, въ которой планеты первоначально находились на весьма большихъ разстояніяхъ отъ центрального тѣла. Но планеты были уловлены Солнцемъ, а спутники (въ томъ числѣ наша Луна) были уловлены планетами при движеніи ихъ въ *сопротивляющейся средѣ*. Математическій анализъ показываетъ, что сопротивленіе среды уменьшаетъ большую ось и эксцентриситетъ орбиты. Этимъ *Си* объясняетъ особенности архитектуры солнечной системы.—Гипотеза *Си* не объясняетъ ни направленія вращеній планетъ, ни закона Боде (котораго не объясняетъ и гипотеза *Мультона-Чемберлина*). Она не объясняетъ симметричнаго расположенія двухъ вѣтвей относительно центра въ спиральныхъ туманностяхъ. Его схема постройки спиральныхъ туманностей и движенія ихъ элементовъ должна вести къ конфигураціи, которая врядъ-ли совпадаетъ съ дѣйствительною формою спиральныхъ туманностей. ²

Съ другой стороны, схема міровой эволюціи *Си* построена такъ, что она неизбежно ведетъ къ остановкѣ развитія. Въ самомъ

¹ A. de Lapparent, Le Globe terrestre, I, Paris 1899, стр. 15-19.

² Astronomische Nachrichten, 1909, № 4374, стр. 83-90 (Nolke), и 1910, № 4408, стр. 257-264 (Brodetsky).—Poincaré, l. c., стр. 128-129 и 268.

дѣлѣ, если звѣзды образуются изъ туманностей, а туманности изъ частицъ, отбрасываемыхъ отъ звѣздъ дѣйствіемъ высокой температуры, свѣтового давленія и электричества, то, по мѣрѣ охлажденія звѣздъ, изсякаетъ источникъ вещества, питающіи туманности, и космосъ приближается къ застою и смерти.

Значительною оригинальностью отличается гипотеза *Бело*. Новыя звѣзды—продуктъ столкновенія туманности, обладающей вихревымъ движеніемъ, съ аморфною туманностью. Доказано, что вихри, въ отношеніи устойчивости, обладаютъ свойствами упругихъ тѣлъ: они могутъ вибрировать подѣ дѣйствіемъ удара. Солнечная система образовалась отъ столкновенія вихревой туманности, мчавшейся со скоростью 75.000 километровъ въ секунду, съ аморфною туманностью, двигавшеюся со скоростью 50 километровъ въ секунду. Столкновение произвело въ вихрѣ вибраціи, какъ въ дрожащей струнѣ, и по всей длинѣ его получились равноотстоящіе узлы и пучности. Столкновение облака съ вихремъ дало начало солнцу, а съ пучностями—планетамъ. Всѣ планеты образовались одновременно. Скорость переноснаго движенія туманности-вихря была направлена къ той же точкѣ (Апексъ), куда движется и нынѣ солнечная система; а плоскость вращенія была параллельна плоскости эклиптики. Каждая пучность дала начало планетной полости, пересѣкавшей эклиптику по кругу. Движеніе молекулъ происходило въ сопротивляющейся средѣ аморфной туманности. *Бело* принимаетъ величину этого сопротивленія пропорціональной квадрату скорости. Тогда вычисленіе показываетъ, что разстояніе между планетными полостями слѣдуетъ закону Бода (геометрической прогрессіи). *Бело* вычисляетъ также, что процессъ образованія длился два года—величина того же порядка, что и продолжительность процесса обволакиванія туманными кольцами новой звѣзды Персея (приблизительно годъ). Вслѣдствіе самостоятельнаго движенія аморфной туманности, создается диссиметрія въ распредѣленіи скоростей. Въ точкахъ наибольшей коллизіи имѣется тенденція къ накопленію матеріи, и здѣсь именно зарождаются планетные вихри. Спутники образуются изъ планетныхъ вихрей, какъ послѣдніе изъ главнаго вихря.

Въ своихъ вычисленіяхъ *Бело* совершенно игнорируетъ Ньютоново тяготѣніе, которое, по его мнѣнію, вначалѣ было весьма незначительно въ туманныхъ массахъ и стало играть роль лишь на болѣе поздней фазѣ космическаго развитія, по мѣрѣ конденсаціи матеріи въ небесныхъ тѣлахъ. Пользуясь нѣкоторыми вспомогательными гипотезами, *Бело* устанавливаетъ законы различія вращеній, наклоненій осей къ эклиптикѣ, величинъ планетъ и ихъ спутниковъ, и заключенія его приводятъ къ интереснымъ совпаденіямъ.

Бело кладетъ въ основу космической эволюціи двойной источ-

никъ происхожденія міровъ. Для него, *дуализмъ*—принципъ, наиболѣе общій въ природѣ и развитіи¹. Какъ организмы рождаются вообще отъ двухъ родителей, такъ и небесныя тѣла зарождаются отъ столкновенія двухъ космическихъ системъ. Такъ, послѣдовательное столкновение вихревой туманности съ нѣсколькими аморфными можетъ давать ряды звѣздъ или системы сложныхъ звѣздъ. Послѣдовательное столкновение нѣсколькихъ вихрей съ одною аморфною туманностью можетъ давать скопленія звѣздъ. Кольцеобразная туманность формируется или какъ вихревое кольцо (подобно кольцамъ табачнаго дыма), или же въ результатѣ просверленія космическаго облака вихремъ достаточно большаго діаметра и достаточно большой скорости. Спиральные туманности соотвѣтствуютъ своего рода сплюснванію вихря съ большимъ діаметромъ и большою угловою скоростью при ударѣ о туманность съ значительною плотностью.

Отдѣльные выводы *Бело* могутъ заключать въ себѣ реальную научную цѣнность. Но общій *дуализмъ* Бело есть своего рода *плюрализмъ*: гипотеза связана съ допущеніемъ *первоначальнаго* существованія *множества* тѣлъ, породившихъ міры. Въ самомъ дѣлѣ, откуда взялись эти таинственные вихри-туманности и просто аморфныя туманности, разрушающіеся каждый разъ для того, чтобы дать начало новому міру? Если они не возрождаются въ какомъ-нибудь невѣдомомъ процессѣ, то не должны были ли они истощиться въ теченіе дѣятельности всей космической эволюціи и уступить мѣсто законченнымъ системамъ? Не должно ли было бы міровое развитіе уже придти къ своему концу?

Мы снова наталкиваемся на ту же антиномію въ рѣшеніи основной проблемы космогоніи. Это—коллизія двухъ схемъ—гипотезы безконечныхъ цикловъ и гипотезы прямолинейнаго развитія,—изъ которыхъ ни одна не можетъ быть принята въ свой *монистической простотѣ*.

Ю. Делевскій.

¹ E. Belot. L'origine dualiste des Mondes, Paris 1911, стр. 271-72.—Belot, Les idées cosmogoniques modernes, Revue de Métaphysique et de Morale, Juillet 1912, с. 535.

ВОПРОСЫ ВОЙНЫ И МИРА 2300 ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

Начавшіяся въ 458 г. до Р. Х. битвой при Галіяхъ военныя столкновения аѳинянь съ пелопоннесцами смѣнились прочнымъ миромъ только въ 372 году. Въ теченіе этихъ восьмидесяти шести лѣтъ обѣ стороны неоднократно желали мира; восемь разъ война прерывалась перемиріями или мирными договорами, но обыкновенно почти сейчасъ вслѣдъ за этимъ возникали новыя тренія, и военныя дѣйствія открывались гораздо раньше, чѣмъ истекалъ срокъ договора. Ни Аѳинамъ, ни Спартѣ вся эта война въ общемъ результатъ ничего не дала не только въ экономическомъ смыслѣ, но даже и для внѣшняго могущества,—наоборотъ, она надорвала ихъ силы. На это обращали вниманіе уже древніе, напр., Андокидъ въ своей рѣчи «О мирѣ съ лакедемонянами». Какими же причинами объясняли современники эту безконечную войну? Оправдывали ли они ее и, если оправдывали, то какимъ образомъ?

* * *

Труднѣе всего рѣшить, какъ смотрѣлъ на эти вопросы величайшій историкъ древности Фукидидъ. Главнымъ препятствіемъ къ этому является его строжайшая объективность. Правда, онъ заявляетъ: «Истиннѣйшій поводъ, хотя на словахъ и наиболѣе скрытый, состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что аѳиняне своимъ усиленіемъ стали внушать опасеніе лакедемонянамъ». Но это только—простое констатированіе факта; почему аѳиняне стремились къ усиленію своего могущества, правильно ли они поступали при этомъ,—объ этомъ Фукидидъ не говоритъ и не говоритъ принципиально: по справедливому замѣчанію проф. С. А. Жебелева въ его вступительной статьѣ къ переводу этого автора (т. II, стр. XLVI-XLVII, LXI), «Фукидидъ сознательно уклоняется отъ того, чтобы сообщать читателю свои личные взгляды... Онъ поставилъ своей задачей описать не исторію Греціи въ эпоху Пелопоннесской войны, а только эту войну, какъ таковую».

Однако, одинъ изъ виднѣйшихъ знатоковъ древности

Эд. Мейер¹ думает, что онъ раскрылъ предпосылку, которую Фукидидъ положилъ въ основаніе своихъ взглядовъ на Пелопоннесскую войну, и что предпосылка эта совпадаетъ съ его собственнымъ воззрѣніемъ на природу государства.

Согласно Эд. Мейеру,² «*дѣйствительная* сущность государства—это—его *могущество*... Главная артерія государства—это внѣшняя политика, а никакъ не внутренняя... Борьба за власть—есть единственный жизненный нервъ *истиннаго* государства». О согласіи Фукидида съ этимъ взглядомъ Эд. Мейеръ заключилъ изъ рѣчи Перикла (въ I книгѣ «Исторіи»), гдѣ послѣдній, категорически осуждая бездѣйствіе государства во внѣ, говоритъ: «власть наша имѣетъ уже видъ тиранніи; захватить ее несправедливо, но и отказаться отъ нея опасно... Что насъ ненавидятъ, это общая участь всѣхъ, которые изъявили притязаніе господствовать надъ другими. Но кто стремится къ высшему, тѣмъ самымъ навлекая на себя зависть, тотъ поступаетъ правильно».

Однако, рѣчь Перикла не есть еще взглядъ самого Фукидида. Послѣдній (въ 22 гл. I книги) опредѣленно заявляетъ: «Рѣчи составлены у меня такъ, какъ, по моему мнѣнію, *каждый* ораторъ долженъ былъ говорить». Если навязывать Фукидиду все то, что говорятъ въ его трудѣ симпатичные ему ораторы, то мы можемъ съ такимъ же правомъ приписывать ему противоположный взглядъ. Такъ, устами Никія, о которомъ этотъ авторъ говоритъ, что «во всемъ своемъ поведеніи онъ слѣдовалъ установленнымъ принципамъ благородства», Фукидидъ выражаетъ мысль, что истинная задача аѳинянъ не въ расширеніи могущества Аѳинъ, а въ ревностной охранѣ государства, противъ котораго злоумышляетъ олигархія.

По моему мнѣнію, ни то ни другое не соотвѣтствуетъ истиннымъ взглядамъ Фукидида. Если позволить себѣ доискиваться субъективной подошлеки въ творествѣ этого объективнѣйшаго изъ историковъ, то изъ рѣчи Діодота (кн. III, гл. 45), содержащей въ связи съ вопросами внѣшней политики Аѳинъ удивительныя мысли о бессмысленности наказаній, запугиваній и смертной казни, мнѣ кажется, мы вправѣ заключить о глубокой гражданской скорби, кипѣвшей въ душѣ этого писателя. При своемъ знаніи жизни, онъ слишкомъ хорошо чувствовалъ, что его идеалы совершенно чужды окружавшей его дѣйствительности, и это породило ту леденящую грусть, которой обвѣяно все его творчество. Замѣтимъ хотя бы, какъ зло онъ заканчи-

¹ Да не будетъ сочтено это замѣчаніе выпадамъ противъ «нѣмецкой науки». Именно въ нѣмецкой наукѣ взглядъ Мейера встрѣтилъ энергичный отпоръ (напр., R. Hizzel, Abh. d. Sachs. Les. d. Wiss. XX, I, 1900, стр. 75).

² Geschichte d. Altertums, §§ 922 и 984.

ваает пассажъ о смертной казни: «или необходимо придумать еще болѣе жестокою мѣру устрашенія, или же смертная казнь не способна ни отъ чего удержать». Съ какимъ ѣдкимъ сарказмомъ Фукидидъ влагаетъ въ уста аѳинскихъ пословъ замѣчаніе, что они удивляются, почему союзники, «не благодарятъ аѳинянь за то, что они не отнимаютъ у нихъ болѣе важнаго, чѣмъ уже отнятое!» Въ другомъ мѣстѣ по поводу международной политики Аѳинъ онъ замѣчаетъ: «Искони существуетъ такой порядокъ, что болѣе сильный тѣснить болѣе слабого». Такова же мысль знаменитаго діалога аѳинянь съ меліянами.

Неужели же всѣ эти мѣста даютъ право заключать, что симпатія Фукидида на сторонѣ аѳинской политики? Нѣтъ, если искать скрытую философскую идею въ творествѣ Фукидида, то это—безысходный пессимизмъ въ духѣ книги «Іова»,—въ глубинѣ своего существа Фукидидъ совершенно не пріемлетъ современнаго ему міра, гдѣ царитъ зло и насиліе.

Такой взглядъ на идею труда Фукидида, мнѣ кажется, можно было бы отстаивать съ большимъ правомъ, чѣмъ взглядъ Мейера.

Перейдемъ теперь къ Ксенофону.

Долженъ замѣтить, что, по моему мнѣнію, его «Греческая исторія»—не мемуары, которые велись для себя, и, конечно, ужь не объективный трудъ, имѣющій въ виду отдаленныхъ потомковъ. Это — популярное произведеніе, рассчитанное на многочисленныхъ читателей изъ среды современной автору средней аѳинской буржуазіи. Если мы обнажимъ трудъ этого «типичнаго представителя греческой реакціи» (Эд. Мейеръ) отъ толстой коры назиданій религиозно-нравственнаго характера, предназначенныхъ специально для обихода этой публики, то мы увидимъ, что взгляды Ксенофонта на задачи государства мало чѣмъ разнятся отъ возрѣній... самого Эд. Мейера. И для него цѣль государства—только увеличивать до возможныхъ предѣловъ свое могущество.

Ксенофонтъ осуждаетъ лакедемонянь, но, конечно, не за то, что они мало заботились объ интересахъ широкихъ массъ населенія въ вассальныхъ государствахъ: вѣдь для него тотъ или иной политическій строй—только средство для достиженія внѣшняго могущества. Въ V книгѣ «Греческой Исторіи» (гл. 2, § 32) онъ устами своего любимаго героя Агесилая оправдываетъ всякое преступное дѣйствіе, разъ оно направлено къ усилению могущества государства. По Ксенофону, ошибка лакедемонянь только въ неискренности ихъ внутренней политики: въ цѣляхъ упроченія своего могущества они должны были расположить къ себѣ сердца вассаловъ тѣми или иными безобидными полумѣрами, чтобы затѣмъ добиться *добровольнаго подчиненія* (ἐθελούτων ἄρχειν). Примѣровъ этого «искусства властвовать»

Ксенофонтъ приводитъ не мало: они сводятся къ особаго рода демагогии, демагогии «добраго барина».

Придерживаясь такого взгляда, Ксенофонтъ, конечно, не могъ быть принципиальнымъ противникомъ войны. Не могъ онъ имъ быть и потому, что былъ близокъ къ правящимъ классамъ, которымъ война была выгодна, & также и потому, что онъ принадлежалъ къ профессиональнымъ военнымъ, для которыхъ война была родной стихіей.

Вдобавокъ въ его время становился все болѣе популярнымъ индивидуалистическій взглядъ, по которому государство—это только арена, на которой состязаются отдѣльныя честолюбивыя личности. Конечно, смотря на жизнь съ такой точки зрѣнія, надо было привѣтствовать войну, такъ какъ она являлась наилучшей почвой для осуществленія честолюбивыхъ мечтаній. Ксенофонтъ находился подъ замѣтнымъ вліяніемъ этихъ взглядовъ, хотя въ его трудѣ они затушеваны религіозно-нравочными резонерствомъ. Эти взгляды сквозятъ въ его разсказѣ о возвращеніи Алкивиада, о причинахъ такъ называемой Беотійской войны; при вѣсти о неудачѣ спартанцевъ онъ заставляетъ своего героя Агесилая огорчаться не потому, что его родина потерпѣла ущербъ, а потому что онъ лишился удобнаго случая прославиться (кн. IV, гл. 2, § 3).

Еще болѣе послѣдовательнымъ представителемъ этихъ взглядовъ былъ соперникъ Ксенофонта Теопомпъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Эд. Мейеръ¹, съ точки зрѣнія Теопомпа политика—это только игра честолюбивыхъ, выдающихся въ умственномъ отношеніи людей. Поэтому Теопомпъ относится съ одинаковымъ уваженіемъ и къ аристократическимъ, и къ демократическимъ главарямъ,—поскольку имъ удается осуществлять свои честолюбивые замыслы. Народъ же—только стадо глупыхъ барановъ, созданное для ублаженія своихъ ловкихъ и даровитыхъ руководителей.

Кромѣ этихъ идейныхъ сторонниковъ войны, за войну высказывалась также большая часть тѣхъ лицъ, которыя въ принципѣ считали задачей государства социальное-экономическое благоденствіе его жителей. Таковы были прежде всего приверженцы радикальной демократіи.

Въ войнахъ Аѳинъ со Спартой обѣ стороны на основаніи разсчетовъ, казавшихся имъ несомнѣнными, были убѣждены, что раньше или позже имъ удастся окончательно сломить врага. Такъ спартанцы, по словамъ Фукидида (кн. I, гл. 121, § 3), считывали на доблесть своего войска, тогда какъ «у аѳинянъ войско не столько свое, сколько купленное за деньги» (т. е. наемное). Аѳиняне, по словамъ того же автора (кн. II, гл. 13, § 2),

¹ Theopomps Hellenika, 151 (Halle, 1909).

разсчитывали на господство на морѣ и на обиліе денегъ, тогда какъ—такъ увѣряетъ Перикль¹—запасы и средства спартапцевъ должны «истощиться раньше окончанія войны, особенно, если война затянется». При этомъ аѣинскіе демократы надѣялись, что въ случаѣ полной побѣды надъ Спартой упрочится ихъ власть надъ колоніями и значительно увеличится общая сумма дани, благодаря чему аѣинскій демосъ сможетъ спокойно и безбѣдно существовать, «царя надъ эллинами». Вдобавокъ самая война давала, молъ, безработному люду службу наемниками въ войскѣ и матросами во флотѣ, а послѣ войны должна была развиваться торговля вслѣдствіе открытія новыхъ рынковъ для сбыта аѣинскихъ продуктовъ.

Однако, исторія показываетъ намъ, что даже въ случаѣ окончательной побѣды аѣиняне война не принесла бы имъ желанныхъ выгодъ. Дѣйствительно, политика, которой руководились аѣиняне въ отношеніяхъ къ союзникамъ-колонистамъ, была политикой устрашенія² и сопровождалась жестокими насиліями³. Эта политика, какъ справедливо указываетъ Клеонъ у Фукидида (кн. III, гл. 37 и 40) и авторъ Псевдоксенофоновой «Аѣинской политіи» (гл. I, §§ 14-16), была единственной возможной политикой, такъ какъ сама по себѣ власть надъ союзниками съ цѣлью жить на ихъ счетъ—коренная несправедливость. Юношескій протестъ Аристофана въ его недошедшей до насъ пьесѣ «Вавилонянахъ» былъ просто не домыслимъ, такъ какъ измѣнить обращеніе съ союзниками аѣиняне могли только цѣной фундаментальной реформы. На это обратилъ вниманіе уже авторъ приписываемаго Ксенофону трактата «О доходахъ» (гл. 1, § 1). Поэтому, какъ указываетъ Фукидидъ (II 11₂ 63₁) и Ксенофонъ (Греч. Ист. III 5₁₀), чѣмъ болѣе усиливалась власть Аѣинъ, тѣмъ сильнѣе становились, какъ недовольство союзниковъ, такъ и ненависть соперниковъ. Несомнѣнно, что въ случаѣ полной побѣды надъ Спартой, аѣинянамъ черезъ самое короткое время пришлось бы имѣть дѣло съ грозной коалиціей греческихъ государствъ, какъ было со Спартой. Вдобавокъ, какъ справедливо указываетъ Андокидъ въ своей рѣчи «О мирѣ съ лакедемонянами» (§ 15), этого не допустилъ бы персидскій царь, зорко наблюдавшій за политическимъ равновѣсіемъ въ Греціи.

Кромѣ приверженцевъ радикальной демократіи сторонниками войны часто были и крестьяне, несмотря на то, что война была для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ невыгодна. Ихъ хутора были разорены спартапцами. Молодежь и люди средняго возраста

¹ У Фукидида, кн. I, гл. 141, § 5.

² Фукидидъ, I 76 III 12, 37₂₋₃ Псевдоксенофорова «Аѣинская политія», I 14-17.

³ Ксенофонъ, Греческая исторія, II 2₃ 2₁₀ Аристофанъ, «Миръ» 631—647 и др.

находились въ войскѣ; старики же, лишившись средствъ къ существованію, устремились въ городъ, дыша мезью противъ спартанцевъ. Особенно пострадали, по словамъ Фукидида (кн. II, гл. 21, §§ 2-3) жители большого дема¹ Ахарнъ; для нихъ эта война—мезь за разрушеніе ихъ усадьбъ; такъ хоръ ахарнянъ въ одноименной пьесѣ Аристофана (ст. 226) говорить:

«Поднимается война
За мои
хутора!»

Ахарняне не могутъ забыть произведенныхъ разрушеній и слышать не хотятъ о мирѣ, заявляя (ст. 183) Амфиою, добившемуся миршаго договора отъ спартанцевъ:

«Ты мнѣ приносишь миръ — когда сожженъ мой садъ!?»

Въ городѣ, какъ рассказываетъ тотъ же авторъ въ комедіи «Миръ» (ст. 634), они попали въ руки ловкихъ ораторовъ и, «разинувъ рты, слушали ихъ рѣчи». Ораторы эти, какъ сообщается далѣе въ «Ахарнянахъ» (ст. 308), обманули крестьянъ, внушивъ имъ, что лакедемоняне—единственные виновники войны. Но это, по словамъ хора въ «Лисистратѣ» того же автора (ст. 342)—лишь скоропреходящее безуміе; въ «Ахарнянахъ» отъ него быстро излѣчивается этихъ крестьянъ ихъ умный землякъ Дикеополидъ.

Такимъ образомъ, господствующимъ въ Аѳинахъ былъ взглядъ, принимавшій войну, какъ печальную необходимость. Чтобы выступить съ принципиальнымъ осужденіемъ войны и съ требованіемъ мира въ категорической формѣ,—нужно было много гражданскаго мужества.

Однимъ изъ наиболѣе благородныхъ борцовъ за идею мира былъ Аристофанъ. Онъ осуждаетъ войну, какъ заявляетъ тотъ же хоръ въ «Лисистратѣ» (ст. 347), изъ высокопатріотическихъ соображеній; однако, онъ принужденъ былъ облечь свою смѣлую проповѣдь въ клоунскія одежды, опасаясь ярости толпы. Въ «Ахарнянахъ» (ст. 491) онъ называетъ себя «желѣзнымъ мужемъ, который рѣшился одинъ выступить съ мнѣніемъ, противоположнымъ настроенію, господствующему во всемъ обществѣ».

Въ теченіе всей своей литературной дѣятельности Аристофанъ, искренно вѣрившій въ возможность наступленія лучшихъ дней, проповѣдывалъ идею мира. Въ 425 г. онъ поставилъ комедію «Архарняне», въ которой аѳинянинъ Дикеополидъ заключаетъ отъ имени своего и своего семейства миръ съ лакедемонянами; въ 421 г. — «Миръ», гдѣ рассказывается, какъ аѳинянинъ Тригей летитъ верхомъ на жукѣ на небо и тамъ выпускаетъ на волю бога Мира, который былъ посаженъ въ яму

¹ Демъ—аттическое село.

и заваленъ каменьями: въ 411 г., послѣ гибели аѳинскаго войска въ Сицили, онъ написалъ «Лисистрату», въ которой женщины устраиваютъ своеобразную забастовку, отказывая мужьямъ въ супружескихъ ласкахъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ заключенъ миръ; предпріятіе это, конечно, имѣетъ полный успѣхъ. Замѣтимъ, что въ 411 г. миръ можно было купить только цѣной серьезныхъ уступокъ; это, однако, не помѣшало Аристофану, считавшему миръ высшимъ изъ благъ, поставить пьесу на сцену.

Послѣ битвы при Эгоспотамахъ и образованія антиспартанской коалиціи, когда стало ясно, что полѣвка войны не принесли никому никакой пользы, принципиальный протестъ противъ войны сталъ раздаваться все чаще. Въ 392 г. выступилъ Горги съ недодешедшей до насъ «Олимпійской рѣчью», въ 388 г.— Лисій съ рѣчью такого же названія (часть которой дошла до насъ); онъ возмущается борьбой между греками, которая подрываетъ демократію, усиливая власть тиранновъ и персидскаго царя. Въ 380 г. съ подобной проповѣдью выступилъ Исократъ въ своемъ «Панегирикѣ». Еще опредѣленнѣе была его рѣчь «О мирѣ», опубликованная въ 356 г.; здѣсь онъ проповѣдуетъ отказъ отъ всякихъ стремленій къ внѣшнему могуществу и миръ во что бы то ни стало¹. Прекращеніе безумныхъ тратъ на войну дастъ по его мнѣнію (представляющему несомнѣнное преувеличеніе) такія выгоды, что всѣ аѳиняне получаютъ достаточныя средства къ жизни (§ 19). Такимъ же убѣжденнымъ сторонникомъ мира былъ и авторъ приписываемой Ксенофону брошюры «О доходахъ», написанной въ 355 г. Онъ настойчиво рекомендуетъ миръ; прекращеніе огромныхъ военныхъ расходовъ дастъ, по его мнѣнію, такія выгоды государству, что *при разумной финансовой системѣ* оно сможетъ существовать на собственные источники доходовъ.

Но вернемся къ Аристофану. Этотъ писатель стремится по дѣйствовать не только на умъ своихъ зрителей, доказывая имъ принципиальную неприемлемость войны, но и непосредственно на ихъ чувства, рисуя имъ моральную нечистоплотность и неразборчивость тѣхъ, въ рукахъ которыхъ фактически находится рѣшеніе вопросовъ войны и мира; онъ не устаётъ также напоминать объ ужасныхъ бѣдствіяхъ, причиненныхъ войной.

Аристофанъ чувствуетъ живѣйшее отвращеніе къ военнымъ и къ военной формѣ, при одномъ видѣ которой онъ испытываетъ позывы къ рвотѣ, о чемъ онъ говоритъ даже трижды («Ахарняне», 586. «Миръ» 527. 1228).

Ни въ одной пьесѣ онъ не упускаетъ случая поиздѣваться надъ профессиональными военными. Вотъ блестя-

¹ Такъ понимаетъ его Пельманъ, Grundr.d.griech. Gesch., 199; иначе Kessler, Isokrates und die panhellenische Idee, 37.

шие офицеры на афинскомъ рынкѣ: одинъ покупаетъ на оболъ селедокъ; другой кладетъ въ свой парадный шлемъ варенныя яйца; третій похищаетъ смоквы у испугавшейся его наряда старухи-торговки («Лисистрата», 558-564). Вотъ раненый стратегъ Ламахъ, котораго приносятъ съ военными почестями: прыгая черезъ ровъ, онъ поцарапалъ себѣ ногу, и теперь патетически восклицаетъ («Ахарняне», 1192):

«Погибъ я, пораженный вражескимъ конемъ!»

Всѣ эти профессиональные военные, какъ неоднократно замѣчаетъ Аристофанъ («Ахарняне», 1129; «Миръ», 1176 и др.)—страшные трусы; такъ, солдаты должны караулить своего стратега Евкрата, чтобы онъ не сбѣжалъ отъ страха («Лисистрата», 102).¹

Не лучше этихъ профессиональныхъ военныхъ и политиканы, въ рукахъ которыхъ находится управление государствомъ. Они раздуваютъ войну не изъ какихъ-либо идеальныхъ побужденій, а просто потому, что это имъ выгодно. «Лица той или другой партии», говоритъ Фукидидъ (кн. III, гл. 8, § 8), «становясь во главѣ государства, выставляли на видъ благопристойныя соображенія... они выставляли общее благо, какъ свою награду, на дѣлѣ же всячески боролись между собою за преобладаніе». Ихъ мелкіе, себялюбивые происки не были даже, какъ слѣдуетъ, замаскированы: о нихъ открыто всѣ говорили. Афинская публика, не умѣя смотрѣть на вещи съ широкой философской точки зрѣнія и замѣчая, какъ часто ничтожныя причины личнаго характера² влекли за собой открытіе или возобновленіе военныхъ дѣйствій, приходила къ заключенію, что эти происки и были единственной причиной войны, что война въ сущности ведется не народомъ, а правительствомъ и только правительствомъ въ его собственныхъ интересахъ. Къ этому мнѣнію склонялся и Аристофанъ («Ахарняне», 516):

То—наши молодцы... Не городъ я виню;

Не забываютъ, что не городъ я виню!

Ни для кого не было секретомъ, что вершители тогдашней политики Клеонъ и Брасидъ были лично заинтересованы въ продолженіи войны; это засвидѣтельствовано Фукидидомъ (Кн. V, гл. 16, § 1). Отсюда публика дѣлала выводъ, что они то и были единственной причиной войны и что съ ихъ смертью нѣтъ уже препятствій къ прочному и постоянному миру. По словамъ Аристофана («Миръ», 269), со смертью Клеона «исчезла мутовка,

¹ ...«Пять мѣсяцевъ мой мужъ
«Въ далекой Эраки Евкрата стережетъ».

«Миръ». 1189: «Здѣсь въ Афинахъ, это—тигры,
«Зайцы чистые въ бою!»

² Ср. «Ахарняне», 518 слл. «Миръ», 605 слл.

которую замѣшивалось варево войны» (почти то же онъ говорить и о Брасидѣ, въ ст. 281-284).

Итакъ, война въ популярномъ толкованіи Аристофана—это результатъ совмѣстныхъ усилій нѣсколькихъ общественныхъ группъ, лично въ ней заинтересованныхъ: политикановъ, добивающихся власти въ государствѣ, мелкихъ карьеристовъ, промышленниковъ, работающихъ на нужды арміи, искателей приключеній и, наконецъ, аферистовъ и преступниковъ, желающихъ спрятать концы въ воду или ловить рыбу въ мутной водѣ («Миръ», 435—451¹; «Всадники», 864—867²).

Конечно, Аристофанъ правъ, говоря о крайней безнравственности и своекорыстїи главарей военной партїи. Но мы не согласимся съ нимъ, когда онъ считаетъ, что ихъ интересы и вызвали войну. Эти люди только потому и всплывали на поверхность политической жизни, что имѣли прекрасный нюхъ къ требованіямъ момента и умѣли учесть ихъ въ свою пользу. Если бы вѣтеръ рѣшительно повернулъ въ другую сторону, —эти политические «котурны»³ не преминули бы стать яркими апологетами мира. Вспомнимъ, съ какой легкостью радикаль Критїй, организовавшій социальную революцію въ Эссалии, перешелъ въ лагерь крайнихъ реакціонеровъ (Ксенофонтъ, Греческая исторїя, кн. II, гл. 3, § 36); какъ Эерамень при каждомъ новомъ политическомъ вѣтрѣ перебѣгалъ отъ консерваторовъ къ умѣреннымъ прогрессистамъ и назадъ (тамъ же, §§ 28-30); какъ радикаль Писандръ, какъ только обстоятельства стали склоняться въ пользу реакціонныхъ элементовъ, сталъ готовить олигархическій переворотъ (Аристофанъ, «Лисистрата», 488 сл.; Лисїй, XXV, 9).

Ужасающая порча нравовъ, появившаяся въ связи съ войной, имѣла своимъ слѣдствіемъ также продажность правительства; страсть къ легкой наживѣ—была единственнымъ, что руководило большей частью его членовъ наряду съ честолюбіемъ. Публикѣ, склонной все упрощать, эта страсть также казалась

¹ Здѣсь осыпаются проклятыя враги мира и перечисляются отдѣльныя ихъ группы: 1) «люди, которымъ (по природѣ) война нравится болѣе, чѣмъ миръ» (441), 2) «добивающіеся должности таксарха (т. е. офицера)» (444), 3) «оружейные мастера и торговцы оружиемъ, желающіе войны, чтобы прибыльнѣе торговать» (447-448), 4) «добивающіеся сана стратега» (высшая государственная должность въ Афинахъ), 5) «рабы, собирающіеся бѣжать отъ своихъ господъ» (450-451).

² Колбасникъ, обращаясь къ Клеону, главному стороннику войны, говорить :

«Съ тобой бываетъ часто тожь, мой другъ, что съ рыбаками.
«Когда спокойна гладь воды, совсѣмъ имъ нѣтъ улова;
«Когда жъ подымутъ иль со дна и замутятъ всю воду,
«Въ водоворотъ въ добрый часъ и рыба попадется»...

³ Такъ называетъ Ксенофонтъ Эерамена. Котурнъ—башмакъ, который одинаково хорошо приходится и на правую, и на лѣвую ногу.

причиной войны. «Неужели же въ деньгахъ причина войны?»—спрашиваетъ Пробуль въ «Лисистратѣ». Да—отвѣчаетъ Лисистрата:—потому что въ суматохѣ военного времени казнокрадамъ легче спрятать концы въ воду (ст. 489—491). Пелопоннесская война, въ пародии того же автора («Миръ», 622) началась потому, что аѳинскіе союзники подкупомъ склонили спартацевъ открыть военныя дѣйствія.

Далѣе, причину такъ называемой Беотійской войны всѣ греческіе историческіе писатели видѣли въ персидскомъ подкупѣ; Эеопомпъ¹—единственный, который возражаетъ противъ этого объясненія.

Но если такого рода объясненія и наивны, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что служебныя злоупотребленія изъ корыстныхъ соображеній стали въ это время общимъ правиломъ. Члены правительства, какъ сообщаетъ Аристофанъ («Миръ», 1234; «Всадники», 438. 444), изыскивали самые разнообразныя способы хищеній. Еще въ большей мѣрѣ процвѣтало взяточничество и вымогательство; наилучшими объектами для этого, по свидѣтельству того же автора, были безответные союзники-колонисты и метэки («Всадники», 259—260². 834³), но и зажиточные аѳинскіе граждане нерѣдко принуждены были умиловлять вліятельныхъ людей деньгами («Всадники», 264 и др.).

Сами правители и люди ихъ общества, жалуется Дикеполитидъ въ «Ахарнянахъ» (ст. 600—613)⁴, уклоняются отъ военной службы, получая въ далекомъ тылу или въ заграничныхъ миссіяхъ хорошо оплачиваемыя должности и избѣгая тѣмъ какой бы то ни было опасности. Всѣ тяготы и опасности войны падаютъ на крестьянство. Въ тѣхъ же «Ахарнянахъ»

¹ Если только найденный недавно въ Оксирихѣ отрывокъ историческаго произведенія принадлежитъ дѣйствительно ему.

² «Нюхомъ ищешь, гдѣ бы можно колониста поприжать:
«Кто изъ нихъ—сырой и черствый, кто—налился и созрѣлъ...»

³ «А, вѣдь, крупную взятку—въ четыреста минъ—
«Получилъ онъ—клянусь!—съ митиленцевъ!»

⁴ Здѣсь разсказывается о молодыхъ людяхъ хорошаго происхожденія «Подлецахъ Подлеповичахъ» (*Παυορῦτιπαραχίδας*), уклоняющихся отъ военной службы (*διαεδραχότες*), и объ эфемерныхъ должностяхъ, учрежденныхъ специально для того, чтобы освободить занимающихъ ихъ лицъ отъ военной службы; должности эти во времена Аристофана (ст. 602) хорошо оплачивались (3 драхмы—1 р. 20 к., по тѣмъ временамъ значительная сумма, такъ какъ средняя заработная плата была ниже 3 оболовъ—20 коп.). Къ сожалѣнію, названія этихъ должностей, въ виду заключенныхъ въ нихъ каламбуровъ, не поддаются переводу на русскій языкъ; ихъ можно перевести такъ: «въ развратовскомъ, смѣховскомъ и насмѣшковскомъ департаментахъ и посольствахъ».

(ст. 593—597) мы находим любопытный разговор крестьянина со стратегом¹.

Стратегъ. Ты смѣешь, нищій, такъ стратега поносить?

Крестьянинъ. Я—нищій?!

Стратегъ. Кто же, какъ не нищій, ты, мужикъ?

Крестьянинъ. Кто я? Не карьеристъ, но честный гражданинъ:

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началась у насъ война,
Я честно, доблестно подъ градомъ... стрѣль стою.
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началась у насъ война,
И ты—попалъ подъ градъ... серебряныхъ монетъ.

Не довольствуясь тѣмъ, что сами уклоняются отъ военной службы, стояще у власти охотно освобождаютъ за деньги и всякаго желающаго, благодаря чему вся тяжесть войны съ горожанъ въ значительной мѣрѣ передается на сельчанъ. О подобныхъ злоупотребленіяхъ Аристофанъ рассказываетъ слѣдующее («Миръ», 1179 слл.):

Ну, а тѣ изъ офицеровъ, что на родинѣ сидятъ,
Недостойное совсѣмъ ужъ съ нами, бѣдными, творятъ:
Вносятъ въ списки новобранцевъ тѣхъ, кого не надлежитъ,
А кого должны, не вносятъ разъ за разомъ, хоть пришла
Очередь идти въ солдаты имъ по правдѣ ужъ давно...
И отъ этихъ штукъ страдаемъ мы, крестьяне; горожанъ,
Вѣдь, не такъ легко обидѣть этимъ робкимъ подлецамъ.

Вотъ почему онъ называетъ аѳинянъ изъ хорошаго общества «гражданами-бѣгунами» («Лягушки», ст. 1013); вотъ почему привлеченіе къ отвѣтственности по обвиненію въ уклоненіи отъ военной службы (*ἀστρατεία*) стало обычнымъ явленіемъ (напр., «Всадники», 443), и Евполидъ посвятилъ уклоняющимся отъ военной службы даже цѣлую комедію «*Ἀστρατεῶτες*» (къ сожалѣнію, до насъ не дошедшую).

Въ рукахъ такого рода людей было рѣшеніе вопросовъ войны и мира, и неудивительно, что они играли на низкихъ страстяхъ народа и держали его въ невѣжествѣ, дабы создавшееся положеніе длилось, какъ можно дольше. Почва для этого была крайне подходящей, такъ какъ война вызвала общее одичаніе. Вся внутренняя жизнь, какъ сообщаетъ Фукидидъ (кн. III, гл. 82—83), была сплошной вакханаліей разнузданныхъ страстей; всякія ссылки на совѣсть и честность казались наивностью. Въ отношеніяхъ къ союзникамъ и врагамъ проявлялась такая жестокость, которая читателямъ Геродота и Эсхиловыхъ «Персовъ» должна была казаться давно отошедшей въ область преданій. Въ покоренныхъ городахъ все мужское на-

¹ Стратегъ—высшее должностное лицо въ Аѳинахъ, нѣчто вродѣ всезнаго министра.

селеніе вырѣзывалось, женщины и дѣти продавались въ рабство (Фукидидъ, кн. V, гл. 116); предъ битвой при Эгоспотамахъ, по словамъ Ксенофонта (Греч. Исторія кн. II, гл. I, § 3), было даже постановлено отрубить всѣмъ плѣнникамъ правую руку. Точно также и внутри государствъ погромы и избіенія членовъ противной партіи было обычнымъ дѣломъ (тамъ же, кн. IV, гл. 4, §§ 2—4). Въ такой обстановкѣ игрѣ на низкихъ чувствахъ и невѣжествѣ народа заранѣе былъ обезпеченъ успѣхъ.

Излюбленнымъ приемомъ руководителей общественнаго мнѣнія была ссылка на то, что миръ съ реакціонными спартапцами угрожаетъ самому существованію демократіи; рѣчь Андокида «О мирѣ съ лакедемонянами» (§§ 1—9) посвящена опроверженію этой нелѣпой, но популярной теоріи. Далѣе, правители обѣихъ борющихся коалицій, какъ многократно указываетъ Фукидидъ ¹, увѣряли своихъ гражданъ, что борьба идетъ не только за правое дѣло, но даже за свободу и независимость, тогда какъ въ дѣйствительности шансы обѣихъ сторонъ были большей частью одинаковы или въ худшемъ случаѣ рѣчь могла идти о тѣхъ или иныхъ территоріальныхъ потеряхъ. Несмотря на то, что деморализирующее вліяніе войны для всѣхъ было очевидно, находились досужіе моралисты, увѣрявшіе, что война пробуждаетъ въ душѣ человѣка высокія чувства; не было недостатка и въ продажныхъ поэтахъ, высокимъ стилемъ воспѣвавшихъ войну. Любопытнымъ образчикомъ такой поэзіи являются раскопанные въ 1902 и переведенные въ 1903 г. на русскій языкъ проф. Г. Ф. Церетели ² «Персы» Тимоѳея Милетскаго; эта поэма наряду съ восхваленіемъ войны содержала въ утраченной своей части навѣтъ противъ греческихъ демагоговъ, якобы подкупленныхъ персами ³. Дошедшая до насъ часть оканчивается восхваленіемъ введеннаго спартапскимъ адмираломъ Лисандромъ въ малоазіатскихъ городахъ благозаконія εὐνομία), т. е. такъ называемыхъ декархій ⁴, которыя приводили въ ужасъ даже такого умѣреннаго человѣка, какъ Ксенофонтъ.

Однако, несмотря на эту агитацию, недовольство, вызванное въ народѣ войной, было все же очень сильно, тѣмъ болѣе, что война причиняла ужасныя разоренія. Въ Мегарахъ хлѣбъ весь вышелъ («Ахарняне», 732), не было его и въ Аѳинахъ («Миръ», 119). Цѣны на хлѣбъ поднялись до баснословныхъ цифръ («Ахарняне», 732). Прекращеніе ввоза и вывоза лишило аѳинянъ не только многихъ насущнѣйшихъ предметовъ обихода, но и необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ («Ахарняне», 872—894. 960—

¹ I 124₃. III. 62₃. IV. 92₄.

² Журн. Мин. Нар. Просв., 1903 г., отдѣлъ клас. фил., стр. 270.

³ Плутархъ, Агесилай, 14.

⁴ Правленія десяти лицъ.

970. «Мирь», 999—1005). Еще ужаснѣе были опустошенія, причиненныя войной сельскому хозяйству; война, по словамъ Аристофана («Мирь», 59), промчалась, какъ ураганъ, сметая все на своемъ пути; она до тла уничтожила сады и виноградники. «Никогда еще, говоритъ Фукидидъ (кн. 1, гл. 23, § 2), не было разорено столько городовъ; въ нѣкоторыхъ городахъ послѣ завоеванія ихъ перемѣнилось даже населеніе». Война внесла глубокое разстройство въ семейную жизнь, разлучивъ мужей съ женами, сдѣлавъ послѣднихъ вдовами и лишивъ значительную часть дѣвицъ надежды на замужество («Ахарняне», 989 слл.; «Лисистрата» 99—114). Это—главное основаніе протеста Лисистраты.

Чтобы отвлечь народное вниманіе отъ истинныхъ причинъ и виновниковъ этихъ бѣдствій, необходимо было найти «козловъ отпущенія».

Пелопоннесскія войны были до извѣстной степени не международной, а междупартийной борьбой, причемъ аристократія въ демократическихъ государствахъ почти всегда симпатизировала спартанцамъ. Эд. Мейеръ («Geschichte d. Altertums, томъ V, стр. 278) справедливо замѣчаетъ, что, если по ученію этихъ аристократовъ высшей добродѣтелью гражданина и было подчиненіе государственнымъ установленіямъ, то при этомъ имѣлось въ виду «настоящее», т. е. аристократическое государство; въ демократическомъ же государствѣ всякое дѣйствіе, направленное къ водворенію «справедливаго» строя, вплоть до явной измѣны, не только не возбранялось, но удостоивалось всяческаго одобренія со стороны этого общества. Спартанофильство было исконной традиціей высшей аѳинской аристократіи, народъ зналъ объ этомъ, и поэтому его нервы постоянно были напряжены въ ожиданіи измѣнническаго акта. Стоявшие у власти, по свидѣтельству Аристофана, пользовались этимъ, сѣя подозрѣнія и возбуждая преслѣдованія по обвиненію въ измѣнѣ,—въ тайныхъ сношеніяхъ со Спартой и съ Персіей. Такъ, въ аристофановскихъ «Всадникахъ», Клеонъ, глава военной партіи, виднѣйшій аѳинскій политическій дѣятель, стоявшій у кормила правленія, угрожаетъ колбаснику (ст. 278):

Донести иду сейчасъ же, что вывозитъ тайно онъ
Колбасу и полендвицу для спартанскихъ моряковъ.

Колбасникъ (ст. 465) отвѣчаетъ ему такимъ же обвиненіемъ— что Клеонъ ведетъ тайные переговоры со спартанскимъ правительствомъ. Видя, что на сторону колбасника стали аѳинскіе юноши, Клеонъ грозитъ и имъ и колбаснику (ст. 475):

А я пойду сейчасъ въ совѣтъ; открою тамъ
Имѣну вашу и преступный вашъ союзъ;
Скажу про тайныя собранья по ночамъ,
Про всѣ сношенья ваши съ Персіи царемъ.

Не рѣшаясь трогать дѣйствительныхъ измѣнниковъ, которые были слишкомъ вліятельны и могущественны, правители, по словамъ того же автора, чаще всего выбирали своими жертвами безправныя и безответныя группы населенія. Такихъ группъ въ Аѣинахъ и ихъ владѣніяхъ было двѣ: союзники (колонисты), которыхъ идеологи аѣинскаго правительства иначе не рассматривали, какъ доходную статью аѣинскаго казначейства, и метэки, т. е. иностранцы по происхожденію, проживавшіе въ Аѣинахъ; они не получали гражданскихъ правъ, хотя бы жили въ этомъ городѣ въ продолженіе десятковъ поколѣній. Къ обѣимъ этимъ группамъ предъявлялось обвиненіе въ измѣнѣ. Въ комедіи «Миръ» (639—640) Аристофанъ говоритъ: «Они же (т. е. члены правительства) предъявляютъ къ союзникамъ обвиненіе въ томъ, что они—соумышленники Брасида (спартанскаго главнокомандующаго), выжимая такимъ образомъ изъ богатыхъ деньги». Что же касается метэковъ, то публичное выступленіе съ обвиненіемъ ихъ въ измѣнѣ служило лучшей аттестаціей политической благонадежности и патриотизма¹. Такъ, изъ «Всадниковъ» мы узнаемъ, что молодые люди вродѣ аристофановскаго колбасника, желавшіе выдвинуться на общественномъ поприщѣ и заслужить «любовь народа, какъ его благодѣтели» (ст. 734 слл.), *сплошь и рядомъ* (sic! «Всадн.», 346: *ἄπερ τὸ πλῆθος*) начинали свою политическую карьеру съ подобнаго процесса выступая «въ красивой рѣчи государственнымъ² обвинителями противъ иностранцевъ-метэковъ», интересы которыхъ были слабо защищены закономъ. При повышенной нервности и подозрительности судей, при предубѣжденномъ отношеніи къ метэкамъ, которое поощрялось ихъ безправіемъ, обычно этимъ молодымъ адвокатамъ, несмотря на ихъ бездарность (по Аристофану, они заранѣе вызубривали свою рѣчь, повторяя ее съ утра до вечера), удавалось добиться обвиненія метэковъ въ государственномъ преступленіи и тѣмъ зарекомендовать себя не только «могучими ораторамъ», но и политическими дѣятелями, «близко принимающими къ сердцу интересы отечества» (ст. 346—350).

О дальнѣйшемъ результатѣ такой политики мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ Аристофана. Нервная атмосфера становилась все болѣе напряженной; измѣна мерещилась всюду («Миръ», 407. «Лисистрата», 620)³. Въ такой обстановкѣ не могли

¹ Обвиненіе метэковъ въ тайномъ недоброжелательствѣ къ государству мы встрѣчаемъ также въ «Просительницахъ» Еврипида, поставленныхъ въ 421 г. (ст. 892). Здѣсь аргосскій метэкъ, герой Пареноней, прославляется за отсутствіе этого присущаго метэкамъ недостатка.

² Прокуратуры въ Греціи не было. Возбужденіе процессовъ по публично-правовымъ деликтамъ было предоставлено каждому желающему.

³ Въ первомъ мѣстѣ Аристофанъ шутя обвиняетъ въ измѣнѣ солнце и луну; во второмъ—поголовно всѣхъ аѣинскихъ женщинъ.

не стать повседневнымъ явленіемъ доносы, сопровождавшіеся вымогательствами («Миръ» 639—640)¹. Далѣе, злостныя навѣты стали обычнымъ приемомъ политической борьбы: чтобы очернить противника, не возражаютъ на его доводы, а бросаютъ ему обвиненіе въ полученіи взятки отъ заинтересованныхъ группъ, какъ поступилъ Клеонъ съ Диодотомъ (Фукидидъ, III, 38 слл.), или, какъ поступаетъ тотъ же Клеонъ во «Всадникахъ» Аристофана; обвиняютъ его въ денежныхъ злоупотребленіяхъ («Всадники», 444), въ тайныхъ сношеніяхъ съ непріателемъ (ст. 278), въ составленіи нелегальнаго сообщества съ цѣлью произвести государственный переворотъ (ст. 257, 475, 628)².

Чтобы сдѣлать войну болѣе популярной, ей придали видъ богоугоднаго дѣла. Аѳинянамъ внушалось, что лакедемоняне—безбожники, клятвопреступники («Ахарняне», 308: «для нихъ пустыя—алтари боговъ и клятвы»); съ другой стороны, лакедемонскому правительству удалось склонить въ свою пользу Писию и заручиться обѣщаніемъ содѣйствія отъ самого Аполлона (Фукидидъ, I 118₃). Поэтому оно и увѣряло своихъ согражданъ, что война ведется по повелѣнію бога (тамъ же, 123₂). Въ Аѳинахъ, говоритъ тотъ же авторъ (II, 21₃. VIII I₁) «прорицатели вѣщали всевозможныя прорицанія, къ которымъ каждый прислушивался съ жадностью»... «именемъ божества внушая надежду на завоеваніе Сициліи». Въ Аристофановскомъ «Мирѣ» (ст. 1075) прорицатель именемъ боговъ требуетъ продолженія войны.

«Нѣтъ бо еще ни согласья, ни воли блаженныхъ бессмертныхъ,

«Чтобъ прекратилася брань»...

Пелопоннесская война естественно вызвала взрывъ патриотизма. Аѳиняне никогда не любили спартанцевъ—слишкомъ уже велика была разница и въ ихъ политическомъ строѣ, и въ ихъ національномъ душевномъ укладѣ. Вдобавокъ даже изъ разсказа такого убѣжденнаго лаконофила, какъ Ксенофонтъ, ясно, что политическіе приемы спартанскаго правительства отличались крайней нечистоплотностью и неразборчивостью. Аристофанъ, вѣроятно, правъ, говоря, что для спартанцевъ нарушить клятву—пустое дѣло, что имъ можно довѣрять не больше, чѣмъ голодному волку («Ахарняне», 307; «Лисистрата», 628). По мѣткому выраженію Филократа у Демосеена (XXIII, 116), спартанцамъ можно повѣрять только въ томъ случаѣ, если они докажутъ, что нарушить клятву имъ фактически невозможно.

¹ Цитата выше, стр. 197.

² Въ этихъ трехъ мѣстахъ Клеонъ называетъ своихъ противниковъ, въ сущности умѣренныхъ и благонадежныхъ аѳинянь, «синомотами», что означаетъ «членъ нелегальной политической партіи».

Но замѣтимъ, что всѣ эти указанія относятся къ *международной политикѣ спартанскаго правительства*, а никакъ не къ личной характеристикѣ спартанцевъ, достоинства которыхъ неоднократно подчеркиваетъ тотъ же Аристофанъ въ своей «Лисистратѣ» (ст. 78.145.1245). Вскорѣ разогрѣтое войной патриотическое чувство аѳинянъ выродилось въ узкий шовинизмъ, въ пошлое самовозвеличеніе, и этому содѣйствовало не только правительство, но, что позорнѣе всего, и аѳинская литература. Такъ Еврипидъ въ своей «Андромахѣ» (ст. 437 слл. 595 слл.), такъ сказать, заднимъ числомъ ведетъ послѣдовательную травлю спартанцевъ, не пощадивъ даже прославленныхъ своей добродѣтелью спартанокъ¹.

Естественно, что правительство воспользовалось этой вспышкой патриотизма, для того чтобы убѣдить народъ, что войну затѣяли и раздуваютъ одни только спартанцы, что аѳиняне въ положеніи обиженныхъ и обороняющихся. Такъ, Перикль въ своей надгробной рѣчи (Фукидидъ, II 61₁) говорилъ: «Необходимо было или, уступивъ, немедленно покориться другимъ, или цѣною опасности спасти себя.» Въ отвѣтъ на это Аристофанъ неустанно доказывалъ, что и аѳиняне и спартанцы одинаково виновны и въ томъ, что война началась («Ахарняне», 513)² и въ томъ, что она не прекращается (тамъ же, 309—314)³. Обѣ стороны только тогда соглашались на почетный миръ, когда терпѣли поражение; достаточно было маленькой побѣды, чтобы вызвать полное охьянѣніе успѣхомъ («Миръ», 212)⁴. Только нужда напоминала аѳинянамъ о прелестяхъ мира; но,—остричь Аристофанъ во «Всадникахъ» (ст. 670),—стоитъ упасть цѣнамъ на селѣдки и воинственное настроеніе снова вспыхнетъ.

Свидѣтельства Фукидида (I 68₃) и Ксенофонта (III₆) показываютъ, что Аристофанъ здѣсь совершенно правъ. Къ Пелопоннесской войнѣ обѣ стороны готовились задолго до ея начала; передъ началомъ Беотійской войны обѣ стороны страстно ея желали.

¹ Ср. съ этимъ, какъ привлекателенъ образъ спартанки Лампито въ Аристофановой «Лисистратѣ», поставленной въ разгаръ войны со спартанцами, послѣ сицилійскаго поражения!

² Чего же такъ спартанцевъ обвиняемъ мы?

То наши молодцы!—не городъ я виню;

Не забывайте, что не городъ я виню!

³ Я-жъ скажу вамъ, что спартанцы, на которыхъ мы такъ злы,

Не одни только виновны въ этихъ пагубныхъ дѣлахъ.

⁴ Лакедемоняне

при маленькой побѣдѣ говорили такъ:

«Теперь аѳиняне поплатятся, ей-ей!»

Когда же вы имѣли маленькій успѣхъ

И вамъ спартанцы даже предлагали миръ,

Вы отвѣчали: «Намъ теперь на нихъ плевать!

Пускай еще походятъ!..»

Этими фактическими демонстраціями не ограничивалась пропаганда Аристофана. Главной его задачей было убѣдить согражданъ, что война принципиально недопустима, что она—преступна и бессмысленна. Еще Гомеръ, говорить онъ («Миръ», 1097), указывалъ на преступность войны:

Нѣтъ для того очага, ни родныхъ, ни закона безсмертныхъ,

Брань кто кровавую чтить...

Въ комедіи «Миръ» (ст. 205 слл.) Аристофанъ сообщаетъ, что боги переселились въ самый дальній уголь неба въ гнѣвъ на эллиновъ за то, что они уничтожаютъ другъ друга. Вообще выраженія «Ἕλληνας», «Πανέλληνας», «Ἕλλάς», Аристофанъ умышленно употребляетъ особенно часто¹. Что это: неужели тотъ же шовинизмъ, но видоизмѣненный такъ, что объектомъ челоѣконенавистничества сдѣлались не спартанцы, а варвары? Ничего подобнаго: слово Ἕλληνας въ устахъ грековъ имѣло тотъ же смыслъ, что у насъ «цивилизованный челоѣкъ». М. Круазе² справедливо указываетъ, что «это чувство Аристофана скорѣе общечелоѣческое, чѣмъ чисто-эллиническое». Несмотря на политическую раздробленность Греціи, она представляла собою въ отношеніи литературы и науки, въ отношеніи культурнаго общенія единое цѣлое. Не изъ религіозныхъ соображеній Аристофанъ («Лисистрата», 1128), Фукидидъ (III 59) и Лисіи («Олимпійская рѣчь»), проповѣдуютъ единеніе эллиновъ и считая ихъ войну между собою позоромъ (αἰσχρόν), говорятъ объ общихъ алтаряхъ и празднествахъ: эти празднества, гдѣ собирались всѣ эллины состязаться въ духовной области, были символомъ культурнаго единства. Точно также и ненависть къ персамъ въ мыслящемъ обществѣ никакъ не имѣла характера національной вражды. Вражда къ Персіи въ греческой литературѣ вызвана прежде всего сознаниемъ своего высокаго культурнаго превосходства. Персія—это, прежде всего, страна, гдѣ по словамъ Эсхила въ его «Персахъ», «народъ униженно кланяется властителямъ», гдѣ «всѣ рабы, кромѣ одного, владыки». Этотъ-то владыка и былъ преимущественно предметомъ жгучей ненависти эллиновъ. Дѣйствительно, какъ съ болью въ сердцахъ указывалъ Исократъ, этотъ дикій деспотъ³ фактически направляетъ политику Греціи: его именуютъ: «великимъ царемъ», его слушаются, на него возлагаютъ надежды («Панегирикъ», 120—121). Казалось, греки дойдутъ до того, что позволятъ ему назначить сатраповъ въ свои города! (тамъ же, 120). Къ его двору греки ѣздятъ; тамъ унижаются, продѣлываютъ азіатскій риту-

¹ «Миръ» 93.205.302. «Лисистрата» 29-30. 41.1128 и др.

² Aristophane et les partis à Athènes, 231.

аль и наперерывъ заискиваютъ его милостей и денегъ (тамъ же). Остроумную, но непристойную каррикатуру на персидскій придворный ритуаль и денежныя подачки мы находимъ также въ Аристофановыхъ «Ахарнянахъ» (ст. 62 слл. 104).

Итакъ, вражда къ Перси носила чисто политическій характеръ. Вотъ почему, съ одной стороны, спартанцы, не задумываясь, дважды—въ 411 и 387 г.—предаютъ малоазіатскихъ грековъ въ руки персовъ; съ другой—Лисии въ своей «Олимпійской рѣчи» не дѣлаетъ разницы между персидскимъ царемъ и тираннами чисто-греческаго происхожденія.

Война не только преступна: она еще и бессмысленна, такъ какъ рѣшительно ничего не разрѣшаетъ. «Прежде всего, война ни къ чему не нужна», говоритъ Аристофанъ въ «Лисистратѣ» (ст. 497), развивая эту мысль въ «Мирѣ» (ст. 1080). «Что же, говоритъ онъ, неужели нужно воевать безъ конца? Да это такъ же разумно, какъ рѣшать жребіемъ, кому изъ двоихъ больше плакать, когда можно не плакать ни одному!» Война, говоритъ онъ же въ «Лисистратѣ» (ст. 701), заставляетъ добрыхъ сосѣдей стать безъ всякой причины врагами. Какъ бы благоденствовало государство,—замѣчаетъ авторъ приписываемаго Ксенофону трактата «О доходахъ» (гл. 3 § 7),—если бы тѣ деньги, что оно тратитъ на войну, оно потратило бы на удовлетвореніе внутреннхъ нуждъ! Даже такой профессиональный военный, какъ Ксенофонтъ, указывалъ въ IV книгѣ своей «Греческой исторіи» (гл. 8, § 24) на бессмысленность аѣино-спартанской войны, приведшей къ тому, что воюющіе запутались и перестали понимать, кто ихъ врагъ, кто ихъ другъ (правда, это мѣсто, вѣроятно, написано тогда, когда аѣиняне уже были въ союзѣ со спартанцами).

Чѣмъ больше длилась война, тѣмъ болѣе общепризнаннымъ становился взглядъ, что война бессмысленна. Андокидъ (Рѣчь «О мирѣ», § I) считаетъ уже бессмысленность войны общимъ мѣстомъ. Впрочемъ, можно быть увѣреннымъ, что уже проповѣдь Аристофана, требовавшего мира даже цѣною территориальныхъ уступокъ (напр., «Миръ» 506, «Лисистрата», 1172), въ глубинѣ души встрѣчалась аѣинской публикой сочувственно. Особенно у сельчанъ желаніе возстановить разрушенное хозяйство и зажечь мирной сельской жизнью мало-по-малу стало доминировать надъ всѣми другими чувствами («Миръ» 307 слл. «Ахарняне» 195, 202, 245—269 и др.). Въ угоду этимъ мечтаніямъ Аристофанъ вставляетъ въ свой «Миръ» даже цѣлый идиллическій разговоръ двухъ сельскихъ хозяевъ («Миръ», 1141 слл.).

Стремленіе къ миру постепенно вытѣснило всѣ другіе интересы. Уже Дикеополидъ въ «Ахарнянахъ» (ст. 26—56) не хочетъ слушать въ народномъ собраніи ничего, что не относится къ миру. Уже тогда, въ 425 г., дѣлались повторныя попытки

мирныхъ переговоровъ (ср., напр., «Ахарняне», 652 слл.) и, чѣмъ дальше, тѣмъ оиѣ дѣлались чаще. Неоднократно дѣло доходило до мира,—но стоило помириться, какъ черезъ самое короткое время отношенія снова обострялись.

Было ясно, что, несмотря на общее утомленіе, война вспыхнетъ снова. Въ ней было что-то роковое; политическіе дѣятели терялись и опускали руки.

С. Лурье.

ДОРОГОВИЗНА.

I. ДО ВОЙНЫ.

Дороговизна существует не со вчерашняго дня. И корнями своими и проявленіями она уходитъ далеко вглубь прошлаго. Не понявъ этого, не представивъ себѣ ясно корней и проявленій дороговизны до войны, невозможно уяснить какъ слѣдуетъ вліяніе войны на дороговизну жизни.

Несомнѣнно, одной изъ главныхъ причинъ дороговизны, вздорожанія предметовъ первой необходимости, особенно хлѣба, мяса, масла, молока и другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства является ростъ населенія, главнымъ образомъ, *городскаго* населенія. Но ростъ городского населенія—прямое слѣдствіе развитія обрабатывающей промышленности или индустриі во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Слѣдовательно, индустриализація—первая причина дороговизны.

Въ чистомъ, почти безпримѣсномъ видѣ вліяніе этой причины наблюдается въ Англии. Подъ вліяніемъ индустриализаціи здѣсь цѣны повысились за послѣднія 10 лѣтъ передъ войной въ среднемъ на 25 %.

Во Франціи происхожденіе вздорожанія жизни значительно отличается отъ англійскаго въ соотвѣтствіи съ особенностями французскаго капитализма: здѣсь ростъ городского населенія, индустриализація совершается гораздо медленнѣе, чѣмъ въ Англии, но зато дѣйствуетъ другая причина — протекціонизмъ, несравненно болѣе высокій, чѣмъ въ Англии, пошлины на иностранные товары, особенно на хлѣбъ и другіе сельскохозяйственные продукты. Въ Англии иностранный хлѣбъ совсѣмъ не оплачивается пошлиной, и пошлины на всѣ товары такъ низки, что составляютъ менѣе 5 % ихъ цѣнъ, а во Франціи пошлины почти вдвое выше англійскихъ и составляютъ 8½ % цѣнъ ввозимыхъ иностранныхъ товаровъ, на хлѣбъ же и другіе сельско-хозяйственные продукты гораздо выше. Поэтому во Франціи за последнее десятилѣтіе передъ войной цѣны выросли на 30 %, причемъ львиная доля этого повышенія приходится именно на сельскохозяйственные товары.

Изъ сопоставленія роста цѣнъ въ Англии и во Франціи видно, что протекціонизмъ увеличиваетъ дороговизну еще болѣе, чѣмъ индустриализація.

Но есть еще третья причина дороговизны: это—развитіе союзовъ предпринимателей—картелей, синдикатовъ, трестовъ, сильно вздувающихъ цѣны. Эта причина дѣйствовала до войны особенно сильно въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ, при чемъ въ обѣихъ этихъ странахъ союзы предпринимателей являются не единственной, а дополнительной къ двумъ, уже указаннымъ сейчасъ, причиной вздорожанія жизни. И Германія, и Соединенные Штаты быстро индустриализуются. И здѣсь, и тамъ растетъ и протекціонизмъ: въ Германіи пошлины составляютъ 14,3% цѣнъ ввозимыхъ товаровъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ даже 25,2%.

И вотъ подъ вліяніемъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ трехъ причинъ—индустриализаціи, протекціонизма и развитія предпринимательскихъ союзовъ—цѣны въ Германіи выросли за 10 лѣтъ на 40—50%, а въ Соединенныхъ Штатахъ даже на 60%.

Россійскій имперіализмъ далеко отсталъ отъ капитализма передовыхъ странъ Европы и Америки. Россія до сихъ поръ страна главнымъ образомъ сельско-хозяйственная, индустриализація далеко не достигла такой, какъ въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ, глубины и высоты и происходитъ сравнительно медленно. Но синдикаты предпринимателей распространены и въ Россіи. А протекціонизмъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было: передъ войной пошлины составляли у насъ 33% цѣнъ ввозимыхъ иностранныхъ товаровъ. Значитъ, у насъ особенно замѣтно было вліяніе второй и третьей причинъ дороговизны. И потому и въ Россіи еще до войны жизнь сильно вздорожала: за послѣднее десятилѣтіе передъ войной цѣны повысились въ Россіи на 29%, тогда какъ заработная плата увеличилась въ среднемъ всего на 22%.

Итакъ, три главныхъ причины создаютъ вздорожаніе жизни въ обыкновенныхъ, мирныхъ условіяхъ: 1) развитіе обрабатывающей промышленности и параллельно этому ростъ городского населенія, 2) развитіе протекціонизма, введеніе высокихъ пошлинъ на иностранные товары, 3) ростъ союзовъ предпринимателей.

Стоитъ вдуматься въ эти причины, чтобы понять, какъ тѣсно, неразрывно онѣ связаны съ ходомъ развитія новѣйшаго мірового капитализма.

Въ самомъ дѣлѣ: индустриализація—необходимый признакъ роста капитализма. Всѣ эти требованія «освобожденія отъ иностраннаго экономическаго заспльа», которыя такъ громко и часто раздаются сейчасъ,—слѣдствіе индустриализаціи и связаннаго съ нею стремленія промышленниковъ обезпечить себѣ весь внутренній рынокъ безъ остатка.

Изъ развитія капитализма и связаннаго съ этимъ развитіемъ стремленія къ монополизациі рынка внутренняго про-

истекаетъ и протекціонизмъ. Въ этой жаждѣ захватить внутренній рынокъ, устранивъ съ него конкурентовъ, предприниматели и властные выразители и защитники ихъ интересовъ не считаются ни съ интересами потребителей, т.-е. большинства населения, ни даже съ развитіемъ отечественныхъ производительныхъ силъ: вѣдь протекціонизмъ, не впору примѣненный и притомъ преувеличенный, чрезмѣрный, часто даже мѣшаетъ развитію производительныхъ силъ, поддерживая высокими пошлинами отсталыя предприятия. Протекціонизмъ—это экономическій націонализмъ во что бы то ни стало. Онъ—слѣдствіе не только своекорыстія предпринимателей, но и той экономической безурядицы, анархія, неприспособленности производства къ потребленію, которыя такъ характерны для капиталистическаго хозяйства.

Тѣ же двѣ причины—своекорыстіе и хозяйственная безурядица—вызвали къ жизни и союзы предпринимателей: поднять цѣны и облегчить экономическіе кризисы—вотъ цѣли предпринимательскихъ союзовъ, поддерживаемыхъ здѣсь и высшими руководителями современнаго капитализма—банками, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ тресты, концентрирующими производство: недаромъ говорятъ, что въ Германіи пять или шесть главныхъ банковъ—всего какихъ-нибудь 300—400 фипапсовыхъ олигарховъ—держатъ въ своихъ рукахъ всю промышленность и сельское хозяйство.

Такимъ образомъ, основной, общей причиной дороговизны жизни передъ войной былъ капитализмъ въ его современной стадіи развитія. И чѣмъ дальше сталъ бы развиваться капитализмъ, тѣмъ сильнѣе и быстрѣе пошло бы и вздорожаніе жизни.

.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.

II. ДОРОГОВИЗНА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Война произвела настоящую революцію цѣнъ: то, что началось и неуклонно шло впередъ до войны, съ ея началомъ стало развиваться съ прогрессирующей быстротой, которая

сейчасъ становится уже стремительной, головокружительной, захватывающей дыханіе.

Каждый изъ насъ ежедневно, ежечасно съ болью ощущаетъ эту вакханалію дороговизны. Примѣровъ ея—и очень яркихъ—въ повседневной жизни каждой отдѣльной мѣстности сколько угодно. И тѣмъ не менѣе, поскольку рѣчь идетъ о нашемъ отечествѣ, изъ всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ попытокъ дать матеріалъ для общей картины роста дороговизны во время войны только одна—и то въ сравнительно неширокихъ предѣлахъ—основывается на болѣе или менѣе массовыхъ наблюденіяхъ, служащихъ необходимой гарантіей хотя бы приблизительной достовѣрности. Мы имѣемъ въ виду матеріалы о цѣнахъ на предметы продовольствія, опубликованные особымъ совѣщаніемъ по продовольственному дѣлу¹.

По даннымъ особаго совѣщанія, если декабрьскія цѣны 1913 года принять за 100, ростъ цѣнъ на главные продовольственные товары въ слѣдующіе затѣмъ два военныхъ года представляется въ такомъ видѣ:

	декабрь 1914 г.	декабрь 1915 г.
Пшеница	107,9	162,2
Пшеничная мука	107,2	150,9
Рожь	133,6	178,5
Ржаная мука	127,0	180,9
Овесъ	162,9	224,1
Ячмень	103,9	140,9
Гречневая крупа	148,6	222,7
Шпено	145,1	200,8
Сахаръ-рафинадъ	115,6	155,6
Сахарный песокъ	107,6	144,9
Мясо	94,6	136,7
Масло	106,0	195,4
Соль	140,3	242,8
Въ среднемъ	123,0	179,5

Слѣдовательно, предметы продовольствія черезъ полгода послѣ начала войны поднялись въ цѣнѣ на 23%—немногимъ меньше, чѣмъ за цѣлое десятилѣтіе, предшествовавшее войнѣ. Спустя еще годъ военнаго времени новышеніе достигло 79½%, такъ что за полтора года войны дороговизна увеличивалась въ Россіи почти въ 20 разъ быстрее, чѣмъ за предшествовавшія вой-

¹ Въ приложеніи къ «Обзору дѣятельности особаго совѣщанія для обсужденія и объединенія мѣропріятія по продовольственному дѣлу», Петроградъ, 1916, стр. 137—211.

ны 10 лѣтъ. Въ 17 мѣсяцевъ цѣны на предметы продовольствія сдѣлали такой огромный скачокъ вверхъ, который въ мирныя времена возможенъ былъ бы лишь въ 27 лѣтъ. Каждый мѣсяцъ севастопольской осады и портъ-артурскаго сидѣнія приравненъ былъ для ихъ участниковъ году, т.-е. увеличенъ въ 12 разъ. Каждый изъ первыхъ семнадцати мѣсяцевъ войны въ отношеніи роста цѣнъ на предметы продовольствія долженъ быть приравненъ болѣе, чѣмъ полутора годамъ мирнаго времени.

На дѣлѣ, однако, ростъ цѣнъ на предметы продовольствія былъ больше. Дѣло въ томъ, что въ ряду товаровъ, вздорожаніе которыхъ и его мѣра отмѣчены въ вышеприведенной таблицѣ, есть нѣсколько такихъ, которые, какъ сахаръ, пшеница, ячмень, масло, мясо, вывозились до войны въ болѣе или менѣе значительныхъ количествахъ за границу. Прекращеніе ихъ вывоза во время войны противодѣйствовало слишкомъ сильному подъему цѣнъ на нихъ на внутреннемъ рынкѣ, который одинъ только и остался въ распоряженіи производителей и торговцевъ. Учесть мѣру этого противодѣйствія мы, къ сожалѣнію, не можемъ. Но, поскольку по крайней мѣрѣ, дѣло касается масла, внутреннія рыночныя условія уже въ декабрѣ 1915 г. нейтрализовали вліяніе потери внѣшнихъ рынковъ, а позднѣе, въ послѣдніе мѣсяцы, то же приходится повторить и о мясѣ, сахарѣ и пшеницѣ. Только ячмень, вывозившійся за границу въ огромныхъ количествахъ и не находящій себѣ сбыта цѣликомъ внутри Россіи, подорожалъ сравнительно мало.

Такимъ образомъ, выходитъ, судя по галопированію цѣнъ на предметы продовольствія, что мы какъ будто въ теченіе года войны уходимъ лѣтъ на 20 впередъ въ отношеніи дороговизны. Очевидно, передъ нами сильнѣйшая, безпримѣрная, совершенно небывалая революція цѣнъ. И притомъ она въ Россіи выражена рѣзче и выпуклѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другихъ воюющихъ странахъ.

Чтобы понять экономическій смыслъ изображаемыхъ здѣсь явленій, надо запастись еще однимъ наблюденіемъ надъ цѣнами военнаго времени: оказывается, что во время войны обнаруживаются небывалыя раньше колебанія и различія въ цѣнахъ на одни и тѣ же товары на близкихъ рынкахъ или рынкахъ, легко сообщаемыхъ обычно между собою. Вотъ нѣсколько примѣровъ, выбранныхъ на удачу изъ множества другихъ: озимая пшеница въ декабрѣ 1915 г. стоила въ Орлѣ 1 р. 96 к. пудъ, а въ Курскѣ, весьма близкомъ къ Орлу,—1 р. 83 к., т.-е. въ первомъ городѣ дороже, чѣмъ во второмъ, почти на 7%; соответствующая разница между Моршанскомъ и Мариуполемъ 9%, между Саратовымъ и Царицынымъ свыше 14%, а между Рыбинскомъ и Уфой уже 55%. Война отбросила насъ назадъ въ етомъ отношеніи

по крайней мѣрѣ лѣтъ на 200,—къ XVIII вѣку, съ его огромной изолированностью рынковъ.

И все это наблюдается въ сельско-хозяйственной странѣ съ огромными обычно избытками предметовъ продовольствія и со слабымъ сравнительно развитіемъ индустріи.

Уже отсюда ясно, что вакханалія дороговизны должна быть еще необузданнѣе въ отношеніи къ фабрикатамъ. Къ сожалѣнію, здѣсь массовыхъ наблюденій нѣтъ уже почти совершенно. Поэтому ограничимся только данными о цѣнахъ на хлопокъ и хлопчатобумажныя ткани, какъ предметы дѣйствительно массоваго потребленія, совершенно незамѣнимые для широкихъ круговъ населенія. До войны цѣна на хлопокъ была въ Москвѣ 16 р. пудъ, а въ мартѣ 1915 г. 32 р.¹; пряжа на миткаль до войны цѣнилась въ 24 р. 50 к., въ серединѣ прошлаго года 44 рубля²; миткаль стоилъ до войны 9 коп. аршинъ³, а теперь официально признанная его цѣна 18 коп.⁴. Переведемъ эти цифры на проценты, получаемъ для хлопка повышеніе цѣны еще годъ тому назадъ на 100 %, для миткалевой пряжи почти 80 %, для миткаля 100 %.

Процессъ вздорожанія еще не законченъ и идетъ ускорительно, быстрота его съ теченіемъ времени увеличивается. И, что можетъ быть еще важнѣе и дополняетъ картину еще однимъ лишнимъ характернымъ штрихомъ,—намѣчаются признаки недостатка разныхъ товаровъ. Недосѣвы во многихъ мѣстахъ достигаютъ 25, 40, 50 % всѣхъ полей. Въ скотѣ и мясѣ чувствуется все болѣе острая недостака. Московскіе торговцы и даже фабриканты скупаютъ массаи мануфактуру у различныхъ торговцевъ въ Сибири и увозятъ ее къ себѣ, въ центръ. Какъ все это должно въ будущемъ отразиться на цѣнахъ,—само собой понятно.

Не надо притомъ забывать, что выше у насъ все время пларѣчь только о биржевыхъ, оптовыхъ цѣнахъ. Какая огромная разница существуетъ между оптовыми и розничными цѣнами, видно хотя бы изъ того, что въ Москвѣ въ 1915 г. средняя валовая прибыль розничныхъ торговцевъ опредѣлялась въ 24 %⁵, а въ отдѣльныхъ случаяхъ часто доходила до 40 % и болѣе.

¹ Общество имени А. И. Чупрова. Труды комиссіи по изученію современной дороговизны. Выпускъ II. М. 1915, стр. 211.

² Тамъ же, стр. 224, 226.

³ Тамъ же, стр. 224.

⁴ «Торгово-Промышленная Газета» за 1916 г., № 85,—обязательное постановленіе министра торговли и промышленности.

⁵ Общество имени А. И. Чупрова. Труды комиссіи по изученію дороговизны. Вып. II, стр. 56.

III. СПЕЦИАЛЬНЫЯ ПРИЧИНЫ ДОРОГОВИЗНЫ ВС ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Наброшенная выше немногими широкими мазками картина дороговизны въ военное время требуетъ генетическаго объясненія. Какими специальными, конкретными причинами вызвано вздорожаніе товаровъ во время войны? Только отвѣтивъ на этотъ вопросъ, можно уяснить себѣ хозяйственный и общественный смыслъ всего явленія въ цѣломъ.

Извѣстно, что дороговизна можетъ имѣть своей оборотной стороной паденіе цѣны денегъ. Наши буржуазные экономисты, особенно такіе, какъ г.г. Туганъ-Барановскій и Струве, долго отрицали вліяніе паденія цѣны рубля на цѣны товаровъ въ Россіи во время войны. Отсюда, казалось, совсѣмъ недалеко было до той наивной теоріи денежнаго обращенія, которую прежде въ простотѣ сердечной исповѣдывалъ князь Мещерскій и теперь поддерживаетъ Марковъ 2-й: надѣлать бумажекъ, сколько угодно, и объявить на нихъ принудительный курсъ. Но неумолимая дѣйствительность опровергла не только черносотенную наивность, но и либерально-буржуазную маниловщину. Первымъ дрогнулъ финансистъ отъ октябризма г. Мигулинъ. А затѣмъ и всѣ остальные, за исключеніемъ, кажется, все еще упорствующаго г. Струве (усвоившаго, очевидно, формулу Гегеля, что если факты противорѣчатъ его теоріи, то тѣмъ хуже для фактовъ), оказываются вынужденными признать непреложный фактъ вліянія паденія рубля на цѣны товаровъ. Труднѣе учесть мѣру этого вліянія. Но мы, навѣрное, скорѣе преуменьшимъ, нежели преувеличимъ эту мѣру, опредѣливъ ее въ 30%¹.

Нѣкоторое вліяніе на повышеніе цѣнъ имѣло затѣмъ увеличеніе акцизовъ и введеніе военнаго налога на грузы. Извѣстно, что на хлѣбъ, муку, крупу, масло и мясо акцизовъ не было и вновь не установлено. Что касается военнаго налога, то для хлѣбовъ онъ установленъ въ 3 к. съ пуда, для муки и крупы 4 к. съ пуда. Это для разнаго рода хлѣбовъ составляетъ повышеніе цѣны на 4, 3 и 1½%, для муки и крупы въ среднемъ процента на два. Слѣдовательно, по отношенію къ этимъ товарамъ роль военнаго налога въ повышеніи ихъ цѣнъ оказывается незначительной. Съ пуда масла военный налогъ 10 к., т.е. не составляетъ и одного процента.

Акцизъ на сахаръ былъ увеличенъ въ началѣ войны на 25 коп. съ пуда, а военный налогъ на этотъ товаръ установленъ въ 8 к. съ пуда независимо отъ пробѣга груза. Такъ какъ оптовая цѣна на сахаръ-рафинадъ до войны была 5 р. 15 к. пудъ, то повышеніе акциза и военный налогъ увеличили ее на 6,4% (33 коп.).

¹ Ср. статью П. Маслова въ I выпускѣ «Трудовъ комисси по изученію современной дороговизны».

Важнѣе вліяніе повышенія косвеннаго обложенія и введенія военнаго грузоваго налога на цѣны фабрикатовъ. Ограничиваясь опять-таки товаромъ, болѣе всѣхъ рассчитаннымъ на массовое потребленіе,—хлопчатобумажными тканями,—и матеріаломъ для нихъ—хлопкомъ,—слѣдуетъ констатировать, что новый налогъ на хлопокъ—въ 2 р. 50 к. съ пуда—и желѣзнодорожный сборъ въ 8 к. съ пуда независимо отъ пробѣга груза увеличили цѣну хлопка на 2 р. 58 к., что, при цѣнѣ его передъ войной въ 16 р. пудъ, составляетъ весьма значительное вздорожаніе—на 16,1%. Что касается пряжи и тканей, то здѣсь введена была прибавка къ промысловому налогу въ 44 коп. на пудъ ткани, и провозная плата повышена была военнымъ налогомъ на 19 коп. за пудъ,—всего повышеніе достигло, значить, 63 коп. на пудъ. Если взять 24 р. 50 к.—цѣну пуда миткалевой пряжи до войны за пудъ¹—и прибавить къ 63 копѣйкамъ вздорожаніе хлопка отъ той же причины на 2 р. 58 к., такъ что общее вздорожаніе пряжи подъ вліяніемъ роста налога и провозной платы составитъ 3 р. 21 к., то выйдетъ, что вліяніе этихъ причинъ на цѣны хлопчатобумажныхъ товаровъ должно быть выражено уже къ марту 1915 г. въ 13,1%, т.-е. оно было болѣе, чѣмъ вдвое, сильнѣе, чѣмъ то же вліяніе на цѣны сахара.

Цѣны на товары возросли также до извѣстной степени вслѣдствіе увеличенія издержекъ производства—цѣнъ на матеріалы, топливо (гдѣ оно нужно), заработную плату и т. д. Но замѣчательно, что всѣ учеты, сдѣланные до сихъ поръ въ этомъ направленіи, свидѣтельствуютъ о сравнительно очень небольшомъ вліяніи этой причины на вздорожаніе жизни. Такъ, въ сахарномъ производствѣ издержки производства увеличились всего на 3 коп. на пудъ², т.-е. повышаютъ до-военную цѣну всего на какнхъ-нибудь полпроцента. Это повышеніе во всякомъ случаѣ не больше по отношенію къ цѣнамъ на другіе предметы продовольствія: и здѣсь оно исчисляется долями процента и ужъ на худой конецъ навѣрное только единицами. Но оно уже нѣсколько замѣтнѣе въ производствѣ хлопчатобумажныхъ тканей, гдѣ доходитъ до 1 рубля на пудъ³, что составляетъ 4%.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ такими специальными причинами дороговизны, созданными войной, которыя—каждая въ отдѣльности—поддаются болѣе или менѣе точному учету. Наряду съ ними дѣйствовали, однако, еще двѣ другія причины или, пожалуй, въ виду ихъ сложности, двѣ системы причинъ вздорожанія жизни во время войны, вліяніе которыхъ—каждой

¹ Труды комиссіи по изученію современной дороговизны, вып. II, стр. 224.

² Труды комиссіи по изученію современной дороговизны, вып. II, стр. 147.

³ Тамъ же, стр. 225.

въ отдѣльности—точному учету поддается рѣдко и съ большимъ трудомъ, а большею частью и совсѣмъ не поддается. Эти причины или системы причинъ дороговизны въ военное время—разстройство транспорта и вообще снабженія и спекуляція.

Но если очень трудно, чаще всего даже невозможно учесть ихъ вліяніе каждой въ отдѣльности, то учетъ общаго, совокупнаго ихъ вліянія на дороговизну возможенъ: для этого стоитъ только вычесть изъ общаго вздорожанія товаровъ тѣ мѣры повышенія, которыя приходятся на долю перечисленныхъ выше другихъ причинъ военной дороговизны; остаткомъ и опредѣлится вліяніе затрудненій въ транспортѣ и снабженіи и спекуляціи вмѣстѣ на цѣны товаровъ.

Тогда, исключая такіе товары, какъ пшеница и ячмень, потерявшіе съ войной внѣшніе рынки, причѣмъ вліяніе этой потери въ цифрахъ выразить невозможно, получаемъ для декабря (а по отношенію къ хлопку и хлопчатобумажнымъ товарамъ для марта) 1915 г. такую общую картину относительнаго вліянія разныхъ специальныхъ причинъ дороговизны, созданныхъ войною¹:

ТОВАРЫ.	Общее въхъ вздорожаніе.	Удешевленіе денегъ.	Увеличеніе налоговъ и стоимости перевозки.	Увеличеніе издержекъ производства.	Затрудненія въ транспортѣ и спекуляція
Рожь	78,5 %	30,0 %	4,0 %	4,0 %	40,5 %
Овесъ	124,1 %	30,0 %	3,0 %	3,0 %	88,1 %
Гречн. крупа.	122,7 %	30,0 %	2,0 %	3,0 %	87,7 %
Пшено	100,8 %	30,0 %	2,0 %	3,0 %	65,8 %
Сахаръ	55,6 %	30,0 %	6,4 %	0,6 %	18,6 %
Хлопокъ	100,0 %	30,0 %	16,1 %	0,0 %	53,9 %
Хлопчатобумажныя ткани	79,9 %	30,0 %	13,1 %	4,0 %	32,8 %
Въ среднемъ	94,3 %	30,0 %	6,6 %	2,4 %	55,3 %

Эта таблица наглядно показываетъ, какую огромную первостепенную роль въ большинствѣ случаевъ играютъ затрудненія въ транспортѣ и снабженіи и спекуляція. Слѣдующее затѣмъ мѣсто въ созданіи дороговизны товаровъ во время войны принадлежитъ паденію цѣны денегъ. Увеличеніе налоговъ и стоимости перевозки сколько-нибудь замѣтно, даже значительно сказывается на цѣнахъ фабрикатовъ—сахара, хлопчатобумажныхъ тканей и матеріала для послѣднихъ—хлопка. Наконецъ, вліяніе роста издержекъ производства на подъемъ цѣнъ всѣхъ товаровъ было невелико, чтобы не сказать—совсѣмъ ничтожно.

¹ Оговариваемся: для хлѣбовъ и крупъ увеличеніе издержекъ производства показано приблизительно, притомъ, во избѣжаніе ошибки, взяты возможно максимальныя цифры.

IV. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СМЫСЛЪ ДОРОГОВИЗНЫ, ВЫЗВАННОЙ ВОЙНОЮ.

Вздорожаніе жизни подѣ влияніемъ войны наблюдается во всѣхъ воюющихъ и даже нейтральныхъ странахъ. И вездѣ— не въ одной Россіи—здѣсь оказываются дѣйствующими почти тѣ же спеціальныя причины, созданныя войной: и удешевленіе денегъ, и увеличеніе налоговъ, и ростъ издержекъ производства, и спекуляція. Но характерно прежде всего, что, сравнивая въ этомъ отношеніи другія страны съ Россіей, приходится присоединять слово «почти»: дѣло въ томъ,

.

 что нигдѣ деньги не пали въ цѣнѣ такъ сильно, какъ въ Россіи, нигдѣ спекуляція не достигла такой широты размаха и, наконецъ, вездѣ издержки производства, особенно увеличеніе заработной платы, сыграли болѣе крупную роль, чѣмъ у насъ.

Все это понятно: развитой, культурный капитализмъ не могъ устранить съ поля дѣйствія воскрешенныя войной тѣни прошлаго, снова возродившіяся къ жизни: неразмѣнность бумажекъ или бумажное денежное обращеніе (одна только Англія удержала золотую валюту, только ея капитализму эта ноша оказалась по плечу и въ военное время), спекуляцію, увеличеніе косвеннаго обложенія: но этотъ капитализмъ передовыхъ странъ оказался все-таки достаточно мощнымъ для того, чтобы свести эти причины дороговизны къ возможному минимуму. И онъ былъ настолько осмотрителенъ, что не покушался на основной нервъ капиталистическаго хозяйства,—не прибѣгнулъ къ удорожанію транспорта и опять-таки свелъ къ минимуму разстройство снабженія. Наконецъ, при развитомъ капитализмѣ неизбѣжны стали существенныя уступки рабочимъ въ отношеніи заработной платы, болѣе или менѣе соотвѣтствующія общему вздорожанію жизни.

Не трудно понять и основной механизмъ, сдѣлавшій возможными такія мѣры и явленія въ странахъ высоко-развитого, культурнаго капитализма: механизмъ этотъ—высокая организованность общественныхъ силъ и большая или меньшая демократичность западно-европейской государственности.

И, конечно, война эту организованность только увеличила. И государство, и муниципалитеты, и промышленныя, и банковыя, и сельско-хозяйственныя, и рабочія организаціи существенно расширили, далеко раздвинули рамки своей работы и своего вліянія.

Конечно, одни изъ основныхъ причинъ дороговизны, существовавшихъ и до войны,—союзы предпринимателей и банковыя

объединенія—продолжали дѣйствовать и послѣ начала войны и даже усилили свою энергію. Но сила организаціи трудящихся и демократическая государственность все же сумѣли и успѣли положить нѣкоторый предѣлъ аппетитамъ финансовой, промышленной и аграрной олигархіи. Конечно, война создала сильное подобіе усиленнаго протекціонизма, прекративъ почти вполнѣ подвозъ германскихъ товаровъ, что также содѣйствовало подъему цѣнъ. Но мобилизація промышленности, переходъ ея на военное положеніе, специализація ея въ работѣ на арміи парализовала попытки использовать освободившійся отъ германскихъ товаровъ рынокъ усиленіемъ собственнаго фабричнаго производства и своеобразно индустриализировала Англию и Францію, направивъ ихъ промышленность не на развитие, а на истребленіе производительныхъ силъ.

Такимъ образомъ, однѣ изъ причинъ, вызывавшихъ дороговизну до войны, были нейтрализованы въ своемъ дѣйствіи во время войны военными условіями, обстоятельствами и потребностями, другія, хотя и продолжали вліять и даже и усилили свое вліяніе, но все же это вліяніе было сдержано въ извѣстныхъ предѣлахъ рабочими организаціями и демократической государственностью.

Отсталость російскаго капитализма сравнительно съ западно-европейскимъ наложила печать большой оригинальности на русскую дороговизну во время войны. Подъ вліяніемъ этой отсталости появились своеобразныя сочетанія условій, и во многомъ обнаружались явленія, рѣзко расходящіяся съ наблюдаемыми на западѣ, часто даже прямо противоположныя послѣдствіямъ.

Мы наблюдали уже основную особенность дороговизны въ Россіи—первостепенное вліяніе на дороговизну спекуляціи и затрудненій въ и снабженіи населенія товарами. Каковъ экономическій и социальный смыслъ этой особенности,—прежде всего огромной спекуляціи?

Война въ Россіи сильно измѣнила экономическое соотношеніе между сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью, ихъ удѣльный вѣсъ. Конечно, война сократила производство и здѣсь, и тамъ, и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ промышленности. Но сокращеніе въ сельскомъ хозяйствѣ значительно больше, чѣмъ въ промышленности. Въ самомъ дѣлѣ: недосѣвы достигли въ Новороссіи, Прикавказьѣ, Крыму, въ Сибири 25—50% засѣвавшейся прежде площади; скотоводство сократилось на 25%, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже на 50%; а между тѣмъ въ сахарномъ производствѣ сокращеніе не превысило 11,4%, производство хлопчатобумажное уменьшилось только на 12,2%. А металлообрабатывающая промышленность даже разбухла, правда односторонне, болѣзненно, насчетъ военныхъ заказовъ.

Такимъ образомъ, какъ-никакъ, а приходится признать, что въ военное время Россія сдѣлала довольно замѣтный шагъ въ сторону индустриализаціи. Это способствовало, какъ и всегда и вездѣ, росту цѣнъ на сельскохозяйственные продукты. Такъ создалось обстоятельство, содѣйствовавшее спекуляціи. Та же спекуляція до войны питалась протекціонизмомъ и союзами предпринимателей. Но вѣдь война въ условіяхъ русской дѣйствительности довела до чрезвычайныхъ размѣровъ протекціонизмъ и сильно увеличила предпринимательскую организованность.

Пошлины на иностранные товары были повышены въ среднемъ на 50 %. Еще важнѣе то, что фактически заграничный ввозъ почти совершенно прекратился, если не считать предметовъ военного снаряженія, тогда какъ внѣшняя торговля Англии сейчасъ меньше нормальной всего на 20 %, а Франціи на 30—35 %,—въ Россіи она сократилась на $\frac{9}{10}$. На дѣлѣ водворилась, значить, запретительная система.

Какъ усилились во время войны наши союзы предпринимателей и центральная ихъ организація—совѣтъ съѣздовъ промышленности и торговли,—хорошо извѣстно. И чрезвычайно характерно, что когда сравнительно передовая наша общественная организація—съѣздъ военно-промышленныхъ комитетовъ устами В. А. Черегородцева и С. Н. Прокоповича высказался за широкую общественную организацію въ дѣлѣ борьбы съ дороговизной и затрудненіями въ и снабженіи населенія предметами первой необходимости, совѣтъ съѣздовъ охладѣлъ къ военно-промышленнымъ комитетамъ и порвалъ живую связь съ ними, отозвавъ изъ центрального военно-промышленнаго комитета своего дѣльца—барона Майделя. Характерно и то, что эта попытка демократизировать борьбу съ дороговизной и затрудненіями въ снабженіи, приблизить нашу дѣйствительность хоть отчасти къ западно-европейскому культурному уровню и образцу, встрѣтила лишь очень слабый откликъ на съѣздѣ городского союза и совсѣмъ не встрѣтила его на съѣздѣ союза земскаго, положившемъ просто подъ сукно проектъ широкой общественной организаціи: главная масса нашей буржуазіи—промышленной и особенно аграрной—смотреть на такого рода проекты не менѣе подозрительно, чѣмъ бюрократія и единомышленники Маркова 2-го. А между тѣмъ безъ наличности такой общей широкой организаціи демократическаго типа и военно-промышленные комитеты, и земскій и городской союзы, субъективно стараясь сдерживать спекуляцію, умѣрять ростъ дороговизны, объективно, независимо отъ своей воли и прямо, и косвенно способствуютъ дѣятельности предпринимательскихъ союзовъ, выступая на рынкѣ съ массовыми заказами и облегчая ориентировку въ хозяйственной

конъюнктурѣ. Не надо, наконецъ, забывать, какой напряженный характеръ приобрѣла во время войны дѣятельность банковъ, въ особенности въ отношеніи подтоварныхъ ссудъ и корреспондентскихъ счетовъ. Банки явились и объединителями промышленности, и спекулянтами. Извѣстно, напр., что въ группѣ Русскаго для внѣшней торговли и Русско-азиатскаго банковъ объединены сахарные заводы, вырабатывающіе до 60% всего русскаго производства сахара.

Если на западѣ Европы свободная игра силъ, обострившихъ дороговизну, стѣснялась во время войны демократической организованностью, то у насъ, наоборотъ, за отсутствіемъ этой послѣдней и вслѣдствіе противодѣйствія ея установленію не только со стороны власти нмущихъ, но даже и со стороны большинства прогрессивной оппозиціи, эта игра силъ достигла во время войны необычайной широты размаха. Это—прямое слѣдствіе отсталости русскаго капитализма, для котораго спекуляція, непомѣрное вздуваніе цѣнъ во что бы то ни стало—родная стихія.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находились и затрудненія въ . . . и снабженіи, также сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовавшія спекуляціи. Весьма умѣренный по своимъ взглядамъ членъ Гос. Думы Герценвицъ характеризовалъ это явленіе въ такихъ выраженіяхъ: «мы видимъ огромныя залежи въ полтора-два тысячъ вагоновъ, сотни станцій, закрытыхъ для пріема всякаго груза; и весь этотъ разладъ сопровождается неслыханными поборами, взятками и всякими иными злоупотребленіями». «Даже представители земскихъ организацій и Краснаго Креста обязаны были прибѣгать къ подобнаго рода взяткамъ, чтобы дѣйствительно получить какіе-нибудь вагоны». Можно прибавить, что одна видная общественно-демократическая организація въ центрѣ страны, объединяющая многія сотни родственныхъ ей учрежденій, вынуждена содержать на всѣхъ главныхъ путяхъ перевозки товаровъ 87 агентовъ-«толкачей» для «смазки» механизма, заправляющаго грузовымъ движеніемъ,— и передъ нами въ яркихъ краскахъ предстанетъ картина, въ которой «старина наша слышится», — картина типичная для хищническаго, первоначальнаго капитализма.

И мѣстныя таксы, запрещенія вывоза товаровъ изъ предѣловъ той или другой губерніи, реквизиціи по низкимъ цѣнамъ только увеличили спекуляцію, создавая полную сумятицу и давая возможность темнымъ дѣльцамъ ловить рыбу въ мутной водѣ, часто даже совсѣмъ лишая рынокъ цѣлаго ряда товаровъ. Нужно ли опредѣлять точнѣе экономическій и социальный смыслъ этой бюрократической борьбы съ дороговизной?

Тотъ же смыслъ—знаменія капиталистической отсталости Россіи—имѣютъ, наконецъ, и другія учтенныя нами выше при-

чины дороговизны во время войны: сильное паденіе цѣны денегъ, значительное увеличеніе провозной платы и налоговъ по отношенію къ фабричнымъ издѣліямъ и слабость роста заработной платы.

Огромные запасы золота не помѣшали паденію цѣны бумажныхъ денегъ, какъ только размѣръ былъ прекращенъ. Паденіе это оказалось затѣмъ чрезвычайно большимъ не только потому, что вывозъ сократился на $\frac{9}{10}$, и что бумажекъ было выпущено очень много, но и, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что производительныя силы страны были развиты слабо и поэтому были сильно поколеблены военнымъ испытаніемъ.

.

Н. Рожковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВЪ ТИСКАХЪ МІРОВОЙ КОНКУРЕНЦІИ.

Швейцарія самый мирный и безмятежный уголокъ Европы — это школьная истина, которую мы знаемъ еще изъ «Писемъ русскаго путешественника» Карамзина. Будучи союзомъ національностей, она ради сохраненія единства была всегда заинтересована и благодаря своему демократическому строю была въ состояніи поддерживать внутренний національный миръ, когда за ея предѣлами по обѣ стороны Рейна кипѣли націоналистическія страсти. И во внѣшней своей политикѣ Швейцарія была абсолютно нейтральна, какъ ни одна страна въ Европѣ. Ея нейтралитетъ гарантировался не только международными договорами, но и ея географическимъ положеніемъ, ея демократическими учреждениями, ея народной милиціей, ея разноплеменностью и прежде всего всѣмъ ея экономическимъ укладомъ жизни.

Швейцарія давно перестала быть замкнутымъ, самодовлѣющимъ хозяйственнымъ организмомъ. По степени индустриализации и по связанности съ мировымъ хозяйствомъ она занимаетъ теперь одно изъ первыхъ, если не первое, мѣсто среди континентальныхъ государствъ Европы. Согласно переписи 1910 г. въ Швейцаріи въ сельскомъ хозяйствѣ занято лишь 27,7% населенія, а въ индустріи и желѣзно-дорожномъ хозяйствѣ — 49%. При этомъ Швейцарія по своимъ природнымъ условіямъ вынуждена почти все сырье, нужное для ея промышленности, ввозить изъ-за границы; отсюда же она вынуждена ввозить $\frac{1}{7}$ потребляемаго ею хлѣба. Благодаря отсутствію собственного угля, желѣза, шерсти, хлопка и т. п., производство здѣсь специализировалось на изготовленіи предметовъ роскоши высокаго качества, предназначенныхъ главнымъ образомъ для экспорта или для продажи богатымъ иностранцамъ, живущимъ въ самой Швейцаріи. Швейцарскія вышиванія, ея дорогіе часы, ея отличающіяся особенной прочностью машины, ея сыръ, шоколадъ и пр., — все это продукты и издѣлія, предназначенныя для мірового рынка, и торговыя связи Швейцаріи ставятъ ее почти въ одинаковую зависимость отъ обѣихъ антагонистическихъ группъ державъ. Въ 1913 г. ввозъ изъ центральныхъ державъ составлялъ 38,96%, а изъ державъ четверного согласія — 45,15% общаго швейцарскаго ввоза, вывозъ въ первый составлялъ 28,98%, а во вторыя 46,63% общаго швейцарскаго вывоза.

Неудивительно, что Швейцарія всегда хотѣла жить со всѣми въ мирѣ и что швейцарскій обыватель расдѣлялъ еще народную пѣсенку добраго стараго времена — «Tous les peuples viendront manger a la même gamelle», когда сосѣднія государства оцѣтенивались другъ противъ друга штыками.

Швейцарцы не только хотѣли мира для себя. Они считали себя

призванными прокладывать путь къ миру и другимъ народамъ. Вотъ что говорить, напр., циркуляръ, изданный въ сентябрѣ 1914 г. директоромъ департамента просвѣщенія цюрихскаго кантона д-ромъ Эрнстомъ. «Мы будемъ себя причислять къ счастливѣйшимъ народамъ Европы, если намъ удастся и впредь выполнять ту миссию, которую мы сами на себя возложили — служить очагомъ свободы и братскаго единенія различныхъ племенъ... Какъ въ отношеніи религіи и вѣроисповѣданія, такъ и въ отношеніи политическаго направленія, наша школа является нейтральной почвой. Она не мѣсто для возбужденія симпатіи или антипатіи къ одной изъ воюющихъ странъ... Она должна, напротивъ, пользоваться случаемъ, чтобы въ противовѣсъ разрушительной силѣ мировой войны, выставить въ яркомъ свѣтѣ культурныя задачи мира и выработать изъ юношей друзей мирнаго сожителства между народами».

Такъ мечтали о культурной миссии Швейцаріи ея государственные люди, и многіе наблюдавшие ее со стороны идеалисты вѣрили, что ей и подобнымъ ей демократическимъ странамъ эту миссию удастся осуществить; многіе думали, что жизнь Швейцаріи есть прообразъ той гармоніи национальныхъ интересовъ, того мирнаго соревнованія национальныхъ культуръ, которое постепенно установится во всей Европѣ по мѣрѣ устраненія въ ней пережитковъ феодализма.

Исторія посмѣялась надъ этими иллюзіями. Какъ только разразилась война, Швейцарія сразу превратилась изъ братскаго союза національностей въ арену столкновенія тѣхъ самыхъ интересовъ, которые раздираютъ сейчасъ миръ. Оказалось, что въ книгѣ судебъ для Швейцаріи начертана была совсѣмъ не та миссія, о которой говорилъ д-ръ Эрнстъ — Швейцарія какъ будто должна была продемонстрировать, что даже въ ея исключительно благоприятныхъ для процвѣтанія пацифизма и либерализма условіяхъ буржуазія не можетъ сейчасъ устоять противъ общеевропейской тяги буржуазнаго общества къ империалистической реакціи. Знаменателенъ былъ уже тотъ новый языкъ, которымъ заговорили самые передовые элементы швейцарской буржуазной интеллигенціи въ началѣ мировой войны, языкъ, лишенный и слѣдовъ сентиментальности и маниловщины.

Типиченъ въ этомъ отношеніи былъ докладъ любимаго швейцарскаго поэта Карла Шпиттелера, прочитанный имъ въ концѣ 1914 г. въ «Новомъ Гельветическомъ обществѣ» на тему — «Наша швейцарская точка зрѣнія». Шпиттелеръ предостерегалъ своихъ согражданъ отъ одностороннихъ националистическихъ увлеченій, подрывающихъ основы швейцарскаго единства, и рѣчь его произвела тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что ораторъ, будучи связанъ по своему воспитанію и по своимъ личнымъ знакомствамъ исключительно съ нѣмцами, имѣлъ мужество заострить свою критику въ первую голову противъ германофиловъ и сдѣлать это въ самомъ гнѣздѣ швейцарскаго германофильства — въ Цюрихѣ. Уже это одно обстоятельство говорило за то, что въ атмосферѣ шовинистическаго угара у Шпиттелера не угасли чувства демократа. И все таки достаточно сопоставить его рѣчь съ выше цитированнымъ циркуляромъ Эрнста, чтобы убѣдиться, какъ подъ влияніемъ войны рѣзко измѣнилось настроеніе швейцарской демократической интеллигенціи. Шпиттелеръ призывалъ своихъ согражданъ въ

настоящее трудное время тѣснѣ сплотиться вокругъ швейцарскаго федеральнаго знамени, призывать ихъ не забывать, что нѣмцы и французы только «сосѣди», а швейцарцы «братья» и что понятие «сосѣдь» дѣлой пропастью отдѣлено отъ понятія «братъ».

«Почему собственно наши войска стоятъ теперь на границѣ?» — спрашивалъ онъ. «Потому что государственныя объединения представляютъ собой не сентиментальныя или моральныя силы, а силы въ буквальномъ физическомъ смыслѣ слова — *Gewaltmacht*. Не даромъ государство охотнѣ всего изображаютъ на своихъ гербахъ хищныхъ звѣрей. На дѣлѣ вся мудрость всемирной истории можетъ быть выражена въ одной фразѣ: каждое государство грабить, сколько можетъ... Съ перерывами для пищеваренія и съ припадками безсилія, которые называются «миромъ»... Вы ссылаетесь на общность расы, культуры и языка», говорилъ онъ, обращаясь къ швейцарскимъ германофиламъ. «Какъ будто рѣчь теперь идетъ о филологии! Какъ будто пушки всехъ народовъ не говорятъ теперь на одномъ и томъ же языкѣ! Какъ будто эта война не доказала, до какой степени государственная связь крѣпче национальной... Не полагайтесь на ту дружбу, которая связывала насъ съ сосѣднимъ народомъ въ мирное время. Это невинныя вещи, интересующія только людей питатскихъ. Теперь правительства, не исключая тѣхъ, которыя прикрываются мнимыми парламентами, при помощи военной дисциплины держатъ въ рукахъ своихъ подданныхъ съ ихъ головами и сердцами, и братству народовъ наступилъ конецъ...»

Шпиттелеръ съ ѣдымъ и злымъ сарказмомъ говоритъ о современныхъ международныхъ отношеніяхъ, но онъ утратилъ вѣру въ возможность ихъ измѣненія и потому предлагаетъ швейцарцамъ примѣниться къ обстоятельствамъ и тоже стать на точку зрѣнія государственнаго эгоизма. Шпиттелеръ, подобно Эрнсту, остался на нейтральной, «швейцарской» позиціи. Но идеалистъ Эрнстъ, вѣрный добрымъ завѣтамъ 48 года проплага вѣка, хочетъ, чтобы Швейцарія служила путеводной звѣздой для народовъ, чтобъ она «служила очагомъ свободы и братскаго единенія племенъ». Шпиттелеръ, вѣрный духу своего времени, не вѣритъ уже въ швейцарскую культурную миссію и хочетъ, чтобы швейцарцы предоставили своимъ сосѣдямъ ихъ собственной судьбѣ, руководясь правиломъ: «*Chacun chez soi, chacun pour soi*», что по-русски означаетъ — «наша хата съ краю» или «своя рубашка ближе къ тѣлу».

На примѣрѣ Шпиттелера можно видѣть, какъ сильно «шоумягли» швейцарскіе буржуазные демократы подъ вліяніемъ уроковъ войны. Не и сугубо трезвая шпиттелеровская формулировка «швейцарской точки зрѣнія» уже сейчасъ не приемлема для швейцарской буржуазии, которой мировая катастрофа открыла различныя заманчивыя перспективы. Шпиттелеръ, какъ и большинство швейцарскихъ демократовъ, любящихъ свою родину такой, какъ она есть, отчаявшійся въ возможности оздоровленія международной атмосферы, хочетъ, чтобъ Швейцарія околѣла отъ сосѣдей, чтобъ она окружила себя какъ бы карантинномъ. Такимъ способомъ они надѣются оградить Швейцарію отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній и сохранить въ ней *status quo ante*. Но *status quo ante* сейчасъ не удовлетворяетъ уже ни одной изъ вліятельныхъ и экономически сильныхъ группъ швейцар-

своей буржуазии: крупное крестьянство, аграрии пользуются сейчас критическим положением своего отечества для того, чтобы тащить его народъ къ средневѣковой; промышленная же и торговая городская буржуазия, пользуясь тѣмъ же положениемъ, тащатъ Швейцарію на широкую дорогу воинственнаго империализма, толкаютъ ее въ объятія той или другой группы великихъ державъ. Если при такихъ условіяхъ пока верхъ одерживаютъ въ странѣ все же защитники нынѣшняго швейцарскаго режима, то это объясняется лишь тѣмъ, что недовольные настоящимъ положениемъ толкаютъ свою страну въ разныя стороны и такимъ образомъ до поры до времени другъ друга нейтрализуютъ. Едва ли, однако, это неустойчивое равновѣсіе сможетъ очень долго сохраниться.

Больше всѣхъ пламенѣютъ сейчасъ патриотизмомъ въ Швейцаріи аграрии. Но они стоятъ не на швейцарской, а, такъ сказать, на «истинно-швейцарской точкѣ зрѣнія. Они еще гораздо больше, чѣмъ Шпиттелеръ и его друзья, хотятъ окопаться Швейцарію отъ «сосѣдей», но не для того, чтобы въ ней тѣмъ тѣснѣ зажили «братья», какъ мечтаетъ Шпиттелеръ, а для того, чтобъ имъ, аграріямъ, тѣмъ удобнѣе было усаживаться на спинѣ у «братьевъ». Чтобы ближе познакомиться съ этой категоріей современныхъ швейцарскихъ патриотовъ, намъ необходимо спуститься съ высоты идеологіи въ самыя низины прозаической повседневной жизни.

Когда разразилась война, въ Швейцаріи, какъ и всюду, остро всталъ вопросъ о народномъ продовольствіи. Главный предметъ питания средней швейцарской семьи — молочные продукты. Чтобы обезпечить продовольствіе населенія, федеральное правительство вначалѣ запретило вывозить эти продукты за-границу. Эта мѣра послужила сигналомъ къ борьбѣ между аграріями и городами, — борьбѣ, закончившейся полной побѣдой первыхъ по всей линіи. Запретъ вывоза молочныхъ продуктовъ былъ очень скоро правительствомъ снятъ и оставленъ лишь для нѣкоторыхъ низшихъ сортовъ сыра.

По инициативѣ секретаря «Крестьянскаго Союза» проф. Лаура, былъ организованъ синдикатъ — «Общество швейцарскихъ фирмъ экспорта сыра», который фактически монополизировалъ въ своихъ рукахъ весь вывозъ молочныхъ продуктовъ изъ Швейцаріи и одновременно сталъ законодателемъ цѣнъ на молочные продукты на внутреннемъ рынкѣ. Ссылаясь на то, что отъ продажи молока сельскіе хозяева получали меньшую прибыль, чѣмъ отъ продажи сыра по высокой казенной таксѣ, этотъ синдикатъ два раза добился повышенія цѣнъ на молоко, не взирая на протесты городскихъ думъ и большинства органовъ печати и на увѣщанія федеральнаго правительства. Такимъ способомъ аграрии выколочили изъ населенія за одинъ прошлый годъ 12,6 милл. франковъ одной лишь сверхъ-прибыли, и этого они достигли въ тяжелый годъ войны, когда жизнь немаловѣрно вздорожала, когда расходы на пищу стали поглощать 66% семейнаго бюджета въ Швейцаріи, между тѣмъ какъ они еще въ 1908 г. поглощали всего 41,6% бюджета!

Чѣмъ же объяснить, что аграрии, представляющие интересы не болѣе, чѣмъ сельской части населенія Швейцаріи, и въ смыслѣ капиталистической мощи уступающіе городской буржуазіи, сумѣли навязать свою

волю всему швейцарскому народу? Ключъ къ этой загадкѣ намъ даетъ отчетъ Союза Швейцарскихъ Кооперативовъ, изданный въ 1915 г.

До войны этотъ союзъ велъ энергичную борьбу съ аграріями за удешевленіе нищевыхъ продуктовъ. Послѣ объявленія войны онъ, какъ признаетъ отчетъ, не только прекратилъ эту борьбу, но даже активно помогъ вождю «Крестьянскаго Союза» организовать упомянутый синдикатъ для поддержанія цѣнъ молочныхъ продуктовъ на известной высотѣ, — въ надеждѣ, впрочемъ, что синдикатъ не злоупотребитъ своей силой для чрезмѣрнаго взвинчиванія цѣнъ. Это примиреніе съ аграріями, говоритъ отчетъ, диктовалось патріотическимъ долгомъ кооперативовъ: въ виду непредвидѣнныхъ превратностей затяжной войны всякій добрый швейцарскій гражданинъ обязанъ былъ думать о возможно большемъ огражденіи экономической независимости отечества отъ сосѣдей, а для достиженія этой цѣли необходимо было оказать поддержку важнѣйшей отрасли швейцарскаго сельскаго хозяйства, хотя бы въ ущербъ интересамъ потребителей.

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ аграріи умѣло использовали для своей наживы патріотическія заботы известныхъ слоевъ населенія объ огражденіи экономической независимости Швейцаріи. Но воплѣ аграріи показали себя, развернувъ всю свою программу попятнаго развитія Швейцаріи, въ связи не съ «молочнымъ», а съ «хлѣбнымъ» вопросомъ.

Мы уже говорили, что Швейцарія производитъ сама только седьмую часть нужнаго ей хлѣба. Благодаря климатическимъ и почвеннымъ условіямъ Швейцаріи, хлѣбопашество здѣсь стало невыгоднымъ, не могло выдержать міровой конкуренціи и изъ года въ годъ все болѣе и болѣе вытѣснялось экстенсивнымъ хозяйствомъ — скотоводствомъ. Еще въ 1881 — 1890 гг. Швейцарія производила сама 24,09% нужнаго ей хлѣба, въ 1891 — 1900 гг. этотъ процентъ упалъ до 19,87%, въ 1901 — 1910 гг. — до 17%, въ 1911 — 1913 гг. — до 14,71%. Несмотря на этотъ упадокъ зерноваго хозяйства, война не угрожала Швейцаріи голодомъ, потому что изъ блокированной Германіи, запретившей вывозъ хлѣба, она до войны (въ 1913 г.) получала только 4,8% всего ввозимаго хлѣба, а 94,5% получала оттуда, откуда и теперь могла получать, — изъ Россіи, Соединенныхъ Штатовъ, Канады, Румыніи и Аргентины. Серьезныя затрудненія могли возникнуть только благодаря временнымъ пріостановкамъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, а главное, благодаря хлѣбной спекуляціи. Но съ этими затрудненіями федеральное правительство довольно легко справилось. Оно съ самаго начала войны запретило накапливать хлѣбные запасы больше, чѣмъ на мѣсяць (осенью 1915 г., когда призракъ голода исчезъ, это запрещеніе было отменено); затѣмъ съ января 1915 г. введена была государственная монополія въ дѣлѣ закупки хлѣба за-границей, одновременно установлена была казенная такса на муку. Благодаря этимъ энергичнымъ мѣрамъ, ввозъ хлѣба изъ за-границы, сократившійся въ первые мѣсяцы войны на 31%, въ 1915 г. даже значительно увеличился по сравненію съ прошлымъ годомъ: за первые 4 мѣсяца 1914 г. въ Швейцарію ввезено было 1.398.760 двоиц. центнеровъ пшеницы, а за соответственные мѣсяцы 1915 г. — 2.364.230 дв. цент.

Такъ хлѣбный вопросъ въ условіяхъ военнаго времени былъ рѣшенъ

въ Швейцаріи безъ коренной ломки сельско-хозяйственной системы. Правда, несмотря на упомянутыя выше мѣры, хлѣбъ и въ Швейцаріи сильно вздорожалъ за время войны, но это вздорожаніе шло вслѣдъ за общимъ повышеніемъ цѣнъ во всѣхъ европейскихъ странахъ, вызванными затрудненіями въ транспортѣ; и оно нисколько не зависѣло отъ того, питается-ли страна, какъ Швейцарія, ввознымъ хлѣбомъ или собственнымъ. Цѣны на хлѣбъ поднялись сравнительно умеренно: такъ, въ Цюрихѣ, напримѣръ, кварталъ пшеницы за 1914 г. вздорожалъ на 8 фр. 50 сент., между тѣмъ, какъ въ Будапештѣ онъ вздорожалъ на 19,74 фр. Наоборотъ, въ Генуѣ онъ вздорожалъ сильнѣе (на 7,5 фр.), чѣмъ въ Ливерпулѣ (на 6,9 фр.), несмотря на то, что Англія ввозитъ 74%, а Італія лишь 9% потребляемаго хлѣба.

Казалось бы, что хлѣбный вопросъ въ Швейцаріи не давалъ во время войны повода бить тревогу, что отечество въ опасности. Но иначе на это дѣло посмотрѣли аграріи. Сейчасъ у насъ въ странѣ хлѣба достаточно, говорили они, это правда. Но мы этимъ обязаны государствамъ четверного согласія; стоитъ имъ закрыть границы, и мы будемъ обречены на голодъ. Совмѣстимо ли съ достоинствомъ и независимостью страны, чтобы она обязана была своимъ пропитаніемъ доброжелательству сосѣдей? Въ настоящее критическое время всѣ истинные швейцарскіе патриоты обязаны содѣйствовать тому, чтобы Швейцарія могла сама себя прокормить, а для этого необходимо искусственно поднять цѣны на хлѣбъ на внутреннемъ рынкѣ, чтобы издержки его производства окупались и чтобы хлѣбопашество отбрасывало такую же прибыль, какъ травосѣяніе и молочное хозяйство. Чтобы быть подкованной на всѣ четыре ноги, Швейцарія необходимо — либо ввести такую же протекторатную пошлину на хлѣбъ, какую ввела Германия, либо же сохранить навсегда введенную во время войны государственную монополію въ хлѣбной торговлѣ, — при условіи, чтобы государство закупало за-границей хлѣбъ по мировымъ рыночнымъ цѣнамъ, а у швейцарскихъ крестьянъ — по повышеннымъ.

Куда приведетъ бы Швейцарію путь, намѣченный аграріями? 2/7 населенія въ угоду одной седьмой должны были бы переплачивать на хлѣбъ 20% его стоимости. Достигнутое такимъ способомъ увеличеніе запашекъ все-же лишь на одну треть покрыло бы внутренній спросъ на хлѣбъ; за то оно привело бы къ увеличенію числа сельско-хозяйственныхъ рабочихъ за счетъ промышленныхъ, къ общему пониженію производительности труда въ странѣ, къ ея частичному перерожденію въ отсталую аграрную страну. Но для этого понадобились бы еще другія дополнительные мѣры и объ этомъ уже поговариваютъ аграріи и не только они. Съ тревогой отмѣчается въ буржуазной печати, что современное швейцарское населеніе питаетъ отвращеніе къ тяжелымъ видамъ труда. Крестьяне-батраки эмигрируютъ за-границу, и даже въ промышленности число швейцарцевъ-чернорабочихъ все болѣе уменьшается. Констатировано, что процентъ иностранцевъ рабочихъ съ 1895 по 1911 г. увеличился съ 12,7% до 22,3%, т. е., почти удвоился. Реакціонная печать объясняетъ это тѣмъ, что швейцарцы получаютъ слишкомъ хорошее образованіе въ народныхъ школахъ и что они поэтому склонны, проработавъ нѣкоторое время въ качествѣ ремесленниковъ или рабочихъ, покинуть плугъ или станокъ и искать

себѣ тихой пристани на общественной или государственной службѣ. Для обезпеченія «экономической самостоятельности» Швейцаріи, точнѣе, для обезпеченія ея сельскихъ хозяевъ дешевыми рабочими руками, необходимо, такимъ образомъ, помимо всего прочаго, сузить программу въ народныхъ школахъ, задержать развитіе народнаго просвѣщенія. И все это, по мнѣнію аграріевъ, швейцарцы обязаны сдѣлать изъ чувства патриотизма!

Мы изложили программу аграріевъ не потому, что она имѣетъ шансы на сколько-нибудь полное осуществленіе: какъ мы дальше увидимъ, городской буржуазіи эта программа отнюдь не улыбается; ее манятъ не средневѣковыя аграрныя, а современные империалистическія перспективы. Но, расходясь въ экономическихъ цѣляхъ, аграріи и городская буржуазія, особенно крупные промышленники, обнаруживаютъ полное согласіе въ вопросѣ о политическихъ средствахъ. И тѣ, и другіе стремятся къ созданію сильной правительственной власти, какъ къ удобному орудію для осуществленія ихъ антидемократическихъ программъ. И тѣ, и другіе въ этихъ видахъ умѣло эксплуатируютъ сейчасъ интересы государственной обороны для внесенія въ швейцарскую народную милицію прусскаго военнаго духа. Насколько они въ этомъ преуспѣли, можно судить по слѣдующимъ фактамъ, недавно вытасканнымъ на свѣтъ Божій оппозиціонной печатью.

Съ момента объявленія всеобщей мобилизаціи во главу арміи въ Швейцаріи, согласно конституціи, поставленъ былъ генераль¹, выбранный на соединенномъ засѣданіи законодательныхъ палатъ (Nationalrat и Ständerat). Выборъ не случайно, конечно, палъ на офицера, завѣдомо сочувствовавшаго прусскому капральскому режиму, и потому мало популярнаго въ народѣ. Вотъ этотъ-то генераль издалъ тайный приказъ, ставшій благодаря нескромности печати явнымъ, въ которомъ говорилось, что если офицеръ будетъ подвергнутъ наказанію не въ дисциплинарномъ, а въ судебномъ порядкѣ, офицерство съ этимъ приговоромъ не должно считаться. Параллельно съ этимъ въ другомъ приказѣ говорилось, что если солдаты по жалобѣ офицеровъ будутъ преданы суду и будутъ судомъ оправданы, эти строптивые «людишки» (Kerls) все-таки не должны избѣгнуть дисциплинарнаго взысканія. Еще ярче новый духъ въ арміи проявился въ другомъ приказѣ: Въ виду того, что въ случаѣ войны и связанной съ ней убыли въ офицерскомъ корпусѣ, можетъ понадобиться кое-гдѣ замѣщать офицеровъ унтеръ-офицерами, приказъ рекомендуетъ послѣднимъ уже сейчасъ провести рѣзкую грань между собой и рядовыми солдатами, не бесѣдовать съ ними по-пріятельски на ты, не обѣдать, не бражничать, не гулять съ ними вмѣстѣ и т. д.

Подобнаго рода распоряженія вызывали тревогу и недовольство въ широкихъ слояхъ населенія, тѣмъ болѣе, что благодаря всеобщей мобилизаціи очень многимъ гражданамъ приходилось большую часть времени проводить въ казармахъ. У нѣкоторыхъ при этомъ возникли сомнѣнія: стоитъ ли Швейцаріи накладывать на себя такое бремя, если, какъ выясняется изъ уроковъ настоящей войны, Швейцарія, въ

¹ Въ мирное время въ швейцарской арміи генераловъ нѣтъ, а въ военное это званіе носить только главнокомандующіи.

случае покушения на ее нейтралитет, и недѣля не сможет обороняться противъ непріятеля самостоятельно, не вступивъ въ союзъ, или точнѣе подъ крыло одной изъ группъ великихъ державъ? Вѣдь у Швейцаріи нѣтъ необходимыхъ условій для самостоятельной обороны, нѣтъ почти собственнаго хлѣба, нѣтъ совсѣмъ собственнаго желѣза, угля и т. д. и нѣтъ собственнаго выхода къ морю? Поскольку такія сомнѣнія возникали у людей изъ буржуазной среды, они почти неизмѣнно разрѣшались не въ томъ смыслѣ, что Швейцаріи нужно демобилизовать армию, а въ томъ, что ей раньше или позже придется, не дожидаясь нападенія, по собственной инициативѣ покинуть свою нейтральную позицію и связать свою судьбу съ одной изъ группъ великихъ державъ. Колеблющиеся люди изъ буржуазной среды ошущую приходили къ такому не совсѣмъ логичному выводу, потому что путь къ этому уже былъ проторенъ, потому что вліятельные элементы городской буржуазіи уже съ самаго начала войны сознательно держали курсъ въ этомъ направленіи.

Съ самаго начала войны швейцарская городская буржуазія разбилась на два лагеря изъ которыхъ одинъ — буржуазія западныхъ кантоновъ — высказывала промжо свои симпатіи къ Франціи и къ державамъ тройственнаго соглашения вообще, другой — буржуазія восточныхъ кантоновъ — къ Германіи. Симпатіи эти подчасъ высказывались въ такой формѣ, что швейцарскіе патриоты не безъ основанія упрекали оба лагеря въ томъ, что они ближе принимаютъ къ сердцу судьбу сосѣднихъ государствъ, чѣмъ судьбу собственнаго отечества.

Чѣмъ же объясняются эти такъ ярко и такъ неожиданно выявившіяся во время войны центробѣжныя тенденціи швейцарской городской буржуазіи? Мы говоримъ — городской, ибо среди крестьянъ онѣ проявляются очень слабо. Обычный отвѣтъ: эпидеміей націонализма; подъ вліяніемъ войны у французовъ, какъ и у нѣмцевъ, живущихъ по обѣ стороны швейцарской границы, остро заговорило, дескать, чувство національной общности, общности языка и культуры. Объясненіе поверхностное и, во всякомъ случаѣ, очень не полное. Общность языка и культуры имѣла, можетъ быть, рѣшающее значеніе для настроенія профессиональной интеллигенціи. Что же касается «почвенной», торгово-промышленной буржуазіи, то ее тяготѣніе къ той или иной группѣ воюющихъ державъ, объясняется сейчасъ не общностью языка, а тѣсными экономическими связями, исторически сложившимися отчасти на основѣ этой общности. Буржуазія западныхъ кантоновъ тѣсно экономически связана сейчасъ съ Франціей, такъ же, какъ буржуазія восточныхъ кантоновъ — съ Германіей, а въ экономически болѣе отсталыхъ западныхъ кантонахъ также часто можно услышать сейчасъ жалобы на «экономическое засилье» восточныхъ, какъ во Франціи — на «экономическое засилье» Германіи. Вотъ это-то экономическое редство содѣйствуетъ въ условіяхъ военнаго времени усвоенію мирной швейцарской буржуазіей империалистической идеологии буржуазіи германской или англійской и побуждаетъ ее временами проявлять болѣе сильную (хотя пока еще платоническую) любовь къ той или другой группѣ великихъ державъ, нежели къ собственному отечеству.

Двѣ группы экономическихъ интересовъ связываютъ Швейцарію

съ соседними государствами и каждая изъ нихъ порождаетъ свою политическую ориентацію.

Въ отношеніи товарообмѣна Швейцарія болѣе тѣсно связана съ государствами четверного согласія, чѣмъ съ центральными державами. Въ 1913 г. Швейцарія ввозила сырья изъ первыхъ на 300 милл. фр., изъ вторыхъ на 224 милл. фр., пищевыхъ продуктовъ — изъ первыхъ на 242 милл. фр., изъ вторыхъ на 131 милл. фр. Одновременно она вывозила фабричныхъ издѣлій въ первыя на 390 милл. фр., во вторыя на 247 милл. фр. Это должно было бы, казалось, вызвать преимущественное тяготѣніе швейцарской буржуазіи къ государствамъ четверного согласія. Но если для ориентаціи буржуазіи западныхъ кантоновъ эта тѣсная *торговая связь*, дѣйствительно, имѣетъ рѣшающее значеніе, то на политическую ориентацію буржуазіи промышленныхъ восточныхъ кантоновъ гораздо большее вліяніе оказываетъ *сотрудничество промышленности капиталовъ*; въ этомъ же отношеніи Швейцарія, и особенно восточная ея часть, гораздо тѣснѣе связана съ Германіей, нежели съ Франціей и Англійей¹.

Около 3 миллиардовъ, т. е. 26% швейцарскихъ займовъ помѣщены за-границей, и крупнѣйшимъ кредиторомъ Швейцаріи является Франція. Уже въ 1904 г. французскіе капиталисты владѣли швейцарскими процентными бумагами на сумму въ 900 милл. франковъ. Но, отдаживая 3 миллиарда фр. за границей въ среднемъ за 4% годовыхъ, швейцарская буржуазія помѣщаетъ за границей, и главнымъ образомъ, въ Германиі, 4 миллиарда франковъ въ промышленныя предпріятія, извлекая изъ нихъ, конечно, болѣе высокіе дивиденды, чѣмъ то, что ей приходится платить по займамъ. Неудивительно, что крупная буржуазія восточныхъ кантоновъ, являющаяся главнымъ экспортеромъ промышленнаго капитала въ Германиі, питаетъ къ ней братскія чувства. Но эти чувства не въ меньшей степени питаются усиленнымъ притокомъ германскихъ капиталовъ въ швейцарскую промышленность. Германскій капиталъ является крупнымъ лэйцистомъ въ главнѣйшихъ швейцарскихъ банкахъ. «Schweizerischer Bankverein» связанъ съ германской «Diskontogesellschaft», «Schweizerische Kreditanstalt» принадлежатъ къ концерну Германскаго банка, банкирская контора Ф. Шпэйръ и Комп. — къ концерну Дрезденскаго банка. Нѣмецкимъ капиталомъ орудуютъ крупнѣйшія швейцарскія промышленныя предпріятія — братьевъ Зумдербъ, Висъ и Комп., Броунъ-Бовери и Комп., фабрики Маджи, многія текстильныя фабрики. Цюрихскій банкъ для электрическихъ предпріятій основанъ былъ въ 1895 г. берлинской Allgemeine Elektrizitätsgesellschaft. Швейцарская машинная индустрія питается исключительно германскимъ углемъ и желѣзомъ, что при высокой степени картеллированія этой отрасли производства привлекаетъ германскій капиталъ къ участію въ самой машинной индустріи. Недаромъ на швейцарской федеральной выставкѣ въ Бернѣ имѣлся специальный, богато обставленный павильонъ Вестфальскихъ копей. Все это тысячами нитей связываетъ швейцарскую промышленную буржуазію съ

¹ Если, впрочемъ, сравнивать не группы державъ, а отдѣльныя государства, то окажется, что Германиа и въ отношеніи товарообмѣна тѣснѣе связана съ Швейцаріей, чѣмъ любая другая страна.

германской, и если принять во внимание, что промышленный капитал въ Швейцаріи, какъ и въ другихъ экономически развитыхъ странахъ, играетъ теперь гораздо болѣе крупную роль, чѣмъ капиталъ торговый, если принять во внимание, что ему подчинена огромная армія служащихъ, что онъ держитъ въ рукахъ своихъ буржуазныя большія газеты, что онъ имѣетъ возможность оказывать сильное вліяніе на всю финансовую и экономическую политику государства, то не трудно будетъ понять, почему средняя и мелкая буржуазія западныхъ кантоновъ жалуется на «нѣмецкое засилье» крупной буржуазіи восточныхъ, почему у этихъ двухъ группъ кантоновъ двѣ различныя международныя ориентаціи.

Сказанное объясняетъ не только различное *направленіе симпатій* буржуазіи западныхъ и восточныхъ кантоновъ, но и различныя *формы ихъ проявленія*. Буржуазія восточныхъ кантоновъ чувствуетъ себя хозяиномъ положенія въ странѣ, чувствуетъ себя отвѣтственной за официальную политику Швейцаріи. Поэтому она при всемъ своемъ сочувствіи къ Германіи и при готовности оказывать ей услуги, старается не слишкомъ афишировать эту дружбу и соблюсти видимость нейтральной позиціи, что ей, впрочемъ, почти никогда не удается. Въ противоположность ей буржуазія западныхъ кантоновъ, какъ экономически болѣе слабая и политически менѣе вліятельная въ федеральномъ союзѣ, играетъ въ немъ роль оппозиціоннаго меньшинства, и потому не стѣсняется въ самыхъ рѣзкихъ формахъ выражать свои симпатіи къ государствамъ четвернаго согласія и свою ненависть къ Германіи. За это нѣмецко-швейцарская печать ее обычно обвиняетъ въ недостаткѣ швейцарскаго патриотизма, въ пренебреженіи къ священной обязанности швейцарскаго гражданина — соблюдать строгій нейтралитетъ. Что въ выступленияхъ буржуазіи западныхъ кантоновъ ноты французскаго патриотизма звучатъ часто громче, чѣмъ ноты патриотизма швейцарскаго — безспорно. Но какъ мало нѣмецкіе швейцарцы призваны за это осуждать французскихъ, читатель можетъ судить по слѣдующимъ фактамъ.

Два раза за время войны Швейцарія находилась въ весьма критическомъ положеніи,—разъ въ срединѣ прошлаго года, другой разъ въ январѣ 1916 г., и въ обоихъ случаяхъ кризисъ вызванъ былъ тѣмъ, что люди, занимавшіе самое высшее положеніе въ швейцарскомъ буржуазномъ обществѣ и официально призванные блюсти интересы своего отечества, рисковали судьбой послѣдняго изъ желанія угодить Германіи.

Въ первомъ случаѣ дѣло касалось урегулированія швейцарскаго ввоза. Государства четвернаго согласія соглашались разрѣшать ввозъ товаровъ въ Швейцарію лишь въ томъ случаѣ, если всѣ закупки въ этихъ государствахъ будутъ дѣлаться черезъ посредство одной центральной организаціи, одного центрального «Ввознаго трэста», находящагося подъ контролемъ швейцарскаго правительства, и если этотъ трэстъ гарантируетъ имъ, что закупленные товары останутся въ Швейцаріи и не попадутъ въ руки нѣмцевъ или австрійцевъ. Вопросъ о возможно скоромъ созданіи Einfortrust'a стоялъ очень остро, ибо государства четвернаго согласія имѣли возможность въ каждый моментъ закрыть для Швейцаріи границы и такимъ способомъ парализовать ея промыш-

ленность и даже уморить ее голодомъ. И все-таки переговоры съ государствами четвернаго согласія тянулись безъ конца и одинъ разъ даже совсѣмъ оборвались, что вызвало, конечно, сильнѣйшую тревогу въ швейцарскомъ населеніи. Что же мѣшало соглашенію? Отчасти, несомнѣнно, тяжелыя условія, которыя ставились Швейцаріи: не могла, напримѣръ, Швейцарія отказаться отъ вывоза въ Германію какихъ бы то ни было швейцарскихъ фабричныхъ издѣлій, разъ только они изготовлены изъ французскаго или англійскаго сырья; не могла она также, безусловно, отказаться отъ вывоза сырья въ Германію, ибо она должна была давать послѣдней компенсацію за нѣкоторые получаемые у нея продукты, безъ которыхъ невозможно обойтись. Условія ставились Швейцаріи тяжелыя. Но если бь вѣрше отъ ея имени переговоры добились лишь огражденія ея насущныхъ экономическихъ интересовъ, компромиссъ могъ бы быть найденъ, и онъ, дѣйствительно, былъ найденъ и легъ въ основу увидѣвшаго, наконецъ, свѣтъ осенью прошлаго года трэста — «Société suisse de surveillance économique».

Если компромиссъ найденъ былъ такъ поздно и послѣ столькихъ треній, то это объясняется особаго рода причинами, имѣющими мало общаго съ интересами Швейцаріи. Уже съ самаго начала переговоровъ въ нѣкоторыхъ органахъ нѣмецко-швейцарской печати велась агитація противъ трэста не по дѣловымъ, а по «принципальнымъ» соображеніямъ. Лицо, занимавшее въ Швейцаріи видное общественное положеніе, выступило въ печати за подписью U. W., изобличившей его родство съ однимъ швейцарскимъ генераломъ, съ протестомъ противъ проектируемаго трэста, какъ противъ учрежденія несовмѣстимаго съ политической независимостью Швейцаріи. Скрытый смыслъ всей этой агитаціи выяснился лишь послѣ того, какъ одна лѣвая газета сдѣлала сенсационное разоблаченіе. Оказалось, что въ это время, какъ переговоры съ государствами четвернаго согласія о крайне необходимомъ для Швейцаріи трэстѣ съ такимъ трудомъ подвигались впередъ, въ Цюрихѣ уже давнымъ давно, съ начала 1915 г., благополучно функционировалъ аналогичный трэстъ, учрежденный на основаніи *тайнаго соглашенія* съ Германіей, предназначенный для регулированія ввоза изъ центральныхъ державъ, и что этотъ ввозной трэстъ, называющійся — «Treuhandstelle für Einfuhr deutscher Waaren», функционируетъ на основѣ соглашенія гораздо менѣе выгоднаго для Швейцаріи, чѣмъ то, о которомъ велись сейчасъ переговоры съ Франціей и Англійей. Оказалось, что въ Швейцаріи, подъ флагомъ швейцарскаго патриотизма дѣйствовали подпольныя силы въ ущербъ интересамъ страны и къ выгодѣ германскаго капитала. Разоблаченный лѣвой газетой фактъ вызвалъ сильное возмущеніе въ массахъ, и подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія сразу какъ-то исчезли всѣ, казавшіяся раньше непреодолимыми, препятствія къ учрежденію втораго ввознаго трэста.

Еще болѣе скандальная исторія выплыла наружу въ концѣ декабря прошлаго года, — исторія до сихъ поръ еще не ликвидированная. «Gasette de Lausanne» обнаружила, что два полковника швейцарскаго генеральнаго штаба, нарушивъ долгъ нейтралитета, оказывали услуги германской арміи. Одинъ, завѣдующій въ штабѣ разбѣдочнымъ отдѣломъ, сообщалъ регулярно германскому attaché свѣдѣнія о передвиженіи французскихъ войскъ, расположенныхъ близъ швейцарской

границы; другой содѣйствовалъ расшифрованію вѣдѣми непріятельскихъ телеграммъ, случайно попавшихъ въ ихъ руки. Этого мало. Когда правительства западныхъ кантоновъ поставили это на видъ федеральному правительству, генераль удалилъ обоихъ полковниковъ изъ генеральнаго штаба, но съ тѣмъ, чтобы назначить ихъ на еще болѣе отвѣтственные посты. Эти факты, получившіе широкую огласку, вызвали настоящую бурю въ странѣ, ибо такое поведеніе высшихъ офицеровъ грозило не только разстройствомъ съ такимъ трудомъ налаженнаго соглашения съ Франціей и Англійей, грозило не только закрытіемъ ихъ границъ, но и прямымъ вовлеченіемъ Швейцаріи въ войну. Положеніе создалось критическое, и тутъ особенно ярко обнаружилась противорѣчія, раздирающая сейчасъ Швейцарію.

Правительство для успокоенія населенія назначило слѣдственную комиссію и временно отстранило обоихъ полковниковъ отъ занимаемыхъ ими должностей. Буржуазныя газеты нѣмецкой Швейцаріи всячески старались умалить значеніе проступковъ двухъ офицеровъ, напоминая, что подобныя «некорректности» совершались также «съ другой стороны», т. е. французскими швейцарцами, что одинъ швейцарскій военный инженеръ, напримѣръ, бѣжалъ во Францію и тамъ поступилъ въ армію, что фрибургскій полицеймейстеръ снабдилъ фальшивымъ паспортомъ французскаго тайнаго агента и т. д. Во всякомъ случаѣ писали эти газеты, патристическій долгъ велитъ въ такой моментъ сохранять полное спокойствіе и оказывать полное довѣріе правительству. Печать и интеллигенція французскихъ кантоновъ, въ противоположность нѣмецко-швейцарской печати, вслѣдски старались раздуть скандалъ, причемъ въ началѣ ихъ нападки были направлены, — и это весьма характерно для нихъ, — не столько противъ виновныхъ швейцарскихъ офицеровъ, сколько противъ ихъ соблазнитель нѣмцевъ. Скандалъ для нихъ былъ какъ будто лишь удобнымъ поводомъ для разжиганія націоналистическихъ страстей. Это настроеніе особенно рѣзко обнаружилось въ шумныхъ уличныхъ манифестаціяхъ, устроенныхъ при участіи студентовъ въ Лозаннѣ, одна изъ которыхъ кончилась тѣмъ, что со зданія германскаго консульства сорванъ былъ германскій флагъ.

Отличную отъ описанныхъ двухъ позицій заняли соц.-демократы. И они, подобно французско-швейцарскимъ націоналистамъ, съ самаго начала забили сильнѣйшую тревогу по поводу скандала въ генеральномъ штабѣ; но они направили свои стрѣлы не противъ вѣншихъ, а противъ внутреннихъ враговъ. Они потребовали преданія суду офицеровъ и ихъ примѣрнаго наказанія. Они потребовали экстреннаго созыва парламента для лишенія правительства и генеральнаго штаба данныхъ имъ чрезвычайныхъ полномочій, мотивируя это требованіе тѣмъ, что военный режимъ, какъ оказалось, служилъ не къ охранѣ нейтралитета страны, а, напротивъ, къ ея вовлеченію на путь авантюры. Рѣчи социаль-демократовъ имѣли очень большой успѣхъ и въ западныхъ, и въ восточныхъ кантонахъ, судя по опроному скопленію народа на ихъ собраніяхъ. Это, повидимому, побудило и французско-швейцарскихъ націоналистовъ измѣнить свою тактику и выступить съ требованіемъ реформъ, обращенныхъ къ правительству. На конференціи либеральной партіи въ Лозаннѣ принята была резолюція, выдвигающая почти тѣ же требованія, что и соц.-демократы, и съ такими же требованіями обрати-

лась къ федеральному правительству и делегація официальныхъ представителей западныхъ кантоновъ. Въ результатъ общаго напора соц.-демократовъ и буржуазныхъ партій западныхъ кантоновъ правительство рѣшилось пойти на серьезныя уступки. Оно согласилось на экстренный созывъ парламента по окончаніи суда надъ офицерами и еще до созыва его собственной властью ограничило компетенцію военныхъ судовъ и нѣкоторыя чрезвычайныя полномочія военной власти (жельзнодорожное хозяйство опять передано было въ руки гражданскихъ властей).

И на этотъ разъ, такимъ образомъ, покушеніе извнутри на швейцарскій нейтралитетъ было отбито. Очевидно, что какъ ни велики уже сейчасъ центробѣжныя тенденціи въ швейцарской городской буржуазіи, въ продолженіе настоящей войны Швейцарія во всякомъ случаѣ удержится формально на нейтральной позиціи. Но конецъ настоящей войны не будетъ вѣдь концомъ той экономической борьбы, которая ее породила. Последняя, напротивъ того, вѣроятно еще всего еще усилится по сравненію съ тѣмъ, что было до войны. Уже сейчасъ германская буржуазія усиленно готовится къ тому, чтобы послѣ заключенія мира возобновить экономическую борьбу за рынки и колоніи, опираясь на болѣе широкую базу проектируемаго ею средне-европейскаго союза. И въ странахъ четвернаго согласія разрабатываются всевозможные проекты будущей антигерманской экономической коалиціи. За всѣми этими приготовленіями далеко не безучастно слѣдитъ сейчасъ швейцарская буржуазія. Какъ же рисуется ея наиболѣе вліятельнымъ элементомъ, т. е. крупной буржуазіи-восточныхъ кантоновъ, будущее положеніе Швейцарія въ тискахъ міровой конкуренціи? На этотъ вопросъ дастъ отвѣтъ органъ этой буржуазіи, наиболѣе солидная буржуазная швейцарская газета — «Neue Züricher Zeitung». Въ августѣ 1915 г., она помѣстила рядъ интересныхъ статей на тему: «Можетъ ли Швейцарія хозяйственно эмансипироваться отъ за-границы?» Авторъ статей приходитъ къ слѣдующему знаменательному выводу:

«Приобрѣсти утерянную хозяйственную самостоятельность наша страна можетъ только двумя путями: 1) Либо мы, махнувъ рукой на нашу экспортную индустрію, будемъ послѣдовательно стремиться къ тому, чтобы собственными силами обезпечить наше народное продовольствие. Но это потребуетъ сокращенія населенія до 2-хъ миллионовъ и еще большаго сокращенія нашего народнаго богатства. 2) Либо же Швейцарія примкнетъ къ одному изъ большихъ хозяйственныхъ союзовъ, которые несомнѣнно будутъ созданы воюющими теперь группами державъ по окончаніи войны. Такимъ путемъ наша промышленность и наше сельское хозяйство сразу приобретутъ то, чего они къ великому ущербу для себя до сихъ поръ были лишены — емкій внутренній рынокъ. И ввозъ продуктовъ пропитанія и сырья былъ бы въ этомъ случаѣ въ значительной степени обезпеченъ. И положеніе наше при заключеніи торговыхъ договоровъ было бы гораздо болѣе выгодно. Но, конечно, за таможенными присоединеніемъ къ одной группѣ державъ раньше или позже, вѣроятно, послѣдовало бы и политическое. «Tertium non datur».

Выводы «Neue Züricher Zeitung» можно резюмировать такъ: Попадъ въ тиски все болѣе и болѣе обостряющейся міровой кон-

куренціи, швейцарской демократии остается идти либо подъ иго собствен-ныхъ аграріевъ, либо подъ иго империалистической буржуазіи одной изъ группъ великихъ державъ (сердце «N. Z. Z.» лежитъ, конечно, къ группѣ центральныхъ державъ). Другого пути газета не видитъ, ибо для нея не существуетъ историческій факторъ, способный существенно видоизмѣнить международныя отношенія. Если отвлечься отъ послѣд-няго, съ газетой нельзя будетъ не согласиться.

А. Мартыновъ.

ГРАЖДАНИНЪ ГУСТАВЪ ЭРВЕ.

(Страница изъ исторіи французской общественности).

Густавъ Эрве не изъ тѣхъ людей, которые оказываютъ значи-тельное вліяніе на жизнь своей страны. Но онъ безусловно изъ тѣхъ, которые всего болѣе заставляютъ говорить о себѣ своихъ современни-ковъ, умѣя при всякихъ, самыхъ разнообразныхъ, обстоятельствахъ привлекать ихъ вниманіе къ своей всегда шумной дѣятельности. Общественные дѣятели этого разряда могутъ быть и бывають весьма односторонне одаренными: наряду съ извѣстнымъ талантомъ, выдвиг-ающимъ ихъ на видное мѣсто, они могутъ обнаруживать большую дюжинность и посредственность во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; во въ нихъ всегда есть какое-то особое свойство, позволяющее имъ въ из-вѣстные моменты находить ключъ къ сердцу толпы, замыкая ее искрен-нымъ волненіемъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда среднему французскому обывателю Густавъ Эрве еще представлялся чудовищемъ, воплощавшимъ въ себѣ всѣ прошепшіе и будущіе революціонные ужасы, онъ въ одномъ изъ многочисленныхъ судебныхъ процессовъ, которые периодически возбу-ждались противъ его статей-памфлетовъ, вызвалъ, въ качествѣ свидѣ-ля защиты, знаменитаго Анри Рошфора. Ссылаясь въ своей защититель-ной рѣчи на благопріятное показаніе этого свидѣтеля, Эрве назвалъ его, — чтобы послѣ въ газетѣ повторить это опредѣленіе, — «нашимъ общимъ учителемъ»: *notre maître à tous*, совершивъ, кстати сказать, маленькій плагиатъ у Анатоля Франса, который этими словами въ по-минальной рѣчи въ Сорбоннѣ охарактеризовалъ мѣсто Л. Н. Толстого въ современной европейской литературѣ.

Преклоненіе революціонера крайняго толка (въ тѣ дни) Эрве пе-редъ реакціоннымъ націоналистомъ Рошфоромъ имѣло свое естествен-ное и законное объясненіе. Безспорно, одинъ изъ самыхъ блестящихъ — пожалуй, и самый блестящій изъ современныхъ французскихъ журна-листовъ, мастеръ памфлетнаго стиля, Густавъ Эрве не могъ не видѣть своего учителя въ талантливѣйшемъ представителѣ политической жур-

налистикъ предыдущаго поколѣнія, кажимъ являлся Роллфоръ. Въ манерѣ писанія обоихъ журналистовъ—покойнаго издателя знаменитаго «Фонаря» и нынѣ здравствующаго издателя «Побѣды»—много общаго: та же живость и яркость языка при изрядной поверхностности мыслей, та же смѣлость и рѣшительность нападенія, та же дерзость въ трактованіи сложнѣйшихъ вопросовъ общественной жизни... при болѣе, чѣмъ скромныхъ ресурсахъ; та же смѣсь парижскаго изящества съ вульгарной, площадной грубостью и та же смѣсь чисто-французскаго сентиментализма съ словесной кровожадностью... Но не одна вышняя манера письма должна была привлекать ллбейски-простого въ обиходѣ и грубо-сволокоченнаго Эрве къ аристократически-изящному и весьма «свѣтскому» маркизу де-Роллфору, къ тому же въ послѣднія десятилѣтія своей жизни засѣвшему въ лагерьъ реакціи. Издателя «Соціальной Войны» должевъ былъ привлекать къ себѣ образъ этого выдавшаго виды старика тѣмъ своеобразнымъ сочетаніемъ оригинальности и шаблона, индивидуализма и стадности, которое потребно для того, чтобы въ современномъ обществѣ сдѣлать демагогическую карьеру, карьеру политическаго «франк-тирера», не растворяющагося въ организованной коллегитивности и достигающаго вліянія на толпу, не связывая себя никакими прочными обязательствами.

Толпа, на которую въ разные моменты приобрѣталъ вліяніе Роллфоръ и которая возносила его на Капитоліи, была столь же зыбуча, какъ песокъ морской; ея составъ качественно мѣнялся отъ этапа къ этапу его политической и публицистической карьеры. Когда въ концѣ 60-хъ годовъ, среди бунтующаго моря всевозможныхъ социальныхъ и политическихъ коллективовъ, поведшихъ войну съ Наполеономъ III, молодой маркизъ выступилъ самъ по-себѣ, не примыкая ни къ бланкистамъ, ни къ «якобинцамъ», ни къ интернационалистамъ, ни къ републиканскимъ радикаламъ, онъ сразу почти своими мѣткими ударами врагу—бонапартизму—сталъ «общимъ другомъ» всей демократической оппозиціи и до известной степени кумиромъ и радикальныхъ студентовъ, и социалистическихъ рабочихъ, и той мелко-буржуазной обывательской массы, которая въ тѣ годы переживала процессъ броженія. Онъ правился и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ потому, что въ яркой индивидуальной формѣ выражалъ чувства и настроенія, общія различнымъ элементамъ этой разнородной по социальному составу массы.— тѣ чувства и настроенія, которыя, по своей элементарности и «простотѣ», могли связывать на время эти разнородные слои въ одну «толпу». Волна, подхвачившая въ то время Роллфора, вознесла его очень высоко—во временное правительство національной обороны 4 сентября 1870 года,—чтобы затѣмъ выбросить его, въ качествѣ ссыльно-поселенца, въ Новую Каледонію (за защиту Коммуны).

Когда въ 80-хъ годахъ, амнистированный Роллфоръ вновь вернулся въ любимый имъ и любившій его Парижъ, онъ тѣмъ самымъ чутъемъ, которое 15 лѣтъ до того его, театральнаго рецензента изъ

«Фигаро», потянуло из антидинастической публицистики, схватил, где бьет шумель той толпы, той недифференцированной массы, для которой он мог стать, если не лидером, то популярнейшим советником. Разочарованная в первых годах умеренной республики, привнесшей с собой господство промышленной и финансовой плутократии, демократическая масса начала 80-х гг. кипела и бурлила, мечась между радикализмом и национализмом, социализмом и анархизмом, антиклерикализмом и антисемитизмом. Все оппозиционные оппортунистской республике — справа или слева — партии переживали период подъема, стремясь «разсортировать» эту демократическую массу, политически оформить различные ее социальные и культурные слои, которые каждая из партий или сект идейно представляла...

Рошфор, опять в одиночку, опять партизаном,, стремится обнять всю эту разношерстную толпу, отразить в своих обличениях оппортунистской республики и увяленное национальное тщеславие «реваншистов», и возмущение пролетариев экономическими кризисами, и принимающее антисемитскую оболочку негодование мелких промышленников и торговцев против «засилья» банков и крупных предприятий, и, наконец, моральный протест всего мелкого люда против разложения и скандалов новейшей олигархии. Никакой логической связи между тем, что он поворит сегодня, и тем, что сказал вчера, вы не найдете в тогдашних писаниях Рошфора, но это несколько не помешало ему быть популярнейшим публицистом и стать настолько опасным для политических дельцов, управляющих республикой, что при ликвидации буланжистской авантюры, в которой он принимал активное участие, они должны были, рискуя собственной популярностью, привлечь его к делу о «заговоре» и осудить на изгнание. Возвращение Рошфора из этого изгнания в 90-х годах (по амнистии) сопровождалось давно небывалым в Париже энтузиазмом населения. Уличные манифестации, которыми парижский народ встречал неутомного старика, вновь объединили разъединяемую организованной политической борьбой толпу: часть массы чувствовала того, кто в своем «Фонаре» уничтожал Наполеона III и был приговорен к смерти за коммуны, другая — того, кто поднял на щит новалю претендента в Наполеоны — браваго генерала Буланже.

Густав Эрве, в сущности, сделан из того же самого теста, что и Рошфор. Как и покойный издатель «Фонаря» и «Непримиримого»¹, Эрве, в сущности, идет за толпой, но, как и Рошфор, он этому движению уметь придать видимость независимости. Для этого стоит только ходячая настроенія выразить в возможно бо-

¹ Названия изданий у того и другого всегда стремятся в крайней форме выразить идею.—По поводу названия «Фонарь» Рошфор, приступая к его выпуску, пояснил, что фонарь полезен как тем, что помогает осветить мрак бонапартовской Франции, так и тем, что на нем можно повесить врагов народа.

лѣе парадоксальной, крайней формѣ, въ рѣзкихъ филистерскій слухъ формулахъ, подчеркивая, въ случаѣ надобности, свое полное политическое одиночество, свою непонятость тою самою толпой, которой настроенія на самомъ дѣлѣ вами передаются.

Будучи весьма популярнымъ учителемъ гимназіи и социалистомъ жоресовской фракціи, Эрве внезапно становится фигурой, привлекающей къ себѣ всеобщее, хотя отнюдь и не дружественное, вниманіе. Онъ прославилъ себя тѣмъ, что въ странѣ, гдѣ съ патриотизмомъ связаны самыя святыя воспоминанія демократіи, въ самыхъ рѣзкихъ, площадныхъ выраженіяхъ отзывался публично о національномъ знамени. Ему мѣсто на навозной кучѣ, заявилъ онъ. Его не только не любили камнями, онъ себя не только не сдѣлалъ на долгіе годы непопулярнымъ, напротивъ: съ этого момента его звѣзда круто поднимается вверхъ.

Самого Эрве къ его столь рѣзкому антипатриотическому выступленію подвинула его собственная духовная эволюція, пережитая имъ вмѣстѣ со всей лучшей частью интеллигентскаго поколѣнія 90-хъ годовъ. Захваточное дрейфусовской драмой, это поколѣніе увидѣло передъ собой заманчивую, прекрасную и великую цѣль: демократизировать республику, попавшую въ руки финансистовъ, дѣльцовъ и военной бюрократіи; приблизить ее тѣмъ самымъ къ народу и сдѣлать пригодной для безболѣзненного социального прогресса. Въ союзъ съ руководимыми Жоресомъ рабочими, свободомыслящая интеллигенція дала первую, казалось, самую трудную битву милитаристской партіи во имя исправленія судебной ошибки, совершенной по отношенію къ офицеру-еврею. Но индивидуальная судьба послѣдняго, исключительно волновавшая массы, была для интеллигентскаго авангарда лишь моментомъ и ея благополучное рѣшеніе лишь эпизодомъ. Черезъ пересмотръ «дѣла Дрейфуса» онъ шелъ къ эмансипаціи республики отъ всѣхъ завѣщанныхъ прошлымъ привилегированныхъ кастъ и среди послѣднихъ прежде всего — отъ занявшей, какъ выяснилъ знаменитый процессъ, неподобающее для республики мѣсто военно-бюрократической касты. Подчиненіе военнаго сословія демократіи стало цѣлью какъ Жореса, такъ и Клемансо, Анатоля Франса и другихъ представителей возродившагося французскаго свободомыслія. Но послѣ всѣхъ отчаянныхъ битвъ, послѣ всѣхъ славныхъ побѣдъ эта цѣль оказалась недостигнутой; взаимоотношеніе военно-профессиональнаго и гражданскаго элементовъ въ республикѣ мало-измѣнившимся, милитаризмъ — такою же грандиозной социальной силой.

Одни изъ участниковъ движенія отступили передъ этой неудачей, другіе — видоизмѣнили методы борьбы. Эрве, для всего мышленія котораго крайне характеренъ рационалистическій идеализмъ, долженъ былъ придти къ выводу: чтобы побѣдить милитаризмъ, надо задавить психологическія настроенія, которыми онъ питается, убить идею, которая его санкціонируетъ. И такъ какъ эти настроенія — патриотическія, эта идея — идея защиты отечества и его славы, то надо атаковать патриотизмъ въ возможно болѣе непримиримой формѣ. Отсюда — «навозная

куча» и вся дальнейшая неутомная, съ большим шумомъ и трескомъ, но и съ немалыми жертвами ведущаяся «анги-патриотическая» кампания Эрве.

Что было всего удивительнѣе на первый взглядъ, — это тотъ сравнительный успѣхъ, который имѣла такая пропаганда въ странѣ, гдѣ патриотизмъ связанъ съ лучшими демократическими традиціями. Такой неожиданный успѣхъ не могъ быть случайнымъ. И то обстоятельство, что онъ не былъ случайнымъ, показало лишь, что парадоксальный и, казалось бы, идущій своимъ особымъ путемъ Эрве на дѣлѣ обладалъ чутьемъ настоящаго демагога.

Десять лѣтъ назадъ французскій рабочій классъ переживалъ періодъ сильнаго подъема и броженія. По причинамъ, на которыхъ здѣсь не мѣсто останавливаться, этотъ подъемъ долженъ былъ выразиться въ движеніи, носящемъ рѣзко-выраженный антигосударственный характеръ. Анархисты и анархо-синдикалисты стали во главѣ его и ихъ учения пользовались наибольшей популярностью среди французскихъ, главнымъ образомъ, парижскихъ рабочихъ. Тѣмъ самымъ анги-патриотическая пропаганда Эрве и собравшейся вокругъ него кучки друзей и послѣдователей приобрѣтала широкій резонансъ: анархическому «отрицанію государства», какъ нельзя болѣе соответствовали лозунги «саботажа национальной обороны», дезертирства, восстанія въ случаѣ мобилизаціи и т. д., дававшіеся въ органѣ Эрве.

Но эта, преобладавшая среди определенныхъ части организованныхъ рабочихъ, «струя» была не единственной, въ которую попалъ Эрве со своей анги-патриотической пропагандой. Въ кругахъ достаточно далекихъ отъ анархизма, въ кругахъ не только рабочихъ, но и мелко-буржуазныхъ, крестьянскихъ и интеллигентскихъ, нарастало безпокойство по поводу обострявшагося съ Японской войной международнаго положенія. Колониальный империализмъ, стоявшій за нимъ банковскія и промышленныя группы поднимали голову и добивались отъ республики «активной политики». По другую сторону Вогезъ происходилъ тотъ-же процессъ. Перспектива войны, — притомъ войны, вызванной колониальными проблемами, — встала передъ глазами широкихъ массъ населенія, привыкшихъ уже вѣрить въ прочность мира. И такъ какъ для широкихъ круговъ крестьянской и мѣщанской демократіи Франціи, — не говоря уже о рабочихъ, — империалистская экспансія была дѣломъ чуждымъ, такъ какъ, благодаря застою въ ростѣ населенія, французскій капитализмъ не могъ найти въ этихъ массахъ (за исключеніемъ известныхъ круговъ интеллигенціи) многочисленныхъ группъ, готовыхъ искать въ империалистическихъ завоеваніяхъ выхода своимъ стремленіямъ къ лучшей жизни, — то обостреніе международнаго положенія вызвало въ этихъ кругахъ крайне-пацифистское настроеніе, при которомъ наиболѣе радикальные враги милитаризма, вроде Себастьяна Фора или Эрве, могли казаться желанными союзниками. Своимъ чутьемъ демагога, улавливающего настроеніе разношерстной, разноклассовой «толпы», Густавъ Эрве схва-

тилъ это душевное состояние «маленькихъ людей»; своимъ блестящимъ талантомъ памфлетиста онъ сумѣлъ воспользоваться для того, чтобы самыя «страшныя» для обывательскаго уха положенія развивать, не вызывая психологическаго противоѣдствія.

Но демагогія рѣдко бываетъ въ состоянн управлять своими дѣйствіями. Логика обстоятельствъ увлекаетъ ее дальше первоначально поставленныхъ цѣлей. Мѣсто, которое въ борьбѣ съ милитаризмомъ занималъ рабочій классъ, опредѣляло дальнѣйшую судьбу анги-милитариста Эрве. Рабочая масса, наиболѣе сочувственно отнесшаяся къ его агитации, увлекла его за собою. Незамѣтно для себя онъ изъ «специалиста» по борьбѣ съ войною сталъ лидеромъ цѣлаго бунтарскаго теченія въ рабочемъ движенн, обличителемъ всякой «легалности» и парламентаризма, проповѣдникомъ насилія и «саботажа» въ экономической борьбѣ, повстанчества и террора — въ политической. Тѣмъ самымъ суживался кругъ его вліянія на демократическую массу, популярность его падала; въ то же время короткаго опыта вмѣпательства его группы въ экономическую борьбу (во время всеобщей стачки желѣзнодорожниковъ) было достаточно, чтобы оттолкнуть даже анархо-синдикалистскія организаци отъ его бунтарской пропаганды.

Г. Эрве почувствовалъ, что зарвался. Въ 1910 году онъ дѣлаетъ первый шагъ къ отступленню. Къ изумленню и негодованню своихъ сторонниковъ, онъ изъ тюрьмы, въ которой тогда сидѣлъ, высказывается противъ «бойкота» предстоявшихъ парламентскихъ выборовъ, рекомендуя даже выбирать социалистовъ или, по крайней мѣрѣ, воздерживаться. Этотъ шагъ, рѣзко противорѣчившій его прежней борьбѣ противъ «социалистическаго парламентаризма», привелъ къ отбою отъ него одного изъ его видныхъ сторонниковъ, Аристида Жюбера, который въ то время предпринялъ попытку «срывать» выборы въ Парижѣ (черезъ 4 года благополучно прошелъ въ Палату, какъ кандидатъ соц. партн), а также большинства примыкавшихъ къ нему анархистовъ.

Умѣривъ свою антипарламентскую и «бунтарскую» пропаганду, Эрве нѣсколько видоизмѣнилъ и свою антимилитаристскую агитацию, и нѣкоторое время шелъ въ ногу со всей социалистической партіей. Последнне годы передъ войной, утративъ значительную долю прежняго вліянія, онъ началъ понемногу пересматривать свои крайнне взгляды и къ 1914 году пришелъ къ идеѣ «общедемократическаго блока» для проведенія практическихъ реформъ и противоѣдствія милитаризму.

Всемирная война снова сдѣлала этого энергичнаго человека однимъ изъ самыхъ популярныхъ журналистовъ, снова создала для него разностороннюю демократическую аудиторню, способную ему удивляться и у него поучаться.

Еще до нѣсколько дней до объявленія войны, Эрве съ чрезвычайной рѣзкостью обрушивался на тѣхъ, которые желали бы, чтобы Франція приняла участіе въ войнѣ «изъ-за Сербн». Когда война все-же вспыхнула, онъ, вмѣстѣ со всеми вліятельными социалистами и синдикалистами,

стала на почву долга национальной защиты и своими пламенными статьями не мало способствовала тому, чтобы на эту почву встали рабочие массы. Но он не ограничился этим. Вместе с большинством французских социалистов, Эрве искал для притяжения войны высшей санкции, чем этот долг; вместе с ними он нашел ее в идее разгрома пруссака, а тем самым, и всякого милитаризма, в идее «последней войны». В то время как у лидеров партии эти общия идеи формулировались довольно абстрактно, Эрве, движимый всегдашней потребностью давать толпы совершенно конкретные, «закругленные» ответы, смело шагал через все исторические, политические и логические препятствия, рисуя своим читателям ту новую Европу, которую создаст победоносная война.

Карта Европы будет переречена на основании национального принципа. Франция, конечно, получит Эльзас и Лотарингию; Сербия — Боснию и Герцеговину, Хорацию и Славонию, уступив, в свою очередь, Болгарии часть Македонии; румыны получают Трансильванию, Банат, часть Буковины; Польша будет восстановлена в своем единстве: Триент и Триест отойдут к Италии; Шлезвиг — к Дании; Богемия и Моравия образуют самостоятельное государство; наконец, немецкие земли Австрии объединятся с Германией. Все это Эрве «обещал» обывателю; за все это он ручался, если союзники будут держаться до конца. Он обещал даже больше: союзники, разбив Турцию, отдадут евреям Палестину для образования самостоятельного государства. Но и этого еще мало: победив Германию, они низложат династию Гогенцоллернов и в Германии водворится республика. Побудит, освободительная война еще до своего победоносного конца измѣнитъ правовое положеніе евреевъ въ Россіи и упрочитъ положеніе Финляндіи.

Все это декретировалось изо дня в день с величайшим аллобомом, с наивысшей увѣренностью въ томъ, что иначе быть не можетъ. Въдѣ войны никто не желалъ? Въдѣ жѣ понимаютъ, что надо кончить съ войной? Въдѣ, всѣ понимаютъ, что кончить съ войной нельзя, не разрешивъ повсюду національнаго вопроса? Стало быть... А всякія тамъ соображенія объ объективныхъ историческихъ тенденціяхъ достойны лишь сторонниковъ экономического матеріализма, къ которому Эрве еще и до войны относился съ полнымъ презрѣніемъ.

Мнѣ въ то время — въ теченіе перваго мѣсяца войны — пришлось однажды бесѣдовать съ Г. Эрве. Поводъ для моего визита былъ неприятный: полиція вздумала арестовать за «отсутствие бумагъ» одного коллегу — русскаго эмигранта — и придиралась къ тому, что онъ не могъ, благодаря этому отсутствію, установить свое отношеніе къ воинской повинности. Вместе съ женой этого коллеги и М. Павловичемъ мы отправились въ болѣе скромное помѣщеніе редакціи «Соціальной войны» и получили аудіенцію у Эрве, видимо осаждаемаго посетителями. Изложивъ дѣло, мы просили его дать въ газетѣ

забытку о несправильности дѣйствій полици. Эрве выразилъ согласие, возмущился нелѣпымъ эпизодомъ и горячо заговорилъ на болѣе общую тему:

— Все это должно измѣниться... Вы читали мою статью о примиреніи съ Брианомъ? (Въ этой статьѣ Эрве писалъ, что, во имя національнаго объединенія, примирился съ Брианомъ и давалъ понять, что послѣдній вскорѣ начнетъ играть руководящую роль; вскорѣ, дѣйствительно, Брианъ вступилъ въ «министерство национальной обороны»). И, будучи у него по его приглашенію, объяснилъ ему, что Россія для успѣха войны должна дать автономію Польшѣ, реставрировать Финляндію, дать равноправіе евреямъ, провозгласить амнистию. Брианъ выразилъ полное согласие и обѣщалъ поговорить съ Делькассэ. Вскорѣ послѣ того появился манифестъ великаго князя о Польшѣ... Вчера же мнѣ телефонировалъ Брианъ, что Делькассэ, поговорившій съ Извольскимъ, вполне согласенъ по вопросу объ евреяхъ и амнистии, но у него сомнѣнія относительно Финляндии и предложилъ мнѣ явиться завтра къ завтраку, на которомъ будутъ и Делькассэ, и Извольскій. Тамъ мы и поговоримъ. О, теперь все переизмѣнится.

Мы боялись смотрѣть другъ на друга. Я пристально всматривался въ лицо этого толстого, приземистаго человѣка и хотѣлъ прочесть въ его глазахъ: сомнѣвается ли онъ хоть на минуту въ томъ, что говорить? У меня осталось впечатлѣніе, что передо мною — глаза человѣка одержимаго *idee-fixe*

Надо было дать реплику.

— Знаете что, прагматично, — сказалъ я. — Все это хорошо, но въ ожиданіи мы хотѣли бы, чтобы намъ хоть надобдали не болѣе, чѣмъ это было шрежде.

Выйдя на улицу, мы обмѣнивались впечатлѣніями. Тартаренъ или сумасшедшій? Но нѣтъ, сомнѣнія не могло быть. Этотъ человѣкъ былъ вполне искреннимъ. Онъ самъ, какъ и ведомая имъ толпа, нуждался въ опредѣленномъ самооправданіи, чтобы «переварить» свалившуюся на наши головы историческую катастрофу, чтобы найти для нея разумное оправданіе. И онъ, конечно, серьезно вѣрилъ и въ то, что онъ вполне убѣдилъ г-на Бриана, и въ то, что г. Брианъ легко убѣдитъ остальныхъ, не видящихъ пока еще такой простой вещи, что развѣ война — освободительная, то нужно сдѣлать то-то и то-то.

Въ первый періодъ войны, періодъ неудачъ для французской арміи и великой растерянности среди имущихъ классовъ, органъ Эрве, достигшій большого распространенія и подчасъ горѣвшій пламеннымъ воодушевленіемъ, очень много сдѣлалъ для поддержанія настроенія въ массахъ. Гораздо ловчѣе, чѣмъ официально-партийный «Humanité» онъ умѣлъ играть на струнахъ свободолюбія и чувства справедливости, которыя до войны толкали трудящагося человѣка въ лагерь протеста, чтобы зажечь въ немъ энтузіазмъ воинствующаго патриотизма. Гораздо ловчѣе онъ маневрировалъ съ востоминаніями великой французской

революции, когда требовалъ «головнаго ополченія», разыскивалъ «амбюскированныхъ» (такъ называютъ во Франціи уклонившихся съ фронтной службы), боролся противъ бюрократической рутины и кастовыхъ традицій.

Въ этой своей агитаціи Эрве не всегда ладилъ съ властями и особенно съ цензурой. Порой онъ поднималъ противъ послѣдней форменный бунтъ, отказываясь подчиняться ея распоряженіямъ. Но плохость этихъ треній все болѣе и болѣе суживалась. Эрве изъ барда народнаго патриотизма все болѣе становился офицозомъ. Этого требовала логика положенія, логика «священнаго единенія». Все болѣе Эрве становится рупоромъ отдѣльныхъ вліятельныхъ министровъ — Мильерана, Бриана, Делькассэ, ген. Галлиени. Ему приходится кривить душой; вступать въ сдѣлки за счетъ своихъ простыхъ абсолютныхъ принциповъ, коими онъ обосновалъ шрѣтѣ войны. Послѣ того какъ онъ, перечерпнувъ карту Европы, сдѣлалъ проливы обще-европейской собственностью, храненіе которой будетъ поручено бельгійскому королю Альберту, ему приходится первому во французской печати поставить вопросъ объ отдачѣ Дарданеллъ Россіи. Аргументъ? Иначе-де Россія обидится. Послѣ того, какъ, опираясь на воспоминанія о Конвентѣ, Эрве, вмѣстѣ съ другими лѣвыми публицистами, требовалъ неограниченнаго контроля парламента, ему приходится выступить противъ претензій социалистическихъ и радикальныхъ депутатовъ «все знать». Послѣ того, какъ онъ яростно протестовалъ противъ цензуры, издѣвался надъ нею и нарушалъ ея постановленія, онъ съ бѣшенствомъ набрасывается на Клемансо, безпощаднаго въ своей оппозиціи министерству, — набрасывается въ тотъ моментъ, когда за упорную борьбу съ цензурой органъ Клемансо прикрѣптъ на нѣсколько дней.

Эрве становится офицознымъ журналистомъ. Но онъ не продалъ своихъ убѣжденій. Онъ лишь со свойственной ему прямолинейностью развилъ до конца лозунгъ «все для побѣды». Во имя этого лозунга, онъ, вмѣстѣ съ другими социалистами, требовалъ, чтобы война была во всѣхъ смыслахъ и народной, и освободительной. Но реальныи ходъ событій идетъ по равнодѣйствующей противоположныхъ факторовъ. Давленіе демократіи наталкивается на сильное контрдавленіе другихъ общественныхъ силъ. Усилить давленіе — значитъ, проводя усиленное контрдавленіе, рискнуть разорвать священное единство, которое признано здѣь необходимымъ условіемъ побѣды. Офиціальныи лидеры бьются въ тискахъ этого противорѣчія, возбуждая сегодня вопросъ о дѣйствительномъ контролѣ, завтра — о злоупотребленіяхъ осаднымъ положеніемъ, послѣзавтра — о налогѣ на военную прибыль, о мораторіумѣ для квартирной и арендной платы и т. д., но отступая каждый разъ, какъ противная сторона внушительно объявляетъ: non possumus! По своему обычаю, Эрве рѣшаетъ всѣ антилемы обрубаніемъ одного изъ двухъ противорѣчивыхъ положеній. Во

имя сохранения священного единства, нужного для победоносного конца, онъ незамѣтно выкадываетъ за бортъ, одну за другою, всѣ принадлежности якобинскаго туалета. Революционно-демократическій патриотизмъ постепенно превращается въ патриотизмъ tout court.

Къ концу 1915 года эта эволюція продѣлана настолько основательно, что, подводя ей итоги, Эрве провозглашаетъ: съ 1-го января «Соціальная Война» будетъ называться «Побѣдой», и эту перемену заглавья мотивируетъ стремленіемъ подчеркнуть, что «соціальная война» прекращена имъ не только на время войны національной, но и для будущаго.

Тѣмъ самымъ Эрве бросалъ недвусмысленный вызовъ своей партіи, официальная идеологія которой именно сводится къ тому, что классовое перемирие не есть предлѣя къ прочному классовому миру. А бросить этотъ вызовъ Густаву Эрве приходилось именно потому, что официальные лидеры партіи были поставлены въ необходимость чаще и настойчивѣе прежняго напоминать и подчеркивать, что въ ихъ намѣреніяхъ не лежитъ установленіе этого мира навсегда. Необходимость была создана появленіемъ организованной «оппозиціи», существованіе которой лидеры старались замалчивать, чего не дѣлалъ Эрве. Онъ, напротивъ, съ самаго начала подыалъ шумъ по поводу ея «подпольной» дѣятельности, обрушился на «циммервальдцевъ», какъ на «пораженцевъ», смѣшивая въ одну кучу съ ними всѣхъ принципиальныхъ «оборонцевъ» типа Лонгэ, желающихъ совмѣстить оборончество съ продолженіемъ классовой борьбы и поддержаніемъ международныхъ связей и требовалъ крутой расправы со всѣми ими. Въ этомъ отношеніи его политика была прямо-противоположной политикѣ официальныхъ лидеров партіи. Послѣдніе стремились ослабить оппозицію, озаботивъ ростъ ея вліянія, настаивая на томъ, что партія ни въ чемъ себѣ не измѣнила и не намѣрена измѣнить и что классовое перемирие является лишь временнымъ, ни къ чему не обязывающимъ эпизодомъ. Эрве же, — и въ этомъ сказала, несомнѣнно, сильная сторона этого прямолинейнаго дѣятеля, — сразу понималъ, что классовое перемирие, обставленное оговорками о томъ, что оно завтра смѣнится новою войной, теряетъ всю или значительную часть той своей цѣнности, ради которой оно заключено. То напряженіе и объединеніе всѣхъ силъ націи, которое нужно для «войны до конца», предполагаетъ увѣренность не только въ сегодняшнемъ, но и въ завтрашнемъ политическомъ днѣ. Чтобы національное единеніе хотя бы на моментъ заглушило классовыя противорѣчія, необходима для буржуа увѣренность, что его завтра не возьмутъ за горло, для рабочаго — что о немъ завтра позаботятся.

Въ одной изъ недавнихъ статей, которыми Эрве ознаменовалъ новый этапъ своей карьеры, онъ сказалъ, что могъ бы отложить до конца войны свои предложенія коренной ликвидаціи старой идеологіи, если бы у него была увѣренность, что «оппозиція» не будетъ усиливаться и парализовать партію на ея новомъ пути. Такъ какъ этого нѣтъ, ему

придется радикально и безоговорочно поставить вопрос о смысле всей эволюции последних лет и вытекающих из нея выводов.

Эрве высказал «то, что есть», то, что логически должно вытекать из создававшегося положения. На партийные круги это высказывание произвело такое впечатление, что немедленно было формально возбужден вопрос об его исключении за открытый разрыв с программой партии. Вопрос этот остается открытым: партийное большинство, которому Эрве нестало поднести зеркало, не рѣшается высказаться и старается взять дѣло изморомъ. Пока же Эрве пришлось выйти изъ центрального комитета, что и формально развязало ему руки въ его работѣ.

Въ рядѣ статей, напечатанныхъ передъ недавно бывшимъ совѣщаніемъ партии, Г. Эрве высказалъ до конца свои мысли о предстоящей «ревизии».

«Если, — шипеть онъ своимъ обычнымъ стилемъ въ статьѣ: «Кризисъ французскаго социализма», — если классовый социализмъ является догмой, если приходится считаться только съ солидарностью и съ братствомъ рабочихъ всѣхъ странъ; если согласно учению, въ которое мы въ теченіе 15 лѣтъ религиозно вѣрили, правители и имущіе собственной страны суть наши единственные враги, — тогда циммервальдскіе социалисты воплоти правды. Тогда скажемъ шокорѣ нашимъ рабочимъ, что они заблуждались въ теченіе 20 лѣтъ, когда сражались съ нѣмецкими рабочими... что они должны обернуться противъ своихъ товарищей по траншейнымъ невгодамъ, — противъ французскаго буржуа, — и зашѣтъ приливъ «Интернаціонала».

«Но, — продолжаетъ онъ, — надо обладать умственной близорукостью или всестороннимъ кретинизмомъ, чтобы по сей день шитаться подобными химерами и не замѣчать *жалкаго крушенія* всей нашей концепціи социализма классовой борьбы, — той концепціи, которую мы позволили себѣ навязывать въ теченіе 30 лѣтъ, потому что мы были побѣжденными (въ послѣдней войнѣ) ¹.

«Будемъ имѣть достаточно мужества, честности и проникаемости, чтобы констатировать банкротство не социализма вообще, но той концепціи социализма, которая во Франціи восторжествовала послѣ Амстердамскаго конгресса 1904 года...

«Какъ только вспыхнула война, куда полетѣла вся наша теорія, знаніе которой было возведено на международныхъ конгрессахъ подъ руководствомъ нѣмецкой социаль-демократіи? Рабочіе, говорите вы, — наши братья? Буржуа — наши враги? При первомъ ружейномъ выстрѣлѣ эта теорія испарилась... Нѣмецкіе рабочіе и нѣмецкіе буржуа встали подъ ружье въ то время, какъ французскіе рабочіе и французскіе буржуа сдѣлали то же самое съ трогательнымъ единодушіемъ».

¹ Эту идею — что Германия, побѣдивъ въ 1870 г. Францію, навязала ей идейныя формы соалистическаго движенія, Эрве развивалъ въ другихъ статьяхъ.

Дѣло въ томъ, — говоритъ Эрве, что «теорія» не только не могла предотвратить войну, но, въ сущности, она-то и повинна въ томъ, что война наступила. Въ самомъ дѣлѣ. «Единственнымъ шансомъ избѣжанія войны могло еще быть превращене нѣмецкой социаль-демократіи въ нѣмецкую национально-социалистическую партію — на манеръ Зидекума, который въ тысячу разъ умнѣе и реалистичнѣе, чѣмъ Гаазе. Если бѣ такая национально-социалистическая партія образовала съ лѣвыми буржуазными партіями блокъ, онъ осуществилъ бы въ Германіи парламентскій режимъ и отвѣтственность министровъ и обуздаль бы прусско-феодалную военную касту. А у насъ самихъ партія вступила бы въ союзъ съ радикалами и стала правительственной, министеріальстеской партіей. Жоресъ съ его реалистическимъ гениемъ сталъ бы министромъ, чтобы направлять нашу въѣзную политику къ сближенію съ демократизированной Германіей». «Но догма классовой борьбы, тактика вольнаго безплотія, навязанная ею намъ и нѣмецкимъ социалистамъ, помѣшала намъ достичь того, что мы должны были бы сдѣлать. И послѣ двойного банкротства этой догмы насъ зовутъ всевоздавать Интернационалъ на ея основѣ!»

«Кризисъ нѣмецкаго социализма, — пишетъ Эрве въ другой статьѣ, — есть въ то же время и кризисъ социализма международнаго во всѣхъ странахъ: въ Россіи, Англии, Франціи, Бельгіи, какъ и въ Германіи и Австріи социалистамъ волей-неволей приходится выбирать между нѣмецкимъ социализмомъ («Socialisme belge»), основаннымъ на абстрактной идее классовой борьбы, — банкротство котораго бросается въ глаза, — и новой концепціей социализма, которую я охотно называю національной, чтобы подчеркнуть, что она должна въ каждой странѣ вырастать изъ родной почвы, изъ истории и національнаго характера даннаго народа, носить отпечатокъ національной души и проявляться въ дѣятельности въ рамкахъ націи».

«Святой Карлъ Марксъ училъ насъ борьбѣ классовъ. А, между тѣмъ, мы видимъ, что весь прогрессъ, все спасенье въ сотрудничествѣ классовъ внутри націи. Когда еще болѣе будетъ необходимо «священное единеніе» между классами и между людьми, какъ же на второй день послѣ нѣгнѣшняго катаклизма, безпримѣрнаго въ истории человѣчества! Сколько руинъ придется реставрировать! Сколько ранъ залѣчить, съ какими нуждами справиться!»

«Что-жъ? Подобно буйнымъ больнымъ, мы возобновимъ процессъ борьбы классовъ, гражданской, социальной войны?... Позорно благодаря! Эта политика слишкомъ мало даетъ преимущество, она слишкомъ вредна для націи въ цѣломъ, которой промышленное развитіе она парализовала, для республики, которой нормальную и постепенную эволюцію она остановила!»

И Эрве развиваетъ положительную программу завтрашняго дня, которую национально-социалистической партіи придется осуществлять въ союзѣ съ другими партіями: развитіе национальной промышлен-

ности; улучшение морских портовъ и путей сообщения; административная децентрализация; мѣры противъ уменьшенія дѣторожденія и противъ алкоголизма. «Причемъ мы никогда не будемъ упускать изъ вида, что капиталистическое развитие Франціи есть *conditio sine qua* всякаго улучшенія участи рабочихъ и крестьянъ».

Наконецъ, въ третьей статьѣ подъ названіемъ «Расколъ необходимъ!» Эрве, показавъ, что расколъ фактически существуетъ и его надо лишь оформить, заявляетъ:

«Мы были бы дураками или преступниками, если бы согласились заговорить о мирѣ, не добившись уничтоженія прусскаго милитаризма; если бы мы вложили свою руку въ руку нѣмецкой социалистической партіи, будь то партія Эдексума или партія Гаазе, прежде чѣмъ она восприняла требованіе освобожденія всѣхъ народовъ, угнетенныхъ Германіей и Австріей . . . ; если бы, по окончаніи войны, мы отказались отъ лояльнаго и сердечнаго сотрудничества, свободнаго отъ всякой задней мысли о гражданской войнѣ, съ республиканскимъ правительствомъ, капиталистическимъ классомъ и государствомъ-патрономъ, которые будутъ руководить дѣломъ нашего національнаго возрожденія. Не отрицая существованія классовъ, не отрицая, что интересы рабочаго класса иногда сталкиваются съ интересами класса капиталистовъ и что рабочий классъ часто бываетъ жертвой жестокой социальной несправедливости, мы намерены примѣнять лишь легальныя средства, избирательный бюллетень, чтобы путемъ организующаго и воспитательнаго значенія всеобщаго избирательнаго права осуществить наши идеалы социальной справедливости и международнаго мира».

Таково послѣднее слово неистоваго французскаго публициста. Вѣрный всему своему прошлому, онъ ребромъ ставитъ вопросы и радикально ихъ разрѣшаетъ, не отягчая своей совѣсти мыслью о правѣ общественнаго дѣятеля публично сжигать то, чему вчера поклонялся. Вѣрный этому прошлому, онъ слышитъ на зовъ «улицы», разношерстной массы, сбивтой съ толку мировыми событіями и жаждущей яснаго, твердаго отвѣта на вопросъ: что дѣлать?

Суждено ли звѣздѣ Эрве снова заблестѣть на горизонтѣ французской общественности въ роли глашатая того «новаго евангелія», съ которымъ мы познакомили читателя выше, или, подобно своему «учителю» Рошфору, онъ кончитъ одиночествомъ на все и всѣхъ бризжащаго публициста, — на этотъ вопросъ отвѣтить, вѣроятно, недалекое будущее.

Л. Мартовъ.

ЛОРДЪ КИТЧЕНЕРЪ.

Лордъ Китченеръ принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ людей, личныя особенности и качества которыхъ освѣщаютъ смыслъ всей современной имъ эпохи.

Съ этой стороны талантъ всегда въѣдъ показателнѣе гения. Гений сложенъ; сочетая въ себѣ и элементы прошлаго и элементы будущаго, онъ какъ бы развѣтвляется въ вѣкахъ и эпохахъ. Онъ такъ разнообразенъ, что часто трудно бываетъ сказать, какой именно стороною своего ума, характера, темперамента онъ покоришь толпу и проложилъ себѣ путь къ безсмертію. Талантъ же, наоборотъ, безконечно болѣе одностороненъ и простъ. Онъ принадлежитъ настоящему; онъ является не для того, чтобы пробить брешь въ стѣнѣ традиціи, а для того, чтобы подвести итоги, подсчитать балансъ, выявить во всѣхъ то, что люди уже внутренне пережили и осмыслили. Мы всегда можемъ сказать, чѣмъ данный талантъ былъ нуженъ и цѣненъ данной націе. Въ талантахъ, — особенно такихъ, какъ лордъ Китченеръ, — опредѣленный классъ націи какъ бы находитъ свой портретъ.

О Китченерѣ очень мало знаютъ, какъ о личности, — и въ этомъ, быть можетъ, одна изъ наиболѣе характерныхъ его особенностей.

Около каждаго популярнаго человѣка создаются анекдоты. Сколько анекдотовъ сложилось объ Эдуардѣ VII! Сколько анекдотовъ ходитъ о Ллойдѣ Джорджѣ, Асквитѣ и о всякомъ вообще вліятельномъ общественномъ дѣятелѣ Англій! Но о лордѣ Китченерѣ анекдотовъ не рассказывали. Юморъ обыденнаго, житейская шутка, при помощи которыхъ человѣкъ толпы строить мостъ между собой и своимъ героемъ, мало подходитъ къ этой сухой, высокой, размѣренно двигавшейся фигурѣ. Лордъ Китченеръ всегда молчалъ — молчалъ въ гостинныхъ, на званыхъ вечерахъ, на торжественныхъ обѣдахъ, въ кругу близкихъ знакомыхъ. Онъ привыкъ говорить лишь для того, чтобы отдать приказаніе или изложить дѣловой проектъ. Эти губы, не умѣвшія улыбаться, этотъ взглядъ, всегда холодный, скрытый и пристальный, не располагали къ дружеской бесѣдѣ, исключали непринужденность, замораживали шутку. И человѣкъ толпы, посмотрѣвъ на своего кумира, спѣшилъ отойти въ сторону съ такимъ чувствомъ, точно его сейчасъ уличили въ служебномъ проступкѣ. И долго еще хранилъ онъ въ памяти эту впнувшуюся спину, эти стальные глаза, и долго рассказывалъ знакомымъ единственный анекдотъ, известный Англій о Китченерѣ, — анекдотъ о томъ, какъ лордъ Китченеръ умѣетъ молчать.

Признаніе толпы досталось Китченеру не легко. Популярнымъ онъ сталъ, въ сущности, лишь въ годы мировой войны. Въ его прошломъ были особенности, хотя и неизбежно присущія всякому организатору

колониальной империи, но все же не вызывавшая чувства любви и признанности со стороны демократических масс населения.

В Индии, в Африке, в Египте, — всюду имя его оставило гнетущий след. Среди народов Востока он появлялся, как неограниченный владыка, как деспот-завоеватель древних вѣков. Организовать недовольные колонии — это значит организовать усмиренье. И лорд Китченер умѣл это сдѣлать такъ, какъ немногие. Устройство концентрационных лагерей в Африке для женъ и дѣтей воюющихъ буровъ, массовые расстрѣлы махдистовъ въ возставшей Хартумской области, режимъ бѣлаго террора въ Инди — все это было неотъемлемой частью организаторской работы Китченера. Ибо на этомъ строилось здание необъятной империи, этимъ создавалась ея вѣчная сплоченность, упрочивалось ея политическое бытие. Империя, создаваемая гениальными авантюристами типа Сесилья Рода, не можетъ обойтись безъ талантливыхъ продолжателей типа Китченера. Рабочія массы, однако, не желали этого полять, и парламентскіе запросы, вносимые въ Нижнюю Палату по поводу дѣятельности Китченера, находили среди нихъ живой откликъ. Впрочемъ, и большинство либеральной партіи смотрѣло на «барона Хартумскаго», earl of Kitchener, съ подозрѣніемъ: въ немъ видѣли врага демократическихъ принциповъ, неулыбанаго сторонника твердой власти, администратора, несомнѣннаго съ свободой прессы, гражданскими вольностями и гарантиями личной неприкосновенности.

Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Китченеромъ пользовались, какъ незаменимымъ осуществителемъ имперской идеи, но въ то же время старались держать его подальше отъ глазъ англійскаго общественнаго мнѣнія. Ибо англійчанинъ добраго стараго времени не любилъ дѣлать прямыхъ выводовъ изъ молчаливо допускаемыхъ предположѣній и искренне обижался, когда оказывалось, что колониальную политику нельзя строить по предписаніямъ Нагорной пррповѣди. Эту шепетильность могло излечить только время. Нужно было, чтобы консерваторы научились говорить вслухъ то, что они думали втайнѣ, а либералы, во имя классовыхъ интересовъ, согласились все что выключить изъ багажа своего политическаго прошлаго. Лорду Китченеру приходилось ждать. Талантливый, вѣкомъ признанный организаторъ и администраторъ, онъ все еще стоялъ на периферіи англійской политики. Необходимый для Востока, онъ все еще оставался неудобнымъ для Запада.

Появляются идеологи империализма. Поетъ свои вѣнечные пѣсни Киплингъ, встрѣчаемый бурными восторгами молодого поколѣнія. Перестали говорить о «старой Англии» — заговорили объ Имперіи. Мировое господство, англійскій флагъ отъ полюса до полюса, экономическое расширение, единая валюта, приданная пятой головой многоязычнаго и многоязычнаго человѣчества — вотъ что шептается воображеніе новой буржуазной интеллигенціи. Китченеръ отъ периферіи полемическаго предвигается къ центру. Его дѣятельность на Востокѣ теперь не только извѣщается государственными ображеніями.

но и встречает со стороны многих восторженную оценку. Подрастают юные члены «церковной армии» и бой-скаутовских организаций — те самые, которые через несколько лет, уже зрелыми людьми, крикнут ему: «осанна». Идея империи все глубже овладевает умами. Но и оппозиция этой идее тоже растет. Социализм, синдикализм, интернациональное сознание все шире охватывают рабочиe массы, и бури стихийных забастовок все чаще отвлекают внимание империалистов от внешней политики к внутренним, социальным опасностям. Время лорда Китченера еще не наступило. Он все еще должен ждать. Нужен какой-то катастрофический толчок извне, какой-то удар, который придавит бы, как крышкой, борющиеся социальные силы и слепил бы их в одну человеческую глыбу. Только тогда молчаливый организатор сможет полностью развернуть свою политическую программу и напечатать ее лозунги на челе объединенной, послушной, податливой, как воск, нации.

Поднялся, наконец, 1914 год. Во имя победы нация пожертвовала всеми вольностями и привилегиями, добытыми за долгие века борьбы. Закон о защите государства ввел цензуру, фактически уничтожил свободу прессы, установил административные суды, отменил гарантии личной неприкосновенности, создал самые различные формы административного воздействия, и вообще приблизил положение британского гражданина к положению египетского или индусского «подданного». Свободное слово спряталось с публицической трибуны и стало исключительным достоянием клубов и интимных кружков. Критика смолкла. Вся нация стала одной огромной военной мастерской, где отдаются приказания, не спрашивая нищей санкции, и где осуждаются, не позволяя себе возражений. Если юристы протестуют против тех или иных нарушений конституции, им отвечают: «это вытекает из плана Китченера». Если парламентарии собираются сдать в парламент запрос, их предупреждают: «Китченер на это плохо посмотрит». Если торговые рабочие жалуются на строгую дисциплину, им говорят: «так приказал Китченер». Если журналисты возмущаются злоупотреблениями поставщиков и грозят разоблачить сказочные барыши шупечных и пороховых королей, им заявляют: «Китченер считает разоблачения несвоевременными, и вы можете за это серьезно поплатиться». И аргумент этот сразу успокаивает протестантов. Ибо Китченер — человек, организовавший трехмиллионную армию. Китченер — в центре политики, в центре нации, в центре жизни. И имя его — символ власти, не терпящей оппозиции, не признающей слова: «нет». А прошлое? — Оно забыто. Кто станет вспоминать о каких-то махидистах и измученных бурсах женщинах среди тех миллионов человеческих гекатомб, которые приносятся сейчас на полях войны? Англия ничего не говорит о прошлом, ибо и о прошлом, и о настоящем, и о будущем ей велит молчать лорд Китченер.

Такъ на померившемъ небѣ английской свободы ярче и ярче разгоралась звезда лорда Китченера, пока не погасла внезапно въ водахъ Севернаго моря. Какъ бы ни одѣвали будущіе стратеги заслуги погибшаго «организатора победы» — несомнѣнно одно: полнѣе, чѣмъ кто-либо, онъ осуществилъ тотъ типъ государственнаго дѣятеля, который зарождается и расцвѣтаетъ на почвѣ современнаго империализма.

.
.
.
.
.
.

Стан. Вольскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

КЪ РЕФОРМѢ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

Средняя школа Министерства Народнаго Просвѣщенія — поистинѣ «больной человѣкъ» въ общей системѣ народнаго образованія. Ни съ высшей, ни съ низшей школой не мудрили такъ много министры Нар. Просв., какъ со средней. Каждый новый министр, начиная съ Головнина и кончая гр. Игнатьевымъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ брались за реформу ея и каждый разъ неудачно.

Въ настоящій моментъ снова средняя школа на распутьѣ, снова собираются совѣщанія, комиссіи, пишутся проекты, снова, какъ и 50 лѣтъ назадъ, общество начинаетъ надѣяться, что, наконецъ-то, оно получитъ хорошую среднюю школу. И не случайно, кажется намъ, приходитъ на умъ совершенно естественное сравненіе переживаемой эпохи съ эпохой 60-хъ годовъ: такого исключительнаго интереса къ вопросамъ культурной жизни страны, который проявляется въ данный моментъ русскимъ обществомъ, со времени Писарева и Добролюбова, Ушинскаго и Пирогова, за весь этотъ періодъ не было. Весьма замѣчательно, что и въ Мин. Нар. Просвѣщенія въ 1915 году высказываются мысли, близкія къ тому, что говорилось въ немъ въ 1860—1864 гг. Уставъ гимназій 1864 года былъ обсужденъ не только въ недрахъ министерства, но и вынесенъ въ самые широкіе круги педагоговъ и ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и въ результатъ получился уставъ, если и несовершенный, то во всякомъ случаѣ лучше всего того, что было сочинено до него и послѣ него. Мы считаемъ не лишнимъ привести главнѣйшія положенія какъ этого устава, такъ и того, который его смѣнилъ.

По мнѣнію учебнаго комитета министерства, цѣль гимназій — дать учащимся полное общее образованіе, потребное для разумной человѣческой жизни, а не въ томъ, чтобы снабдить ихъ свѣдѣніями, потребными для успѣшной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи... Посему, отложивъ въ сторону всѣ утилитарныя соображенія, слѣдуетъ принять, что въ составъ гимназическаго курса должны входить только тѣ учебные предметы, познаніе которыхъ существенно необходимо для общечеловѣческаго образованія». Это писалось въ 1860 году. Нѣсколько позже та же мысль была высказана министерствомъ еще болѣе опредѣленно: «Существенная цѣль низшихъ и среднихъ училищъ — есть воспитаніе человѣка, т. е. такое всестороннее и равномѣрное развитіе въ обучающемся юношествѣ всѣхъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ, при которомъ только возможны разумныя, согласныя

съ человѣческимъ достоинствомъ, воззрѣнія на жизнь и вытекающее изъ него умѣнье пользоваться жизнью».

Правда, къ концу работъ уставъ сильно видоизмѣнился. Отзвѣвы иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, ученыхъ повліяли на составителей въ сторону оставленія древнихъ языковъ; по крайней мѣрѣ, въ объяснительной запискѣ 1860 года они еще не упоминаются. Уставъ 1864 года создалъ три типа гимназій: съ двумя древними языками, съ однимъ латинскимъ, и реальную, предоставивъ педагогическимъ совѣтамъ большую свободу въ установленіи программъ и выборѣ руководствъ. Возможно, что, благодаря известной «свободѣ, предоставленной мѣстнымъ силамъ, средняя школа постепенно выбились бы на правильный путь, но въ 1866 году Головинъ ушелъ, его мѣсто занялъ гр. Д. Толстой, проведшій новую реформу средней школы подъ непосредственнымъ руководствомъ Каткова и Леонтьева.

Возгорѣлся знаменитый споръ между классицизмомъ и реализмомъ, — споръ, въ которомъ побѣдилъ классицизмъ, хотя, какъ въ обществѣ, такъ и въ правящихъ кругахъ, большинство было противъ реформы Толстого (въ Государственномъ Совѣтѣ большинство высказалось противъ реформы). Теоретическихъ доводовъ въ пользу классицизма, въ сущности, не было, кромѣ обычной ссылки на примѣры Запада; но были доводы практическаго характера, вѣрнѣе, политическаго характера.

Съ большою откровенностью Толстой писалъ, что вопросъ о выборѣ между древними языками, какъ основой дальнѣйшаго образованія, и всякими другими предметами, есть вопросъ о выборѣ между «нравственными и материалистическими направленьемъ обученія и воспитанія». По его мнѣнію, «надлежащее пониманіе учениками преподаваемаго имъ изъ всѣхъ другихъ наукъ (кромѣ древнихъ языковъ и математики), особенно же изъ естествознанія, почти ускользаетъ изъ-подъ учительскаго контроля, почему здѣсь и возможно, съ одной стороны, развитіе крайняго самозабвенія, а съ другой — образованіе самыхъ превратныхъ воззрѣній».

Уставъ 1871 года признаетъ лишь одинъ типъ школы, — съ двумя древними языками, реальная гимназія переименовывается въ реальное училище, а гимназіи съ однимъ древнимъ языкомъ исчезаютъ совершенно. Реалистамъ доступъ въ университетъ былъ запрещенъ даже при условіи изученія ими латинскаго языка, какъ это предполагалось раньше. Совершенно очевидно, что классицизмъ Каткова и Толстого былъ лишь политическимъ орудіемъ въ рукахъ реакціи, что новая школа была создана не въ цѣляхъ воспитанія, о чемъ говорятъ подъ вліяніемъ Пирогова уставъ 1864 года, а въ цѣляхъ обузданія юношества, вытравленія изъ него либеральныхъ идей. Составители мечтали о созданіи реакціонной аристократіи ума и старательно закрывали доступъ къ высшему и среднему образованію дѣтямъ изъ демократической среды. Преемники Д. Толстого работали въ томъ же направленіи. Известный

циркуляръ Деянова о недопущеніи въ среднюю школу «кухаркиныхъ дѣтей» достаточно ярко характеризуетъ взгляды этого министра¹.

Первыя попытки измѣнить строй школы относятся къ 1899 г., къ времени Боголюбова. А за нихъ уже почти всякій изъ министровъ, которыхъ за это время смѣнилось около 10 человекъ, устраивалъ комисиіи и составлялъ проекты реорганизации школы. Съ Вахновскаго классицизма, какъ извѣстной, по своему, стройной системы уже не существуетъ. Въ объяснительной запискѣ къ проекту Глазова говорится весьма сдержанно: «Рѣшавшею ошибкою и причиною неудачи реформы 1871 г. оказалось привоженіе классицизму исключительнаго, привилегированнаго положенія. Реальный типъ школы былъ ушибленъ...»

Вопросъ о классицизмѣ становится вопросомъ рѣшеннымъ, особенно послѣ того, какъ тотъ самый Западъ, на который усиленно ссылался Катковъ, почти вездѣ отказался отъ классической школы, какъ исключительной основы обученія въ средней школѣ. Кроме того, стало очевидно, что классическое воспитаніе отнюдь не гарантируетъ полного обузданія юношества и искорененія «либеральныхъ идей»...

Законопроектъ, внесенный въ Государственную Думу министромъ Шварцемъ, строится уже на иныхъ, но крайней мѣрѣ въ теоріи, основаніяхъ: въ немъ уже говорится объ индивидуализации обученія и самостоятельности учащихся, высказывается здравая мысль о томъ, что «все развитіе средняго образованія въ Россіи въ данное время возможно при условіи постояннаго участія общества», наконецъ, впервые въ документѣ, исходящемъ изъ Мин. Нар. Пр., предлагаются мѣры къ установленію единой школы. Этотъ законопроектъ, какъ извѣстно, былъ взятъ обратно преемникомъ Шварца, г. Кассо.

Смѣнявшій Кассо гр. Платовъ почти немедленно принялся за реформу средней школы. Въ февралѣ 1915 года онъ вступилъ въ управленіе министерствомъ, а уже въ апрѣлѣ особое совѣщаніе, подъ его председательствомъ², установило «общія положенія, на которыхъ должна строиться новая школа». Сущность этихъ положеній сводится къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ:

«Школа должна быть 1) національной, 2) самоовлѣющей, т. е. дающей общее образованіе и не имѣющей непосредственной цѣлью подготовку въ высшія учебныя заведенія, 3) семилѣтней и 4) состоящей

¹ Министръ предложилъ учебному начальству принимать въ гимназии и прогимназии только такихъ дѣтей, которыя «находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручательство въ правильномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ и въ предоставленіи имъ необходимыхъ для учебныхъ занятій удобствъ. Такимъ образомъ, при неуклонномъ соблюденіи этого правила, гимназии и прогимназии освободятся отъ поступления въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей, дѣтей коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ необыкновенными способностями, вовсе не слѣдуетъ выводить изъ той среды, къ коей они принадлежатъ» (цирк. отъ 18 июня 1887 года. Цит. по Калтереву — «Исторія педагогика», стр. 536).

² Кто принималъ въ немъ участіе, — неизвѣстно.

изъ двухъ ступеней: первой съ трехлѣтнимъ и второй съ четырехлѣтнимъ курсомъ обученія»¹.

Кромѣ того, «особое совѣщаніе» высказалось за согласованіе курса первыхъ трехъ классовъ съ таковыми же высшихъ начальныхъ курсовъ и за развѣтвленіе второй ступени (бифуркація или полифуркація).

Только послѣ этого министерство нашло возможнымъ пригласить «для детальной разработки этихъ положеній, установленія типовъ школы, построенія учебныхъ плановъ и программъ» людей практики, для чего «избрало» изъ среды педагоговъ цѣлый рядъ лицъ². Эти лица составили нѣсколько комиссій, председатели которыхъ, а также нѣкоторые изъ числа ихъ членовъ, были приглашаемы въ засѣданія при Министерствѣ, гдѣ они, «руководствуясь преподанными указаніями, разрѣшили рядъ важнѣйшихъ вопросовъ.

Какъ видитъ читатель, комиссіи были организованы обычнымъ бюрократическимъ путемъ: министерство назначало тѣхъ или другихъ лицъ, преподавало имъ нѣкоторыя неизбѣжныя положенія, выработанныя какимъ-то совѣщаніемъ, члены котораго не поименованы въ «Материалахъ». Комиссія председателей, руководимая тов. министра Шевяковымъ, имѣла десять засѣданій, во время которыхъ основная работа по выработкѣ учебнаго плана была закончена. Повидимому, однако, нашлись такіе члены комиссій, которыхъ не могла удовлетворить такая работа съ фиксированными заранѣе положеніями, и они пожелали собраться въ одиннадцатый разъ, чтобы обмѣняться мнѣніями относительно иного построенія ступеней средней школы. «Председатель собранія В. Т. Шевяковъ *счелъ уместнымъ дать высказаться* по этому вопросу желающимъ». Это тогда, когда вся работа по существу была уже сдѣлана! Конечно, министерскій планъ былъ признанъ наилучшимъ.

Итакъ, основныя черты проекта реформы были уже до майскихъ засѣданій комиссіи Шевякова выработаны «особымъ совѣщаніемъ»; своеобразность этого проекта заключается въ томъ, что продолжительность курса средней школы опредѣлена въ семь лѣтъ и что курсъ этотъ раздѣляется на двѣ ступени съ развѣтвленіями (т. н. полифуркаціей) на старшей ступени. До четвертаго класса нѣтъ никакихъ раздѣленій на реальную и классическую или какую-либо иную группу. Съ четвертаго класса начинается раздѣленіе: ученикъ долженъ выбрать себѣ одно изъ развѣтвленій — «факультетовъ», — или классическое съ древнимъ языкомъ, или новогуманиитарное съ усиленнымъ преподаваніемъ языковъ (безъ древняго), исторіи и географіи, или реальное — въ свою очередь развѣтвляющееся на математическую и естественную вѣтви.

Комиссія Шевякова разработала очень детально учебный планъ примѣнительно къ этому заданію. Остановимся на таблицахъ уроковъ,

¹ Материалы по реформѣ средней школы. Примѣрныя программы и объяснительныя записки, изданныя по распоряженію г. министра народн. просвѣщенія. Стр. 4.

² Тамъ же, стр. 3.

предложенныхъ комиссией. Естественно, что для младшей ступени программа одна: различия между программами реальныхъ училищъ и гимназій стерты, и ученикъ поступаетъ не въ реальное или гимназю, а въ первый классъ общеобразовательной школы Мин. Нар. Просв. Предметы, изучаемые на первой ступени, и количество уроковъ приведены въ слѣдующей таблицѣ:

	I кл.	II кл.	III кл.	Всего.
1. Законъ Божій	2	2	2	6
2. Русскій языкъ	6	6	6	18
3. Математика	4	4	4	12
4. Исторія	2	2	2	6
5. Географія	2	2	3	7
6. Естествознание	3	3	3	9 ¹
7. Рисованіе	2	2	3	7
8. Физическія упражненія	3	3	3	9
9. Пѣніе	1	1	1	3
Всего	25	25	27	77

Кромѣ того, совѣщаніе признало возможнымъ, кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ, допустить факультативно добавочные часы (не болѣе трехъ) на музыку, танцы, ручной трудъ и др.

Организація дѣла на старшей ступени будетъ ясна изъ приводимой ниже таблицы уроковъ на различныхъ отдѣленіяхъ. Чтобы упростить таблицу, мы приведемъ только общую сумму часовъ, отводимыхъ на данный предметъ въ четырехъ старшихъ классахъ вмѣстѣ.

	Новоученичье отъ IV—VII кл.	Гуманитарно-классическое IV—VII кл.	Реальное Математ. IV—VII кл.	Естеств. IV—VII кл.
1. Законъ Божій	8	8	8	8
2. Русскій языкъ	19	16	16	16
3. Исторія	14	12	11	11
4. Математика	14	12	22	17
5. Физика	11 ¹	9 ¹	15 ¹	15 ¹
6. Космографія	2	1	2	2
7. Химія	—	—	4 ¹	4 ¹
8. Логика	2	2	2	2
9. Новый языкъ	18	15	13	13
10. Географія	6	4	6	6
11. Естествовъдвѣніе	2	—	3 ¹	12 ¹

Въ это число входятъ и практическія занятія.

12. Древній языкъ	—	23	—	—
13. Физическія упражненія	12	12	12	12
14. Рисованіе	1	—	3	2
15. Черченіе	—	—	2	2
16. Оснащеніе съ памятни- ками искусствъ	2	2	—	—

Относительно того, какъ будетъ проводиться на практикѣ этотъ учебный планъ, въ «Материалахъ» нѣтъ никакихъ указаній. Будутъ ли всѣ четыре вѣтви представлены въ каждой школѣ, какъ будутъ организованы занятія на реальномъ отдѣленіи, гдѣ между математическимъ и естественнымъ отдѣленіемъ не такъ ужъ велика разннца, пока неясно. Неясно также, отъ кого будетъ зависѣть выборъ новаго и древняго языка, или будетъ принято пожеланіе комиссіи иностранныхъ языковъ о параллельномъ преподаваніи всѣхъ трехъ словыхъ языковъ и т. д.

Нельзя сказать, чтобы проектъ реформы въ этой части встрѣтилъ положительную оцѣнку въ средѣ педагоговъ-практиковъ¹. Прежде всего — сторонники *единой* школы требуютъ исполнѣ опредѣленной преобладающей между высшей начальной школой и второй ступенью реформированной школы. Исполнѣ основательно общій планъ средней и высшей школы представляется ими въ такомъ видѣ: I — четырехгодичная начальная народная школа, II — высшая начальная четырехгодичная школа, III — средняя четырехгодичная школа. При этомъ вторая ступень исполнѣ соответствуетъ первымъ четыремъ классамъ средней школы. Каждый циклъ завершенъ въ себѣ самомъ, но въ то же время онъ даетъ право перейти безъ экзамена въ слѣдующую школу. Продолжительность средней школы остается такимъ образомъ въ восемь лѣтъ.

По мѣткому выраженію С. Золотарева реформированная Игнатьевымъ школа будетъ готовить «заурядъ-гимназистовъ», а потомъ въ три года «заурядъ-студентовъ». Во всякомъ случаѣ о сознательномъ усвоеніи методовъ отдѣльных предметовъ при семилѣтнемъ курсѣ говорить не приходится. Стремясь во что бы то ни стало втиснуть курсы въ семилѣтній срокъ, комиссія принуждена была идти на компромиссы. Такъ, комиссія по иностраннымъ языкамъ опредѣленно заявляетъ: «Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что при 13 часахъ на реальномъ отдѣленіи рѣшительно ничего нельзя достигнуть. И если комиссія не отклонила отъ себя составленія программы и на

¹ Въ мав 1915 года, въ то же время, когда работала Игнатьевская комиссія, засѣдалъ, при участіи свѣдущихъ лицъ, Совѣтъ Всероссийскаго Педагогическаго Общества и принялъ рядъ заключеній относительно реформы средней школы, въ общемъ совпадающихъ съ основными положеніями одного изъ думскихъ законопроектовъ («Ключевскаго») и мнѣніями московскихъ педагоговъ. («Пед. листокъ», №6; «Новости дѣтской литературы», № 4, 1916 г.).

этомъ отдѣленіи, то только не желая вставлять палки въ колеса дѣлу реформы средней школы, которому въ принципѣ сочувствуетъ».

Совершенно неясно также, что означаетъ положеніе: «школа должна быть національной». По этому поводу г. Ефимовъ въ статьѣ, помѣщенный въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Воспитанія», резюмированно задаетъ слѣдующій вопросъ: «Школа должна быть національной... она должна укрѣпить любовь дѣтей къ родицѣ... Значитъ ли это, что въ Польшѣ школа должна быть польской и учить польскихъ дѣтей любить свою Польшу и чтить ея многотрудное прошлое, въ Украинѣ—украинской, въ Литвѣ—литовской и т. д. Или, наоборотъ, школа должна быть національной въ русскомъ смыслѣ этого слова, т. е. учить польскихъ дѣтей любить Россію и ея прошлое, то самое прошлое, когда дѣлились ризы ихъ родицы, учить украинскихъ дѣтей любить Россію, несмотря на то, что имъ запрещалось пѣть родныя пѣсни, читать и любить своихъ поэтывъ?»¹

Разсмотрѣніе объяснительныхъ записокъ и программъ исторіи и русскаго языка заставляетъ думать, что национализмъ, проповѣдуемый Мин. Нар. Пров. — национализмъ «въ русскомъ смыслѣ этого слова». Если только вѣрно передаетъ корреспондентъ «Рѣчи», окружной инспекторъ Петроградскаго Учебнаго округа г. Ксраблевъ въ докладѣ педагогическому съѣзду о национализации русской школы заявилъ слѣдующее: «Русскій национализмъ долженъ приблизить къ себѣ (?) сыновъ другихъ национальностей, во множествѣ населяющихъ Россію, заставить (?) эти национальности любить и уважать страну, въ которой они проживаютъ»².

Это почти прямой отвѣтъ на вопросъ г. Ефимова.

Вызываетъ возраженія самый принципъ раздѣленія на «факультеты». Противъ такого раздѣленія приводятся соображенія, какъ практическаго, такъ и теоретическаго характера. Въ третьемъ классѣ ученикъ еще не можетъ разобраться въ своихъ силахъ и способностяхъ, и его будетъ привлекать то или другое отдѣленіе въ силу только извѣстнаго вѣщиваго, случайнаго интереса или личныхъ симпатій къ преподавателямъ этого отдѣленія, или же за ученика будутъ рѣшать родители. Г. С. І. Гессенъ въ своемъ докладѣ педагогическому петроградскому обществу (11 марта 1916 г.) справедливо указалъ на то, что положеніе ученика, ошибочно попавшаго на чуждый его способностямъ «факультетъ», будетъ очень тяжелымъ. Въ нормальной школѣ обычнаго типа неспособность даннаго ученика по опредѣленнымъ группѣ предметовъ не должна служить препятствіемъ къ окончанію курса: на его неспособность здѣсь можно смотрѣть, такъ сказать, сквозь пальцы.

¹ «Вѣстникъ Воспитанія», мартъ. Е. Ефимовъ. «Реформа средней школы и национальное воспитаніе по материаламъ Мин. Нар. Пров.»

² Рѣчь, 8 июня 1916 г.

Но если онъ окажется, напримеръ, на математическомъ отдѣленіи неспособнымъ къ математикѣ, тогда его положеніе почти безвыходно.

Г. Гессенъ въ своемъ докладѣ и противопоставляетъ такой специализации требованіе индивидуализации обученія, что достигается иной планировкой курса, расширеніемъ правъ педагогическихъ комитетовъ и т. п. Дѣйствительно, средняя школа должна *индивидуализировать* обученіе, а не специализировать его. Въ нормальной единой школѣ должны быть представлены такіе предметы, методы которыхъ цѣнны и должны быть усвоены современнымъ культурнымъ человѣкомъ. Такими методами можно считать методъ филологическій, математическій, естественно-научный. Ознакомленіе съ ними, воспитаніе на нихъ необходимо для всякаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія болѣе приемлемымъ является «докладъ совѣщанія, образованнаго Государственной Думой».

Сущность учебнаго плана, предложеннаго этимъ совѣщаніемъ, прежде всего въ строгомъ подчиненіи его принципу единой школы. Думскій законопроектъ опредѣленно заявляетъ, что «значительная разница въ организаціи и учебныхъ планахъ существующей нынѣ мужской и женской школъ представляется нынѣ полнымъ анахронизмомъ» (игнатъевскій проектъ касается только мужскихъ школъ). Далѣе, переходъ изъ нижней школы въ высшую начальную, а отсюда въ среднюю принять думскимъ совѣщаніемъ, какъ нѣчто само собой разумѣющееся, и подъ гимназіей понимаются только старшіе классы — отъ 5-го до 8-го. Младшіе классы гимназіи всецѣло покрываются высшимъ начальнымъ училищемъ, въ которое открывается доступъ всѣмъ. Въ высшемъ начальномъ училищѣ (начиная съ 3-го класса) предметы раздѣляются на обязательные и особые. Подъ особыми понимаются химія, физика, русская литература съ одной стороны, иностранный языкъ, съ другой. Первые преподаются тѣмъ ученикамъ, которые не намѣреваются переходить въ среднюю, вторыя для переходящихъ. Въ гимназіи предметы также раздѣляются на двѣ группы — обязательные и дополнительные. Въ однихъ гимназіяхъ дополнительные часы могутъ быть отданы латинскому языку, въ другихъ — математикѣ, физикѣ и химіи. Наряду съ этими типами гимназій возможны и другіе, съ введеніемъ въ число дополнительныхъ предметовъ второго иностраннаго языка и т. д. Приводимая ниже таблица поможетъ уяснить дѣло.

Предметы.	Высш. нач. учил. (первый концентр).				Гимназія. (второй концентр).			
	К л а с с ы.							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Русскій языкъ	6	6	4	4	4	4	4	3
Законъ Божій	2	2	2	2	2	2	2	2
Исторія съ законовѣдѣніемъ .	2	2	3	3	3	3	4	4
Географія	3	3	2	2	—	—	—	2
Естествовѣдѣніе съ гиченой .	4	4	4	4	3	3	2	2

Физика съ химіей	—	—	—	—	2	3	3	2
Математика	4	4	5	5	4	3	3	2
Космографія	—	—	—	—	—	—	1	1
Иностранный яз.	—	—	—	—	4	4	4	4
Графическ. искуc.	3	3	3	3	—	—	—	—
Физическія упражн.	3	3	2	2	2	2	2	2
Особые (выш. н. у.)	—	—	5	5	—	—	—	—
Дополнительные	—	—	—	—	6	6	6	6

Отличительной чертой этого плана является введение естествознанія въ качествѣ обязательнаго предмета во всѣ классы высшаго начального училища и гимназіи. Слѣдуетъ отмѣтить, какъ основное принципиальное положеніе думскаго проекта, слѣдующее: единообразіе въ основѣ, разнообразіе въ частностях¹. По мнѣнію совѣщанія, «государство должно ограничить свою задачу созданіемъ единой общеобразовательной основы школьнаго курса, предоставивъ самой школѣ, въ лицѣ ея органовъ, ею завѣдующихъ, установить содержаніе дополнительныхъ, такъ сказать, курсовъ, въ соответствіи съ индивидуальными склонностями учащихся и мѣстными условіями общественной жизни». Государство должно сохранить лишь функцію высшаго контролирующаго органа, внутренній распорядокъ школы долженъ быть доверенъ мѣстнымъ органамъ школьнаго управления.

Несмотря на нѣкоторые частные дефекты, проектъ Думы, разработанный первоначально совѣщаніемъ при редакціи «Русской Школы», а затѣмъ уже думскимъ совѣщаніемъ подъ предѣдательствомъ И. С. Клокова, жизнннѣе, демократичнѣе, смѣлѣе проекта игнатьевскаго.

Ни одинъ изъ проектовъ не сталъ еще закономъ, несомнѣнно, однако, что проведеніе того или другаго проекта не рѣшаетъ вопроса о нашей школѣ. Лишь свободная, автономная, не опутанная министерскими циркулярами школа, дѣйствительно, подойдетъ вплотную къ рѣшенію большаго вопроса о среднемъ образованіи. Благожелательно, но въплоть бюрократически, подходитъ къ рѣшенію вопроса г-нъ Игнатьевъ, благожелательно, но робко, не договаривая до конца, идетъ думское совѣщаніе, — рѣшать же вопросъ будутъ реальныя условія жизни. А снѣ пока что не сулятъ намъ розовыхъ перспективъ. Пока въ Думѣ говорятъ о передачѣ учебныхъ заведеній въ руки «общественныхъ и

¹ Повидимому такъ же смотритъ на дѣло и организованная въ Москвѣ комиссія, въ которую вошли представители отъ 12-ти ученыхъ и просвѣтительныхъ московскихъ обществъ. По сообщенію «Рус. Вѣд.» комиссія пришла къ заключенію, что общеобразовательная школа должна быть единой, безъ раздѣленій. Она должна также заключать въ себѣ минимальную программу, обязательную для всѣхъ учащихся. Въ средней школѣ должны быть организованы на широкихъ основаніяхъ факультативныя занятія съ цѣлью опредѣлить наклонности учащихся въ той или другой области знанія». (27 апр., 1916. См. также статью И. Катаева—Р. В., 5 июня 1916).

профессиональных организаций», пока на различных педагогических съездах говорятся хорошие слова,—в это время в глубинах России продолжают разрываться печальные и комические эпизоды. Вот один из последних примеров. Далеко на юг, в Кубани, образовалось общество учителей, которое заработало очень энергично, начав даже издавать недурной журнал «Кубанская школа». И вот по словам «Речи», «люди в футлярах встревожились».

Первым забил тревогу инспектор народных училищ Богоявленский, подавший директору народных училищ Поночевному жалобу на то, что в состав городской училищной комиссии включен один из членов правления учительского общества.

В этом факте инспектор г. Богоявленский видит попытку умалить его значение в комиссии, где он, инспектор, присутствует с совещательным правом голоса, и желание учительского общества захватить власть в свои руки. Г. Богоявленский даже высказывает опасения, что при предстоящих выборах в думу учителя могут сыграть определенную роль — «при своей организованности».

Г. директор, конечно, поддержал инспектора и, с своей стороны, подал протест против того, что в состав правления общества избраны в настоящее время лица, не состоящая народными учителями, и считает, что эти лица «увлекают весь состав учащихся начальной школы в сторону протеста и сопротивления учебной администрации, сами оставаясь вне пределов досягаемости и воздействия этой администрации»... Относительно же действия учительского общества г. Поночевный обещает подать жалобу попечителю учебного округа.

А во время съезда попечителей г.р. Игнатьеву пришлось разъяснить г.г. попечителям, что ответственность несет он, министр, а потому его распоряжения должны выполняться... Даже ультралиберальная политика г.р. Игнатьева вызвала «итальянскую забастовку» местной власти. А уж Ключевский проект нам покажется прямо яacobинским...

И снова, как в заколдованном и порочном кругу, мы возвращаемся к вопросам более грозным, более настоятельным, чем реформа средней школы...

Но не здѣсь о них говорить.

Ад. Бъльскій.

НОВЫЕ ПРЯМЫЕ НАЛОГИ.

Конец второго года великой мировой войны принес нам два новых прямых налога: прогрессивно-подходный и специальное обложение военных прибылей. Оба они — первые ласточки грядущей «налоговой безопасности» для широких слоев населения. Оба они — недурные примеры крайне снисходительного и бережного отношения к крупным и особенно крупным доходам. Наконец, оба эти налога усиливают в некоторых отношениях существующую неравномерность обложения. В виду того, что исследование обоих налогов с этих точек зрения представляет наибольший интерес для широкого круга читателей, мы и ограничим исследование их указанными рамками; к тому же побуждает нас и недостаток места.

Остановимся сначала на прогрессивно-подходном налоге. То, что он сильно опоздал со своим рождением и имеет более принципиальное, чем финансовое значение, мы уже отмечали в декабрьской и февральской книжках «Летописи». Теперь приходится сказать лишь о перипетиях прохождения проекта его в законодательных учреждениях. Проект этот вышел из Г. Думы с минимумом, свободным от обложения, в 1.000 руб. и с прогрессией от 1,1% до 6½% при доходе свыше 100.000 руб. В Г. Совете упомянутый минимум был понижен до 700 рублей, а прогрессия повышена до 12½%. Наконец, в согласительной комиссии, заключение которой было принято Г. Думой 31 марта и Г. Советом 1 апреля, свободный от обложения минимум дохода был повышен до 850 рублей. 6 апреля законопроект был Высочайше утвержден и стал законом, который вступит в действие с 1 января 1917 года.

Финансовая история говорит, что подходный налог никуда не вошел по соображениям справедливости. Наоборот, единственно побудительными стимулами к введению этого налога бывало всегда соображение министрами финансов и законодательствующей буржуазией пустых сундуков государственного казначейства и сомнения в возможности получить требуемые суммы путем исключительно косвенного обложения народных масс. Поскольку казенные сундуки пустели от войн — можно говорить о военном происхождении подходных налогов (напр., английский, русский, французский). Соображения же справедливости, коими сопровождалось повсюду введение подходного обложения, это лишь трескучие фразы со стороны господствующих классов, под шумок которых проводились ничтожность прогрессии и ничем не оправдываемые изъятия для некоторых частей дохода, а также открывались законные лазейки для утаивания преимущественно крупных доходов от собственности всякого рода. Так, напр., Г. Совете отмѣ-

нили косвенную декларацию кредитных учреждений, т. е. обязанность их сообщать судетным органам свѣдѣнія объ операцияхъ клиентовъ, а также требование проекта объ общественномъ контролѣ за доходами въ формѣ вывѣшивания для обозрѣнія списковъ плательщиковъ и причитающихся съ нихъ окладовъ налога.

Таковы субъективные моменты введенія подоходнаго обложенія у насъ и въ другихъ странахъ. Принявъ ихъ во вниманіе, мы легко поймемъ и то, почему проектъ подоходнаго налога такъ долго лежалъ въ Г. Думѣ, почему наши министры финансовъ такъ долго не настаивали на его скорѣйшемъ проведеніи въ жизнь, почему Г. Совѣтъ, готовившійся путемъ полутораста поправокъ сдѣлать его непримлемымъ для Г. Думы, вдругъ, какъ по волшебству, не только принялъ его, но и повысилъ прогрессию до $12\frac{1}{2}\%$, почему добился пониженія минимума.

Но увеличеніе прогрессии — единственная положительная черта, которую прибавилъ подоходному налогу Г. Совѣтъ. Всѣ же остальные измѣненія, внесенныя тамъ, только ухудшили первоначальный проектъ, не причинивъ никакого опорченія прогрессивному блоку, представители котораго въ согласительной коммиссии добились лишь нѣкотораго повышенія минимума свободнаго отъ обложенія, не обнаруживъ желанія пойти на серьезный конфликтъ съ Г. Совѣтомъ, несмотря на солидный поводъ для этого.

Также счастливо для кармановъ буржуазныхъ группъ, представляемыхъ въ Гос. Думѣ «прогрессивнымъ блокомъ», прошло заключеніе коммиссии въ нашей нижней палатѣ. Особенно интереснымъ представляется пониженіе минимума хотя бы до компромиссныхъ 850 рублей. Но прежде чѣмъ указывать, почему это интересно, приведемъ таблицу тѣхъ доходовъ и ставокъ нашего подоходнаго налога, которыя особенно близки широкому кругу читателей. Она мало извѣстна, а между тѣмъ каждому будетъ любопытно узнать, сколько придется платить въ 1917 г. вдобавокъ къ существующимъ налогамъ всякаго рода. Вотъ эта таблица съ сокращеніями для доходовъ свыше 10.000 рублей.

Разряды. Размѣры дохода въ рубляхъ.					Оклады налога въ рубляхъ.	Оклады въ %%-хъ къ доходу. ¹	
1	свыше	850	до	900	включит.	6	0,67
2	»	900	»	1.000	»	7	0,7
3	»	1.000	»	1.100	»	8	0,73
4	»	1.100	»	1.200	»	9	0,75
5	»	1.200	»	1.400	»	11	0,79
6	»	1.400	»	1.600	»	14	0,88
7	»	1.600	»	1.800	»	17	0,94
8	»	1.800	»	2.000	»	20	1,0
9	»	2.000	»	2.300	»	25	1,08
10	»	2.300	»	2.600	»	31	1,19
11	»	2.600	»	2.900	»	38	1,31
12	»	2.900	»	3.200	»	45	1,41
13	»	3.200	»	3.600	»	55	1,53
14	»	3.600	»	4.000	»	67	1,68
15	»	4.000	»	4.500	»	82	1,82
16	»	4.500	»	5.000	»	100	2
17	»	5.000	»	5.500	»	116	2,11
18	»	5.500	»	6.000	»	132	2,20
19	»	6.000	»	6.500	»	150	2,31
20	»	6.500	»	7.000	»	168	2,40
21	»	7.000	»	7.500	»	188	2,51
22	»	7.500	»	8.000	»	208	2,60
23	»	8.000	»	8.500	»	230	2,71
24	»	8.500	»	9.000	»	252	2,80
25	»	9.000	»	9.500	»	272	2,86
26	»	9.500	»	10.000	»	300	3
36	»	19.000	»	20.000	»	1.000	5
51	»	45.000	»	50.000	»	3.250	6,50
61	»	95.000	»	100.000	»	8.000	8
71	»	190.000	»	200.000	»	20.000	10
91	»	390.000	»	400.000	»	48.000	12

Доходъ свыше 400 тыс. руб. будетъ облагаться въ размѣрѣ 48 тыс. рублей съ прибавленіемъ къ этому окладу по 1.250 р. за каждыя полныя 10.000 рублей дохода сверхъ 400.000 р. Поэтому при доходѣ, напримѣръ, въ 500 тыс. руб. придется платить 60,5 тыс. руб. или 12,1%, а при доходѣ въ 1 миллионъ рублей — 123 тыс. руб. или 12,3%. Лишь при безконечно большомъ доходѣ обложение можетъ достигнуть 12,5%; следовательно, при всякомъ конечномъ доходѣ оно будетъ ниже 12,5%.

При опредѣленіи того, сколько придется платить, надо имѣть въ

¹ Процентъ вычисленъ только ко 2-му столбцу цифръ дохода; для перваго столбца онъ всегда будетъ нѣсколько выше, но это не имѣетъ существеннаго значенія.

виду, что при уплатѣ подоходнаго налога будетъ производиться зачетъ окладовъ основнаго промысловаго налога на личныя промысловыя занятія и квартирнаго налога за тотъ же окладной годъ, за который будетъ взыматься подоходный. При этомъ, если оклады эти, каждый въ отдельности или оба въ совокупности, окажутся выше подлежащаго уплатѣ оклада подоходнаго налога, то плательщикъ будетъ вовсе освобождаться отъ уплаты подоходнаго.

Подоходный налогъ имѣетъ существенное значеніе для лицъ, служащихъ по найму, лишь въ томъ случаѣ, если онъ вводится при пониженіи или отменѣ ряда косвенныхъ налоговъ на предметы массоваго потребления. Когда же онъ вводится въ качествѣ добавочнаго налога при сохраненіи, а тѣмъ паче при увеличеніи прежнихъ налоговъ, то онъ безразличенъ для массы этихъ лицъ только тогда, когда онъ имѣетъ высокій минимумъ, свободный отъ обложенія. Въ случаѣ же низкаго минимума положеніе массъ работниковъ по найму ухудшается еще болѣе.

Подходя къ вопросу съ этой социальной точки зрѣнія, мы должны признать, что уже минимумъ въ 1.000 рублей думскаго проекта былъ крайне низокъ и социаль-демократическая фракція Гос. Думы, предлагавшая въ свое время повысить его до 2.000 рублей, имѣла полное на то основаніе. Съ тѣхъ поръ произошло крайне сильное обезцѣненіе денегъ, достигшее уже того, что нашъ бумажный рубль внутри страны стоитъ, по мнѣнію гр. В. Н. Коковцева, 50 — 60 коп., проф. П. Мигулина — 60 коп., «Промышленности и Торговли» — 50 коп., а по мнѣнію пр.-доц. Ф. Меньшова — паче въ некоторыхъ мѣстахъ и до 40 коп. Если принять рубль равнымъ 50 коп. золотомъ, то надо всѣ цифры размѣра доходовъ, подлежащихъ подоходному налогу (а также окладовъ налога), понизить въ двое. Тогда можно видѣть, что у насъ будутъ облагаться этимъ налогомъ лица, доходъ которыхъ до войны равнялся 425 руб., т. е. сотни тысячъ рабочихъ и мелкихъ служащихъ, а также и крестьянъ. Вотъ какой низкій минимумъ, свободный отъ обложенія, установленъ, на самомъ дѣлѣ, въ цифрѣ 850 рублей. Можно сказать и наоборотъ: всѣ лица, которыя довели свой номинальный заработокъ во время войны до 75 рублей, будутъ подлежать подоходному налогу. Если же принять во вниманіе, что менѣе всего удалось поднять свой номинальный заработокъ во время войны служащимъ частныхъ и общественныхъ предпріятій съ заработкомъ отъ 90 до 200 руб. въ мѣсяцъ или отъ 1.000 до 2.400 руб. въ годъ, то слѣдуетъ признать, что подоходный налогъ будетъ наиболѣе тяжело ощущаться, какъ новое добавочное бремя, именно этой группой лицъ.

Укажемъ еще, что въ новыхъ подоходныхъ налогахъ, введенныхъ во время войны во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, минимумы, свободные отъ обложенія, равны соответственно 1.925 руб. и около 5.500 руб., если пересчитать франки и доллары по курсамъ до войны. Только въ Пруссіи этотъ минимумъ былъ до войны тоже около 425 руб. (900 марокъ). Любопытно, что война съ Германіей несколько

не мѣшаетъ нашимъ отечественнымъ законодателямъ подражать почти всему, что есть najbolше плохого въ австро-германскомъ мирѣ.

Что касается Англии, то до войны тамъ былъ минимумъ около 1.500 рублей. Когда же и тамъ зашла рѣчь о пониженіи этого минимума въ виду огромныхъ военныхъ расходовъ, то Ллойдъ Джорджъ сказалъ въ бюджетной рѣчи 17 ноября 1914 года по этому поводу слѣдующее: «Пытаться собирать подоходный налогъ... съ сотенъ тысячъ и, можетъ быть, миллионовъ рабочихъ и лицъ съ маленькими, колеблющимися и часто непостоянными доходами—задача прямо страшная, и мы не можемъ подумать о проведеніи ея въ жизнь въ ближайшіе мѣсяцы. Мы опасаемся, что расходы взиманія будутъ слишкомъ высоки сравнительно съ возможными поступлениями»... Забудьте, что это было сказано послѣ 75-лѣтняго функционирования въ странѣ подоходнаго обложенія и при наличности весьма высокой податной техники, при гораздо облѣе высокой заработной платѣ и зажиточности среднихъ слоевъ населенія, при значительно меньшемъ развитіи косвеннаго обложенія и тяжести косвенныхъ налоговъ, чѣмъ въ Россіи. И только въ третьемъ военномъ бюджетѣ Англии новый министръ финансовъ Макъ-Кенна предложилъ нѣсколько понизить этотъ минимумъ, приблизительно до 1.250 рублей.

У насъ же г. Баркъ въ засѣданіи финансовой комиссіи Гос. Думы заявлялъ, что его вѣдомство успѣшно справится съ техническими затрудненіями, связанными съ расширеніемъ круга плательщиковъ при пониженіи минимума до 700 руб. Такъ велико было уже тогда желаніе вернуть въ казну потерянный съ утвержденіемъ трезвости миллиардъ. Что дороговизна жизни давно уже извлекла этотъ миллиардъ изъ кармана пегузовъ, гдѣ его ищутъ охотники и до сихъ поръ, объ этомъ мы писали уже не разъ. Удивительно лишь то, что нашъ министръ финансовъ не замѣтилъ, что пониженіе минимума хотя бы до 700 р. — средство для уловленія этого миллиарда явно негодное, такъ какъ отъ пониженія минимума до 700 р. ожидалось тогда всего лишь отъ 7 до 8 милл. руб. Нынѣ, когда минимумъ принятъ въ 850 руб., очевидно, получится еще меньше, а если и столько же, то все же итра не стоитъ свѣчь и съ финансовой точки зрѣнія.

Нельзя не отмѣтить также, что чѣмъ шире окажется кругъ лицъ съ маленькими доходами выше 850 рублей, тѣмъ мучительнѣе будетъ примѣненіе новаго закона, такъ какъ статья 82-я его устанавливаетъ для плательщиковъ обязанность дѣлать декларацию (заявленіе) о величинѣ всѣхъ своихъ доходовъ, а ст. 90 указываетъ, какъ дѣлать такое заявленіе. Особенно тяжело будетъ положеніе массъ неграмотныхъ плательщиковъ, которымъ по 86-ой (2) статьѣ предоставляется возможность и устныхъ заявленій. Въ этомъ отношеніи подражать можно было бы не только Англии, гдѣ декларация обязательна лишь при доходахъ свыше 28.000 руб., но и Пруссіи, гдѣ она обязательна при доходахъ не ниже 1.380 руб. Обязательныя декларации при нашихъ условіяхъ будутъ сплошь невѣрныя, несмотря ни на какія предусмотрѣнныя въ законѣ суровыя

санкции¹. Благодаря понижению прожиточного минимума три четверти мелких плательщиков в лучшем случае не будут способны понять, что от них требуется законом, а в худшем — просто в силу неграмотности не в состоянии выполнить требования закона. Личные декларации — это чиновничья выдумка, и она не может замѣнить необходимости разобраться в вопросе о декларации самому налогоплательщику². Есть, наконец, основания считать, что, благодаря понижению минимума и обезцѣненію рубля, в связи с наличием обязательной декларации пострадает около 1 миллиона народу!

Теперь о прогрессии. Россия страна бѣдная, вообще, и притомъ, съ одной стороны, страна крайне мелких доходовъ, а съ другой — весьма крупныхъ. Концентрація богатствъ въ ней болѣе развита, чѣмъ во Франціи, Германіи и Австріи, и менѣе лишь, чѣмъ въ Англіи и Соед. Штатахъ Сѣв. Америки. Поэтому подоходный налогъ въ ней можетъ давать большую выручку лишь при хорошемъ обложеніи крупныхъ доходовъ, т. е. при солидной прогрессіи. Отъ подоходнаго налога у насъ ожидаютъ въ 1917 г. отъ 120 до 150 мил. руб. Между тѣмъ, въ Англіи (по 4-му военному бюджету) отъ него ожидаютъ уже до 2 миллиардовъ рублей, словомъ въ 12—16 разъ больше, чѣмъ у насъ. Однако, было бы рискованно утверждать, что Англія во столько же разъ богаче насъ. Если приписать къ ожидаемой выручкѣ отъ нашего подоходнаго налога все ожидаемое въ текущемъ году поступленіе отъ прямыхъ налоговъ (359,6 м. р.), то и въ этомъ случаѣ совокупная выручка всего нашего прямого обложенія составитъ въ 1917 г. около 500 мил. руб., т. е. будетъ въ 4 раза меньше, чѣмъ выручка отъ одного только подоходнаго налога въ Англіи. Весь секретъ тутъ въ прогрессіи, которая для дохода въ 1.000.000 руб. достигла въ Англіи за разными вычетами 42%. У насъ же такой богачъ заплатитъ всего 12,3% этого дохода. Возьмемъ еще нѣсколько примѣровъ: у насъ лицо съ 5.000 руб. дохода заплатитъ 2% его, въ Англіи, если это трудовой доходъ, — 10,5%, а если — нетрудовой, то 15%; лицо съ доходомъ въ 10.000 р. уплатитъ у насъ 3% его, а въ Англіи — отъ 12,5 до 20%, въ зависимости отъ того, какой это доходъ: фундированный или нефундированный (трудовой). При заработанныхъ доходахъ свыше 25.000 руб. и незаработанныхъ свыше 20.000 рублей ставка основного подоходнаго налога въ Англіи одинакова для обоихъ видовъ дохода, а именно 25%; зато при доходѣ свыше 30.000 руб. повышается, въ зависимости отъ величины этого дохода, ставка отъ 13½ до 17½ добавочнаго налога. Такимъ образомъ, наиболѣе крупные доходы будутъ съ вышѣшняго года облагаться въ Англіи въ размѣрѣ отъ 38 до 42 съ лишнимъ процентовъ, если не считать вычетовъ. При оцѣнкѣ этихъ жертвъ на алтарь отечества надо еще принять во вниманіе, что

¹ Ст. 126—130, 133 и др. устанавливаютъ рядъ штрафовъ и за недоставленіе свѣдѣній и за невѣрные данныя. Эти штрафы тяжелы для мелкихъ плательщиковъ и легки для крупныхъ.

² Ср. ст. Ф. Менькова въ № 10 «Нов. Эк.» за 1916 г.

наибольше крупные наследства в Англии тоже солидно обложены в размеръ 23 — 30%. Наши же . . . законодатели, . . . снабдили вѣдомость окладовъ налога еще примѣчаніемъ, что указанные в ней оклады установлены на 1917—1919 годы, т. е. какъ разъ на годы безшабашной наживы, возможной только во время войны и въ эпоху ея ликвидаціи. При столь ясно выраженномъ намѣреніи падить крупные доходы, конечно, много отъ подоходнаго налога не выручить, какъ ни понижать при этомъ минимумъ, т. е. какъ ни прибѣгать къ другой формѣ пощады крупныхъ доходовъ. Въ заключеніе одинъ вопросъ: почему англійскій буржуа или лэндлордъ долженъ и можетъ жертвовать въ минуту нужды на алтарь своего отечества отъ 38 до 42% своего дохода уже съ 30.000 рублей, а русскій буржуа или промышленникъ не долженъ или не можетъ этого сдѣлать и при 30 миллионахъ дохода?

* * *

Обратимся теперь къ самому модному изъ налоговъ воинственной современности — къ налогу на военныя прибыли. Какъ отмѣтила уже вся печать, онъ родился съ весьма сомнительнымъ, съ точки зрѣнія духа законовъ, примѣненіемъ 87 ст. осн. законовъ. Трудно сказать, было ли въ этой неожиданной поспѣшности желаніе правительства устроить сюрпризъ прогрессивному блоку, или же простое желаніе нашего финансоваго Фабія Куинтатора наверстать потерянное время, или, наконецъ, какъ высказывались многие, здѣсь просто выразилось недовѣріе къ способности нашихъ законодательныхъ учрежденій подарить странѣ столь настоятельную форму обложения. Возможно и то, и другое, и третье, и все въ совокупности. Возможно, что и просто не хотѣлось, чтобы поднялись въ Думѣ разговоры на тему о томъ, кто и сколько жертвуетъ на алтарь отечества, и почему, въ частности, проектъ министра финансовъ облагаетъ только военныя прибыли промышленниковъ, а не военныя прибыли всѣхъ, приумножающихъ свои доходы отъ войны, въ томъ числѣ и помещиковъ. Наконецъ, могло быть и опасеніе, какъ бы аграрное большинство Гос. Совѣта снова не возстановило въкоторыя частности первоначальнаго проекта этого налога, которыя г. Баркъ долженъ былъ выкинуть въ виду дружнаго наступленія на него со стороны совѣта съѣздовъ объединенной торговли и промышленности и похода въ буржуазной прессѣ. Не будемъ, словомъ, забираться въ сферу высокихъ финансово-политическихъ намѣреній и расчетовъ, а констатируемъ одинъ элементарный фактъ: несмотря на то, что г. Баркъ сыгралъ послѣдній аккордъ при введеніи этого налога *allegro*, военныя прибыли 1915 года и второй половины 1914 г. такъ и не попали и не попадутъ ни въ какой долгъ въ казенный сундукъ. Между тѣмъ, въ нихъ-то несомнѣнно притаилась часть потеряннаго отъ монополіи миллиарда, хотя бы вследствие поднявшейся отъ трезвости рабочихъ производительности ихъ труда и увеличившейся по той же причинѣ покупательной способности другихъ слоевъ населенія.

Обложение прироста военных прибылей и вознаграждения построено у нас на следующих основаниях. Налог подлежат:

а) Тѣ предприятия, обязанныя публичной отчетностью, а изъ не-отчетныхъ — тѣ обложенныя дополнительнымъ процентнымъ сборомъ, прибыль которыхъ въ 1916 и 1917 г. будетъ болѣе 8% на основной капиталъ и выше средней прибыли за 1913 и 1914 окладные годы.

б) Необязанныя публичной отчетностью предприятия, за исключениемъ подрядовъ и поставокъ, указанныхъ въ пунктѣ *в*, и личныя промысловыя занятія, когда прибыли ихъ для каждаго изъ 1916 и 1917 годовъ исчислены въ размѣрѣ не выше 2.500 руб. и не менѣе, чѣмъ на 500 руб. выше средней прибыли за 1913—1914 годы.

в) Подряды и поставки, на которые выбираются особыя промышленныя свидѣтельства и которые выполнены повсемѣстно однимъ лицомъ, когда прибыль отъ всѣхъ нихъ за 1915 и 1916 годы превышаетъ въ каждомъ ихъ этихъ годовъ 3.000 руб. и не менѣе, чѣмъ на 500 руб. выше всѣхъ прибылей отъ подрядовъ и поставокъ, исполненныхъ тѣмъ же лицомъ въ 1912 и 1913 гг.

г) Лица, входящія по избранію или найму въ составъ правлений, учетныхъ и наблюдательныхъ комитетовъ и ревизионныхъ комиссій въ акціонерныхъ предприятияхъ, а также управляюще, товарищи ихъ и уполномоченныя этихъ предприятий, если вознаграждение ихъ въ 1915 и 1916 г. за тотъ же трудъ выше, чѣмъ въ 1912 г. и 1913 г., на 500 рублей.

Что касается размѣра обложенія, то онъ таковъ: съ предприятий и личныхъ промысловыхъ занятій, указанныхъ въ п. п. *б*, *в* и *г*, налогъ взимается въ размѣрѣ 20% съ прироста, превышающаго пятьсотъ рублей, а съ предприятий разряда *а* по следующей прогрессивной скалѣ:

при прибыли за 1916 и 1917 окладные годы			
свыше 8 и до 9%	на основной ¹ капиталъ	20%	съ прироста ея
» 9	» » 10%	»	» 21% » » »
» 10	» » 11%	»	» 22% » » »
» 11	» » 12%	»	» 23% » » »
» 12	» » 13%	»	» 24% » » »
» 13	» » 14%	»	» 26% » » »
» 14	» » 15%	»	» 28% » » »
» 15	» » 16%	»	» 30% » » »
» 16	» » 17%	»	» 32% » » »
» 17	» » 18%	»	» 34% » » »
» 18	» » 19%	»	» 36% » » »
» 19	» » 20%	»	» 38% » » »
свыше 20%	» »	»	» 40% » » »

и обложение вновь становится пропорціональнымъ.

Въ этой таблицѣ имѣется такая оговорка: если сумма налога на

¹ Или замѣняющій его.

приростъ съ прибылей, определенная по указанной скалѣ, составитъ въ 1916 г. вмѣстѣ съ суммой процентнаго сбора, или въ 1917 г. вмѣстѣ съ суммой процентнаго сбора и подоходнаго налога, больше *пятидесяти* процентовъ прибыли, исчисленной для обложения процентнымъ сборомъ за соответствующій годъ, то сумма налога на приростъ прибылей уменьшается такъ, чтобы совокупное обложение прибыли названными налогами и сборомъ не превышало ежегодно 50% ея.

Любопытно дать сейчасъ же сравненіе этой сложной схемы обложения, скопированной главнымъ образомъ съ соответственнаго французскаго налога, съ весьма простымъ рѣшеніемъ вопроса въ Англии. Тамъ признали военной прибылью всякое увеличеніе прибыли предыдущаго года болѣе чѣмъ на 200 фун. стерлинговъ (около 2.000 рублей) и обложили сначала этотъ приростъ въ размѣрѣ 50%, а нынѣ повысили обложение до 60% его. Практически это значитъ, что во многихъ случаяхъ крупныя предприятия будутъ платить, по свидѣтельству Макъ Кенны, до 74 съ лишнимъ процентовъ, такъ какъ подоходный налогъ будетъ уплачиваться ими само собою. (Промысловаго — въ нашемъ смыслѣ — въ Англии нѣтъ). Благодаря этому дагѣ и выручка отъ этого обложения прироста военныхъ прибылей въ Англии обѣщаетъ дать импозантный финансовый результатъ, а именно составитъ въ 1916—1917 г. — 86 мил. ф. ст. или около 850 мил. рублей.

Итакъ, въ Англии не боятся пожертвованій на алтарь отечества и въ размѣрѣ $\frac{3}{4}$ дохода, у насъ же официально допустимый максимумъ не долженъ превышать 50% дохода. Какъ мы сейчасъ увидимъ, и этотъ максимумъ въ изрядной долѣ фиктивенъ.

Нашъ законъ объ обложении военныхъ прибылей, какъ мы уже замѣтили выше, уклонился отъ первоначальнаго проекта подъ давленіемъ совѣта сѣздовъ объединенной промышленности и торговли.

Въ запискѣ по поводу второй (улучшенной) редакціи этого проекта названный совѣтъ привелъ сначала рядъ общихъ соображеній объ обременительности этого налога, напоминающихъ по своей убѣдительности былую аргументацію противниковъ желѣзныхъ дорогъ изъ рядовъ трактовыхъ ямщиковъ и трактирщиковъ. Какъ тѣ утверждали нѣкогда, что желѣзныя дороги закоптятъ весь міръ, что коровы перестанутъ давать молоко, которое будетъ киснуть въ вымени ихъ отъ шума и грохота пѣздовъ, такъ и совѣтъ сѣздовъ грозилъ перемѣщеніемъ капиталовъ изъ промышленности и торговли въ фонды и закладныя, невозможностью образованія новыхъ акціонерныхъ обществъ, отказомъ банковъ финансировать промышленность, затрудненіями въ пользованіи заемнымъ капиталомъ, безсиліемъ ослабленной чрезмерными поборами промышленности демобилизоваться послѣ войны и бороться съ иностранной конкуренціей и, въ частности, германской, паденіемъ въ будущемъ доходовъ казны отъ обложения предприятий, уменьшеніемъ исправности предприятий, работающих на оборону, вздорожаніемъ военныхъ заказовъ и переплатами на нихъ казной и т. д. Врядъ ли нужно опровергать вѣрность этой аргументаціи: каждый сдѣлаетъ это безъ труда и самъ. Но для примѣра

представимъ себѣ, что вдругъ капиталы, вложенные въ промышленность, въ самомъ дѣлѣ побѣжали бы, какъ зайцы передъ охотникомъ, въ государственные 6% займы или 8—10% вкладныя. Немедленно же тотъ и другой проценты ушли бы: государство понастроило бы массу желѣзныхъ дорогъ и собственныхъ фабрикъ и заводовъ, а объединенная промышленность и торговля лишились бы даже тѣхъ доходовъ, которые имѣются сейчасъ. Нѣтъ, положительно не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюетъ совѣтъ съѣздовъ. И какъ же быть другимъ странамъ, звершимъ этотъ налогъ и взимающимъ его наряду съ подоходнымъ безъ учета бремени послѣдняго? Неужели, напримѣръ, въ той же Англии промышленность и торговля погибнуть къ вящему процвѣтанію россійской? Какъ это англійскія организаци капиталта не доглядѣли аналогичной опасности?

Какъ бы то ни было, но подобная аргументація дѣйствовала у насъ всегда на министерство финансовъ благотворно... для промышленниковъ и торговцевъ. Такъ произошло и на сей разъ. Совѣтъ съѣздовъ добился того, что: во-первыхъ, прибыль за 1915 г. осталась необложенной новымъ налогомъ; во-вторыхъ, —повышенія минимума прибыли, подлежащей обложенію съ 3% до 8% на основной капиталъ; и въ-третьихъ, —увеличенія отчисленій изъ прибыли предприятий на погашеніе каменныхъ и металлическихъ сооружений до 15% вмѣсто 10% проекта, для прочихъ имуществъ до 30% вмѣсто 25% и для машинъ и инвентаря — до 20% вмѣсто 10%. Всѣ эти главныя побѣды совѣта съѣздовъ уменьшили общую массу бѣшеныхъ военныхъ прибылей торгово-промышленнаго класса самымъ реальнымъ образомъ тремя различными путями; укрывшіеся отъ обложенія доходы бурнымъ потокомъ устремились на текущіе счета и вклады въ банки, а также въ сберегательныя кассы, чтобы оказать отечеству услугу не безпроцентную въ формѣ налога, а 6-ти и болѣе процентную — въ формѣ военныхъ займовъ. Это куда пріятнѣе! Во всѣхъ газетахъ печатаютъ объ этихъ финансовыхъ жертвахъ господина капитала на алтарь отечества: такой-то банкъ подписался на такую-то сумму, такой-то заводъ — на столько-то, акционерное общество такое-то — столько-то и т. д.

Мы не можемъ останавливаться долѣе на съѣздовской запискѣ, хотя въ ней масса самыхъ аппетитныхъ для капитала доводовъ, представляющихъ общественный интересъ¹. Переходимъ поэтому къ военному налогу на конъюнктурную прибыль въ другихъ странахъ. Подобные налоги введены въ Германи, Австріи, Франціи, Швейцаріи, Норвегии, Итали, Канадѣ и т. д. Технические различія въ организаціи этихъ налоговъ объясняются различіями въ организаціи обычныхъ промысловыхъ налоговъ и, вообще, прямого обложенія въ этихъ странахъ. Этимъ моментомъ объясняется сродство нашего налога съ французскимъ и сильное отличіе отъ англійскаго.

¹ Интересующіеся найдутъ ее въ № 154, 155 и 156 «Финансовой Газеты» за 1916 г.

Французский налог на военные прибыли облагает гораздо более узкий круг лиц, чем английский, германский, австрийский, итальянский и норвежский. Наиболее широк этот круг в Англии и Норвегии. В первой, например, обложены и приросты ренты с недвижимостей, а в отличие от подоходного — кооперативные общества и муниципальные предприятия; во второй — все налогоплательщики, доход которых за 1914—15 г. был определен в 10.000 кр. или выше.

Минимумы прироста прибыли, не подлежащие новому налогу, таковы: в *Англии* — ок. 2.000 руб. при дальнейшем условии, что весь доход не превышает мирного, т. е. 6—7% на капитал; в *Норвегии* — при условии превышения всем доходом 5% на капитал и 2.000 кр. по абсолютной сумме; в *Италии* — либо с дохода, превышающего 8% на капитал, либо (для посредников) с дохода, превышающего на $\frac{1}{10}$ мирный. При этом первые 2.500 лир (около 966 р.) увеличившагося дохода освобождены от налога; в *Канаде* — с акционерных предприятий, прибыль которых выше 7%, и с индивидуальных, прибыль коих выше 10% на капитал; во *Франции* — около 2.000 руб. или 6% на капитал предприятия; в *Германии* — облагается сверх-прибыль военного времени, если она равняется полным 6.000 маркам (около 2.760 руб.) и выше; мирную же при расчетах считается прибыль предприятия в размер 5% на капитал; в *Австрии* — для юридических лиц не подлежат налогу первые 10.000 крон излишка прибыли, а для физических лиц — излишки доходов, не превышающие 3.000 крон.

Во всех названных странах позаботились обложить военные прибыли 1914 и 1915 г.г. При этом любопытна одна предусмотрительная подробность: германский закон потребовал внесения в специальный фонд 50% всей полученной сверх-прибыли; венгерский — внесения в такой фонд даже всей сверх-прибыли, а австрийский — 40% сверх-прибыли только иностранных предприятий. Кроме того, для той же цели обеспечения уплаты приняты повсюду ряд карательных мер, на которых мы останавливаться не можем.

Посмотрим теперь, каковы прогрессия при обложении военных прибылей. Здесь любопытна одна деталь *французского налога*; он допускает двойное обложение военных прибылей: во-первых, в зависимости от отношения чрезвычайной военной прибыли к нормальной и, во-вторых, в зависимости от абсолютной величины чрезвычайной прибыли. Поэтому, если военная прибыль

не выше	$\frac{1}{5}$	нормальной	—	ставка	=	5%
от	$\frac{1}{5}$	до	$\frac{2}{5}$	»	—	» = 10%
»	$\frac{2}{5}$	»	$\frac{3}{5}$	»	—	» = 15%
»	$\frac{3}{5}$	»	$\frac{4}{5}$	»	—	» = 20%
больше	$\frac{4}{5}$	»	»	»	—	» = 25%

Кромѣ того, когда та же прибыль					
не превышаетъ —	20.000	фр.,	то ставка =	5%	
отъ	20.001	до	50.000	»	»
	»	»	»	»	»
	50.001	»	200.000	»	»
	»	»	»	»	»
	200.001	»	500.000	»	»
	»	»	»	»	»
	500.001	и выше	»	»	»
					»

Слѣдовательно, прогрессія начинается здѣсь съ 10% и кончается 50%.

Въ *Англии* взимается пропорциональный налогъ въ размѣръ 60%, а въ *Канадѣ* — 25% излишка дохода.

Въ *Италии* прогрессія съ 10 до 30% — въ зависимости только отъ отношенія чрезвычайной военной прибыли къ нормальной (французская 1-го типа).

Въ *Германи* ставки налога проектированы такъ: отъ 5% до 25% — въ зависимости отъ прироста имущества; если же подлежащее обложенію лицо имѣло въ то же время и приростъ дохода, то налогъ съ прироста имущества взимается вдвойнѣ. Слѣдовательно, прогрессія составитъ тутъ рядъ отъ 5 до 50%. Налогъ съ предприятий = отъ 10% до 30% — въ зависимости отъ размѣра прироста прибыли. Кромѣ того, добавочный налогъ въ 10—50% для предприятий, средній доходъ которыхъ въ годы войны превыситъ прибыль въ 10% на основной капиталъ. Слѣдовательно, предприятия будутъ уплачивать отъ 10 до 80% возросшей прибыли. Иностранныя же — отъ 10 до 45% прироста ея.

Въ *Австріи* прогрессія варьируетъ отъ 10 до 35% излишка прибыли, подлежащаго обложенію въ зависимости отъ величины того процента, который составляетъ приростъ прибыли къ основному капиталу, по такой схемѣ:

Приростъ прибыли:	Размѣръ налога
Не свыше 5% на акціонерный	10%
Болѣе 5, но не свыше 10% на капиталъ	15%
Каждые дальнѣйшіе 5% на капиталъ	5% ¹

Налоговыя ставки для физическихъ лицъ таковы: съ первыхъ 10.000 кронъ сверхъ-прибыли 5%, вторыхъ 10.000 кронъ ея — 10%, съ ближайшихъ первыхъ 20.000 кронъ — 15%, вторыхъ 20.000 кронъ — 20%, третьихъ — 25%, четвертыхъ — 30%, съ ближайшихъ 200.000 кронъ — 35%, вторыхъ 200.000 — 40%, съ излишковъ прибыли свыше 500.000 кронъ — 45%.

Обложеніе иностранныхъ обществъ зависитъ отъ абсолютнаго размѣра сверхъ-прибыли: если она болѣе 200.000 кронъ, то 20% ея

¹ Прогрессія здѣсь не закончена, но это опасно, т. к. лишь въ томъ случаѣ, когда сверхприбыль достигнетъ 90% на капиталъ, обложеніе ея составитъ 100% (10 + 15 + 5 × 15). Практически это невозможно.

и т. д. до 1 миллиона — 35%; сверхприбыль свыше 1 мил. кронъ облагается въ размѣръ 40%.

Въ *Норвегии* прогрессія такова: съ первыхъ 5.000 кронъ, подлежащихъ обложенію, — 5%, со слѣдующихъ 10.000 кронъ — 7½%, со слѣдующихъ 15.000 кронъ — 10% и со слѣдующихъ 20.000 кронъ — 12½%.

Детальный анализъ приведенныхъ здѣсь данныхъ, неумѣстный въ статьѣ общаго журнала, приводитъ къ такимъ выводамъ: въ предѣлахъ воюющихъ странъ больше всего обложены военныя прибыли въ Англии; наиболее тяжело обложено мелкихъ военныхъ прибылей въ Россіи; наиболее пощады дано крупнымъ военнымъ прибылямъ опять-таки въ Россіи. Иллюстрируемъ это однимъ примѣромъ, который въ то же время покажетъ еще одну нелѣпость нашего налога на военныя прибыли. Допустимъ, что какое-либо неотчетное предприятие съ капиталомъ въ 60.000 рублей получило въ 1913—14 г. 3.000 рублей прибыли или 5% на основной капиталъ, а въ 1916 г. — 4.000 рублей прибыли или 6⅔% на тотъ же капиталъ. Оно уплатитъ новаго налога 20% съ излишка прибыли въ 500 рублей (1.000—500 руб. необлагаемаго минимума), т. е. 100 рублей. А отчетное предприятие съ 6.000.000 основного капитала, получавшее прежде 300.000 руб. или 5% на этотъ капиталъ, если оно получитъ въ 1916 г. 450.000 руб. прибыли или 7½% на тотъ же капиталъ, не заплатитъ ни копейки новаго налога, т. к. его прибыль не достигла 8% на основной капиталъ. Въ первомъ случаѣ нѣтъ пощады и 500 рублямъ, во второмъ пощажены 150 тыс. рублей. Всякому свое!

А. Никитский.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

ПРАВДА О ШЕКСПИРОВСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Ромена Роллана.

Триста лѣтъ тому назадъ умеръ Шекспиръ. Въ теченіе этихъ трехъ вѣковъ народы Европы, не переставая, терзали другъ друга въ борьбѣ за ненужное господство, котораго ни одинъ изъ нихъ не въ силахъ достигнуть. Въ результатъ — пониженіе благосостоянія ихъ всѣхъ. Но свѣтъ созвѣздій на шебѣ мысли сіяетъ равно надъ всѣми отечествами. Никакое государство, ни одна страна не имѣютъ особыхъ правъ на него. Отдавъ родной землѣ прахъ свой, — онъ становится на вѣки свободнымъ отъ праниць. Какъ звѣзды въ ночи, гонимы свѣтятъ всѣмъ.

Пусть звѣзда «сладостнаго и дикаго Шекспира» послужитъ намъ на нѣсколько мѣшовеній, среди окутывающей насъ тьмы, маякомъ, объединяющимъ всѣ сердца, что потеряли дорогу, таинственной связью, собирающей въ снопы взоры и души враговъ.

Апрѣль. 1916 года.

Правда въ произведеніяхъ Шекспира.

Люди всѣхъ временъ согласны въ одномъ: всѣ они исповѣдуютъ платоническую любовь къ Истинѣ и всѣ на дѣлѣ боятся ея. Они проявляютъ этотъ страхъ уже тѣмъ, что не узнаютъ ее тамъ, гдѣ она проявляется, и думаютъ на всѣхъ, кто указываетъ на нее. На всѣхъ устахъ расцвѣтаетъ слово — Истина, но кто дѣйствительно служить ей? Кажется бы, что служителями ея должны быть мыслители, писатели, взоръ которыхъ изобретень привычкой наблюдать и анализировать. Для этого понадобится бы столько же мужества, сколько ума. Но если умъ встрѣчается рѣдко, — то мужество есть добродѣтель совсѣмъ исключительная. Когда полный энтузіазма новичекъ вступаетъ въ литературную карьеру, онъ и не подозреваетъ сначала всѣхъ трудностей, которыя встрѣтитъ. Ему кажется, что главное затрудненіе — отыскать точное выраженіе для своей мысли. Мало-по-малу онъ замѣтитъ, что существуетъ еще большая трудность, а именно, *желать* высказать свою мысль. И это еще не все, надо еще — *смыслить мыслить*. Совѣсть, стѣсненная границами, которыя она положила для своей справедливости, ищетъ себѣ утѣпленія въ нѣкоемъ самоусиленіи, она надѣваетъ себѣ шоры, старается мыслить лишь наполовину, — до сихъ поръ, но не дальше! Ре-

Сенокъ легко умѣетъ убѣдить себя, что если онъ прыгнетъ за черту, которую написалъ мѣломъ на мостовой, то упадетъ въ созданную его воображеніемъ пропасть. Нѣчто подобное происходитъ и тутъ. Остается узенькій кружочекъ человѣческой души, со всѣхъ сторонъ окруженный колючей изгородью общественныхъ предрасудковъ и канавами условностей. Духу остается лишь мирно пасть на дозволенномъ лугу. Рѣдко попадаютъ животныя болѣе смѣлыя, которыя позволяютъ себѣ глянуть за заборъ. Но перепрыгнуть черезъ него,—о, тутъ навѣрное сломишь шею! Лишь нѣсколько безумцевъ совершали этотъ подвигъ: Нвидше, Паскаль...

Между тѣмъ, мы судимъ о моральной и интеллектуальной высотѣ артиста именно по большей или меньшей смѣлости его правдолюбія. Глядя на вещи съ этой точки зрѣнія, удивляешься иной разъ, какъ въ общемъ скромна эта смѣлость. Въ области театра болѣе, чѣмъ въ другихъ: вѣдь тутъ приходится обращаться къ среднему человѣку. Объединившись, люди сливаютъ свои страсти, свои условности, свои предрасудки въ одну компактную массу. Артистъ долженъ приспособиться къ температурѣ этой массы, чтобы быть услышаннымъ этимъ тысячеголовымъ чудовищемъ. Приспосабливаясь же, онъ топчетъ во все нивелирующее компромиссъ рѣзкіе и слишкомъ точные шюансы своей мысли. Въ лучшемъ случаѣ, и если у него много чутья, онъ можетъ снять намордникъ съ своей правды и отпустить поводъ своей благоразумной смѣлости, чтобы погнаться по слѣду за какой-нибудь дичью, предугазанной страстями эпохи и ея тайными желаніями. Вѣдь случается довольно часто, что общество, сковано свое разными путами, въ цѣляхъ самооблегченія начинаетъ полусознательно искать хотя бы частичной свободы, выхода хотя бы въ одну какую-нибудь сторону. Такъ, часто человѣкъ, страдающій отъ общаго недомоганія и не желающій отыскать истинный источникъ зла, сосредоточиваетъ все свое вниманіе на одномъ какомъ-нибудь симптомѣ и старается убѣдить себя, что это-то и есть его главный врагъ, котораго надо сразить. Такимъ настроеніемъ общества пользуется моралистъ или сатирикъ, чтобы бросить свѣтъ именно на желанный пунктъ: Истинѣ разрѣшается пронизнуть въ эту дыру въ заборѣ. Но, словно дрессированная собака, она послушна и бѣжитъ лишь до границы дозволеннаго. Задаетъ ли тонъ въ обществѣ король, которому выгодно и забавно принижать гордость высшихъ классовъ,—и комедія, подобно мольеровской, начинаетъ долбить пороки знами, смѣшныя стороны разбогатѣвшихъ буржуа и литераторовъ. Переходитъ ли скипетръ въ руки честолюбивой буржуазіи, резонирующей, сильной и тертой,—сатира обращивается противъ религіи, потому что тутъ засѣтъ соперникъ, котораго надо устранить. Рѣдко, однако, литература, выигрывая съ одной стороны, не проигрываетъ одновременно съ другой. Писатель словно покупаетъ право на смѣлость въ однихъ случаяхъ льстивыми уступками по всему остальному фронту. Человѣкъ съ трудомъ переноситъ всеохватывающую критику, слышакомъ искреннее мировоззрѣніе, которое

готово обезцѣнить весь міръ, т. е. ту «скорлупу орѣха», въ которой его поселили.

Въ сущности говоря,—онъ терпѣть не можетъ всѣхъ, кто мѣшаетъ ему покоиться на подушкахъ иллюзии; онъ знаетъ, что подъ головой его именно иллюзия, въ крайнемъ случаѣ онъ готовъ допустить, чтобы ему объ этомъ иногда напоминали, но—мимоходомъ, мимолетно, смѣясь, отнюдь не настаивая. Чтобы онъ призналъ Истину, ей надо надѣть на себя лобезную маску: явиться въ костюмѣ символа или парадокса. Чтобы плѣвить человѣка, Истина должна постараться сдѣлать себя похожей на ложь.

И Шекспиръ натыкался на эти трудности. Правда, онъ жилъ въ менѣе робкую эпоху, когда артисту нечего было стѣсняться передъ публикой, достаточно закаленнымъ зрѣлицемъ физическихъ страданій. О трагическихъ задачахъ жизни и смерти Гамлетъ могъ разсуждать съ величайшей свободой—и никто при этомъ не морщилъ носа. Но какъ только онъ переходилъ къ критикѣ общества, задача его становилась столь же трудной, какъ задача современнаго писателя, можетъ быть даже труднѣе. Онъ былъ подчиненъ всѣмъ устоямъ капризнаго и тираническаго авторитета, даже нѣсколькихъ: королевская власть, знатные господа, церковь, толпа. Въ одномъ изъ своихъ сощетовъ онъ выражаетъ отвращеніе къ жизни, въ которой всѣ свободныя силы, всякое искусство, жаждающее правды,—спеленуты и носятъ затычку во рту. И все же онъ сумѣлъ сказать если не все, то достаточно много для того, чтобы позволить намъ читать въ глубинѣ этой безстрашной души, которая любила жизнь до того, что готова была сочетаться со всѣми ея формами, и настолько проникла въ ея шѣдра, что ни одна изъ этихъ формъ не могла одурочить ее.

Чтобы сумѣть высказаться ему приходилось переодѣваться, и переодѣванія его были разнообразны.

Его хитрой иронии очень нравилась игра: вкладывать критику въ такія уста, въ которыхъ она казалась наиболѣе ослонной. Такъ, государи будутъ безнаказанно злословить о великихъ міра сего, короли критиковать права рожденія, а наиболѣе ядовитая сатира на женщину будетъ вложена въ остроумныя уста Розалинды.

Однако, самыя глубокія истины Шекспиръ имѣлъ обыкновеніе вкладывать въ уста лицъ двухъ опредѣленныхъ категорій, представляющихъ собою полюсы моральнаго міра. Это, съ одной стороны, самыя низшіе представители общества—рабы, шуты, которымъ позволяютъ говорить многое, потому что кто же съ ними станетъ считаться! Рѣже—это тѣ, положеніе которыхъ слишкомъ высоко, тѣ, для кого границы человѣческаго такъ тѣсны, что они взрываютъ ихъ: сверхлюди, герои.

Я займусь сначала этой второй категоріей. Въ нее надо внести не только героев по существу, но и героев благодаря обстоятельствамъ, т. е. людей, постигнутыхъ огромнымъ несчастьемъ, или умирающихъ; ихъ глаза внезапно раскрываются на вещи, которымъ они до послѣдняго

часа ни за что не рѣшились бы взглянуть въ лицо. Слабый и ребячливый король, вродѣ Генриха VI, египетская проститутка, «черная и морщинистая цыганка» вродѣ Клеопатры, вдругъ преображаются на порогѣ могилы. Они судятъ спокойно съ высоты о человѣческихъ иллюзияхъ и о вещахъ, которыя долго мучили ихъ самихъ. Бѣшеный Макбетъ, среди урагана, который сметаетъ его жизнь, замѣчаетъ при свѣтѣ молнии трагическое личное качество всякой человеческой воли. Глостеръ, изгнанникъ, не только открываетъ своими вызолотыми кровавыми глазами свирѣпую иронию безучастной Судьбы, похожей на Анакэ Шпиттелера, но также общественное неравенство. Буря революцiи, почти пролетарской, пронесится въ его словахъ.

Въ этихъ примѣрахъ несчастный или умирающій человѣкъ безъ труда оказывается способнымъ вѣдать истину: вѣдь онъ уже вѣдъ жизнь, а условности не связываютъ его больше. Но много ли видятъ вѣдъ такихъ людей, которые способны остаться безудержно правдивыми, дѣлать правдивыми въ воспрятяхъ своихъ, мысляхъ, словахъ и дѣлахъ — по самой серединѣ жизни, внутри даннаго общественного порядка? Рѣдки такіе люди во все время. Приходится бояться, что ихъ становится все меньше. Что мы видимъ вокругъ себя сейчасъ? Было ли время, когда въ такой трагической мѣрѣ чувствовался бы недостатокъ въ независимыхъ и правдивыхъ личностяхъ?

Во времена Шекспира великіе революціонеры были меньше рѣдки, чѣмъ сейчасъ, но все же не часто попадались они. Когда драматургъ хотѣлъ изобразить подобный типъ, онъ искалъ его въ полутѣмѣ легенды, или въ глубинѣ исторiи. Да и въ самыхъ произведенiяхъ Шекспира такихъ персонажей немного. Нѣскольکو храбрыхъ слугъ, которые, изъ чувства чести или потребности быть откровенными или, наконецъ, изъ интереса своихъ господъ, осмѣливаются дерзко говорить имъ самыя жестокія истины. Таковы Кентъ въ «Король Лиръ», Паулина въ «Зимней сказкѣ». Надъ ними мы находимъ очень маленькую кучку избранныхъ среди государей, которые настолько превосходятъ массы, управленіе коими вручено имъ судьбою, что не ослѣвлены ни лестью ихъ, ни ихъ предразсудками: таковъ ясный умомъ и разсудительный Генрихъ, какъ и его рыцарственный противникъ бурнопламенный Готспоръ. Правда, послѣдній гибнетъ вслѣдствіе своего слишкомъ пламеннаго темперамента, но его великодушная правдивость ставитъ его на одинъ уровень съ его побѣдителемъ. Еще выше стоитъ «смѣющійся левъ» — бастардъ изъ драмы «Король Джонъ», а также Алкивиадъ изъ Тимона, этотъ своеобразный Бонапарть, метущій передъ собою адвокатовъ, безчестныхъ политикановъ и всю подгнившую легальность. Его рѣчь въ пятой сценѣ V-го акта какъ бы предсказываетъ рѣчь 18-го Брюмера. Наконецъ, на вершинѣ мы видимъ свободнаго героя, абсолютно свободнаго, одинокого выступающаго противъ всего міра, и каждое слово его хлещетъ міръ какой-нибудь истинной, — это Корюланъ! Объ этомъ сверхчеловѣкѣ можно сказать, что онъ воплощаетъ сверх-истину,

такъ что порою обыкновенному человѣку трудно дышать атмосферой его высотъ.

Но если бы мы могли слушать истины только отъ Корюкчановъ да Фальшонбриджей, даже только отъ Кентовъ и Паулинъ — мы рисковали бы прожить цѣлую жизнь, не узнавъ ея вкуса. Такая свѣтлота подобна кометамъ, онѣ возвращаются черезъ неопредѣленные интервалы, а порою теряются въ ночи пространства. Для обычной жизни приходится прибѣгать къ другимъ источникамъ. Если Истина не смѣетъ показать свое лицо, она можетъ надѣть маску. Тутъ-то разоблачается передъ нами полезность шута, существенность роли, которую онъ игралъ въ прежнемъ обществѣ, а также и въ театрѣ Шекспира, служившаго этому обществу зеркаломъ.

Припомните, что говоритъ Накъ-Меланхоликъ въ седьмой сценѣ второго акта драмы: «Что вамъ угодно?» «Предоставьте мнѣ свободу, какой пользуются всѣ шуты, позвольте мнѣ быть подобнымъ вѣтру и дуть, гдѣ я захочу. Одѣньте меня въ пеструю куртку шута и позвольте говорить все, что я думаю, — я выйду, быть можетъ, тѣло испорченного мира?..»

Есть дѣйствительные шуты и безумцы, и поддѣльные: часто очень трудно распознать, какого имѣемъ передъ собою. Въ этой неясности заключается тревожная привлекательность этого персонажа. Пока вы смотрите на него, какъ на скomorоха, который увеселяетъ счастливыхъ мира сего своими непристойными шутками и своимъ уродствомъ, вамъ легко презирать, какъ это часто дѣлается нынче, общество, способное проводить такимъ образомъ время. Но смотрѣть такъ — значитъ не видѣть сути и слишкомъ легко приходитъ къ сознанию собственнаго превосходства. Интересно, я сказалъ бы даже — величье этого обычая заключалось въ томъ, что это существо — безобразное, хилое, изъ всѣхъ самое слабое, стоящее на послѣдней ступени общественной лѣстницы — представляло собою свободу духа: никто, даже король, не былъ застрахованъ отъ его иронии. Смѣялись, дѣлали видъ, что считаютъ шута безумнымъ, неотвѣтственнымъ. Но думали ли это на самомъ дѣлѣ? Въ этомъ можно усомниться. Такъ, герцогъ въ пьесѣ «Что вамъ угодно» говоритъ о шутѣ: «Своимъ безуміемъ онъ пользуется, какъ ширмой: изъ-за нея онъ стрѣляетъ своими сарказмами». А Гонерилья шуту Лира: «Вы, сударь мой, больше шутите, чѣмъ дурачитесь»... Это была необходимая фикция, позволявшая свободному воздуху проникать ко двору, которому тиранія прозвѣла асфиксией.

У Шекспира мы найдемъ всѣ ступени притворной дурачливости, начиная съ самой грубой и самой невинной: рабы въ «Корюкчанѣ», клоуны въ «Зимней сказкѣ» и его собратъ въ комедии «Конецъ всему дѣлу вѣнецъ». Отвратительный Терситъ изъ Трояны, котораго дѣлаетъ порою ясновидящимъ его ядовитая зависть, лишь немыслимъ подымается надъ этимъ уровнемъ. Но взойдемъ ступенью выше: вотъ шутъ «Короля Лира», который умираетъ отъ тоски съ тѣхъ поръ, какъ изгнанъ Корделия,

и остается вѣрнымъ всѣми покинутому старому королю. Кто осмѣлится сказать, что онъ дѣйствительно безуменъ? Еще ступень не въ моральномъ, но въ интеллектуальномъ отношеніи, — и передъ нами циники, перочные гуляки, знающіе жизнь насъвсѣ и не позволяющіе ничему сдурачить себя: Анемантъ, колоссальный Фальстафъ, которому прощаютъ все — и его подарки, и его горькія истины, потому что любятъ его за вѣчно прекрасное настроеніе духа, лучащееся вокругъ. Но этотъ Фальстафъ произноситъ иногда страшныя слова обо всемъ, что считается столпами общества: объ армии, юстиціи, чести.

Еще выше стоятъ люди великаго сердца и высокаго происхожденія, равновѣсіе которыхъ разрушено ударами судьбы: Тимонъ и Лиръ. Наконецъ, выше всѣхъ, самый лучший и самый умный человекъ, не сумасшедшій, но надѣвающій на себя маску сумасшедшаго и подъ этимъ покровомъ обнажающій передъ нами душу самого поэта: Гамлетъ!

Сгруппируемъ нѣсколько указующихъ истинъ, которыя Шекспиръ вкладываетъ въ уста своимъ персонажамъ.

Основной порокъ, который онъ не перестаетъ преслѣдовать, это — лицемеріе. Всѣ народы страдаютъ имъ, — и тѣмъ сильнѣе народъ — тѣмъ больше, ибо тѣмъ энергичнѣе въ немъ животныя инстинкты, тѣмъ тѣснѣе связано общество единствомъ государственной воли. Въ нашей современной цивилизаціи почти ни одинъ порокъ не смѣетъ появиться голымъ, онъ лицемерно одѣвается. Ларошфуко сказалъ, что лицемеріе — дань порока добродѣтели. Пожалуй, но вмѣстѣ съ тѣмъ это самая хитрая западня для добродѣтели. Большинство людей перестаетъ въ концѣ концовъ различать добродѣтель истинную отъ поддѣльной, начинаютъ даже предпочитать вторую: вѣдь она дешевле. Скажемъ больше: человекъ справедливый никогда не будетъ любимъ — пожалуй, даже его распнуть — онъ стѣсняетъ, онъ является живымъ упрекомъ въ комфортабельной лжи поддѣльной истины и поддѣльной добродѣтели. Самые великіе поэты всегда видѣли самаго главнаго врага своего въ лицемеріи. Любимое развлеченіе королей — охота. Охота на лицемерствъ — любимое развлеченіе поэтовъ. Достаточно вспомнить имена Мольера и Иосена. Въ Англии было много великихъ охотниковъ этого рода: Бенъ Джонсонъ, Свифтъ, Байронъ, Диккенсъ, Теккерей, Бернардъ Шоу.

Шекспиръ не уставая гоняется за этой крупной дичью. Фигуры лицемеровъ разсыпаны почти во всѣхъ его пьесахъ и нарисованы съ мощной отчетливостью. Мы не будемъ останавливаться долго на ихъ описаніи. Вотъ «честный Яго», мудрый отражатель душъ, итальянецъ Возрожденія, рафинированный въ своей преступности, играющій своими жертвами, наслаждающійся ихъ судорогами. Вотъ сумрачный Анжело изъ «Мѣра за мѣру», отвратительный, но не презрѣнный, примѣръ опасности, къ которой ведетъ чрезмѣрное самосутнетеніе во имя общественнаго декорума, непропорціональное страстямъ, скрытымъ въ грубой, еще звѣриной человѣческой натурѣ. Вотъ — королева изъ «Цимбеллина»,

эта смѣсь Белизы и Агриппины, медоточивая супруга и геща, ученая женщина, знающая медицину, варящая свои яды, честолюбивая, способная на убійство ради выгоды своего королевскаго идиота-сынка. Вотъ — въ комической гаммѣ — Мальволио, влюбленный и осмѣянный пуританинъ изъ «Двѣнадцатой ночи». Въ другихъ драмахъ мы видимъ интеллигентовъ, которымъ Тимонъ кричитъ: «Вы лучше люди въ вашемъ дѣлѣ, но у васъ есть маленький недостатокъ, — вы ласково питаете маленькаго плута въ вашей груди, а этотъ плутъ — совершеннѣйшій подлецъ!» Вотъ изумительная драма, озаглавленная первоначально Шекспиромъ «Все правда» и переименованная въ 1613 году въ «Генриха VIII». Это рафинированная придворная драма, въ ней страсти прячутъ свои когти подъ бархатной перчаткой: сталкиваются два царя лицемерья — король Генрихъ VIII и кардиналъ Вальсей, лукавая ющка и королевскій типръ, наблюдающій своего противника съ улыбающимся и ужаснымъ спокойствіемъ. Наконецъ, вотъ самый полный лицемеръ, самый гениальный, самый трагическій — юрскии кабанъ, пузатый паукъ, ядовитая, горбатая жаба — Ричардъ III. Тартюфъ — король-герой, самый странный образъ лицемера самаго рѣдкаго образца: лицемеръ, разыгрывающій грубаго простака: «Я слишкомъ наивенъ для этого мира». Человѣкъ, осмѣливающийся объясняться въ любви у гроба убитыхъ имъ людей, — вдовѣ, дочери, матери этихъ убитыхъ и заставляющій женщину, полную ненависти къ нему, полюбить себя. Одна такая женщина отдаетъ ему свое тѣло, другая — дочь... Отвращеніе поэта къ лицемерию такъ велико, что онъ придаетъ странный колоритъ распутному и легкомысленному поведенію своего историческаго любимца молодого Гарри, видя причину его именно въ любобномъ отвращеніи. Его отецъ смертельно боленъ, а Гарри продолжаетъ хохотать и шалить, хотя внутренне сердце его обливается кровью. Товарищу по безумствамъ, Нойнсу, который удивляется такому равнодушію, онъ отвѣчаетъ:

— Это ты мѣшаешь мнѣ предаваться скорби.

— Почему?

— Что подумалъ бы ты обо мнѣ, если-бы я сталъ плакать?

— Я подумалъ бы, что ты лицемеришь, какъ подобаетъ принцу.

— Такъ подумали бы всѣ? Да, всѣ привяли бы меня тогда за лицемера.

Этотъ типъ высокоумѣрной скрытности не рѣдокъ въ сѣверныхъ странахъ у самыхъ мужественныхъ натуръ: имъ такъ противно скользнуть нечувствительно къ лицемерному преувеличенію прекрасныхъ чувствъ, что они предпочитаютъ спрятаться подъ маской цинизма и суровости.

Шекспиръ разоблачаетъ всѣ формы лицемерья общественнаго и нравственнаго — лицемеріе по отношенію къ другимъ, лицемеріе по отношенію къ себѣ. Часто стрѣлы, которыя онъ посылаетъ въ эту цѣль, перелетаютъ черезъ нее, потому что ихъ мечутъ слишкомъ страстные стрѣлки, вроде Тимона, Короля Лира и Гамлета. Въ видѣ реакціи про-

тивъ глуховатого оптимизма тѣхъ, кто не хочетъ видѣть, терпкая мизантропья развертывается порою зрѣлище столь грубое и убійственное, что вся жизнь кажется умерщвленной, мы какъ будто видимъ передъ собою вмѣсто нея лишь ея гниющей труль, подобный страшнымъ произведеніямъ скульпторовъ того же 16-вѣка, которые подъ изображеніемъ «живущаго» высѣзали изъ камня еще и «покойнаго», пожираемаго червями. Но избытокъ пессимизма характеризуетъ здѣсь только мировоззрѣніе душъ; одержимыхъ судорогой вслѣдствіе избытка страданія. Шекспиръ не хочетъ обобщать это настроеніе, но показываетъ намъ, что оно справедливо для тѣхъ несчастныхъ, которые отдаются ему. Никто не смѣетъ произносить окончательный судъ надъ человѣкомъ и жизнью, пока онъ не извѣситъ страшныхъ свидѣтельствъ гора съ его орляными глазами.

Чтобы пріучить наши глаза постепенно къ этому яркому свѣту, пройдемъ теперь обратно по ступенямъ социальной пирамиды до ея дна. Пройдемъ мимо королей и принцевъ и всей иерархьи классовъ, до совершенно голаго человѣка, лишеннаго всякихъ прикрасъ. Если есть рискъ столкнуться съ предразсудками того или иного класса, то это рискъ преходящій, все человѣчество въ цѣломъ проходитъ мимо такого столкновения. Но если вы ныряете до глубокихъ источниковъ жизни, если вы крикнуете основные инстинкты, какъ любовь, гордость, страсть, дѣятельность, всѣ наши сверкающіе идолы, очагъ нашихъ силъ, если вы приносите все это въ жертву, — это задѣваетъ все человѣчество за живое.

Живя въ аристократическомъ обществѣ, другъ важныхъ господъ, придворный поэтъ Шекспиръ относился съ высокимъбреннымъ презрѣніемъ къ политическимъ домогательствамъ народныхъ массъ, но произведенія его тѣмъ не менѣе отражаютъ всѣ содроганія вселенной и въ нихъ порою словно слышатся отдаленные раскаты грядущихъ революцій. Читая Шекспира, чувствуешь, какъ говоритъ Гамлетъ, что «нога проложкаго такъ близко слѣдуетъ за каблучкомъ придворнаго, что скоро начнетъ его дарапать».

У Шекспира нѣтъ никакихъ иллюзій насчетъ значенія должностей и титуловъ.

О, если-бы высокія мѣста ¹
И титулы и званья не давались
Кривымъ путемъ! и если-бы цѣной
Дѣйствительныхъ заслугъ пріобрѣтались
Всѣ почести, — какъ много бѣдняковъ
Не слугами, а господами были-бъ,
Какъ много тѣхъ, которымъ власть дана
Повелѣвать, — другимъ бы подчинялись,

¹ Всѣ переводы цитатъ въ стихахъ заимствованы нами изъ известнаго Венгерскаго изданія Шекспира.

Какъ много бы нечистаго зерна
Отъ чистыхъ зеренъ чести отдѣлялось,
Какъ много лживаго могло-бы тогда
Съвозъ мусоръ времени пройти наружу.

Эти слова драматургъ вкладываетъ въ уста принцу Аррагонскому.
(«Венеціанскій купецъ», актъ II, сцена девятая).

Свободомысляще и умные царедворцы, которые не только терпѣли, но даже искали его буржуазной дружбы, Эссексы и Соутгемптонны, вполне позволяли ему ставить подъ сомнѣніе значеніе рожденія и «благородной» крови. Такъ, французскій король въ комедіи «Конекъ всему дѣлу вѣнецъ» говоритъ:

Странно мнѣ,
Что кровь людей неравныхъ, если вмѣстѣ
Ее смѣшать, — одна передъ другой
Не разнятся ни теплотой, ни вѣсомъ,
Ни краской. А между тѣмъ она насъ рѣзко различаетъ.
Когда изъ темнаго источника дѣла
Прекрасныя идутъ, повѣрь мнѣ, — ими онъ
И самъ становится блестящимъ.
Когда жъ величьемъ рода мы раздуты,
Но въ насъ черства и зла природа —
Водяной одержимъ нашъ вышній блескъ тогда.
Та знатность, что исходитъ
Изъ нашихъ подвиговъ, далеко превосходитъ
Ту, что намъ предокъ завѣщала.

Шекспиръ часто подсмѣивается съ полной безнаказанностью надъ придворной знатью и ея пороками. Онъ не уступаетъ въ этомъ отношеніи Мольеру, пользовавшемуся специальнымъ покровительствомъ Короля Солнца.

Но еще рѣзче подымается онъ противъ попой силы, опасность которой уже становилась очевидной и которая нынче царитъ надъ міромъ на развалинахъ аристократій съ болышей неограниченностью, чѣмъ какава бы то ни была олигархія крови. Мы говоримъ о деньгахъ.

О, золото, металлъ
Сверкающій, красивый, драгоценный.
О, золота довольно для того,
Чтобъ сдѣлать все чернѣйшее бѣлѣйшимъ,
Все гнусное прекраснымъ, всякій грѣхъ
Правдивостью, все низкое высокимъ,
Трусливаго — отважнымъ храбрецомъ.
Все старое — и молодымъ и свѣжимъ.
Да, этотъ плутъ сверкающій умѣетъ
И связывать и расторгать обѣты,

Благословлять проклятое, людей
 Ницъ повергать предъ застарѣлой язвой,
 Разбойниковъ почетсмъ окружать,
 Отличьями, болѣбнопреклоненьемъ,
 Сажая ихъ высоко на скамьи
 Сенаторовъ. Вдовъ, давно отжившей,
 Дастъ жениховъ...

А чѣмъ добывается золото, эта жатва несправедливости?... Преступленемъ. Тимонъ бросаетъ у Шекспира первый призывъ къ классовой борьбѣ: «Наемные слуги, ваши важныяющие господа ничто иное, какъ воры съ широкими руками, которые грабятъ подъ покровительствомъ закона... Разбивайте лавки! Кого-бъ вы ни опрабили — опрабите только вора.»

Золотомъ позушается справедливость и становится сторожевой собакой, которая кусаетъ нищдаго и ложится на спину передъ богатымъ.

«Смотрите на этого судью, — говоритъ король Лиръ, — онъ обвиняетъ бѣднаго вора! Послушай-ка: заставь ихъ обмѣняться мѣстами! Гдѣ теперь судья, гдѣ воръ? Слыхать ты, какъ собака на фермѣ лаетъ на нищдаго? Какъ спасается онъ отъ нея? Вотъ тебѣ точное представленье объ авторитетѣ. Авторитетъ, это собака, которой слушаются, когда она сильнѣе. А! ростовщикъ въпаетъ карманщика. Малѣйшій порокъ виденъ съзовъ прорѣхи рубища, но все скрыто подъ мантией, подбитой мѣхомъ. Однѣ твой грѣхъ золотой кирасой — и мечъ правосудья сломается объ нее. Но если ты одѣнешся потѣмъ въ лохмотья — ипгмемъ сваляги тебѣ простой соломинкой».

Немного золота достаточно, чтобы освободить самаго здороваго человека отъ военной повинности въ томъ военскомъ присутствіи, гдѣ председательствуетъ толстый Фальстафъ, циничный и трусливый, и сухенькій судья Шалло, «эта деревянная сабля порока, развратная, какъ обезьяна». Но бѣдняки окажутся «достаточно хороши для шки». Даже еслнчутые другой калѣки, извѣденные болѣзью, вышлевающіе свои легкія—всеъ подходятъ. «Пушечное мясо! Пушечное мясо! Они такъ же хорошо наполняютъ могилу, какъ лучше изъ смертныхъ!» (Первая часть «Генриха IV», дѣйствіе IV, сцена вторая).

Деньги — или назовемъ ихъ болѣе широкимъ именемъ — Интересъ — является господиномъ народовъ и личностей. Можно купить государство, какъ подкупаютъ судью. Смотря по цѣнѣ — будетъ миръ или война. Стылая безумная масса ничего не знаетъ объ ихъ истинныхъ причинахъ. Съ ней дѣлаютъ, что хотятъ. Припомнимъ рѣчь Фалькомбриджа во второмъ дѣйствіи «Короля Джона».

Безумный свѣтъ!

О ты, французъ, что слышь бойцомъ Господнимъ,
 Что латы вадѣль и войско вывелъ въ бой
 За правду, честь и собственную совѣсть.

Развѣсивъ уши, дьяволу поддався,
 Который искушаетъ насъ на грѣхъ,
 Сбиваетъ насъ всегда съ пути прямого,
 Великъ обѣты наши нарушать
 И грабить души нищихъ, королей,
 И юношей, и стариковъ, и бѣдныхъ
 Дѣвицъ, которымъ нечего терять,
 За исключеньемъ имени дѣвицы.
 Красивъ съ лица тотъ дьяволъ: въ мирѣ онъ
 Владыка надъ всѣмъ, зовется Интересомъ.
 Нашъ шаръ земной не худо сотворенъ:
 По ровному онъ полю ходитъ,
 Пока поганой выгоды рука,
 Направленная бѣсомъ ухищренья,
 И вскрывъ мѣ вѣсь поидетъ его выцать,
 По прихоти прыжки тѣ направляя.
 Вотъ этотъ бѣсъ двуличный, сводникъ этотъ
 Измѣнчивою выгодой блеснулъ
 Въ глаза людские—и отсюда горе!

По его прихоти объявляется война и вновь заключается миръ. Впрочемъ миръ стоитъ войны. Не безъ основанія рабъ Африкѣй въ «Корюланъ» говоритъ: «Миръ поддерживаетъ ненависть между людьми. Почему? Потому что они меньше нужны другъ другу тогда.» Что же касается жестокостей военного времени, то имъ удивляться могутъ только тѣ, которые не видятъ жестокости мирнаго времени. Тимонъ говоритъ: «Развѣ наши религиозные каноны, наши гражданскіе законы не жестоки? Чего же ждать отъ войны!»

Если можно удивляться чему нибудь, то развѣ ничтожеству причинъ, изъ-за которыхъ тысячи людей вдругъ начинаютъ перерѣзывать другъ другу горло. Въ этомъ наивно признается Гамлету норвежскій капитанъ. (Дѣйствіе 4-ое, сцена 4-ая.). Война, какъ и миръ, для нашего времени только смѣна фазъ одной и той же болѣзни, существенной болѣзни самой жизни. «Война порождаетъ миръ, миръ порождаетъ войну, и каждый диктуетъ другому свои условия, ибо одна другому врагъ», — говоритъ Тимонъ.

И если-бы еще можно было питать прочную надежду на прогрессъ, на постепенное улучшеніе социальныхъ условий! У Шекспира не чувствуется такой надежды. Онъ не стремится замѣнить другими господами господь сегодняшняго дня. Одинъ изъ его персонажей въ «Ричардъ III» говоритъ: «Король умеръ!... Плохая вѣсть. Рѣдко новый король бываетъ лучше стараго».

На народныя массы онъ не возлагалъ упований. Рѣдко, кто говорилъ о нихъ съ большимъ презрѣніемъ. Изъ цитатъ, взятыхъ изъ его историческихъ и римскихъ трагедій, можно было бы составить цѣлый антидемократическій памфлетъ. Онъ ничего не ждетъ отъ «этой гидры» («Корюланъ»), отъ этой «плавающей водоросли, которая плаываетъ то туда,

то сюда, повинуваясь приливамъ, и отъ частой перемѣны мѣста въ концѣ концовъ истрепывается и сгниваетъ». («Антоній и Клеопатра»).

Его приводить въ негодованіе идея о всеобщемъ избирательномъ правѣ: «Что? дать право голоса тѣмъ, чье мнѣніе совершенно неустойчиво! Людямъ, столь же мало способнымъ приказывать, какъ и повиноваться?!» («Борюланъ»).

Карюланъ хотѣлъ бы отнять у народа всѣ способности контролировать государство. По его мнѣнію, это въ интересахъ не только послѣдняго, но и самихъ народныхъ массъ. Надо «вырвать языкъ у толпы, чтобы лишить ее возможности лизать зло, которымъ она отравляется». Нѣтъ, Шекспиръ не призываетъ народной революціи, хотя нѣкоторыя сцены до странности пророчески предугадываютъ французскую революцію. Напримеръ, эпизодъ лорда Се передъ Кедомъ: «Что ты дрожишь? — Можетъ быть отъ старости, но во всякомъ случаѣ не отъ страха.» — Развѣ это не напоминаетъ вамъ Байи у эшафота? А сцена, въ которой революціонеры несутъ на пикахъ головы двухъ аристократовъ и заставляютъ ихъ цѣловаться? Отвращеніе къ бунтамъ низовъ, требующихъ обновленія, достаточно доказывается фигурой зѣвроподобнаго Каллибана, конспирирующаго противъ своего господина, и изображеніемъ низменной жакрыи Кета. Пессимизмъ Шекспира не имѣетъ мистическаго утѣшенія, какъ у Жанъ Жака или Толстого, призывавшихъ вернуться къ природѣ.

Конечно, кто хочетъ видѣть правду нагою—долженъ вернуться къ природѣ, долженъ взглянуть на человечество въ естественномъ состояніи, какъ дѣлаетъ король Лиръ, разрывая свои одежды, чтобы стать голымъ человѣкомъ, подобнымъ бѣдному Тому. «Въ лохмотья, въ лохмотья заемныя украшенія. Будь собственной сущностью!»

Но мирозерканіе короля Лира еще ужаснѣе. Его «зараженное воображеніе», какъ онъ выражается самъ, съ бѣшенствомъ стремится не оставить ничего отъ иллюзій, которыя покрываютъ торжественнымъ плащомъ позорную наготу человѣческаго животнаго. Его взгляды, его слова, полныя свирѣпой жесткости, копаются въ самыхъ интимныхъ тайнахъ тѣла и духа. И что же остается этому существу, приниженному стыдомъ и отвращеніемъ къ себѣ самому? Значитъ, все разрушено?

Нѣтъ. Въ трагической ночи, гдѣ проходятъ мимо насъ черныя истины, горитъ все же одна звездочка, бѣдный свѣточъ: Ж а л о с т ь. Всегда она. Послѣ того, какъ старый сумасшедшій король, увѣчанный сорными травами и луговыми цвѣтами, заставляетъ появляться передъ судомъ своего безплоднаго безумія всѣ обманы человѣческіе, послѣ того, какъ онъ принуждаетъ насъ признать наше равенство въ общемъ стыдѣ, — онъ кончаетъ не осужденіемъ, готовымъ сорваться съ его запятившихся устъ, нѣтъ: Мы слышимъ лежданно суровое прощеніе:

«Нѣтъ виновныхъ. слымишь ты? Нѣтъ ни одного! Я оправдываю ихъ всѣхъ!»

Авторизованный переводъ А. Луначарскаго.

ПО РОССИИ.

ПИСЬМА ЗНАТНАГО ИНОСТРАНЦА.

(Продолженіе) *.

Дорогой Джекъ!

Я ѣду все дальше и дальше вглубь дѣвственной Россіи. Вотъ уже три дня, какъ меня трясетъ, качаетъ, ухааетъ и подбрасываетъ. Всѣ позвонки мои давно уже соскочили со своихъ мѣстъ, но они, повидимому, привыкли къ новому положенію и не протестуютъ. Безконечныи лѣсъ, чередуясь съ прорѣзами полей, напираетъ справа и слѣва, спереди и сзади. Иногда спохватываешься и загадываешь,—что-же будетъ дальше? А дальше все то же: лѣсъ, поля, десятокъ деревянныхъ строеній и снова зеленое море, и снова сонъ. Тогда погружаешься въ небытіе и мозгъ тихо дремлетъ, забывая о пространствѣ, времени, цѣляхъ и причинахъ. Только изрѣдка, въ свѣтлые промежутки, гдѣ-то въ глубинахъ сознанія просыпается тоска по родинѣ. Впрочемъ, это даже и не тоска по родинѣ, а томленіе по кусочку хорошаго шоссе, по придорожному кабачку съ чистой скатертью, по велосипедисту въ кепкѣ, по встрѣчной дѣвушкѣ въ корсетѣ и изящной шляпкѣ. Но я знаю, что это—голосъ западныхъ условностей. Я строго говорю ему: «нѣтъ!» и предаюсь русской сіестѣ—т.е., скрючивши руки и ноги, ложусь въ телѣгѣ, гляжу въ небо, глотаю пыль, слѣжу, какъ ноетъ спина и нѣмбеть бокъ, и дѣлаю видъ, что это меня не касается.

Солнце палить, вѣтра нѣтъ. Слышно только, какъ звенятъ надъ ухомъ комары, да гудятъ слѣпни. Встрѣчаются временами крестьяне, ѣдущіе въ городъ. Они лежатъ на ящикахъ и мѣшкахъ, съ закрытыми глазами, разметавшись, словно въ бреду. Головы ихъ колотятся о край телѣги, спущенныя ноги вихляются и дрыгаютъ, какъ у куколъ. Иногда, когда встрѣчаешь цѣлый обозъ и видишь всѣ эти безжизненные человѣческія тѣла, кажется, что это—караванъ призраковъ. Богъ поразилъ ихъ за грѣхи смертнымъ сномъ, и такъ, сонные, ѣдутъ по безлюднымъ деревнямъ и пустымъ городамъ, нигдѣ не останавливаясь и никуда не доѣзжая. Но когда оглобля нашего экипажа ударяетъ встрѣчныхъ по ногамъ,—призраки приподнимаются и обнаруживаютъ подобіе жизни. Вы видите два мутныхъ, затекшихъ глаза, потный

* См. «Лѣтопись» № 5 за 1916 г.

лобъ съ слипшимися волосами, бороду, состоящую отчасти изъ волосъ, отчасти изъ сѣна. Глаза съ минуту провожаютъ васъ, голова дѣлаетъ поворотъ, а потомъ туловище опять грузно валится на прежнее мѣсто, и снова жизнь отлетѣла, и снова бродячій призракъ во власти дремы, сновъ и грезъ.

Я не философъ, Джекъ, но все же мнѣ иногда приходится въ голову слѣдующая мысль. Если бы русскій мужикъ ѣздилъ по гладкому шоссе со скоростью десяти верстъ въ часъ, если бы онъ не привыкъ отдавать свое тѣло во власть ухабовъ и рытвинъ, если бы онъ бодрствовалъ во время своихъ путешествій,—смогъ ли бы онъ проявлять то стоическое равнодушие къ смерти, которое стяжало ему такую славу въ англійской прессѣ? А если бы не смогъ, то какъ бы отразилось это на исходѣ мировой войны вообще и на судьбахъ англійской имперіи въ частности? Какъ добрый патріотъ, я не долженъ упускать изъ виду этой стороны дѣла. И потому при каждомъ толчкѣ я мысленно говорю себѣ: «благодареніе Всевышнему Промыслу, не допустившему появленія въ Россіи хорошихъ дорогъ!» Мысль эта всякій разъ настраиваетъ меня на возвышенный ладъ и даетъ моральное удовлетвореніе за страданія плоти.

Часто мы переѣзжаемъ черезъ поваленныя деревья. Сломанныя бурей березы лежатъ поперекъ дороги. Сломало ихъ уже давно, но никто изъ проѣзжающихъ не догадался убрать ихъ въ сторону. Я пытаюсь объяснить везущему меня «дядѣ Степану» ненормальность такого положенія вещей и намекаю, что было бы человѣколюбиво, разумно и цѣлесообразно, если бы онъ самолично исправилъ это неудобство. Дядя Степанъ—человѣкъ умный. Онъ соглашается со мной и сокрушенно говоритъ:

— Чего ужъ хуже?

Но къ подвигамъ благотворительности онъ не чувствуетъ никакой склонности и на всѣ мои доводы отвѣчаетъ одно и то же:

— А для че убирать то? Коимъ нужно, тѣ и уберутъ.

А между тѣмъ по этой самой дорогѣ, черезъ эти поваленныя деревья дядѣ Степану приходится ѣздить не меньше двухъ разъ въ недѣлю.

Дядя Степанъ—философъ. Подобно лондонцу, онъ ничему на свѣтѣ не удивляется. Страна, гдѣ онъ выросъ,
. люди, съ которыми онъ живетъ, должно
быть, отучили его проводить грань между возможнымъ и невозможнымъ. За два часа нашего путешествія онъ рассказалъ мнѣ, о чемъ говорили въ послѣдній разъ на базарѣ. Говорили о томъ, что жена одного сосѣдняго клерджимэна оценилась двумя щепятами;
.
.
.

этой деревнѣ столбъ, на столбѣ дощечка, и на дощечкѣ написано: деревня «...», дворовъ столько то, душъ столько то. Названіе это туземцы произносятъ, не запинаясь, и на дощечкѣ оно изображено ясно и отчетливо. Но... Но какъ-же все-таки мнѣ вамъ объяснить, какъ называется деревня?

Возьмите словарь Даля, выберите нѣсколько терминовъ, произносимыхъ въ дамскомъ обществѣ, образуйте отъ нихъ имена существительныя,—и у васъ въ распоряженіи будетъ цѣлый рядъ названій захолустныхъ Эдемовъ, которые вы непременно найдете въ русскихъ губерніяхъ. За три дня я уже проѣхалъ двѣ деревни, именъ которыхъ, по словамъ мѣстнаго интеллигента, нельзя огласить вгдѣ, кромѣ Государственной Думы. А это уже третья.

Мы подъѣхали къ какой-то избѣ, гдѣ мой возница порекомендовалъ мнѣ остановиться. Я сталъ расплачиваться съ дядей Степаномъ, но мелочи у меня не оказалось. Пришлось обратиться къ хозяину избы—огромному мужику лѣтъ пятидесяти, съ львиной гривой волосъ и вѣрообразной бородой.

— Не можете ли вы размѣнять мнѣ деньги?—спросилъ я, протягивая ему пятирублевую бумажку.

Хозяинъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы, пожевалъ губами, подумалъ съ минутой и задумчиво переспросилъ:

— Деньги-то?

— Ну, да, размѣнять деньги.

Хозяинъ помолчалъ, погладилъ бороду, почесалъ бока, переступилъ съ ноги на ногу, раздавилъ на рукѣ комара, поглядѣлъ на небо, какъ бы прося у него совѣта въ этомъ трудномъ дѣлѣ, и опять переспросилъ:

— Размѣнять-то?

«Очевидно, мнѣ не довѣряютъ», подумалъ я и уже собрался показывать паспортъ для утвержденія своей репутаціи, какъ вдругъ хозяинъ рѣшительно произнесъ:

— Ну, давай деньги-то.

Онъ положилъ бумажку рядомъ съ собой и затѣмъ приступилъ къ операціи размѣна. Онъ разстегнулъ брюки и спустил ихъ на колѣни. Подъ ними обнаружились другія брюки. Онъ опять разстегнулъ ихъ и опять спустил на колѣни. Подъ вторыми оказались третьи, и вотъ тамъ-то и лежали его капиталы въ мокромъ отъ пота кошелькѣ.

Дядя Степанъ уѣхалъ, и меня повели въ горницу. На предварительномъ допросѣ я показалъ, что я—англичанинъ, пріѣхалъ ознакомиться съ дружественной страной и ея обычаями, преклоняюсь передъ гениемъ ея расы, хочу скрѣпить братство двухъ великихъ народовъ узами взаимнаго пониманія и, наконецъ, въ доказательство своихъ честныхъ намѣреній показалъ паспортъ. Но въ этихъ мѣстахъ всего этого оказалось мало, и я видѣлъ, что

объясненія мои признаны недостаточными. Хозяинъ молчалъ, угрюмо почесывая бороду, ребятишки жались къ стѣнѣ, бабы вздыхали. Наступила неловкая пауза. Изъ угла вдругъ подала реплику старуха:

— Ты дѣло говори! Для че пріѣхаль-то, — по льняному дѣлу, али по ложкарному?

Меня осѣнила блестящая идея, и я сразу измѣнилъ показанія. Да, конечно, я собственникъ льняной фабрики. У меня въ Англии работаетъ шестьсотъ человѣкъ рабочихъ, есть нѣсколько машинъ, вырабатываются лучшіе сорта иолотняныхъ матерій, и вотъ этотъ прекрасный, шелковистый носовой платокъ сдѣланъ изъ моего собственного батиста. Мнѣ, конечно, нужны образчики мѣстной промышленности. Я, конечно, возьму нѣсколько холста и въ будущемъ установлю регулярныя сношенія съ краемъ.

Съ этого момента ледъ былъ сломленъ, и наша бесѣда пошла, какъ по маслу. Мнѣ многое рассказывали о льнѣ — гораздо больше, чѣмъ я хотѣлъ бы знать, — и съ изумленіемъ внимали моимъ рассказамъ объ англійскихъ способахъ его обработки. Способы эти, впрочемъ, и мнѣ самому казались довольно удивительными, ибо впервые въ жизни я услышалъ о нихъ только теперь, и при томъ изъ своихъ собственныхъ устъ. Между прочимъ, мнѣ сообщили о томъ, какъ деревня «...» достигла своего теперешняго благообразнаго вида. Два года тому назадъ половина деревни сгорѣла отъ болѣе или менѣе неизвѣстныхъ причинъ, но главнымъ образомъ отъ воли Божіей, половина же осталась неповрежденной. Жителямъ сгорѣвшей части стало обидно. «Коли горѣтъ, такъ всѣмъ!» — рѣшили они, и подожгли остальное. Справедливость была такимъ образомъ восстановлена, и всѣ жители построились заново. Инцидентъ же съ поджогомъ былъ въ концѣ концовъ преданъ забвенію, такъ какъ жители деревни не безъ основанія разсудили, что и поджогъ въ сущности — воля Божія. Какъ вы видите, Джекъ, обитатели деревни «...» недурные теологи. Интересно бы только вычислить, сколько въ среднемъ приходится здѣсь такихъ богословскихъ расходовъ на каждую душу населенія?

Послѣ бесѣды и многихъ, очень многихъ чашекъ чая, мнѣ предложили отправиться въ баню (день былъ субботній). Я съ восторгомъ принялъ предложеніе. Настоящая русская баня, въ настоящей русской деревнѣ — это вѣдь не всякому англійскому туристу удавалось самолично испытать!

Меня привели въ небольшое бревенчатое зданіе, черное снаружи и черное внутри. Огъ жара спирало дыханіе, отъ дыма кружилась голова. Мнѣ указали на высокую, расположенную подъ самымъ потолкомъ полку и пояснили, что садиться нужно именно здѣсь. Хозяинъ ушелъ. Я раздѣлся и, зажмуривъ глаза,

расположился на указанномъ мѣстѣ. Отъ нестерпимаго зноя мозгъ мой сразу размякъ и мысли беспорядочно понеслись, перегоня одна другую. Что за странная иронія судьбы, не позволяющей мнѣ оставаться тѣмъ, что я есть,—думалъ я.—Третьяго дня я былъ просто путешественникомъ, вчера я сталъ ревизоромъ, сегодня превратился въ собственника льняной фабрики—чѣмъ же я, наконецъ, сдѣлаюсь къ самому концу моихъ странствій? Очевидно, только одно—я долженъ вратъ, если я не хочу прослыть обманщикомъ.

Дверь бани распахнулась. На порогъ появился мой хозяинъ, за нимъ—его жена, за его женой—двѣ дочери, за дочерьми сосѣдь съ женой и взрослымъ сыномъ. И каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ по пучку березовыхъ розогъ.

Мозгъ мой сразу прояснился и лихорадочно заработалъ. «Меня сейчасъ будутъ сѣчь», пронеслось у меня въ головѣ. «Они поняли, что я вовсе не льняной фабрикантъ, а всего только жалкій писатель, корпѣвшій всю жизнь надъ Эврипидомъ и Софокломъ. Они разоблачили меня и несутъ суровое возмездіе за нарушенную правду. О, какой позоръ! Какой ударъ британскому престижу!»

Пришедшіе, однако, не горошились съ экзекуціей. Они чинно усѣлись на лавкахъ и начали раздѣваться.

— А мы вотъ тоже помыться то пришли,—произнесъ, наконецъ, хозяинъ, скинувъ на полъ послѣдніе покровы.

Великій Скоттъ! Они пришли мыться! Какое гнусное лицемеріе!

— А это вотъ зачѣмъ?—глухо проговорилъ я, указывая на пучки розогъ.

— А париться то!—объяснилъ хозяинъ.—Ай николи не парился? И тебя попаримъ. Чтобъ костямъ, значить, прѣдѣлать.

Я понималъ все меньше и меньше и зорко слѣдилъ за приготовлениями вошедшихъ. Раздѣлись, встали, хлопаютъ себя по бедрамъ, наливаютъ въ шайки воду, вытаскиваютъ мочалки... Жена хозяина чешетъ гребнемъ волосы и большимъ пальцемъ щелкаетъ насѣкомыхъ.

— Много развелось,—говоритъ она сосѣдкѣ.—Видно, къ ведру Богъ посылаетъ!

Парень, сынъ сосѣда, беретъ вѣнникъ, обдаетъ его горячей водой и начинаетъ стегать себя по спинѣ. Потъ льетъ съ него градомъ и лицо расплылось отъ блаженства. Это и значить—«париться».

Нѣтъ, это не лицемеріе. Они, дѣйствительно, пришли мыться,—всѣ вмѣстѣ, пренебрегая респектомъ къ полу и возрасту! Они всѣ голые, и я, Вильямъ Симпльтонъ, эсквайръ, воспитанникъ Оксфорда, сижу передъ пожилыми лэди и молодыми миссъ тоже въ своемъ натуральномъ видѣ!

Конечно, Джекъ, я знаю, что сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ всякій уважающій себя англичанинъ. Онъ послѣшно накинулъ бы на себя рубашку, схватилъ бы въ охапку свои одежды и выбѣжалъ бы въ дверь, не заботясь о дальнѣйшемъ. Но я не могъ примѣнить подобной тактики. Во-первыхъ, всѣ мои мыслительныя способности сразу куда-то исчезли. Во-вторыхъ, у дверей стояли обѣ миссы. А въ третьихъ, всякій доступъ къ моей одеждѣ былъ мнѣ рѣшительно отрѣзанъ, ибо на ней воссѣдала жена моего хозяина. Я сидѣлъ, сжавшись въ комочекъ, стараясь прикрыть первозданную наготу, и мои взволнованныя чувства вылились въ одномя протязномъ, мучительномъ междометіи:

— О-о!..

— Что, жарко наверху то?—сочувственно отозвался мой хозяинъ.—Ты сойди внизъ то, маленько оклемайся!

Идти внизъ!—подумалъ я.—Нѣтъ, покорно благодарю!—И я все сидѣлъ и сидѣлъ, чувствуя, какъ жаръ наваливается на мою голову, словно раскаленная свинцовая плита.

Дѣвушки время отъ времени внимательно разглядывали меня и вслухъ дѣлились впечатлѣніями.

— Гляди, Манька, какой худу-у-щій да волосатый!—говорила одна.

— Руки-то, какъ плети!—добавляла другая.

Въ головѣ у меня начинало звенѣть, и полъ какъ будто колыхался передъ глазами.

— Ну, и ловокъ же ты, братъ, париться!—одобрялъ меня снизу хозяинъ.—Мнѣ и внизу-то жарко, а тебѣ хоть бы что! Сидишь себѣ, и горя мало. Хочешь поддамъ?

Я думалъ, что онъ предлагаетъ подать мнѣ рубашку, полотенце—вообще какую-нибудь ткань. «Накинуть на себя, выскокить, броситься въ первую лужу»—мелькнула у меня мысль. И сухими, слабѣющими губами я пролепеталъ:

— Да, пожалуйста!

Но, какъ оказалось, это былъ техническій терминъ. Хозяинъ всталъ, плеснулъ куда-то водой, и меня окутало облакомъ раскаленного пара. Мнѣ показалось, что тѣло мое обварили кипяткомъ и потомъ бросили въ жерло Везувія. Мысли куда-то поплыли, очертанія предметовъ помутились и лишь гдѣ-то далеко, далеко, какъ прощальный привѣтъ съ родины, звучала пѣсня: «Прощай, Пиккадилли, прощай, Лейстеръ Сквэръ!»

— Да ты помойся!—слышу я рядомъ чей-то голосъ. Ишь ляжки-то какі грязныя!

Это жена хозяина. Она взобралась на верхнюю полку и даетъ мнѣ практическіе совѣты. Но я не слушаю ее. Ноги мои сами собой скользятъ внизъ, я добираюсь до груди бѣлья, какимъ-то чудомъ ухитряюсь надѣть рубашку, и застываю на лавкѣ въ неподвижности.

— Озябъ!?—изумляется хозяинъ. Ну, и любитель! Вотъ этотъ ужъ видно, что молодецъ. Ну, попарься, попарься, а мы ужъ пойдемъ.

Кажется, одѣваются. Кажется ушли. Кажется, я одинъ. Я ползу къ двери и, выльзши за порогъ, падаю на землю. Меня обдуваетъ вѣтромъ, жизнь снова вливается въ поры изнемогшаго тѣла и я тихо, по-младенчески, радуюсь наступившему избавленію. Но неужели эта неодѣтая фигура, распластавшаяся на травѣ на виду у всѣхъ, забывшая всѣ правила приличія,—неужели это, дѣйствительно, Вильямъ Симпльтонъ, знатокъ античной словесности, докторъ искусствъ Оксфордскаго университета? И воскресшее тѣло мое всѣми нервами своими кричить: «да», а англо-саксонская душа моя отвѣчаетъ: «невозможно».

Какъ я провелъ остатокъ вечера, я припоминаю смутно. На слѣдующее утро я купилъ нѣсколько свертковъ холста, украдкой бросилъ ихъ въ канаву и сталъ собираться въ путь. Но передъ самымъ отъѣздомъ у меня произошелъ съ женщинами дипломатическій разговоръ.

— А ты не австрійскій шпіонъ будешь?—спросила меня жена моего хозяина, являвшаяся очевидно лидеромъ женскаго общественнаго мнѣнія.

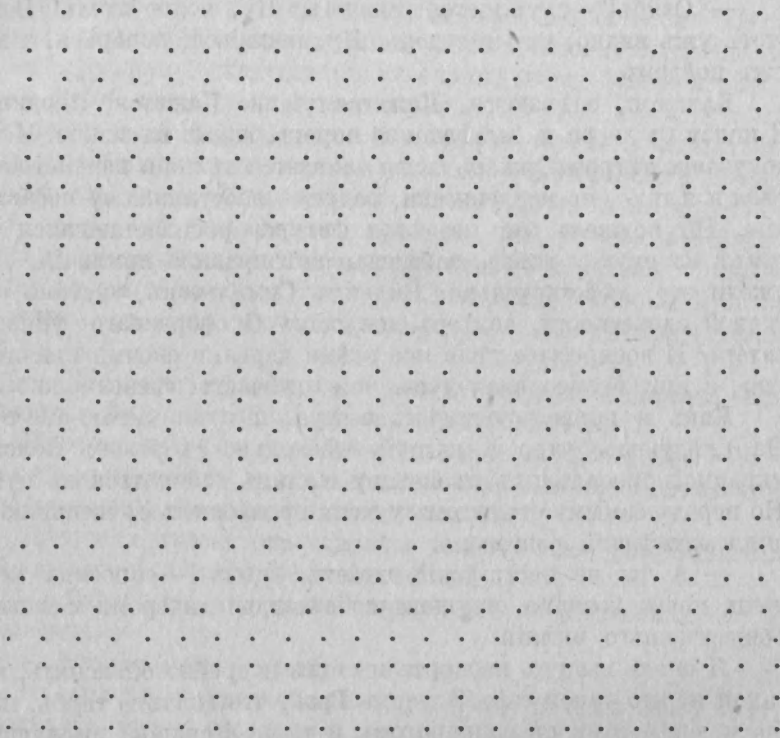
Я опять вынулъ паспортъ и сталъ подробно объяснять, кто такой я, кто такой сэръ Эдуардъ Грэй, что значитъ гербъ, изображающій льва съ единорогомъ, и т. д. Женщина выслушала меня и сказала:

— Намъ почему знать? Мы неученныя. А только какъ ты на него очень ужъ схожъ, такъ мы и мекаемъ, что ты изъ австрійцевъ. Вонъ гляди,—показала она пальцемъ на Франца-Иосифа, изображеннаго вмѣстѣ съ «государями всей Европы». — Ишь, глаза-то у него какіе лютењкіе! Вотъ и у тебя глаза-то—лю-ю-тењкіе. Приѣхалъ ты сюда, все высмотрѣлъ, да тамъ, поди, все и поразскажешь. Такъ ужъ ты нашу хлѣбъ-соль помни,—о нашей-то деревнѣ, пожалуйста, не говори!

Я торжественно обѣщаль сохранить отъ Франца-Иосифа въ строгой тайнѣ все то, что касается деревни «...», и уѣхаль, возведенный судьбой въ новый чинъ австрійскаго шпіона. Это было болѣе таинственно и значительно, чѣмъ льняной фабрикантъ, но гораздо менѣе пріятно, ибо къ запаху пеньковой веревки я питаю врожденное отвращеніе.

Не торопитесь же попасть въ русскій Эдемъ, Джэкъ! Онъ отрываетъ васъ отъ реальной почвы, возноситъ на невѣдомыя высоты, кидаетъ то въ жаръ, то въ ознобъ и зачастую грозитъ навѣки оставить васъ висѣть въ воздухѣ безъ всякихъ къ тому основанийъ.

.....

Вильямъ Симпльтонъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ФРАНЦІИ.

Течение французской литературы, взбудораженное первыми впечатлѣніями мировой войны, постепенно возвращается въ прежнее русло. Такъ, маститые беллетристы «Revue des deux mondes» успѣли вновь приступить къ разработкѣ привычныхъ заданий. Специфическій жанръ «военнаго романа» не прельщаетъ ихъ; однако, эти испытанные и гибкія техники слова умѣютъ привести тотъ или иной моментъ своихъ мирныхъ замысловъ въ соприкосновение съ жгучими переживаниями сегодняшняго дня. Вѣдь, военныя катастрофы служатъ столь провиденціальной развязкой для непреодолимыхъ житейскихъ и романическихъ осложнений, что, когда не было войны, ее приходилось выдумывать. Тому примѣры: «Тайна толпы» Поля Адана или недавній романъ Ричиотто Канудо «Городъ — ликъ міра». Обоимъ писателямъ удастся разрубить клубокъ сложныхъ своихъ построений лишь при помощи фикции: войны съ Германией. Второй изъ нихъ учитываетъ даже выступленіе Итали на сторонѣ Франціи. Касанія къ вопросамъ дня почти непримѣтны въ новомъ произведеніи Поля Маргеритъ «Другой свѣтъ» (R. d. d. M. 1 февр. по 15 марта). Негодующее возбужденіе патріота старинной складки, у котораго не зажили еще душевныя раны 1870 года, успѣло вылиться у него въ томъ злободневной публицистики: «Противъ варваровъ». Новый романъ служитъ единственно лишь цѣлямъ психологическаго изслѣдованія и гуманной пропаганды. Въ немъ одинъ изъ послѣднихъ могиканъ кружка Гонкуровъ, опытный, хоть и не глубокий, аналитикъ разсматриваетъ слѣпоту, какъ интимную и общественную проблему.

Судьба зрячаго, лишаящагося зрѣнія въ силу катастрофической случайности уже не разъ становилась предметомъ литературнаго претворенія. Напомню лишь романъ «Когда свѣтъ погасъ» Редарда Киплинга или повѣсть А. Федорова «Его глаза».

Первая часть романа Маргерита воспроизводитъ условия самой драмы. Клодъ Шартрэнъ, человѣкъ съ блестящимъ будущимъ, богатый, независимый, интеллигентный лишается зрѣнія изъ-за неловкаго выстрѣла горе-охотника. Несчастье это обрушивается на него чуть ли не наканунѣ блестящей женитьбы и въ самомъ разгарѣ успѣшной избирательной кампании, которая должна была открыть ему доступъ въ палату депутатовъ. Клода спасаетъ отъ отчаянія и самоубійства знаменитый специалистъ, профессоръ Бриссажъ, но ему предстоитъ тяжелый кризисъ среди мглы, одиночества и безпомощности. Однако, ему уготовано возрожденіе: благодѣтельные методы Бриссажа создаютъ для ослѣпшаго какъ бы «другое зрѣніе». Ему улыбается любовь, и, наконецъ, передъ нимъ открывается широкое поле дѣятельности: помощь своимъ слѣпымъ собратіямъ. Тѣмъ самымъ предопредѣлена и его роль передъ лицомъ надвигающейся

военной прозы. Доказать возможность возвращения ослѣпшему всей полноты жизни, дѣятельности, личного счастья и достоинства, — таково основной тезисъ романиста. Открыть глаза зрячимъ филантропамъ на борьбу слѣпыхъ за лучшее будущее — таково его очевидное намѣрение. Откровенная тенденциозность задания искупается мѣстами живостью изображенія: въ немъ чувствуется рука ремесленника съ хорошими традициями мастерства.

Другой очередной романъ того же журнала написанъ Жаномъ Бертеруа. Авторъ этотъ приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность своими возсозданиями античнаго мира, элегантными и слащавыми, лишенными не только двусмысленной эротики Пьера Луиса, но и живости его воображенія. На этотъ разъ онъ обратился къ живой современности: обстановкой дѣйствія романа «Къ славѣ» служитъ старинный университетскій городъ Монпелье. Молодой студентъ-медикъ принимаетъ свое чувство къ женѣ врача за любовь. Но это всего лишь жажда любви, юношескій жаръ крови. Суровая правда разразившейся войны и тяжелая рана, угрожающая его жизни, научаютъ его познать самого себя; онъ сознаетъ, что любить не жену врача, а дочь профессора. Курьезнымъ образомъ война обратилась для героя Бертеруа въ своего рода «Deus ex machina», въ случайность, завершающую его «сентиментальное воспитаніе». Въ подобной стрѣльбѣ пушками по воробьямъ простодушный романистъ не видитъ ничего кощунственнаго и это тѣмъ болѣе, что онъ добросовѣстно исполняетъ свой долгъ шовиниста и нѣмцаѣда. Онъ изображаетъ знаменитаго нѣмецкаго ученаго въ качествѣ тщеславнаго, невѣжественнаго бездарнаго карьериста, спекулирующаго на французскую экспансивность и легковѣріе. «Отдѣлать» Канта и Нитцше столь же обязательно для беллетриста военнаго времени во Франци, какъ и у насъ.

* * *

Поль Буржэ продолжаетъ разсмотрѣніе «вопросовъ совѣсти» въ свѣтѣ великой войны: за «Смысломъ смерти», гдѣ на примѣрахъ военной дѣйствительности демонстрируется польза католической вѣры, послѣдовала пьеса «Правда освобождаетъ». Буржэ называетъ эту вещь «хроникой 1916 года», какъ въ свое время обозначилъ «Баррикаду», какъ «хронику 1910 года». Здѣсь поставлена на судъ та неизбывная неправда, которой со дня «Мадамъ Бовари» питается чуть ли не вся французская литература: внутренняя неправда свободы въ бракѣ,—адультеръ. Пьеръ Вокруа возвращается изъ германскаго плѣна внутренне преображенный; сознание общей опасности и общаго долга передъ родиной убило въ немъ эгоизмъ и безпечность искателя личнаго счастья. Но въ немъ нѣтъ еще полной ясности: вновь оказавшись между женой и возлюбленной, онъ колеблется. Жюли д'Эспель удастся вернуть его себѣ: отъ героическаго подъема борьбы за родину его влечетъ обратно къ жалкимъ соблазнамъ лжи. Однако, объясненіе съ женою предотвращаетъ паденіе героя. Она знаетъ все и предоставляетъ ему выборъ. Она любитъ его, но возвращаетъ ему свободу. Имъ не подобаютъ ни принужденіе, ни лицемеріе.

Послѣ супружеской грозы небо проясняется. Вокруа, потрясенный самоотверженіемъ жены, «падаетъ къ ея ногамъ». Отъ сомнѣній и двойственности его влечетъ къ истинной любви. Соперница изгоняется; «осво-

божденные правдой» супруги идут навстрѣчу новому счастью. Такова схема риторическихъ діалоговъ, изъ которыхъ должно явствовать, что тамъ, гдѣ долгъ, тамъ и любовь. Конечно, большей убѣдительности подхода и нельзя было ожидать отъ этого бывшаго художника, обратившагося въ проповѣдника безъ призванія. Буржэ оперируетъ съ отвлеченными величинами, а не съ живыми людьми: поэтому ничего не стоило бы перестроить всю его аргументацию въ пользу любовницы и въ ущербъ женѣ. Но самую его проповѣдь болѣе отвѣтственного и серьезнаго поведения, диктуемаго войной легкомысленнымъ хозяевамъ жизни, разумѣется, не приходится оспаривать.

* * *

Шарль Пеги, писатель, павши въ сентябрѣ 1914 года въ бояхъ на Урнѣ, наканунѣ поворота на Марнѣ, дождался уже нерукотворнаго памятника, возведеннаго достойной рукой. Я разумѣю книгу, посвященную ему Андрэ Сюарэсомъ. Да и самому Сюарэсу это соприкосновение съ суровымъ и спокойнымъ героизмомъ Пеги возвратило то достоинство литературной осанки, которое было поколеблено въ немъ напоромъ неслыханныхъ событий. Въдѣ такія его книги, какъ «Мы и они» или «То—война», словно бьются въ истерикѣ подъ наводненіемъ германской угрозы. Въ книгѣ «Пеги» мы опять признаемъ замѣчательнаго мастера пластичнаго слова, достигающаго въ своихъ «Литературныхъ портретахъ» (будь то Достоевскій, Гольбейнъ или Паскаль) безподобной изобразительной силы. Такъ и Пеги явственно освѣщенъ имъ—изнутри и снаружи.

Слѣдовало бы остановиться передъ каждымъ изъ барельефовъ, высѣченныхъ Сюарэсомъ на цоколѣ этого памятника. Мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты его рѣзца.

«Пеги былъ Карлейлемъ Франціи», — утверждаетъ Сюарэсъ, — «но онъ былъ несравненно лучше того, болѣе правдивымъ, болѣе свободнымъ и болѣе человѣчнымъ... То была душа, которую надо было открыть и которая не предлагаетъ себя, сила, какихъ мало въ одеждѣ зауряднаго человѣка. Первоначально, онъ не замѣчателенъ ничѣмъ. Позже, узнаешь его сокровенную доблесть: и его уже не смѣшаешь ни съ кѣмъ...»

Сюарэсъ рисуетъ дѣтство сына винодѣла съ Луары; мать Шарля, овдовѣвъ, плететъ соломенные сидѣнья для стульевъ, которыя она предлагаетъ прихожанамъ въ Орлеанскомъ соборѣ. Недаромъ взрослому Пеги «хорошо сидѣлось только на стулѣ или табуретѣ. Онъ любилъ хорошо стулья, а также хромые. Кресло не улыбалось ему и досаждало: спинка еще туда-сюда, но ручки?..» «Никто лучше его не позналъ бѣдности и не говорилъ о ней лучше. Онъ читалъ ее. Онъ не восхвалялъ ея. Онъ тщательно отличалъ ее отъ блѣдной нужды и онъ склонялся надъ нищетою. Онъ взиралъ на нее съ суровымъ состраданіемъ...»

Бѣдность не была для Пеги (развиваетъ свою мысль Сюарэсъ) ни канвой для краснорѣчія, ни лозунгомъ возстанія. Онъ взвѣсилъ ее съ точностью. Онъ страдалъ отъ нея и черезъ нее возвеличился: ибо «бѣдность — самое древнее дворянство въ мірѣ».

Пеги поступаетъ въ Нормальную Школу; онъ на всю жизнь остается ученикомъ и въ то же время учителемъ. Сюарэсъ обрисовываетъ его разбитіе этапъ за этапомъ, воспроизводитъ его внѣшній обликъ. Онъ под-

ходить, наконецъ, къ вѣрѣ Пеги, къ религиозному перелому въ жизни социалистическаго мечтателя; онъ усматриваетъ въ немъ природу мистика и еретика; онъ былъ еретикомъ въ социализмѣ; его отношеніе къ католицизму—есть отношеніе еретика. Онъ посвящаетъ своихъ дѣтей Богоматери, но не считаетъ нужнымъ окрестить ихъ. Его христианство коренится въ Библии и пророкахъ болѣе, нежели въ догматахъ церкви. Религиозная мысль сливается у него съ національной: символомъ его вѣры и знаменемъ во всѣхъ его полемическихъ походахъ является Іоанна д'Аркъ; ей онъ посвятилъ свою первую книгу, къ ней онъ возвращался на каждомъ поворотѣ своего духовнаго пути.

Трудно пересказать вкратцѣ книгу Сюарэса; она насыщена образами и развивается ритмически, какъ поэма. Изъ нея можно извлечь характеристику Пеги, какъ писателя и поэта, узнать, какъ преломлялся духъ великаго человѣка въ великомъ художникѣ, почерпнуть свѣдѣнія объ интимной обстановкѣ дѣятельности редактора, издателя, главнаго сотрудника, экспедитора... и наборщика тѣхъ «*Cahiers de la Quinzaine*» («Двухнедѣльные тетради»), которыя были любимымъ дѣтищемъ и каедрой Пеги. Лирическое же волненіе биографа, потерявшаго въ лицѣ Пеги близкаго друга, вылилось въ двухъ прекрасныхъ сонетахъ, служащихъ прологомъ и эпилогомъ книги.

* * *

Среди поэтическихъ откликовъ войны надлежитъ отмѣтить брошюру величайшаго изъ живущихъ лириковъ Франци, Поля Клоделя: «Три военныя поэмы». Первая изъ нихъ «Сколько угодно, генераль» имѣетъ лейтмотивомъ рѣшимость бороться до конца: «пока еще есть живое мясо французовъ, чтобы идти сквозь вашу проклятую проволоку... пока за нами еще лежитъ эта великая страна, что прислушивается и молится и молчить...» Вторая поэма «За ними» вызываетъ образъ жатвы возмездія, что выростетъ изъ неправедно пролитой крови, той великой армии неотмщенныхъ жертвъ, что накопляется въ тылу у обреченнаго врага. Третья ода посвящена «Мертвецамъ республиканской арміи». Онъ возвращаетъ «Солдатамъ великаго резерва подъ землей» о грядущей побѣдѣ. Последнее изъ трехъ стихотвореній отличено большой поэтической силой, особенно первыя строфы, славящія наступленіе весны. Среди визга и гомона «военной поэзии» трилогия Клоделя выросла, словно роза на крови.

* * *

Въ одномъ изъ обзоровъ «*La Revue*» воспроизведена статья Лоу изъ «*Litterary Digest*» о «новой опасности, угрожающей литературѣ».

«Война», утверждаетъ англійскій критикъ, «явилась настоящей угрозой для литературы будущаго... Героическіе вымыслы, которыми мы нѣкогда восхищались, кажутся намъ поблекшими наряду съ сообщениями, доходящими до насъ изъ окоповъ».

Имѣютъ ли основаніе опасенія Лоу? Безъ сомнѣнія, дѣйствительность настоящей войны оставляетъ за собой всѣ образы исторіи, легенды и искусства. Экипажи крейсеровъ «*Good Hope*» или «*Шарнгорстъ*», пошедше ко дну съ пѣніемъ національныхъ гимновъ, затмили знаменитый подвигъ фрегата «Мститель». Но никакое событіе не въ силахъ умалить впе-

чатлѣнне отъ эпическаго морскаго боя въ «1793 году» Виктора Гюго. Какъ бы ни были грандиозны факты, потребность художественнаго преображенія жизни остается въ силѣ; никакия потрясенія разума и чувства не въ силахъ упразднить нашей эстетической восприимчивости, готовности къ «игрѣ воображенія».

Доказательствомъ неистребимости фантази являются нѣкоторыя порожденія литературы. Она не ограничивается перетасовкой подлинныхъ сообщеній съ театра войны или модными у насъ трафаретами о нѣмцѣ-женихѣ, елейномъ и искательномъ, обращающемся внезапно въ шпона и насильника и тому подобными рецептами литературнаго производства. Такъ, новѣйшее произведеие Рони-Старшаго, «Погибли?» есть не что иное, какъ типически романъ приключеній, выдуманный съ начала до конца, исполненный напряженнаго и театральнаго интереса. Эти «героическія приключения войны служатъ словно новой редакціей неумирающихъ «Мушкатеровъ» Александра Дюма, съ тою разницею, что роли Атоса, Портоса и Арамиса перешли по праву къ тремъ молодымъ французскимъ авіаторамъ.

Фикція, положенія въ основу романа, такова: трое летчиковъ, совершившихъ смѣлый набѣгъ на Эссенскій заводъ, принуждены снизиться недалеко отъ Магдебурга. Запасшись на всякій случай подложными американскими и испанскими паспортами, они дѣлаютъ попытку ускользнуть отъ бдительности нѣмецкихъ властей. Это, быть можетъ, и удалось бы имъ, если бы одинъ изъ нихъ не былъ узнанъ германскимъ ротмистромъ, бывшимъ военнымъ агентомъ. Безоружные французы одерживаютъ верхъ надъ нѣмцами, переодѣваются въ ихъ мундиры и овладѣваютъ ихъ автомобилемъ. Начинается травля по всей сѣверной Германіи съ множествомъ столкновеній, въ которыхъ нашихъ смѣльчаковъ не берутъ ни штыкъ, ни пуля, а страдаетъ одинъ лишь непріятель. Летчикамъ удается укрыться въ подземельи замка благодаря пособничеству управляющаго, датчанина изъ Шлезвига и поэтому ненавистника пруссаковъ. Они продолжаютъ свой путь къ датской границѣ, прячутся отъ облавы въ болотѣ и въ послѣднюю минуту спасаются, похитивъ изъ ангара нѣмецкій аэропланъ. Кинематографическія сцены преслѣдованія, переодѣванія и борьбы, кровавые эпизоды смягчены, какъ и подобаетъ, сентиментальнымъ «intermezzo». Голубоглазая нѣмка, (разумѣется, дочь польки), предупреждаетъ объ опасности плѣнившаго ее француза.

Таковъ остовъ романа, лубочнаго по самому своему замыслу, но выполненнаго увѣреннымъ и недюжиннымъ мастеромъ. Заслуги Рони въ области социологическаго и «доисторическаго» романа извѣстны и оценены давно. Нынѣ онъ попытался, и не безъ успѣха, приковать вниманіе, казалось бы, всецѣло обращенное въ сторону дѣйствительности, занимательностью свободнаго измышленія.

* * *

Принципальный вопросъ объ исполненіи произведеній Рихарда Вагнера во время войны сдѣлался за послѣдніе мѣсяцы предметомъ многочисленныхъ анкетъ и полемики, въ которой приняли участіе многія газеты и журналы. Вопросъ этотъ послужилъ почвой для наиболѣе сенсационныхъ столкновеній между двумя стихіями, оспаривающими другъ

у друга первенство: духомъ разрушенія, псевдопатриотической демагоги, лицемѣрія, карьеризма и глупости—и традиціями свободной мысли, этимъ оплотомъ французскаго культурнаго бытія. Печально, что патриотизмъ могъ разсматриваться, хотя бы однимъ художникомъ, какъ музыкальный критерій; утѣшительно то, что разумъ и идейная честность возобладали; моральная побѣда «вагнеристовъ» не подлежитъ сомнѣнію.

Вагнеръ (никогда не отрицавшій тѣхъ «зародышей кретинизаціи», которыхъ отыскалъ на собственной родинѣ) въ свое время предсказывалъ, что Франція погибнетъ по винѣ абсента и академи. Академія подняла перчатку и самые уничтожающіе аргументы противъ Вагнера были формулированы тремя ея членами. Афоризмъ Фредерика Массона, появившійся въ «Gaulois», вѣроятно, переживетъ этого ученаго изслѣдователя частной жизни Наполеона. «Если французскіе вагнеристы невмѣняемы»,— требуетъ онъ,—«сихъ слѣдуетъ запереть, если они сознательны, ихъ должно разстрѣлять». Вторымъ академикъ, Камилль Сень-Сансъ (еще накануне войны пожалованный, какъ объ этомъ напоминаетъ обозрѣватель «Mesure de France'a, Вильгельмомъ II портретомъ со своеручной надписью), выдвигаетъ иную точку зрѣнія: «Если искусство не имѣетъ родины, ее имѣетъ художникъ». Отсюда на путяхъ Сень-Сансовой диалектики вытекаетъ остракизмъ Вагнера. Однако, наиболѣе боевую позицію занялъ Морисъ Баррессъ, глава «лиги патриотовъ» и, быть можетъ, наиболѣе влиятельный изъ журналистовъ сегодняшняго дня: «Ясно» — такъ отзывается онъ на анкету газеты «Correspondent», — «что нѣкоторые французскіе рабочіе, примкнувъ къ марксизму, нѣкоторые любители, предаваясь вагнеровскимъ грезамъ, другіе, привѣтствуя бредъ Ницше, предали дѣло Франціи».

Это изреченіе, заклеившее не Вагнера, а самого автора «Сада Беренисы», какъ Тартюфа и ренегата, вызвало беспощадную отповѣдь на столбцахъ «Humanité». Статья Виктора Снелля рисуетъ жалкое зрѣлище паденія того независимаго и изысканнаго художника, которымъ нѣкогда былъ Баррессъ. Честолюбіе сдѣлало его вождемъ и идеологомъ реакціи: его соблазнила мечта направлять потокъ, но онъ давно уже плыветъ по теченію. Онъ вынужденъ каждодневно отречься отъ своего прошлаго и попираетъ свою святыню. Снелль, впрочемъ, нимало не умиляется надъ судьбой Барреса и это толкованіе принадлежитъ не ему. Сотрудникъ «Humanité» лишь восстанавливаетъ факты и доказываетъ, что если вагнеризмъ былъ и з м ѣ н о й, въ списокѣ измѣнниковъ долженъ значиться самъ Баррессъ. При помощи «ссылокъ и цитатъ» онъ рисуетъ послѣдняго, какъ одного изъ исповѣдниковъ культа Вагнера и пилигримовъ Байрейта. Онъ воспроизводитъ статью Барреса о «Парсифалѣ», гдѣ будущій націоналистъ ставитъ мистерію Вагнера выше Платонова «Федона» и... Евангелія. «Отправимся въ Ванфридъ», призывалъ Баррессъ, «на могилу Вагнера, чтобы почтить предчувствіе новой этики». (1892).

Такимъ образомъ, Баррессъ является однимъ изъ достойнѣйшихъ кандидатовъ на разстрѣлъ, по программѣ Фредерика Массона. Къ счастью, эти вопли глупости и лжи, терроризирующіе обывателя и парализующіе художественную жизнь, не въ силахъ вконецъ извратить и опорочить свѣтлый ликъ французской культуры. Въ отвѣтъ на завываніе каннибаловъ тыла послышались иные голоса, разумные и великодушные. Прежде всего, посыпались письма съ фронта. Композиторъ Видалъ имѣлъ

право отвѣтитъ интервьюэру: «Всѣ наши воины-музыканты вагнерянцы». Журналистъ Марнольдъ приводитъ письмо отъ группы кавалеровъ военнаго ордена, заявляющихъ, что, возвратившись съ фронта, они потребуютъ возобновленія вагнеровскихъ цикловъ.

Цѣлый рядъ композиторовъ, музыкальныхъ дѣятелей и писателей возсталъ противъ гоненія на Вагнера; назову лишь Анри Багайля, Шевильера, Жака Рушэ (директора Большой Оперы, которому «запрещень» Вагнеръ), Видора, Пеладана.

Этихъ выступленій достаточно, чтобы оградить и реабилитировать культурное достоинство Франци. Очень простое и увѣренное выраженіе нашли эти настроенія въ словахъ извѣстнаго композитора, Вэнсана д'Энди, послужившихъ отвѣтомъ на запросъ редакци «La Revue»:

«Кто можетъ усумниться въ томъ, что было предѣломъ глупости изгнать отъ насъ такіе шедевры, какъ «Парсифаль», «Тристанъ», «Мейстерзингеры», которые принадлежатъ къ драгоцѣннѣйшему достоянію мирового искусства? Вѣдь тогда слѣдовало бы уничтожить «Фауста» и отправить Дюрера и Ванъ-деръ-Вейдена на чердакъ Лувра.

«Было бы поистинѣ антипатріотично лишать всѣхъ тѣхъ, кто въ нашей странѣ интересуется музыкой, живописью и литературой, столь превосходныхъ средствъ художественнаго воспитанія.

«Жестоко нападаютъ на Вагнера, благо онъ донинѣ стѣсняетъ многихъ музыкантовъ, а, какъ причину этихъ нападковъ, лицемѣрно приводятъ то обстоятельство, будто творецъ «Тристана» поносилъ Парижъ въ связи съ событіями 1870 г. Если бы это утвержденіе, ложное съ начала до конца и которое легко опровергнуть, даже отвѣчало истинѣ, этого было бы недостаточно, на мой взглядъ, чтобы оправдать изгнаніе твореній чистой красоты».

Твердое и трезвое слово болѣе показательно для идейнаго и художественнаго уровня «Франци военнаго времени», чѣмъ искусственная истерика трехъ «безсмертныхъ».

* * *

Безъ сомнѣнія, смерти Эмиля Фагэ, академика, критика и «конферансье» будетъ придано значеніе событія. Популярность его была чрезвычайно велика и очень многимъ онъ рисуется полномочнымъ представителемъ французскаго ума. Фагэ принадлежитъ великое множество литературныхъ характеристикъ. Онъ превосходно изучилъ общепризнанныхъ писателей классическаго періода. На нихъ онъ построилъ свою литературную доктрину. По отношенію къ литературѣ современной, онъ былъ нечутокъ. Смѣлость въ оцѣнкахъ уживалась съ банальностью методовъ. Онъ совладалъ съ характеристикой Флобера, оперируя всего лишь двумя пснтятіями — трафаретами романтизма и реализма. Онъ не зналъ символиствъ и наивно гордился тѣмъ, что не понимаетъ ни одного слова у Бергсона. Трудностямъ философскаго мышленія и языку поэтическаго иносказанія, онъ противопоставалъ смиренно и самодовольно свой здравый смыслъ. Страстнаго догматизма Брюнетьера, психологическаго чутья Леметра онъ не вѣдалъ. Онъ считался выдающимся стилистомъ: ему была свойственна плоская элегантность того «текучаго стиля», который презиралъ Бодлэръ. Онъ былъ авторитетенъ и общедоступенъ, но не внесъ

въ идейную жизнь Франци ни одной новой мысли, а въ науку ни одного новаго факта. Какъ критикъ и лекторъ, этотъ знаменитый писатель былъ «человѣкомъ толпы». Его слава будетъ загадочна для потомства: онъ заслужилъ ее, ничего не создавъ.

Андр. Л—нь.

НОВОСТИ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

Предлагаемый обзоръ книгъ по Русской исторіи имѣетъ цѣлью отмѣтить наиболѣе характерныя теченія, проявившіяся въ нашей исторіографіи за послѣдніе годы, и совершенно не претендуетъ на исчерпывающую полноту библиографическихъ указаний. Нашъ обзоръ ограничивается только наиболѣе крупными работами по русской исторіи какъ популярными, такъ и специальными, если онѣ доступны по языку для читателя неспециалиста, а хронологически захватываетъ приблизительно послѣднее десятилѣтіе.

* * *

Русская историческая наука долгое время находилась подъ преобладающимъ влияніемъ нашихъ историковъ права, сосредоточившихъ свое вниманіе на «внутренней» исторіи, подъ которой они понимали, главнымъ образомъ, эволюцію учреждений и публично-правовыхъ институтовъ причемъ «право» представлялось чѣмъ-то самодовлѣющимъ и основнымъ. Едохновляемые завѣтами такъ называемой «исторической школы юристовъ», они дали намъ цѣлый рядъ цѣнныхъ работъ, въ которыхъ отсутствіе объединяющей точки зрѣнія и осторожность выводовъ уравновѣшивались тщательностью анализа, обстоятельнымъ изученіемъ отдѣльныхъ вопросовъ и критической разработкой источниковъ. Но уже довольно давно — параллельно съ «юридическимъ» направлениемъ въ нашей исторіографіи развивалось и другое, представленное, главнымъ образомъ, В. О. Ключевскимъ, который первый удѣлялъ экономическимъ отношеніямъ въ русской исторіи подобающее мѣсто, — какъ въ своемъ «Курсѣ», — такъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ, изъ которыхъ особенно важное значеніе имѣли статьи, посвященныя вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ, ставшему на долгое время однимъ изъ наиболѣе популярныхъ и у нашихъ историковъ права. Въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка — споръ «народниковъ» и «марксистовъ» о «ходѣ нашего общественнаго развитія» внесъ новое оживленіе въ русскую исторіографію; въ это время появляются первыя работы по русской исторіи сторонниковъ «историческаго материализма», повышенный интересъ къ социально-экономической сторонѣ историческаго процесса становится замѣтнымъ не только въ широкой публикѣ, но и въ средѣ специалистовъ-историковъ, которые, продолжая отстаивать прежнюю свою идеологию, дѣлали значительныя уступки новому направленію въ своихъ изслѣдованіяхъ и общихъ историческихъ концепціяхъ. Къ началу новаго столѣтія

«исторический материализмъ», какъ методъ изучения общественныхъ явленій, находить себѣ уже полное признание, ему сознательно или невольно слѣдуютъ въ своихъ изысканіяхъ даже тѣ, кто не склоненъ былъ раздѣлять «философию» марксизма, а это не могло не сказаться на дальнѣйшемъ развитіи нашей исторіографіи самымъ плодотворнымъ образомъ.

Нужно, однако, сказать, что первая попытка материалистическаго объясненія русской исторіи, предпринятая Н. А. Рожковымъ, оказалась неудачна; его «Обзоръ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія» такъ и оборвался на второмъ выпускѣ, въ чемъ, можетъ быть, повинны не однѣ только внѣшнія причины, но и самое состояніе исторической науки, еще не позволявшее отваживаться на примѣненіе марксистскаго метода въ широкомъ масштабѣ. Только спустя десять лѣтъ, М. Н. Покровскому удалось дать намъ «Русскую Исторію съ древнѣйшихъ временъ», написанную (совмѣстно съ Н. М. Никольскимъ) съ точки зрѣнія историческаго материализма (издана въ 5 томахъ т-вомъ «Миръ» — цѣна въ переплетѣ 32 рубля). Десятилѣтіе, отдѣляющее «Обзоръ» Н. А. Рожкова отъ «Русской Исторіи» М. Н. Покровскаго, отличалось большимъ оживленіемъ въ русской исторіографіи. Какъ разъ именно въ этотъ періодъ началъ выходить отдѣльными томами печатный «Курсъ русской исторіи» В. О. Ключевскаго (вышло 4 тома), а вслѣдъ за ними и сборники его статей (т. I. «Опыты и изслѣдованія», т. II. «Очерки и рѣчи», т. III «Отзывы и отвѣты»), кромѣ того, былъ впервые опубликованъ и специальный курсъ Ключевскаго «Исторія сословій въ Россіи», а его «Боярская Дума древней Руси» — вышла 4-мъ изданіемъ. Опубликованіе и переизданіе наслѣдства покойнаго московскаго историка (далеко еще не завершенное) не только имѣло большое значеніе въ дѣлѣ популяризаціи историческихъ знаній, но сказалось и на дальнѣйшемъ развитіи русской исторіографіи.

Сопоставленіе взглядовъ Милюкова и Ключевскаго на особенности исторіи Россіи сравнительно съ Западомъ — несомнѣнно, способствовало пробужденію интереса къ этому вопросу, получившему новую, болѣе конкретную постановку и новое рѣшеніе въ трудахъ безвременно умершаго историка Н. П. Павлова-Сильванскаго. Его работа «Феодализмъ въ древней Руси» (изд. «Брокгаузъ-Ефрона». 1907 г. 1 р.) и посмертный трудъ — «Феодализмъ въ Удѣльной Руси» (III-й т. сочиненій. СПб. 1910 г. 2 р. 50 к.)¹ знаменуютъ собою рѣшительный поворотъ въ русской исторіографіи отъ теории «контраста» (Милюковъ) и «своеобразія» русскаго историческаго процесса (Ключевскій) къ признанію общности историческаго развитія Запада и Россіи — для всѣхъ періодовъ ея исторіи. Поднятый Павловымъ-Сильванскимъ и поддержанный Н. А. Рожковымъ (см. его «Городъ и деревня въ русской исторіи», вышедшій въ 1913 году уже 3-мъ дополненнымъ изданіемъ. Ц. 75 к.) споръ о существованіи въ древней Руси феодализма создалъ цѣлую литературу по этому

¹ И другія работы Павлова-Сильванскаго, собранныя въ т. т. I («Государевы служилые люди». 1909 г. 1 р. 25 к.) и II («Очерки по Русской исторіи VІІІ—XІХ в.», 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.) его сочиненія, заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны читателей.

вопросу (см. перечень ея въ указанной выше книгѣ «Феодализмъ въ Удѣльной Руси, приложение V, а также статью Н. И. Карѣва «Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи» въ «Изв. СПб. Политехническаго Инст.» за 1910 г.), но ко времени появления первыхъ томовъ «Истории Россіи съ древнѣйшихъ временъ» наличность феодальныхъ отношеній въ нашемъ прошломъ признавалась уже большинствомъ историковъ, и М. Н. Покровский на страницахъ своей «Истории Россіи» — въ главѣ, специально посвященной этому вопросу, — всецѣло уже основывается на изслѣдованіяхъ Павлова-Сильванскаго, раздвигая, однако, хронологическія рамки феодальной эпохи включеніемъ въ нее и Кіевской Руси.

Мы не исчерпали всѣхъ показательныхъ признаковъ оживленія русской исторіографии за разсматриваемое десятилѣтіе, не отмѣтили цѣлаго ряда специальныхъ работъ, появившихся за это время (такихъ, напр., какъ изслѣдованіе Ю. Готье «Замосковный край въ XVII вѣкѣ» — М. 1906 г.), но и указанного достаточно для того, чтобы стала понятной своевременность появленія «Истории Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Монументальный трудъ М. Н. Покровскаго, взятый въ цѣломъ, не только завершаетъ собою предшествующій періодъ нашей исторіографии, но идетъ и дальше; иногда авторамъ «Истории Россіи» приходилось выступать въ роли «если не изслѣдователей, то передовыхъ развѣдчиковъ, нащупывающихъ новые пути и для разрѣшенія чисто специальныхъ вопросовъ» (см. Предисловіе къ I тому). Можетъ быть, впервые за все существованіе русской исторической науки, въ этомъ трудѣ отводится подобающее мѣсто экономическимъ отношеніямъ въ такихъ областяхъ русской исторіи, которыя до сихъ поръ были въ прочномъ и безраздѣльномъ обладаніи историковъ-«идеалистовъ». Но даже и тамъ, гдѣ автору приходилось исходить изъ построений, сдѣланныхъ его предшественниками, онъ вноситъ очень важныя дополненія, въ корнѣ измѣняющія ходячія представленія объ эпохѣ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія главы, посвященныя жизни Новгорода и городской жизни X—XV вв.; въ нихъ особенно цѣнно выясненіе характера торговли въ древней Руси и вытекавшихъ отсюда социальныхъ и политическихъ отношеній. Причины упадка Кіевской Руси и большей устойчивости Новгорода, роль вѣча и князя въ древне-русской жизни, роль татарщины находятъ себѣ въ этихъ главахъ оригинальное и удовлетворительное объясненіе. Рѣзко расходится съ обычными представленіями изображеніе процесса образованія Московскаго Государства, примѣненіе материалистическаго метода даетъ возможность и въ этомъ процессѣ замѣнить «личные» факторы безличными, каковыми прежде всего являются экономическія условія, способствовавшія возвышенію Москвы, и роль церкви, какъ феодальной организаци. И для исторіи XVI и XVII вв., которая всегда пользовалась усиленнымъ вниманіемъ историковъ и вслѣдствіе этого сравнительно хорошо изучена, мы находимъ у М. Н. Покровскаго цѣлый рядъ новыхъ объясненій, изъ нихъ особенно важны — объясненіе роли торгово-промышленнаго класса въ Смутную эпоху и отчетливое выдѣленіе отдѣльныхъ моментовъ въ развитіи денежнаго хозяйства въ Московскомъ Государствѣ въ связи съ социальными отношеніями.

Что касается XVIII столѣтія, то здѣсь задача М. Н. Покровскаго была особенно трудной—въ виду перегруженности исторіи этого столѣтія анекдо-

тами, слабой разработки «внутренней» его истории, которая только недавно привлекла къ себѣ вниманіе изслѣдователей (Милюкова, Кизеветтера, Богословскаго, Готье и др.) и полнаго отсутствія экономической истории послѣпетровскаго времени. Автору «Русской Истории» пришлось быть настоящим пионеромъ въ этой области. Какъ первая попытка, изложение М. Н. Покровскаго страдает, конечно, большими пробѣлами, которые возможно заполнить только специальными изслѣдованіями, но и при всей недостаточности и спорности многихъ построений нашего автора, главы «Русской Истории», посвященныя XVIII вѣку, заслуживаютъ самаго пристального изученія со стороны читателя. Такимъ же пионеромъ оказался М. Н. Покровский и въ истории «внѣшней политики». Его статьи въ «Истории Россіи въ XIX в.», изданной бр. Гранатъ (въ 9 томахъ), равно какъ и соответствующія главы «Русской Истории» написаны съ большимъ талантомъ, полны остроумныхъ и блестящихъ сопоставленій и даютъ читателю надежную руководящую нить, которая помогаетъ ему разобраться въ запутанной сѣти дипломатическихъ хитросплетеній. Таковы заслуги М. Н. Покровскаго, предпринявшаго, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, слишкомъ смѣлую попытку охватить подъ «одностороннимъ» угломъ зрѣнія всю русскую историю во всѣхъ ея проявленіяхъ. Намъ думается, что значеніе этой попытки въ нашей историографіи огромно, а благотворныя послѣдствія ея неисчислимы. Основныя вѣхи намѣчены, и будущимъ изслѣдователямъ легче уже будетъ ориентироваться при заполненіи тѣхъ пробѣловъ, какіе неизбежны были у авторовъ «Истории Россіи съ древнѣйшихъ временъ». М. Н. Покровский выпустилъ недавно и другую книгу — «Очеркъ истории русской культуры», уже разсмотрѣнный на страницахъ «Лѣтописи» (см. декабрьскую книжку 1915 г.). Это пока только первая часть, дающая «цѣльное изображеніе экономического и политическаго развитія Россіи на всемъ ея протяженіи», — развитіе идеологии, религии, литературы, искусства будетъ прослѣжено въ дальнѣйшихъ частяхъ очерка.

Необходимо здѣсь же указать на появленіе первыхъ двухъ томовъ обширной «Истории русской общественной мысли», принадлежащей перу виднаго теоретика марксизма Г. В. Плеханова (изд. т-ва «Міръ»). О ней намъ придется еще говорить въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Лѣтописи», а пока мы отмѣтимъ только, что Г. В. Плехановъ въ вводной части своего труда вновь ставитъ на очередь вопросъ о «ходѣ нашего общественнаго развитія» и путемъ критики взглядовъ Соловьева, Ключевскаго, Павлова-Сильванскаго и Келтуялы приходитъ къ выводу объ «относительномъ своеобразіи» русскаго историческаго процесса, причемъ своеобразіе это онъ объясняетъ колебаніями восточныхъ и западныхъ влияній на ходъ историческаго развитія Россіи.

Крупнымъ завоеваніемъ историко-материалистическаго метода слѣдуетъ считать попытки примѣненія его при изученіи истории идеологии. Мы имѣемъ (если не считать указанный только что трудъ Г. В. Плеханова) двѣ такія попытки. Одна принадлежитъ Н. М. Никольскому, который написалъ цѣлый рядъ главъ по истории религии и церкви въ «Русской Истории съ древнѣйшихъ временъ», а другая попытка сдѣлана В. Келтуялой, выпустившимъ огромный «Курсъ истории русской литературы», еще не доведенный до конца (вышли: ч. I, кн. 1-ая. Ист. лит. отъ IX в. до полов.

XIII в. Изд. 2-е дополн. 1913 г. Ц. 3 р. и ч. I, кн. II. 1911 г. Л. 3 руб.). Только одна область идеологии — искусство — не дождалась еще материалистического истолкования, хотя как раз именно в наши дни мы переживаем полосу увлечения древнерусским искусством. Памятниками такого увлечения являются выход и успѣхъ «Исторіи русскаго искусства» Игоря Грабаря, почти 10-лѣтнее существование художественнаго журнала «Старые Годы», открытие подлиннаго лика древнерусской иконописи и мн. др. Нужно надѣяться, что и эту наиболѣе далекую отъ материальныхъ интересовъ область удастся связать крѣпкими нитями съ общимъ ходомъ русской истории, какъ онъ понимается историками-материалистами.

Намъ остается еще отмѣтить новости русской исторической литературы, оставшіяся за предѣлами сдѣланнаго выше обзора. Наряду съ прежними курсами и изслѣдованіями по русской истории, которыя постоянно выходятъ новыми изданиями (Платонова—«Лекции по Русской истории», его же «Очерки по истории Смуты», «Статьи по Русской истории», Владимірскаго-Буданова «Обзоръ истории русскаго права», М. А. Дьяконова, «Очерки госуд. и общ. строя древней Руси»), появилось и нѣсколько новыхъ; изъ нихъ отмѣтимъ Любавскаго К. М., «Лекции по древней русской истории до конца XVI в.». (Москва, 1915 г. 2 р. 50 к.), внѣшне и внутренне связанныя съ его же «Очеркомъ истории Литовско-Русскаго государства до Люблинской унии включительно» (М. 1910 г. 2 р. 50 к.), который, однако, представляетъ большую цѣнность, такъ какъ опирается на самостоятельное изслѣдованіе автора. «Лекции» приурочены для слушателей, изучающихъ Русскую Историю по Ключевскому, на оригинальность не претендуютъ и добросовѣстно знакомятъ съ существующими въ наукѣ теоріями по различнымъ вопросамъ. Тѣми же особенностями отличается и 1-й томъ «Русской Истории» проф. Б. Багалѣя (М. 1914 г. 2 р.). Оба автора большое вниманіе удѣляютъ первобытнымъ древностямъ славянскимъ и русскимъ, но въ этомъ случаѣ они лишь слѣдуютъ доброму примѣру извѣстнаго историка М. Грушевскаго, который извлекъ изъ своей «Исторіи Украинской Руси» и выпустилъ на русскомъ языкѣ отдѣльнымъ томомъ книгу подъ заглавіемъ «Кіевская Русь» т. I. Введение. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства (СПб. 1911 г. 3 р.) и цѣлкомъ посвятилъ ее изложенію данныхъ географіи, археологии, лингвистики, фольклора, этнологіи и социологіи по первоначальной исторіи восточныхъ славянъ. Здѣсь же необходимо указать и усиленно рекомендовать вниманію читателей небольшую, но весьма содержательную книжку академика А. А. Шахматова—«Введение въ курсъ истории русскаго языка» (Прг. 1916 г. 1 р. 50 к.), гдѣ также трактуется на основаніи данныхъ лингвистики вопросъ о начальныхъ временахъ славянства и о разселеніи племенъ¹. Другая книга А. А. Шахматова «Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ» (СПб. 1908 г.)—одна изъ классическихъ и необходимыхъ работъ по Русской Истории. Отмѣтимъ еще для Кіевской Руси—А. Е. Прѣснякова., «Княжое право древней Руси» (1909 г. 2 р.) и М. Приселкова.

¹ См., кромѣ того, его же «Очеркъ древнѣйшаго періода истории русскаго языка». Изд. И. Ак. Наукъ (Прг. 1915 г. Ц. 2 р.). Введение, стр. III—L и посмертное издание лекцій по «Исторической географіи». С. М. Середонина. Прг. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

«Очерки по церковно-политич. истории Киевской Руси X—XII вв. (СПБ. 1913 г. 2 р. 50 к.).

Изъ отдѣльныхъ монографій по истории Московскаго государства особаго вниманія заслуживаетъ двухтомный трудъ московскаго профессора М. М. Богословскаго «Земское самоуправление на русскомъ сѣверѣ въ XVII в. (М. т. I 1909 г. и т. II 1912 г. За оба тома цѣна 4 р.). Своеобразіе природныхъ условий русскаго сѣвера въ связи съ особенностями его истории, создали оригинальныя формы общественнаго быта, изученію которыхъ и посвящена указанная выше книга, талантливо и живо написанная, богато-документированная и чрезвычайно важная для пониманія общественныхъ отношеній не только Московскаго государства, но и древней Руси. Рядомъ съ этой работой слѣдуетъ отмѣтить и только что вышедшій въ двухъ томахъ чрезвычайно цѣнный трудъ С. Веселовскаго «Сошное письмо». Изслѣдованіе по истории кадастра и посощнаго обложения Московскаго государства (М. т. 1915 г.—3 р. т. II 1916 г.—5 р.). О немъ необходимо поговорить въ отдѣльной рецензії. Мы не указываемъ большого количества специальныхъ работъ по экономической истории Новгорода позднѣйшаго періода (изслѣдованія Яницкаго, Гнѣвушева, Грекова и др.) въ виду малой доступности ихъ для не-специалистовъ, но отмѣтимъ небольшую книжку г-жи И. Любименко, «Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англїей» вып. I. XVI в. (Юрьевъ. 1912 г. 1 р.), заполняющую большой пробѣлъ въ этой области, которая представляетъ обширное поле для новыхъ изслѣдованій. Киевскій профессоръ Довнаръ-Запольскій недавно сдѣлалъ попытку дать связную «Исторію русскаго народнаго хозяйства» (т. I. Киевъ. 1911 г.), но попытка эта настолько изобилуетъ крупными недочетами и ошибками, что едва ли можно рекомендовать ее читателю (см. рецензію М. Н. Покровскаго въ «Голосѣ Минувшаго», 1913 г. июнь, стр. 270—282).

Для истории раскола большое значеніе имѣетъ изслѣдованіе проф. Н. О. Каптерева «Патриархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ» (т. I, изд. 2-е, 1909 г. Ц. 3 р., т. II. 1912 г., ц. 3 р.). По истории Малороссіи можно указать цѣлый рядъ работъ — Грушевскій, С. М. «Исторія Украинскаго казачества до соединенія съ Московскимъ Государствомъ. Т. I. СПБ. и Киевъ. 1913 г. Ц. 2 р. 50 к. Его же «Иллюстрированная исторія Украины»: Изд. «Просвѣщеніе». 1913 г. Ц. 3 р. 50 к. Его же «Очерки ист. Украинскаго народа». Изд. 3-е. Киевъ. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к. А. Я. Ефименко — «Исторія украинскаго народа», вып. 1 и 2. СПБ. 1906 г. Изд. Брокгаузъ-Ефрона. Ц. 3 р. Василенко, Н. П.—«Очерки по истории Зап. Руси и Украины». Киевъ. 1915 г. Ц. 2 р. 50 к.

О новостяхъ по истории Россіи XVIII и особенно XI в.—въ другой разъ.

А. К—въ.

* * *

Земля. Сборникъ восемнадцатый. М. Арцыбашевъ.—Раба. В. Винниченко.—Хочу! М-ское книгоиздательство. 1916. Ц. 2 р.

Вышло уже восемнадцать сборниковъ «Земля»,—количество, казалось бы, достаточное для того, чтобы опредѣлился литературный обликъ этого издания. Однако, и до сихъ поръ совершенно неясно, что хотять внести въ жизнь руководители Московскаго Книгоиздательства. Арцыбашевъ и Чириковъ, Винниченко и Бунинъ, Купринъ и Рукавишниковъ, Федоръ Сологубъ и Крашенинниковъ—пріемлются здѣсь одинаково. Справедливость требуетъ указать, что Бунинъ, Зайцевъ, Серафимовичъ и нѣкоторые другіе писатели постепенно сходятъ со страницъ Земли, и ихъ мѣсто занимаетъ Арцыбашевъ, помѣщающій свои произведения почти въ каждомъ выпускѣ.

Въ данномъ сборникѣ два неравноцѣнныхъ произведенія. Въ одномъ—надоѣвшій всѣмъ перепѣвъ любимыхъ арцыбашевскихъ «идей» и обязательная для этого писателя сцена оболщения, въ другомъ—попытка сказать что-то новое, свое, подойти къ изображенію новаго человека, поставить по новому старые вопросы—о волѣ къ жизни, о «голось крови» и многомъ другомъ.

Мы не будемъ утомлять читателей пересказомъ арцыбашевской повѣсти и приведемъ лишь основную мысль ея, выраженную однимъ изъ героев, докторомъ Мозжухинымъ, съ исчерпывающей полнотой. «...Женщина всегда была и будетъ рабой мужчины,—разглагольствуетъ докторъ при первой же встрѣчѣ со своей будущей женой,—сколько жили люди, а женщина всегда готовила себя въ жены, подруги мужчины, въ матери новыхъ работниковъ на житейской нивѣ... Передовыя женщины... никогда не имѣли своей собственной идеи, а покорно и самоотверженно слѣдовали за мужчи-

ной... Мужчина можетъ воодушевиться и взойти на Голгофу, а женщина пойдетъ только за любимымъ мужчиной. Это рабство, но рабство красивое, святое, и въ немъ, только въ немъ, весь смыслъ женской жизни... Исчезнетъ женщина-раба—и въ человѣческой жизни исчезнетъ вся красота, нѣжность, поэзія!...»

Повѣсть написана на эту, давно заданную Арцыбашевымъ самому себѣ тему. Какъ и полагается, героиня оказывается рабой то своего мужа, то своего любовника, то своихъ дѣтей. Нечего говорить о художественности этой холодно-чувственной, разсудочно-эротической вещи. Вся она шита бѣлыми нитками. Хуже всего то, что читателю съ самаго начала все уже дѣлается яснымъ: предъ вами дѣвушка, мечтающая о курсахъ; но вотъ является докторъ, и вамъ ясно, что дѣвушка должна принадлежать ему; она становится женой доктора, но... является новый докторъ, и вамъ очевидно, что героиня должна съ нимъ измѣнить мужу, и т. д. У г. Арцыбашева выработался готовый штампъ, и написать еще одну повѣсть или драму въ томъ же родѣ ему ничего не стоитъ...

По оголенности, беззащитности и циничности «идей» «Раба» выдѣляется даже среди другихъ арцыбашевскихъ вещей. Невѣроятной наглостью звучитъ уже цитированное заявленіе, вложенное г. Арцыбашевымъ въ уста своего героя, но подтверждаемое всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ разсказа о томъ, что женщина вообще раба мужчины и что русская женщина жертвовала жизнью, шла въ Сибирь, безропотно погибала только во имя половой любви. Этимъ утвержденіемъ женщина низводится на положеніе самки, неспособной подняться до пониманія общественнаго долга, общественной работы.

Мы знаемъ въ нашей литературѣ примѣры гадкихъ памфлетовъ, лжи-

выхъ доносовъ на общественнаго дѣятеля и революционера, но мы не ожидали, что г. Арцыбашевъ, недавній сотрудникъ демократическихъ изданій и авторъ соответствующихъ рассказовъ, такъ быстро падеть до пасквиля на женщину-общественнаго дѣятеля. Въ разбираемой повѣсти эта нота звучитъ вполне опредѣленно, вызывающе, и получаетъ свое законченное выражение въ карикатурномъ изображении курсистки Зины.

Женщина—или раба, или пародія на чловѣка,—вотъ, что хочетъ сказать бывшій писатель, г. Арцыбашевъ.

Склонность къ темамъ эротическаго характера всегда проявлялъ и г. Винниченко. Но этотъ авторъ всегда стремится къ реформѣ, даже революции, какъ въ вопросахъ пола, такъ и въ вопросахъ социальныхъ. Почти въ каждомъ своемъ произведении г. Винниченко стремится поставить какую-либо проблему и по своему разрѣшить ее. Въ его творчествѣ нѣтъ застоя, статичности, которая такъ отличаетъ его товарища по сборнику, г. Арцыбашева. Онъ смѣло беретъ за большія темы, которыя были бы, быть можетъ, по плечу писателю съ талантомъ Достоевскаго, и удачно или неудачно вытается художественно разрѣшить ихъ въ дѣйстви, въ образахъ.

Въ своемъ романѣ Винниченко изображаетъ молодого русскаго поэта, Андрея Халепу, украинца по происхожденію, пресытившагося жизнью петербургской литературной богемы, ея нравственнымъ снобизмомъ и нашедшаго, послѣ неудачной попытки самоубійства, душевный миръ и силу въ идеяхъ освобожденія труда и освобожденія родного народа. Но суть романа и возрожденія Халепы не столько въ этихъ идеяхъ «отворченія» и освобожденія труда, сколько въ утвержденіи необходимости для каждаго чловѣка яркаго сильнаго хотѣнія, утвержденія своего «я» въ мірѣ черезъ свою волю. Не новы эти идеи въ философіи, нова только попытка

положить ихъ въ основу художественнаго произведенія въ столь примитивной и прямолинейной формѣ. Слабость формы, между прочимъ, и въ томъ, что основныя мысли автора не постигаются изъ дѣйствій его героевъ, скорѣе наоборотъ, а излагаются въ двухъ письмахъ, своего рода манифестахъ Халепы къ героинѣ романа, у которой вся воля направлена на уловление поэта въ свои сѣти.

Первое изъ писемъ написано до покушенія—пессимистическое, второе послѣ покушенія и оптимистическое. Въ первомъ онъ даетъ оцѣнку своей никчемной, ненужной, скучной жизни петербургскаго литератора изъ «Бродячей Собаки» и, раздѣливъ всѣхъ людей на «клоповъ», хранящихъ въ себѣ трепеть передъ Непостижимымъ и могучій инстинктъ жизни, на «боговъ», отказавшихся отъ своихъ прежнихъ кумировъ, и, наконецъ, клоповъ, у которыхъ нѣтъ ничего святого, но которые, тѣмъ не менѣе притворяются, будто бы во что-то вѣрятъ,—Халепу себя и своихъ знакомыхъ литераторовъ относитъ къ клопамъ. Въ изображеніи Халепы—Винниченки, изображеніи, слишкомъ одностороннемъ и обобщающемъ,—право же не вся русская литература помѣстилась въ подвалѣ «Бродячей собаки»,—русскіе писатели—«лѣтнівые бездѣльники, шарлатаны, ремесленники, для которыхъ «самое важное—деньги»; это «стоячіе пруды», покойные, когда кругомъ тихо, бурливые и гнѣвные, когда во кругъ все волнуется, темные, когда кругомъ ночь.

Второе письмо написано уже выздоровѣвшимъ поэтомъ—здѣсь-то и утверждается идея хотѣнія, идея воли, безъ которой и жить не стоитъ. Халепу нашелъ, чего хотѣть—освобожденія труда своихъ родныхъ, близкихъ ему теперь украинцевъ. Перерожденіе героя мало мотивировано. Оно удивляетъ, но въ него не вѣришь, такъ какъ происходитъ оно подъ влияніемъ однихъ разговоровъ съ нѣкимъ Сосенкой.

яримъ украинцемъ, ненавидѣвшимъ вначалѣ поэта за его невольное ренегатство.

Халепа пишетъ: «Законъ жизни, всякой—человѣка, микроба, клопа и планеты (?): хотѣние. «Хочу»,—вотъ что поетъ, звенитъ, вопитъ и всячески проявляетъ себя въ природѣ... Кто не можетъ хотѣть, тотъ не можетъ жить...»

Какъ всегда, Винниченко остро и сильно подходитъ къ темѣ, и, какъ всегда, къ концу повѣсти не можетъ сохранить этой силы: Халепа провозглашаетъ: «хочу!», и смѣшонъ въ своихъ жалкихъ попыткахъ упражненія воли путемъ самогипнотическихъ сеансовъ съ фиксацией взгляда на носкъ своего сапога, со своими невразумительными разговорами съ рабочими и неудачными попытками сочинять украинскіе стихи. Далеко ярче, послѣдовательнѣе, законченнѣе изображена поэтесса Лида, эта жрица свободной любви, возжелѣющая къ Халепѣ и расплачивающаяся своимъ тѣломъ за критическія о ней статьи. Здѣсь Винниченко находитъ достаточно словъ и красокъ, чтобы сдѣлать ее живой, тогда какъ Халепа такъ и остается резонерствующимъ манекеномъ. Вполнѣ понятно поэтому, что въ тотъ моментъ, когда авторъ уже совершенно безнадежно запутался со своимъ героемъ, явно не оправдавшимъ авторскихъ надеждъ, очень кстати началась война, на трехъ страничкахъ окончившая съ «вопросами», для разрѣшенія которыхъ оказалось недостаточно предыдущихъ шестнадцати печатныхъ листовъ...

Ад. Б.

Романъ Ролланъ. Жанъ - Кристофъ. Ярмарочная площадь. К-во «Прометей». Ц. 1 р. 25 к.

Книга служить продолженіемъ первыхъ четырехъ томовъ «Жана-Кристофа», вышедшихъ въ свѣтъ нѣскольکو лѣтъ назадъ. Пятый томъ посвященъ описанію перваго періода парижской жизни Ж. Кристофа. Принужденный бѣжать изъ Германии, Ж. Кристофъ приѣзжаетъ въ Па-

рижъ. Безъ средствъ, безъ связей онъ ведетъ здѣсь жизнь полуголодной «богеми», у которой мало денегъ, но много гордости. Его профессія учителя музыки даетъ ему возможность знакомиться съ весьма разнообразными слоями парижскаго общества, его молодая любознательность открываетъ передъ нимъ всѣ области французскаго искусства, а смѣлый умъ и неиспорченный нѣмецкій вкусъ даютъ возможность взглянуть со стороны на всѣ цѣнности французской культуры и оцѣнить по достоинству ихъ качества. Правда, въ этомъ ему весьма и весьма помогаетъ самъ авторъ. Почти половина романа посвящена подробному анализу современнаго положенія французской музыки, театра, литературы, живописи, политической и общественной жизни, причемъ всюду за спиною героя совершенно явственно виденъ самъ авторъ. Это разрушаетъ художественную цѣнность романа, замедляетъ его развитіе, придавая повѣствованію характеръ тенденціозной публицистики—но сами по себѣ эти отступления чрезвычайно интересны и знаменательны. Они совсѣмъ не нужны Ж. Кристофу и мало чѣмъ дополняютъ его и безъ того полновѣсный обликъ, но совершенно необходимы для пониманія самого Р. Роллана, и, въ частности, той одинокой позиціи, какую онъ занимаетъ теперь во Франціи.

Весьма подробное знакомство молодого Ж. Кристофа, иначе говоря, самого Р. Роллана, съ парижскимъ буржуазнымъ обществомъ и его прославленной культурой, приводитъ и того и другого къ весьма пессимистическимъ выводамъ. Слова «вырождение», «всеобщее разложеніе», «тлѣніе», то и дѣло пестрятъ на страницахъ книги. Нѣтъ ни одной области жизни и творчества, куда не проникало бы уже разложеніе; всѣ,—отъ послѣдней проститутки до министра изъ социалистовъ,—заражены ядомъ застоявшейся, отживающей, слишкомъ утонченной, слишкомъ безкровной, насквозь лживой куль-

туры, и надъ всѣми ими, обреченными, стоитъ угроза новаго социального переворота.

Съ острымъ ланцетомъ въ рукѣ, съ болью и негодованіемъ въ сердцѣ стоитъ авторъ надъ трупомъ разлагающейся «прекрасной Франціи», и страницы его книги, посвященныя парижской буржуазии,—одно изъ самыхъ жестокихъ обвиненій, какія ей приходилось когда-либо слышать,—обвиненій, тѣмъ болѣе неотразимыхъ, что они брошены ей въ лицо такимъ искреннимъ и мужественнымъ талантомъ, какъ Р. Ролланъ.

Франція знала ехидную усмѣшку Вольтера, грубоватый сарказмъ Раблэ, иронию А. Франса, но столь пламенный и благородный гнѣвъ, «святую ненависть» свободнаго гражданина, бичующаго пороки дорогой ему родины—она видитъ впервые. Немудрено, что при первой же возможности разъяренная его нападками буржуазія постаралась жестоко ему отомстить, и, воспользовавшись временемъ войны, поспѣшила зажать Р. Роллану ротъ, организовавъ противъ него систематическую травлю, обвиняя его во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ, и чуть что—не въ шпионствѣ въ пользу Германіи. И все лишь за то, что въ моментъ опьяненія шовинистическимъ угаромъ онъ одинъ посмѣлъ поднять голосъ въ защиту гуманности и культуры.

Единственный классъ, къ которому авторъ въ своемъ романѣ относится съ сочувствіемъ, — это классъ трудящихся, простыхъ людей, но, къ сожалѣнію, въ разсматриваемой книгѣ ему удѣлено мало мѣста. Въ общемъ, помимо высокой художественной цѣнности, вполне достойной такого огромнаго мирового таланта, какъ Р. Ролланъ, романъ имѣетъ также большое общественное значеніе, особенно важное теперь, когда подъ влияніемъ мировой войны происходятъ перестройки многихъ национальныхъ и классовыхъ цѣнностей.

Не имѣя подъ рукой подлинника,

не берусь судить о точности перевода, но съ точки зрѣнія русскаго языка—переводъ г-жи Даманской не заслуживаетъ упрековъ.

А. Серебровъ.

Джекъ Лондонъ «Желѣзная пята», «Звѣздныя скитанія».

Рабство человѣческое и бунтъ человѣка—вотъ тема двухъ только что переведенныхъ произведеній Джека Лондона—«Желѣзная пята» и «Звѣздныя скитанія», первое изъ которыхъ появилось въ оригиналѣ еще въ 1906 году...

Самое страшное для человѣка—это человѣкъ. Стара и банальна эта истина—быть можетъ, единственная, относящаяся къ категории незблѣмыхъ и вѣчныхъ,—но вѣдь въ томъ-то и состоитъ отличный признакъ таланта, чтобы сказать старое такъ, что оно кажется новымъ. Это и дѣлаетъ Лондонъ въ «Желѣзной пятѣ»—социально-утопическомъ романѣ, повѣствующемъ о судьбѣ человѣчества въ серединѣ 20 вѣка.

Джекъ Лондонъ—американецъ. мѣсто дѣйствія его романа—Соединенные Штаты. Это поучительно и показательно. Мы привыкли думать, что величавая струя свободы, бросающаяся въ глаза пассажирамъ океанскихъ кораблей задолго до прибытія въ Ньюйоркскую гавань—является символомъ этой страны, гдѣ такъ пышно расцвѣлъ культъ свободнаго человѣка. Но вотъ, — рассказываетъ Лондонъ, — что-то странное случилось съ этимъ человѣкомъ, со свободнымъ американскимъ гражданиномъ. Призрачнымъ маревомъ, насмѣшливымъ миражемъ оказалась его свобода. Головокружительно быстро, неожиданно и негаданно, человѣчество и, раньше всего, Соединенные Штаты очутились подъ властью сплоченной группы нѣсколькихъ трестовъ, регулирующихъ и контролирующихъ все производство страны, подѣ «Желѣзной пятой» Олигархіи. Исчезли, раздвоенные желѣзной пятой, классы буржуазнаго общества — капиталисты,

мелкіе буржуа, пролетарии, крестьяне—всѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ, стали рабами, жизнью, судьбой, дѣятельностью которыхъ эти нѣсколько — носители Олигархii — распоряжались. Умерла система капиталистическаго хозяйства, основанная на принципѣ свободной конкуренціи, и ей на смѣну пришла система олигархически-государственнаго хозяйства, система, въ которой мѣсто классовъ заняли касты—каста нѣсколькихъ Олигарховъ, немногочисленныхъ чиновниковъ-управителей, каста «Мерценаріевъ»—наемныхъ солдатъ, исполняющихъ функции палачей, каста привилегированныхъ рабочихъ, и, наконецъ, самая многочисленная каста, обнимающая 9,9 всего человѣчества, каста паріевъ-чернорабочихъ, «людей изъ бездны», у которыхъ осталось лишь одно право—право умирать. И такъ жило человѣчество въ теченіе сотенъ лѣтъ...

Вотъ остовъ социальной утопіи Лондона, рѣзко отличающейся отъ типичнаго въ англійской литературѣ социально-утопическаго романа. Начиная съ «Утопіи» Томаса Моруса и кончая произведеніями Морриса, Беллами, Блечфорда, Уэльса—сбѣ одномъ говорить не только англосаксонская, но и всемірная социально-утопическая беллетристика, о новомъ, идеальномъ, социальномъ строѣ, пришедшемъ на смѣну капитализму. Лишь въ деталяхъ своихъ разнятся многочисленныя попытки социального предвидѣнія, но онѣ всѣ схожи въ главномъ, всѣ онѣ роднятся увѣренностью, что въ ближайшемъ будущемъ человѣчество вступитъ въ новую эру—эру жизни подъ знакомъ социальной справедливости.

Да, отвѣтъ этотъ находится. Онъ явственно звучитъ со страницъ второго изъ разбираемыхъ романовъ Лондона.

«Звѣздныя скитанія», — романъ почти безъ фабулы. Профессоръ Даррель Стэндингъ совершаетъ убійство. Его приговариваютъ къ пожизненному тюремному заключенію. Человѣкъ сильной воли и свободного духа, онъ не хочетъ смириться, превратиться въ жалкаго раба, примириться съ правомъ общества лишить его свободы, предавать его наказанію, онъ не хочетъ признать института власти и государства. И силой духа своего, воли своей онъ взламываетъ крѣпкую дверь своей одиночной камеры, на каменномъ полу камеры лежитъ лишь изможденное, безсильное, предаваемое ежедневно тягчайшимъ

пыткамъ—тѣло его, духъ же свободно носится въ мировомъ пространствѣ, переживаетъ въ секунду тысячи жизней, ибо «человѣческий духъ выше тѣла, выше всего на свѣтѣ!», ибо «духъ неуязвимъ, какъ мечъ, такъ и веревка одинаково безсильны противъ него». Ежедневно затягиваютъ тюремные палачи Даррела Стэндинга въ «смирительную куртку»—одинъ изъ жесточайшихъ способовъ пытки, но изъ самой пытки дѣлаетъ онъ способъ освобождения, колоссальнымъ напряженіемъ воли доводитъ свое омертвѣвшее въ смирительной курткѣ тѣло до «малой смерти», и отъ него остается лишь духъ, для котораго тюрьмы не существуетъ. Въ концѣ концовъ, его казнятъ, но и висѣлица не страшна для него, смерти нѣтъ, есть лишь смѣна различныхъ оболочекъ одного и того же вѣчнаго духа.

Можно такъ или иначе относиться къ философской сторонѣ этого романа, можно со скептической улыбкой подойти къ развиваемой Лондономъ теории перевоплощенія, находящей, кстати сказать, поистинѣ блестящее художественное выявленіе въ романѣ,—но одно нужно признать: поразительно ярко намѣтилъ писатель въ «Звѣздныхъ скитаніяхъ» основные тезисы и антитезисы своего мировоззрѣнія.

Съ тезисомъ мы уже знакомы изъ «Желѣзной пяты». Это все то же, извѣстное и непереходящее рабство человѣческое. Но въ «Звѣздныхъ скитаніяхъ» о немъ рассказано краснорѣчивѣе, убѣдительнѣе, страшнѣе, чѣмъ въ первомъ романѣ. Въ «Желѣзной пятѣ» писатель облачается въ тогу безстрастнаго дѣтописца, подходитъ къ своему тезису, какъ изслѣдователь-соціологъ, не проклинающій, не обличающій, а изучающій и показывающій. Другое дѣло «Звѣздныхъ скитаній». Центръ тяжести этого произведенія не въ его философской и даже не въ художественной сторонѣ. Пафосъ обличенія своего, силу сарказма, размахъ гнѣва писатель концентрируетъ на

конкретной иллюстраціи закона о человѣческомъ рабствѣ—на фактѣ существованія смертной казни, узаконеннаго убійства. «Послѣдній день осужденнаго» и «Клодъ Ге» Гюго, страницы изъ «Идиота» вспоминаются при чтеніи кровью написаннаго романа Лондона, и если не по силѣ художественнаго таланта, то, во всякомъ случаѣ, по силѣ вложеннаго страданія и живого чувства—«Звѣздныхъ скитаній» смѣло могутъ быть сравниваемы съ указанными произведеніями.

... (одинъ изъ многочисленныхъ раннихъ псевдонимовъ Чехова) — цѣликомъ. Не отдѣлимъ ихъ отъ Антона Чехова!... Вотъ этого ужъ никакъ нельзя простить даже самому восторженному поклоннику Чехова. Поступивъ такъ, мы совершили бы величайшій грѣхъ передъ памятью Чехова, который съ превеликой грустью вспоминалъ о «пестрой полосѣ» комаровъ и мухъ... Собира-телю материаловъ о Чеховѣ должны быть извѣстны хоть-бы слѣдующія скорбныя строки (изъ письма къ Григоровичу): «Если у меня есть даръ, который слѣдуетъ уважать, то каюся передъ чистотой Вашего сердца, я доселѣ не уважалъ его... За пять лѣтъ моего шатанья по газетамъ я успѣлъ проникнуться общимъ взглядомъ на свою литературную мелкость».. Можно привести и другія, аналогичныя цитаты. Мы полагаемъ, что «Человѣкъ безъ слезинки» — самъ по себѣ, а большой и печальный Антонъ Чеховъ — самъ по себѣ. Ихъ нельзя отождествлять, нельзя смѣшивать другъ съ другомъ. Этого требуетъ литературный вкусъ и здравая логика. Иное дѣло — собрать всѣ его мелочи и шутки безъ всякой претензии на ихъ высокое историко-литературное значение, просто изъ безкорыстной любви къ родному писателю, и послать ихъ въ Чеховскій домъ, который находится въ Таганрогѣ. Такъ поступили во Франціи съ «мелочами» Золя, Додэ, бр. Гонкуръ, Флобера и пр. Такъ поступилъ московскій кружокъ съ «мелочами» Л. Н. Толстого. Такая работа и нужна, и полезна. Но... собрать мелочь въ книгу, назвавъ ее неизданными страницами Чехова, и продавать по 1 р. 25 к. — сами посудите, — какъ-то неловко.

Мих. Левидовъ.

Юрій Соболевъ. Антонъ Чеховъ. Неизданныя страницы. К-во «Сѣверные дни». Москва. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ошибка г. Соболева заключается въ томъ, что онъ слишкомъ переоцѣнилъ какъ трудъ «собираателя писательскихъ документовъ юнаго Чехова», такъ и самые эти документы. Вѣдь по собственному его, г-на Соболева, признанию, «эти мелочи и шутки, взятые изъ «Будильника», «Развлеченія», «Зрителя» и «Осколковъ», не могутъ, разумѣется, служить характеристикой творчества Чехова. Къ представлению о немъ, какъ о художникѣ, онъ прибавляють немного»...

Въ другомъ мѣстѣ почтенный авторъ торжественно приглашаетъ читателя подойти къ «этой пестрой полосѣ ранняго творчества Чехова не съ осужденіемъ, а съ вниманіемъ и любовью»... За приглашеніе — спасибо! Но трудъ это напрасный... Никто теперь и не думаетъ осуждать Чехова за то, что онъ прошелъ столь тяжелый литературный путь. Послѣ того, что всѣмъ стало извѣстно изъ писемъ самого Чехова, изъ многочисленныхъ статей и воспоминаній писателей и критиковъ объ этомъ мучительномъ для покойнаго писателя періодѣ, такое заявленіе «собираателя материаловъ» кажется по меньшей мѣрѣ излишнимъ. Однако, все это еще съ поль-бѣды, ибо все это можно объяснить чрезвычайной, восторженной любовью г. Соболева къ Чехову. Но и въ любви есть мѣра. «Примемъ, — восклицаетъ восторженно г. Соболевъ, — Антошу Чехонте и «Человѣка безъ слезинки»

... (одинъ изъ многочисленныхъ раннихъ псевдонимовъ Чехова) — цѣликомъ. Не отдѣлимъ ихъ отъ Антона Чехова!... Вотъ этого ужъ никакъ нельзя простить даже самому восторженному поклоннику Чехова. Поступивъ такъ, мы совершили бы величайшій грѣхъ передъ памятью Чехова, который съ превеликой грустью вспоминалъ о «пестрой полосѣ» комаровъ и мухъ... Собира-телю материаловъ о Чеховѣ должны быть извѣстны хоть-бы слѣдующія скорбныя строки (изъ письма къ Григоровичу): «Если у меня есть даръ, который слѣдуетъ уважать, то каюся передъ чистотой Вашего сердца, я доселѣ не уважалъ его... За пять лѣтъ моего шатанья по газетамъ я успѣлъ проникнуться общимъ взглядомъ на свою литературную мелкость».. Можно привести и другія, аналогичныя цитаты. Мы полагаемъ, что «Человѣкъ безъ слезинки» — самъ по себѣ, а большой и печальный Антонъ Чеховъ — самъ по себѣ. Ихъ нельзя отождествлять, нельзя смѣшивать другъ съ другомъ. Этого требуетъ литературный вкусъ и здравая логика. Иное дѣло — собрать всѣ его мелочи и шутки безъ всякой претензии на ихъ высокое историко-литературное значение, просто изъ безкорыстной любви къ родному писателю, и послать ихъ въ Чеховскій домъ, который находится въ Таганрогѣ. Такъ поступили во Франціи съ «мелочами» Золя, Додэ, бр. Гонкуръ, Флобера и пр. Такъ поступилъ московскій кружокъ съ «мелочами» Л. Н. Толстого. Такая работа и нужна, и полезна. Но... собрать мелочь въ книгу, назвавъ ее неизданными страницами Чехова, и продавать по 1 р. 25 к. — сами посудите, — какъ-то неловко.

Д. Волковъ.

Записки декабриста И. И. Горбачевского. Съ приложениями и вступительной статьей Б. Е. Сыроѣчковскаго. Издане т-ва «Задруга». М. 1916. Стр. XXIV + 323. Цѣна 2 р.

«Записки» И. И. Горбачевского принадлежатъ къ числу важнѣй-

ших первоисточниковъ по истории заговора декабристовъ.. Хотя читатель не найдетъ въ нихъ общей картины движения, но зато отдѣльные моменты его, о которыхъ говорится въ запискахъ, описаны съ полнотой и добросовѣстностью почти научнаго изслѣдованія. Однимъ изъ такихъ отдѣльных моментовъ у Горбачевского является «Общество соединенныхъ славянъ» и переговоры между нимъ и «Южнымъ обществомъ», закончившиеся, какъ извѣстно, слиянiемъ этихъ организаций. Подробности этихъ переговоровъ и вообще всей дѣятельности общества изложены Горбачевскимъ съ исчерпывающей полнотой и, уже по одному этому «Записки» представляютъ собою большую цѣнность; именно история «Общества соединенныхъ славянъ» является наименѣе обслѣдованнымъ уголкомъ въ общей истории декабристовъ.

Кромѣ этого, въ «Запискахъ» подробно излагается рядъ другихъ эпизодовъ, напримѣръ, бунтъ Черниговскаго полка, заговоръ Сухинова на Нерчинскихъ заводахъ и пр.

«Записки» Горбачевского впервые появились въ 1882 г. въ «Русскомъ Архивѣ» и съ тѣхъ поръ не были переизданы. Такимъ образомъ, онѣ были недоступны для широкихъ круговъ читающей публики. Это особенно заставляетъ привѣтствовать изд-во, выпустившее ихъ, наконецъ, въ свѣтъ изъ мрака незаслуженнаго забвенія. Хорошо также и то, что въ настоящемъ изданіи восстановлены пропуски, сдѣланные редакторомъ «Русскаго Архива» И. И. Бартевымъ вслѣдствіе цензурныхъ затрудненій. Такимъ образомъ, въ настоящемъ изданіи «Записки» впервые являются на свѣтъ полностью.

Кромѣ «Записокъ», въ книгу вошли: статья Горбачевского объ И. И. Сухиновѣ, два разсказа Горбачевского (въ передачѣ П. И. Першина-Каракарскаго; были ранѣ напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ»), три письма Горбачевского къ М. А. Бестужеву и одиннадцать писемъ его къ кн. М. А. Оболенскому.

Весь этотъ материалъ также представляетъ значительную цѣнность, тѣмъ болѣе, что кое-что изъ него, напр., два письма къ М. А. Бестужеву, появляется впервые. И нельзя только не пожалѣть, что редакторомъ сдѣланы въ письмахъ сокращения и, повидимому, довольно значительныя. Намъ кажется, что въ подобныхъ случаяхъ соображенія объ экономіи мѣста не должны играть рѣшающей роли.

Помимо исторической цѣнности, «Записки» Горбачевского представляютъ немалую цѣнность въ чисто художественномъ отношеніи. Можно смѣло сказать, что среди нашей мемуарной литературы онѣ въ этомъ отношеніи занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Горбачевскій обладалъ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Сжатость слога, еще болѣе отгнѣняющая яркость фигуръ, изображаемыхъ авторомъ, наконецъ, горячее воодушевленіе, проникающее «Записки» отъ первой и до послѣдней страницы — все это увлекаетъ читателя и доставляетъ ему большое художественное наслажденіе.

Вступительная статья Б. Е. Сыроѣчковскаго, недурно написанная, сообщаетъ читателю рядъ биографическихъ фактовъ о Горбачевскомъ и является необходимымъ введеніемъ къ «Запискамъ». Прежде, чѣмъ приступить къ чтенію «Записокъ», читателю, конечно, слѣдуетъ ближе познакомиться съ фактической стороной жизни этого одного изъ интереснѣйшихъ дѣятелей «Молодой Россіи».

Леонидъ Старкъ.

Л. Н. Пыпинъ. Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. Изд. «Огни». Петроградъ, 1916 г. Цѣна 4 рубля.

Литературное наследство А. Н. Пыпина, погребенное въ старыхъ книжкахъ журналовъ и незаслуженно забытое, дождалось, наконецъ, своего переизданія. Передъ нами 1-й томъ «Исслѣдованій и статей по эпохѣ Александра I», посвящен-

ный религиознымъ движениямъ. Эти работы покойнаго академика, равно какъ и другія, намѣченные для 2-го тома настоящаго изданія, непосредственно примыкають къ его классической и всѣмъ извѣстной монографіи «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I» и подобно ей до сихъ поръ не утратили своей цѣнности, несмотря на то, что написаны онѣ чуть ли не полвѣка тому назадъ. Правда, за это время историческая наука ушла значительно впередъ и, наряду съ открытіемъ и разработкой новыхъ материаловъ, произвела переоцѣнку отдѣльныхъ событий и лицъ Александровской эпохи, въ томъ числѣ и личности самаго Александра I, но все-же основныя черты эпохи, какими онѣ представляются въ изложеніи Пыпина, остаются до сихъ поръ непоколебленными.

Значительную часть разсматриваемаго тома составляетъ обширное изслѣдованіе «Россійское Библейское Общество» (1812—1826)—единственная и теперь по обстоятельности и полнотѣ исторія Общества. Если читатель не испугается объема этой монографіи и, преодолевъ нѣкоторую растянутость и старомодность изложения, прочтетъ ее до конца, то онъ нисколько не пожалѣетъ о потраченныхъ усилияхъ и подѣ приведеннымъ выше мало говорящимъ заголовкомъ найдетъ богатство содержанія, далеко выходящее за предѣлы исторіи этого Общества. Достаточно сказать, что въ послѣдней мы встречаемся съ такими крупными дѣятелями эпохи, какъ Александръ I, графъ Аракчевъ, архимандритъ Фотій, Магницкій, Шишковъ, князь Голицынъ и др.

Да и судьба самаго Общества, пересаженнаго къ намъ изъ Европы, любопытна и поучительна. Общество существовало и процвѣтало, пока власть была къ нему благосклонна, оказывая ему въ лицѣ городничихъ, капитанъ-исправниковъ и благочин-

ныхъ усиленное содѣйствіе, но когда въ «сферахъ» наступило охлажденіе къ библейскому дѣлу,—«Общество стало какъ бы внѣ закона» и «тѣ же самыя вещи, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ публично называемы были дѣйствіемъ Божественной Десницы, знакомъ особенной милости Провидѣнія, благословеніемъ для всего русскаго народа, стали вдругъ называться крайнимъ вредомъ и подкапываньемъ церкви и государства» (стр. 117).

Съ интересомъ прочтутся и остальные статьи сборника — «Г-жа Крюднеръ», «Императоръ Александръ I и квакеры», «Библейская секта двадцатыхъ годовъ». Эскурсы Пыпина въ область религиозныхъ движеній при Александрѣ I, соединенные теперь въ одну книгу, даютъ намъ цѣльную картину реакціонно-мистическихъ увлеченій эпохи. Покойный академикъ умѣлъ выдѣлять даже и въ незначительныхъ эпизодахъ общія типическія черты, не говоря уже о томъ, что въ его работахъ заключается огромное количество фактическаго матеріала, основаннаго на обширномъ знакомствѣ съ литературой и архивными источниками.

Редакторъ изданія Н. К. Пиксановъ отнесся съ большимъ вниманіемъ и любовью къ наслѣдству историка нашей общественности. Въ предисловіи онъ отмѣтилъ значеніе собранныхъ статей Пыпина, а въ концѣ книги далъ подробныя и тщательно составленныя указанія на литературу предмета къ каждой статьѣ А. Н. Пыпина. Кромѣ того, въ концѣ книги мы находимъ нѣкоторыя дополненія въ видѣ отрывковъ изъ источниковъ, неиспользованныхъ покойнымъ академикомъ, и ссылки на документы, о которыхъ онъ не зналъ, когда писалъ послѣднюю изъ указанныхъ выше статей. Приложенъ и указатель личныхъ именъ, всегда полезный и необходимый въ такого рода изданіяхъ.

А. К.—въ.

Д. Заславскій. Ст. Ивановичъ. Кадеты и евреи. (Ст. Ивановичъ. Кадеты и евреи. Д. Заславскій: Евреи и кадеты). Петроградъ '916. 61 стр. Цѣна 50 коп.

Со стороны лѣвыхъ партий по адресу кадетовъ нерѣдко раздаются два взаимно исключаютелыхъ другъ друга обвинения: съ одной стороны, имъ указываютъ, что они лишены опоры въ народныхъ массахъ, а съ другой,—ихъ упрекаютъ въ нежелани дѣйствовать героическими средствами. Ясно, однако, что пользоваться героическими средствами можно лишь тому, у кого подъ ногами широкая демократическая основа. Если партия не въ состояни привести въ движеніе народный «Ахеронтъ», то ей только и остается, что пытаться склонить, уговорить въ свою пользу «небожителей». Въ сложномъ переплетѣ политической жизни такое уговариваніе, такое обращеніе къ силѣ слова имѣетъ свой опредѣленный удѣльный вѣсъ — при томъ, конечно, условно, если слово это, дѣйствительно, сильно, если партия съ достоинствомъ обращается съ своимъ единственнымъ оружіемъ: парламентскимъ дѣйствіемъ. Но этого именно всегда и не хватало кадетской партии. И особенно рѣзко обнаружился этотъ недостатокъ съ началомъ войны, когда кадетамъ померещилось, что они призваны стать спасителями отечества, и когда ради исполненія этой миссии, въ цѣляхъ общенациональнаго единенія, они стали быстро выбрасывать одинъ за другимъ различные пункты своей программы. Въ первую голову при этомъ пострадалъ пунктъ о еврейскомъ равноправіи. Вообще, судьба еврейскаго вопроса въ эволюціи кадетской политики — одна изъ печальнѣйшихъ страницъ и безъ того невеселой истории современнаго русскаго либерализма. Судьбѣ этого вопроса и посвящена статья Ст. Ивановича, прослѣживающая всѣ связанныя съ нимъ зигзаги злополучной партии, попавшей теперь въ цѣпкія объятія Савенко и дру-

гихъ вдохновителей национализма и антисемитизма.

Съ другой стороны подходит къ той же проблемѣ Д. Заславскій. Онъ анализируетъ роль еврейскихъ общественныхъ дѣятелей и ихъ отношеніе къ кадетской политикѣ въ еврейскомъ вопросѣ. Если исключить еврейскій пролетаріатъ, ведущій и здѣсь свою особую линію, то въ орбиту кадетскую оказываются втянутыми не только представители еврейской буржуазии, какъ Слюзбергъ, Винаверъ и пр., но и различныя, стоящая лѣвѣе кадетовъ, группировки. Въ общероссійскихъ вопросахъ эти демократическія группы защищаютъ свои собственные радикальныя, народническія, трудовическія программы, воюя съ кадетами, но въ вопросѣ еврейскомъ они слѣдуютъ покорно за ними и ихъ нищенской политикой, увѣнчавшейся позорной исторіей съ кафаровскимъ запросомъ.

Политическая память рядового читателя газетъ коротка. Не дать дѣйствовать этой—въ другихъ случаяхъ цѣлительной, но въ политическихъ вопросахъ пагубной—силѣ забвенія—задача такихъ брошюръ, какъ реферируемая здѣсь. И съ этой задачей авторы справились удачно.

П. Юшкевичъ.

Инородческая школа. Сборникъ статей подъ общей редакціей Г. Г. Тумима и В. А. Зеленко. Пѣтрг. Изд. Карбасникова. 1916. Цѣна 1 р. 50 к.

Одной изъ наиболѣе оживленныхъ секцій Перваго Всероссийскаго съѣзда по народному образованію (Петроградъ, 1913 г.) была секція по вопросамъ инородческой школы. Въ ней были прочитаны интересныя доклады, приняты резолюціи общественно-педагогическаго характера. Работа этой секціи и положена въ основу сборника объ инородческой школѣ, вышедшаго подъ редакціей Г. Г. Тумима и В. А. Зеленко. Получилась поучительная, и не для однихъ педагоговъ, книга. Въ вопросѣ о родной школѣ отра-

зилась вся политика правящих сфер по отношению къ различнымъ инородцамъ, количество которыхъ, кстати сказать, достигаетъ 57,7% общаго количества населения.

Основной мотивъ почти всѣхъ статей—«русский инородецъ—пасынокъ по отношению къ «коренному населению», а инородческая школа—«болѣзненная кровоточащая рана въ могучемъ организмѣ русскаго государства». И въ книгѣ приведено достаточно фактовъ, чтобы обосновать эти два утверждения.

Въ статьѣ г-жи Русовой «Инородческая школа и ея запросы» данъ сжатый очеркъ положенія современной инородческой школы. Это сплошной мартирологъ. О какой бы национальной школѣ ни заходила рѣчь, вездѣ одна и та же нелѣлая политика принудительной руссификаци, вездѣ обнаруживаются страшные результаты этой слѣпой политики. Тяжко положеніе украинской и бѣлорусской школы, не лучше положеніе польской, эстонской, литовской, латышской и др. школъ. Въ стѣнахъ калмыцкой школы нельзя сказать ни слова на родномъ языкѣ, а провинившемуся «вѣшаютъ на шею билетъ съ надписью: поворить по калмыцки воспрещено, и пострадавшій остается безъ обѣда». Украинской школы — нѣтъ, результаты отъ русской школы среди украинскаго народа получаютъ самые отрицательные, такъ какъ въ ней «преслѣдуется все родное, свое, вѣками созданное, изгоняется прекрасная украинская пѣсня, народный эпосъ, стихи величайшаго поэта Украины, Шевченко, чье имя — цѣлый синтезъ народнаго украинскаго міросозерцанія, запрещается Евангеліе на родномъ языкѣ школьникомъ». Въ другихъ национальныхъ школахъ то же самое.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ, грамотность не только не прогрессируетъ, но и падаетъ. Такъ, въ Прибалтійскомъ краѣ % отношения учащихся къ числу взрослого населенія составляютъ:

Въ 1885 году:	Въ 1898 году:
мальчиковъ 10%	мальчиковъ 8,2%
дѣвочекъ . 9,6%	дѣвочекъ . 6%

1885 годъ,—поясняетъ г. Зеленко, въ статьѣ котораго и приводятся эти данныя,—для Прибалтійскаго края былъ периодомъ перелома, съ котораго въ краѣ началась усиленная руссификація...

Весьма показательныя цифры приводитъ г. Зеленко и относительно грамотности Украины: «На Украинѣ еще въ XVII в. почти всѣ умѣли читать и писать, а въ концѣ XIX столѣтія этотъ край по грамотности уже занимаетъ послѣднее мѣсто. Общій для всей Россіи процентъ интеллигентныхъ людей 1,3%, на Украинѣ 0,5%. Общій процентъ грамотныхъ для всей Россіи по даннымъ переписи 1911 года равенъ 21,2%, а для Украины 9%».

Фактовъ, подобныхъ приведеннымъ выше, въ сборникѣ гг. Тумима и Зеленки можно найти очень много. И мы настоятельно совѣтовали бы ознакомиться съ этой книгой, такъ ярко рисующей одну изъ сторонъ нашей внутренней жизни.

Особенно цѣнно въ сборникѣ то, что въ немъ приведенъ не только матеріалъ съѣзда, но сдѣлана сводка всѣхъ данныхъ по вопросу о национальной школѣ. Сообразно съ поставленной редакціей задачей, рядъ статей вскрываетъ самое понятіе инородческой школы (статьи В. Зеленко, С. Русовой, С. А. Левитина), рисуетъ картину современнаго состоянія ея (статьи тѣхъ же авторовъ), даетъ историческій обзоръ законодательства по дѣламъ объ обученіи инородцевъ (статьи В. Сольца, Н. Малиновскаго), выясняетъ значеніе материнскаго языка и даетъ представленіе о методахъ обученія государственному языку (статьи В. Сольца и Г. Тумима) и знакомитъ съ итогами работы инородческой секціи при Первомъ Всероссийскомъ Съѣздѣ по вопросамъ народнаго образованія (Статья Е. Юрданской). Чрезвычайно цѣнными добавленіями являются би-

блиографическія указания, данныя въ статьяхъ В. Зеленко и Г. Тумима, а также библиографическіе указатели дѣтской литературы объ иностранныхъ.

А. Пинкевичъ.

Календарь русской природы на 1916 годъ. Естественно-историческій справочникъ подъ редакціей Н. К. Кольцова, Н. М. Калугина, Л. А. Тарасевича. Цѣна 2 р. 25 к. въ переплетѣ. Изд. журнала «Природа».

Мысль объ изданіи календаря русской природы — счастливая мысль. Потребность въ немъ ощущается уже давно, и въ то время, какъ подобные календари-справочники уже давно существуютъ для различныхъ специалистовъ, — календаря для естествоиспытателя, въ особенности необходимаго для естествоиспытателя-педагога, не было. Московскій журналъ «Природа», начавшій во многихъ отношеніяхъ очень хорошо, проявляетъ свою инициативу и здѣсь. И это очень удобно, такъ какъ научныя силы, сгруппировавшіяся вокругъ журнала, могутъ раздѣлить между собой работу и въ то же время придать ей характеръ работы коллективной.

Въ предисловіи къ календарю редакция намѣчаетъ задачи подобнаго изданія. По ея мнѣнію, календарь-справочникъ окажется полезнымъ для учителя природовѣдѣнія, для начинающаго натуралиста, для практическаго дѣятеля — сельскаго хозяина, охотника, рыбака и пр., и даже для специалиста въ какой-нибудь научной или практической области.

По нашему мнѣнію, редакция поставила себя слишкомъ широкія задачи. Во всякомъ случаѣ, нельзя думать, что календарь-справочникъ будетъ очень полезнымъ для практическаго дѣятеля. При существованіи справочныхъ изданій врядъ ли, скажемъ, сельскій хозяинъ приобрететъ себя календарь на 1916 г. только потому, что въ немъ находится статья г. Кулагина «О главнѣйшихъ вредныхъ для полевод-

ства насѣкомыхъ Европейской Россіи».

Совершенно правильно редакция указываетъ на преподавателя и на начинающаго натуралиста, для которыхъ будетъ календарь необходимъ. Кромѣ того, можно указать на большую группу лицъ, которыя, не будучи специалистами, съ большимъ интересомъ слѣдятъ за научно-популярной литературой по естествознанію. Для нихъ справочникъ также чрезвычайно цѣненъ.

Въ настоящемъ его видѣ календарь далеко не полонъ. Мы предпочли бы, на примѣръ, вмѣсто упомянутой статьи г. Кулагина видѣть статью по геологии, вмѣсто статьи г. Чугаева, не имѣющей большого практическаго значенія въ подобномъ изданіи, несмотря на всю ея объективную цѣнность, — обзоры литературы за годъ какъ журнальной, научно-популярной, такъ и специальной, строго научной. Было бы также полезно время отъ времени давать областные обзоры природы, съ указаніями, что и гдѣ можно наблюдать. Кромѣ того, мы считали бы правильнымъ выдѣлить справочную, въ узкомъ смыслѣ этого слова, часть въ особый отдѣлъ, издаваемый особо. Такъ, химическія таблицы, календарь эпидемическихъ болѣзней, календарь естественнаго движенія населенія можно бы напечатать отдѣльно: это данныя, которыя имѣютъ болѣе или менѣе постоянный характеръ.

Календарь содержитъ въ себѣ, кромѣ названныхъ выше, статьи: I. Полака — «Краткій историческій очеркъ» и «Небесныя явленія», II. Бѣльскаго — «Мѣсяцесловъ», Г. Полякова — «Птицы», Н. Слудскаго — «Грибы», А. Бродскаго — «Жизнь прѣсной воды», С. Четверикова — «Бабочки», А. Калитинскаго — «Археологическія раскопки» и нѣкоторыя другія. Всѣ онѣ составлены специалистами и, несомнѣнно, будутъ весьма полезны для каждого интересующагося природой.

Повидимому, календарь издавался нѣсколько спѣшно: только этимъ можно объяснить весьма странныя

цифры кипѣнія ртути и углерода, а также неправильное написание фамилии ученаго Эйзенлора, и мн. др. опечатки, допущенныя въ работѣ проф. Чугаева.

А. Пинкевичъ.

Общество имени А. И. Чупрова. Труды комисси по изученію современной дороговизны. Вып. IV. М. 1916. 409 стр. Цѣна 3 руб.

Въ нашемъ журналѣ уже были отмѣчены первые три выпуска этого монументальнаго, въ своемъ родѣ единственнаго у насъ труда. Тогда же было указано на его десницу и шуйцу. Неоспоримыя его достоинства состоятъ въ переработкѣ колоссальнаго материала и въ составленіи ряда интереснѣйшихъ монографій по наиболѣе жгучему вопросу современности. Недостатки состоятъ въ неудовлетворительности редакционной работы, въ отсутствіи строго продуманнаго и планомерно осуществляемаго плана изслѣдованія.

Четвертый выпускъ обладаетъ въ общемъ тѣми же положительными свойствами, что и предыдущіе. Дефекты же его здѣсь проявили себя столь сильно, что отнынѣ ихъ, пожалуй, можно считать язвой, роковымъ свойствомъ всего изданія. Несмотря на длинный рядъ проблемъ дороговизны, еще совершенно незатронутыхъ изслѣдованіемъ, въ четвертомъ выпускѣ нѣкоторыя темы, разработанныя раньше, повторяются (тѣми же авторами) для позднѣйшаго періода; такимъ образомъ изданіе, продолжая основную разработку вопроса, отчасти приобрѣтаетъ текущій, периодическій характеръ; планъ изданія окончательно надламывается и превращается въ полнѣйшій хаосъ. Правда, изученіе эволюціи отдѣльныхъ сторонъ проблемы само по себѣ является высоко-цѣннымъ и необходимымъ: «дороговизна» на нашихъ глазахъ вступаетъ все въ новыя и новыя фазы, переходя изъ количества въ качество, превращаясь

изъ вздорожанія жизни въ продовольственный вопросъ, а изъ него въ проблему производства. Но дѣло въ томъ, что чупровская комиссія, по свидѣтельству лежащаго передъ нами выпуска, совершенно бессильна овладѣть какъ статикой, такъ и динамикой проблемы, бессильна придать ихъ изученію сколько-нибудь упорядоченный и планомерный видъ. Редакція находится всецѣло во власти сотрудниковъ, ихъ личныхъ склонностей и интересовъ. Она не только не создала изъ нихъ планомерно работающей организаціи, но, повидимому, готова брать отъ нихъ все то, что они склонны ей дать.

Сколько выпусковъ еще издастъ чупровская комиссія и каково будетъ ихъ содержаніе — намъ неизвѣстно. Существующіе сборники не даютъ никакихъ указаній, когда и какъ кончится эта смѣшанная периодическая дробь. Но хотѣлось бы впредь видѣть сколько-нибудь упорядоченнымъ и приведеннымъ въ ту или иную систему это высоко цѣнное по существу изслѣдованіе.

Въ четвертомъ выпускѣ, прежде всего, останавливаетъ на себѣ вниманіе солидная монографія Н. А. Савицкаго, посвященная таксамъ и включающая въ себя историческій очеркъ примѣненія таксъ публичной властью; ошибочно только утвержденіе автора, что таксы впервые были примѣнены указомъ Петра въ 1725 г.: таксы были извѣстны и раньше, въ Московскую эпоху. Наряду съ этой общей (всероссійской) проблемой дороговизны, мы находимъ въ книгѣ цѣнное и обширное изслѣдованіе специальнаго вопроса — работу А. Е. Лосяцкаго о мясномъ рынкѣ въ Москвѣ (въ пред. вып. была его же статья о цѣнахъ на мясо въ Москвѣ). Далѣе, передъ нами интереснѣйшая теоретическая работа С. А. Первушина объ «отрезвленіи», какъ факторъ дороговизны; и самая тема, и ея разработка заслуживаютъ всеобщаго вниманія; но, къ сожалѣнію, нѣкоторыя «глазomѣрные» подсчеты автора, а съ ними и практи

ческие выводы грѣшатъ произвольностью: такъ, данныя о числѣ «промышленниковъ» изъ того источника, какимъ воспользовался Первушанъ, пригодны для социологическихъ сопоставлений, но не для его выводовъ объ «убыткахъ» отъ призыва «промышленниковъ» на военную службу. Затѣмъ, уже по второй статьѣ помѣстили въ четвертомъ выпускѣ на темы: о сахарѣ—А. А. Соколовъ, о хлѣбѣ — Ф. А. Липкинъ, о льнѣ — А. В. Чайновъ, о с.-х. рабочихъ — В. П. Милютинъ, о топливѣ — А. А. Фоминъ. Изъ этихъ работъ въ статьѣ о сахарѣ г. Соколовъ выступаетъ съ радикальнымъ практическимъ проектомъ снабженія населенія сахаромъ. Напротивъ, статья г. Милютина о с.-х. рабочихъ, подобно статьѣ С. В. Сперанскаго о Нижегородской ярмаркѣ въ 1915 году, представляя изъ себя цѣнную по существу работу, трактуетъ вопросъ совершенно самостоятельно, безъ непосредственной связи съ практической проблемой дороговизны.

Редакция сборниковъ не высказала своего собственнаго мнѣнія по основнымъ принципиальнымъ вопросамъ своихъ «трудовъ». Но нѣкоторыя мнѣнія сотрудниковъ и ихъ ничѣмъ не подкрѣпленные постулаты иногда вызываютъ сомнѣния по существу. Такъ, А. Н. Лаврушинъ, въ статьѣ о потребительной кооперации и дороговизнѣ, даже и теперь рѣшается утверждать, что «внѣ самоорганизации потребителей имъ нѣтъ спасения». Правда, онъ полагаетъ, что «устраивать городамъ, земству и казнѣ свои мельницы, фабрики и заводы—это единственный радикальный путь». Но онъ же немедленно декретируетъ, что это — «задача городамъ, земству и казнѣ несвойственная, эту задачу должна разрѣшить и разрѣшаетъ потребительная кооперация» (409 стр.). Поистинѣ, не по-хорошему миль, а помиду хорошь.

Наконецъ, имѣется въ книгѣ одинъ чрезвычайный ляпсусъ по существу, являющийся симптомомъ все той же неудовлетворительной

редакционной работы. Это—выступление г. Чайнова по вопросу о льняномъ рынкѣ, выступление, совершенно недостойное данного издания. Приведя цифры о бѣшеномъ ростѣ льняныхъ цѣнъ за отчетный периодъ, г. Чайновъ направляетъ всѣ свои мысли къ борьбѣ съ возможной дешевизной льна и изыскиваетъ для этой почтенной цѣли практическія средства. Подобно многимъ другимъ «дѣятелямъ льняного дѣла», авторъ считалъ еще въ январѣ «болѣе осторожнымъ» сократить посѣвы льна или, по крайней мѣрѣ, бороться съ возможной тенденціей къ расширенію льняныхъ посѣвовъ» (31 стр.). А въ связи съ съ этимъ авторъ полагаетъ, что «на долю молодой льняной кооперации, охватившей своими союзами почти всю льняную Россію, выпадетъ тяжелая и отвѣтственная работа сдерживать цѣны отъ паническаго паденія» (45 стр.). Конечно, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что авторъ, съ такимъ невиннымъ видомъ, рекомендуетъ себя самого и нашу «молодую кооперацию» столь доблестными борцами съ величайшимъ зломъ современности. Каждому свое. Но невозможно понять, зачѣмъ понадобилось чупровской комиссіи оспаривать этотъ перлъ у органа льняныхъ королей...

Будемъ надѣяться, что впредь издание будетъ свободно отъ такого рода сюрпризовъ и будетъ стоять на высотѣ, достойной одного изъ грандиознѣйшихъ общественно-научныхъ начинаній, когда-либо осуществленныхъ у насъ.

Ник. Суханозъ.

Трудовое посредничество. (Всероссийское бюро труда) №№ 1, 2 и 3. Оттиски изъ «Извѣстій Главнаго Комитета Всероссийскаго Земскаго Союза». Москва, 1916 г.

Ни въ чемъ, быть можетъ, не сказывалась такъ сильно наша общественная отсталость, какъ въ области организации труда и въ частности трудового посредничества. Вой-

на и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, все перевернула вверхъ ногами и опрокинула былую общественную косность. Иллюстрацией къ сказанному являются брошюры, составленныя изъ статей, напечатанныхъ въ «Извѣстіяхъ Главнаго Комитета Всероссійскаго Земскаго Союза», изданныя подъ общимъ заголовкомъ «Трудовое посредничество». Здѣсь помѣщены въ № 1: «Трудовое посредничество» А. П. Чумакова, «О возможной роли всероссійскаго бюро труда въ дѣлѣ организации сельско-хозяйственнаго рабочаго рынка» П. М. Зензинова;— въ № 2-мъ: «Представительство заинтересованныхъ сторонъ въ бюро и биржахъ труда»—А. А. Минина, «Организация рынка труда сельско-хозяйственныхъ работъ»—В. И. Милютина и статья «Какое число бѣженцевъ, поселившихся въ Московской губернии, можетъ быть употреблено на сел.-х. работы» В. Ногина; въ № 3: «Трудовой рынокъ послѣ войны» В. М. Зензинова, «Анкета о дѣятельности бюро и бирж. труда» А. Г. Гельфитъ и др. Кромѣ статей, въ обѣихъ брошюрахъ помѣщено много фактическаго материала о положеніи биржъ труда въ различныхъ городахъ, о работахъ съѣздовъ представителей различныхъ районовъ Россіи и т. д., и т. д.

Всѣ эти свѣдѣнія, статьи и материалы являются единственными въ своемъ родѣ и потому, несмотря на ихъ въ общемъ очень небольшіе размѣры, перечисленныя выше работы представляются чрезвычайно цѣнными. Главнымъ образомъ, мы находимъ въ этихъ статьяхъ фактическія данныя. Мы узнаемъ, какъ, съ одной стороны, подъ вліяніемъ слѣдовавшихъ одна за другой мобилизаций, . . . а съ другой—вслѣдствіе наплыва бѣженцевъ, необходимость правильной организации спроса и предложена труда, всегда стоявшая на очереди въ Россіи,—какъ эта необходимость, достигнувъ огромнаго напряженія, сломала, въ концѣ концовъ, тѣ преграды, кото-

ры ставились этому дѣлу со стороны реакционныхъ общественныхъ круговъ и бюрократіи. Кромѣ этихъ неблагоприятныхъ политическихъ условій, сильно мѣшала дѣлу развитія трудового посредничества общая малокультурная наша обстановка, плохіе пути сообщения, отсутствие связи между различными районами и т. д. Въ концѣ концовъ, худо-ли, хорошо-ли, но биржи труда сорганизовались въ различныхъ концахъ нашей родины, и по даннымъ одного изъ обзоровъ (А. П. Чумакова) явствуетъ, что къ 1916 году насчитывалось уже до 153 различныхъ биржъ труда, изъ котораго на долю земствъ приходилась 51 биржа, на долю городовъ—52 и 16 биржъ были организованы совмѣстными силами городовъ и земствъ. Остальныхъ же биржъ, не принадлежащихъ къ муниципальнымъ и земскихъ биржамъ, насчитывалось всего 34 (22,2%). Такимъ образомъ, оказывается, что и у насъ, такъ же, какъ за-границей, основаніе организации общественнаго посредничества между спросомъ и предложеніемъ труда положено органами мѣстнаго самоуправления. Что касается размѣровъ организации бюро труда, то по даннымъ специальной анкеты явствуетъ, что 26% не имѣетъ смѣты, т. е. существуетъ безплатнымъ трудомъ, а 23% имѣетъ бюджетъ въ размѣрѣ 15—100 руб. въ мѣсяцъ; слѣдовательно, до 49% бюро труда влчатъ жалкое матеріальное существованіе.

Значительное мѣсто въ работѣ нашихъ новыхъ посредническихъ организаций занимаетъ помощь сельско-хозяйственному рабочему рынку. Этому вопросу въ брошюрахъ «Трудовое посредничество» посвященъ рядъ особыхъ замѣтокъ. Въ этой послѣдней области задачи трудового посредничества особенно сложны, ибо здѣсь приходится начинать съ самыхъ азовъ и прежде всего приступить къ изученію нашего рабочаго сельско-хозяйственнаго рынка, до сихъ поръ въ сущности остающагося неизвѣстнымъ.

Брошюры «Трудовое посредниче-

ство» дают нам картину не только работы нарождающихся бирж труда, но знакомят с их организацией и внутренними процессами, происходящими в недрах бирж в организационном отношении. Как указывает один автор (А. А. Митин), «одним из самых существенных вопросов... организации является вопрос о представительстве заинтересованных сторон» (вып. 2-й). В этом отношении пока дела обстоят плохо, ибо «современное состояние России не представляет... благоприятных условий для широкого распространения паритетных бирж и бюро труда». Помимо «недемократичности органов самоуправления» и «слабости и придавленности профессиональных рабочих союзов» на пути принципа паритетности стоят чисто политическая преграда в виде реакционного курса внутренней политики, нежелающего развития самоуправления и организации рабочих. И все же факты, отмеченные «Трудовым посредничеством», показывают, что и здесь идет преодоление старого новым, и в биржах труда мало-помалу утверждается так называемый паритетный принцип, т. е. равенство представителей от рабочих и предпринимателей.

Главная задача выпущенных книжек «Трудового посредничества» — дать картину фактического положения вещей в этом новом в России деле. Поэтому мы не найдем в статьях названных брошюр теоретической разработки вопросов трудового посредничества. Так как биржи труда в России из области теории перешли в жизнь, стали реальным фактом, то первой задачей нашей ставится ознакомление с этим фактом в его полном объеме; эту задачу издания «Трудового Посредничества» разрешают вполне.

В заключение приведем слова одного из авторов (А. П. Чумакова), мысль которого мы разделяем всецело: «Великое народное бедствие чисто случайно вызвало к

жизни новый социальный институт — организацию посредничества. Пусть задачи его пока односторонни, пусть принципы деятельности недостаточно демократичны, — все это может быть со временем улажено и устранено, насколько это вообще будет осуществимо в общих условиях нашей внутренней жизни. Сейчас важно одно: фундамент нового института заложен, бюро труда все крепче врастают в жизнь трудового рынка, и независимо от дальнейшего развития земского и городского союзов, в будущем посредническая организация не исчезнуть».

М. Петров.

И. В. Владиславлев. Классификация литературы по вопросам земского и городского самоуправления (Опыт разработки схемы согласно принципам международной десятичной классификации). Москва 1916 г. Цѣна не обозначена.

Выход брошюры библиографа И. В. Владиславлева, посвященной вопросам местного самоуправления, является чрезвычайно симптоматичным. Если уже сознается необходимость в систематизации вопросов местного самоуправления и классификации и приведении в порядок литературы городов и земств, если эта литература выросла настолько, что пользоваться ею можно только при условии систематизации — значит, в нашей государственной жизни местное самоуправление достигло высокого развития, значит, в настоящее время самоуправлению предъявляют большие запросы и требования, значит, самоуправление является необходимым изучать и пользоваться им на основах научности.

Автор подходит к своей задаче, как специалист-теоретик, озабоченный тем, чтобы книжные богатства земских и городских изданий «не погибали» безслѣдно в невѣдомых никому и недоступных складах, чтобы книжные собрания по вопросам местного самоупра-

вления изъ «мертвыхъ кладбищъ» отправились въ «книжныя лаборатори», служащая людямъ науки и практики. Но за всѣми этими цѣлями теоретика и библиографа ясно чувствуется голосъ практической, политической жизни. Въ своемъ небольшомъ предисловии авторъ говоритъ: «Въ дѣлѣ изучения страны и ея богатствъ, что сдѣлается послѣ войны одной изъ насущнѣйшихъ задачъ, литературѣ, изданной за пятидесятилѣтний періодъ органами самоуправления, придется играть не маловажную роль: грядущее оживление нашей общественности заставитъ, наконецъ, удѣлить должное вниманіе этой литературѣ, находившейся до послѣдняго времени въ полномъ забросѣ и расхищавшейся самымъ безжалостнымъ образомъ».

Мы добавимъ, что классификація муниципальной литературы нужна и не только потому, что послѣдняя понадобится для «изучения» хозяйства страны. Классификація эта нужна для правильного веденія самого городского и земскаго хозяйства, для правильной организаци его, для правильной группировки различныхъ отдѣловъ городского управленія. Такимъ образомъ, и сама задача классификаціи превращается въ задачу не только теоретиковъ-специалистовъ, но и практиковъ городского хозяйства. И мы думаемъ, что разрѣшена эта задача вполне удовлетворительно можетъ быть только послѣ совмѣстнаго обсужденія и совмѣстной работы теоретиковъ и практиковъ городского дѣла.

Обращаясь къ существу работы И. В. Владиславлева, нужно указать слѣдующее: какъ извѣстно, суть десятичной библиографической классификаціи заключается въ томъ, что различныя основныя и научныя дисциплины обозначаются определенной цифрой; подраздѣленія дисциплинъ получаютъ путемъ прибавленія къ основнымъ цифрамъ новыхъ цифръ по простой десятичной системѣ. Согласно принятому между народнымъ библиографическимъ ин-

ститутомъ индексу, литература по самоуправленію обозначается цифрой 352 (3—соціальныя науки, 35—административная организація, 352—самоуправленіе). Прибавляя къ 352 затѣмъ цифровой обозначенія, можно получить любую дальнѣйшую классификацію различныхъ отраслей самоуправления. Слѣдовательно, вопросъ сведется къ тому, чтобы условиться въ классификаціи по существу; а подыскать къ этой послѣдней соотвѣтственныя цифровыя обозначенія—труда уже не составитъ.

Попытка автора классифицировать различныя отдѣлы мѣстнаго самоуправления насъ не удовлетворяетъ; въ ней много не выдержаннаго, не продуманнаго до конца. Каждую большую область самоуправления—земскаго и городского—И. Владиславлевъ дѣлитъ на 10 отдѣловъ, руководствуясь при этомъ дѣленіи самими различными признаками: то признакомъ логическимъ, т. е. тѣмъ, что выделяемые авторомъ отдѣлы являются самостоятельными отраслями дѣятельности самоуправления или отдѣлами его организаци, то признакомъ, такъ сказать, техническимъ, т. е. тѣмъ, въ какомъ видѣ собраны классифицируемые матеріалы. Такъ, въ качествѣ самостоятельныхъ отдѣловъ фигурируютъ, съ одной стороны, «отчеты и журналы» мѣстныхъ самоуправленій, или «статистическіе матеріалы», а съ другой—«народное образованіе» или «ветеринарія». Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя области и цѣльные отдѣлы дѣятельности мѣстныхъ органовъ разбиты на части, тогда какъ нѣкоторые отдѣлы оказываются пропущенными; напримѣръ, отсутствуетъ отдѣлъ общей и внутренней организаци органовъ мѣстнаго самоуправления. Мы полагаемъ, что литература по мѣстному самоуправленію легко можетъ быть разбита и исключительно по одному признаку, и признаку предметному, согласно отраслямъ дѣятельности самоуправления.

Возьмемъ для примѣра область городского самоуправления вообще—

352.2 (земское—352.1). Отдѣлъ городского самоуправления вообще и его теорія будутъ обозначены цифрой 352.20. Общія сочинения и справочники—352.21; общая организація городскихъ управлений—352.22; административная и внутренняя организационная дѣятельность городского управления—352.23; городскіе финансы и хозяйственная дѣятельность гор. управления—352.24; общее городское благоустройство (материальная городская культура)—352.25; духовная культура (народное образование, искусство и пр.)—352.26; социально-политическая дѣятельность гор. управлений—352.27; обще-политическая дѣятельность гор. управлений—352.28. На этомъ и оканчивается разбивка на большіе отдѣлы, а дальше слѣдуетъ новая разбивка въ предѣлахъ каждаго отдѣла, приводить которую въ рецензии, къ сожалѣнію, мы не можемъ.

Такимъ образомъ, отдѣлъ о биржахъ труда вообще выразится, на примѣръ, индексомъ—352.271 (352.27 социальная политика, а прибавленіе единицы опредѣляетъ биржи труда).

Брошюра И. В. Владиславлева не претендуетъ на законченность и на исчерпаніе вопроса. Это лишь первый шагъ въ серьезномъ и большомъ дѣлѣ установленія классификаціи по мѣстному самоуправленію. Желательно, чтобы цѣль автора была, въ концѣ концовъ, достигнута и практическіе дѣятели и теоретики по мѣстному хозяйству, обративъ вниманіе на работу И. Владиславлева, въ скорѣйшемъ времени согласились на опредѣленной схемѣ классификаціи, установивъ ее хотя бы на одномъ изъ ближайшихъ земскихъ и городскихъ сѣздовъ.

М. Петровъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый Государь

Господинъ Редакторъ.

Не откажите въ любезности напечатать въ Вашемъ журналѣ слѣдующія строки:

Предсѣдатель Анкетной Комиссіи Перваго Всероссийскаго съѣзда Преподавателей естествознанія обращается ко всѣмъ товарищамъ преподавателямъ естествознанія съ убѣдительнѣйшей просьбой заполнить анкетные листы и возвратить ихъ возможно скорѣе. Листы, не имѣющихъ анкетныхъ листовъ, предсѣдатель анкетной комиссіи проситъ обращаться за таковыми по его личному адресу: Петроградъ, Новая деревня, Набережная улица, д. 22, кв. 17, А. П. Пинкевичу.

Съ совершеннымъ уваженіемъ

Предсѣдатель Анкетной Комиссіи

А. Пинкевичъ.

КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕ- ДАКЦІЮ.

- Абрамовичъ, Н. Я.** «Новое Время» и соблазненные младенцы. № 3; библиотека общественныхъ и литературныхъ памфлетовъ. Изд. «Памфлетъ». П. 1916. Стр. 48. Ц. 65 к.
- Астровъ, Семень.** Сзѣтлый путь. Лирика. Изд.-во «А. С. Пушкинъ». Paris. 1916. Ц. 75 к.
- Богдановъ, В. В.** Таможенныя правила о вывозѣ товаровъ за-границу изъ числа запрещенныхъ къ отпуску по обстоятельствамъ военного времени. Изд. б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 56. Ц. 80 к.
- Вѣднѣй, Демьянъ.** Диво дивное и др. сказки. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 32. Ц. 15 к.
- Второй сборникъ Центрофуги.** М. 1916. Стр. 112. Ц. 1 р. 75 к.
- Вѣнскіи, Евг.** Въ тылу. Сатира юморъ. Лирика. Скл. изд. въ кн. маг. Т-ва Н. П. Карбасниковъ. П. 1916. Стр. 152. Ц. 1 р. 25 к.
- Гредескулъ, Н. А.** Россія и ея народы. «Великая Россія, какъ программа разрѣшенія національнаго вопроса въ Россіи». Скл. изд. въ кн. маг. б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 79. Ц. 75 к.
- Дарскій, Д.** Радость земли. Изслѣдованіе лирики Фета. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1916. Стр. 208. Ц. 2 р.
- Деборинъ, А.** Введеніе въ философію диалектическаго материализма. Съ предисл. Г. В. Плеханова и приложеніями: А. Богданова и Л. Аксельродъ. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 417. Ц. 3 р.
- Джекъ Лондонъ.** Звѣздныя скитанія (Смирительная куртка). Романъ. Т. XXI. Авт. пер. съ англ. I. А. Маевского. Изд. I. А. Маевского. М. 1916. Стр. 221. Ц. 1 р. 25 к.
- Заславскіи, Д. Ивановичъ, Ст. Кадеты и евреи.** Скл. изд. кн. маг. б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 61. Ц. 50 к.
- Зеленко, В. А.** Руководительство дѣтскимъ чтеніемъ. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. П. 1915. Стр. 74. Ц. 50 к.
- Золотаревъ, С.** Синхроническая диаграмма по исторіи русской литературы и историко-литературная карта Россіи (1661 — 1901). Изд. б. М. В. Попова. П. 1916. Ц. 80 к.
- Ивановъ, Георгій.** Верескъ. Вторая книга стиховъ. Изд. Альциона. М. П. 1916. Стр. 103. Ц. 1 р. 25 к.
- Изгнанникъ.** На пирѣ земли. Рассказы и пѣсни. Скл. изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 266. Ц. 1 р. 50 к.
- Карабчевскій, Н. П.** Рѣчи 1882—1914. Изд. 3-е, доп. семью рѣчами. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. М. 1916. Стр. 631. Ц. 4 р. 50 к.
- Кауфманъ, А. А.** Учетъ сельскохозяйственныхъ силъ. Къ предстоящей всероссійской сельскохозяйственной переписи. Вып. I. Всероссійскаго союза городовъ. Война и экономическая жизнь. Скл. изд. въ кн. маг. «Право». М.—П. 1916. Стр. 51. Ц. 60 к.
- Ковалевскій, Г. П.,** инж.-стр. Большой городъ и города-сады. Съ пред. и подъ ред. проф. Г. Д. Дубелира. Пособіе для дѣятелей по городскому и земскому пѣлу и студентовъ. Изд. автора. Кіевъ. 1916. Стр. 168. Ц. 2 р. 75 к.
- Краснянскій, М. Б.** Записки донскаго иттеигера. Юбилейный сборникъ. (1893—1913). Т. I. Изд. автора. Ростовъ-н/Д. 1916. Стр. 360. Ц. 3 р.
- Лозинскіи, М.** Горныи ключъ. Стихи. Изд. Альциона. М.—П. 1916. Стр. 119. Ц. 1 р. 25 к.
- Магнитскій, Г.** Докторъ Орловъ. Романъ. Изд. б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 326. Ц. 2 р.

- «Метель».** Литературные альманахи. Книга 25. Изд. «Шиповникъ». П. 1916. Стр. 233. Ц. 2 р. 25 к.
- Наживинъ, Ив.** *Вечерняя облака*. Скл. изд. при типографии Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К-о. М. 1916. Стр. 259. Ц. 2 р.
- Переицкие** лирики X—XV вв. Пер. съ перс. акад. Ф. Коршъ, подъ ред. и съ пред. проф. А. Крымскаго. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. «Памятники мировой литературы». М. 1916. Стр. 126. Ц. 1 р. 25 к.
- Плехановъ, Г. В.** *Дневникъ социаль-демократа № 1*. Изд. б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 26. Ц. 40 к.
- Потресовъ, А. Н.** *Война и вопросы международнаго демократическаго сознанія*. Вып. I. Изд. б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 77. Ц. 75 к.
- Романъ Роланъ.** *Жанъ Кристофъ*. Т. V. *Ярмарочная площадь*. Романъ. Пер. А. Даманской. Изд. «Прометей», Н. Н. Михайлова. П. 1916. Стр. 276. Ц. 1 р. 25 к.
- Росія и ея союзники.** въ борьбѣ за цивилизацію. Вып. I и II. Изд. А. Я. Маковского. М. 1916. Ц. кажд. вып. 2 р. 50 к.
- Сборникъ.** *Подъ старымъ знаменемъ*. Статьи: Б. Авилова, А. Витимскаго, А. Ломова, В. Павлова, И. Степанова, М. Фабричнаго. Скл. изд. въ кн. маг. «Наука» въ Москвѣ. Саратовъ. 1916. Стр. 95. Ц. 75 к.
- Средняя школа и наши дѣти.** *Къ родителемъ*. (По поводу педагогическаго съѣзда). Изд. И. И. Самоненко. Киевъ. 1916. Стр. 24. Ц. 30 к.
- Столица З. К.** *Воспитаніе вниманія*. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. П. 1915. Стр. 73. Ц. 50 к.
- Столица, З. К.** *Выработка характера*. Изд. 2-е, доп. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. П. 1915. Стр. 96. Ц. 60 к.
- Трудовое посредничество.** № 3. Отд. отт. изъ № 37—38. «Изв. гл. ком. Всер. зем. союза. М. 1916.
- Тыркова, Ариадна.** *Семь рассказовъ*. Скл. изд. «Прометей». П. 1916. Стр. 350. Ц. 1 р. 75 к.
- Успенскіи, П. Д.** *Разговоры съ дьяволомъ. Оккультные рассказы*. Изд. А. Н. Брянчанинова. П. 1916. Стр. 164. Ц. 2 р.
- Флееръ, М. Г.** *Явка съ повинной въ русскомъ правѣ*. Скл. изд. въ кн. маг. В. Лебедева. П. 1916. Стр. 55. Ц. 60 к.
- Франкъ, С. Л.** *Предметъ знанія. Обь основахъ и предѣлахъ отвлеченнаго знанія*. Стр. 504. Ц. 3 р. 50 к.
- Чевкинъ, Н. С.** *Шестая держава*. Этнографія невѣдомой страны. Изд. «Звѣзда». П. 1916. Стр. 223. Ц. 1 р. 75 к.
- Штихъ, Александръ.** *Стихи*. Изд. автора. М. 1916. Стр. 44. Ц. 80 к.
- Юшкевичъ, Семень.** *Наши сестры*. Т. IV. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 240. Ц. 1 р. 25 к.
- Ягдовскій, К. П.** *Уроки по естествознанію въ начальной школѣ*. Ч. I и II. Опытъ методическаго руководства для учителя. Изд. «Жизнь и Знаніе». П. 1916. Стр. 292. Ц. 1 р. 75 к.
- Хлѣбниковъ, Викторъ,** — **Сняикова Марія,** — **Божидаръ,** — **Петниковъ Григорій,** **Асѣевъ Николай.** *Труба марсианъ. Хлѣбниковъ, В. І.* *«Пусть млечный путь».* 2. *Проказы*. Изд. «Лирень». М. 110 день калны. Ц. 50 к.

Т - В О
ТРЕУГОЛЬНИКЪ

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ

ДЛЯ НУЖДЪ
ЛАЗАРЕТОВЪ
ВСѢ
НЕОБХОДИМЫЕ
ПРЕДМЕТЫ
ИЗЪ РЕЗИНЫ,
ЭБОНИТА,
ПРОРЕЗИНЕННОЙ
МАТЕРІИ И ПР.

ПЕТРОГРАДЪ
ЕКАТЕРИН. КАН. 34

ПРАВЛЕНІЕ СОЮЗНАГО БАНКА

доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что 30-го декабря 1915 года состоялось учредительное собраніе, на которомъ избраны:

ВЪ ПРАВЛЕНІЕ.

Е. С. Каратыгинъ (предсѣдатель).
Я. А. Бродскій,
И. И. Левинъ.

ВЪ СОВѢТЪ.

Ю. Н. Глѣбовъ (предсѣдатель).	В. И. Карповъ,
Ю. И. Гессенъ (вице-предсѣд.),	М. С. Маргуліесь,
К. І. Ярошинскій (вице-пред.),	баронъ Г. К. Майдель,
Н. А. Абельсонъ,	Я. О. Николенко,
С. Ю. Гольдбергъ.	П. П. Форостовскій.
А. Г. Доппельмайеръ,	К. К. Шмигера.
Ф. Э. Каріусъ,	

ВЪ КАНДИДАТЫ.

П. С. Жирновъ,	А. А. Синягинъ.
К. В. Карастелевъ,	С. И. Соколовскій,
А. Ф. Макаровъ,	И. В. Титовъ.

ВЪ РЕВИЗИОННУЮ КОМИССИЮ.

А. К. Бабіевскій,	Я. А. Левинъ,
Н. Н. Гринбергъ.	А. К. Пикъ.
Б. И. Каразинъ,	

БАНКЪ помѣщается въ ПЕТРОГРАДЪ
по Невскому пр., домъ 65.

ОТЗЫВЫ о ВОДѢ ИЖЕВСКОЙ ИСТОЧНИКЪ

Ординаторъ академической акушерской клиники, акушеръ
Петроградскаго Градоначальства Д. П. Кедровъ.

Примѣнялъ я воду «Ижевскаго Источника» у беременныхъ и небеременныхъ женщинъ, страдающихъ брюшнымъ полнокровьемъ, застойными явлениями въ области тазовыхъ органовъ, застойными явлениями въ почкахъ, альбуминурией беременныхъ, при почечномъ пескѣ, фосфатурии, изжогѣ, отрыжкѣ и вообще неправильномъ дѣйствіи кишечнаго тракта, особенно у беременныхъ и всегда съ благоприятными результатами, безъ какихъ-либо неприятныхъ побочныхъ явленій. Одно изъ важныхъ качествъ воды «Ижевскаго Источника» — приятный освѣжающій вкусъ, такъ что больныя употребляли ее продолжительное время безъ всякаго отвращенія, даже какъ питьевую воду.

По моему убѣжденію, Ижевская вода съ успѣхомъ можетъ замѣнить заграничныя воды: Вильдунгенъ, Ракочи, Контрексевилль, Виши и друг.

Еще одно достоинство воды, это ея дешевизна, почему она можетъ быть примѣнена и у больныхъ, необладающихъ большими средствами.

Ст. Ординаторъ Петергофскаго Дворцоваго госпиталя В. А. Сосницкій.

Вода «Ижевскій Источникъ» назначалась мною женщинамъ при наступленіи климактеріи и сопутствующихъ этому периоду нервно-сосудистыхъ явленій, выражающихся приливами крови къ головь, сердцебиеніями при склонности къ запорамъ и субъективныхъ ощущеніяхъ тяжести и болѣзненности въ нижней части живота и мочевомъ пузырьѣ. Долженъ отмѣтить крайне благоприятное ея дѣйствие въ указанныхъ случаяхъ въ смыслѣ улучшенія самочувствія и устраненія наиболѣе беспокоящихъ болѣзненныхъ явленій.

Продажа вездѣ.

ПЕТРОГРАДСКІЙ. ЧАСТНЫЙ КОММЕРЧЕСКІЙ БАНКЪ.

Петроградъ, Невскій пр., № 1.

Основанъ въ 1864 г.

Основной капиталъ вполнѣ оплаченный 40.000.000 р. — к.

Запасный капиталъ 4.260.996 р. 43 к.

Адресъ для телеграммъ „ЧАСТНЫЙ БАНКЪ“.

БЕЗОПАСНЫЕ ЯЩИКИ (SAFES)
въ бронированной кладовой отъ 3 р. въ годъ.

Выдаетъ чека и аккредитивы и переводы на всѣ страны свѣта и производитъ всѣ банковыя операціи.

СОСТОЯНІЕ СЧЕТОВЪ Сибирскаго Торговаго Банка

на 1-ое марта 1916 года.

Правленіе Банка—въ Петроградѣ.

Отдѣленія: въ Москвѣ, Аккерманѣ, Акмолинскѣ, Андижанѣ, Архангельскѣ, Барнаулѣ, Бирскѣ, Бискѣ, Благовѣщенскѣ, Бухарѣ (Старой), Верхнеудинскѣ, Верхнеуральскѣ, Видавѣ, Владивостокѣ, Вѣрномъ, Вяткѣ, Екатеринбургѣ, Ирбитской Ярмаркѣ (съ 25 января по 24 февраля), Иркутскѣ, Канскѣ (Томской губ.), Камнѣ (Томской губ.), Конандѣ, Красноярскѣ, Кунгурѣ, Курганѣ, Кустанаѣ, Миусинскѣ, Нижегородской Ярмаркѣ (съ 25 июля по 31 августа), Никольскѣ-Уссурийскомъ, Ново-Николаевскѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Орскѣ, Пермѣ, Петропавловскѣ (Акмолинск. обл.), Проскуровѣ, Рыбинскѣ, Самаркандѣ, Сарапулѣ, Семипалатинскѣ, Срѣтенскѣ, Стерлитамакѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Троицкосавскѣ, Троицкѣ (Оренбург. губ.), Тюмени, Уфѣ, Хабаровскѣ, Читѣ и Шадринскѣ.

Городскія Отдѣленія: въ Петроградѣ—на Калашниковской Биржѣ и при Снотопромышленной и Мясной биржѣ и въ Москвѣ—близъ Мясной Биржи, въ Гавриковомъ переулкѣ, въ Замоскворѣчьи, на Кузнецкомъ мосту, на Преображенской пл., на Серпуховской пл., у Сухаревой Башни, на Таганской пл. и въ Марьиной Рощѣ.
Коммиссіонеры: На Зеѣ-пристанѣ, въ Канскѣ (Внпсейск. губ.), Котельничѣ, Котласѣ, Николаевскѣ и Амурѣ, и Городскіе: въ Петроградѣ—на Знаменской площади и въ Москвѣ—на Смоленскомъ рынкѣ.

	Правленіе.		Отдѣленія.		В СЕ Г О.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
А К Т И В Ъ.						
Касса: наличность и текущіе счета въ Госуд. и частныхъ Банкахъ	4.520.575	96	8.802.199	03	13.322.774	99
Учетъ векселей, торг. обязат. тиражныхъ цѣн. бум. и текущ. купон.	22.139.913	07	32.376.364	55	54.516.277	62
Суды подъ обезпеченіе.	73.259.850	28	72.730.386	20	145.990.236	48
Покупка золота и драг. метал.; припадл. Банку тратты на загр. мѣста и иностр. ден. знаки	70.807	25	491.582	86	562.390	11
Цѣнные бумаги, принадл. Банку.	14.582.291	61	9.945.236	37	24.527.527	98
Счетъ Банка съ Отдѣленіями.	—	—	39.415.183	91	39.415.183	91
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (лого)	149.260.067	58	10.426.629	34	159.686.696	92
2. По сч. Банка (postro): свободн. суммы въ распор. Банка	13.860.710	97	692.103	58	14.552.814	55
Протестов. векс. и торг. обязат. (1915)	70.789	44	713.420	11	784.209	55
Протестов. векс. и торг. обязат. (1916)	7.050	82	202.713	49	209.764	31
Просроченныя суды	53.087	46	425.253	60	478.341	06
Текущіе расходы (1915 г.	1.346.167	07	2.663.013	89	4.009.180	96
(1916 г.	212.331	95	614.379	91	826.711	86
Расходы, подлежащіе возврату.	—	—	34.420	61	34.420	61
Недвижимое имущество	3.779.213	63	2.291.176	60	6.070.390	23
Движимое имущество, обязат. и устр.	154.995	64	499.388	18	654.383	82
Переходящія суммы	1.449.131	28	3.400.091	01	5.849.222	29
И Т О Г О	284.766.984	01	185.723.543	24	470.490.527	25
П А С С И В Ъ.						
Складочный капиталъ	20.000.000	—	—	—	20.000.000	—
Запасный капиталъ	10.000.000	—	—	—	10.000.000	—
Запасная прибыль	1.000.000	—	—	—	1.000.000	—
Запасной дивидендъ	4.000.000	—	—	—	4.000.000	—
Вклады: на текущ. сч., безср. и срочн.	108.492.878	19	164.576.989	06	273.069.867	25
Капиталъ погаш. затр. по нед. им. Б.	294.562	02	390.611	57	685.173	59
Долгъ Г. Б. 1) по сп. сч. подъ векс. и % Б.	—	—	330.060	—	330.060	—
2) по переучету векс.	—	—	3.381	—	3.381	—
Счетъ Банка съ Отдѣленіями	40.119.100	19	—	—	40.119.100	19
Корреспонденты Банка:						
1. По ихъ счетамъ (лого): своб. сум. въ распоряжен. корресп.	57.703.157	25	2.944.865	70	60.648.022	95
2. По счетамъ Банка (postro): суммы, остающ. за Банк.	35.984.790	42	1.733.989	76	37.718.780	18
Акцептованныя тратты	290.602	69	1.604.783	47	1.895.386	16
Невыплаченный по акт. Банка дивид.	86.677	50	—	—	86.677	50
Проценты, подлежащіе упл. по текущимъ счетамъ и вклад.	746.028	62	1.359.033	25	2.105.061	87
Полученные % и комиссія 1915 г. за исключеніемъ % исчислен. по вкладамъ и текущимъ счетамъ	3.498.860	61	5.554.311	07	9.053.171	68
Полученные % и комиссія 1916 г. за исключеніемъ % исчислен. по вкладамъ и текущимъ счетамъ	395.423	81	544.371	02	939.794	83
Переходящія суммы	2.154.972	71	6.681.207	34	3.836.110	05
И Т О Г О	284.766.984	01	185.723.543	24	470.490.527	25
Цѣнности на храненіи	146.248.018	91	111.395.974	93	257.643.993	84
Векселя на комиссіи	6.831.678	64	15.842.707	04	22.674.385	68
Номинальная стоимость акций Р. 250.	—	—	—	—	—	—

Эпплата дивиденда пропав. въ Правленіи Банка въ Петроградѣ и во всѣхъ его Отдѣл. 15641

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
М. В. ПОПОВА, ВЛАДѢЛЕЦЪ **М. А. ЯСНЫЙ.**
 Петроградъ, Невскій пр., 66.

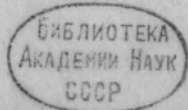
— НОВЫЯ ИЗДАНИЯ: —

М. Павловичъ. <i>Смерть Жореса. Изъ дневника эмигранта</i>	Цѣна — р. 60 к.
Ллойдъ-Джорджъ. <i>Рѣчи во время войны.</i> 2-ое изд.	» 1 » 50 »
Вл. Войтинскій. <i>Внѣ жизни. Очерки тюрьмы и каторги</i>	» 1 » 25 »
Р. Григорьевъ. <i>Недавнее.</i> Романъ ч. I и II	» 2 » 25 »
» » <i>На ущербъ.</i> Романъ	» 1 » 50 »
Вл. Беренштамъ. <i>Изъ пережитаго</i>	» 1 » 25 »
Г. Магнитскій. <i>Докторъ Орловъ.</i> Романъ въ 3-хъ ч.	» 2 » — »
Г. Доброправовъ. <i>Горькій цвѣтъ.</i> Разказы	» 1 » 50 »
Бор. Садовской. <i>Лебединые клики.</i> Повѣсти	» 1 » 25 »
» » <i>Адмиралтейская игла.</i> Разказы	» 1 » 25 »
Панкхерстъ. <i>Моя жизнь.</i> Записки суффражистки	» 2 » — »
Г. В. Плехановъ. <i>О войнѣ.</i> Изд. 3-ье	» — 75 »
» » <i>Дневникъ соц.-демократа,</i> № 1	» — 40 »
Н. Сухановъ. <i>Наши левыя группы и война.</i> 4-е изд.	» — 50 »
» » <i>Къ кризису социализма.</i> Изд. 2-е. По поводу «военныхъ» выступлений Г. В. Плеханова	» — 30 »
Н. Сухановъ. <i>Наши направленія. Марксизмъ и «народничество».</i> Изд. 2-ое	» 1 » — »
«Отечество». <i>Сборникъ національныхъ литературъ Россіи</i>	» 3 » 75 »
Левъ Ждановъ. <i>Подъ властью фаворита.</i> Романъ	» 2 » 50 »
С. А. Золотаревъ. <i>Диаграмма по исторіи русской литературы</i>	» — 80 »
Б. Верхоустиаскій. <i>Маленькая буря.</i> Романъ	» 1 » 50 »
Готье, Теофиль. <i>Эмали и Камей.</i> Перев. Гумилева	» 1 » 50 »
М. М—скій. <i>Отъ бурсы до снятія сана.</i> Дневникъ священника	» 1 » 25 »
Савватія. <i>Тетрадь въ сафьянѣ.</i> Повѣсть. 5-ое изд.	» 1 » 25 »
А. Свирскій. <i>Въ чертъ.</i> Разказы	» 1 » — »
Ю. Слезкинъ. <i>Ольга Оргъ.</i> Романъ	» 1 » 25 »
» » <i>Глупое сердце.</i> Разказы	» 1 » 50 »
Ю. Дюркеймъ и Е. Дени. <i>Кто хотѣлъ войны «Въ тылу».</i> Литературно-художественный альманахъ	» 2 » — »
Евг. Замятинъ. <i>Упѣдное.</i> Повѣсти	» 1 » — »
И. Кантъ. <i>Критика чистаго разума</i>	» 3 » 50 »
» » <i>Критика способности сужденія</i>	» 1 » 50 »
Ланге. <i>Исторія материализма</i>	» 1 » 50 »
О. Райкъ. <i>Значеніе психоанализа въ наукахъ о духѣ</i>	» 1 » 50 »

Каталоги съ отзывами высылаются по требованію.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Книжный магазинъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

ЛѢТОПИСЬ

ПРИНИМАЕТСЯ

только со 2-ой четверти года

(съ апрѣля мѣсяца), такъ какъ первыя три книги (январь, февраль и мартъ) разошлись цѣликомъ.

Новыя подписчики, внесше подписную плату за журналъ съ 1-го апрѣля **ДО КОНЦА 1916 года**, получаютъ первыя главы (I—IV) «Въ людяхъ» М. ГОРЬКАГО бесплатно.

Журналъ имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

Литература и искусство. Литературно-критическіе очерки. Театръ. Музыка. Живопись.

Иностранная жизнь. Ежемѣсячный обзоръ международной жизни и политики. Корреспонденціи: изъ Франціи, Англии, Швейцарии, Германи, Дани, Голланди, Швеции, Соед. Штатовъ.

Внутреннее обозрѣніе. Политическая жизнь. Экономика, финансы. Самоуправленіе. Окраины. Рабочій вопросъ. Школа. Церковь.

Наука и философія.

По Россіи. Бытъ провинціи. Факты, обзоры и наблюденія провинціальной жизни.

Библиографія. Систематическіе обзоры литературы. Критическія замѣтки и рецензіи.

Подписная цѣна: — на — **1** р. — на — **3** р. — на — **6** р. — на — **9** р.
съ 1 апрѣля: 1 мѣс. 3 мѣс. 6 мѣс. 9 мѣс.

Предполагаемое содержаніе июльской книги:

Беллетристика: М. Горькии. «Въ людяхъ». — В. Шишовъ. «Тайга». — Высоцкии. «Его родина». П. Миль. «Монархъ» и др.

Статьи: А. Богданова, С. Вольскаго, Р. Григорьева, проф. Н. Кабулова, Керженцева, М. Лурье, С. Штрейха, П. Юшневича и др.

Новый романъ Г. Д. Уэллса. «М-ръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна». Переводъ съ рукописи М. Ликиардопуло.

Цѣна книги въ розничной продажѣ 1 р. 75 к.

Подписка принимается: въ главной конторѣ, во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Адресъ конторы и редакціи:

Петроградъ, Б. Монетная, 18. — Телеф. 108-91.

Издатель А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ А. Ѳ. Радзишевскій.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПАРУСЪ“

А. Н. ТИХОНОВА.

ПЕТРОГРАДЪ, БОЛ. МОНЕТНАЯ, 18, кв. 4.

Поступилъ въ продажу:

Сборникъ **АРМЯНСКОЙ** литературы подъ ред. **М. Горькаго**. Цѣна 2 руб.

Печатаются:

Сборникъ **ЛАТЫШСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительной статьей **И. Янсона**.

Сборникъ **ФИНЛЯНДСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**, со вступительными статьями д-ра **Таркяйнена** и д-ра **Э. Невалинна**.

М. ГОРЬКІЙ. Статьи 1905—1915 г.г. Сборникъ.

М. ГОЛЬДШМИДТЪ. **Еврей**, романъ. Переводъ **М. П. Благовѣщенской**.

В. МАЯКОВСКІЙ. **Простое, какъ мычаніе**. Сборникъ стихотвореній.

•••••

Готовятся къ печати:

Сборникъ **ЕВРЕЙСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**.

Сборникъ **ЛИТОВСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **Ю. К. Балтрушайтиса**.

Сборникъ **УКРАИНСКОЙ** литературы. Подъ редакціей **В. Брюсова** и **М. Горькаго**.

Сборникъ **ТАТАРСКОЙ** литературы.

Munitions Act — актъ о военныхъ снабженіяхъ — былъ изданъ въ началѣ іюля прошлаго года и регламентировалъ въ первую очередь дѣятельность тѣхъ производствъ, которыя работаютъ по изготовленію военныхъ матеріаловъ. Но важнѣйшія изъ его положеній могли быть простой прокламаціей короля распространены на всѣ предприятия „національно-необходимыя“.

Интересы рабочихъ затрагивали непосредственно три пункта акта: запрещеніе стачекъ и введеніе обязательнаго третейскаго суда; отмѣна правилъ, ограничивающихъ примѣненіе женскаго и необученнаго труда; стѣсненіе свободы перехода изъ одного предприятия въ другое (актъ запрещалъ брать на работу рабочаго безъ удостовѣренія отъ предыдущаго предпринимателя или отъ подлежащихъ властей). Всѣ три пункта вызвали упорное противодѣйствіе со стороны рабочихъ и противодѣйствіе не безуспѣшное. Первый пунктъ представлялся особенно опаснымъ, тѣмъ болѣе что министерство, несмотря на общее повышеніе дѣнъ, высказалось въ послѣднее время противъ повышенія заработной платы и дало соотвѣтственныя инструкціи органамъ, выполняющимъ посредническія функціи.

Первой пришлось выступить на борьбу за право стачекъ самой сильной рабочей организаціи Англи — федераціи углекоповъ. Угольная промышленность, въ которой шло броженіе на экономической почвѣ, было подчинено акту о военныхъ снабженіяхъ королевской прокламаціей. Но это не остановило стачки, и правительство было въ концѣ концовъ вынуждено взять свое распоряженіе обратно. Въ концѣ 1915 г. смягченія, если не отмѣны этого пункта, удалось добиться и рабочимъ, непосредственно занятымъ въ производствѣ военныхъ матеріаловъ. За ними было признано право стачки, если третейскій судъ не приведетъ къ разрѣшенію конфликта въ теченіе трехнедѣльнаго срока.

Упорную борьбу пришлось вести рабочимъ и противъ третьяго пункта; и здѣсь они достигли кое-какихъ уступокъ въ смыслѣ ограниченія произвола предпринимателей. Наконецъ, чуть было не вспыхнулъ рѣзкій конфликтъ между рабочими и правительствомъ изъ-за пункта втораго. Вопросъ о „разжиженіи“ труда, т. е. о замѣнѣ квалифицированныхъ рабочихъ неквалифицированными и мужчинъ женщинами, былъ поставленъ въ острой формѣ лишь въ концѣ 1915 г. Рабочіе соглашались на „разжиженіе“, но при условіи своего участія въ надзорѣ за этимъ „разжиженіемъ“, при условіи соблюденія извѣстныхъ выработанныхъ ими правилъ, которыя, по ихъ мнѣнію, до извѣстной степени гарантируютъ ихъ отъ возможныхъ вредныхъ послѣдствій допущенія необученнаго труда.

Въ концѣ концовъ правительство признало эти требованія справедливыми, — но только тогда, когда положеніе стало очень и очень напряженнымъ, только послѣ длительныхъ и слож-

ныхъ переговоровъ, принимавшихъ подчасъ очень острый характеръ и сопровождавшихся весьма бурными личными столкновениями между рабочими и Ллойдъ-Джорджемъ, закрытіемъ рабочихъ газетъ и т. п.

Таковы сейчасъ условія существованія англійскаго рабочаго движенія. Нечего и говорить о томъ, что нормы Munitions Act'a до крайности осложняютъ и затрудняютъ борьбу рабочаго класса за сохраненіе достигнутаго имъ до войны уровня существованія. Только благодаря исключительной силѣ сопротивленія ему удается до извѣстной степени смягчать эти нормы.

Итакъ, отрицательное отношеніе рабочаго класса къ биллю о военной службѣ приходится считать, съ извѣстной точки зрѣнія, достаточно обоснованнымъ. И специальная рабочая конференція, собравшаяся для обсужденія правительственнаго проекта въ концѣ декабря 1915 г., вновь и самымъ категорическимъ образомъ засвидѣтельствовала рѣшимость рабочихъ бороться противъ военной реформы. Резолюція противъ билля была принята подавляющимъ большинствомъ голосовъ — 1.998.000 противъ 783.000. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого вотума было рѣшеніе парламентарской рабочей партіи выйти изъ состава коалиціи и отставка трехъ рабочихъ министровъ: Хендерсона, Бреса и Робертса.

Казалось, поведеніе рабочей партіи окончательно опредѣлялось, тѣмъ болѣе что вслѣдъ за общей рабочей конференціей противъ билля высказались на своей особой конференціей углекопы, а затѣмъ еще болѣе рѣзкую резолюцію вынесъ исполнительный комитетъ желѣзнодорожниковъ. Однако, не прошло и недѣли, какъ Хендерсонъ, Брессъ и Робертсъ взяли уже свои прошенія объ отставкѣ обратно впредь до предстоявшаго въ январѣ годичнаго конгресса рабочей партіи. А въ палатѣ общинъ часть рабочей партіи вопреки рѣшенію конференціи систематически голосовала за билль, часть воздерживалась отъ голосованія и, въ общемъ, лишь члены социалистической Независимой рабочей партіи держались оппозиціонной тактики. При первомъ чтеніи билля, за билль голосовало 8 рабочихъ, противъ—13; при второмъ чтеніи за—16, противъ—11; при третьемъ противъ — уже только 6.

Чѣмъ же объясняется такая неустойчивость рабочей партіи? Какіе мотивы побудили ее игнорировать недвусмысленное рѣшеніе конференціи? Конечно, и на нее, какъ и на колеблющуюся часть либераловъ, было оказано сильнѣйшее давленіе со стороны правительства. И ея представителямъ указывалось на то, что отклоненіе билля неизбежно поведетъ къ кризису и къ выборамъ, что, оказывая сопротивленіе частной и временной мѣрѣ, которая имъ только представляется реакціонной, они тѣмъ самымъ приблизятъ наступленіе настоящей, — общей и длительной реакціи. Съ другой стороны, рабочимъ было дано обѣщаніе смягчить тѣ пункты билля, которые могли послужить цѣлямъ промыш-

шленного принужденія, и, дѣйствительно, эти пункты были нѣсколько смягчены: трибуналамъ было предоставлено право выдавать удостовѣренія объ изыятіи не только тѣмъ, кто занятъ работой государственной важности, но и тѣмъ, кто способенъ къ такой работѣ и желаетъ ее получить; рабочимъ, уволеннымъ изъ предприятия, дающаго право на изыятіе, была предоставлена шестинедѣльная отсрочка и т. п. Но, конечно, ни эти мелочныя уступки, ни запугиваніе реакціей, не оказало бы на рабочихъ того вліянія, какое оно оказало, если бы отношеніе рабочихъ къ реформѣ въ самой основѣ своей не было двойственнымъ.

Тотъ же бристольтскій конгрессъ трэдъ-юніоновъ (августовскій), которые вынесъ резолюцію противъ военной реформы, высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу войны до побѣдоноснаго конца, до полного сокрушенія германскаго милитаризма, одобрявъ, такимъ образомъ, политику правительства. Но ставя себѣ извѣстную цѣль, приходится иногда въ борьбѣ за нее, во имя ея достиженія кое-чѣмъ поступаться. Въ августѣ рабочимъ представителямъ казалось, что для побѣды надъ Германіей нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ какъ принудительный наборъ. Агитацію въ пользу воинской повинности они отнесли цѣликомъ, — и не основательно, — на счетъ реакціонной прессы, насчетъ ея стремленія „пруссіанизировать“ Англию. Сейчасъ на принудительномъ наборѣ настаиваютъ уже не „Times“ и „Daily Mail“, не Норсклиффъ и Мильнеръ, а Асквитъ, Ллойдъ-Джорджъ и Китченеръ, — люди, авторитетъ которыхъ въ рабочей массѣ все еще стоитъ весьма высоко. И характерно: въ августѣ въ пользу воинской повинности при данныхъ условіяхъ не поднялось ни одного сколько-нибудь авторитетнаго голоса, въ декабрѣ на защиту билля выступилъ цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей рабочаго движенія, и противъ резолюціи, осуждающей реформу, набралось всего лишь 783.000 голосовъ.

Совсѣмъ особое положеніе занимала въ данномъ случаѣ Независимая рабочая партія. Она относится отрицательно къ войнѣ, она, во всякомъ случаѣ, не приняла оффиціальной формулы цѣлей войны; и поэтому могла, не вступая съ собой въ противорѣчіе, остаться до конца на своей рѣзко-враждебной биллю позиціи. Для рабочей партіи въ цѣломъ, — партіи въ вопросѣ о войнѣ вполне отождествившейся съ правительствомъ, вошедшей въ обще-національную коалицію, — было почти невозможно на этой позиціи удержаться. Тѣсно связавъ свою судьбу съ судьбою либеральной партіи, она неизбежно должна была пойти вслѣдъ за своей союзницей въ Каноссу милитаризма и „пруссіанизма“.

Хендерсонъ, Брессъ и Робертсъ, а вмѣстѣ съ ними и большая часть парламентской рабочей партіи продѣлали эту эволюцію весьма быстро, при чемъ они разошлись даже какъ-будто съ на-

строениемъ партійныхъ массъ, высказавшихся на декабрьской конференціи противъ принудительной службы. Но бристольскіи (январскіи) конгрессъ рабочей партіи показалъ достаточно убѣдительно, что въ дѣйствительности большинство партіи вполне одобряетъ политику своихъ представителей въ министерствѣ. Правда, конгрессъ вновь осудилъ актъ о военной службѣ большинствомъ 1.796.000 голосовъ противъ 219.000. Но эта резолюція рядомъ послѣдовавшихъ постановленій была лишена всякаго практическаго значенія; это была чисто формальная декларация, ни къ чему не обязывающая. Предложеніе же начать кампанію въ пользу отмены акта было отклонено 649.000 голосовъ противъ 614.000. Резолюція, одобряющая общую политику правительства была принята 1.502.000 голосовъ противъ 602.000; резолюція, одобряющая вступленіе рабочихъ въ правительственную коалицію — 1.674.000 противъ 269.000. Наконецъ, резолюція, выражающая желаніе чтобы рабочіе остались въ министерствѣ, — 1.622.000 противъ 495.000. А въ то же время конгрессъ принялъ резолюцію, призывающую къ борьбѣ съ Munitions Akt, съ преслѣдованіемъ рабочей прессы, съ фактической отменой законовъ объ охранѣ труда, вообще со всей соціальной политикой кабинета. Врядъ ли можно придумать болѣе убѣдительное доказательство безсилія рабочей партіи найти выходъ изъ ея въ основѣ своей противорѣчиваго положенія, чѣмъ это нагроможденіе несогласованныхъ другъ съ другомъ резолюцій.

III.

Въ числѣ тѣхъ средствъ борьбы, при помощи которыхъ державы согласія рассчитываютъ сломить силу сопротивленія Германіи, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ блокада. Благодаря господству на Атлантическомъ океанѣ своего флота Великобританія имѣетъ возможность почти совершенно прекратить непосредственный ввозъ въ Германію изъ внѣ-европейскихъ странъ. Само собою понятно, какое значеніе имѣетъ это для Германіи.

Наканунѣ войны одни Соединенные Штаты ввозили въ Германію на 300 слишкомъ милліоновъ долларовъ; не меньше получала Германія тѣмъ же морскимъ путемъ изъ прочихъ государствъ Америки и Азіи. Львиную долю этого ввоза составляли средства питанія и необходимые для германской промышленности сырые матеріалы. Исчезновеніе ихъ съ германскаго рынка должно было бы отразиться на немъ весьма чувствительно даже въ томъ случаѣ, если бы всѣ границы Германіи остались открытыми для торговыхъ сношеній. Въ дѣйствительности этого, конечно, нѣтъ; ибо съ начала войны ввозъ въ Германію черезъ русскую и черезъ французскую границу сталъ фактически невозможенъ. Германія можетъ получить хлѣбъ и сырье или съ юго-востока, т. е.

изъ балканскихъ странъ и изъ Турціи, — гдѣ ихъ не можетъ быть особенно много, — или черезъ нейтральныя страны Европы: Нидерланды, Данію, Швецію и Норвегію. При такихъ условіяхъ планъ „взять Германію голодомъ“ съ помощью ея полной блокады долженъ представляться ея противникамъ вполне осуществимымъ. Разумѣется, болѣе или менѣе разумные сторонники этого плана никогда не придавали ему абсолютнаго значенія, никогда не думали, что голодъ самъ по себѣ можетъ заставить Германію положить оружіе. Но сокращеніе питанія населенія, хозяйственное разстройство въ связи съ недостаткомъ сырья — могутъ и должны понизить ея сопротивляемость, могутъ и должны приблизить моментъ ея капитуляціи.

Идеальная задача даннаго метода борьбы состоитъ въ полномъ экономическомъ изолированіи Германіи и союзныхъ съ нею государствъ. Эта задача до сихъ поръ разрѣшена Великобританіей далеко не вполне. Путемъ постепеннаго „стягиванія сѣти“, путемъ постепеннаго усиленія мѣръ борьбы съ германскою торговлей, Англія практически почти уничтожила непосредственный ввозъ въ Германію. Это было сравнительно не трудно, особенно послѣ того, какъ въ мартѣ условная контрабанда была приравнена къ абсолютной; гораздо сложнѣе былъ вопросъ о ввозѣ черезъ нейтральныя страны, ибо здѣсь для конфискаціи груза было необходимо доказать его германское назначеніе, что при современныхъ условіяхъ довольно затруднительно. И несомнѣнно, что Германія въ первый годъ войны получала такимъ путемъ кое-что въ пополненіе своихъ недостатковъ.

Въ одномъ изъ отчетовъ сэра Эдуарда Грея есть любопытныя цифры, характеризующія торговлю Соединенныхъ Штатовъ съ нейтральными европейскими государствами. Согласно этому отчету за январь — май 1914 г. общая сумма ввоза Соединенныхъ Штатовъ въ Норвегію, Швецію, Данію и Нидерланды равнялась 60.089.000 долларовъ; за тѣ же мѣсяцы 1915 г. — 205.747.000 долларовъ. Въ частности, хлопка, котораго особенно не хватаетъ сейчасъ Германіи, было ввезено въ 1914 г. — 204.177 центнеровъ, въ 1915 г. — 3.353.638 центнеровъ. Соответственно возросли также цифры ввоза табаку, кофе и т. д. Не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, чѣмъ вызывалось это повышеніе спроса нейтральныхъ государствъ, сосѣдей Германіи. Вѣроятно, не весь избытокъ, но, во всякомъ случаѣ, значительная доля его предназначалась для Германіи. И вполне естественно, что Великобританія не могла оставаться равнодушной къ этому обходу блокады, вполне естественно, что англійское министерство иностранныхъ дѣлъ изыскивало все новыя и новыя средства контроля надъ нейтральной торговлей.

Эти средства контроля были довольно разнообразны. Въ первую очередь это были договоры съ импортерами. Такъ какъ тор-

говья сношенія нейтральныхъ странъ были стѣснены дѣйствіями британскаго флота, то нейтральные импортеры находили для себя выгоднымъ заключать съ англійскимъ правительствомъ соглашенія. Англія гарантировала имъ пропускъ извѣстныхъ грузовъ безъ задержки и стѣсненій, а импортеры гарантировали Англіи, что эти грузы не выйдутъ изъ предѣловъ ихъ страны. Иногда такія соглашенія получали болѣе широкій характеръ и заключались не съ отдѣльными импортерами, а съ цѣлыми трестами импортеровъ. Такъ было въ Нидерландахъ, къ этому стремилась Англія и въ прочихъ нейтральныхъ странахъ. Далѣе, англійское правительство заключало договоры съ пароходными линиями, иногда оказывая на нихъ самое энергичное давленіе (напримѣръ, отказывая въ углѣ пароходамъ линіи, желающей сохранить самостоятельность). Пароходныя компании, обычно въ обмѣнъ за извѣстное ускореніе и упрощеніе досмотра, давали обязательство, что ихъ грузы не пойдутъ въ Германію. Наконецъ, Англія стремилась завершить всю систему своего контроля соглашеніемъ съ правительствами нейтральныхъ странъ и точнымъ нормированіемъ допустимыхъ для каждой страны размѣровъ импорта въ соотвѣтствіи съ ея дѣйствительными потребностями. Но въ этомъ она встрѣчала со стороны нейтральныхъ странъ довольно рѣшительный отпоръ. Въ результатѣ всѣхъ перечисленныхъ мѣропріятій ввозъ въ Германію черезъ нейтральныя страны безусловно значительно сократился. По даннымъ „White Paper“, выпущенной англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ январѣ 1916 г., во вторую половину 1915 г. Германія не получала уже ни хлопка, ни шерсти, ни каучука и получала лишь ничтожное количество прочихъ предметовъ ввоза.

Извѣстное просачиваніе черезъ нейтральныя страны въ Германію все же существовало, и въ январѣ нѣкоторая часть англійской прессы подняла по этому поводу кампанію противъ правительства, обвиняя его въ томъ, что въ угоду нейтральнымъ странамъ оно „кормитъ“ Германію. Кампанія имѣла шумный успѣхъ, нашла поддержку въ самыхъ широкихъ слояхъ общества, и одно время казалось, что даже правительство склоняется на сторону болѣе рѣшительной блокады, т. е. въ данномъ случаѣ болѣе рѣшительныхъ мѣръ контроля нейтральной торговли.

Каковы должны были быть эти мѣры, трудно сказать точно. Говорили и объ объявленіи формальной блокады, съ распространеніемъ ея на нейтральныя гавани въ родѣ Роттердама и Мальме и о болѣе строгомъ примѣненіи принципа „конечнаго назначенія“, и о принудительномъ сведеніи нейтральной торговли къ извѣстному раціону и т. д., и т. д. Можно спорить о соотвѣтствіи нормамъ международнаго права того контроля надъ нейтральной торговлей, какой практиковался Англіей раньше. Но мѣры, проектировавшіяся сторонниками строгой блокады, были уже безусловно съ правами

нейтральныхъ не совмѣстимы. Между тѣмъ въ нейтральныхъ странахъ и безъ того уже наростало за послѣдніе мѣсяцы недовольство торговой политикой Великобританіи. Усиленіе блокады могло бы вызвать послѣдствія, нежелательныя для самой Англій. Не говоря уже о перспективахъ разрыва съ нейтральными странами, — разрыва, въ настоящій моментъ мало вѣроятнаго, Англія и ея союзники сами во многихъ отношеніяхъ зависятъ отъ нейтральныхъ странъ, и суровыя мѣры противъ послѣднихъ грозили вызвать и съ ихъ стороны извѣстныя репрессаліи того же характера, — репрессаліи для державъ согласія весьма чувствительныя.

Изъ европейскихъ государствъ наибольшее волненіе вопросъ о блокадѣ вызываетъ въ Швеціи. Торговая политика Англій влила новыя силы въ шведскій „активизмъ“, въ началѣ державшійся только на идеѣ русской опасности, русскаго стремленія къ Атлантическому океану. Усиленіе активистскихъ настроеній въ связи съ раздраженіемъ противъ Англій проявилось уже въ тронной рѣчи, произнесенной королемъ при открытіи парламента 4-го января. Отмѣчая свою надежду и далѣе сохранять нейтралитетъ, объявленный Швеціей въ началѣ войны, король въ то же время указываетъ и на трудность положенія нейтральнаго государства. Онъ жаловался на то, что воюющія державы нарушаютъ все безцеремоннѣе нормы международнаго права, на то, что ихъ поведеніе наноситъ существенный ущербъ экономическимъ интересамъ Швеціи. „Правительству приходилось не разъ выступать противъ попытокъ подчинить шведскую торговлю постороннему надзору“. И выводъ: работу по усиленію обороны страны необходимо продолжать безъ промедленія. 12-го января, при обсужденіи бюджета премьеръ Хамаршельдъ поставилъ точки надъ і. Политика правительства, — говорилъ онъ, — политика нейтралитета; въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться. „Наше горячее желаніе — охранять миръ, и нашъ долгъ — всѣми силами содѣйствовать сохраненію мира“. Но „мы считаемся также съ возможностями, при которыхъ Швеція, несмотря на всѣ наши усилія, будетъ не въ состояніи сохранить миръ“. И эти возможности опять связываются съ торговой политикой. Швеція должна соблюдать полный нейтралитетъ въ вопросахъ торговой политики. Быть можетъ, было бы удобнѣе пойти здѣсь на какія-либо уступки давленію. Но эти уступки повели бы только къ новымъ требованіямъ, и въ результатѣ страна попала бы въ полную экономическую и политическую зависимость, что, конечно, совершенно недопустимо.

Заявленія шведскаго правительства не остались пустыми словесными деклараціями. Въ борьбѣ съ Англійей за свой торговый нейтралитетъ Швеція не остановилась передъ репрессаліями въ родѣ запрещенія вывоза бумажной массы, а въ послѣд-

нее время шведская пресса намекала даже на возможность мобилизации, которая и безъ объявленія войны могла бы оказать нѣкоторую услугу Германію. Но, разумѣется, угрозы и репрессалии со стороны Швеціи по своему удѣльному вѣсу не могли идти въ сравненіи съ недовольствомъ, вызваннымъ торговой политикой Англии въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ извѣстныхъ слояхъ американскаго общества это недовольство чувствуется уже давно; оно, несомнѣнно, все болѣе усиливается по мѣрѣ усиленія блокады Германіи.

Въ общемъ и цѣломъ объ ущербѣ для американской торговли отъ прекращенія вывоза въ Германію говорить не приходится. Американская торговля за время войны выросла необычайно. Только въ началѣ войны цифра американскаго вывоза рѣзко упала; затѣмъ она начала быстро повышаться и къ декабрю 1914 г. перегнала уже декабрьскую цифру 1913 г. (въ 1913 г. — 46.600.000 долларовъ, въ 1914 г. — 49.200.000 долларовъ). По даннымъ своднаго отчета американскаго департамента торговли за первые 11 мѣсяцевъ 1915 г. Соединенные Штаты вывезли на 637.837.450 ф. ст. (цитируемъ по „Times“), тогда какъ за 11 мѣсяцевъ 1914 г. — всего на 237.598.298 ф. ст. Прекращеніе вывоза въ Германію съ избыткомъ компенсировалось повышеніемъ вывоза въ страны согласія и въ нейтральныя государства. Такъ по тому же отчету въ Англию было вывезено въ 1914 г. (всѣ цифры за первые 11 мѣсяцевъ) на 93.548.954 ф. ст., — въ 1915 г. — на 196.783.323 ф. ст.; во Францію въ 1914 г. — на 26.503.663 ф. ст., въ 1915 г. — на 90.347.066; въ Италію въ 1914 г., — на 14.353.102 ф. ст., въ 1915 г. на 49.671.358; въ Россію въ 1914 г. — на 4.326.127 ф. ст., въ 1915 г. — на 20.325.346. Вывозъ въ Данію повысился (въ круглыхъ цифрахъ) на 10 милл., въ Нидерланды — на 4 милл., въ Норвегію — на 7 милл., въ Швецію — на 13 милл.

Однако, этотъ ростъ далеко не равномеренъ для разныхъ статей вывоза. Очень возросъ спросъ Европы на съѣстные припасы: нечего и говорить уже о военныхъ матеріалахъ, объ обуви, вообще о товарахъ, усиленное потребленіе которыхъ вызвано войной. Но, съ другой стороны, имѣется рядъ предметовъ вывоза, спросъ на которые за время войны абсолютно сократился, и сократился какъ разъ въ связи съ блокадой Германіи. Это, на примѣръ, удобренія, минеральныя масла; но прежде всего и главнѣе всего — хлопокъ. Трудно сказать, какъ великъ уронъ этой группы отъ прекращенія вывоза въ Германію, ея представители тѣмъ не менѣе прекрасно сознаютъ, что снятіе блокады или даже ея смягченіе общааетъ имъ колоссальныя барыши.

Хлопокъ занимаетъ первое мѣсто въ вывозѣ Соединенныхъ Штатовъ. Съ интересами хлопководовъ не можетъ не считаться аме-

риканское правительство. Демократическое правительство Вильсона сверхъ того особенно тѣсно связано съ югомъ; для демократической партіи порвать съ южными плантаторами — значитъ совершить актъ политическаго самоубійства.

Еще въ октябрѣ Вильсонъ попытался выступить въ защиту ихъ требованія. Въ нотѣ, предъявленной британскому правительству, онъ заявилъ протестъ, во-первыхъ, противъ терпимыхъ американской торговлей стѣсненій въ отношеніи вывоза неконтрабандныхъ товаровъ непосредственно въ Германію (надо помнить, что формально блокада Германіи не объявлена); во-вторыхъ, противъ ограниченія свободы торговыхъ сношеній Соединенныхъ Штатовъ съ нейтральными странами. Для того, чтобы нота произвела желательное впечатлѣніе, необходимо, чтобы за нею чувствовалась готовность примѣнить въ случаѣ отказа извѣстныя мѣры воздѣйствія. Такой мѣрой воздѣйствія могло бы быть давно уже требуемое Германіей прекращеніе снабженія армій согласія американскимъ оружіемъ. Серьезная угроза такого рода бойкотомъ могла бы, пожалуй, привести къ смягченію блокады (объ отмѣнѣ ея врядъ ли можетъ быть рѣчь). Но въ дѣйствительности на пути къ примѣненію подобной мѣры стояли интересы сѣверной промышленности, еще болѣе мощные, чѣмъ интересы южныхъ хлопководовъ. Политическое вліяніе представителей тѣхъ отраслей индустріи, которыя заинтересованы въ сохраненіи дружественныхъ отношеній съ согласіемъ, въ Соединенныхъ Штатахъ огромно. Пойти открыто противъ нихъ для президента, казалось, весьма затруднительно. И это обстоятельство было, разумѣется, учтено въ Лондонѣ: нота Вильсона не оказала никакого дѣйствія. Мало того — какъ мы видѣли, въ Англии, несмотря на эту ноту, былъ поднятъ вопросъ о новомъ усиленіи блокады.

Повидимому, на этотъ разъ расчеты на неизбежную уступчивость Соединенныхъ Штатовъ оказались невѣрны. Такой отвѣтъ на американскую ноту не могъ не вызвать смущенія въ правительственныхъ кругахъ Вашингтона и раздраженія — въ кругахъ экспортеровъ американскаго сырья. Правительство, явнымъ образомъ, оказалось безсильно отстоять ихъ интересы отъ новыхъ ограниченій.

Въ какомъ раздраженномъ тонѣ начали въ Соединенныхъ Штатахъ говорить объ Англии, можно судить по рѣчамъ, произносившимся въ засѣданіи сената 8-го января. Сенаторъ Смитъ (демократъ) называлъ отношеніе Англии къ нейтральной торговлѣ грабежемъ и требовалъ немедленнаго запрещенія вывоза военныхъ матеріаловъ. Другой демократъ, Бердманъ спрашивалъ съ негодованіемъ: „Долго ли мы будемъ поставлять Англии все, что ей нужно, тогда какъ Англія попираетъ ногами торговыя права гражданъ нашей страны? Англія не можетъ продолжать войну безъ аммуниціи изъ Соединенныхъ Штатовъ. Англія не можетъ прокормиться населеніе безъ сѣстныхъ припа-

совъ изъ Соединенныхъ Штатовъ и изъ другихъ нейтральныхъ странъ. Безъ хлопка изъ Соединенныхъ Штатовъ Англія не можетъ дать работы даже на 60 дней тѣмъ милліонамъ, которые заняты въ ткацкихъ фабрикахъ Ланкашира“.

Наконецъ и республиканецъ Кемминсъ выступилъ съ горячей филиппикой противъ фирмъ, наживающихся на поставкѣ военныхъ матеріаловъ, и съ требованіемъ націонализаціи такихъ предпріятій.

Потому-ли что настроеніе демократической партіи выразилось въ столь рѣзкой формѣ, потому ли, что приближается срокъ президентскихъ выборовъ, или потому, что настоящій моментъ по какимъ-либо инымъ политическимъ расчетамъ оказался для того удобнымъ, но, какъ кажется, Вильсонъ, вопреки ожиданіямъ, сумѣлъ достаточно твердо формулировать по поводу новыхъ англійскихъ плановъ точку зрѣнія Соединенныхъ Штатовъ. Возможно даже, что отзвукъ этой формулировки прозвучалъ и въ знаменитой рѣчи Вильсона 14-го января. „Я хочу внушить вамъ, — говорилъ президентъ, между прочимъ, — что міровыя условія сейчасъ не таковы, какъ были вчера или въ какой-либо изъ прошлыхъ дней. Они навѣрное, не таковы, какими будутъ завтра. Я не могу сказать вамъ, каковы будутъ международныя отношенія нашей страны завтра, — и я употребляю это слово въ его буквальномъ смыслѣ. Я не смѣю молчать и оставлять страну въ предположеніи, что завтра будетъ такъ же ясно, какъ и сегодня“.

Въ тотъ же день Англія устами сэра Эдуарда Грея отказалась отъ плановъ усиленія блокады. Основнымъ доводомъ министра въ его рѣчи противъ резолюціи о блокадѣ было то соображеніе, что и настоящая система даетъ въ смыслѣ истощенія Германіи все, что требуется. Никакая иная система, — по словамъ Грея, — не въ состояніи дать больше, ибо совсѣмъ безъ „просачиванія“ обойтись нельзя. Но наряду съ этимъ соображеніемъ Грей высказалъ и другое, въ данныхъ условіяхъ имѣющее, пожалуй, не меньшій реальный вѣсъ: „Нейтральныя державы въ правѣ претендовать на максимумъ тѣхъ правъ, которыя мы по совѣсти можемъ признать справедливыми и которыя мы признавали по отношенію къ другимъ воюющимъ государствамъ въ другихъ войнахъ... Всякая блокада должна быть согласуема съ правами нейтральныхъ народовъ“.

Выразившееся въ этихъ словахъ стремленіе не раздражать нейтральныя государства вполне понятно: обостреніе отношеній съ ними не можетъ входить сейчасъ въ намѣренія Англіи. Между тѣмъ такое обостреніе было-бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ усиленія блокады. Конечно, заявленія Грея не устраняютъ треній между Англіей, съ одной стороны, Швеціей и Соединенными Штатами, съ другой; но онѣ до извѣстной степени предупреждаютъ ихъ дальнѣйшее расширеніе.

В. Волгинъ.

ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАСТРОЕНІЙ.

(Письмо изъ Рима.)

Два вопроса стоятъ теперь въ центрѣ общественнаго вниманія Италіи: 1) ея участіе на балканскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій и 2) предстоящее на-дняхъ открытіе парламентской сессіи.

Когда письмо это дойдетъ до Россіи и увидитъ свѣтъ, многое, быть можетъ, выяснится и станетъ болѣе опредѣленнымъ какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ южнаго королевства. Думается, однако, что и эти запоздалыя строчки не утратятъ своего интереса, какъ фактическаго характера свидѣтельство о „Stato d'animo“ различныхъ общественныхъ группъ Италіи.

Когда въ маѣ отшумѣла гроза (многіе скептики считаютъ ее бутафорской, но не послѣдуемъ за ними и оставимъ это слово безъ кавычекъ) и послѣ десяти мѣсяцевъ борьбы, тревоженій, неувѣренности страна очутилась, наконецъ, передъ свершившимся фактомъ, даже противники этого исхода были удовлетворены въ одномъ отношеніи: слава Богу, конецъ двусмысленному положенію, экивокамъ, неопредѣленнымъ заявленіямъ и обѣщаніямъ, которыми одинаково довольны или недовольны обѣ стороны! Увы, этотъ медовый мѣсяцъ опредѣленности и ясности продолжался весьма недолго. Очень скоро возникли недоумѣнные вопросы: почему не объявлена война Германіи? почему Италія не присоединяется къ лондонскому договору союзниковъ?

Уже при начавшейся тогда оживленной — хотя и сильно стѣсненной цензурными рамками — дискуссіи на эту тему, намѣтились слѣдующія группировки, особенно ярко сказавшіяся въ послѣднее время, когда остро всталъ вопросъ о Балканахъ:

1) теченіе національ-империалистское съ боевымъ органомъ, римской „L'idea Nazionale“ во главѣ. Это теченіе высказывается за наибольшее расширеніе войны, свободное отъ ограниченія ирредентистскими рамками, за осуществленіе всевозможныхъ „историческихъ задачъ“ на Адриатикѣ, на Балканахъ и т. т. Изъ этихъ рядовъ раздаются голоса съ притязаніями на Далмацію, Истрию. Эта группа требуетъ отъ правительства широкой конкретной империалистской программы.

2) Теченіе „ирредентистское“, представляющее всю буржуазную демократію — вплоть до республиканцевъ и реформистовъ. Крайнее лѣвое крыло этого теченія представляютъ немногочисленные оторвавшіеся отъ партіи социалистовъ элементы во главѣ съ Муссолини и его органомъ „Popolo Italia“. Вся эта группа, состоящая изъ довольно разнородныхъ элементовъ, единодушна въ требованіи войны съ Германіей и тѣснаго контакта

съ союзниками. Среди нея сильно развитъ культъ „союзничества“, особенно процвѣтаетъ франкофильство (противники этой группы довольно убѣдительно вскрываютъ прозаическую почву этого тяготѣнія къ „латинской сестрѣ“...) Здѣсь усердно разрабатывается вся возвышенная идеологія войны: борьба съ милитаризмомъ и тевтонскимъ имперіализмомъ; съ варварствомъ за культуру, цивилизацію, свободное національное развитіе и т. д. Что же касается программы итальянской войны, то кромѣ Тренто и Триеста „ирредентисты“ никакихъ опредѣленныхъ требованій не предъявляютъ. Это не значитъ, что они противъ „историческихъ задачъ“, — органы демократической партіи вродѣ „Messaggero“ весьма охотно подпѣваютъ на эту тему; они только не включаютъ ее открыто въ свою программу, какъ боевой пунктъ, чтобы не компрометировать себя предъ массами, воспринявшими войну, какъ національно-освободительное дѣло, завершающее программу Гарибальди. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ случаѣ какихъ-либо восточныхъ аннексій и участія въ „дѣлѣхъ наслѣдствъ“, „ирредентистская“ группа, за исключеніемъ, быть можетъ, части социалистическихъ и республиканскихъ элементовъ, — не стала бы въ оппозицію къ правительству. (Стоитъ отмѣтить, что партіи охарактеризованныхъ нами двухъ теченій переполнены масонами.)

3) Течение „реальной политики“ или „sacro egoismo“, по крылатому слову Салаандры. Это течение борется какъ съ имперіалистскими крайностями националистовъ, такъ и съ революционно-освободительной фразеологіей „ирредентистовъ“. Отражая или стремясь отразить взгляды правительственныхъ круговъ, это течение очень осторожно въ обѣщаніяхъ и программныхъ требованіяхъ, избѣгая всякой опредѣленности и конкретности. Лозунгъ „національнаго эгоизма“ сводится къ допущенію компромисса, сдѣлки и всякаго рода другихъ проявленій политической „трезвости“. Это течение располагаетъ наиболѣе сильной печатью. Одну изъ основныхъ струй этого теченія представляютъ собой джюлиттѣанцы, о чемъ у насъ рѣчь будетъ еще ниже.

Въ сторонѣ ото всѣхъ этихъ группировокъ, въ которыя вошли элементы, такъ или иначе пріявшіе войну, стоятъ двѣ группы „не пріявшихъ“: католическая — или, вѣрнѣе, ватиканская, и социалистическая. Каждая изъ нихъ, въ предѣлахъ свершившагося факта, продолжаетъ свою глубоко-принципіальную линію...

Итакъ, какъ же обстоитъ — и обстоить — дѣло объ отношеніяхъ съ Германіей? На этотъ счетъ ходитъ множество слуховъ, легендъ, строятся всевозможныя глубокомысленныя концепціи (главная ихъ лабораторія помѣщается въ римскомъ Safe Aragno...), но ясности въ положеніи это не создаетъ... Мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, съ еще одной „тайной мадрид-

скаго двора“... Формальный, юридическій отвѣтъ на проблему имѣется и весьма безупречный:

— Мы объявили войну Австріи, потомъ Турціи — вѣрнымъ союзникамъ Германіи. Слѣдовательно, она должна объявить войну намъ...

Этимъ отвѣтомъ вынуждена пользоваться даже ирредентистская печать, когда приходится полемизировать съ нѣкоторыми изъ нетерпѣливыхъ союзниковъ, но его неудовлетворительность весьма хорошо сознается всѣми.

Не лучше обстоятъ дѣло и съ вопросомъ на тему: „L'Italia e gli alleati“*. Итальянская публика не знаетъ, присоединилось ли правительство къ лондонскому договору союзниковъ или нѣтъ. Никакихъ официальныхъ, имѣющихъ юридическую силу заявленій на этотъ счетъ сдѣлано не было. Бѣдные „ирредентисты“ изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы доказать, что и Италія просоединилась къ договору. Когда недавно пришло извѣстіе о запросѣ въ лондонскомъ парламентѣ насчетъ поведения Италіи, объ уклончивомъ отвѣтѣ Грѣя, о статьѣ Times'a, по поводу присоединенія Японіи спросившаго, почему недостаетъ подписи Италіи, — „Messaggero“ торжественно извлекло на свѣтъ Божій телеграмму агентства Стефани (отъ 27 мая 1915) слѣдующаго содержания: „Агентство Рейтера узнало изъ дипломатическихъ источниковъ, что Италія просоединилась къ договору, уже подписанному въ Лондонѣ союзными державами, относительно не-заключенія сепаратнаго мира“. Если это такъ, почему агентство Стефани не сдѣлало подобнаго заявленія отъ имени итальянскаго правительства? Почему и агентство Рейтера вмѣсто яснаго и опредѣленнаго языка заговорило въ репортерскомъ тонѣ — „узнало... изъ источниковъ?...“ Почему правительство не положить конца кривотолкамъ? Почему вопросъ о присоединеніи Японіи не вызвалъ никакихъ сомнѣній и экивоковъ?

Съ особенной остротой и силой дала о себѣ знать неопредѣленность этой позиціи съ наступленіемъ послѣдней фазы войны — съ выходомъ Болгаріи изъ нейтралитета и побѣдоноснымъ маршемъ Макензена.

Когда балканскія неудачи четвернаго согласія вызвали во Франціи и Англии цѣлую общественную бурю вплоть до министерскихъ кризисовъ, — голосъ итальянской печати громче и, пожалуй, пронзительнѣе всѣхъ прочихъ воззвалъ къ „рѣшительнымъ дѣйствіямъ“. О характерѣ этихъ „рѣшительныхъ“ совѣтовъ можно судить по слѣдующему мнѣнію одного изъ совѣтниковъ, сенатора Виттаріо Роландо Риччи: „Мы признаемъ, что это былъ бы методъ грубо-нѣмецкій; но поскольку онъ оказывается полезнымъ и практическимъ, мы его допускаемъ, помня Овидія, говорившаго, что хорошо учиться и у врага: *fas est et*

* Италія и союзники.

ab hoste doceri“ (см. „Tribuna“ № 321, статья „Politica e guerra a sei mesi data“).

Критикуя ошибки союзной дипломатии (при чемъ предупредительно указывается на то, что Италия здѣсь не при чемъ, такъ какъ она лишь въ концѣ мая вступила въ войну), — печать съ горечью обрушивается на эллинофильство англичанъ и французовъ, вспоминая политику изъ-за Додеканеза, пролива Корфу и прочихъ объектов осуществленія „историческихъ задачъ...“

Ну, а кромѣ „словесности“, что внесла Италия реального въ разрѣшеніе балканскаго вопроса? И тутъ циркулировали безчисленные слухи. Саѣ Aragno нѣсколько разъ уже снаряжало огромныя экспедици, — но всѣ онѣ за предѣлы этого кафе не ушли.

Всѣмъ этимъ фантастическимъ слухамъ и былъ положенъ временный конецъ официальной характера статьей, напечатанной въ Giugnae d'Italia. Оголенная отъ всѣхъ словесныхъ приукрашеній, суть ея сводилась къ тому, что Италия въ высадкѣ въ Салоникахъ въ настоящее время участія не приметъ, усиливъ наступленіе по всему австрійскому фронту. Поддержанное, правда, всей джюлиттанской и „солидной“ печатью (вплоть до „Corriere della Sera“), заявленіе это встрѣтило такое плохое отношеніе въ печати національ-империалистской и „ирренденгистской“, — а особенно въ печати союзныхъ державъ съ самимъ „Temps“ во главѣ — что нужно было выпустить второе, болѣе мягкое, туманное и запутанное изданіе.

Въ немъ подчеркивалось, что рѣшеніе Италиі принято съ согласія и одобренія всего четверного согласія, имѣющаго общую цѣль; далѣе, указывалось на не абсолютный, а временный („per ora“) характеръ этого воздержанія, давалось знать, что въ будущемъ не исключена возможность участія Италиі непосредственно на балканскомъ театрѣ войны, и вообще, все было направлено къ тому, чтобы разсѣять сложившееся предубѣжденіе о какихъ-то макклявелистскихъ расчетахъ. Нѣтъ, Боже избави, — тутъ вопросъ чисто военнаго характера — „semplicemente questione di opportunità militare“...

Но и это заявленіе внесло мало успокоенія. Имъ остались довольны тѣ, кто былъ доволенъ и первымъ... „Secolo“ очень ехидно замѣтило, что лучшимъ свидѣтельствомъ о качествахъ сихъ документовъ можетъ служить то обстоятельство, что имъ очень удовлетворены такіе органы, какъ „Tribuna“ и „Popolo Romano“... Впрочемъ, „сакроэгоисты“ имѣли въ рукахъ очень сильный козырь: скептическое отношеніе весьма авторитетныхъ французскихъ и особенно англійскихъ круговъ къ балканской экспедици. Они могли ссылаться на мнѣнія такихъ военныхъ критиковъ, какъ полковникъ Ренингтонъ и полковникъ Фейлеръ. Но эта была лишь приятная приправа къ своему кушанью: „L'Italia deve far per se“ — Италия должна работать на себя: если это „per se“ потребуетъ — пойдѣмъ на Балканы, а нѣтъ — пошлѣмъ воздушный поцѣлуй многостра-

дальной героической Сербіи... Осуществленіе — и въ предѣлахъ австро-итальянскаго фронта довольно значительное и успѣшное — единственной реальной части программы, изложенной въ офиціозныхъ газетныхъ нотахъ, дало нѣкоторое удовлетвореніе и недовольной части общественнаго мнѣнія. Но страсти вновь разгорѣлись, когда разразился послѣдній парламентскій кризисъ въ Греціи, исходъ котораго навсегда, кажется, лишилъ союзниковъ надежды привлечь на свою сторону потомковъ Улисса. Вновь очень сильно заговорили объ экспедиціи, „о замѣнѣ Греціи Италіей“, о „комнеисаціяхъ“ и т. п. Даже „Tribuna“ принялась толковать о томъ, что никогда не была исключена возможность экспедиціи, „напримѣръ, въ Албанію“. Тамъ же появилась статья Э. Тедески съ характернымъ проектомъ созданія на Балканахъ арміи для союзниковъ — изъ албанцевъ... (см. Trib., № 324).

Появленіе итальянскаго крейсера „Piemonte“ у береговъ Греціи дало поводъ думать, что вотъ моль, оно, начинается... Такъ же оптимистически настраивало и измѣнившееся поведеніе цензуры: она стала явно снисходительнѣе къ балканскому вопросу, стала пропускать не только общаго характера статьи, но и „слухи“, фактическія замѣтки. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ тонѣ позволили высказаться „Popolo d'Italia“. Не говоря уже объ огромномъ, на всю газету, подзаголовкѣ: „Il governo deve decidersi“ („Правительство должно рѣшиться“), въ текстѣ мы находимъ такое мѣсто: „Это мы, интервентисты площади („della piazza“), вернули Саландру къ власти... Онъ — нашъ и долженъ слѣдовать великой идеѣ мая. Иначе мы подыдемъ противъ него со всей той рѣшительностью, съ которой мы свалили Джіолитти. И свалимъ такъ же и Саландру“ („E getteremo a ferra anche Salandra“) (см. „Popolo d'Italia“ № 320).

При такомъ положеніи вещей оставалось ждать только новой „ноты“... Случай не замедлилъ представиться: послѣ публичныхъ рѣчей министровъ, — Саландры — въ Капитоли, Барццала — въ Неаполѣ, — очередь дошла до Орландо. Онъ говорилъ въ Палермо три дня тому назадъ — 21 ноября, — когда общественное вниманіе было приковано къ Балканамъ, и всѣ, естественно, ждали, послѣ вышеуказанныхъ симптомовъ, болѣе или менѣе опредѣленнаго заявленія. Читатели, разумѣется, знакомы съ этой рѣчью и знаютъ, какъ она, въ интересующей насъ части, бѣдна конкретнымъ содержаніемъ: общія, азбучнаго характера истины о томъ, что безъ побѣды союзниковъ немислима побѣда Италіи и что невозможны, какъ отдѣльная побѣда, такъ и отдѣльный миръ (и все это въ видѣ разсужденія, а не заявленія). Что же касается Балканъ, то 1) „мы выражаемъ горячее сочувствіе героической Сербіи, 2) мы, разумѣется, заинтересованы въ судьбѣ балканскихъ народовъ, являющихся нашими со-

сѣдьями по Адриатическому морю, которое есть наше море“... C'est tout... „Солидная“ печать встрѣтила рѣчь съ восторгомъ, рассыпалась въ комплиментахъ передъ латинскимъ краснорѣчіемъ оратора, но вся прочая пресса осталась при особомъ мѣлѣнн. „Avanti“ задало весьма справедливый вопросъ: если г. министр ничего не имѣлъ или не хотѣлъ говорить. — то зачѣмъ онъ, собственно говоря, утруждалъ себя публичнымъ выступленіемъ? Тѣ газеты, которыя обыкновенно, въ такихъ случаяхъ занимались тѣмъ, что истолковывали слова въ желательномъ для себя смыслѣ, на сей разъ отказались отъ этой тактики: „Messaggero“, напримеръ, воздержалось отъ политическихъ комментариевъ, а „L'idea Nazionale“ въ очень почтительной, но рѣшительной формѣ подвергла рѣчь уничтожающей критикѣ... * И опять все покрыто „мракомъ неизвѣстности“... Опять экспедиціи, снаряжаемыя въ кафе Араньо, опять слухи, шопоты, „факты“... Ну, какъ не вспомнить блаженной памяти нейтралитетъ того же итальянскаго кабинета?..

Изъ вопросовъ чисто внутренней политики центральное мѣсто занимаетъ вопросъ о парламентѣ. Страна съ демократическимъ и парламентарнымъ режимомъ, Италия лишь на 7-й мѣсяцъ войны даетъ голосъ полноправному народному представительству, въ течение полугода оставаясь, такимъ образомъ, подобно своему заклятому врагу, Австріи, государствомъ правительственной диктатуры. Первыми начали борьбу за парламентъ социалисты; кромѣ нихъ, ни одна организованная партія въ цѣломъ не выставила требованія парламента. Высказывались за это отдѣльныя лица, отдѣльныя газеты, преимущественно изъ лагеря „реальныхъ политиковъ“, какъ, напр., „Tribuna“. Имперіалисты же, масоны, демократы и всѣ прочіе интервентисты повели болѣе или менѣе открытую и рѣшительную атаку противъ открытія парламента.

* Немедленно послѣ опубликованія рѣчи Орландо, Центральный Комитетъ Национальной ассоціаціи опубликовалъ слѣдующую резолюцію: Ц. К. Ассоціаціи Националистовъ, принимая во вниманіе, что цѣль итальянской войны заключается не только въ завершени возврата неосвобожденныхъ земель („terre irredente“), но также въ обезпечени необходимого расширенія („espansione“) Италии политическаго и экономическаго въ Средиземномъ морѣ и на Востокъ, а прежде всего въ утверженіи Италии, какъ великой мировой державы („come grande potenza mondiale“), которая не можетъ допустить разрѣшенія мирового кризиса безъ того, чтобы не запечатлѣть при этомъ разрѣшеніи своей сознающей себя воли; принимая во вниманіе, что для того, чтобы достигнуть этихъ цѣлей, какъ того требуетъ будущность и самое существованіе Италии, — такъ же необходимо объявленіе войны Германіи, какъ и итальянскія дѣйствія на востокъ Средиземнаго моря — требуетъ отъ итальянскаго правительства объявленія войны Германіи и принятія мѣръ безъ дальнѣйшихъ промедленій и безъ парализующихъ ограниченій для дѣйствій, — гдѣ бы онѣ ни были необходимы, — защищающихъ и приводящихъ въ движеніе наши интересы на востокъ Средиземнаго моря въ которомъ заключается все наше будущее“.

„L'Idée Nazionale“ писала, что во время войны никакія „говорильни“ не нужны, онѣ только будутъ мѣшать дѣлу. Но когда стало извѣстно, что правительство, — которому, очевидно, показалось неудобнымъ обострять отношенія съ парламентомъ и захотѣлось обновить вотумъ довѣрія, въ полученіи котораго ему нѣтъ основаній сомнѣваться, — созываетъ палату и даже зафиксировало срокъ — 1 декабря, — противникамъ парламента пришлось поневолѣ считаться съ фактомъ. Наибольше непримиримой и на этотъ разъ оказались національ-империалисты: — Ладно! Пусть правительство прочтетъ свои заявленія, а палата безъ дальнѣйшихъ проволочекъ проголосуетъ кредиты, и баста — по домамъ! — писала „L'Idée Nazionale“. Демократическая печать, разумѣется, не могла себѣ позволить роскоши подобнаго обращенія съ народнымъ представительствомъ, но и она трактуетъ его лишь какъ неизбѣжное зло.

Чѣмъ же объясняется это болѣе чѣмъ критическое отношеніе къ парламенту со стороны демо-националистическихъ группъ? — Существованіемъ въ немъ анти-патриотическаго комплота изъ джіолиттианцевъ и социалистовъ, — гласить циркулирующій въ ихъ печати отвѣтъ.

Но этотъ отвѣтъ ни въ малѣйшей степени не выдерживаетъ критики. Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ основаніе подозрѣвать джіолиттианцевъ въ анти-патриотизмъ? Они противились въ свое время вступленію Италіи въ войну, но когда она стала свершившимся фактомъ, они „пріяли“ ее не хуже всѣхъ прочихъ патриотовъ. При голосованіи полномочій правительству на время войны изъ 73 вотировавшихъ противъ — 48 принадлежало социалистамъ; остаются 25 голосовъ, изъ которыхъ нѣсколько принадлежатъ клерикаламъ. Итакъ, изъ насчитывавшихся 300 слишкомъ джіолиттианцевъ набралось едва два десятка „анти-патриотовъ“, — и это при закрытомъ голосованіи... Да иначе и не могло быть. Вѣдь та „оппозиція“, которую вели джіолиттианцы противъ вмѣшательства Италіи въ европейскій конфликтъ, ни въ какой мѣрѣ не была принципиальной, это было лишь однимъ изъ развѣтвленій все того же „Sacro egoismo“, реальной политики... Характерно, что въ майскіе дни очень многіе объясняли поведеніе Джіолитти, какъ борьбу за власть и только: свалить Саландру, и самъ объявить войну...

Видѣть въ Саландрѣ и Джіолитти, какъ это принято, представителей какихъ-то двухъ полюсовъ итальянской общественности по меньшей мѣрѣ неосновательно. Можетъ быть, у перваго перчатки нѣсколько чище, чѣмъ у втораго, но фактически оба они представляютъ собой лишь, пользуясь терминологіей Н. К. Михайловскаго, различныя степени одного и того же типа общественнаго развитія. Интересы національной буржуазіи лежатъ въ основѣ политики одного и другого. Да и насчетъ перчатокъ можно поспорить, вспомнивъ исторію „нейтралитета“...

Джіолиттіанцы отдали войнѣ не только свои голоса, но и печать; они присоединялись къ рѣчамъ министровъ, приняли участие въ общественной мобилизаци. Видѣть въ этомъ, подобно многимъ, какой-то подвохъ, значитъ не обнаружить большой политической проницательности. Невольно возникаетъ сравненіе съ болгарской руссофильской оппозиціей, на которую союзники возлагали такія же надежды, какъ нѣмцы на джіолиттіанцевъ. Мы знаемъ теперь, что болгарская оппозиція примирилась съ правительствомъ Радославова (см., напр., „Рус. Вѣд.“ отъ 26 X, сообщенія г. А. Деренталя). Есть ли основанія предполагать здѣсь „подвохъ“? Малиновцы и радославовцы, саландріане и джіолиттіанцы — это все „споръ славянъ между собой“, склока различныхъ буржуазныхъ группъ, которыя въ нужную минуту умѣютъ „объединяться“... И въ Италіи ни правительство, ни одинъ отдающій себѣ отчетъ политикъ не ждетъ съ этой стороны никакой опасности. Уже стало извѣстно, что Джіолитти не явится въ эту сессию въ парламентъ, что отвѣчать на правительственную декларацию будутъ только соціалисты...

Такимъ образомъ, если въ пропагандѣ недовѣрія къ парламенту, которую усиленно ведутъ „интервентисты“, на видномъ мѣстѣ въ качествѣ жупела фигурируютъ джіолиттіанцы, то это не болѣе какъ демагогическій приѣмъ, пытающійся замаскировать истинную сущность похода... Объ этомъ недавно проговорился одинъ изъ виднѣйшихъ интервентистовъ, депутатъ-республиканецъ проф. Наполеоне Колайанни. Въ статьѣ о предстоящемъ открытіи парламента („Messaggero“, № 314) онъ, „осуждая“ слишкомъ рѣзкія нападки націоналистовъ, указываетъ, что для такихъ нападокъ и вообще для развитія анти-парламентскихъ настроеній имѣются, къ сожалѣнію, солидныя основанія. Эти основанія покоятся на существованіи въ Италіи и въ парламентѣ опаснаго „внутренняго“ врага — соціалистовъ. Мы не будемъ останавливаться на мало-интересной аргументаціи почтеннаго профессора — она какъ двѣ капли воды похожа на всѣ подобнаго рода посрамленія — отмѣчаемъ лишь, что старый и опытный политикъ, говоря о парламентской опасности, ни единымъ словомъ не упоминаетъ джіолиттіанцевъ, а прямо беретъ быка за рога. Походъ противъ парламента былъ косвеннымъ походомъ противъ соціалистовъ, для которыхъ, при существующихъ условіяхъ, парламентская трибуна является однимъ изъ наиболѣе могучихъ орудій дѣйствія.

Въ основу парламентской дѣятельности соціалистовъ въ открывающуюся сессию положенъ порядокъ дня, единогласно принятый группой на собраніи въ Римѣ (31 окт.), совместно съ дирекціей партіи. Основные пункты резолюціи заключаются въ слѣдующемъ: группа констатируетъ все усиливающуюся, подъ предлогомъ военной необходимости, внутреннюю реакцію: аресты

и высылки въ административномъ порядкѣ, цензурные экцессы, носящіе чисто политически-партийный характеръ, оттягиваніе созыва парламента при явномъ попустительствѣ къ сильной компани, направленной съ нѣкоторыхъ сторонъ противъ этого института, „который пролетаріатъ въ настоящей фазѣ общественнаго состоянія признаетъ, какъ мѣсто и естественную гарантію борьбы за всѣ гражданскіе идеи и интересы и потому намѣревается, въ случаѣ надобности, защищать его со всей энергіей“; къ этому ненормальному политическому состоянію присоединяется вызванный войной экономическій кризисъ, сильнѣе всего ударившій по рабочимъ, въ то время, какъ доходы всевозможныхъ поставщиковъ поднялись до скандальной высоты, на которую государственный фискаль не рѣшается наложить руку. Группа „заявляетъ странѣ обо всей этой классовой политикѣ, противоположной объявленной національной гармоніи“.

Переходя къ политикѣ международной, группа прежде всего выражаетъ сочувствіе всѣмъ жертвамъ войны („Saluta tutte le vittime della guerra“), затѣмъ указываетъ на провалъ оптимистическихъ гипотезъ, связывавшихся со вступленіемъ Италіи въ войну — присоединеніе балканскихъ государствъ, скорое окончаніе войны и т. п. Убѣжденная, что война не въ состояніи справедливо разрѣшить всѣ великія проблемы жизни народовъ, группа выступаетъ противъ всѣхъ проектовъ расширенія войны, перенесенія ея на новые театры, что лишь усилило бы ея империалистическіи характеръ. Подтверждая всѣ идеалы справедливости и мира, группа горячо привѣтствуетъ работу совѣщанія интернаціоналистовъ (въ Циммервальдѣ), въ которомъ она видитъ предвѣстіе грядущаго мира, основаннаго на справедливости и свободѣ народовъ. Всѣ эти положенія группа кладетъ въ основу своей дѣятельности въ открывающейся сессіи парламента...

Эти же взгляды развиваются социалистами въ печати, на собраніяхъ, во всѣхъ партийныхъ институтахъ.

Разумѣется, борьба, поставленная такъ принципиально, не можетъ рассчитывать на широкое общественное сочувствіе. Попутчиковъ, Miflauffer'овъ тутъ быть не можетъ, приходится рассчитывать лишь на свои собственныя силы. Въ Италіи совершается сейчасъ процессъ изоляціи рабочаго класса, имѣющій противъ себя сильный антисоциалистическій блокъ, состоящій, правда, изъ пестрыхъ элементовъ, но спаянный, какъ цементомъ, борьбою съ социализмомъ. Эта вызванная войной перегруппировка общественныхъ силъ открываетъ начало новой эры въ политической исторіи Италіи...

Чтобы охарактеризовать всю страстность вспыхнувшей во кругъ парламента борьбы, достаточно указать на то, что интервентисты, *raison d'être* существованія которыхъ, казалось бы, изсякъ одновременно со вступленіемъ Италіи въ войну, спѣшно

реорганизовываются и готовятся повторить майские дни... „Центральный Комитет“ ихъ организаци („Н. С. С. di azione interventista“) опубликовалъ резолюцію, въ которой въ первую голову „предостерегаетъ парламентъ не измѣнить волю страны, сказавшейся въ маискомъ плебисцитѣ“ (ammonisca il Parlamento a non tradire la volonta manifestata dal Paese nei plebisciti del maggio“). О майскихъ дняхъ очень усиленно и благодарно вспоминалъ въ своей рѣчи и министръ Орландо, изъ чего многіе сдѣлали выводъ, что правительство не прочь получить новый „импульсъ“ со стороны площади на предметъ выхода изъ нерѣшительнаго состоянія... Съ своей стороны, и социалисты, устами Филиппо Турати, заявляютъ, что намѣреваются защищать парламентъ всѣми средствами — словомъ, руками, если будетъ необходимо — и жизнью, личностью... („Noi difenderemo le Parlamento colla voce, col braccio, colla persona se sarà necessario“).

Раф. Григорьевъ.

Ноябрь 1915.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Валентинъ Горянскій. „Крыломъ по землѣ“. Первая книга стиховъ. Книгоиздательство „Новый человекъ“. Петроградъ, 1915 г., цѣна 1 р. 25 к.

Вопреки заглавію книги, авторъ весьма прочно сидитъ на землѣ, страстно любитъ воспѣваемый имъ „каменный плѣнь“, не рвется ни въ какія заоблачныя выси, и чувствуетъ, видимо, вималой потребности въ какихъ-либо „крыльяхъ“... Скажу больше: съ птичьяго полета ему бы и не увидѣть тѣхъ интимныхъ уголковъ земной жизни, въ которые онъ съ особою любовью погружаетъ свой чуткій внимательный взглядъ: заглавіе книги, такимъ образомъ, отдаетъ „чистокровной“ рекламой — очень досадное обстоятельство, ибо внутри обложки — нѣтъ и слѣда этого повальнаго зла, заражающаго массами современныхъ жрецовъ поэзіи.

Обращаясь къ формѣ стиховъ, мы снова сталкиваемся съ весьма досаднымъ обстоятельствомъ: полное отсутствіе какихъ-либо формальныхъ исканій, упорное, неизмѣнное повтореніе на всемъ протяженіи книги квадратной строфы, съ однообразнымъ чередованіемъ четныхъ и нечетныхъ римъ, и при такихъ „данныхъ“ вдругъ откуда-то, необъяснимымъ образомъ — внѣшность „свободнаго стиха“, требующаго для воплощенія своего изысканнѣйшаго ритмическаго чувства, — стиха, самая потребность въ коемъ можетъ появиться лишь въ итогѣ упорныхъ исканій, какъ результатъ глубокой и удовлетворенности строго періодическимъ воз-

вращеніемъ равновеликихъ стопъ; „пути“ къ свободному стиху у автора не было: за это говорятъ его раннія стихотворенія, сплошь написанныя 4 стопными ямбами и хорейми, и вдругъ...

„Ползетъ на самую прясла,
„Горбится снѣговая дорога,
„Въ звѣздочкѣ зеленой выгорѣло все масло,

„Полетѣла просить его Бога:
„— Дай, скажетъ, Господи, маслица, — а то обидно,

„Чѣмъ я у тебя не лампадка?“ — слѣдующія рѣшмы, конечно, будутъ: — „видно“ и „гладко“, — все на своемъ мѣстѣ, — только гдѣ же ритмъ, гдѣ форма, и какъ ненужны становятся самыя рѣшмы при столь полномъ презрѣніи стихотворца къ музыкальнымъ элементамъ поэзіи! Рѣшма, этотъ стихотворный кадансъ, отмѣчающій этапы ритмическаго теченія рѣчи — не у мѣста въ аритмической прозѣ, каковой по формальному существу своему являются миниатюрныя поэмы Горянскаго, — во имя чего же имъ привѣшиваются эти бутафорскія побрякушки къ мыслямъ и образамъ часто глубоко поэтичнымъ и красочнымъ безъ ихъ дешевой помощи?

Два пути у Горянскаго: либо приняться за систематическую работу преодоленія физическихъ свойствъ своего благодарнаго материала, подвергнуть себя тяжелому искусству серьезной школы, — и такимъ образомъ стать воистину стихотворцемъ-поэтомъ, либо откаться разъ навсегда отъ всякихъ попытокъ писать стихи, перейти

на художественную прозу. „Великая Страда“, заключительный циклъ книги, дающій отзвукъ на текущія грозныя событія мировой жизни — уже несомѣнно-фальшивый аккордъ, неприятно обрывающій гармоничную музыку интимныхъ переживаній, наполняющихъ всю книгу — Кто не хочетъ испортить себѣ настроенія этой въ общемъ интересной по содержанію книги — пусть не разрѣзаетъ послѣдняго десятка ея неумѣстныхъ страницъ. Агс.

Любовь Столица. *Елена Дѣва.*

Романъ. Изд. Виноградье. Москва, 1916 г. ц. 1 руб. 25 коп.

Романъ въ стихахъ посвященъ авторомъ благоговѣнно памяти Пушкина. Попытки изобразить русский бытъ въ поэмь-романѣ встрѣчались не разъ на всемъ протяженіи литературнаго періода отъ „Евгенія Онегина“ Пушкина до нашихъ дней, но то, что далъ гений, не можетъ дать талантъ, и звучные стихи производятъ лишь досадное впечатлѣніе въ заурядномъ повѣствованіи. Мало еще владѣть стихомъ для того, чтобы намѣчать сложныя и большія задачи творчества, надо оживить его и духомъ высшаго идейнаго вдохновенія. Романъ Л. Столицы съ этой стороны заставляетъ желать многого. Нѣсколько удачно схваченныхъ деталей въ бытъ и его будничномъ обиходѣ еще не даютъ бытовой картины въ широкомъ смыслѣ. Типъ бабушки Дѣвой-купчихи стараго широко-русскаго покроя, — молодья Елена и Анна Дѣвы и, наконецъ, какой-то игрушечный молодой купчикъ на заграничный ладъ, Данило — все это вращается въ узкомъ кругу чисто личныхъ, индивидуальныхъ переживаній, и не безкопечно далеко отъ настоящаго „романа“, добраго стараго времени.

Кроткая, покончившая самоубійствомъ изъ-за измѣны мужа Анна, хищная, пьянящая любовью Елена (Евгеній Онегинъ въ женскомъ образѣ: какъ онъ, скитается Елена по „заграницѣ“, какъ онъ; разочарована въ жизни) — все

это слишкомъ надумано и какъ-то ненужно. А эпилогъ въ 12 строчекъ, заканчивающій „романъ“, показываетъ, что подъ конецъ даже и самъ авторъ не зналъ, какъ выпутаться изъ труднаго положенія: дать идею бездействию. Героиня „романа“ вдругъ ни съ того, ни съ сего превращается въ кирасира-добровольца.

„Послѣ дѣвушку узнали;
Шпоры съ ногъ его блистали,
На рукахъ сияли жъ кольца,
Кудри стриженныя были,
Грудь же — женственно бѣла
(sic!)

Въ эту грудь его убили,
Что Елена то была“.

Не меньша оплошности можно найти и въ самомъ изложеніи „романа“:

„Взоръ его голубоватый
Серафимски ужасался,
Но ужъ женски улыбался
Ротъ его малиноватый“.

Звучность стиха, (въ общемъ довольно гладкаго) опускается иногда до такихъ строкъ:

Поспѣвалъ онъ въ храмъ и
Думу,
На банкетъ и на мальчишникъ,
Дома жъ ждалъ студентъ
угрюмый

И веселый плутъ барышникъ“.

Частицей „же“ авторъ вообще злоупотребляетъ, вставляя ее тамъ, гдѣ не хватаетъ для размѣра лишняго слога.

Трудность совладать съ замысломъ „романа“, очевидно, отразилась и на формѣ его исполненія.

Т. Г.

Борисъ Садовской. *Полдень. Стихи.* Изд. „Лукоморье“. Пгт. 1915 г. 300 стр. Ц. 1 р. 50 к.

За періодъ времени 905—914, дата, указанная на титульномъ листѣ, Борисъ Садовской успѣлъ пройти путь подозрительной мистики полугимназическихъ стиховъ:

... „безумныя слова,
несказанныя слова
рвутся изъ груди холодной
въ часъ вечерній, въ часъ вечерній,
въ часъ, когда кричитъ сова“...
(Стр. 13).

— путь моднаго въ нѣкоторыхъ эстетическихъ кругахъ 905 г. пессимизма съ „облаками смерти“, съ беззвучнымъ и нетрогающимъ крикомъ:

... — „Усталость! Затишье! Безстрастные блѣдные лики!

Душа безглагольна, душа онѣмѣла отъ скуки!..“
(Стр. 132, 905 г.)

И кончилъ г. Садовской — бытомъ. Правда, стилизованнымъ — все же бытомъ. Это стихи изъ дѣла „Самоваръ“. Но и здѣсь поэтъ не отступаетъ отъ присущихъ ему и характерныхъ для всей книги качествъ: описательности и, такъ сказать, вещности.

... „Иконы древнія развѣсились
на стѣнахъ,
Гдѣ прячутся бюро старинныя
въ углахъ
Среди вещей и книгъ, разбро-
санныхъ не втунѣ,
чернѣются холсты Егорова
и Бруни,
Тамъ столикъ мраморный, тамъ
люстра, тамъ комодъ“...
(стр. 240).

И „втунѣ“ Борисъ Садовской считаетъ себя „пушкинцемъ“. Мало для этого написать: „Я встрѣтилъ Вася среди блеска бала“ и выпустить барскую книжечку о поэзии!.. Отъ его творчества, если и пахнетъ, то слишкомъ дурно воспринятымъ Пушкинымъ... Ничего не подѣлаешь — теперь не „идуть“, а „идуть“!.. И отъ этой стилизации, какъ и вообще отъ стилизации, неприятно отдаетъ мертвечиной...

А отъ слѣдующихъ стиховъ:

... „Родился я въ одиннадцатый
день,
Какъ вѣщій Достоевскій былъ
схороненъ. (Какая значи-
тельность!)
Въ тѣ времена, надъ Русью
встала тѣнь
И былъ посѣвъ кровавый ей
взбороненъ.
Въ тѣ времена тревожный гулъ
становалъ,
Клубились слухи мутные въ сто-
лицѣ

И на Екатерининскій ка-
наль

У же готовились идти убій-
цы“... —

Отъ этого — отдаетъ просто...
Лукоморьемъ...

Н. Венгровъ.

В. В. Брусянинъ. *Темный ликъ.*
Романъ Книгоиздат. „Жизнь и
Знанье“. Ц. 2 руб.

У творцовъ современной художе-
ственной литературы искренность
убѣжденій и вѣрность идеямъ не
столь ужъ частое явленіе, — и съ
этой стороны романъ г. В. Бруся-
нина имѣетъ нѣкоторыя заслуги
передъ книгами, „свободными“ отъ
всякихъ идей. Но, какъ извѣстно,
кромѣ благородныхъ заданій и жи-
вѣйшаго сочувствія автора „пере-
довымъ идеямъ“, читатель требу-
етъ отъ художественной литерату-
ры правдиво изображенныхъ кар-
тинъ жизни, требуетъ ярко очер-
ченныхъ образовъ и фигуръ, про-
никновенія духомъ описываемой
обстановки, времени и явленій...

Этимъ требованіямъ ни въ ко-
емъ случаѣ и ни въ какомъ раз-
мѣрѣ романъ „Темный ликъ“ не
удовлетворяетъ.

Творческія силы — возможности
уважаемаго автора болѣе, чѣмъ
скромны, а тема, которую онъ пы-
тался охватить въ „Темномъ ликѣ“, —
сумбурнѣйшее восьмилѣтье 1906 —
1913 гг. въ цѣломъ была бы подъ
силу, пожалуй, только Толстому.

Нѣтъ, положительно, никакой воз-
можности перечислить здѣсь всѣхъ
„вопросовъ“, затронутыхъ авто-
ромъ въ своемъ романѣ. Ни одной
мелочи, о которой въ послѣднія
десять лѣтъ упоминалось въ газе-
тахъ, не упустилъ г. Брусянинъ...

Но что же новаго сказалъ ав-
торъ своимъ романомъ читателю,
знакомому съ этими вопросами
по газетамъ? Кажется, ничего
новаго не сказалъ. На гучія
темы послѣднихъ лѣтъ написаны
у насъ Боборыкинымъ „Переломъ“,
г. Чулковымъ „Сатана“, Р. Григорь-
евымъ — „На ущербѣ“, Ропшинымъ
„То, чего не было“, „Ковъ блѣдъ

ный", Андреевымъ „Сашка Жегулевъ“. И во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, каждый въ мѣру своихъ силъ, былъ творцомъ, имѣлъ свое лицо. Каждый изъ названныхъ писателей очертилъ себѣ опредѣленный кругъ явленій, въ предѣлахъ котораго онъ старался рассказать, какъ умѣть, что думалъ и что знаетъ о нихъ.

Нѣсколько иначе поступилъ въ своемъ романѣ „Темный ликъ“ г. В. Брусянинъ, и вполне понятно, почему этотъ объемистый романъ не можетъ рассчитывать на вниманіе даже самаго невзыскательнаго читателя. Исторія—не исторія; хроника—не хроника, наблюденіе—не наблюденіе, ибо здѣсь все въ готовомъ видѣ, все подъ ярлыкомъ, все такъ, какъ знаетъ всякій грамотный человѣкъ, читавшій газеты.

Великое десятилѣтіе 1905—1915 г.г. ждетъ еще своего гниального творца, который покажетъ его настоящий (темный или свѣтлый) исторический ликъ...

Д. Волковъ.

А. Ремизовъ. „Укрѣпа“. Слово къ русской землѣ о землѣ родной, тайностяхъ земныхъ и судьбѣ. Изд. во Лукоморье.

О „святой и крѣпкой Руси“ должна, повидимому, рассказать послѣдняя книга Ал. Ремизова „Укрѣпа“, — собраніе сказокъ и легендъ Самарской, Пермской губерній и Сѣвернаго края. Въ коей мѣрѣ, однако, сказки эти выявляютъ „святую и крѣпкую Русь“, — сказать трудно. Врядъ ли даютъ онѣ почву для особо-новыхъ или интересныхъ выводовъ относительно народной психологии и народнаго творчества; клады, черти, оборотни, ночь подъ Ивана Купалу, живая вода, Никола-угодникъ, цари и царевичи, святые пустынники, Божьи угодники, Баба-яга, — весь этотъ классическій репертуаръ русскихъ народныхъ сказокъ не приобретаетъ значительности подъ перомъ Реми-

зова. Точно также не даютъ эти сказки материала для обоснованія тезиса „святая, крѣпкая Русь“, составляющаго, такъ сказать, motto сборника. Начать съ того, что мораль многихъ сказокъ болѣе, чѣмъ сомнительна. Врядъ ли утверждаетъ святость сказка о пустынникѣ, соблазненномъ дьяволомъ на блудъ и убійство, но спасеннаго отъ ада благодаря тому, что онъ во время перекрестился („Награда“); или сказка о томъ, какъ парень убилъ разбойника и получилъ въ награду богатство („Подожокъ“); или о томъ, что захочетъ Господь, — дастъ въ награду за терпѣніе богатство, захочетъ — назадъ отниметъ („На все Господь!“); или многочисленныя сказки о томъ, какъ люди чертей обманываютъ; или о томъ, какъ саялъ пьяница кабакъ, а чортъ помогалъ ему торговать и грабить и какъ купилъ пьяница „на награбленныя деньги постоянный дворъ, пересталъ пить и сдѣлался набожнымъ человѣкомъ“ (sic!) („Кабачная кикимора“). Если къ этому прибавить, что непремѣнный элементъ всѣхъ сказокъ составляютъ обманъ, убійство и т. д., то станетъ яснымъ, что „Слово къ русской землѣ о землѣ родной“ во всякомъ случаѣ не повѣствуетъ о „святой и крѣпкой Руси“, о прославленіи коей говоритъ лирическое введеніе сборника.

Первая часть сборника „Укрѣпа“ носитъ названіе „Странной Россіи“. Солдатамъ на поляхъ битвы посвящаетъ авторъ эту часть, гдѣ собраны солдатскія сказки. Но и онѣ по типу и складу своему не отличаются отъ прочихъ сказокъ.

Но что же въ итогѣ укрѣпляетъ Ремизовская „Укрѣпа“? Увы, только то старое положеніе, что скорбь о грѣшной Россіи легче находить съ художественное выявленіе, нежели гордость „святой Русью“. Первую Ремизовъ намъ показалъ, относительно второй намъ придется вѣрить ему на слово.

Мих. Левидовъ.

Дм. Крачковскн. „Человѣческая весна“. Разказы. Кн-во, бывш. М. В. Попова, Петроградъ, 1916 г.

Про автора этихъ разказовъ нельзя сказать, что онъ владѣетъ своими словами: наоборотъ, слова имъ владѣютъ. Отдавая ихъ потоку, Крачковскн плететъ словесное кружво, нанизывая слово за словомъ, нерѣдко безъ всякаго смысла. Художественной воли лишены почти всѣ его произведенія. Отъ этого — ихъ несвязность и хаотичность. Мелькаютъ въ нихъ обрывки впечатлѣній, кусочки мыслей, воспоминаня, лица, улыбки, гримасы, какия-то звѣрюшки, какието двѣточки, травка, запахи. Облачко проплыветъ, тая, — и облачко зарисуетъ г. Крачковскн. Птичка пролетитъ — и птичку поймаетъ. Кошка гдѣ-нибудь на крышѣ мяукнетъ, — и кошку къ дѣлу пристегнетъ: такая ужъ у него импрессионистская манера сваливать въ кучу ряды мимолетныхъ воспрятнй. Иные наброски удаются г. Крачковскому. Сверкнетъ кусочекъ природы, блестящнй, свѣжнй, почти живонй, — и скроется подъ водопадомъ словъ, незначительныхъ, случайныхъ, надобныхъ.

Человѣкъ и природа — такова тема г. Крачковскаго. Природа изрѣдка улыбнется автору; человѣкъ же рѣшительно у него не вытанцовывается. Людей просто нѣтъ на его страницахъ, мы ихъ не видимъ, не ощущаемъ. Знаемъ, какия шляпы носятъ они и сколько рублей съ копейками уплачено за послѣднюю обновку; авторъ подчеркиваетъ, какъ у одной героини его „дрожитъ нижняя губа“, а „глаза ея хохочутъ“; какъ кончики усовъ у какаго-то господина „дрожать“, а у другого — „обнажаются“; какъ „наливается кровью шея“, и многое другое въ томъ же родѣ, — но живыхъ представлений не возникаетъ въ нашемъ сознани.

Дочитавъ книгу, закрываешь глаза, хочешь возстановитъ въ памяти какую-нибудь мысль, либо переживаше, припомнитъ образъ, —

ничего! Клочки тумана, облака, каскады словъ, чьи-то имена, какая-то фиолетовая шляпа, платочекъ съ дырочкой, еще что-то, и еще что-то, — разсыпаная какаята мозаика, которая могла бы быть картиной. Могла бы быть, потому что у г. Крачковскаго есть чувство краски. Онъ могъ сдѣлать изъ себя художника; но какой-то органический порокъ мѣшаетъ ему сорвать свои впечатлѣнья воедино и изъ груды цвѣтныхъ камешковъ сотворить (хотя бы „мозаичное“) цѣлое.

Вяч. П.

Зусіе. (Жизнь.) Изданіе неперіодическое. Петроградъ, январь 1916 г. Цѣна 5 коп.

Война ввела въ нормальную жизнь европейскихъ народовъ цѣлый рядъ неожиданностей. Однимъ изъ такихъ явленій было для польскаго народа принужденная массовая эмиграція на Востокъ. Это такъ называемое бѣженство, точнѣе выселенчество, благодаря которому внутри Россн оказалось, по нѣкоторымъ вычисленіямъ, около миллиона жителей Царства Польскаго и Галици, поляковъ, евреевъ, русинъ и т. д. Большой процентъ выселенцевъ составляли рабоче, эвакуируемые вмѣстѣ съ предприятиями, въ которыхъ они работали, далѣе идутъ крестьяне и интеллигенція. Волна выселенцевъ принесла къ собою рядъ нуждъ какъ физическихъ, такъ и духовныхъ. И вотъ мы являемся въ настоящее время свидѣтелями необыкновеннаго роста польской періодической печати въ Россн. Въ разныхъ ея мѣстахъ въ короткое время возникло около 20 ежедневныхъ и другихъ періодическихъ органовъ. Всѣ они въ большинствѣ случаевъ клерикальнаго и націоналистическаго направленія. И неудивительно: въ Россю въ полномъ составѣ переѣхалъ главный штабъ національ-демократичской партн, которая здѣсь обосновала и проводитъ свою политическую линію. Въ ея рукахъ оказались всѣ орга

низации помощи выселенцамъ, всѣ средства а поэтому и вся польская пресса.

На этомъ неприглядномъ фонѣ воинствующаго национализма рѣзко выдѣляется новый демократическій органъ. Въ обосновани своей позиции онъ исходитъ изъ критики националистическихъ программъ буржуазныхъ партій всѣхъ трехъ „Засовов“, т. е. частей раздѣленной Польши. Такова статья: „Тройной лоялизмъ польской буржуазии“, гдѣ доказывается, что польская буржуазия расколота на три лагеря, изъ которыхъ каждый иначе, по своему, понимаетъ сущность польскаго вопроса и польскихъ стремлений. Далѣе идетъ другая основная статья—„Имперализмъ и война“, излагающая происхождение и смыслъ переживаемыхъ нами событий.

Какъ въ первой, такъ и въ другой статьѣ отсутствуетъ изложеніе демократической точки зрѣнія какъ на рѣшеніе національнаго вопроса, въ частности, проблемы Польши, такъ и на отношенія демократіи къ современнымъ событіямъ. Бѣлыя мѣста въ обѣихъ статьяхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что соответственные выводы авторовъ не могли увидѣть свѣта.

Далѣе, въ сборникѣ имѣются статьи о кризисѣ рабочаго движенія и объ общественныхъ силахъ Россіи въ современный моментъ.

Двѣ статьи посвящены задачамъ польской рабочей эмиграціи въ Россіи. Въ нихъ проводится мысль о необходимости культурнаго сближенія польской и русской демократіи, передъ которыми стоятъ для разрѣшенія въ ближайшемъ будущемъ одинаковыя задачи.

Еще одно интересное замѣчаніе: въ хроникѣ помѣщена переведенная изъ „Русскихъ Записокъ“ статья о Циммервальдской конференціи, но и въ ней имѣются бѣлыя мѣста. Очевидно, не все разрѣшенное въ Петроградѣ по-русски можетъ быть напечатано на польскомъ языкѣ.

Полякъ.

Баронъ Д. Г. Гинцбургъ. *О русско-стихосложении. Опытъ изслѣдованія ритмическаго строя стихотвореній Лермонтова.* Посмертное издание съ портретомъ автора. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. М. Князева, Петроградъ 1915. Стр. LXIII + 268, ц. не обозн.

Еще въ срединѣ прошлаго вѣка (1844) Н. Остолоповъ пытался расшатать нашу школьную теорію стихосложения. Но только въ наши дни съ легкой руки Андрея Бѣлаго вопросы нашей метрики стали интенсивно разрабатываться, требуя, если не немедленнаго разрѣшенія, то, во всякомъ случаѣ, основательнаго пересмотра. Послѣ „Символизма“ Андрея Бѣлаго, сдавшаго въ архивъ учене о „классическихъ“ ямбахъ и хоряхъ, появился цѣлый рядъ статей и книгъ (В. Недоброво, В. Чудовскаго, С. М. Лукьянова, Н. Шульговскаго, С. Воброва и др.), либо довершавшихъ разрушеніе стараго, либо пытавшихся создать новое. Однако, созданіе научно-обоснованной и научно-доказанной теоріи русскаго стихосложения оказалось дѣломъ очень нелегкимъ, и всѣ шаги, сдѣланные въ этомъ направленіи — не болѣе, какъ попытки истолковать отдѣльныя, частныя явленія стиховъ съ той или иной точки зрѣнія.

Совершенно отдѣльно отъ этихъ работъ стоитъ книга барона Гинцбурга, какъ и потому, что она создавалась внѣ зависимости отъ нихъ (ея основную точку зрѣнія авторъ изложилъ еще въ 1893 году въ своемъ докладѣ „Des rythme dans les vers“, въ одномъ изъ засѣданій Неофилологическаго О-ва), такъ и потому, что авторъ ея задался построить цѣлую систему стихосложения, найти общіе законы метрики. Система его, доказываемая для русской просодіи и подтверждаемая, въ частности, на примѣрахъ поэзіи Лермонтова, должна имѣть, по мнѣнію автора, значеніе универсальное.

Въ основу своего построения, Гинцбургъ кладетъ теорію ориенталиста Гюйара (Stamslas Guyard) о естественномъ ритмѣ языка; теорію

которая, какъ читаемъ въ предисловии, „основывается на тождественности законовъ стихосложения съ законами ритма и законовъ ритма съ законами музыки“. Этой теории, имѣющей значеніе только для арабскаго языка, да и то нѣсколько гипотетическое (ее оспаривалъ, между прочимъ, покойный Э. А. Коршъ), Гинцбургъ придаетъ значеніе универсальное и безусловное и строить на основаніи ея законы, претендующіе на значеніе общихъ.

Устанавливая различіе между метромъ и ритмомъ, Гинцбургъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе второму. Метръ — это однообразное и надобливое чередованіе ударныхъ и неударныхъ слоговъ, это стѣснительная, а потому и ненужная рамка, въ которую только неопытные или неталантливые поэты заключаютъ свои стихи. Ритмъ же — это „великолѣпное теченіе животворящей струи природы во вселенной... Ритмъ управляетъ солнечнымъ міромъ, онъ породилъ время, и онъ двинулъ землю въ пространство, онъ же является и музыкальной основой всякаго стихотворенія“. „Стихъ развился отъ прозы тѣмъ, что ко всемъ способамъ обычной рѣчи для выраженія мысли онъ прибавляетъ еще соответствующій чувству поэта ритмъ“ (стр. 47). А стихія ритма подчиняется въ стихотвореніи точно тѣмъ же законамъ, что и въ музыкальной композиціи. „Стихъ есть изображеніе ритма рѣчи, вставленной въ рамки музыкальнаго такта“.

Это положеніе, глубоко вѣрное и не совсѣмъ новое (его высказывалъ и Вѣлий и другіе) послужило барону Гинцбургу основаніемъ для вывода цѣлаго ряда частью весьма субъективныхъ, частью же и опредѣленно невѣрныхъ заключеній. Къ числу коренныхъ его ошибокъ принадлежитъ ни на чемъ не основанное мнѣніе, что „рамкою стиха долженъ служить 4-хъдольный тактъ“ (стр. 256). Ритмы русскаго стиха такъ многообразны, что подвести

ихъ ни подъ 4-хъдольный, ни вообще подъ одинъ какой-либо тактъ невозможно; при передачѣ музыкальной структуры стиха приходится прибѣгать къ весьма многимъ, весьма разнообразнымъ и, зачастую, весьма сложнымъ построеніямъ.

Эта основная ошибка совершенно обезцѣниваетъ всю вторую часть книги, содержащую въ себѣ попытку ритмическаго разбора поэзіи Лермонтова. Принужденный размѣщать главныя и второстепенныя ударенія по заранѣе опредѣленному 4-хъдольнымъ тактомъ плану, авторъ уже post-factum пытается ихъ логически обосновать и психологически оправдать. Вотъ какъ онъ подходит, напримѣръ, къ стихотворенію „Ангель“. Поставивъ главныя ударенія на словахъ небу, ангель, тихую, пѣлъ, мѣсяць, тучи, внималъ, святой и т. д. черезъ одно слово (не считая предлоговъ, союзовъ и пр.), онъ затѣмъ (стр. 120) поясняетъ: „Вездѣ выдвинуть звукъ, (курсивъ всюду принадлежитъ автору и обозначаетъ слова, подчеркиваемыя главными удареніями) пѣсни; онъ остался живой; словъ же самой пѣсни не уцѣлѣло въ памяти молодой красавицы, безотвѣтной на скучныя, безцвѣтныя пѣсни земли, въ сей юдоли слезъ; вся вселенная внимала святымъ звукамъ, которые тихо льются, какъ чудная гармонія небесныхъ сферъ, безъ шума наполняя собою весь міръ: на небѣ летитъ ангель, держа въ объятіяхъ драгоцѣнную душу“ и т. д. Нетрудно видѣть, насколько субъективна подобная интерпретація. Невольно задаешься вопросомъ, почему мѣсяць и тучи заслуживаютъ больше вниманія, чѣмъ „звѣзды“? Зачѣмъ надо напираться на совершенно случайныя слова въ объятіяхъ, подъ кущами, пренебрегая въ то же время такими существенно-важными эпитетами, какъ „младую (душу“), „райскихъ (садовъ“)? и т. д.

Въ другихъ мѣстахъ баронъ Гинцбургъ не только находитъ недостатки Лермонтова, но и пытается

ихъ исправить, предлагая, напр., (стр. 234) вмѣсто Лермонтовскаго стиха : „Отчизну, домъ, друзей, родныхъ“, такое чтение:

„Отчизну, друзей, родныхъ“.

А вотъ къ какимъ ухищреніямъ приходится прибѣгать, чтобы объяснить ритмъ „Спора“. Такія значительныя слова, какъ „дымныхъ“, „гладкихъ“, „въ дыму“, „считая“, „Казбекъ“, „на сѣверъ“ и т. д. остаются безъ ударенія, даже второстепеннаго, зато „ужъ (проходить караваны“) имѣетъ главное удареніе, „до“, „на“ — второстепенныя; нѣкоторыя слова (недвижима) имѣетъ по два ударенія.

Думаю, что этихъ примѣровъ, отнюдь не самыхъ характерныхъ, не специально подобранныхъ, а выхваченныхъ изъ массы подобныхъ, совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ непригодности того метода, которому съ такимъ усердіемъ служить бар. Гинцбургъ.

Все это заставляетъ насъ рѣшительно отказать книгѣ бар. Гинцбурга въ томъ значеніи, которое придаетъ ей и г. Г. М. Князь-въ, давший ей интересно составленное предисловіе, и нѣкоторые рецензенты во главѣ съ Валеріемъ Брюсовымъ.

Особенно печальнымъ намъ кажется то обстоятельство, что авторъ, стоящій на совершенно правильной точкѣ зрѣнія о музыкальной природѣ стиха, можетъ своими выводами дискредитировать эту точку зрѣнія. А ея распространенію и общему признанію, думаемъ, уже наступила пора. Д. Высодскій.

„Извѣстія книжныхъ магазиновъ т-ва М. О. Вольфъ по литературѣ, наукамъ и библиографіи“ и „Вѣстникъ Литературы“. № 1. Январь, 1916 года.

Библиографія, какъ наука, находится въ Россіи еще въ зачаточномъ состояніи. Не говоря уже о разработкѣ библиографіей отдѣльныхъ отраслей науки или вопросовъ общественной жизни, — даже простой учетъ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рын-

кѣ, поставленъ совершенно неудовлетворительно. Библиографическіе журналы можно перечестъ по пальцамъ, да и изъ нихъ развѣ только два-три удовлетворяютъ минимуму предъявляемыхъ требованій.

Большая же часть стоитъ ниже всякой критики. Изъ всѣхъ библиографическихъ журналовъ наибольшимъ распространеніемъ пользуются „Извѣстія кн. маг. т-ва Вольфъ“. Но по всей справедливости можно сказать, что достоинства этого журнала обратно пропорциональны его распространенности.

Прежде всего, журналъ носитъ самый беззастѣнчиво-рекламный характеръ. Хроника его переполнена замѣтками объ „одобреніи“ и „допущеніи“ тѣмъ или инымъ „комитетомъ“ того или иного изданія т-ва Вольфъ. Затѣмъ слѣдуютъ сообщенія о выходѣ вторымъ, третьимъ и т. д. изданіемъ такой-то книги, разумѣется, изданной все тѣмъ же т-вомъ. Наконецъ, при дальнѣйшемъ чтеніи, любознательный читатель можетъ почерпнуть совершенно для себя необходимыя свѣдѣнія о томъ, какія новыя книги готовятся къ печати и печатаются... опять-таки тѣмъ же т-вомъ М. О. Вольфъ.

Въ „Вѣстникѣ Литературы“, занимающемъ въ каждой книгѣ 10—12 страницъ, вы находите рядъ „литературно-критическихъ“ статей, посвященныхъ преимущественно либо изданіямъ т-ва, либо книгамъ, въ распространеніи коихъ т-во такъ или иначе заинтересовано. Такъ, въ № I-мъ, въ первой же статьѣ неумѣренно восхваляется сусальное „историческая“ стряпня нѣкоего М. Д. Ордынцева-Кострицкаго, изданная т-вомъ Вольфъ; въ другой статьѣ весьма сочувственно цитируются стихи футуриста Тихона Чурилена (изд. „Альціоны“, на складѣ въ кн. маг. Вольфа) и наконецъ, въ „Письмѣ въ редакцію книжнаго продавца“ (не изъ магазиновъ ли т-ва?), озаглавленномъ: „По поводу одного шаблоннаго упрека“, чрезвычайно назидательно рассказывается о томъ, какъ

„Чарскую сами дѣти требуютъ, т. е. заставляютъ своихъ родныхъ ее требовать“. Но все это — куда ни шло. Хвалить свой товаръ никому не возбраняется, а „могій вмѣстити — да вмѣстити“.

Единственное значение „органовъ“, подобныхъ „Извѣстіямъ“ т-ва Вольфъ, — это возможность все же извлечь изъ нихъ свѣдѣнія хотя бы чисто освѣдомительнаго характера: о новыхъ книгахъ, о тѣхъ или иныхъ новостяхъ книжнаго мира и т. п. Но и эта сторона поставлена въ „Извѣстіяхъ“ изъ рукъ вонъ плохо, вслѣдствіе удивительной небрежности и безграмотности, съ которыми ведется дѣло.

Нечего и говорить о томъ, что подъ видомъ „новостей“ книжнаго мира редакция преподноситъ читателямъ давно уже устарѣвшія и потерявшія всякую цѣнность извѣстія. О книгахъ, давно уже вышедшихъ, говорится здѣсь какъ о готовящихся къ печати. Имена авторовъ безошибочно перевираются и т. д., и т. д... Но даже единственно цѣнный отдѣлъ журнала — каталогъ новыхъ книгъ — обнаруживаетъ полное невѣжество его составителей. Изъ всѣхъ требованій библиографіи тутъ болѣе или менѣе соблюдается лишь одно: распределение книгъ по отдѣламъ. Но и это — одна лишь видимость. Если васъ интересуетъ какая либо одна область литературы, то вы не можете полагаться на доброкачественность вольфовской классификаціи и должны внимательно просмотрѣть отъ начала и до конца каталогъ. И тутъ вы натолкнетесь на замѣчательныя вещи. Напримѣръ, если въ № 1 за 1916 г. вы пожелаете найти хотя бы новую книгу Н. Котляревскаго „Канунъ освобожденія“, то должны ее искать не въ отдѣлѣ истории, а въ отдѣлѣ „Политическихъ, экономическихъ и социальныхъ наукъ и публицистики“. Книжка стиховъ Маріи Левбергъ „Лукавый странникъ“ какими-то неисповѣдимыми путями попала въ отдѣлъ „Педагогика, учебники, воспитаніе“. Не повезло нѣкоему г-ну

Н. Я—ову, написавшему книжку: „Пѣвецъ въ станѣ германскихъ воиновъ“. Премудрая рука библиографа изъ „Извѣстій“ занесла его въ отдѣлъ „Спортъ, охота, игры“. Приведенные примѣры взяты наудачу и, при желаніи, можно было бы найти еще хоть два десятка такихъ же. И ужъ, конечно, въ каждомъ такомъ каталогѣ „новыхъ“ книгъ значится цѣлая куча изданий, вышедшихъ давнымъ-давно и просто залежавшихся въ книжныхъ магазинахъ т-ва М. О. Вольфъ.

Созданіе хорошо поставленнаго библиографическаго журнала, соотвѣтствующаго потребностямъ науки и жизни, — задача необходимая и являющаяся лишь вопросомъ времени. И это становится особенно ясно, когда перелистаете нѣсколько книжекъ журнала, подобнаго „Извѣстіямъ по литературѣ, наукамъ и библиографіи“ т-ва М. О. Вольфъ.

Леонидъ Старкъ.

Е. Н. Медыньскій. *Внѣшкольное образованіе, его значеніе, организація и техника*. Второе издание, значительно дополненное и переработанное. 327 стр. + VIII. Ц. 2р. Кн-ство „Наука“ М. 1916.

Опять же. *Методы внѣшкольной просвѣтительной работы*. Съ приложеніемъ статьи Гайдебурова: „Внѣшкольное образованіе и театр“. Изд. автора. 110 стр. + VIII. Птрг. 1915 г. Ц. 50 к.

Внѣшкольное просвѣщеніе народныхъ массъ стало за послѣднее время однимъ изъ боевыхъ лозунговъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Благодаря этому теперь особенное вниманіе обращается на всякое издание, посвященное этому вопросу. Среди книгъ, вышедшихъ за послѣдніе три года, наибольшій интересъ внѣшкольниковъ привлекла книга Е. Н. Медыньскаго, сдѣлавшаго первую попытку свести воедино, въ извѣстной системѣ, весь уже обширный литературный матеріалъ по внѣшкольному образованію. Въ два года разошлось первое изданіе книги и теперь мы имѣемъ

передъ собою значительно переработанную книгу, по справедливости заслуживающую стать настольной книгой дѣятеля по народному образованию. Въ ней даны и теоретическая разработка общихъ вопросовъ вѣшк-аго образования, довольно подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ народныхъ домовъ, чтеній, о библиотекахъ, музеяхъ, книжныхъ складахъ и т. д. Написанная практикомъ — вѣшкольникомъ, эта книга Е. Н. Медынского несомнѣнно найдетъ своего читателя.

Вторая книга г. Медынского является дополненіемъ къ первой и представляетъ „опытъ методики для гг. библиотекарей, лекторовъ, лицъ, ведущихъ занятія со взрослыми, завѣдующихъ народными домами и пр.“ Она должна указать работникамъ практикамъ, какъ нужно вести занятія по различнымъ вопросамъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эта работа была выполнена достаточно основательно. Это скорѣе набросокъ будущей, болѣе обширной работы на ту же тему, такъ какъ методическія указанія автора слишкомъ общи и не даютъ яснаго представления о томъ, что же нужно дѣлать вѣшкольнику. Однако, несмотря на эскизный характеръ работы, она можетъ быть полезна для лицъ, впервые приступающихъ къ занятіямъ въ области вѣшкольнаго образования.

А. П.

Проф. Н. М. Книповичъ. *Курсъ общей зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній и самообразования.* Изд. второе, Девріена. 680 стр. + VI. 428 рис., 4 табл. и карта. Штр. 1915. Ц. 5 р. 50 к.

По биологіи животныхъ на русскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько хорошихъ книгъ, — Шимкевича, Мензбира, Синицина и др., но, безспорно, среди нихъ лучшей, какъ по полнотѣ и научности матеріала, такъ и по ясности и популярности языка является книга проф. Книповича. Первое издание

вышедшее шесть лѣтъ тому назадъ, было встрѣчено очень сочувственно читающей публикой и довольно быстро разошлось. Второе — не представляетъ простой перепечатки перваго: оно все тщательнѣйшимъ образомъ просмотрѣно и многие отдѣлы переработаны авторомъ загово. Сдѣлано много добавленій, — о внутренней секреци, въ главѣ о наследственности и мн др. мѣстахъ.

Курсъ проф. Книповича даетъ много больше, чѣмъ общаетъ его заглавіе. Это не только курсъ общей зоологіи, но въ значительной степени курсъ общей биологіи. Всѣ главнѣйшіе вопросы биологическаго характера затронуты авторомъ, и тамъ, гдѣ есть возможность привести цѣнный матеріалъ изъ области ботанической (напр., въ ученіи о наследственности — законы Менделя и др.), онъ всегда это дѣлаетъ.

Мы глубоко убѣждены въ томъ, что рассматриваемая книга и во второмъ изданіи будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и въ первомъ, такъ какъ она положительно необходимо студентамъ — естественникамъ и преподавателямъ естествознанія, а также представляетъ большой интересъ для всякаго, кто интересуется биологическими вопросами.

А. П.

О. Д. Хвольсонъ. *Знаніе и вѣра въ физикѣ.* Петроградъ, 1916 г.

Проф. Хвольсонъ, по установившейся давно традиціи, первые часы своего курса удѣляетъ разсмотрѣнію какого-нибудь общаго вопроса. Въ нынѣшнемъ году для вступительной лекціи онъ выбралъ интересную тему: знаніе и вѣра въ физикѣ.

Тема эта даетъ широкій просторъ для критическаго анализа содержания и смысла науки.

Попытаемся изложить читателю точку зрѣнія пр. ф. Хвольсона.

Прежде всего О. Д. Хвольсонъ дѣлитъ все содержаніе физики на три части. (Слѣдуетъ указать, что все, сказанное проф. Хвольсономъ

относительно физики, может быть слово в слово отнесено и къ любой изъ наукъ.) Затѣмъ разсматривается роль вѣры и знанія въ каждой изъ этихъ частей въ отдѣльности.

Первая часть имѣетъ дѣло „съ фактами качественного характера“. Здѣсь нужно замѣтить, что „если явление наблюдалось другимъ лицомъ, то мы, очевидно, уже не можемъ обойтись безъ того, чтобы отнестись съ довѣрjemъ къ тому, почти всегда совершенно намъ чужому, незнакомому наблюдателю. Если мы сами наблюдали явление, то опять-таки мы не обойдемся безъ довѣрія къ самому себѣ, къ нашему умѣнню правильно наблюдать, правильно интерпретировать то, что мы видимъ. Итакъ, ясно, что даже въ первой части вѣра играетъ нѣкоторую роль“.

Вторая часть физики — это „область количественныхъ законовъ“. Но здѣсь помимо того, что было сказано о первой части, справедливы, по мнѣнью, проф. Хвольсона, нѣкоторыя дополненія. „Въ первыхъ, мы вѣримъ въ существованіе закона. Во вторыхъ, мы вѣримъ, что законъ долженъ быть простъ“. Итакъ, во второй части, обнимающей законы физики, вѣра уже, несомнѣнно, сильно преобладаетъ надъ знанемъ.

Третья часть физики охватываетъ объясненія явленій. Объясненія эти двоякаго рода: а) логическія слѣдствія уже извѣстнаго изъ первыхъ двухъ частей, б) гипотезы. Понятно, что въ случаѣ (а), элементъ вѣры въ объясненіи играетъ такую же роль, какъ и въ предпосылкахъ этого объясненія. Что касается случая (б) — гипотезъ, то „это область чистой вѣры и ни о какомъ знаніи въ этой области не можетъ быть и рѣчи“.

Такимъ образомъ мы видимъ, что посозданной проф. Хвольсономъ схемѣ, роль вѣры отъ первой части къ третьей растетъ, между тѣмъ какъ достоверное знаніе убываетъ. Но соглашаясь съ этимъ неоспоримымъ выводомъ, читатель безъ труда замѣтитъ, что, въ сущности

говоря, здѣсь идетъ рѣчь о вѣрѣ не въ глубокомъ, гносологическомъ ея значеніи, а главнымъ образомъ, въ этичскомъ. Иначе говоря, проф. Хвольсонъ разсматриваетъ не значеніе вѣры въ нашихъ познавательныхъ средствахъ, а довѣріе къ другимъ наблюдателямъ и къ самому себѣ.

Въ заключительной части лекціи проф. Хвольсонъ излагаетъ выводы изъ всего предыдущаго.

По мнѣнью проф. Хвольсона, неправильная, чрезмѣрная оцѣнка роли знанія въ наукѣ приводитъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. „Я думаю, говоритъ проф. Хвольсонъ, что она приводитъ къ великимъ и опаснымъ заблужденіямъ. Тотъ, кто полагаетъ, что въ наукѣ вѣра никакой роли не играетъ и что наука преисполнена знанемъ, что мы очень многое, а можетъ быть, и все, или почти все, знаемъ, тотъ переоцѣниваетъ познавательную способность человѣка, безграницно расширяетъ область якобы познаваемого и, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ грубѣйшія ошибки. Онъ начинаетъ страдать какъ бы маніей умственного величія, полагая, что для него уже не существуетъ мировыхъ загадокъ, что у него готово для нихъ полное рѣшеніе. На такой-то почвѣ выросъ тотъ печальный плодъ научнаго недомыслия, который называется матеріализмомъ и который въ настоящее время уже кончаетъ свое безнадежное существованіе. На этой-то почвѣ выросло не менѣе печальное современное заблужденіе, такъ называемый монизмъ“.

Въ теченіе своего существованія матеріализму и монизму неоднократно приходилось защищаться отъ критики. Но отъ нападковъ пр. Хвольсона имъ даже не надо защищаться. Возраженія пр. Хвольсона, направлены, въ сущности, не столько противъ матеріализма и монизма, сколько вообще противъ могущества знанія и науки. А защищать въ XX вѣкѣ суверенные права науки и разума, трудъ, пожалуй, уже излишній. Vartho.

М. Д. Зажецковъ. „*Всероссійскій Земскій союзъ*“ (общіе принципы организаци и юридическая природа), изд. журн. „Земское Дѣло“ II, 1915 г., ц. 50 к.

Появленіе на аренѣ нашей общественной жизни двухъ новыхъ, крупныхъ общественныхъ организаций: земскаго и городского союзовъ, утвердившихся нѣсколько необычнымъ для нашихъ общественныхъ условий порядкомъ, привлекло къ себѣ внимание проф. Зажецкаго, пожелавшаго выяснить юридическую природу союзовъ.

Анализъ автора привелъ къ выводу, что правовымъ источникомъ союзовъ явились постановления съѣздовъ городовъ и земствъ. Такимъ образомъ юридической основой новыхъ организаций надо считать договоръ между учреждениями мѣстнаго самоуправления. Подобный публично-правовой договоръ не только заключается въ распредѣленіи обязанности по отношению къ разрѣшенію какой-нибудь общей задачи (спеціальныя расчеты), но и можетъ творить „новое объективное право“. Такимъ образомъ, утвержденіе правительственной властью создавшихся договорнымъ путемъ союзовъ городовъ и земствъ есть лишь одинъ изъ элементовъ въ созданіи нормъ объективнаго права, подобно тому, какъ однимъ изъ элементовъ является высшая правительственная власть и въ нашемъ законодательномъ механизмѣ.

Авторъ утверждаетъ, что право свободнаго публично-правового договора всегда было заложено въ существѣ учреждений мѣстнаго самоуправления, которыя на протяжении всей истории земства стремились къ его осуществленію. Однако, общія неблагоприятныя условия нашего дореформеннаго — полицейскаго государства, мѣшали закрѣпленію права мѣстныхъ самоуправляющихся единицъ на публично-правовое творчество, ибо земство и города были лишены „власти“, также являющейся необходимымъ элементомъ органовъ мѣст-

наго самоуправления, какъ учреждений государственныхъ; — лишь война 1904—1905 года и нынѣшняя, помогли проявить городамъ и земствамъ ту полноту публичныхъ правъ, которыя заложены въ основѣ института мѣстнаго самоуправления.

М. Зажецковъ понутно подчеркиваетъ, что компетенція союзовъ, распространяющаяся на всѣ стороны общественной жизни, вѣтше не связанная съ понятіемъ „мѣстныхъ польвъ и нуждъ“, показываетъ неразрывную связь „мѣстнаго“ съ „государственнымъ“ и еще разъ подтверждаетъ государственный характеръ самоуправления.

Авторъ, однако, ничего не говоритъ о „легальномъ“ титулѣ союзовъ. Единственнымъ фактомъ объективнаго права, на которомъ зиждется земскіе городскіе союзы, остается лишь актъ 12 августа 1914 г., и при томъ актъ, редакціонный въ ограничительномъ для союзовъ смыслѣ. Кромѣ указаннаго акта за союзами стоитъ лишь одинъ голый фактъ ихъ слишкомъ годового существованія и работы. Прецедентъ и давность имѣютъ значеніе въ государственномъ быту культурныхъ европейскихъ странъ, но у насъ пока не привились. Поэтому судьбамъ союзовъ угрожаетъ не мало опасностей. Въ 1904—1905 годахъ земскій союзъ такъ же былъ организованъ, но реакція его свела на нѣтъ. Поэтому необходимо теперь же закрѣпить позиціи союзовъ, проведя право свободнаго договора земствъ и городовъ черезъ законодательныя учреждения.

Брошюру М. Зажецкова чрезвычайно полезно прочесть дѣятелямъ городского и земскаго союзовъ. Она заставитъ ихъ руководителей озаботиться будущими судьбами этихъ важныхъ политическихъ организаций.

М. Петровъ.

П. Г. Мижуревъ. *Сады-города и жилищный вопросъ въ Англии.* Изд. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“. Петроградъ, 1916.

XV + 494 стр. Ц. 5 р. 50 к. (въ переплетѣ).

Жилищный вопросъ — одна изъ сложнѣйшихъ проблемъ капиталистическаго вѣка. Являясь органической составной частью общей социальной проблемы современности, онъ связанъ съ ней тысячами нитей и питается ея корнями. Какъ общая социальная проблема капиталистическихъ странъ острѣе всего ощущается трудящимися массами городского населения, такъ и бремя жилищной нужды и ея разнообразныхъ тяжелыхъ послѣдствій падаетъ, главнымъ образомъ, на плечи трудящихся низовъ современныхъ крупныхъ городовъ. Какъ условіемъ кореннаго рѣшенія общаго социального вопроса является фундаментальное измѣненіе основъ современной частно-хозяйственной системы, такъ и исчерпывающее разрѣшеніе жилищнаго вопроса немислимо безъ коренной реорганизации господствующей системы социальныхъ отношеній.

Отсюда вытекаетъ сложность и трудность не только выработки мѣропріятій жилищной политики, но и объективнаго научнаго изслѣдованія причинъ и содержания современной жилищной нужды. Эта трудность очень хорошо чувствуется и признается лучшими изъ чрезвычайно многочисленныхъ авторовъ по жилищному вопросу. Тѣ изъ нихъ, которые ставятъ вопросъ о коренномъ устраниеніи жилищной нужды, неизбежно упираются въ такія непреодолимая трудности, — какъ капиталистическіе законы заработной платы, какъ особо монополичный характеръ капиталистической земельной собственности и вытекающія отсюда особенности городской земельной ренты и спекуляціи городскими землями и домами и т. п. Даже успѣшное за послѣдніа десятилѣтія общее кооперативное движеніе наталкивается на совершенно исключительныя препятствія, разъ оно переходитъ въ сферу кооперативнаго жилищнаго строительства — препятствія, коренящіяся

какъ разъ въ комбинаціи двухъ только что указанныхъ факторовъ — положенія наемнаго труда и особенностей городской земельной ренты.

Всѣ эти трудности совершенно не существуютъ для нашего автора, все поле зрѣнія котораго исключительно занято благоприятными впечатлѣніями, вынесенными имъ отъ разныхъ англійскихъ экспериментовъ по современной планировкѣ городовъ и по учрежденію городовъ-садовъ. Вотъ почему содержаніе книги, прежде всего, совершенно не оправдываетъ ея заглавія: „Сады-города и жилищный вопросъ въ Англии“. Жилищный вопросъ въ Англии, въ общемъ, отсутствуетъ въ книгѣ. А то немногое, что подыетимъ заглавіемъ дано авторомъ на протяженіи 20 страницъ главы II, представляетъ, по его собственнымъ словамъ, „только введение къ характеристикѣ Хоуардовскихъ идей о городъ-садѣ“ (стр. 122).

Но это введение надо признать весьма скуднымъ. Ибо правильная оцѣнка идей Хоуарда возможна только въ свѣтѣ общей характеристики жилищной проблемы. Между тѣмъ авторъ не только совершенно не затрагиваетъ крупнѣйшихъ сторонъ жилищнаго вопроса въ Англии, каковы земельная рента и земельная спекуляція, системы ипотечнаго кредита и энергичное (именно въ Англии) жилищное законодательство, земельная и жилищная политика муниципалитетовъ, мѣры по оздоровленію жилищъ и по сооруженію домовъ для бѣднѣйшей части городского населенія, рѣшительно поставленный (именно въ Англии) институтъ жилищной инспекціи, дѣятельность тысячъ строительныхъ товариществъ и т. д. Больше того, мы не находимъ въ книгѣ даже намека на общую характеристику социальныхъ основъ жилищнаго вопроса.

Такимъ образомъ, книга совсѣмъ не стоитъ на уровнѣ современнаго развитія научной литературы о жилищномъ вопросѣ. И это относится

не только къ тому, чего въ книгѣ нѣтъ, но и къ тому, о чемъ она трактуетъ. Въ характеристикѣ идей Хоуарда нѣтъ перспективы, нѣтъ яснаго различія центрального, главнаго отъ второстепеннаго, и общій тонъ книги проникнутъ обывательскимъ оптимизмомъ. Авторъ производитъ впечатлѣніе не столько серьезнаго изслѣдователя, сколько любознательнаго туриста, очарованнаго удобствами и красотой ряда англійскихъ пригородныхъ поселковъ и ихъ дешевизной.

Надо отдать справедливость автору-туристу: онъ не только проявляетъ любознательность, но описываетъ видѣнное съ большой любовью. Его книга читается легко, съ большимъ интересомъ, ибо чувствуется живое наблюдѣніе, передается множество конкретныхъ фактовъ и чертъ, изложено проникнуто искренностью и непосредственностью.

Къ сожалѣнію, непосредственность часто переходитъ въ наивность и увлеченіе ненужными и посторонними дѣлами деталями, иногда чисто личнаго характера.

При всей несомнѣнной искренности автора, заставляющей его признать, что организаторы города-сада по идеямъ Хоуарда „должны были во многомъ пойти на компромиссъ и сдѣлать много уступокъ неумолимымъ требованіямъ жизни“ (355), — вы, однако, тщетно будете искать у г. Мижучева критической оцѣнки утопіи Хоуарда. А критика принципиальная тутъ необходима, — иначе непонятно, почему же прекрасная мечта о городѣ-садѣ оказалась непереваримой для „неумолимой жизни“. Въдѣ Хоуардъ развилъ планъ не только улучшения жилищныхъ условий, но городами-садами думалъ осуществить „соціальную гармонию“, „счастливое человѣчество“. А между тѣмъ въ единственномъ (во всемъ мірѣ) реализованномъ по идеямъ Хоуарда городѣ-садѣ Лечворсѣ (въ 50 верстахъ отъ Лондона) не осуществлено даже полностью коллективное владѣніе приростомъ земельной цѣнности.

Самъ же г. Мижучевъ признаетъ, что изъ идей Хоуарда больше осуществились тѣ, которыя „касаются какъ санитарной и гигиенической стороны городовъ-садовъ, такъ и ихъ внѣшней красоты. Гораздо труднѣе осуществить экономическія идеи Хоуарда“ которыя „оказались только отчасти проведенными въ жизнь и въ самомъ Лечворсѣ“ (390). Не менѣе важно признаніе Хоуарда, стремившагося къ уничтоженію крупныхъ городовъ, что, кроме Лечворса, всѣ остальные эксперименты представляютъ собою вовсе не сады-города, а „сады-пригороды“ (garden-suburbs), „при томъ часто въ такихъ городахъ, которые лучше всего было бы вовсе не увеличивать“ (360). Но г. Мижучевъ не ищетъ даже причинъ этого важнаго обстоятельства, хотя самъ же излагаетъ слѣдующія слова самого Хоуарда: „Одинъ англійскій писатель, когда я ему послалъ свою книгу, отвѣтилъ мнѣ весьма торжественно: „Дни Александра Македонскаго и Филиппа II миновали безвозвратно и люди больше не строятъ городовъ по заказу“ Многие другіе писатели отвѣчали мнѣ въ подобномъ же родѣ: „Города растутъ, ихъ не создаютъ“ (360).

Въ томъ-то и дѣло, что Хоуардъ игнорировалъ и капиталистическій законъ роста большихъ городовъ, и стихійный вообще, а не планомѣрный характеръ социальныхъ процессовъ при современной игрѣ частныхъ собственниковскихъ силъ и интересовъ, и противоположность между городомъ и деревней, и невозможность прочной осѣлости для пролетарскихъ массъ, и законы наемной платы съ безработицей, и многое другое. Тутъ-то и лежитъ причина расхожденія Хоуардовской мечты съ реальной дѣйствительностью. Это, конечно, не ослабляетъ интереса къ идеямъ Хоуарда, которыя при иныхъ отношеніяхъ собственности могутъ получить полное примѣненіе и въ ихъ социально-экономической части.

Конечно, не лишены интереса и тѣ идеи цѣлесообразной, гигиенич-

ной и красивой планировки и застройки городов, которые подхвачены и развиты въ книжкѣ Хорарда. Какъ разъ теперь эти идеи могутъ получить неожиданно широкое примѣненіе, благодаря мировой войнѣ, при предстоящемъ возсозданіи многочисленныхъ городовъ, разрушенныхъ военнымъ пожаромъ. Авторъ сообщаетъ: „Намъ извѣстно, что германское правительство въ своихъ стремленіяхъ вернуть благосостояніе пострадавшимъ отъ русскихъ войскъ областямъ Восточной Пруссіи рѣшило оказать городамъ матеріальную помощь въ отстройкѣ ихъ согласно нѣкоторымъ существеннымъ принципамъ садовъ-городовъ“ (494).

Къ достоинствамъ книги г. Мижуева надо отнести систематически подчеркиваемую авторомъ мысль, что своими завоеваніями въ сферѣ жилищнаго вопроса Англія обязана своимъ демократическимъ условіямъ.

Книга снабжена множествомъ прекрасно выполненныхъ иллюстрацій. Напечатана она слишкомъ разгонисто и на слишкомъ хорошей бумагѣ, что, вѣроятно, и дѣлаетъ ея цѣну мало доступной для многихъ читателей.

А. Ерманскій.

В. С. Зивъ. *Иностранные капиталы въ русскихъ акціонерныхъ предприятияхъ.* Вып. I-й. Германские капиталы. Петроградъ. 1915. 104 стр. Цѣна не обозначена.

Большая часть этой книжки была напечатана въ видѣ статей на страницахъ „Вѣстника Финансовъ“ въ 1914 и 1915 гг. Для освѣщенія роли и значенія германскихъ капиталовъ въ Россіи изслѣдованіе г. Зива не даетъ ничего новаго по сравненію съ работами гг. И. И. Левина: „Герм. капиталы въ Россіи“ и А. Н. Зака: „Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности“. Въ частности, отъ послѣдней книга г. Зива выгодно отличается стройностью плана и систематичностью изложенія; начинаетъ

ся она полезнымъ сравненіемъ особенностей французскаго, англійскаго и германскаго капиталовъ и продолжается опытомъ болѣе или менѣе точнаго количественнаго учета германскаго акціонернаго капитала, вложеннаго въ нашу электрическую, электро-техническую, желѣзную, химическую, горную и другія отрасли промышленности, а также въ предприятия по благоустройству населенныхъ мѣстъ. Подобно г. Левину, далекому „отъ проповѣди отказа отъ привлеченія германскихъ капиталовъ въ Россію“ и находящему, что „привлеченіе ихъ можетъ интернационализировать иностранные капиталы въ Россіи“ и г. Зивъ протестуетъ противъ раздающихся нынѣ подъ вліяніемъ войны голосовъ, будто „германские капиталы вообще“ „ничего, кромѣ вреда, не принесли и не приносятъ“ „Для успѣшнаго использования колоссальныхъ природныхъ богатствъ Россіи, справедливо замѣчаетъ авторъ, и для развитія ея производительныхъ силъ нужны капиталы и капиталы. Тутъ двухъ мнѣній быть не можетъ. Позволительно сказать, что для достиженія такой высокой цѣли могутъ быть использованы и нѣмецкіе капиталы. Вопросъ сводится лишь къ условіямъ пользования иностраннымъ капиталомъ“. Отмѣтимъ, кстати, что послѣ окончанія войны, у насъ не будетъ никакой возможности выбирать страну для ввоза къ себѣ капиталовъ и диктовать эти условія. Спросъ на капиталы будетъ больше предложенія, и придется получать ихъ тамъ, гдѣ дадутъ, лишь бы дали. Въ виду этого, мы отнюдь не можемъ раздѣлить взгляда г. Зива, что „затрудненіе доступа товаровъ изъ Германіи въ Россію послѣ заключенія мира можетъ содѣйствовать усиленію вліянія германскаго акціонернаго капитала въ Россіи“. И до войны значеніе этого капитала у насъ относительно падало, а послѣ войны положеніе Германіи тоже, вѣдь, ухудшится, а не улучшится. Также мало вѣримъ мы въ „затрудненіе до-

стуга товаровъ изъ Германіи въ Россію“, такъ какъ многіе германскіе товары долго еще не будутъ замѣнимыми какими-либо другими. Въ международной торговлѣ страны руководятся соображеніями выгоды, а не любви, и русскіе потребители и купцы предпочитали рядъ германскихъ товаровъ англійскимъ и французскимъ не ради прекрасныхъ глазъ тевтовова, а вслѣдствие дешевизны продукта и качества.

Однако, центръ интереса работы г. Зива не въ заблужденіяхъ и сужденіяхъ вродѣ вышеприведенныхъ, а въ попыткѣ болѣе точнаго количественнаго учета германскихъ капиталовъ въ Россіи. И, если г. Левинъ, опираясь на подсчеты Д-ра Hillringhaus'a преуменьшилъ значеніе у насъ германскихъ капиталовъ, то г. Зивъ, увлекшись генеалогіей нашихъ иностранныхъ акціонерныхъ предприятий, преувеличилъ это значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ д-ръ Гильрингаузъ насчиталъ германскихъ акціонерныхъ капиталовъ, специально предназначенныхъ Россіи, всего лишь на сумму около 25 мил. рублей, г. Зивъ даетъ такія цифры: въ электрической промышленности — 85 м. р., электро-технической — 43 м. р.; марганцевой — 1,5 м. р., металлургической — 28 м. р., металлической — 29 м. р., машино-строительной — 20 м. р., въ химической — 18 м. р., въ горной — 30 м. р., въ нефтяной — 62 м. р., въ разныхъ другихъ фабрикахъ и заводахъ — 69 м. р. и наконецъ, въ предприятияхъ по благоустройству населенныхъ мѣстъ — 20 м. р. (трамваи) и 5 м. р. (газовые заводы). Всѣ эти цифры выражаютъ величину основныхъ капиталовъ и даютъ въ суммѣ: 420,5 м. р.! Какъ видно отсюда, разница въ цифрахъ огромная: 25 и 420 м. р. Кромѣ склонности г. Зива считать германскимъ каждое предприятие, которое когда-либо было основано при томъ или другомъ участіи германскихъ капиталовъ, указанная разница объясня-

ется и тѣмъ, что авторомъ оцѣнена масса предприятий, нынѣ или вполнѣ русскихъ, бельгійскихъ или французскихъ, но въ которыхъ въ той или иной степени имѣются германскіе акціонеры или связи съ германскими финансовыми сферами. Потому, говоря точнѣе, 420 м. р. есть сумма основныхъ капиталовъ въ тѣхъ изъ нашихъ предприятий, въ которыхъ, въ какой бы то ни было степени, иногда весьма ничтожной, заинтересованы германскіе капиталы. Немудрено, что по мѣрѣ печатанія статей г. Зива редакция „Вѣстника Финансовъ“ получила рядъ писемъ отъ разныхъ фирмъ, которыя протестовали противъ причисленія ихъ къ германскимъ. Но г. Зивъ не выкинулъ ихъ изъ своихъ подсчетовъ. Протесты эти продолжаются и до сихъ поръ и, напримѣръ, въ № 2 „В. Ф.“ уже за 1916 г. бельгійскій посланникъ прислалъ рядъ столь существенныхъ поправокъ къ подсчетамъ г. Зива, германизовавшимъ почти всѣ бельгійскія предприятия по благоустройству въ Россіи, что отъ германскихъ трамвайныхъ предприятий въ Россіи послѣ этихъ поправокъ не остались почти ничего. Вообще, если г. Зивъ, забывая пословицу „гдѣ тонко, тамъ и рвется“, будетъ и впредь доходить до самыхъ „тонкихъ нитей“ въ установленіи связей нашихъ предприятий съ иностранными, то при продолженіи его работы цѣлый рядъ упомянутыхъ уже предприятий будетъ фигурировать и въ числѣ французскихъ, бельгійскихъ, англійскихъ и т. д. Вѣдь, капиталъ международенъ, и тонкія нитки связываютъ все капиталистическое о-во. Не лучше ли поэтому взять какой-либо болѣе твердый признакъ для опредѣленія національности предприятия?

А. Н-скій.

І. М. Кулишеръ. *Германскій экспортъ и борьба съ нимъ.* Петроградъ. 1915. 61 стр. Ц. 50 коп.

Названная брошюра печаталась въ видѣ статей въ №№ 5, 7 и 14

„Вѣстника «Финансовъ»“ за 1915 г. Она раздѣлена на три главы: 1) Общие принципы постановки інформаціоннаго дѣла въ области экспорта; 2) коммивояжеры, реклама, склады товарныхъ образцовъ и 3) торговые музеи. Брошюра можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ книжкѣ г. Лейтеса „Германскіе коммивояжеры“. Болѣе всего можетъ принести пользы ознакомленіе съ этой брошюрой тѣмъ изъ представителей нашего торгово-промышленнаго класса, которые занимаются производствомъ на экспортъ и экспортной торговлей. Но, такъ какъ она представляетъ собою какъ бы краткій очеркъ методовъ современной экспортной торговли и сравнительную оцѣнку ихъ, то она можетъ быть прочитана съ интересомъ и болѣе широкимъ кругомъ читателей, интересующихся экономическими вопросами, тѣмъ болѣе, что въ книгѣ можно найти достаточно указаній объ истинныхъ причинахъ успѣховъ Германіи и неуспѣховъ ея конкурентовъ на мировомъ рынкѣ, поскольку таковыя зависятъ отъ той или иной организаціи экспорта.

Причины успѣха Германіи за послѣдніе три десятилѣтія, зависятъ, во-1-хъ, отъ приспособленія ко вкусамъ покупателей, этнографическимъ и географическимъ условіямъ страны и т. д. вплоть до приспособленія къ предразсудкамъ и суевѣріямъ жителей; во-2-хъ, — изученія таможенныхъ правилъ и порядковъ въ данной странѣ; въ 3-хъ, — отъ дешевизны товаровъ при условіи добраго качества главныхъ и существенныхъ ихъ частей и, въ 4-хъ, — относительно продолжительныхъ сроковъ кредитованія покупателей (до 12—15 мѣсяцевъ). Задачу изучения рынка и таможенныхъ условій облегчаетъ нѣмцамъ образцовая организація института коммивояжеровъ, являющихся: во-1-хъ, інформаціоннымъ органомъ, во-2-хъ — орудіемъ пропаганды-рекламы, въ широкомъ смыслѣ слова, и въ 3-хъ, орудіемъ сбыта. Большую роль въ успѣхахъ германцевъ играютъ также хорошо

поставленная реклама (заимствование у американцевъ) и организація экспортныхъ союзовъ и экспортныхъ складовъ образцовъ, умѣлое использование всемирныхъ выставокъ. Коротко говоря, успѣхи германскаго экспорта объясняются тѣмъ, что и изъ экспортной торговли Германія сдѣлала прикладную науку или искусство, требующія массу знаній и энергии.

Въ чемъ причины неуспѣховъ ея конкурентовъ? Всѣ французскіе авторы „жалуются на экономическій упадокъ Франціи, вслѣдствіе отсутствія энергии и инициативы у населенія, вслѣдствіе стремленія французовъ къ сытой и безпечной жизни рантѣ“. „Англичаняны и французъ, — говоритъ г. Кулишеръ, — уступаютъ нѣмцу не въ недостаткѣ знанія торговыхъ дѣлъ, а въ томъ, что они либо не хотятъ вовсе знакомиться со вкусами, желаніями и предразсудками покупателя, либо, зная, игнорируютъ ихъ, считаютъ, что они сами лучше могутъ судить о томъ, какого вида и качества долженъ быть изготовляемый товаръ“. Авторъ приводитъ рядъ поразительныхъ примѣровъ. Къ свѣдѣнію русскихъ экспортеровъ, г. Кулишеръ пишетъ, что „быстро расплывающіяся ткани, лопающаяся посуда, ломающіеся инструменты не годятся для экспорта и... къ некультурнымъ народамъ“ (ср. Боголѣповъ Соболевъ. „Очерки монгольской торговли“). А вотъ еще сравнительная характеристика германскихъ и нашихъ мѣстныхъ торговыхъ агентовъ и коммивояжеровъ. „Въ центральной Америкѣ (какъ и въ Африкѣ) — по словамъ г. Кулишера, — это молодые люди, очень дѣльные, образованные, съ солидной подготовкой“. Напротивъ, „служащіе русскихъ торговыхъ фирмъ Монголіи, какъ постоянныхъ отдѣленій, такъ и коммивояжеры, отличаются крайней невѣжественностью, едва грамотны, не имѣютъ представленія о бухгалтеріи, не умѣютъ ни писать, ни читать по-монгольски. Впрочемъ, и хозяева стоятъ не выше ихъ; и

тѣ, и другіе едва умѣютъ написать свою фамилию...“

Отсюда для тѣхъ, кто хочетъ успѣшно конкурировать съ Германіей, — не новая, но ясная мораль: сдѣлать Россію прежде всего куль-

турной и самостоятельной страной. Только тогда приложится и все остальное. И къ этой морали приводитъ сравнительное изслѣдованіе любой стороны нашей жизни.

А. Н.

КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

- Алтаевъ, Ал. *Внизъ по Волгѣ-рѣкѣ*. Историческая повѣсть изъ русской жизни XVII в. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 170. Ц. 65 к.
- Артемьевъ, Вячеславъ. *Власть плоти*. Кн. III. Кн-во „Современныя проблемы“. М. 1916. Стр. 272. Ц. 1 р.
- Архиповъ, Николай. *Темныя воды*. Романъ. Изд. „Виноградье“. М. 1916. Стр. 184. Ц. 1 р. 25 к.
- Брейгманъ, Григорій. *Разказы*. Т. I. Товарищеское изд-во „Союз“. Кіевъ. 1913. Стр. 178. Ц. 1 р.
- Бруснянинъ, В. В. *Въ рабочихъ кварталахъ*. Очерки. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 309. Ц. 1 р.
- Бруснянинъ, В. В. *Темный ликъ*. Романъ. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 495. Ц. 2 р.
- Верхаръ, Эмилъ. *Окроволенная Бельгія*. Авториз. пер. съ фр. Н. Кончевской, съ пред. автора къ русск. изд. Стих. переведены М. Волошинымъ. Скл. изд. Москва. Трехпрудный, 7. М. 1916. Стр. 148. Ц. 1 р.
- Верхоустиновскій, Б. *Утренняя звѣзда*. Изд. „Лукоморье“. П. 1916. Стр. 203. Ц. 1 р. 50 к.
- Гаазе, Е. *Земная кора*. Введение въ изученіе геологии, пер. и доп., Б. П. Дитмара, съ пред. С. Т. Григорьева. Кн-во „Космосъ“. М. 1916. Стр. 210. Ц. 2 р. 25 к.
- Горькій, М. *Дѣтство*. Т. XX. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 340. Ц. 1 р. 50 к.
- Горькій, М. *Пожаръ и др. разказы*. Т. XVI. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 252. Ц. 1 р. 50 к.
- Горькій, М. Сказки. Т. XVII. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 258. Ц. 1 р. 50 к.
- Григорьевъ, Р. *На ущербѣ*. Романъ, изд. 3-е; скл. изд.: Кн-во и кн. маг. б. „М. В. Попова“. Петроградъ, Невскій, 66. П. 1916. Стр. 288. Ц. 1 р. 50 к.
- Григорьевъ, Р. *Недавнее*. Романъ. Т. I. Кн-во б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 185. Ц. 1 р. 20 к.
- Гусевъ-Оренбургскій, С. П. *Въ Приходѣ*. Т. IV. Изд. „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 301. Ц. 1 р. 25 к.
- Гюлистанъ. *Альманахъ I*. Кн-во „Гюлистанъ“. М. 1916. Стр. 164. Ц. 2 р. 10 к.
- Ежегодникъ газеты „Рѣчь“ на 1915 годъ. Изд. ред. газеты „Рѣчь“. П. 1916 г. Стр. 524.
- Екатеринославская деревня послѣ закрытія винооторговли. Литературно-статистическій очеркъ подъ ред. П. К. Соколова. Изд. Екат. губ. Земства, Екатеринославъ. 1915. Стр. 66.
- Жеромскій, Стефанъ. *Забвеніе*. Разказы. Пер. Вл. Высоцкаго, подъ ред. Л. Козловскаго. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 194. Ц. 1 р. 25 к.
- Замятинъ, Е. *Угздное*. Повѣсти и разказы. Книг. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 195. Ц. 1 р. 50 к.
- Земля, *Сборникъ XVII*. М. Арцыбашевъ. — Женщина, стоящая посреди. Е. Чириковъ. — Волжскія сказки. Ив. Рукавишниковъ. — Убийство. Московское книгоиздательство. М. 1915. Стр. 229. Ц. 1 р. 50 к.

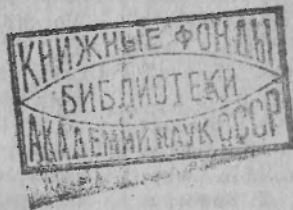

- Кауфманъ, А. А.** *Теорія и методы статистики.* Рук. для учащихся и для лицъ, посвящающихъ себя статистическому труду. Изд. 3-е, перераб. Изд. Т. А. Лемана и С. И. Сахарова. М. 1916. Стр. 601. Ц. 3 р. 50 к.
- Кни.** *Задачи профессиональных союзовъ.* Изд. „Пора“. Саратовъ. 1916. Стр. 12. Ц. 5.
- Кинешемскій календарь** - ежегодникъ на 1916 г. Изд. Кинешемскаго Уѣзд. Земства. Кинешма, 1916. Стр. Ц. 35 к.
- Коганъ, П. С.** *Прологъ. Мысли о литературѣ и жизни.* Изд. Я. М. Нейенбурга. П. 1915. Стр. 63. Ц. 60 к.
- Коллонтай, А.** *Общество и материнство.* 1. Государственное страхование материнства. Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1916. Стр. 641. Ц. 3 р. 50 к.
- Кондратьевъ, Н. Д.** *Развитіе хозяйства кинешемскаго земства Костромской губ.* (Соц. - эконом. и финанс. очеркъ, съ пред. проф. П. П. Мигулина, подъ ред. прив.-доц. А. И. Буковецкаго. Изд. Кинешемскаго Уѣзд. Земства. Кинешма, 1915. Стр. 403. Ц. 1 р. 50 к.
- Королевъ, Владимиръ.** *Всѣмъ скорблящимъ.* Вторая книга призовъ. Изд. автора Ярославль, 1915. Стр. 46. Ц. 55 к.
- Королевъ, Владимиръ.** *Лазурные пражы.* Лирика (1909—1913). Изд. автора. Ялта, 1914. Стр. 56. Ц. 60 к.
- Кожкаревъ, С. Н.** *Сермяжная Русь.* Скл. изд.: Москва, Новая Божедомка, П. М. 1916. Стр. 28. Ц. 20 к.
- Лазаревскій, Борисъ.** *Новыя двуглавыи. Последнія.* Изд. „Лукоморье“ П. 1916. Стр. 251. Ц. 1 р. 50 к.
- Лозинскій, С. Г.** *Царствование Франца - Иосифа.* Политическій очеркъ современной Австріи. Скл. изд. при кажд. кв. скл. „Право“. П. 1916. Стр. 205. Ц. 1 р. 50 к.
- Макъ-Дауголлъ, У.** проф. *Основныя проблемы социальной психологии.* Пер. съ 4 англ. изд. М. Н. Смирновой, подъ ред. Н. Д. Виноградова. Кн-во „Космосъ“. М. 1916. Стр. 281. Ц. 2 р. 50 к.
- Мандельштамъ, О.** *Камень. Стихи.* Изд. „Гиперборей“. П. 1916. Стр. 28. Ц. 1 р. 25 к.
- Мицкевичъ, Адамъ.** *Конрадъ Валленродъ.* Историческая повѣсть. Вступленіе Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Пер. М. Славянскаго. Кн-во „Жизнь и Знание“. П. 1915. Стр. 99. Ц. 60 к.
- Мурашевъ, Петръ.** *Искра въ туманъ.* Разказы Т. I. Скл. изд. въ кн. маг. б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 184. Ц. 1 р. 25 к.
- Отчетъ Нижегородскаго уѣзднаго комитета всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ раненымъ и семьямъ призваннымъ на войну.** На 1-й годъ существованія. Нижній-Новгородъ. 1916.
- Ремизовъ, Алексѣй.** *Укрѣпа.* Слово къ русской землѣ о землѣ родной, тайностяхъ земныхъ и судьбѣ. Изд. „Лукоморье“. П. 1916. Стр. 140. Ц. 1 р. 75 к.
- Ролловъ, Юри.** *Побѣдныя бури.* Думы въ пѣсняхъ. Первая книга. Скл. изд.: Ново-Благословенная ул., Слободской пер., 15, кв. 2. М. 1915. Стр. 63. Ц. 45 к.
- Садовскій, Борисъ.** *Полдень.* Собраніе стихотв. (1905—1914). Изд. „Лукоморье“. П. Стр. 300. Ц. 1 р. 50 к.
- Самозащита.** *Марксистскій сборникъ.* I. Скл. изд. „Земля“ въ Петроградѣ, и „Кн-во Писателей въ Москвѣ“. П. 1916. Стр. 141. Ц. 1 р. 25 к.
- Санжаръ, Надежда.** *Книга о члрвтъкѣ.* Первая. Скл. изд. контора журн. „Вюллетени Лит. и жизни“. М. 1916. Стр. 188. Ц. 1 р.
- Сказки.** *Утѣхи досужія.* Вступ. статья Е. А. Ляцкаго. Изд. „Огни“, П. 1916. Стр. 26. Ц. 2 р.
- Слово. Сб. V.** Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 288. Ц. 1 р. 75 к.
- Стафѣевъ, Георгій.** *Записки съ того свѣта.* Скл. изд. Литер. общ. „Агс“ П. 1916. Стр. 13. Ц. 25 к.
- Тетмайеръ, Казимиръ.** *Карпатскіе разказы.* Т. I. Пер. Вл. Высоцкаго, под. ред. Л. Козловскаго. Кн-во

- Писателей въ Москвѣ. М. 1916
191. Ц. 1 р. 25 к.
- Тренивъ, К. Владыка.** Разказы.
Изд. 2-е. Кн-во Писателей въ Мо-
сквѣ. М. 1915. Стр. 243. Ц. 1 р. 25 к.
- Третья книга отъ Федора Пла-
това.** Изд. „Центрофуга“. М. 1916.
Стр. 69. Ц. 1 р.
- Уильямъ, Дж. Локкъ.** *Случай-
ность.* Романъ, пер. съ англ. З. Жу-
равской. Кн-во „Сѣверные дни“.
М. 1916. Стр. 292. Ц. 1 р. 50 к.
- Уильямъ, Дж. Локкъ.** *Узурпа-
торъ.* Романъ, пер. съ англ.
Г. Журавской. Кн-во „Сѣверные
дни“, М. 1916. Стр. 300.
Ц. 1 р. 50 к.
- Холль Кэйвъ.** *Жена, которую Ты
далъ мнѣ.* Романъ. Т. I. А. Маев-
скаго. М. 1915. Стр. 584.
Ц. 1 р. 75 к.
- Цинбергъ, С. Л.** *Исторія еврейской
печати въ Россіи въ связи съ обще-
ственными теченіями.* Скл. въ кн.
маг. „Эзро“. П. 1916. Стр. 264.
Ц. 1 р. 50 к.
- Шершеневичъ, Вадимъ.** *Автомо-
билья поступь.* Изд. „Плеяды“.
М. 1916. Стр. 86. Ц. 1 р. 25 к.
- Шершеневичъ, Владиміръ.** *Быстръ.*
Монологическая драма. Изд.
„Плеяды“ М. 1916. Стр. 40. Ц. 1 р.
- Шершеневичъ, Владиміръ.** *Зем-
ная улица.* Статьи и замѣтки объ
искусствѣ. Изд. „Плеяды“.
М. 1916. Стр. 131. Ц. 1 р. 25 к.
- Шоловъ, Алексѣй,** прис. пов. *Зна-
менитый ученый на службѣ у ал-
когольнаго капитала.* Изд. автора.
М. 1916. Стр. 26. Ц. 15 к.
- Шретеръ, М. В.** *Пѣсни чижика.*
Книга вторая. Скл. изд. Кн-во
„Сиріусъ“. П. 1915. Стр. 140.
Ц. 90 к.
- Юркувъ, Юръ.** *Разказы.* Изд.
„Лукоморье“. П. 1916. Стр. 254.
Ц. 1 р. 50 к.
- Юшкевичъ, Семень.** *Очерки дѣт-
ства.* Т. VIII. Кн-во „Жизнь и Зна-
ние“ П. 1915. Стр. 252. Ц. 1 р.
- Юшкевичъ, Семень.** *Человѣкъ воз-
духа.* Комедія въ 4 дѣйствіяхъ.
Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916.
Стр. 108. Ц. 1 р.

Издатель А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ А. Ѳ. Радзишевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„Голосъ Минувшаго“.

Ежемесячный
журн. истории
и истории ли-
тературы

подъ редакц.
С. П. Мельгунова и В. И. Семевского. Открыта подписка на 1916 годъ (4-й годъ издания) и продолжается подписка на 1915 г. Журналъ, какъ и въ предшествующіе годы, будетъ имѣть въ виду интересы широкихъ круговъ интеллигентныхъ читателей, обращая внимание на темы, способствующія историческому пониманію текущей жизни. Журналъ иллюстрируется портретами. Подписчики на 1916 годъ имѣютъ право приобрести въ конторѣ журнала на льготныхъ условияхъ историческія книги изданія „Задруга“ (между прочимъ, изданіе „Масонство въ его прошломъ и настоящемъ“ за 18 руб. вм. 21 руб.). Условия подписки: на годъ 12 руб., на $\frac{1}{2}$ года 6 руб. Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка. Подписка принимается: въ конторѣ журнала Москва, М. Никитская, д. 29, кв. 6. — Кн-во „Задруга“, въ Петроградѣ: кн. складъ „Земля“ — Невскій, 55, К-ра журн. „Русскія Записки“ — Баскова, 9, Кн-во „Огни“ — Фонтанка, 60, кв. 2 и кн. складъ „Провинція“ — Стремянная, 6, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

„Извѣстія Московской Городской Думы“.

Въ 1916 году будетъ продолжаться (40-й годъ) изданіе журнала. Журналъ выходитъ ежемесячно книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на три отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: 1) Отдѣлъ Общій, посвященъ разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, 2) Ежемесячный Статистическій Бюллетень по городу Москвѣ съ бесплатнымъ приложеніемъ „Врачебно-Санитарная хроника“ и 3) отдѣлъ „Народное Образование“, въ которомъ помѣщаются статьи по вопросамъ народнаго образования и обзоры дѣятельности въ этой области г. Москвы и другихъ русскихъ, а также и иностранныхъ городовъ. Цѣна журнала съ пересылкой во всѣ города Россіи: Отдѣлъ I: За 12 мѣс. — 4 руб. 40 коп., 6 мѣс. — 2 р. 20 к., 3 мѣс. — 1 р. 20 к., 1 мѣс. — 40 к. Отдѣлъ II: За 12 мѣсяцевъ 4 р. 40 к., 6 мѣс. — 2 р. 20 к., 3 мѣс. — 1 р. 20 к., 1 мѣс. — 40 к. Отдѣлъ III: 12 мѣс. 3 руб., 6 мѣс. — 1 руб. 50 коп. Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы. Телеф. 262-91.

„УРАЛЬСКІЙ КООПЕРАТОРЪ“.

Открыта подписка на 1916-й годъ, на двухнедѣльный общественно-экономическій и литературный журналъ, издаваемый Уральскимъ Союзомъ Потребительныхъ Обществъ. Журналъ, какъ и въ прежніе годы, ставитъ своей главной задачей быть органомъ объединенія уральской кооперативной мысли. Стремясь къ разрѣшенію этой задачи, журналъ будетъ освѣщать всѣ явленія жизни съ демократически-кооперативной точки зрѣнія, преданно служа интересамъ трудящихся массъ. Въ 1916 году въ журналъ будутъ слѣдующіе отдѣлы: Передовыя статьи на мѣстные и общія темы. Обще-экономическій отдѣлъ. Обще-русская кооперативная жизнь. Обще-русская хроника. Мѣстная кооперативная жизнь. Мѣстная хроника. Фельетонъ Корреспонденци. За рубежомъ. Библиографія. Смѣсь. Подписная цѣна: На годъ 3 руб., на $\frac{1}{2}$ года—2 руб., на $\frac{1}{4}$ года—1 руб. Отдѣльный номеръ 15 коп. Съ требованіями на журналъ слѣдуетъ обращаться по адресу конторы изданія: Екатеринбургъ, Уктусская д. № 52.

АРГУСЬ.

Первый и единственный въ Россіи общедоступный художественный ежемѣсячникъ. 4-й годъ изданія. Открыта подписка на 1916 годъ. Цѣна за годъ съ 7 преміями 7 руб.

Все, интересующее широкіе читательскіе круги, „въ Аргусь“. Лучшие писатели. Лучшие художники. Лучшие фотографы-корреспонденты. Въ 1916 году „Аргусь“ предлагаетъ годовымъ подписчикамъ: семь богатыхъ премій, исполненныхъ въ мастерск. поставщ. Двора Е. И. В. Голике и Вильборгъ. Пять картинъ въ краскахъ, исполненныхъ лучшими русскими художниками: 1) И. Билибинимъ, 2) Н. Ре-ми, 3) проф. Н. С. Самокишемъ, 4) Степаномъ Колесниковомъ и 5) О. Шарлеманомъ. Двѣ роскошныхъ гелюграфіи: 6) Подвигъ казака — Н. И. Кравченко. 7) Оскверненная святыня — мециотинто. Первая премія разослана будетъ годовымъ подписчикамъ съ январьскимъ номеромъ „Аргуса“. Подписная цѣна на „Аргусь“ съ семью преміями: 7 р. въ годъ, съ перес. 4 р. на полг., съ перес. Разсрочка: 4 р. при подп., 3 р. въ юнѣ. Подписка на журналъ „Аргусь“ съ преміями принимается во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конторахъ Россійской Имперіи, книжныхъ магазинахъ и въ Главной Конторѣ журнала „Аргусь“. Петроградъ, Сергѣевская, д. 17-б. Редакторъ Вас. Регининъ. Издатель Акц. О-во „Біохромъ“.

Открыта подписка на 1916 годъ на кооперативные журналы изданія Московскаго Союза Потребительныхъ Обществъ.

I.

„Союзъ Потребителей“

Посвященный интересамъ русской коопераціи вообще и потребителей въ особенности. Выходить 48 разъ въ годъ. Всѣ подписчики „Союза Потребителей“ получаютъ бесплатно: 1) Одинъ изъ двухъ популярныхъ кооперативныхъ журналовъ — „Объединеніе“ или Общее дѣло“ по своему выбору и 2) Кооперативный настольный календарь на 1917 г. Подписная плата: за 1 г. — 5 р., за $\frac{1}{2}$ г. — 2 р. 60 к., за $\frac{1}{4}$ 1 р. 40 к., за 1 м. — 50 к.

II.

„Объединеніе“

Общедоступный иллюстрированный кооперативный журналъ VI годъ изданія. Бесплатное приложение: Кооперативный календарь на 1917 г. При отдѣльной подпискѣ подписная плата за годъ 1 р. 50 к.

III.

„Общее Дѣло“

Общедоступный иллюстрированный кооперативный журналъ членовъ потребительныхъ обществъ. Выходить два раза въ мѣсяць. Бесплатное приложение: Кооперативный настольный календарь на 1917 г. При отдѣльной подпискѣ за годъ 1 р. 50 к. Потребительныя Общества, желающія упрочить свое положеніе путемъ поднятія интереса къ Обществу въ средѣ членовъ и окрестнаго населенія, имѣютъ возможность это сдѣлать путемъ выписки за счетъ Общества и раздача членамъ и покупателямъ журналовъ: городскія и рабочія о-ба — „Объединенія“, а сельскія — „Общаго дѣла“. При выпискѣ какого-либо изъ популярныхъ журналовъ по одному адресу въ большомъ количествѣ назначена льготная подписная плата. Отъ 2 до 5 экз. по 1 р. 40 к. за годов. экз., отъ 6 до 10 экз. 1 р. 20 к., отъ 11 до 20 экз. 1 р. 10 к., отъ 21 до 50 экз. 1 р., отъ 51 до 100 экз. по 95 к., отъ 101 до 200 экз. по 90 к., отъ 201 до 500 экз. по 85 к., отъ 501 до 1000 экз. по 80 к. Св. 1000 по 75 к. Подписная плата, начиная отъ 50 экзempl., можетъ быть вносима въ разсрочку по четвертямъ года. Подписка принимается: 1) въ конторѣ редакціи — Москва, Новая Переверденовка, с. д. 2) Кіевъ, Агентура Московскаго Союза, Подоль, Воздвиженская, № 1. 3) Ростовъ-на-Дону, Агентура Союза, Старо-Почтовая, 98 4) Одесса, Агентура Союза, ул. Кондратенко, № 29. 5) Рыбинскъ, Закупочн. пунктъ М. С., уг. Б. и Мал. Казанской, д. Соловьева. Въ лавкахъ потребительныхъ обществъ, въ кооперативныхъ союзахъ, земскихъ кассахъ мелкаго кредита, въ книжныхъ магазинахъ и черезъ почтовыя учрежденія.